

Проспер Мериме.

Литография Ашиля Девериа. 1829 г.

Prosper Merime_Merime P. Pisma k neznakomke

Проспер Мериме

ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ
ДОПОЛНЕНИЯ
ПРОСПЕР
МЕРИМЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПРОСПЕР МЕРИМЕ
ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ
ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ Н. Н. КУДРЯВЦЕВА, А. Д. МИХАЙЛОВ
МОСКВА «НАУКА» 1991

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»
Д. С. Лихачев (почетный председатель),
В. В. Багно, Я. Я. Балашов (заместитель председателя), Я. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Я. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (председатель), Я. А. Жирмунская,
А. В. Лавров, А. Д. Михайлов,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь),
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Я. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт
Ответственный редактор А. Д. МИХАЙЛОВ

м 4700000000-036 042 (02) -91
733-9!, I полугодие
© Издательство «Наука», 1991 г. ISBN 5—02—012725—6 Составление, перевод, статья, примечания

ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ

1

Париж, четверг, <июль 1832),

Письмо Ваше я получил in due time[1]*. Все в Вас —загадка, и Ваше поведение совсем не схоже с тем, как повели бы себя другие смертные при тех же обстоятельствах. Вы едете в деревню — прекрасно; ... значит времени для написания писем у Вас будет предостаточно — дни ведь в деревне долгие, а от безделья только и остается, что писать письма. Вместе с тем беспокойный и бдительный дракон Ваш, избавленный от строгих обязанностей городской жизни, засыпет Вас вопросами, Вы станете получать письма. К тому же получение любого письма — событие-в замке. Хотя о чем это я: писать Вы не можете, но уж получать-то^ письма Вам никто не возбраняет. К Вашим странностям я начинаю привыкать и ничему более не удивляюсь. И сверх того, нижайше прошу пощадить меня и не подвергать чересчур суровому испытанию злосчастное мое к Вам расположение, которое — сам не понимаю каким образом — оправдывает в моих глазах все,

что исходит от Вас.

Сдается мне, что в моем последнем письме я, возможно, слишком был откровенен, описывая Вам мой характер. Один мой друг, старый дипломат и человек весьма тонкий, частенько повторял мне: «Не говорите никогда худого о себе. Ваши друзья сделают это с лихвой». Вот я и начинаю опасаться, как бы Вы не восприняли буквально все худое, что я наговорил о себе. Скромность, вообразите,—наивысшая моя добродетель; я возвел ее в крайность и трепещу, как бы это не навредило мне в Вашем представлении. В другой раз, когда на меня снизойдет вдохновение, я составлю Вам полный перечень всех моих достоинств. Список будет весьма внушительный. Сегодня же я немного нездоров и не решаюсь начать эту «бесконечную прогрессию».

Ни за что не догадаетесь, где я был в субботу вечером и чем занимался в полночь. А был я на площадке одной из башен собора Парижской Богоматери, пил оранжад и ел мороженое в обществе четырех моих друзей и восхитительной луны; вокруг же летала громадная сова и шумно била крыльями. Вот уж поистине зрелище изумительное — Париж в этот час, залитый лунным светом. Он словно город из «Тысячи и

одной ночи», где жители спят зачарованным сном. Парижане же обыкновенно ложатся спать в полночь,—глупцы! Party[12]* у нас была довольно любопытная — представители четырех народностей, и каждый — со своим миропониманием. Досадно только, что кое-кто перед лицом ночного светила и совы почел за долг настроиться на поэтический лад и принялся изрекать банальности. Правда, мало-помалу все утратили ясность ума.

Не знаю уж каким образом и в какой связи этот полупоэтический вечер напомнил мне другой, совсем на него не похожий. Был я как-то на бале, устроенном молодыми людьми из числа моих приятелей, которые пригласили на него всех фигуранток Оперы [4]. До большей части женщины эти глупы, но я заметил, что душевной тонкости в них куда больше, нежели у мужчин того же сословия. Единственный порок, отличающий их от прочих женщин,— бедность. Эти мои заметки, несомненно, долж ным образом Вас просветят. А посему спешу закончить письмо, что должен был бы сделать куда раньше.

Прощайте. И не сердитесь на меня за тот не

---

1 notes: 1

1* в урочное время (англ.).

2 notes: 2

* Зд.: компания (англ.).

слишком лестный автопортрет, который я для Вас сотворил.

2

Париж, <конец июля — 8 августа 1832}.

Женщины редко бывают правдивы и искренни, обыкновенно понятия эти им чужды. Вот и я стал теперь для Вас Сарданапалом [1] лишь потому, что съездил на бал фигуранток Оперы. Вы корите меня за этот вечер, точно я совершил преступление, и еще большим преступлением почитаете, что я позволил себе сказать об этих бедных девушках добрые слова. А я повторяю: дайте им деньги, и Вы увидите, сколь они добродетельны. Но аристократия, воздвигнув неодолимые барьеры между разными классами общества, мешает разглядеть, насколько схоже то, что происходит по одну сторону барьера, с тем, что происходит по другую его сторону. Я хочу рассказать Вам историю из жизни Оперы, которую я узнал от представительниц этого растленнейшего общества. В одном из домов на улице Сент-Оноре жила бедная женщина, никогда не выходившая из крохотной комнатенки под крышей, которую она снимала за три франка в месяц. У нее была двенадцатилетняя дочка — всегда опрятно оде-

тая, замкнутая и молчаливая девочка. Три раза в неделю она выходила из дому среди дня, а возвращалась одна в полночь. Все знали, что она служит фигуранткою в Опере. Как-то раз спускается она к привратнику и просит зажженную свечу. Свечу ей дают. Жена привратника, удивляясь, что девочка не вернулась со свечою, поднялась на чердак и увидела, что женщина лежит мертвая на своем убогом ложе, а девочка старательно сжигает толстую связку писем, вытащенную из большущего сундука. «Матушка умерла нынче ночью и наказала мне сжечь все эти письма, не читая»,—сказала девочка. Она так и не узнала настоящего имени своей матери; в целом свете у нее теперь никого нет, и чтобы зарабатывать на жизнь, придется ей и впредь изображать на сцене обезьянок, дьяволят и коршунов.

В предсмертном напутствии мать просила ее вести праведную жизнь и не оставлять поприще оперной фигурантки. Она, надо сказать, ведет себя в высшей степени разумно, весьма набожна и не пытается никого разясалобить своей историей. Так вот, соблаговолите сказать мне, не заслуживает ли эта девочка во сто крат большего уважения за ту жизнь, какую приходится ей вести, нежели Вы, вкушая редкое счастье насла-

ждаться окружением людей столь безупречных и рафинированных, которые мне в какой-то мере представляются квинтэссенцией целой цивилизации. Скажу откровенно. С низшим сословием я могу общаться лишь изредка, да и то в силу свойственной мне неутолимой тяги познавать все разновидности породы человеческой. И у меня никогда не хватает духа иметь дело с мужчинами из низшего сословия. Есть в них что-то до крайности отталкивающее, особенно у нас во Франции; вот в Испании у меня всегда были друзья среди погонщиков мулов и тореадоров. Я не раз ел из одного горшка с людьми, которых англичанин не удостоил бы взглядом из опасения потерять уважение к себе. Я даже пил из одного бурдюка с каторжанином. Правда, надобно заметить, что ничего кроме этого бурдюка у нас не было, а когда мучает жажда, выбирать не приходится. Не сочтите на этом основании, что меня тянет к разному сброду. Просто я люблю наблюдать иные нравы, иные физиономии, слушать иную речь — только и всего. Голова устроена у всех одинаково, и если отрешиться от всего, что суть условности и правила приличия, можно, думается мне, поучиться жизни не только в гостиных Сен-Жер-менского предместья. Впрочем, для Вас

все это — китайская грамота, не^ чнаю даже, зачем я Вам об этом пишу.

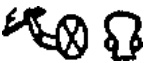
8 августа

Я долго не мог закончить письмо. Матушка моя сильно занемогла, и я был чрезвычайно этим обеспокоен. Теперь же она вне опасности, и я надеюсь, через несколько дней будет и вовсе в добром здравии. Я плохо переношу подобные волнения и в минуту опасности положительно теряю голову.

Прощайте.

P. S. Акварель, которую я предназначал Вам, что-то совсем у меня не выходит, и я нахожу ее настолько скверной, что, верно, не стану и посылать. Но пусть это Вам не помешает подарить мне предназначенный для меня коврик. Постарайтесь выбрать верного курьера. Общеизвестно: никогда не поверяйте своих тайн женщине — рано или поздно вы в том раскаетесь. Знайте также, что зло чаще всего совершается ради одного* только удовольствия его совершить. Освобождайтесь от прекраснодушных идей Ваших и запомните хорошенько, что живем мы на этом свете, дабы бороться со всеми и против всех. В подтверждение моих слов хочу сообщить Вам, что один мой друг, ученый, умеющий читать иероглифы, гово-

рил, что на египетских саркофагах очень часто встречаются два слова: «Жизнь, война»,—таким образом, не я выдумал мудрость, которую*



только что преподал Вам. В иероглифах это выглядит так:

Первый знак означает жизнь; он изображает, насколько я понимаю, вазу, именуемую канопой. А другой изображает щит с рукой, держащей копье. There's science for you [3] [4].

Еще раз прощайте.

3

(Август—сентябрь 1832>.

Mariquita de mi alma[13] (так начал бы я, живи мы в Гренаде), Ваше письмо я получил в минуту меланхолии, когда на жизнь смотришь как бы сквозь темное стекло. Оценку Вашу не назовешь слишком любезною (простите мне такую откровенность), и она отнюдь не улучшила моего настроения. Я хотел было ответить Вам тотчас же, в воскресенье, и мой ответ звучал бы под-

---

3 notes: 3

Это для вас наука {англ.).

4 notes: 4

Миленькая моя Марикита (исп.). [23] прямо без утайки {англ.).

черкнуто сухо. Тотчас же потому, что Вы как бы косвенно упрекнули меня, а подчеркнуто сухо потому, что Вы привели меня в невероятную ярость. Но на первом же слове письма меня прервали, и продолжить я уже не мог. Возблагодарите за это Господа; сегодня же погода прекрасная, и настроение у меня настолько улучшилось, что из-под пера разливаются лишь струи меда и патоки. Потому не буду ругать Вас за те двадцать или тридцать пассажей из последнего Вашего письма, которые оказали на меня столь тягостное действие, что я желал бы их забыть. Прощаю Вас, и с величайшим удовольствием, ибо, несмотря на сильнейший гнев, по совести говоря, я больше, пожалуй, люблю, когда Вы дуетесь, чем когда Вы в ином расположении духа. Над одним отрывком Вашего письма я сидел и смеялся целых десять минут, словно самый счастливый человек на свете. Вы пишете short and sweet[23]: «Моя любовь обещана»—и это без всякой подготовки, нанося удар дубиною сразу вслед за мелкими враждебными выпадами. Вы пишете, что обещали уже свою жизнь, как могли бы пообещать, скажем, контрданс. Превосходно. Сколько я могу понять,

---

3 notes: 3

Это для вас наука {англ.).

я не напрасно тратил время, рассуждая с Вами о любви, о браке и об остальном; Вы все еще — в мыслях или на словах — полагаете, что когда Вам говорят: «Любите, сударь»,— Вы влюбляетесь немедля. Как же обещали Вы жизнь Вашу — на бланке, заверенном нотариусом, или на бумаге, украшенной виньетками? Помню, в лицее я получил записочку от некой белошвейки, украшенную двумя полыхающими сердцами, соединен

ными вот так:	 ;

за ними следовали разные нежные сло

ва. Учитель для начала отобрал у меня записочку, а потом отправил в карцер. Затем предмет сей нарождавшейся страсти нашел утешение в объятиях жестокосердного учителя. Клятвы и обещания смертельно опасны для тех, кому они предназначены. Знаете ли Вы, что, будь любовь

Ваша обещана, я вполне поверил бы, что не полюбить меня Вы просто не можете. Да и как же Вам не полюбить меня, Вам, ничего мне не обещавшей, если первейший закон природы человеческой нам повелевает отвергать все, что

хотя бы отдаленно напоминает обязательство? Да и в самом деле, всякое обязательство решительно скучно по самой своей сущности. И в довершение, будь я менее скромен, я сделал бы из всего сказанного заключение, что раз Вы пообещали кому-то свою любовь, то всенепременно одарите ею меня, которому ничего не обещали. Но шутки в сторону, а говоря о всяческих обещаниях: с той поры, как Вы наотрез отказались от моей акварели, я горю сильнейшим желанием Вам ее послать. Чрезвычайно раздосадованный, я принялся за копию «Портрета инфанты Маргариты» [1] Веласкеса, которую хотел бы Вам подарить. Копировать же Веласкеса — дело совсем непростое, особенно для таких пачкунов, как я. Дважды принимался я за мою «Инфанту» и в конце концов остался ею недоволен больше даже, чем «Монахом». Он, кстати говоря, в Вашем распоряжении. И я пришлю его, лишь только Вы пожелаете. Но его перевозка крайне неудобна. Добавьте к тому, что невидимые силы, которые время от времени забавы ради стараются оборвать наши отношения, распрекрасно могут оставить мою акварель у себя. Утешает меня лишь то, что она очень уж нехороша, и надобно быть мною, чтобы ее создать, и Вами, чтобы возжелать ее. Итак, я жду Ваших

приказаний. Надеюсь, что к середине октября Вы будете в Париже. В эту пору я могу распоряжаться собою недели две, а то и дней двадцать. Мне не хотелось бы оставаться во Франции, давно уже я намереваюсь посмотреть картины Рубенса и Антверпене[2] и побывать в Амстердамской галерее[3]. Но если я буду уверен, что встречусь с Вами, я с легким сердцем откажусь и от Рубенса и от Ван-Дейка. Как видите, жертвы для меня ничего не стоят. Я не бывал в Амстердаме. Однако ж решайтесь. Ваше тщеславие тотчас подскажет Вам: «И это называется жертвой — предпочесть меня толстым, белотелым, пропахшим селедкою фламандкам, да еще неживым, на полотне!» Да, это — жертва и очень для меня большая. Я жертвую вполне определенным — удовольствием (в моем случае крайне острым) от созерцания полотен мастеров ради весьма эфемерной надежды на то, что Вы мне эту утрату возместите. Заметьте при этом — я исключаю возможность, что Вы мне не понравитесь, хотя я могу не понравиться Вам, и тогда как же горько придется мне оплакивать мои изыскания и моих фламандских толстух.

Вы кажетесь мне набожною и даже суеверною. Я вспомнил сейчас прелестную маленькую гренадку, которая, садясь на мула и собираясь в путь

по горам Ронды[4] (излюбленные места грабителей), благоговейно целовала большой палец и пять-шесть раз била себя в грудь; после этого, считала она, воры уже не появятся, лишь бы только Ingles * (то есть я),—а всякий путешественник для них англичанин [5],—не слишком разгневал Богородицу и пресвятых угодников, поминая их всуе. А эта скверная манера неминуемо появляется на плохих дорогах, когда надо

понукать лошадей. Вспомним хотя бы Тристрама Шенди[6]. Мне очень нравится рассказанная Вами история о портрете ребенка. Слабость Ваша и склонность к ревности — достоинства у женщины, но недостатки у мужчины. Мне же присущи обе эти черты. Вы спрашиваете меня, каким делом я теперь занят. Следовало бы Вам рассказать о характере моем, да и вообще о моей жизни, о чем никто не догадывается, ибо я еще не встретил никого, кто внушил бы мне достаточно доверия. Возможно, когда мы будем видеться часто, мы станем друзьями, и Вы узнаете меня; для меня не было бы блага выше, нежели иметь человека, которому я мог бы поведать все мысли мои — и прошлые, и нынешние. У меня портится настроение, а на такой ноте письма заканчивать негоже. С величайшим нетерпением жду от Вас

ответа. Будьте настолько великодушны, чтобы мне не пришлось долго его ждать.

Прощайте; не будем больше ссориться и станемте друзьями. Почтительнейше целую руку, протянутую Вами в знак мира.

4

Париж, ,<сентябрь-октябрь 1832>.

Ваши упреки доставляют мне несказанное удовольствие. Право же, я избранник фей. Я часто спрашиваю себя, что же я для Вас и что Вы для меня. Ответа на первый вопрос я не знаю; касательно же второго, сдается, я люблю Вас, как четырнадцатилетнюю племянницу, которая отдана мне на воспитание. Относительно Вашего высоконравственного родича, каковой честит меня почем зря,— он напоминает мне Твако-ма \ то и дело повторяющего: «Сап any virtue exist without religion?» [5] Читали ли Вы «Тома Джонса» — книгу, столь же безнравственную, как все мои опусы, вместе взятые. Если бы Вам запретили читать ее, Вы бы непременно прочли. Ну и забавное воспитание дают у вас в Англии! Какие плоды оно приносит? Долго-долго, до хрипоты

---

5 notes: 5

Какая же добродетель может быть без веры? (англ.).

наставляют девицу на путь истинный, а в результате оная девица только и мечтает, как бы познакомиться с безнравственным негодяем, к которому воспитатели льстили себя надеждою привить ей отвращение. До чего восхитительна всем известная история со змеем! Хотел бы я, чтобы леди М-р [2] прочла это письмо. К счастью, на десятой строчке она упала бы в обморок.

Перевернув страницу, я перечел написанное, и мне показалось, что в рассуждениях моих не видно ни связности, ни последовательности. Позор! Но я пишу, следуя ходу мыслей, а коль скоро мысль опережает перо, приходится опускать все логические переходы. Надобно бы мне, пожалуй, последовать Вашему примеру и вымарать всю первую страницу, но для меня предпочтительнее оставить ее Вам, чтобы Вы могли делать из нее выводы и папильотки. Должен также признаться, что на сей момент я занят чрезвычайно хлопотами об одном интересующем меня [г] деле, которое — к стыду своему, признаю — плотно занимает половину моих мыслей, тогда как другая половина всецело поглощена Вами. Ав~ топортрет Ваш пришелся мне весьма по душе» По-моему, Вы не слишком старались себе польстить, да и вообще все, что я до сих пор знаю о Вас, решительно мне

нравится.

Я изучаю Вас с живейшим интересом. У меня есть своя теория о значении мельчайших пустяков, будь то перчатки, туфли, локоны и пр.; все это крайне для меня важно, ибо я обнаружил, что существует некая связь между характером женщины и минутными ее прихотями (или вернее — сочетание мыслей и рассуждений), которая и побуждает ее выбрать, скажем, ту или иную материю. Так, к примеру, мир обязан мне открытием, что женщина, предпочитающая носить голубые платья, кокетлива и любит проявлять чувствительность. Представить тому подтверждение не составляет никакого труда, но это было бы слишком долго. Как, скажите, послать Вам мою скверную акварель, которая больше этого листа и которую не сложить и не свернуть рулоном? Подождите, пока я изображу нечто более миниатюрное и смогу переслать Вам в письме.

Третьего дня я совершил прогулку по реке. По ней сновало множество лодок под парусом, в которых сидели люди всех званий и сословий. Встретилась мне и одна большая лодка, где сидело несколько женщин (довольно низкого пошиба). В определенном месте все эти лодки пристали к берегу, и из самой большой вышел

мужчина лет сорока, с барабаном, в который он забавы ради бил. Пока я с восторгом наблюдал, сколь велико чувство ритма у этого зверя, к нему подошла женщина лет двадцати трех, обозвала его чудовищем, заявила, что следует за ним от самого Парижа и что если он не возьмет ее в свою компанию, придется ему в том раскаяться. Все это происходило на берегу, шагах в двадцати от нашей лодки. Человек с барабаном не переставая играл все время, пока брошенная им женщина выкрикивала гневные слова, а затем весьма флегматично объявил, что не желает ее видеть в своей лодке. Тогда она перескакивает в лодку, стоящую дальше всех от берега, и кидается в реку, немилосердно всех нас обрызгав. Невзирая на то, что у меня потухла сигара и как я, так и друзья мои были крайне возмущены ее поведением, мы тотчас вытащили ее, так что она не успела проглотить и двух стаканов воды. Сам же неотразимый предмет столь жгучего отчаяния даже не шевельнулся — только пробормотал сквозь зубы: «А чего ее тащить, раз сама утопиться хочет?» Мы отнесли женщину в кабачок, а коль скоро час был поздний и близилось время ужина, мы препоручили ее заботам хозяйки.

Как это получается, что наиболее безразличные

мужчины больше всего любимы? Вот о чем я думал, спускаясь вниз по Сене, вот о чем я думаю и теперь и прошу Вас объяснить мне, если Вам известен ответ на этот вопрос.

Прощайте. Пишите мне чаще, будемте друзьями и простите бессвязность моего письма. Когда-нибудь я объясню Вам причину.

5

25 сентября <1832>.

Ваше письмо застало меня в скверном состоянии: я хвораю, расположение духа — хуже некуда, да и дела наискучнейшие отнимают у меня все время, так что лечиться возможности нет. Вполне вероятно, что у меня — воспаление легких, оттого и настроение такое дурное. Однако ж я намереваюсь поухаживать за собою и через несколько дней выздороветь.

Решение мое созрело. Я остаюсь на октябрь в Париже, надеясь, что и Вы приедете сюда. Встретитесь Вы со мною тогда или не встретитесь — это уж как пожелаете. Вина вся ляжет на Вас. Вы говорите об особых причинах, мешающих Вам со мною свидеться. Я уважаю тайну и не стану требовать у Вас объяснений. Я лишь прошу сказать мне really truly если у Вас имеются на то какие-то

мотивы. Быть может это ребячество, не более? А возможно Вам наговорили обо мне дурного, и Вы все еще под этим впечатлением. Но напрасно Вы мен^ боитесь. Природная осторожность, без сомнения, в большой мере влияет на Ваше нежелание видеть меня. Однако ж не тревожьтесь: влюбляться в Вас я не стану. Несколькими годами раньше такое могло бы еще случиться, ныне же я слишком стар и слишком был несчастлив. Влюбиться я бы уже не мог, ибо фантазии мои привели меня к немалым desenganos [2]* в любви. Чувствуя, что вот-вот влюблюсь *, я уехал в Испанию[2]. Это был один из благороднейших поступков в моей жизни. Особа, из-за которой я отправился в путешествие, так ничего и не узнала. А меж тем, оставшись, я совершил бы, верно, величайшую глупость: я предложил бы женщине, достойной всяческого счастия, какое только бывает на этом свете, повторяю, я предложил бы ей в обмен на утрату всего, что ей дорого,— лишь нежность, которую сам я ни в коей мере не считал равною той жертве, какую она, возможно, согласилась бы принести. Вы помните мою заповедь: «Любовь извиняет все, только надобно твердо знать, что она есть». Можете не сомневаться: это правило куда тверже

тех, какие проповедуют Ваши друзья-методисты. Вывод же таков: я рад был бы встретиться с Вами. Быть может Вы приобретете истинного друга, а я, быть может, найду в Вас то, что давно уже ищу,— женщину, в которую я не влюблен, но к которой могу питать доверие. И тогда мы оба, возможно, выиграем от более близкого знакомства. Однако ж поступайте, как подсказывает Вам величайшая Ваша осторожность.

«Монах» мой совсем готов. При первой же оказии я непременно пошлю Вам и самого «Монаха» и раму к нему. А вот «Инфанта» не готова и слишком не удалась мне с самого начала, чтобы тратить на нее еще время, а потому она так и останется неоконченной и послужит мне подлокотником, когда я буду рисовать для Вас, ежели представится свободное время. Я сгораю от нетерпения увидеть поскорее сюрприз, какой Вы мне приготовили, но сколько ни ломаю голову, догадаться так и не [6] могу. В письмах к Вам я пренебрегаю переходами, столь необходимыми с точки зрения стилистики. Боюсь, как бы это письмо не показалось Вам и вовсе бессвязным. А происходит все оттого, что, когда я пишу фразу, в

---

6 notes: 6

* со всею прямотой (англ.). r* разочарованьям (исп.).

голове у меня уж созрела вторая, порождающая третью прежде, нежели вторая закончена. Нынче вечером я чувствую себя совсем скверно. И если Вы обладаете влиянием на небесах, похлопочите, чтобы мне было отпущено немного здоровья или хотя бы смирения, ибо я — самый докучный в мире больной и порчу настроение даже лучшим друзьям моим. Когда, лежа на диване, я с удовольствием думаю о Вас и о таинственном нашем знакомстве, мне кажется, что я был бы безмерно счастлив беседовать с Вами вот так же— перескакивая с пятого на десятое,— как я это делаю в письмах; учтите при этом, что слова обладают преимуществом растворяться в воздухе, тогда как написанное остается навечно.

Впрочем, меня нимало не тревожит мысль, что письма мои в один прекрасный день будут изданы — при жизни или посмертно. Прощайте; посочувствуйте мне. Хотелось бы набраться смелости и рассказать Вам о тысяче разных вещей, портящих мне жизнь. Но как говорить на таком расстоянии? Когда же Вы приедете? Еще раз прощайте. Как видите,— если сердце у Вас к тому лежит,—написать мне Вы вполне еще успеваете.

P. S. 26 сентября. Сегодня на душе у меня еще тоскливее, чем вчера. И чувствую я себя хуже

некуда. Но если Вы сами не познали, что такое гастрит, едва ли Вы поймете, что это за боль, блуждающая, но в то же время страшно острая. Особенность болезни этой в том, что она действует на всю нервную систему. Как бы мне хотелось быть рядом с Вами, в деревне — уверен, что Вы излечили бы меня. Прощайте. Если в нынешнем году я умру, Вам останется сожалеть, что Вы так со мной и не познакомились.

6

(Октябрь 1832).

А знаете, кое-когда Вы можете быть вполне любезны! И говорю я это не за тем, чтобы уязвить Вас под видом сомнительного комплимента,— просто мне очень бы хотелось почаще получать от Вас письма, похожие на последнее. Однако, к несчастью, Вы не всегда ко мне так милостиво расположены. Я не ответил Вам ранее, так как Ваше письмо попало ко мне лишь вчера вечером, по возвращении моем из одной небольшой экспедиции \ Четыре дня я провел в полнейшем одиночестве, не встретив ни одного мужчины, а уж тем более женщины, ибо я не могу назвать мужчинами и женщинами тех двуногих, кои обучены по приказу подавать еду и питье. В уеди-

нении я размышлял о материях весьма грустных — о себе самом, моем будущем, о друзьях моих и т. д. Но когда бы мне пришло в голову ждать от Вас письма, мысли мои приняли бы совсем иное направление. «Мне хватило бы счастья по меньшей мере

на неделю». Я в высшей степени восхищен Вашей поездкою к этому славному г. В<алльями>[78]. Смелость Ваша восхищает йена необыкновенно. Я никогда не почел бы Вас способною на такой eapriclio[1]* и люблю Вас за это еще более. Не могу скрыть, что память о Ваших splendid black eyes[8]* в большой, вероятно, мере способствует моему восхищению Вами. Однако ж я уже старик и к красоте почти бесчувствен. Я твержу себе, что «это ничего не портит», но уверяю Вас: услышав от одного весьма разборчивого мужчины, что Вы очень красивы, я не мог побороть печали. Вот почему (прежде всего уверьтесь, что я нимало не влюблен в Вас) я так чудовищно ревную, ревную к друзьям моим и огорчаюсь, представляя себе, как Ваша красота привлекает к Вам внимание и делает предметом забот множества людей, кото-

---

7 notes: 7

* каприз (ит.).

8 notes: 8

** чудесных черных глазах (англ.).

рые не в состоянии оценить Вас по достоинству и видят лишь то, что меня лично занимает всего менее. Говоря по совести, я впадаю в полнейший мрак, думая о церемонии, на которой Вам предстоит присутствовать. Ничто не вгоняет меня в такую меланхолию, как бракосочетание. Турки, торгующие женщину точно жирного барана, куда лучше нас, скрывающих за завесою лицемерия — увы, столь прозрачною — свой постыдный торг. Я часто думал, что мог бы я сказать женщине в первый день после свадьбы, я не находил ничего подходящего,— разве что похвалил бы ее ночной чепец. К счастью, дьявол должен оказаться бестией очень тонкой, чтобы приобщить меня к празднеству такого толка. Роль женщины куда проще, нежели роль мужчины. Сегодня, скажем, она берет за образец Ифи-гению Расина, но стоит ей чуть-чуть понаблюдать — и сколько странных вещей откроется ее взору! — Вы расскажете мне, удался ли праздник. За Вами будут ухаживать и намекать Вам на возможность семейного счастия. Андалузцы в припадке гнева говорят: «Mataria el sol e punala-dos si no fiese por miedo de deyar el mundo a oscuras!» [9]*

---

9 notes: 9

* Я убил бы солнце ударом кинжала, когда бы не страх погрузить мир во тьму (исп.).

Начиная с 28 сентября, дня моего рождения, меня преследует непрерывная череда мелких неприятностей. Добавьте к тому, что грудь моя болит все сильнее и чувствую я себя прескверно. А посещу путешествие в Англию я отложил до середины ноября. Если Вы не желаете видеть меня в Лондоне, придется от надежды этой отказаться, но посмотреть, как пойдут выборы, я все же хочу. Я скоро настигну Вас в Париже, где нас столкнет случай, если Вы будете упорствовать в том, чтобы со мною не встречаться. Все Ваши доводы неубедительны — их и опровергать не стоит, тем паче, что сами Вы хорошо понимаете, сколь они неубедительны. Вы просто смеетесь надо мною, когда так мило говорите, что боитесь меня. Вам известно, что я уродлив, чрезвычайно капризен, вечно рассеян, люблю подразнить и бываю совершенно несносен, когда дурно себя чувствую. Что же тут может Вас тревожить? Будьте покойны, Вы никогда в меня не влюбитесь. И столь утешающие предсказания Ваши исполниться никак не могут. Пифией[9] Вы не рождены. Меж тем,

но совести говоря, мои шансы умереть в этом году сильно возросли. За Ваши письма не тре-

9 notes: 9

* Я убил бы солнце ударом кинжала, когда бы не страх погрузить мир во тьму (исп.).

вожьтесь. Все написанное, что находится в моей спальне, после смерти моей будет сожжено; но из желания Вас позлить я откажу Вам в завещании рукопись продолжения «Гюзлы»[4], которая столь Вас позабавила. В Вашей натуре есть и ангельское и демоническое, последнего, однако ж, много больше. Вы называете меня соблазнителем. Попробуйте отрицать, что слово это подходит более Вам, нежели мне! Разве не Вы бросили мне приманку, мне —бедной рыбешке, и теперь, когда я проглотил крючок, заставляете меня плясать между небом и водою, покуда Вам не надоест и Вы, устав от забавы, не перережете леску; я же тогда останусь с крючком во рту и уж никогда не найду своего рыбака. Я премного благодарен за откровенность, с какою Вы признались, что прочли письмо, которое написал г. В<алльями> и просил мне передать. А я в том и не сомневался, ибо со времен Евы все женщины одинаковы. Разумеется, неплохо было бы, чтобы письмо это оказалось поинтереснее, но я полагаю, что, невзирая на очки, которые носит г. В<алльями>, Вы не отказываете ему в известном вкусе. Я становлюсь злым, когда дурно себя чувствую. Думая о schizzo[4*], который Вы обещали,— хотя этого обещания я у Вас не вырывал,— я чувствую, как

сердце мое смягчается. Жду schizzo с величайшим благоговением. Прощайте, nina de mis ojos[5]*, обещаю никогда в Вас не влюбляться. Да я и не хочу влюбляться, я хочу лишь иметь другом женщину. И если мы будем часто видеться и если Вы такая, какою я Вас \себе представляю, я проникнусь к Вам подлинной и платонической дружбою. Так что постарайтесь сделать так, чтобы мы свиделись, когда Вы будете в Париже. Неужели надо ждать ответа в течение долгих дней? Еще раз прощайте. Посочувствуйте мне, ибо настроение у меня прескверное, и на то имеется тысяча причин.

7

Октябрь 1832у.

Леди М.[1] сообщила мне вчера, что Вы собираетесь замуж [2]. Коль скоро это так, сожгите мои письма; я сожгу Ваши — и прощайте. Я ведь уже говорил Вам о . моих принципах. Они не позволяют мне сохранять отношения с дамой, которую я знавал в девичестве, и с вдовой, которую я знавал в замужестве. Я заметил, что стоит измениться гражданскому статусу женщины, как тотчас меняются и отношения ее с внешним миром, да притом всегда к худшему. Словом, плохо ли,

хорошо ли, но я не могу пережить, когда приятельницы мои выходят замуж. Итак, если Вы выходите замуж, забудемте друг друга. И я заклинаю Вас не прибегать более к обычным Вашим уловкам и ответить мне вполне откровенно.

Нижайше довожу до Вашего сведения, что начиная с 28 сентября нахожусь во власти различных досадных и неприятных обстоятельств. [1011]

А теперь еще и брак Ваш гонением судьбы обрушился на меня. Прошедшей ночью я не мог уснуть и принялся перебирать в уме все беды, какие свалились на меня в последние две недели; единственное, что хоть сколько-нибудь меня утешило, это любезное Ваше письмо и не менее любезное обещание прислать мне schizzo. Как это хорошо в такую минуту, когда я жажду пронзить кинжалом солнце, по выражению андалузцев. Mariquita de mi vida[1*] (позвольте уж мне звать Вас так до Вашей свадьбы), я владел великолепным камнем, изумительной огранки, блеска, игры — словом, восхитительным во всех отношениях. Я полагал его бриллиантом, который не променял бы на все сокровища Великого Могола[3]. И

---

10 notes: 10

[4*] наброске (ит.).

11 notes: 11

свет очей моих (исп.).

что же! Он оказался подделкой[4]. Один мой друг, химик, определил это. Представьте себе только, каково было мое разочарование. Сколько времени я радовался мнимому этому бриллианту и благословлял случай, который помог мне его отыскать.

А теперь мне придется столько же времени (и даже больше) привыкать к мысли, что камень этот всего лишь подделка.

Разумеется, это не более, как притча. Третьего дня я ужинал с вышеупомянутым фальшивым бриллиантом и вел себя отвратительно. Должен заметить, что когда я зол, я неплохо владею такой риторическою формой, как «ирония»,—вот я и закатил речь, где в самых выспренных выражениях и с ледяным хладнокровием перечислил необыкновенные, достоинства бриллианта. Говоря по совести, сам не знаю, зачем я все это Вам рассказываю! Тем более ежели вскоре нам предстоит расстаться. А покуда я Вас по-прежнему люблю и вверяю себя Вашим молит вам,— nymph in thy orisons [1213]* [5] и пр.

В будущую пятницу Ваш рисунок отбудет с

---

12 notes: 12

** Моя добрая Марикита (исп.).

13 notes: 13

* в своих молитвах, нимфа (англ.).

нарочным в Лондон и вг воскресенье, верно уж, будет там. Во вторник Вы можете послать за ним к г. В<алльями>, на Пэлл-Мэлл [6].

Простите мне это безумное письмо: в голове у меня — одни неприятности.

8

<Октябрь 1832).

Любезная моя подруга!

Мы с такой нежностью стали относиться друг к другу. Вы называете меня «Amigo de mi alma» [11], что звучит так красиво в устах женщины. Вы ничего не пишете о Вашем здоровье. В предпоследнем письме Вы говорили, что подруга моя нездорова, и Вы должны бы понимать, как я встревожился. В будущем постарайтесь быть точнее. Сколь это в Вашем характере — жаловаться на какие-то мои недомолвки, в то время как сами Вы и вовсе — тайна! Что Вам еще хочется знать об истории с бриллиантом — разве что его имя! Возможно,--некоторые подробности, но их было бы утомительно описывать; они, быть может, развлекут Вас

как-нибудь, когда мы будем сидеть друг против

---

11 notes: 11
свет очей моих (исп.).

друга в креслах у камина и не найдем темы для беседы. Послушайте лучше, какой сон я видел две ночи тому назад — попробуйте истолковать его без всякой утайки. Methought[14]*, будто мы с Вами в Валенсии, в чудесном саду, где деревья сгибаются под тяжестью апельсинов, гранатов и пр. Вы сидите на скамье, стоящей подле изгороди. Перед Вами высится стена, футов шести высотою, отделяющая наш сад от соседнего, расположенного много ниже. Я стою против Вас, и мы беседуем, как мне кажется, на валенсийском диалекте.— Nota bene[15]*, диалект этот я разбираю с большим трудом. На каком только языке не говорят во сне, когда говорят на языке незнакомом! От безделья, да и по обыкновению своему, я, взобравшись на камень, заглядываю в соседний сад. Там тоже под стеною стоит скамья, на которой сидит кто-то вроде валенсийского садовника и играет на гитаре, а мой бриллиант слушает его. Картина эта тотчас портит мне настроение, но я сначала и виду не подаю. Бриллиант мой, .подняв голову, с удивлением замечает меня, однако не двигается с места и ничем не выдает своего замешательства.

---

14 notes: 14

* Мнилось мне {англ.).

15 notes: 15

* Заметьте {лат.).

По истечении некоторого времени я слезаю с камня и говорю Вам самым естественным тоном, не упоминая ни словом о бриллианте, что мы можем чудеснейшим образом пошутить — бросить через стену камень побольше. Камень оказывается чертовски тяжелым. Вы весьма старательно принимаетесь помогать мне, не задав притом ни одного вопроса (что на самом деле невозможно); и вот, пихая камень, мы наконец взгромождаем его на верхушку стены и только собираемся его столкнуть, как вдруг стена колеблется, обрушивается, и мы оба надаем вместе с камнем и с обломками стены. Дальнейшее осталось для меня загадкою, ибо тут я проснулся. Посылаю Вам рисунок^ дабы Вы явственнее представили себе эту сцену. Лицо садовника — к величайшей досаде — я разглядеть не сумел.

Последнее время Вы очень со мною любезны — я то и дело повторяю это Вам. И Вы прелюбезно ответили на вопрос, который я задал в последнем моем письме. Нечего и говорить, сколь приятен мне был Вдш ответ. Вы даже сообщили — быть может, невольно — немало сведений, которые доставили мне удовольствие, а главное, что муж дамы, похожей на Вас, вызвал бы в душе Вашей истинную жалость. Я этому верю без труда и хочу

добавить, что самым несчастным человеком на свете будет тот, кто Вас полюбит. В дурном настроении Вы, верно, холодны, ироничны и неодолимо горды, что мешает Вам сказать: «Я неправа». Добавьте к тому Вашу энергическую натуру, которая побуждает Вас презирать слезы и жалобы. Если с течением времени и силою обстоятельств мы сделаемся друзьями, тогда увидим, кто из нас двоих сумеет больше мучить другого. От одной лишь мысли о том у меня волосы встают дыбом. Верно ли я понял Ваше «но»? И поверьте, что, невзирая на решимость Вашу, нити, связующие нас, переплелись слишком уже крепко, и потому мы не можем не встретиться однажды в свете. Я умираю от желания побеседовать с Вами. И мне кажется, я был бы идеально счастлив, знай я, что нынче вечером увижу Вас.

Кстати говоря, Вы ошибаетесь, подозревая г. В<алльями> в любопытстве. Даже будь оно равным Вашему,— что никак невозможно,— г. В<алльями>, как истинный Катон *, никогда не позволил бы себе взламывать печати. Так что вложите schizzo [16]* в конверт, скрепленный печатями, и не опасайтесь нескромности г. В<ал-

16 notes: 16

* набросок (иг.).

льями>. Как хотелось бы мне* видеть Вас в тот миг, когда Вы писали: «Amigo de mi alma» [17]*.

Заказывая для меня Ваш портрет, повторяйте про себя эти слова вместо: «озеро—озеро», как говорят обыкновенно дамы, стараясь придать своим губам изящную округлость. Сделайте же так, чтобы мы увиделись, не таясь, как добрые друзья. По-видимому, Вам будет неприятно узнать, что чувствую я себя прескверно и чудовищно скучаю. Приезжайте поскорее в Париж, милая моя Марикита, и влюбите меня в себя. Тогда я перестану скучать, зато Вы, в наказание, будете страдать от моих приступов хандры. С некоторых пор в Вашем почерке чувствуется утомление, и письма стали короче. Я, однако ж, ничуть не сомневаюсь, что* Вы никого не любите и не полюбите никогда. А вот в теории разбираетесь вполне.

Прощайте; от всего сердца желаю Вам пребывать в добром здравии, быть счастливой, не выходить замуж и приехать в Париж, чтобы мы сделались друзьями.

---

17 notes: 17

* Друг сердечный (иг.).

[1]* Миленькая моя Марикита (исп.).

9

<Ноябрь>.

Mariquita de mi alma [18], я крайне опечален известием о Вашем нездоровье. Надеюсь, когда письмо это дойдет до Вас, Вы уже совсем поправитесь и сможете писать мне более подробные письма. Последнее была столь огорчительно кратко и столь сухо, что я, мирившийся ранее с Вашей сухостью, теперь переживаю ее острее, чем Вы можете себе представить. Пишите по-подробнее и о предметах приятных. Что у Вас за недомогание? Какие-то неполадки со здоровьем или страдания душевные? В последнем письме Вашем промелькнуло несколько фраз, таинственных, по обыкновению, но все же проливающих некоторый свет на Ваше состояние. Однако, между нами говоря, я не верю, что Вы способны еще чувствовать радости, даруемые той частицею организма, какая зовется сердцем. Вы все радости и горести переживаете разумом, на 46-м градусе широты [1] то, что зовется сердцем, дает о себе знать лишь к двадцати пяти годам. Сейчас Вы нахмурите Ваши красивые черные

---

18 notes: 18

львица, хоть и прирученная {англ.).

брови и скажете: «Этот наглец сомневается, что у меня есть сердце!» — ибо иметь его нынче модно. С той поры, как появилось столько страстных -г- или претендующих быть таковыми — романов и поэм, все женщины полагают, будто у них есть сердце. Запаситесь терпением. Когда Вы взаправду почувствуете голос сердца, Вы поделитесь со мною своими впечатлениями. Как же горько станете Вы оплакивать то золотое время, когда Вы жили одной лишь головою, и как неотвратимо убедитесь в том, что нынешние Ваши беды ранят не более, чем булавочные уколы, в сравнении с ударами кинжала, какие дождем посыпятся на Вас, когда придет время страстей.

Я все жалуюсь на последнее Ваше письмо, а меж тем оно содержит нечто донельзя любезное — формальное обещание великодушно прислать мне Ваш портрет. Обещание сие крайне меня порадовало, и не только потому, что я лучше Вас узнаю, но главное потому, что тем Вы выказываете возросшее ко мне доверие. Я продвинулся в нашей дружбе и рукоплещу себе. Так этот портрет — когда же я его получу? Хотите передать его мне из рук в руки? Я приеду за ним. Или Вам предпочтительнее передать его г. В<алльями>, который, не проявив ни малейшей нескром-

ности, перешлет его мне? Ни он, ни жена его не должны вызывать у Вас опасений. Я предпочитал бы получить портрет прямо из Вашей белоснежной ручки. В Лондон я отправлюсь в начале будущего месяца [2]. Собираюсь поглядеть на выборы, полакомиться в Блэкуолле[3] white-bait fish[2]*; схожу посмотреть картоны Хэмптон-Корта[4] и после этого вернусь в Париж. Если бы я мог увидеть Вас, я был бы вполне счастлив,, но не смею на это надеяться. Как бы там ни было, если Вы в самом деле намереваетесь послать schizzo[3]* в пакете на имя г. В<алльями>, равно как и Ваши письма, я в самом скором времени получу все это, ибо буду в Лондоне, по всей видимости, 8 декабря. Хочу попенять Вам на Ваше любопытство и нескромность — зачем же Вы распечатали письмо г. В<алльями>, но, говоря по совести, в Вас есть недостатки, которые мне нравятся, в их числе — любопытство да и многое другое. Я очень опасаюсь, как бы при частых встречах я не стал раздражать Вас, а Вы меня все сильнее притягивать. Представляю себе, что выражение Вашего лица в этот момент стало весьма свирепым — a lioness though tame[4]*.

Прощайте; тысячу раз целую таинственные Ваши ножки.

10

(Ноябрь 1832>.

Всенепременно, всенепременно пошлите г. В<алльями> то, чего я так давно уже жду. И присовокупите письмо, подробное письмо, ибо если Вы напишете мне на парижский адрес, я могу с ним разминуться. Предупредите г. В<алльями>, чтобы он оставил у себя и письмо, и пакет, я же собственной персоною приеду к нему в конце будущей недели. А еще любезнее с Вашей стороны было бы,— но Вы о том не пишете ни слова,— сообщить, где и как мы могли бы увидеться. Впрочем, я на это уже не надеюсь и, слишком хорошо зная Вас, не жду такого прояв- 1918 ления отваги. Полагаюсь я лишь на случай, который, быть может, сделает меня обладателем талисмана или даст мне в руки волшебную нить.

Пишу Вам, лежа на диване, совсем больной, цвета выжженного солнцем луга,— это я такого цвета, а не диван. Надобно Вам знать, что так на меня действует море и что the glad waters of

---

19 notes: 19

[2]* мальками {англ.), набросок (ит.).

18 notes: 18

львица, хоть и прирученная {англ.).

the dark blue sea ** приятны мне, лишь когда я смотрю на них с берега. Первое путешествие мое в Англию [1] окончилось для меня столь плачевно, что я добрых две недели не мог обрести привычный цвет лица — цвет бледного коня из Апокалипсиса. Как-то раз ужинал я, сидя напротив госпожи В<алльями>, и она вдруг вскричала: «Until today I thought, you were an Indian» [2021]*. Не пугайтесь и не принимайте меня за привидение.

Простите, что я снова говорю с Вами о бриллианте. Какие чувства -могут возникнуть у человека, который ничего не смыслит в камнях и которому ювелиры говорят: «Это камень фальшивый»,— когда, на его

взгляд, камень сверкает восхитительно; нет-нет да и задумается обладатель камня: «А что если ювелиры ничего не смыслят в бриллиантах! А что если они ошиблись или решили меня обмануть!» Вот так и я — гляжу время от времени (как можно реже) на свой бриллиант, и всякий раз мне кажется, что это — самый подлинный

---

20 notes: 20

[!]* радующие глаз воды синего моря (англ.).

21 notes: 21

* До сего дня я считала вас индийцем (англ.).

** набросок (ит.).

Вот в чем вопрос (англ.).

по всем статьям бриллиант. Жаль, что я не могу иметь заключение ученых химиков. Что Вы на это скажете? Если бы мы увиделись, я разъяснил бы Вам все неясные места этой истории, и Вы дали бы мне добрый совет или — что было бы, наверное, во сто крат лучше — помогли бы забыть мой камень, будь он подлинный или фальшивый, ибо нет на свете бриллианта, который выдержал бы сравнение с парою прекрасных черных глаз. Прощайте; у меня ужасно разболелся левый локоть, на который я опираюсь, царапая эти строки; и потом, Вы не заслуживаете того, чтобы писать Вам три страницы мелким почерком. Вы присылаете мне всего несколько строк, написанных размашистой рукою, притом две из трех этих строк приводят меня обыкновенно в ярость.

И

(Ноябрь 1832>.

Милая Марикита, Вы прелестны, слишком.даже прелестны. Я только что получил schizzo **. И теперь располагаю Вашим портретом, а стало быть, и доверием, что составляет для меня двойное счастье. Посылая портрет, Вы, верно, пребывали в добрейшем расположении духа, ибо написали мне длинное и милое письмо; есть в

нем лишь один недостаток — решение Ваше так и осталось неизвестным. Увижу я Вас иль нет? That is the question[21]*1. Я-то хорошо знаю ответ, но Вы все медлите решиться. Всю жизнь Вас снедает — и так оно всегда будет — противоречие между натурой Вашею и монастырским воспитанием — в этом все зло.

Если Вы не позволите мне нанести Вам визит, клянусь, я приду справиться о Вас от имени госпожи Д... К слову сказать, госпожа Д... может представить неоспоримое свидетельство моей скромности. Я устоял даже против желания,— хотя руки так и чесались,—распечатать при ней пакет, доставивший^ мне schizzo. Так что восхищайтесь мною.

Почему Вы не хотите, чтобы мы встретились, скажем, на прогулке или, еще лучше, в British Museum[2], или в галерее Ангерстейн[3]? Один из моих друзей, живущих неподалеку, чрезвычайно заинтригован тем пакетом странного размера, который я распечатал, отойдя подальше, но появление которого произвело заметную перемену в моем настроении. Я не сказал ему ничего та-

21 notes: 21

* До сего дня я считала вас индийцем (англ.).

** набросок (ит.).

Вот в чем вопрос (англ.).

кого, что могло бы приоткрыть истину, однако ж, сдается мне, он близок к разгадке. Прощайте. Я хотел лишь сообщить, что schizzo беспрепятственно прибыл к месту назначения и доставил мне живейшее удовольствие. Давайте если уж не видеться, так хотя бы писать друг другу почаще в Лондоне...

12

Лондон, 10 декабря <1832>.

Скажите, ради бога, «если Вы создание божие», querida Mariquita[22], почему Вы не ответили на мое письмо? Предпоследнее Ваше письмо и в особенности приложенный к нему schizzo преисполнили меня такого flutter[2]*, что почти все, написанное мною прежде, Вы можете теперь забыть, Нынче же, когда я поуспокоился и когда несколько проведенных мною в Лондоне дней существенно прочистили мне голову, я попытаюсь Вам возразить. Почему Вы не хотите меня видеть? Никому из окружения Вашего я не знаком, и мой визит выглядел бы вполне естественно. Сколько я могу судить, всего более Вы боитесь совершить

---

22 notes: 22

дорогая Марикита (исп.). [2]* волнения (англ.).
** неподобающее (англ.).

что-либо, как тут говорят, improper[3]*. Я не принимаю всерьез Ваших опасений разочароваться во мне, узнав меня поближе. Когда бы Вы и в самом деле боялись этого, Вы были бы первою женщиной, первым человеческим существом, которое из таких вот мотивов отказалось бы удовлетворить свое желание или любопытство. Однако ж вернемтесь к разговору о неподобающем. Разве в самом этом факте есть что-то improper? Нет, ведь дело-то крайне просто. Вы заранее знаете, что я Вас не съем. Значит improper это,— если такое вообще можно назвать improper,— только в глазах света. Заметьте, к слову, что понятие «свет» делает нас несчастными с того дня, как на нас надевают неудобные одежды, потому лишь, что так угодно свету,— и до дня нашей смерти.

Мне кажется, что портрет, присланный Вами, служит мне порукою в уважений Вашем ко мне и доверии. Почему же теперь Вы мне в этом отказываете? Чем большей скромности требуют от мужчины, тем большую скромность он проявляет,— и я в том не составляю исключения. А потому, что если Вы верите в мою скромность, то можете встретиться со мною, и свет будет осведомлен об этом не более, нежели теперь, а следовательно, не сможет и возмущаться чем-то

неподобающим. От себя же добавлю, положа руку на сердце (то есть на левый бок), что решительно не вижу тут ничего зазорного. Скажу даже более. Если переписке* этой суждено продолжаться без того, чтобы мы когда-либо встретились, она сделается самою большой нелепицей на земле. Предоставляю Вам надо всем этим поразмыслить.

Будь я настоящим хлыщом, я бы обрадовался тому, что Вы пишете о моем бриллианте. Но мы никогда не полюбим друг друга плотской любовью. Я имею в виду Вас и себя. Само начало знакомства нашего уберегает нас от этого. Оно ведь куда как романтично. Что же до бриллианта, то мой попутчик, попыхивая сигарок), наговорил мне об этой особе, не догадываясь о моем интересе, вещей самых удручающих. Он, похоже, ничуть не сомневается в том, что это — подделка. Милая Mariquita, Вы пишете, что никогда не хотели бы стать «бриллиантом короны», и Вы совершеннейше правы. Вы стоите много дороже. Я предлагаю Вам добрую дружбу, которая, как я надеюсь, станет когда-нибудь нужна нам обоим.

Прощайте.

13

Аваллон, 14 августа <1834

Я полагал 10-го быть в Лионе *, а нахожусь от него пока более чем в шестидесяти лье. Мне еще придется остановиться в Отене прежде, чем я получу от Вас весточку. Если Вы проявите великодушие, то напишите мне еще и в Лион. Везле радует меня все более[2]. Виды здесь замечательные, а потом я иногда получаю удовольствие от одиночества. Обыкновенно я не слишком себе интересен, но когда на меня находит меланхолия без серьезных на то причин и когда эта меланхолия не есть следствие пережитого сильного гнева, я наслаждаюсь полнейшим одиночеством. В подобном расположении духа и провел я в Везле все последние дни. Я гулял или ложился на краю своеобразной естественной террасы — «на краю бездны», как сказал бы поэт,—и размышлял о своем «я»* о провидении — если предположить, что оно существует. Думал я и о Вас, притом много добрее, нежели о себе. Но мысль эта наполняла меня еще большей грустью, ибо стоило ей возникнуть, как я представлял себе, до чего я счастлив был бы видеть Вас подле себя в этом забытом уголке. А потом, потом все заключалось

той горчайшей мыслью, что Вы так далеко, что видеться нам трудно, да и неизвестно, хотите ли Вы того. Пребывание мое в Везле чрезвычайно интриговало местное население. Когда я рисовал, а в особенности когда устраивался в одной из светлых комнат, вокруг меня собиралась внушительная толпа и начинались толки о роде моих занятий.. Подобная известность чрезвычайно утомляла меня и порождала настойчивое желание обзавестись янычаром, который отго-ил бы любопытных. Здесь я снова оказался среди людей. Приехал я, собственно, навестить престарелого дядюшку[3], которого никогда ранее не видел. Надобно было провести с ним хотя бы дня два. В награду он повел меня осмотреть несколько безносых голов, добытых в раскопках, которые ведутся неподалеку. Я не люблю родственников. Приходится быть накоротке с людьми вовсе незнакомыми лишь потому, что у кого-то из них один отег^с вашей матушкой. Меж тем, мой дядюшка — человек достойнейший, не слишком провинциальный, и я бы, верно, нашел, что он очень мил, когда бы обнаружил с ним хоть два общих мнения. Женщины тут столь же уродливы, как и в Париже. К тому же щиколотки у них толстые, будто столбы. В Невере, однако,

попадались довольно миленькие глазки. Национальных костюмов совсем не видно. Помимо нашей безупречной нравственности мы обладаем тем еще преимуществом, что по уродству и тупости превосходим все европейские народы. Посылаю Вам перо совы, которую я нашел в дыре, в церкви Магдалины Везлейской \ Прежняя владелица пера и я столкнулись на какое-то мгновение нос к носу, притом оба в равной почти мере испугались столь неожиданной встречи. Сова оказалась трусливее меня и тотчас улетела. У нее был внушительный клюв и страшенные глаза, а также два пера, похожих на маленькие рожки. Посылаю Вам это перо, дабы Вы могли насладиться его мягкостью, к тому же, я вычитал в одной книжке по магии, что когда женщине дарят совиное перо, и она кладет его под подушку, ей снится ее друг. Вы расскажете мне свой сон.

Прощайте,

14

Авиньон, <Р> сентября <1834).

Вот уж сколько дней я не получаю от Вас ни весточки и почти столько же сам Вам не писал. Однако ж меня можно извинить. Говоря по совести, род занятий, который я избрал себе,— один

из самых изнурительных. Всякий день надобно либо пешком ходить, либо ехать куда-то на почтовых, а по вечерам, несмотря на усталость, наскоро строчить не,менее дюжины страниц дурацкой прозы. Я имею в виду лишь обыкновенную писанину, ибо время от времени мне приходится еще и отчитываться перед моими министрами. Хорошо хоть, что они ее не читают, и я могу безнаказанно писать любые глупости.

Места, по которым я езжу, прелестны, но люди здесь неимоверно глупы. Никто рта не раскроет — разве затем, чтобы себя похвалить; и так все — от господина во фраке до последнего носильщика. Тут и намека нет на тот свидетельствующий о душевном благородстве такт, какой я с вящим удовольствием подмечал у простолюдинов в Испании. Во всем, же остальном нет места, которое более напоминало бы мне Испанию *. И вид самого города, и окрестности — все похоже необыкновенно. Работники спят в тени и запахиваются в плащ с видом столь же роковым, что и андалузцы. Повсюду — запах чеснока и прованского масла мешается с ароматом апельсинов и жасмина. Над улицами днем протянуты

тенты, а у женщин — маленькие, прелестно обутые ножки. Даже языкг простонародья изда-

ли можно принять за испанский[2324]. Но самое разительное сходство — в засилии комаров, блох и клопов, которые решительно не дают спать. И мне придется еще целых два месяца влачить подобное существование, прежде чем я снова встречусь с людьми! Я то и дело думаю о моем возвращении в Париж, и воображение рисует мне бесчисленное множество пленительных мгновений, какие я мог бы с Вами провести. Но, верно, самое большее, на что я могу надеяться,— это увидеть Вас на миг издали и быть облагодетельствованным легким кивком головы в знак того, что Вы меня узнали.....

Вы просите прислать рисунок романской капители. У меня не осталось ни единого. Все наброски я отослал в Париж. К тому же одна лишь капитель была бы Вам неинтересна. Украшают ее обыкновенно либо* дьяволы, либо драконы, либо святые. А в дьяволах первых веков христианства нет ничего привлекательного. Что же до драконов и святых, я уверен, Вам они ни к чему. Зато я начал рисовать для Вас маконский: костюм [3]. Это единственный из всех виденных

---

23 notes: 23

** Вот в чем вопрос (англ.).

24 notes: 24

* Хартией вольности (англ.).

мною костюмов, в котором присутствует хотя бы некоторая доля изящества; однако и в нем пояс расположен так странно, что самая тонкая талия ничем не отличается от самой объемистой. Надобно иметь особенное сложение, чтобы носить такой костюм. Дешевизна хлопковых материй и легкость сообщения о Парижем изгнали вовсе национальные костюмы.

10 сентября — Вчера вечером я устроил себе нечто вроде вывиха. И теперь пишу, положив ногу на стул,— в ярости, передать которую трудно. Когда же спадет на ноге отек? That is the question[1]*. Если мне-придется провести здесь еще пять-шесть дней, я не знаю, что со мной станет. Кажется, уж лучше бы заболеть серьезно, нежели застрять вот так, из-за сущей безделицы. Болит, однако ж, довольно сильно.

В Авиньоне множество церквей и дворцов, обыкновенно с высокими зубчатыми башнями, прорезанными щелями бойниц. Папский дворец[4]являет собою пример средневековой крепости. Свидетельство тому, сколь любезны и мирны были нравы, процветавшие тут в XIII—XIV веках. В папском дворце вы поднимаетесь на сотню ступенек по извилистой лестнице, и вдруг перед вами вырастает стена. Вы поворачиваете голову

— и на высоте пятнадцати футов взору вашему вйовь открываются уходящие вверх ступени, до которых можно добраться лишь при помощи веревочной лестницы. Есть там и подземелья, служившие для нужд инквизиции. Вам показывают печи, где калили щипцы, чтобы мучить еретиков, и остатки сложнейшей машины для пыток. Авиньонцы столь же гордятся своею инквизицией, сколь англичане своею Magna Charta [24]*. «У нас тоже,— заявляют они,— сжигали на кострах, а у испанцев это было уже потом!»

Несколько дней тому назад, во Вьене [5], я видел античную статую [6], которая перевернула все мои представления о римской скульптуре. Я привык видеть идеал красоты, подправляющий природу. Там же было нечто совсем иное. Статуя изображала толстую матрону с огромной, слег-ка отвислой грудью и складками жира на бедрах, как у рубенсовских нимф. Скопировано все с поразительной верностью. Интересно, что говорят на сей счет господа из Академии?

Прощайте — вот-вот приедет почта. Пишите мне в Монпелье, а потом — в Каркассон. Надеюсь, мне не придется слишком долго ждать Ваших пи-

---

24 notes: 24

* Хартией вольности (англ.).

сем — они всегда приносят мне столько счастья.

Еще раз прощайте.

15

Тулон, 2 октября 1834.

Давно я не писал Вам, друг любезный. Лишь только моя нога приняла обычные свои размеры, мне захотелось наверстать потерянное время и «совершить несколько поездок по здешним краям. Я сумел даже установить разницу между клопами — уроженцами Карпантра и клопами в Оранже, Кавайоне, Анте и других местах. Почти все они могут лишить -сна честного человека. Я не стану Вам рассказывать ни о прекрасных вещах, какие мне довелось увидеть, ни о humbugs *, которые я обнаружил. Но знаете ли Вы, что означает draquet? Это то же самое, что fantasty. Сейчас объясню значение двух этих дикарских слов: для начала надобно знать, что богатство департамента Воклюз — это прежде всего шелка. В каждом крестьянском, доме выращивают червей и сучат шелк, от чего, во-первых, в воздухе висит зловоние, а во-вторых, очень часто шелкопрядов находят прямо на ягодных кустах. В сумерках иные крестьянки довольно неосмотрительно обирают с кустов этих шелкопрядов и кладут себе

в корзины. Мало-помалу корзина тяжелеет и в конце концов вес ее увеличивается настолько, что бедная женщина потом -обливается. Когда же после долгого и тягостного пути крестьянка приходит на берег ручья, нести эту корзину дальше она просто не в силах и вынуждена опустить ее на землю. Оттуда немедля выскакивает маленькое ухмыляющееся, существо с громадной головою и с хвостом, как у ящерицы, и бросается в ручей с криком: «M'as ben porta!», что означает по-провансальски или на языке draquets «Спасибочко за доставку!» Я встречал уже нескольких женщин, одураченных этими хитрющими дьяволятами, и меня чрезвычайно огорчает, что я ни разу не видел их -сам. Я, право же, получил бы от знакомства с ними живейшее удовольствие.

Моя поездка затягивается по той причине, что дни становятся короче. Завтра я еду во Фрежюс [1], а оттуда отправлюсь на Леренские острова, где надеюсь увидеть развалины первой христианской церкви на Западе [2]. Я более чем наполовину уверен, что ничего там не найду. Но

надобно относиться совестливо к своему делу и инспектировать все исторические памятники.

На свете нет ничего грязнее и прелестнее Марселя. Столь же грязны и прелестны его жительницы.

Каждая — с характером, прекрасными черными глазами, с прекрасными зубами, крошечными ножками и тончайшими щиколотками. Одеты же изящнейшие эти ножки в чулки грубой вязки цвета марсельской грязи, толстые и штопанные — перештопанные нитками двадцати разных цветов. Платья у них сшиты дурно, вечно мятые и в пятнах. Прекрасные черные волосы большей частью своего блеска обязаны сальным свечам. Добавьте к тому чесночные ароматы, смешанные с чадом прогорклого прованского масла, и Вы получите представление о марсельском колорите. Какая жалость, что в мире нет ничего совершенного! И все же, они очаровательны. Вот это настоящая победа.

Вечера, теперь уже совсем долгие, начинают тяготить меня невыносимо. Разумеется, мне надобно отписать целые тома писем и отчетов для моих двух, а то и трех министров. Приятнейшие эти занятия никак не мешают мне вот уже три недели пребывать в хандре. Сны мне- снятся наимрачнейшие, и мысли, меня одолевающие, также не слишком радужны. И ни слова от Вас! А мне так это необходимо. Если Вы напишете тотчас же, адресуйте письмо на Каркассон. Весточка от Вас нужна мне. чтобы вернуться к жизни.

После Каркассона я поеду в Перпиньян, Тулузу и Бордо. И очень надеюсь найти там что-нибудь от Вас. Набросок, обещанный Вам мною, еще не закончен. Но я привезу его в Париж. Напишите, что еще я могу привезти, что доставило бы Вам удовольствие. Вот цветок колючего кустарника, который растет во множестве в окрестностях Марселя и пахнет пленительно, как фиалка.

Прощайте.

16

Перпиньян [fi], 14 ноября <1834).

Вы так давно мне не писали, что я стал уже беспокоиться. К тому же меня одолевает одна нелепейшая мысль, о которой я не смею даже рассказать Вам. Осматривал я тут как-то в Нйме римский колизей [2] с архитектором департамента, который подробнейшим образом описывал мне произведенные им реставрационные работы, как вдруг в десяти шагах от нас я увидел прелестную птичку чуть больше синицы, с туловищем цвета сурового полотна и красно-бело-черными крылышками. Птичка сидела на карнизе и пристально на меня глядела. Я прервал словоизлияния архитектора и спросил, что это за порода. Он — страстный охотник, однако же,

как он сказал, никогда прежде такой птицы не видел. Я приблизился к ней, и она взлетела, лишь когда я подошел настолько близко, что мог ее коснуться. Отлетев на несколько шагов, она села и стала снова глядеть на меня. Куда бы я ни шел, она, казалось, летела следом, ибо я видел ее на всех этажах амфитеатра. Она была одна и летала бесшумно, точно ночная птица.

На другой день я вновь пошел осматривать колизей и. вновь увидел мою птичку. На сей раз я захватил с собою хлеба и принялся кидать ей крошки. Она поглядела на них, но клевать не стала. Затем, присмотревшись к ее клюву, я кинул ей крупного кузнечика, предположив, что она питается насекомыми, но, верно, ошибся. Самый известный в городе орнитолог сказал мне, что в их краях такие птицы обыкновенно не живут.

И наконец, придя в последний раз на то место, я снова повстречал мою птичку, и снова она следовала за мною по пятам, столь неотступно, что влетела в узкий темный проход, куда птицам дневным залетать не следует.

Тут я вспомнил, что герцогиня Букингемская в день убийства своего супруга[3] увидела его в обличье дневной птицы, и мне пришла в голову мысль, что Вас, быть может, уже нет в живых и

Вы в облике птицы прощаетесь со мною. Помимо воли, глупая эта мысль перевернула мне всю душу и, уверяю Вас, радости моей не было границ, когда я увидел, что Ваше письмо помечено днем, когда я впервые увидел мою чудесную птицу.

Приехал я сюда в ужасающую погоду. Ливень, какого не бывает на севере, затопил всю местность, перерезав дороги и превратив ручьи в •бурные реки. Теперь я лишен возможности выехать из города в Серра-бонну, где у меня есть дело. Не знаю, сколько времени это может длиться.

Устроиться в гостинице я так и не сумел, ибо в Перпиньяне ярмарка, да к тому же в городе полным-полно испанцев, сбежавших от эпидемии. Когда бы мне не удалось пробудить сострадание в одном шляпнике, я принужден был бы спать на улице. Пишу Вам, сидя в холодной комнатушке, рядом с дымящим камином, проклиная дождь, который лупит в окно. Служанка, прислуживающая мне, говорит только по-каталонски и понимает, только если я обращаюсь к ней по-испански. Книг у меня с собою нет, и я никого здесь не знаю. И наконец хуже всего то, что покуда не поднимется северный ветер, я застряну тут неизвестно на сколько дней, не имея даже

возможности вернуться в Нарбонну, ибо мост, который мог бы обеспечить мое отступление, ни на что уже не годен, а если вода поднимется еще, его и вовсе снесет. Превосходный случай для того, чтобы погрузиться в размышления и начать записывать свои мысли. Однако ж и мыслей нынче никаких нет. Я просто места себе не нахожу от нетерпения. У меня едва достает сил, чтобы писать Вам. А Вы ни словом не упомянули о письме, посланном мною из Арля. Быть может, оно разминулось с Вашим?

Я побывал у Воклюзского источника \ где мне захотелось написать Ваше имя; но там оказалось столько мерзких стишков, столько всяких Софи, Каролин и пр., что я не решился осквернить Ваше имя, ставя его в такой дурной компании. Это — самый дикий в мире край. Одни скалы да вода. Вся растительность ограничена смоковницею, которой неизвестно как удалось пробить себе дорогу среди камней, да изящнейшему венерину волосу, чью веточку я и посылаю. Когда Вы пьете от насморка сироп венерина волоса, Вам, верно, и в голову не приходит, что растение ото выглядит довольно привлекательно.

В Париже я буду к 15 будущего месяца [5]. Сам еще не знаю, какую выберу дорогу. Возможно, ре-

шу возвращаться через Бордо. Но если погода не улучшится, придется ехать через Тулузу. Тогда я буду в Париже двумя неделями реныне. Надеюсь в Тулузе получить от Вас весточку. Если же ее не окажется, я смертельно обижусь.

Прощайте.

17

Париж, {декабрь 1840?),

Г. де Монтрон [25] говорит, что нужно воздерживаться от первых порывов, ибо они почти всегда искренни. Похоже, Вы много размышляли над сей премудростью, поскольку следуете ей с редкостным постоянством: стоит разумному решению прийти Вам на ум, как Вы до бесконечности откладываете его исполнение. Будь я в Чивита-Веккья, я отыскал бы средь камней моего друга Буччи [2] изображение этрусской Минервы — она была бы лучшей для Вас печатью. А покуда мой горшечник совсем готов, и я вслед за Леонидом повторяю[3]: MoX<bv Харе. Думаю оставить его у себя еще на некоторое время — до самого Вашего отъезда. Да будет Вам известно,

---

25 notes: 25
меланхолия (англ.).

что мне много лучше, и Ыне devils [26] не так уже мучает меня. Я даже с удовольствием работал, чего со мною давно уже не случалось. Строю обширнейшие планы на зиму, а это указывает на приподнятое состояние моего духа. Так что настроение у меня нынче хорошее, а напиши я Вам по получении немецкого Вашего письма, я высказал бы правду со всей суровостью, на какую способен. Впрочем, Вы ничего не потеряли, ибо если сегодня я вижу все в розовом свете, то завтра стекла моих очков потемнеют. Очень хотелось бы знать, что Вы поделываете и как проводите время. Ваши недюжинные познания в греческом[25] немецком и пр. наводят меня на мысль, что в *** Вы томитесь ужаснейшею скукою, проводя целые дни с книгами да с несколькими учеными профессорами, которые Вам их комментируют. Но я все чаще думаю, не изменилось ли все в Париже, и начинаю представлять себе, что время Вы проводите совсем иначе. Если бы я давно уже не жил в строжайшем одиночестве, мне были бы известны все Ваши действия и поступки, и воз-

---

26 notes: 26

Песня Клерхен мне очень понравилась,/но почему вы не написали конца (нем.).

25 notes: 25

меланхолия (англ.).

можно рассказы, которые доходили бы до меня, нарисовали бы образ Ваш совершенно отличным от того, что явствует из Ваших писем; и хотя Вы себя расхваливаете сверх всякой меры, я имею слабость полагать[25] что со мною Вы более искренни, то есть, я хочу сказать, менее лицемерны, чем бываете в свете. Такое в Вас мешается множество противо'-речий, что я никак не могу прийти к ясному заключению, то есть подвести итог: + столько-то положительных качеств, — столько-то отрицательных = X. Вот этот X и тяготит меня. Когда я видел Вас перед Вашим отъездом из Парижа у нашей приятельницы госпожи де В.[4], утонченная элегантность Ваша решительно меня поразила. А пирожные, которые Вы поедали с таким завидным аппетитом, стремясь прийти в себя после безмерной усталости от онеры, поразили меня еще больше. Разумеется, Вашими первейшими недостатками я почитаю кокетство и гурманство, но я думал, что недостатки Эти все же имеют допустимые моралью пределы; я думал, что Вы не слишком много внимания уделяете Вашему виду и принадлежите к числу женщин, которые едят по рассеянности, а

25 notes: 25
меланхолия (англ.).

впечатление на люде^ стремитесь производить глазами или «мудрыми речами», но вовсе не туалетами. Видите, как я ошибся! Но на сей раз Вам не удастся упрекнуть меня в предвзятости: Вы с каждым днем все больше развращаетесь, а я, как мне кажется, становлюсь все лучше. Час теперь совсем уж неурочный, тем не менее я оставил в высшей степени ученое общество греков и римлян, чтобы написать Вам. Мне только что пришла в голову мысль, что завтра, то есть сегодня, я должен встать спозаранку, и эта мысль мешает объяснить Вам, насколько нынче я стою большего в сравнении с теми временами, когда Вы развлекались тем, что водили меня за нос вместе с мадам <Лемер> [5]. Итак, восхваления моей особы оставим до другого раза, тем паче, что и* места для этого больше нет.

18

Париж, суббота, <декабрь 1840).

Das Lied des Claerchens gefallt mir zu gar; aber warum haben Sie nicht das Ende geschrieben? [4* 1] — Вот уж поистине душа радуется, видя, до чего нравится Вам этот этрусский камень! Во сколько же пирожных Вы его оцениваете? Напрасно, однако ж, Вы не захотели узнать, что на нем

изображено. А изображен на нем человек, мастерящий горшок. Вернее сказать, гидрия — так звучит благороднее и ближе к греческому. Быть может это — клеймо античного гончара, а возможно, есть тут намек на мифологию, который я мог бы вам объяснить, если б захотел. Что же до другой печатки, история ее довольно примечательна. Я нашел ее, помешивая угли в камине на Алжирской улице; это — весьма массивный и тяжелый бронзовый перстень; на нем выгравированы каббалистические знаки; полагают, что он принадлежал какому-нибудь чародею или же гностикам [2]. Вы видели на нем фигурку человека, солнце, луну и т. д. Не правда ли престранно найти такую вещь в золе на Алжирской улице? Кто знает, не таинственному ли могуществу перстня обязан я Вашей песней Клерхен? Я в самом деле вконец расхворался, но это еще не причина, чтобы сидеть дома. К примеру, если Вы пожелаете получить этрусскую печатку из моих рук, я передам ее Вам с величайшим удовольствием, тогда как если швейцар обнаружит ее в письме на Ваше имя, разразится скандал. Но я не хочу ничего более просить у Вас, ибо Ваша властность растет не по дням, а по часам, да к тому же всеми

тонко- [26]

стами самого возмутительного кокетства Вы владеете в совершенстве. Похоже, Вы не слишком любите глаза с большими зрачками, зато сверх всякой меры неравнодушны к тем, у кого голубоватые белки, Вы также весьма предупредительно напоминаете мне, какие глаза у Вас,— я их не забыл, хотя и видел не так долго. А кто же тот, кто указал на эту особенность Вашу, дотоле, как Вы утверждаете, Вам неизвестную,— учитель греческого или немецкого? А может быть мне следует считать, что Вы постигли немецкую скоропись, равно как и греческую, совершенно самостоятельно? Еще одно достоверное доказательство, подтверждающее отвращение, какое вызывают у Вас зеркала. Вам бы надобно взрастить немецкий цветок под названием Aufrichtigkeit[2]*. Я только что поставил слово «конец» под неким ученым опусом[3], который писал в наисквернейшем расположении духа,— остается понять, нет ли длиннот в самом этом слове. Однако ж с той минуты, как я сей труд завершил, я чувствую себя неизмеримо легче и счастливее — потому-то я столь мягок с Вами и обходителен; а не будь это-

---

26 notes: 26

Песня Клерхен мне очень понравилась,/но почему вы не написали конца (нем.).

го, я без околичностей высказал бы всю правду. Вам бы следовало повидаться со мною хотя бы для того, чтобы вырваться из атмосферы лести, в какой Вы живете. Надо нам сходить как-нибудь в музей, посмотреть картины итальянцев — это послужило бы компенсацией за наше несостоявшееся путешествие, а возможность иметь меня в качестве чичероне трудно переоценить. Не принимайте это, однако, за условие получения этрусского камня; скажите, как Вам его передать,— и Вы тотчас его получите.

19

Париж, суббота, <12> марта 1842.

Два дня я все решаю, писать Вам или нет, ибо гордость моя дает немало оснований этого не делать; но, честное слово, хоть Вы, надеюсь, и не сомневаетесь в том, что Ваше письмо доставило мне истинное удовольствие, я все же хочу сообщить Вам об этом.

Вот Вы и разбогатели[1] — что ж, тем лучше. Примите мои поздравления. Богатство дает свободу. Друг Ваш, которого осенила столь блестящая идея, напоминает мне Олда Робина Грея[2]; он, верно, был влюблен в Вас, но Вы никогда в том не признаетесь, ибо обожаете тайны. Однако ж

я прощаю Вас: слишком редко мы друг другу пишем, чтобы ссориться. Почему бы Вам не поехать в Рим или Неаполь, насладиться картинами и солнцем? Вы достойны того, чтобы проникнуться Италией,, и вернетесь оттуда, обогащенная новыми мыслями и чувствованиями. Грецию я Вам не рекомендую. Кожа у Вас недостаточно грубая, чтобы противостоять всем мерзким пожирателям человечества. Кстати о Греции: раз уж Вы так хорошо умеете хранить дары, посылаю Вам травинку. Я сорвал ее на склоне холма Антелы в Фермопилах — там, где погибли последние из трехсот \ Вполне вероятно, что в атомах этого стебелька есть и атомы погибшего Леонида. И там же, помнится, лежа на охапке куку-

рузной соломы перед караульной жандармерии (какое святотатство!), я рассказывал другу моему Амперу[4] о моей юности и признался ему, что из всех нежных воспоминаний, какие мне остались, в одном лишь нет * ни малейшего привкуса горечи. Я имел в виду прекрасную нашу юность. Pray keep my foolish flower**.

Послушайте, а хотите получить более осязаемый сувенир с Востока?

К несчастью, я роздал уже все красивое, что привез оттуда [5]. Я бы с радостью подарил Вам

домашние остроносые туфли, но вдруг Вы станете надевать их для других,— нет уж, благодарю покорно. Если же хотите розового или жасминового варенья, у меня еще немного осталось, но торопитесь: я могу все съесть. Мы так редко обмениваемся письмами, что приходится очень многое друг другу рассказывать, чтобы ввести в курс дела. Вот как сложились мои дела.

Осенью 1840-го я вновь посетил милую мою Испанию®; два месяца жил в Мадриде, где наблюдал очень смешную революцию, замечательнейшие бои быков и триумфальный въезд Эспартеро [7], походивший на немыслимо комический парад. Остановился я у близкого моего друга — она относится ко мне как преданная сестра[8]; по утрам ездил в Мадрид, а к ужину возвращался в деревню, где меня ожидало общество шести женщин, самой старшей из которых тридцать шесть лет. Из-за революции я оставался единственным мужчиною, который мог свободно передвигаться, так что иного coitejo[2728]* у этих несчастных не было. И они ужасно меня избаловали. Ни в одну из них я не был влюблен — и, наверное,

---

27 notes: 27

** Прошу вас, сохраните мой дурацкий цветок (англ.).

28 notes: 28

* придворного (исп.).

напрасно. И хотя я не обманывался относительно преимуществ, какие давала мне революция, роль султана, пусть лишь ad honores[29]*, вполне пришлась мне по душе. По возвращении в Париж я доставил себе невинное удовольствие, напечатав книгу[9], которая, однако, не вышла на широкую публику. Было изготовлено всего сто пятьдесят экземпляров — превосходная бумага, иллюстрации и т. п., и я подарил их приятным мне людям. Преподнесу и Вам сию редкость, если Вы окажетесь достойной ее, однако ж знайте, что это — труд исторический и педантичный, изобилующий в такой мере греческими, латинскими и даже оскскими (знаете ли Вы хотя бы, что означает «оскский») выражениями [10], что Вы не сумеете сквозь них продраться... За прошлое лето я немного разжился деньгами. Министр мои[и] даровал мне свободу на три месяца, я же удрал на целых пять и проболтался между Мальтою, Афинами, Эфесом и Константинополем. За эти пять месяцев я не скучал и пяти минут. Что сталось бы с Вами, если бы Вы, которой я когда-то внушал такой ужас, встретили меня во время моих разъездов по Азии с пистолетами за поясом,

---

29 notes: 29

** почетного (лат.).

с длинной саблею и — поверите ли? — при усах, которые видны были даже сзади! Без бахвальства — я мог бы напугать самого отчаянного грабителя из мелодрамы. В Константинополе я видел султана в лакированных сапогах и черном сюртуке, а потом — на процессии во время

Байрама [12] — всего усыпанного бриллиантами. На празднествах Байрама я получил от одной прекрасной дамы, на остроносую туфлю которой имел неосторожность наступить, сильнейший удар кулаком и презрительное «giaour» [30]*. На том и кончились мои отношения с турецкими красавицами. В Афинах и в Азии я повидал самые прекрасные в мире памятники и самые прекрасные пейзажи, какие только могут быть.

Расплатою же за удовольствия служили блохи и комары величиною с жаворонка, так что я ни одной ночи не спал. Все эти перипетии сильно меня состарили. По высочайшему велению мне отказаны перья горлицы — это красивая восточная метафора, употребляемая в том случае, когда хотят сказать что-то неприятное. Представьте себе Вашего друга с совершенно седою головой.

---

30 notes: 30

* «неверный» {араб.).

Ну, а Вы, querida[31]*, изменились ли Вы? Я с нетерпением ожидаю, когда Вы подурнеете, чтобы увидеться с Вами. Года через два или три Вы напишете мне, сообщите, что поделываете, и увидимся мы с Вами, иль нет. Ваши «исполненные уважения воспоминания» сильно меня насмешили, равно как и желание вытеснить из моего сердца ионические и коринфские капители.

Прежде всего теперь я люблю лишь дорический ордер, а кроме того нет таких капителей, не исключая и капителей Парфенона, которые могли бы для меня затмить воспоминания о давней дружбе. Прощайте; поезжайте в Италию и будьте счастливы. Сегодня я уезжаю в Эврё по делам службы и возвращусь в понедельник вечером. Если хотите полакомиться розовыми лепестками — скажите; но предупреждаю, осталась одна лишь ложечка для Вас.

20

Париж, <18?У марта 1842.

Только час назад прочел Ваше письмо — оно со вторника лежало у меня на столе, но было завале-

---

31 notes: 31

* дорогая (исп.).

** с моим глубочайшим почтением (англ.).

но кучей бумаг. Раз Вы не презираете даров моих, получайте варенья из розы, жасмина и бергамота. И один горшочек соблаговолите преподнести госпоже де С..., with my best respects **. Вот видите, я предложил Вам остроносые туфли, но Вы от них отказываетесь, да столь решительно, что мне следовало бы все же их послать. Меж тем после возвращения меня беспрестанно грабят. Нет у меня туфель — не могу найти ни одной пары. Хотите вместо них вот это? Быть может это турецкое зеркальце доставит Вам больше удовольствия, ибо Вы, по моему убеждению, сделались кокеткой еще большею, нежели в благословенном 1840 году. Было это в декабре месяце, и на ножках Ваших красовались полосатые шелковые чулки — ничего более я не помню.

Что же до протокола, о котором Вы пишете,— Вам решать. Вы не верите, что я поседел. Вот Вам подтверждение.

Однако ж даром я ничего не делаю. Прежде чем ехать в Неаполь, соблаговолите выслушать мои указания и привезти мне то, что я попрошу. Я могу дать Вам письмо к руководителю помпейских раскопок \ если такого рода вещи интересуют Вас.

Вы описываете свою precious self[3233]* столь красочно, что наша встреча, я вижу, откладывается на необозримые времена, Allah Kerim[3]*! Я пишу среди адского шума. А потому не понимаю толком, что говорю,— знаю только, что многое скажу Вам о нас обоих, как только получу от Вас весточку. Покуда прощайте и сохраните изящество линий и лучезарный облик, которые всегда вызывали во мне восхищение.

21

Париж, понедельник вечером, 21 марта 1842.

Только что получил Ваше письмо, которое повергло меня в преотврати-тельное настроение. Стало быть, увидеться со мною Вам мешает сатанинская Ваша гордость. Впрочем, я не совсем вправе упрекать Вас, так как однажды, если не ошибаюсь, увидел Вас издали, но возникшее во мне чувство — не менее мелкое — помешало мне заговорить с Вами. Вы уверяете, что стоите дороже, чем два года тому назад,— Вам это доставляет удовольствие. Мне показалось, что Вы

---

32 notes: 32

[205] драгоценную особу {англ.). [342] да смилуется Аллах {араб.).

33 notes: 33

Проспер Мернме

похорошели, но зато в Вас изрядно прибавилось эгоизма и лицемерия. Быть может, это далеко не бесполезно, однако ж хвастаться тут нечем. Что до меня, я полагаю, что стою не более и не менее, чем раньше; я не сделался большим лицемером и, быть может, напрасно. Одно очевидно: сильнее меня от этого не любят. И коль скоро белая ручка Ваша и стежка не вышила на этом кошельке, что прикажете с ним делать? Вы же все-таки должны были бы подарить мне что-нибудь сделанное Вами самою: и зеркальце мое и варенья того заслуживают; по меньшей мере, не худо было бы сообщить, получили ли Вы их; но бранить Вас я более не вправе. Если по дороге в Италию Вы проедете через Париж, возможно, меня Вы тут не застанете. Где я буду? Одному дьяволу известно. Не исключено, что я встречу Вас в Studj[1]; но возможно также, я отправлюсь в Сарагосу [33] — повидаться с женщиной, которой Вы, по Вашим словам, стоите вполне. Второй такой сестры у меня никогда не будет. Скажите же мне — и непременно до отъезда Вашего из Парижа,— когда Вы собираетесь в Неаполь и не захватите ли Вы книжицу для руководителя

---

33 notes: 33
Проспер Мернме

помпейских раскопок, г. Буонуччи [3]. Уезжая, я оставлю вышеупомянутую книжицу у госпожи де С... или где-нибудь еще.

Мне смутно помнится, что давным-давно я встречал некую госпожу де С... в доме, где произошла мелодрама, в каковой я играл роль простофили. Спросите у нее, помнит ли она меня.

Итак, прощайте и, без сомнения, надолго. Я сердит, что так Вас и не увидел. Давайте время от времени знать о себе — Вы всегда доставляете мне тем величайшее удовольствие, даже если будете по-прежнему следовать прекрасной методе лицемерия, к которой Вы столь блистательно приобщились. Что же до письма к Буонуччи, то я отрекомендую в нем Вас и спутников Ваших как знаменитых археологов. Заботами его Вы останетесь довольны.

22

Париж, суббота, 14 мая 1842.

Для начала знайте, что я вовсе не сгорел \ «Железнодорожная катастрофа на Левом берегу!» — так последние четыре дня начинаем мы в Париже все письма; а далее я хотел бы сообщить, что Ваше письмо доставило мне величайшее удовольствие. Обнаружил я его по возвращении

из одного недалекого путешествия [2] по делам служебным,— потому и отвечаю с таким опозданием. Если уж быть откровенным до конца, а Вы знаете, что от недостатка сего мне вовек не избавиться, признаюсь, что нашел Вас похорошевшею сверх всякой меры, но только внешне и никак не внутренне; и цвет лица превосходный, и волосы великолепные — я разглядывал их куда больше, нежели Ваш чепец, который, видимо, заслуживал внимания, поскольку у Вас явно вызвало раздражение то, что я не сумел его оценить. Но я ведь никогда не мог отличить кружево от миткаля. У Вас по-прежнему талия сильфиды, и хотя черными очами я сыт по горло, нигде — от Константинополя до Смирны — таких огромных, как у Вас, я не встречал.

А теперь вглядитесь в оборотную сторону медали. Во множестве вещей Вы остались ребенком и одновременно стали лицемеркою. Вы не умеете совладать с первым порывом, зато тотчас изыскиваете тысячи мелких трюков, каковыми надеетесь исправить положение. И что Вы от того выигрываете? Вспомните великую и прекрасную максиму Джонатана Свифта[3]: «That a lie is too good a thing to be lavished about*!» Благородное желание держать себя в узде, без сомнения, заведет

Вас далеко, и через каких-нибудь несколько лет Вы почувствуете себя не более счастливою, чем траппист [4], бессчетное число раз смирявший душу и тело и вдруг открывший в один прекрасный день, что рая-то нет. Я не понимаю, о каком залоге Вы упоминаете, да и вообще в Вашем письме множество разных недомолвок. С Вами мы не можем быть вместе, как, скажем, мы с госпожою де <Моитихо>, ибо первейшее условие отношений между братом и сестрою — безграничное доверие: госпожа де <Монтихо> в этом смысле вконец меня испортила. Вот я, глупец, уже и сожалею о том, что уколол Вас, но утешаюсь надеждою на Ваше исправление. Это — еще одна приятнейшая Ваша черта. Какую же победу, должно быть, празднует над Вами стоицизм! Вы полагаете, что у Вас есть гор-♦ «Ложь слишком хороша, чтобы одарять ею первого встречного!» (англ).

дость,— извините, Вы просто находитесь во власти мелкого тщеславия, вполне достойного столь верующей души. Проповеди нынче в моде... А Вы на них ходите? Только этого Вам теперь и недостает. Но пора, право же, оставить сей сюжет — он способен вогнать меня в слишком мрачное настроение. В Сарагосу я, верно, не поеду. Вполне возможно, что я отправлюсь во Флоренцию, ио

точно уже решено, что два месяца я проведу на юге, осматривая церкви и римские руины. Возможно, мы и встретимся с Вами где-нибудь в уголке храма или цирка. Я настоятельно советую Вам ехать прямиком в Неаполь. Впрочем, ежели Вы остановитесь на пять -шесть часов в Ливорно, то сможете использовать их еще лучше и поехать в Пизу, чтобы осмотреть Кампо-Санто[5]. Рекомендуй Вам «Смерть» Орканьи[6], Vergonzoso[7] и античный бюст Юлия Цезаря. В Чнвита-Веккья вам стоит навестить г. Буччи, у которого Вы можете купить античные геммы, передав ему от меня наилучшие пожелания. Затем Вы направитесь в Неаполь, остановитесь в «Виктории», и несколько дней проведете, вдыхая упоительный воздух и любуясь небом и морем . Кое-когда съездите и в Studj. Г. Буонуччи свозит Вас в Помпеи. Вы поедете в Пестум и вспомните меня; в храме Нептуна Вы сможете сказать себе, что видели Грецию. Из Неаполя Вы поедете в Рим, где про ведете месяц, убеждаясь, что попытки осмотреть все бессмысленны, коль скоро Вы туда еще вернетесь. Потом Вы поедете во Флоренцию, где остановитесь на десять дней. А затем будете делать все, что душе Вашей угодно. Проезжая через Париж, Вы захватите книгу для г. Буонуччи и последние мои

инструкции. Я же, возможно, в это время буду в Арле или в Оранже. Если Вы там остановитесь, спросите меня, и я расскажу Вам об античном театре \ к чему Вы отнесетесь почти безо всякого интереса. Вы кое-что обещали мне взамен моего турецкого зеркальца. Я свято надеюсь на Вашу память. Да! Великая новость! Как только умрет первый из сорока академиков, я отправлюсь с тридцатью девятью визитами[э]; по обыкновению, я буду крайне неловок и неминуемо наживу себе три дцать девять врагов. Объяснять Вам мотивы подобного приступа честолюбия было бы слишком долго. Довольно и того, что Академия стала теперь моей голубою мечтой.

Прощайте; перед отъездом я напишу Вам. Будьте счастливы, но не забывайте, что надобно совершать лишь те глупости, которые доставляют Вам удовольствие. Вы же предпочитаете, очевидно, изречение г-на де Талейр&ка [10] касательно того, что надобно остерегаться первых порывов, ибо они всегда почти искренни.

23

Париж, 22 июня 1842.

Ваше письмо немного запоздало, и я уже начал было терять терпение. Поначалу мне надобно

ответить на основные его пункты: 1) Кошелек я получил, и пахнет от него поистине аристократически, он прелестен. Если Вы вышивали его собственной рукою, это делает Вам честь. Однако ж в нем заметно вновь приобретенное Вами пристрастие к практической стороне вещей: раз подарен кошелек — значит в нем надобно хранить деньги; при этом, однако, Вы не упускаете возможности оценить его во сто франков. Куда как поэтичнее было бы объявить, что он стоит одну или две звезды; собственно я только так его и оцениваю. И стану хранить в нем медали. Он был бы для меня еще дороже, когда бы В,ы изволили приложить к нему несколько строчек, начертанных белоснежною Вашею ручкой. 2) Фазанов Ваших мне не нужно; Вы предлагаете их не слишком радушно, да к тому же критикуете вовсю мое турецкое варенье. И это Вы — владетельница дворца giaour[1]*, кому же, как не Вам, понимать толк в трапезах гурий. Вот, кажется, я и ответил на все, что есть ш Вашем письме разумного. За остальное ругать мне Вас нынче не хочется. Пусть будет Вам судьею Ваша совесть, которая, могу сказать с уверенностью, подчас оказывается куда суровее, нежели я, вечно упрекаемый Вами в бесчувственности и легкомыслии.'Лицемерие,

которое Вы так легко, играючи пускаете в ход, когда-нибудь сыграет с Вами злую шутку, сделавшись неотъемлемой частью натуры Вашей. Что же до кокетства, неотделимого от отвратительнейшего, но восхваляемого Вами порока, оно всегда было свойственно Вам сверх всякой меры. И оно всегда Вам шло, смягченное, правда, известной непосредственностью, душевностью и воображением. А теперь... теперь, что же мне еще сказать? У Вас чудесные темные волосы и прекрасная голубая кашемировая шаль; к тому же Вы бываете весьма учтивы, когда того хотите. Ну, разве я Вас не порчу?! Что же до самой сердцевины, о какой Вы говорите, Вы, верно, имеете в виду Вашу дружбу.— Мне нравятся слова — «самая сердцевина» — да, самая сердцевина розы с застылым навсегда соком, подобной розе Андринополя,— я расскажу Вам зту восточную легенду.

Жил-был дервиш, который показался одному пекарю человеком, достойным всяческого уважения. И вот пекарь пообещал дервишу всю жизнь кормить его белым хлебом., Дервиш, разумеется, почувствовал себя на верху блаженства. Но, по прошествии некоторого времени, пекарь говорит ему: «Мы ведь условились с тобой на ржаной хлеб, верно? А ржаной хлеб у меня замечатель-

ный, ржаной хлеб — это мой конек». «Черно-то-то хлеба,— отвечает дервиш,— у меня больше, чем я могу съесть, но...»

Кошка моя взобралась на стол, и мне величайших трудов стоило помешать ей улечься на этот лист. Из-за нее я забыл конец моей сказки; жаль — она очень красивая. Знаете, среди прочих воздушных замков я выстроил еще и такой: в сентябре я встречаюсь с Вами в Марселе, показываю Вам тамошних львов и угощаю фигами и рыбным супом. Но м*не надобно вернуться в Париж к 15 августа, чтобы отписаться перед министром. Так что рыбным супом Вы будете лакомиться в полнейшем одиночестве, и подвалы Сен-Виктор \ и музей осмотрите тоже без меня. Зато в Париже Вы можете получить непосредственно от меня рекомендации к путешествию по Италии. И коль скоро все Ваши желания сбываются, я смиреннейше прошу Вас пожелать, чтобы я сделался академи- [34] ком. Мне это доставило бы величайшую радость, хотя Вы и не присутствовали при приеме моей кандидатуры. Впрочем, время для пожеланий у Вас еще есть. Хорошо бы чума взяла всех этих господ,— вот тогда бы мои

---

34 notes: 34
неверной (араб.).

шансы заметно возросли; но главное, что было бы мне нужно,— так это позаимствовать у Вас хоть капельку лицемерия, которое Вам стало так свойственно. Однако ж я слишком стар и переделываться мне поздно. А если попытаюсь, сделаюсь еще хуже, чем я есть. Мне любопытно было бы знать, как Вы ко мне относитесь, да только могу ли я о том узнать? Вы никогда не выскажете мне ни всего хорошего, ни всего дурного, что Вы обо мне думаете. Прежде я не слишком лестно думал о шу precious self[35]*. Ныне же стал уважать себя чуть больше, и не потому, что много стал лучше, а потому, что много хуже стал мир. Через неделю я уезжаю в Арль[35], где мне предстоит заниматься выселением черни, живущей в античных театрах; не правда ли, приятное порученьице? Вы крайне были бы любезны, когда бы написали мне до моего отъезда письмо, полное нежных слов. Я очень люблю, когда меня балуют, и к тому же у меня ужасно грустное и подавленное настроение. Надобно сказать, что вечера я провожу за чтением своих произведений, которые собираются переиздавать[36]. И нахожу, что

---

35 notes: 35

* моей драгоценной особе {англ.).

36 notes: 36

меланхолия (англ.).

я безнравственен, а порою даже глуп. Теперь с наименьшими потерями я должен безнравственность эту и глупость смягчить; а проблема непростая, и оттого меня охватила blue devils[36]*. Прощаюсь с Вами и наинежнейше целую Ваши ручки. А знаете, что я нашел в моих архивах? Коротенькую голубую ниточку с двумя узелками. И положил ее в кошелек.

24

Шалон-сюр-Сонн, 30 июня 1842.

Вы наверняка догадались о конце сказки — пекарь околпачил дервиша,— достойнейший человек этот ржаного хлеба не любил.

Я нахожусь сейчас в городе, который мне особенно ненавистен; сижу один в гостинице и слушаю жуткий вой юго-восточного ветра, все здесь иссушающего и создающего в коридорах такие симфонии, точно сам дьявол явился на землю. А потому я гневаюсь на всю природу. Пишу Вам, дабы хоть немного утешиться радостной мыслью о том, что в предстоящем Вам путешествии Вы переживете множество подобных дней.. В церкви Святого Винсента [1]-я-видел-очаровательную де-

---

36 notes: 36
меланхолия (англ.).

вушку, истово шептавшую покаянные слова. Как называются молитвы или нечто им[1]близкое, что произносят перед гравюрами, где изображены главнейшие сцены из страстей Господних? Подле девушки стояла ее мать и внимательно наблюдала за нею. Старательно срисовывая старые византийские капители, я все думал, какой же проступок могла совершить эта девушка, чтобы так самозабвенно каяться. Верно, какой-нибудь тягчайший грех. И Вы тоже сделались истовой богомолкою, следуя нынешней моде, которая охватывает почти всех? Да, Вы должны быть богомолкою по тем же причинам, по каким носите голубую кашемировую шаль. Однако ж я бы на Вас рассердился; волна набожности, затопившая Францию, претит мне; это —■ род философии, чрезвычайно убогий, идущий исключительно от рассудка, а вовсе не от души, Коль скоро Вы сможете наблюдать на божность итальянцев, надеюсь, что и Вы, вслед за мною, найдете, что единственно она и хороша; правда, там набожен лишь тот, кто хочет, и надобно родиться по ту сторону Альп или Пиренеев, чтобы веровать так, как веруют они. Вы не представляете себе, какое отвращение вызывает во мне нынешнее наше общество. Оно, кажется, употребило все

возможные ухищрения, чтобы умножить и без того неисчислимые и неизбежные горести, на которых зиждется порядок вещей. Ожидаю Вашего возвращения из Италии; там Вы увидите общество, где все, напротив, стоит на том, чтобы создать для каждого более покойную и сносную жизнь. Мы возобновим тогда беседы о лицемерии и, возможно, наконец друг друга поймем.

Почти всю зиму провел я за изучением мифологии по старым латинским и греческим книжкам. Это крайне меня[1] позабавило, и если когда-нибудь у Вас возникнет вдруг желание изучать историю мышления людей, что куда интереснее, нежели история их поступков, обратитесь ко мне, и я Вам укажу три-четыре книжки, прочитав которые, Вы сделаетесь не менее учены, чем я, а это не так уж и мало! Как проводите Вы время? Я задаю себе кое-когда этот вопрос, не находя вразумитель ного ответа. Составляй я Ваш гороскоп, я предсказал бы, что в конце концов Вы напишете книгу,— это неотвратимое следствие того образа жизни, какой ведете Вы, какой вообще ведут женщины во Франции. Немного воображения, а иной раз и души; затем в игру вступает лицемерие, переходящее в набожность,— и, наконец, автор готов. Спаси Вас Бог от подобного превращения.

Надеюсь, что госпожа де М<оитихо> пожалует в этом году в Париж, и если это произойдет, я хотел бы, чтобы Вы познакомились с нею. Тогда Вы узнаете, что ржаной хлеб печь куда труднее, нежели Вы, сдается мне, полагаете. Но нет ничего легче, если Вы того пожелаете, чем познакомить Вас с этою пекаршей.

Прощайте; ветер все дует. Я должен пробыть в провинции целый месяц, и если Вам не жаль времени и хочется доставить мне ни с чем не сравнимую радость, Вам стоит лишь написать в Авиньон до востребования.

25

Авиньон, 20 июля 1842.

Коли Вы воспринимаете все таким образом^ я, честное слово, сдаюсь. Дайте мне ржаного хлеба — это лучше, нежели ничего. Но только дозвольте мне объявить его ржаным и напишите мне еще. Видите, сколь я кроток и смирен.

Письмен Ваше дошло до меня в минуту глубочайшей скорби, вызван-ной сообщением о кончине герцога Орлеанского \ о чем я узнал, вернувшись шв поездки в горы. И мне так нужно было получить от Вас письмо, совсем иное, правда,— ибо Ваше письмо явилось по меньшей

мере диверсией.

Отвечаю подробно, параграф за параграфом. Риторическая фигура, создателем коей Вы себя почитаете, известна давным-давно. С помощью греческого ей могли бы дать новое, в высшей степени барочное название, По-французски она известна под именем не столь ложно высокопарным. Так что в письмах мне пользуйтесь ею как можно реже. Да и в общении с другими'не стоит ею злоупотреблять. Надобно беречь ее лишь для самых примечательных случаев. И не слишком старайтесь видеть в мире лишь глупое и смешное. Этого в нем и в самом деле хватает. Вы же, напротив, стремитесь представлять себе его таким, каким он не бывает. Ведь куда лучше жить иллюзиями, нежели не иметь их вовсе. Я лелею еще три или четыре, они, правда, едва живы, но я изо всех сил пытаюсь их сохранить.

История Ваша известна: «Существовал когда-то некий истукан».

Читайте Даниила[2], он, правда, ошибся — голова была отнюдь не золотою, она была глиняной, такою же как ноги. Но у взывавшего к истукану в руках был огонь, и свет этого огня золотил его голову. Будь я истуканом (заметьте, на сей раз я выбираю себе не самую выгодную роль), я сказал

бы: «Моя ли вина в том, что вы погасили ваш факел? Разве это причина для того, чтобы меня разбивать?» Сдается мне, что понемногу я становлюсь вполне восточным человеком. Basta! [37] Вы без памяти влюбитесь в госпожу де М<онтихо>, если познакомитесь с нею. Она не одаривает меня белым хлебом, но дает мне то, что его заменяет. К тому же она не пекарша, а пекарь.

Тяжело мне видеть, что Ваше кокетство растет не по дням, а по ча сам. Я подробнейше осведомлен об исключительной Вашей набожности. И благодарю Вас за молитвы, если и они тоже не являются риториче ской фигурою. А из-за голубой кашемировой шали я давно Вас подозревал в набожности, ибо в 1842 году набожность в моде не менее, чем голубые кашемировые шали. Вы так и не поняли этой связи, тогда как все беспредельно ясно. Я ужасно сердит, что Вы читали Гомера в переводе Попа [3]. Читайте лучше издание Дюга Монбелй[4] — его только и можно читать. А если Вы отважитесь одолеть всякие глупости и не пожалеете потраченное время, Вы могли бы вооружиться греческою грамматикой Плаыша [5] и его же словарем. В течение месяца Вы читали бы

---

37 notes: 37
Довольно! (ит.).

перед сном грамматику, чтобы поскорее уснуть. Однако ж результаты это все равно принесло бы. И но прошествии двух месяцев Вы, забавы ради, стали бы отыскивать в греческом тексте слово, переведенное г-ном Монбелем всегда почти довольно точно, а по прошествии еще двух месяцев, натолкнувшись на путаную фразу, Вы без труда догадались бы, что в греческом оригинале говорится нечто совершенно отличное от того, как трактует это переводчик. По прошествии же года Вы читали бы Гомера так, как читаете Вы мелодию — мелодию и аккомпанемент,— мелодия — греческий оригинал, а аккомпанемент — перевод. Возможно, это возбудило бы в Вас желание серьезно заняться греческим и Вы могли бы наслаждаться чтением восхитительнейших вещей. Однако это в том случае, если Вы не тратите большую часть времени на туалеты и на тех, кому нужно их показывать. Все у Гомера превосходно. И эпитеты, звучащие столь странно по-французски, восхитительно точны. Помню, он называет море пурпурным, и я никогда не мог понять этого определения. А в прошлом году в небольшой лодке я шел по Лепантийскому заливу в Дельфы. Солнце садилось. И только лишь оно скрылось, море на десять минут приняло волшебный тем-

но-фиолетовый оттенок. Для этого нужен был, правда, воздух, море и солнце Греции. Надеюсь, Вам никогда не стать художником в той мере, чтобы с удовольствием признать в Гомере великого живописца. Последние слова Вашего письма также остаются для меня загадкою. Вы говорите, что никогда более не станете писать мне, и это весьма скверно; впрочем, я покоряюсь, и отныне Вы будете получать от меня одни комплименты. По-моему, я уже предостаточно наговорил их Вам. Вероятно Вы напрашиваетесь на похвалы, когда признаете, что у Вас нет ни сердца, ни воображения; но отрицая умышленно и то и другое, можно накликать на себя беду. С этим играть не стоит. По-моему, Вы решили, пользуясь риторической Вашей фигурою, создать обо мне эссе. К счастью, я знаю, как мне быть.

Как скоро у Вас появится хоть единая добрая обо мне мысль, дайте знать. Недели две я тут еще пробуду. А пока хочу коротко описать Вам жизнь, какую я здесь веду. Брожу по полям, не встречая ничего, кроме камней. Прощайте. На сей раз, надеюсь, Вы сочтете меня довольно уступчивым и благопристойным, не правда, ли signora Fornarina[6]?

26

Париж, 27 августа 1842.

По приезде я нашел Ваше письмо, притом не такое свирепое, как все предыдущие. Вы поступили верно, прислав его сюда. Было бы обидно-получить такую редкость слишком рано. Спешу поздравить Вас с занятиями греческим и для начала, дабы пробудить интерес, скажу, как зовутся по-гречески те, для кого волосы, как, скажем, для Вас, составляют предмет гордости: «efplokamos». «Ef» — значит «хорошие», «piokamos» — «кудри». Содержание же двух слов составляет прилагательное. Гомер как-то сказал *:

S01tX6xtt[A0<; КаХофю.

Nimfi efplokamos Calipso.

Прекраснокудрая нимфа Калипсо.

Красиво, не правда Ли? Ах, греки[2], дочь моя, и up. хт пр.

Я очень сердит, что Вы так поздно выехали в Италию. Вы рискуете увидеть все сквозь нескончаемую пелену дождя, которая скрадывает половину очарования самых прекрасных в мире гор* и Вам придется пове рить мне на слово* когда я стану расхваливать прекрасное неаполитанское небо. Вы не застанете уже хороших фруктов* зато

полакомитесь жаворонками, которые особенно вкусны в пору* когда созревает виноград.

Я решительно отвергаю Вашу версию притчи.

На возвратном пути со мною случилось приключение* меня в некотором роде обескуражившее, ибо оно показало, какою репутацией пользуюсь я в свете. А дело было так. Я укладывал в Авиньоне багаж, готовясь к отъезду в Париж на почтовых* как вдруг ко мне вошли два почтеннейших господина и представились членами муниципального совета* Я подумал, что они собираются говорить со мной о какой-нибудь церкви, догони в весьма пространных и высокопарных выражениях принялись меня просить, полагаясь на добродетельность мою и честность, взять под опеку даму* которая должна ехать со мною вместе. Я ответил им,— пребывая, к слову сказать, в сквернейшем расположении духа,— что обязуюсь быть кристально честным и добродетельным, но что перспектива путешествовать с дамою отнюдь меня не радует, ибо это помешает мне курить во время пути. По прибытии почтовой кареты я обнаружил в ней высокую миловидную даму, просто, но кокетливо одетую, объявившую, что в карете ее укачивает и что она не надеется добраться до Парижа живою. Так

интимное наше путешествие началось. Я был вежлив и учтив в той мере, в какой для меня это возможно при необходимости оставаться долго в подобном положении. Язык у моей спутницы оказался подвешен неплохо, марсельского акцента у ней не чувствовалось; она оказалась крайней бонапартисткою, исполненной энтузиазма, свято верящей в бессмертие души и гораздо менее в катехизис; вообще она глядела на мир сквозь розовые очки. Я чувствовал, что она меня побаивается. В Сент-Этьене двухместная бричка сменилась четырехмест-яою каретой. У нас оказалось четыре места на двоих, и двадцать четыре ч^ра наедине вдобавок к первым тридцати. Но хотя мы и беседовали •без умолку (какое превосходное выражение!), мне никак не удавалось составить себе представление о моей соседке; я мог разве только догадываться, что она — дама замужняя и приятная спутница. В конце концов в Мулене к нам присоединились два препротивных попутчика, и вскоре мы прибыли в Париж, где моя таинственная дама посмешила броситься в объятия уродливейшего господина, который, верно, приходился ей -отцом. Сняв кепи, я откланялся и уже собрался было садиться в фиакр, как вдруг незнакомка моя, отойдя на

несколько шагов от отца, взволнованно говорит: «Я тронута, сударь, вниманием, какое Вы мне оказали. Я не могу в полной мере высказать Вам свою признательность. И никогда не забуду счастья, испытанного мною от путешествия с такой знаменитостьюЦитирую ее слова точно. Но определение «знаменитость» объяснило мне и появление муниципальных советников, и явную настороженность дамы. Мое имя, очевидно, попалось мм в почтовой книге, и дама, читавшая мои произведения, приготовилась быть съеденною целиком и без остатка; столь ложное мнение бытует, верно, среди многих •моих читательниц. Как пришла Вам в голову мысль шоташжмтьет со мною? Происшествие это на целых два дня повергло меня в дурное расположение духа, после чего я покорился неизбежному. Как странно все складывается в моей жизни: заделавшись отменным негодяем, я года два жил с прежней своею доброй репутацией, а став снова человеком высокой морали, продолжаю слыть негодяем.

По совести говоря, я был таковым года три, не более, да и то порокам предавался не душою, а единственно с тоски, да еще, быть может, чуть-чуть из любопытства. Это, я думаю, сильно уронит меня в глазах Академии; к тому же меня

упрекают в безбожии и пренебрежении к проповедям. Я, конечно, вполне мог бы лицемерить, но я решительно не выношу скуки и никогда не приобрету терпения. Если Вас удивляет, что все богини светловолосы, Вы удивитесь еще больше, увидев в Неаполе статуи с волосами, покрашенными красною краской. Такое впечатление, что античные красавицы пудрились красною пудрой, быть может даже смешанной о золотом. В утешение на фресках Studjes[3] Вы увидите тьму богинь с темными волосами. Мне же всегда трудно решить, какому цвету отдать предпочтение. Только Вам я пудриться не советую. В греческом есть ужасное слово, означающее черные волосы: МеХлууаьщ^ (Меланк-хетис); от этого так и веет дыханием дьявола.

В Париже я пробуду, вероятно, всю осень. Собираюсь как следует поработать над одной нравоучительной книгой [4], забавной не менее, чем «Гражданская война», которую Вы отвезете в Неаполь. Прощайте. Вы обещали мне нежности, и я все еще их жду, без всякой, правда, надежды.

Вы любовались великолепной моею коллекцией античных камней. Увы! На днях я потерял ее самый замечательный экспонат — чудеснейшую Юнону,— совершая благое дело: я нес пьяного,

сломавшего бедро, А камень был этрусский, и Юнона изображена была на нем с косою в руке — нигде более такого ее изображения нет. Посочувствуйте мне,

27

(Конец сентября 1842).

У Вас прелестно получается писать по-гречески — куда более разборчиво, нежели по-французски. Но кто же Вас учит греческому? Не станете же Вы убеждать меня, будто выучились письменным буквам, глядя на типографский шрифт. А кто занимает в Д...[1] место профессора риторики?

Ваше письмо показалось мне па редкость учтивым. Уведомляю Вас о том, ибо знаю, как Вы любите комплименты, да и к тому же это близко к истине. Однако, повинуясь неискоренимому и несчастливому для меня свойству резать в глаза всю правду людям, более мне близким$_5$чем все остальные, я хочу, чтобы Вы знали, что я прекрасно вижу, с ка кой непостижимой скоростью становитесь Вы дьяволом во плоти, и сколь я от этого страдаю. Вы делаетесь ироничною, саркастичною и даже де-моничною. Все эпитеты сии взяты, как Вам слишком хорошо известно, из греческого; профессор Ваш расскажет, что я разумею под определением «демоничный»: «£кх[ЗоХо:»

означает «клеветник». Вы поднимаете на смех наипрекраснейшие мои качества, а если ш хвалите меня, то де~ лаете это так осторожно и с такими недомолвками, что всю похвалу сводите на нет. Не стану отрицать, что в определенный период жизни я водил знакомство с очень дурной компанией. Но прежде всего я бывал там из любопытства и всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Что же до хорошего общества, оно зачастую казалось мне смертельно скучным. А вот с людьми иезаносчивыми, с людьми, которых я давно знаю, или, скажем, с погонщиками мулов и с андалузскими крестьянами мне находиться приятно, по меньшей мере я льщу себя надеждою, что с ними я ~ на своем месте. Упомяните об этом в моем некрологе, и Вы не погрешите против истины.

Если я заговорил о некрологе, значит, мне кажется, что Вам настало время к нему готовиться. Я давно уже чувствую себя прескверно, особенно же здоровье мое ухудшилось за последние две недели. У меня бывают спазмы, ужасные мигрени, обмороки. Вероятно, что-то серьезное происходит у меня с головою, и, сдается мне, что я — кандидат на то, чтобы стать вскорости, как говорит Гомер, гостем сумрачной Прозерпины

[2]. Хотел бы я знать, что сказали бы Вы тогда. Я был бы счастлив, если бы Вы погрустили хотя бы недельки две. Быть может Вы находите мои претензии чрезмерными? Временами я пишу ночи напролет, а бывает, в клочья рву написанное накануне,— поэтому продвигаюсь медленно. Меня писанина моя забавляет, но позабавит ли она других? Древние, по-моему, были куда забавнее нас; цели, которые они перед собою ставили, были- куда значительнее, и головы они себе не забивали тысячей разных глупостей, как это делаем мы. Мне думается, что герой мой, Юлий Цезарь[3], в свои пятьдесят три года, совсем потеряв голову из-за Клеопатры, совершил ради нее массу глупостей, и потому немного нужно было для того, чтобы он погиб в прямом и переносном смысле. А кто из современных людей, я хочу сказать, кто из мужей государственных не затвердел душою, словно камень, не сделался совершенно бесчувственным, подойдя к тому возрасту, когда можно претендовать на избрание в депутаты? Мне хотелось бы хоть немного показать разницу между тем миром и нашим, только вот как это сделать?

Дошли Вы в «Одиссее» до куска \ который я нахожу поистине прекрасным? Когда Одиссеи

в гостях у Алкиноя, еще не узнанный, слушает после трапезы поэта, воспевающего перед ним Троянскую войну. То немногое, что я видел в Греции, помогло мне лучше понять Гомера. В «Одиссее» повсюду чувствуется невероятная любовь греков к своей стране. В современном греческом есть прелестное слово «fevttsed» — «чужбина», «скитание». Находиться в «Sewtstd» — самое горькое для грека несчастье, а умереть там — в их представлении и вовсе чудовищно. Вы всегда подтруниваете над моим гурманством, но Вам, пожалуй, не понять, как могут герои с таким удовольствием лакомиться внутренностями? Современные воины и по сей день их едят; блюдо это называется Коххоretjt[38] и отвечает самым высоким требованиям вкуса. На небольшие палочки из душистого мастикового дерева нанизывается нечто хру~ стящее и сдобренное специями; отведав это, Вы начинаете понимать, отчего жрецы, убивая жертву, оставляли внутренности себе.

Прощайте. Если я не закончу излияний на эту тему, Вы сочтете меня большим гурманом, чем я есть на самом деле. Я же нынче совсем потерял

---

38 notes: 38

[!]* вполне в Вашем духе (ан$л,)„

аппетит, и ничто из мелких радостей бытия меня более не радует. Сие означает, что меня пора выбросить на свалку. Весь октябрь погода будет ужасающая, так что все к тому!

28

Париж, 24 октября 1842.

Весьма любезно с Вашей стороны оставлять меня в полнейшем неведении относительно того, какая часть света обладает преимуществом наслаждаться Вами. Куда прикажете посылать это письмо — в Неаполь, в ***, или в Париж? В последнем письме Вы пишете, что собираетесь в Париж и, быть может, в Италию, но с тех пор — никаких известий. Я подозреваю, что Вы тут, но сообщить мне об этом собираетесь в день отъезда; таким образом Вы поступите highly in character**. Написав Вам в последний раз, я отправился на несколько дней в путешествие и по возвращении обнаружил Ваше письмо, на котором стояла дата столь давняя, что я не решился отвечать на адрес ***. Впрочем, я от души восхищен, что Вы сумели, глядя на большие печатные буквы, и, как Вы уверяете, совершенно самостоятельно, изучить буквы письменные. Да если у Вас есть хоть капля терпения, с такими способностями

Вы станете новой госпожою Дасье *. Что же до меня, я забросил и греческий, и французский — впал в состояние окаменелости, и когда читаю или пишу, буквы у меня перед глазами пляшут, что, разумеется, мало приятно. Вы спрашиваете, существует ли греческий роман как жанр? Он безусловно существует, но, на мой взгляд, примеры его чудовищно скучны. Быть яе может, чтобы Вы не могли достать перевод «Феагена и Хариклеи» [2], столь любимого покойным Расином. Попробуйте, если сумеете, сквозь него продраться; кроме того есть еще «Дафнис и Хлоя» [3], переведенный Курье. В нем много претенциозности, наивности, да и вообще он отнюдь не может служить образцом. Есть еще одна превосходная повесть, но она безнравственна, крайне безнравственна,— я имею в виду «Лукиева осла» [4], переведенного все тем же Курье. Хвалиться его чтением не стоит, но тем не менее — это шедевр перевода! А дальше решайте сами — я же умываю руки. Несчастье греков состоит в том, что представления их о приличиях и даже о морали совершенно отличны от наших. Есть множество вещей в их литературе, которые могли бы шокировать Вас и даже вызывать отвращение, когда бы Вы их поняли. После Гомера Вы можете совершенно безбоязненно читать

трагиков, которые позабавят и увлекут Вас, ибо Вы чувствуете прекрасное: xh xaXov — чувство, которое у греков было в величайшей степени развито и которое мы наследуем от них — мы, happy few[239] [40]. Если у Вас достанет храбрости читать историю, Вас очаруют: Геродот[5], Полибнм$^{0}_{в}$Ксенофонт [7]. Геродот особенно меня восхищает. Я не знаю ничего более занимательного. Но начните с «Анабасиса[8], или Отступления Десяти Тысяч»; возьмите карту Азии и проследите путь этих десяти тысяч мошенников; это — Фруассар[9], античного масштаба. Затем Вы прочтете Геродота, а после него, наконец, Полибия и Фукидида [40]°, оба они — подлинные ученые. Добудьте также Феокрита[11] и прочтите «Сираку-зок» [12]. Кроме того я настоятельно рекомендую Вам Лукиана — грека, в наибольшей мере обладающего остротою ума, притом остротою в нашем понимании. Однако ж негодник он, право, отменный, и я умолкаю. Касательно произношения, если хотите, я пришлю Вам страницу, написанную моей рукою и приготовленную специально для Вас; по ней Вы изучите лучшее, иными словами, современное

---

39 notes: 39

[240] немногие счастливцы (англ.).

40 notes: 40

«Золушка» (ит).

греческое произношение. Произношение школьное легче, но оно совершенно несуразно.

Начиная нашу переписку, мы щеголяли остроумием, а чем мы занялись потом? Не стану и напоминать Вам об этом. Вот как мы расправляемся с ученостью. Есть Латинская поговорка, проповедующая золотую середину; садясь за письмо, я горел желанием наговорить Вам массу резкостей, так что благодарите греческий за то, что оно вышло столь нежным. Это не означает, что я простил укоренившуюся в Вас привычку лицемерить, но покуда я писал, дурное настроение мое слегка исправилось. Не сожалейте о путешествии в Италию, если Вы еще туда не собрались. Погода там нынче стоит ужасающая - холод, дождь и пр. Нет ничего противнее страны, не привыкшей переносить два этих бедствия. Прощайте. Хотелось бы мне знать, где Вы.— Ерр-сооо (Крепись).

Так заканчивается одно греческое письмо.

P. S. Раскрывая книгу, я нахожу там две травинки, сорванные в Фермопилах, на холме, где погиб Леонид. Как видите, это — реликвия.

29

Четверг$_{у}$ <5 ноября) 1842.

Не хотите ли послушать сегодня со Мною итальянскую оперу? По четвергам у меня — ложа, которую я снял вместе с кузеном и его женою \ Они путешествуют, и я покуда — единственный хозяин; Вам надо бы взять с собою Вашего брата или кого-либо из Ваших родственников, которые не могут меня знать. Поверьте, приходом своим Вы доставите мне живейшее удовольствие. Дайте мне ответ до шести вечера, и я Вам сообщу номер ложи; по-моему, сегодня они дают «La Cenerentola» ^2. Выдумайте какую-нибудь милую историю,— но прежде сообщите ее мне,— объясняющую мое присутствие; однако, выдумывая‘историю, непременно предусмотрите для меня возможность беседовать с Вами.

зо

Пятнииа утром, <4 ноября) 1842.

Покорнейше 'благодарю Вас за то, что Вы вчера пришли \ доставив мн» величайшее удовольствие. Надеюсь, Ваш брат не обнаружил в нашт[41] встрече ничего невероятного. У меня есть для

---

41 notes: 41
Всякая наука сгодится (нем„).

Вас этрусская печатка -та, какою пользуетесь Вы, совсем мне не нравится. При первой же mvype че я Вам дам другую. Вот страничка с греческим текстом, которую я приготовил для Вас; когда Вы снова погрузитесь в научение классических языков, она Вам пригодится.

31

Париж, вторник вечером» (8 ноября 1842?')'

Я совершенно Вас не понимаю и не могу удержаться от того, чтобы не назвать отчаяннейшею из кокеток. Первое Ваше письмо, в котором Вы сообщаете, что не хотите более со мною знаться, повергло меня в дурное расположение духа, и я не стал Вам тотчас отвечать. Вы сообщаете также,— чрезвычайно любезно,— что не хотите меня видеть из страха, как бы потом не скучать по мне. Если не ошибаюсь, за шесть лет [41] мы виделись шесть или семь раз, а подсчитывая минуты, провели вместе не более часов четырех, притом половину времени молча. Однако ж зна комы мы друг с другом довольно для того, чтобы Вы ко мне прониклись некоторым уважением, что Вы и доказали мне в четверг. Мы знаем друг друга

---

41 notes: 41
Всякая наука сгодится (нем„).

даже больше, чем люди, которые часто видятся в свете, с тех пор, как стали достаточно свободно обмениваться мыслями в письмах. Согласитесь, что для моего самолюбия не очень-то лестно сознавать, что после шести лет знакомства Вы так со мною обходитесь. Впрочем, коль скоро я не властен побороть Ваши решения, все будет так, как хотите Вы, и все же, я полагаю, что не видеться нам — просто ыелепр. Прошу прощения за это не слишком вежливое и не слишком дружелюбное слово, но, к несчастью, оно верно, по крайней мере иа мой взгляд. В послед яий вечер я нисколько над Вами не подтрунивал. И даже нашел в Вас довольно доверительного отношения к себе. Что же до античной печатки,— ее Вы увидите на этом письме,— она по-прежнему в Вашем распоряжении, только скажите, где мне отдать Вам ее, вернее, как ее Вам дослать. Не будемте нарушать «eternal fitness of things» [41][2]. Взамен я ничего не прошу, так как Вы обыкновенно отказываете мне во всем, о чем бы я ни попросил Вас. И если Вы полагаете, что видеться со мною — дурно, разве не дурно поступаете Вы, продолжая переписку? Коль скоро я не сЬшшком силен

---

41 notes: 41
Всякая наука сгодится (нем„).

в Вашем катехизисе, вопрос этот так и остается запутанным для меня. Возможно, я слишком с Вами суров, но Вы причинили мне боль, а я не могу так же легко, как Вы, лакомясь пирожными, выбросить из сердца то, что в нем засело. Право, на это способен лишь Цербер.

32

Вторник вечером, (15 ноября) 1842.

Сдается мне, я ничего не потерял в ожидании Вашего ответа,— он так и дышит злобою. Но злоба, поверьте, не к лиду Вам, оставьте этот стиль и вернитесь к привычному кокетливому тону, который так чудесно Вам подходит. Желание видеть Вас было бы с моей стороны величайшей жестокостью, ибо Вам от этого стало бы так дурно, что для исцеления Вашего понадобилось бы неслыханное количество пирожных. Не знаю, с чего Вы взяли, будто у меня тьма друзей во всех концах света. Ведь Вам превосходно известно, что у меня есть один лишь друг, вернее подруга, в Мадриде \ Поверьте, я бесконечно признателен Вам за великодушие, какое Вы проявили в тот вечер, когда мы слушали итальянцев". Я ценю, как и должно, снисходительность, с какою Вы целых два часа показывали мне Ваше личико, и

я, должен признаться, был им совершенно очарован, равно как и волосами Вашими, которые я никогда не видел так близко; что же до утверждения, будто Вы не отказывали ни в одной моей просьбе,— Вам уготовано несколько миллионов лет чистилища за эту чистейшую ложь. Я замечаю горячее желание Ваше иметь мой этрусский камень, но коль скоро я великодушнее Вас, я не стану повторять вслед за Леонидом: «Приди и возьми!», я лишь еще раз осведомлюсь, как я могу послать его Вам. Не помню, когда это я сравнивал Вас с Цербером [2]} однако нечто общее у Вас с ним есть, и не оттого только, что Вы, как и он, страстно любите пирожные, но и оттого, что у Вас, как и у него, три головы,— я хочу сказать, три мозга: один питает неуемное Ваше кокетство, другой достоен старого дипломата, а о третьем нынче говорить я не стану, затем что мне не хочется Вам говорить ничего приятного. Чувствую я себя ужасно, и душа вконец истерзана множеством разных неожиданных бедствий. Если Вы состоите в приличных отношениях с судьбою, попросите, чтобы она в ближайшие два—три месяца относилась ко мне благосклонно. Я только что вернулся с представления «Фредегонды» [3], показавшегося мне смертельно скучным, несмотря на мадемуазель

Рашель[4] и ее восхитительные черные, без белка, глаза,— точно такие, говорят, у самого дьявола.

33

Париж, 2 декабря 1842.

В одном стародавнем испанском романе, названия которого я не помню, встречается довольно изящная притча. Некий цирюльник держал заведение на пересечении двух улиц, и потому там имелось две двери. Цирюльник выходил из одной из них и, нанеся прохожему удар кинжалом, тотчас скрывался внутри, после чего выходил из другой и перевязывал раненого. Gelehrten isfc gut predigen [f5§s]. Вот потому я и не сержусь ни на

Вашу голубую кашемировую шаль, ни на пирожные; и то и другое кажется мне вполне естественным; и кокетство и гурманство могут вызывать у меня уважение, но тогда лишь, когда в них признаются со всей искренностью. Зачем же Вы, стремясь слыть значительной персоною, а не просто светской дамой, пестуете в себе такие недостатки? Почему Вы никогда не бываете со мной искренни? Ответьте, к примеру: хотите Вы или не хотите пойти со мною в будущий вторник в Музей? Если не хотите, если это почему-либо неприятно Вам или беспокойно, Вы получите

Ваш этрусский камень во вторник вечером в маленькой коробочке через нарочного. Кокетство, составляющее неотъемлемую часть натуры Вашей, делает Вас довольно забавною. Вы упрекаете меня в легкомыслии, но если бы я не был или не казался столь легкомысленным, Вы давно уже вывели бы меня из терпения. Зачем берут зонтик? Да затем, что идет дождь. Вопреки Вашему желанию* госпожа де М<онтихо> приедет в Париж. Она собирается покупать приданое для дочери, которая весной выходит замуж \ и на случай неожиданного революционного взрыва все дела с приданым, а может быть и сама свадьба, предполагаются в Париже. Жених мне неизвестен; с помощью разных ухищрений мне удалось посодействовать отставке прежнего, который не нравился мне решительно, хотя, по многочисленным отзывам, был в высшей степени незауряден. ^осту он был невысокого, но при этом его щупленькое тельце умещало.в себе пять или шесть титулов. Акция сия свидетельствует о моем исправлении. Прежде смешное в людях меня забавляло, а нын-.че я хотел бы избавить от насмешек почти всех. Словом, я сделался человечнее и когда я вновь увидел бои быков в Мадриде, я не испытал уже того жгучего удовольствия,

какое испытывал десять лет назад; к тому же любые страдания внушают мне ужас, а с некоторых пор я стал верить даже в страдания моральные. Так что теперь всеми силами я стараюсь забыть мое подлинное «я». Вот Вам в нескольких словах отчет о моем самоусовершенствовании.

Академиком я хотел бы стать вовсе не из vanagloria [42]*! На днях я выставлю свою кандидатуру[42] и получу уйму черных шаров. Надеюсь, мне достанет твердости и силы для того, чтобы верно воспринять это и выстоять. А если холера разразится'вдруг снова, я, быть может, и доберусь до кресла. Нет-нет, vanagloria я отнюдь не страдаю. Возможно, я воспринимаю вещи чересчур позитивно, но я был escarmentado[43]* за слишком романтичное восприятие жизни. Впрочем, поверьте, Вам никогда не узнать до конца ни всех достоинств моих, ни всех недостатков. Всю жизнь меня хвалили за добродетели, которыми я не обладал, и поносили за чужие пороки. А теперь я пытаюсь представить себе, как Вы проводите вечера в обществе Ваших братьев. Прощайте.

---

42 notes: 42

* тщеславия (исп.).

43 notes: 43

* наказан (исп.).

34

Воскресенье у 18 декабря 1842

Нет сомнений, что у Вас были педагоги по немецкому и греческому, однако ж очевидно, что логике Вас не учил никто. Ну, в самом деле, кто так рассуждает! Взять хотя бы Ваши слова о том, что Вы не желаете меня видеть, ибо всякий раз боитесь, что это в последний раз и пр. А потому письмо Ваше я считаю недействительным. Из него я лишь понял, что Вы приготовили мне в подарок носовой платок. Пришлите его или прикажите получить из собственных Ваших рук, что было бы куда приятнее. Я не люблю сюрпризов, о которых мне сообщают заранее, ибо представляю их себе много лучше, чем они потом оказываются. Поверьте, нам стоит пойти в Музей вместе; если Вам будет со мною скучно, все станет на свои места, и я не потащу Вас туда больше, если же нет, кто нам мешает время от времени видеться? Покуда Вы не представите мне сколько-нибудь убедительную причину, я не устану допытываться, что же Вас так раздражает. Я ответил бы тотчас же, но потерял Ваше письмо, а мне хотелось его перечесть. Я перерыл весь стол, снова при вел его в порядок — притом это дело вовсе не

шуточное — и наконец, предав огню несколько стопок старых бумаг, только собиравших пыль, начал уже думать, что Ваше письмо исчезло под действием какого-то колдовства. Нашел я его только что в томе Ксенофонта, куда оно забралось совершенно непонятным образом, и с упоением перечел. Решительно Вам пора избавляться от глубочайшего почтения, о каком Вы поминаете порой, изливая на меня поток sinrazones *; но я извиню Вас, если мы скоро увидимся,—ведь в жизни Вы куда милее, чем в письмах,

Я хвораю вовсю и кашляю так, что камни трещат, тем не менее в понедельник вечером я намерен послушать мадемуазель Рашель, которая в присутствии шести великих людей прочтет отрывки из «Федры» \ Она может решить, что я кашляю нарочно, ей в пику. Напишите мне поскорее. Скучаю я убийственно, и Вы совершите акт милосердия, сказан что-нибудь приятное, как Вы умеете кое-когда это делать.

35

Париж, воскресенье вечером Декабрь (1842}

Ваше письмо ничуть меня не удивило — я был к нему готов. Я знаю Вас уже довольно и ничуть не сомневаюсь, что, коль скоро в Вашей головке

появляется какая-либо светлая мысль, Вы тотчас раскаиваетесь и стараетесь поскорее о ней забыть. Впрочем, Вы бесподобно умеете золотить самые горькие пилюли — в этом я отказать Вам не могу. И, уступая место сильнейшему, сдаюсь перед героическим Вашим решением пе ходить более в Музей \ Я совершеныейше уверен, что Вы не слушаетесь ничьих советов, однако ж надеюсь, не далее как через месяц Вы тчесе тесь ко мне благосклонней. Наверное., Вы правы. Одна испанская поговорка гласит: «Entre santa y sank» pared de cal y canto» А Вы все сравниваете меня с дьяволом., Во вторник вечером я обратил внимание на то, что совсем почти не думаю о своих книгах, а все больше о сапожках, да о перчатках Ваших. Но что бы Вы ни говорили, с присущим Вам дьявольским кокетством, мне не верится, будто Вы боитесь потерять голову в Музее, как то бывало прежде. По совести говоря, вот что я о Вас думаю и как расцениваю Ваш отказ: кокетство Ваше должно иметь, пусть неясную, расплывчатую, но цель, и цель эта — я. Однако подбираться к пей слишком близко Ва^не хочется, ибо если Вы не сумеете ее поразить, тщеславие Ваше сильно пострадает, к тому же, приглядевшись, Вы можете решить, что прицеливаться совсем не стоит,— ну,

разве я не прав? В прошлый раз я собирался у Вас спросить, когда мы увидимся снова и, быть может, если бы я настоял, Вы назвали бы день; но потом я подумал, что. согласившись на словах, в письме Вм можете отказать мне, а я буду страдать и возмущаться.

Я всегда бываю с Вами до идиотизма откровенен, но мой пример ничуть Вас не трогает.

36

Четверг, 29 декабря 1842.

Давно уж я собираюсь написать Вам. Ночами я сочиняю прозу для потомства, а значит недоволен и Вами и, что всего удивительнее, собой. Но нынче я более снисходителен. Только что слушал госпожу Персиа-еи [1] — она-то и примирила меня с родом человеческим. Будь я царем Саулом [2], она была бы Давидом при мне [3]. Меня уверяют, будто академик, г. де Понжервиль \ вот-вот отдаст богу душу; я от этого в отчаянии, ибо его мне все равно не заменить, и я предпочел бы, чтобы он подождал, покуда не придет мой срок. Вышеупомянутый Понжервиль перевел в стихах латинского поэта \ по имени Лукреций, который умер сорока трех лет от роду, испив любовного напитка в надежде внушить любовь или хотя

бы приязнь. Но прежде он успел сочинить объемистую поэму о «Природе вещей», богохульную, кощунственную, омерзительную и пр.

Здоровье г. де Понжервиля волнует меня более, нежели оно того стоит, а кроме того скучнейшие обязанности наступающего Нового года заставляют меня подняться послезавтра в шесть часов утра. Как это никому не приходит в голову отправиться в этот день путешествовать или просто[1] ко всем чертям? Висят надо мною и другие скучнейшие обязанности, которые посмешили бы Вас и о которых я не стану рассказывать. Знаете ли Вы, что если мы станем и далее писать друг другу в подобном учтиво-доверительном тоне, утаивая свои сокровенные мысли, нам останется лишь заботливо сохранять этот стиль, дабы в один прекрасный день опубликовать нашу переписку, как это случилось с перепискою Бальзака и Вуатюра? [6] Вы заботитесь прежде всего о том, чтобы почитать несуществующими вещи, обсуждать которые Вам не хочется, что делает величайшую честь дипломатическим способностям Вашим, А .Вы, мпе кажется, похорощели. Хотя поверить в это трудно, ибо море не пополняется новыми йодами. Сие доказывает, что, теряя в одном, Вы приобретаете в другом. Хорошеют, когда в поряд-

ке здоровье; а оно в порядке, когда у человека превосходный желудок и недоброе сердце. Вы по-прежнему едите пирожные?

Прощайте; желаю Вам удачного конца года и удачного начала будущего. А уж друзья Ваши попользуются в этот день Вашими щечками. Когда я закончу прозу, о которой писал выше, в наказание поеду дней на десять в Лондон. Вероятно это будет поближе к Пасхе.

37

Декабрь 1842 <^>.

Знайте, что покуда мы не виделись, я тяжело болел. Все кошки мира раздирали мне когтями горло, в груди полыхало адское пламя — словом, я провел в постели несколько дней, размышляя о жизни. И вот я понял, что нахожусь на склоне горы, вершину которой только-только, изнемогая от усталости, безрадостно преодолел, понял, что склон ее весьма крут и неприятен для спуска и что было бы совсем неплохо отыскать какую-нибудь дыру прежде, чем я окажусь внизу. И единственным для меня утешением на этом склоне было бы немножко солнечного тепла И дальних краях — проводить, скажем, по несколько месяцев в Италии; Испании или

Греции, забыв про весь мир, не думая ни о настоящем, ни, тем более, о будущем. Все это было отнюдь не весело; но тут принесли мне четыре тома' «Жизни Иисуса» [44] доктора Штрауса. В Германии такое зовется экзепетикой; слово это греческое, и немцы воспользовались им для определения спора, достигшего высшей степени остроты; означепное сочинение — вещь довольно занимательная. Я уже заметил, что чем меньше пользы можно вынести от прочтения вещи, тем более она занимательна. Не придерживаетесь ли и Вы приблизительно того же мнения, se-пога caprichosa *?..

38

Вторник вечером. Декабрь 1842 <?).

Это уже несравнимо с Жан-Полем[44]; это — в чисто французском духе, времен Людовика XV. Неоспоримые доказательства, основанные на неприкрытом интересе. Иные люди покупают мебель за цвет обивки, который им приглянулся, а потом, боясь ее попортить, надевают на нее чехлы, каковые и не снимают, покуда сама мебель не превратится в рух-

---

44 notes: 44

* в два метра высотой (исп.)„

лядь. Во всех словах Ваших и поступках Вы всегда подменяете подлинное чувство чем-то, не выходящим за рамки условностей. Возможно, так — приличнее. Вопрос в том, чтобы понять, насколько это для Вас важнее другого, что, на мой взгляд, глупо и смешно ставить рядом. Меж тем Вы знаете, что хоть я небольшой поклонник чрезмерной рассудочности, условности я уважаю, даже те из них, которые кажутся мне наиболее несуразными. В головке Вашей роится множество нелепейших мыслей,— простите за резкость,— и я не простил бы себе, если бы пытался переубедить Вас, ибо Вы держитесь за них и Вам нечем их заменить. Но мы мечтаем. И разве не возвращает нас беспрестанно к реальности махина de cal y canto **? Должны ли мы все еще пытаться сомкнуть края бездны, на дне которой нам видится сказка? Чего Вы боитесь? В сегодняшнем письме Вашем сквозь множество жестоких, сумрачных, леденящих мыслей проглядывает нечто настоящее. «Мне кажется, я никогда не любила Вас так, как вчера». Вы могли бы к тому добавить: «Сегодня я люблю Вас меньше». Я уверен, что когда бы сегодня Вы были той, какою были вчера, Вы испытывали бы угрызения совести, которые я предсказывал Вам и которые, я полагаю, ничуть

Вас не тревожат. Мои же угрызения совести — характера совсем иного.

Я часто раскаиваюсь в том, что слишком честно исполняю свою роль статуи. Вчера Вы подарили мне душу, и я в ответ хотел бы подарить Вам свою, да только сами Вы того не желаете. Вечный холщовый чехол! Вот за что, по Вашей милости, я мог бы осыпать Вас всеми мыслимыми ругательствами и, однако ж, никогда я не был так далек от этой мысли,, как до получения Вашего письма. В конце-то концов я похож на Вас — добрые воспоминания изгоняют из моей памяти дурные. Кстати, подумать только, какие нежности! Вы готовите мне сюрприз к отъезду. И думаете, что я стану сгорать от нетерпения? Вчера, возвращаясь с ужина, я вдруг понял, что наизусть помню монолог Текмессы [2], которым Вы восхищались; и вот, коль скоро я люблю помечтать, я принялся переводить его стихами — английскими стихами, разумеется, ибо к стихам французским я испытываю отвращение. Я посвятил их Вам, но Вы их не получите. Впрочем, я заметил, что слову Ajax ужасно не хватает длины. Нужно ведь Ajax, не так ли?

Когда я увижу Вас, чтобы сказать то, чего Вы мне никогда не говорите? Видите, как мы пове-

леваем временем. Око подлаживается под нас. Между двумя бурями у нас всегда остается день зимородка [3]. Назовите мне только два дня, так как я нынче на привязи.

39

Париж, вторник, 3 января 1843.

Наконец-то, вот что значит высказаться! Как же Вы добры, когда того хотите. И почему Вы так часто прикидываетесь злюкою? Нет, письменные благодарности не стоят ничего, и дипломатия моя, пущенная в ход [44] для того, чтобы добыть столь хвалебные рекомендательные письма для Вашего брата \ заслуживает нескольких теплых слов при встрече. ?! от всего сердца прощу Вам все насмешки над шарами и Академией, о кото рой я думаю куда меньше, нежели Вы полагаете. И если когда-нибудь я сделаюсь академиком, я буду ничуть не тверже скалы. Да, возможно к тому времени я в известной мере очерствею и превращусь в некое подобие мумии, но в глубине души останусь все же неплохим малым. Возвращаясь к Персиани, я не вижу иного способа превратить ее в Давида, как ходить слушать ее каждый четверг.

---

44 notes: 44

* в два метра высотой (исп.)„

Что же до мадемуазель Рашели, я не способен наслаждаться стихами столь же часто, как музы кой; она — Рашель, а не музыка — напоминает мне, что я обещал рас сказать Вам одну историю. Рассказать ее теперь или приберечь до того дня, когда мы увидимся? Лучше я этот случай опишу, ибо при встрече мне без сомнения захочется сказать Вам многое другое. Итак, около двух педель назад я ужинал с мадемуазель Рашель[2] у одного академика. Всех нас собрали для того, чтобы представить ей Беранже. И великих людей там, надо признать, было довольно. Рашель приехала поздно, и появление ее было мне неприятно. Мужчины наговорили ей столько глупостей, а женщины, завидев ее, столько их наделали, что я забился в угол и сидел там, не вставая. К тому же я не беседовал с нею уже больше года. После ужина Беранже, с присущей ему прямотой и разумностью, сказал ей, что она напрасно растрачивает свой талант в салонах, ибо истинная ее публика лишь в стенах Французского театра и пр... Мадемуазель Рашель, казалось, безоговорочно приняла его наставление и, выказывая свое полнейшее с ним согласие, сыграла первый акт «Есфири» [3]. Нужен был кто-то, кто подавал бы реплики, и она попросила, принести мне том

Расина, что и было сделано одним академиком, исполнявшим обязанности чичисбея. Я довольно резко заметил, что ничего не смыслю в стихах и что среди присутствующих есть люди, которые разбираются в них лучше и продекламируют их артистичнее. Гюго сослался на зрение, другой— на что-то еще. В жертву принес себя хозяин дом л. Вообразите только Рашель в черном, стоящую между роялем и чайным столиком, на фоне двери, и входящую в роль. Глядеть на это перевесит щение на виду у всех было чрезвычайно забавно и в то же время пре красно; длилось приготовление не более двух минут, после чего Рашели начала:

«Ты ль это, милая Элиза?» *

«Наперсница» посреди своей реплики вдруг роняет очки и книгу; мину*, десять проходит прежде, чем «она» отыскивает страницу и вновь обретает дар зрения. Аудитория наблюдает, как Есфирь понемногу распали ется гневом. Но продолжает. Внезапно позади нее отворяется двери входит слуга. На него машут, чтобы он убрался. Он шмыгает обратно, v никак не может плотно затворить дверь. Вышеупомянутая дверь подр.» гивает и раскачивается, сопровождая голос Рашели мелодичным и пр-» забавным скрипом. Так и не дождавшись тишины, мадемуазель Ра шел

приложила руку к сердцу и почувствовала себя дурно, однако ж, пришли

нув умирать на сцене, она дала время окружающим броситься ей на помощь. Во время интермедии Гюго и г. Тьер [5] разбранились в пух, споря о Расине; Гюго утверждал, что Расин мелок духом, а Корнель — велик. «Вы говорите так,- заметил на это Тьер,—оттого, что Вы—велики духом; Вы — Корнель (Гюго скромно опустил очи долу) той эпохи, где роль Расина исполняет Казимир Делавинь» [6]. Предоставляю Вам подумать, была ли тут уместна скромность. Тем временем дурнота проходит и действие доигрывается до конца, правда, fiascheggiando *. Некто, близко знавший мадемуазель Рашель, произнес, выходя: «Как же она выругается, уезжая отсюда!» Фраза эта дала мне пищу для размышлений. Вот Вам моя история; и пожалуйста, не компрометируйте меня в глазах академиков, — это все, о чем я прошу.

В воскресенье я узнал Вас, лишь подойдя совсем близко. Первым моим порывом было броситься к Вам, но увидев, что Вы окружены целою свитой, я прошел мимо. Думаю, что поступил я верно. Обыкновенно вы бываете бледною, но в тот день даже щечки у Вас порозовели, благодаря, как я

заключил, торжественности дня. Добрый вечер или, скорее, утро. Понедельник или, скорее, вторник. Теперь ведь всего-навсего три часа утра.

40

Париж, 9 <января) 1843

Я обеспокоен полнейшим молчанием Вашим, но не оттого, что опасаюсь «здравого размышления», а оттого, что боюсь, как бы Вы не расхворались, и ругаю себя, что затеял столь долгую прогулку, закончившуюся ветром и дождем. К счастью, оказалось, что почта по воскресеньям не работает, потому мне и пришлось ждать Ваше письмо. И хотя я очень от этого страдал, Вас я не виню нисколько. Я счастлив сообщить об этом, дабы Вы знали, что недостатки свои я исправляю, равно как и Вы. Итак, до свидания, притом до скорого. Глаз у меня уже прошел. А ваш, я думаю, все так же сверкает. До чего же мы все сами умеем испортить! Разве не стоит нам как можно скорее увидеться?

Я крайне опечален и потрясен. Одного из ближайших друзей моих, к которому я собирался съездить в Лондон, разбил паралич [4]. Я даже не знаю, выживет ли он, или — что, пожалуй, даже хуже смерти,— ему суждено долго еще влачить

то жалкое полуживотное существование, в какое болезнь эта погружает самые блестящие умы. И вот теперь меня терзает вопрос, не должен ли я немедля к нему ехать.

Прошу Вас, напишите, и непременно что-нибудь нежное, что отогнало бы от меня эти печальные мысли.

с хрипами и свистящим дыханием (иг.).

41

Четверг утром, 02 января> 1843.

Увы! Да, бедняга Шарп,— это его так внезапно и жестоко хватил удар. С 5-то числа у меня нет о нем никаких известий, и если Вы знаете в Лондоне кого-нибудь, кто мог бы дать мне верные сведения, соблаговолите написать этому человеку и спросите, .каково состояние больного и на что еще можно надеяться. Быть может Вы знакомы с его сестрой. Я полагаю, что видеться с ним Вы могли как раз у нее. Возможно против Вашей воли, но в последнем письме слишком уж чувствуется «здравое размышление». И, однако ж, попадаются в нем ласковые строчки, ускользнувшие, видимо, от Вашего внимания. Вы вовсю стараетесь быть плохою, но достигаете этого лишь ценой невероятных усилий.,

Задумывались, ли Вы когда-либо над тем, как это чудесно придумано — собрать в прекрасном дворце картины и статуи и дать возможность всем любоваться ими. К несчастью, скоро всю красоту эту закроют и развесят там отвратительную современную мазню. Разве Вас это не расстраивает? Поверьте, нам должно проститься со всеми древними статуями. Весьма удачный день, скажем, суббота, ибо по субботам туда ходят одни лишь англичане, которые не слишком мешают тем, кто любит разглядывать картины вблизи. Что скажете Вы о субботе, то есть о послезавтра? Это — последняя возможная суббота. Слово «последняя» причиняет мне боль. Итак, до субботы. Вы пишете, что мучаетесь угрызениями совести, вспоминая о моем больном глазе. Отчего же это? Избежать сего несчастья можно было двояким образом: я мог бережнее относиться к моему глазу, а Вы могли его Полечить; вот от этого, я думаю, Вас и Мучают угрызения совести, во всяком случае они, верно, мучили Вас, пока их не сменили «здравые размышления». Если ничего не изменится, мы встретимся в субботу, в два часа, перед «Джокондой» разве только погода вконец не испортится; но надеюсь, этого не произойдет, и если случится какая-то помеха, так

только по Вашей вине.

Зачем Вы пользуетесь такими крохотными листочками бумаги и зачем пишете мне всего-навсего три строчки, две из них используя на то, чтобы бранить меня? Что толку вздыхать об ускоряющемся беге жизни, главное — не упускать своего счастья! И разве не лучше, когда есть чтр вспомнить, нежели существовать в коконе долгие годы, не оставляющие но себе никаких воспоминаний.

42

Париж, воскресенье, 05} января 1843.

Благодарю Вас за желание меня успокоить, но пылающие щеки, о которых Вы вскользь упоминаете, внушают мне страх. Поверьте, я очень сожалею, что заставил Вас выйти в такой ужасающий ливень. Я редко решаюсь принести кого-либо в жертву моим желаниям, и когда это случается, меня мучают страшные угрызения совести. Но в конце концов Вы не больны и на меня не сердитесь, а это — самое главное. Хорошо, когда время от времени на человека сваливаются мелкие горести — они отводят большую беду. Вот мы и кинули кость дьяволу. По-моему, оба мы были печальны и мрачны, однако ж в глубине

души довольны. Бывает, когда на сердце весело, но показывать того не хочется. Как желал бы я, чтобы чувствования Ваши хоть сколько-нибудь сходились с моими. И я буду верить в это, даже если Вы станете утверждать обратное. Два раза Вы сказали мне: «До свидания!» Это — добрый знак, не так ли? Но где и как? Последняя выдумка моя была столь неудачна, что повергла меня в совершеннейшее уныние. И отныне я готов следовать лишь Вашим пожеланиям.

Нынче вечером у меня разыгрался сильнейший насморк, но дождь-тут, я думаю, вовсе ни при чем. Все утро я разглядывал всевозможные талисманы — халдейские, персидские и прочие поделки в темной галерее, у антиквара, который прямо трясся от страха, как бы я у него чего-нибудь не стащил. Решив помучить его, я и торчал там на холоде куда дольше, чем того требовал интерес мой к его коллекции.

Доброй ночи и до скорого свидания. Теперь повелеваете Вы. Не затем ли мне так хочется видеть Вас, чтобы убедиться, что Вы не простудились, не впали в уныние и не рассердились.

43

Понедельник утром, {16 января 1843}.

Вот это — настоящий разговор. Завтра, в два часа, там, где Вы скажете. И надеюсь увидеть Вас вполне здоровою; мигрень будет забыта — хотя она не мешает Вам быть любезней обычного. Прощайте; я счастлив буду полюбоваться «Джокондою» вместе с Вами. Мне предстоит еще обежать весь Париж, а потому сейчас я лишь благодарю Вас за эту почти нежданную милость.

44

Среда, <18 января 1843}.

Не так страшен черт, как его малюют, не правда ли? Я рад был узнать, что Вы не подхватили насморка и хорошо выспались. Сказать больше я не решаюсь. Подумайте все же — ведь Музей закроется 20 января для подготовки к выставке картин *, и, право, жаль было бы не попрощаться с ним. Разумеется, в ответ на сие предложение Вы найдете тысячу и одно «но». Однако ж берегитесь, 21 января Вы, быть может, горько раскаетесь в том, что Вам недостало мужества, какое Вы проявили вчера.

45

Воскресенье вечером. Январь 1843.

Что до меня, я не чувствую большой усталости, но прослеживая по карте пути странствований наших, вижу, что оба мы должны бы были остаться без ног. А все оттого, что мне счастье придает силы, а у Вас оно их отнимает. Wer besser liebt**? Ужицал я в городе; затем отправился на раут. И заснул совсем поздно, вспоминая нашу прогулку.

Вы правы, говоря, что так бывает только в мечтах. Но разве не величайшие счастливцы те, кто может окунуться в мечту, стоит им только захотеть? И коль скоро диктуете обыкновенно Вы, Вам и решать, когда может повториться эта сказка. Вы пишете, что мы ничем не выразили нашего отношения друг к другу. Не понимаю. Быть может, я заставил Вас слишком много ходить? Но как мы могли этого избежать? Я-то очень доволен Вашим отношением ко мне и расхваливал бы его еще больше, когда бы не опасался славословиями Вас испортить. А о безумствах не тревожтесь — они узаконены. И когда у Вас возникает вдруг желание в чем-то укорить меня, подумайте, а

не предпочитаете ли Вы, really truly[4546]*, как раз обратное. Искренность, меж тем, не относится к наиболее заметным Вашим достоинствам. Вы посмеялись надо мною и почти обиделись, когда я упомянул как-то раз о желании уснуть, вернее, об оце пенении, какое находит иногда на человека, когда он чувствует себя •слишком счастливым, чтобы искать слова, которые могли бы выразить состояние его души. А вчера я заметил, что Вас охватила та самая дре ма, какая стоит любого оживления. Так что я мог бы вернуть Вам Ваши же упреки, но на душе у меня было слишком хорошо, и я боялся •спугнуть свое счастие.

Прощайте, любезнейший друг мой, и, надеюсь, до скорой встречи.

46

Среда вечером, январь 1843 <Я>.

Весь день прождал я Ваше письмо. Мне казалось, что мостовые сухи и небо вполне сносно. Но Вам, верно, нужно теперь, чтобы солнце светило, как в прошлый четверг. Кроме того, я думаю, Вам

---

45 notes: 45

[1Ф] Так кто любит сильнее (нем.).

46 notes: 46

* положа руку на сердце (англ.).

пришлось славно потрудиться, чтобы составить письмо, которое я только что получил. Оно в себе содержит и упреки, и угрозы, причем все это преподнесено в изящнейшей манере, которую Вы так хорошо усвоили. Поначалу разрешите поблагодарить Вас за искренность и отплатить той же монетою. Начну с упреков: я полагаю, что Вы из мухи делаете слона. Подолгу размышляя над событиями и в ходе размышлений преувеличивая их, Вы придаете тому, что сами называете «вольностями», a star chamber matter

Есть один лишь вопрос, хоть в какой-то мере стоящий объяснений. Вы упоминаете о «прежних случаях» и, кажется, думаете, будто я не покладая рук, терпеливо и вероломно, точно бывалый министр, подобные случаи изыскиваю. Однако ж, призвав на помощь память, Вы убедитесь, сколь далеко это от правды. А если надобно приводить доказательства касательно «прежних случаев», так я могу вспомнить салон на улице Сент-Оноре \ где мы впервые увиделись снова, или первое наше посещение Лувра, едва не стоившее мне глаза. В то время" все это казалось Вам вполне естественным, но теперь — другое дело. Должны же Вы видеть, что если иной раз я и уступаю своим желаниям, то останавливаюсь тотчас — стоит

мне заметить, что Вам это неприятно; и также Вы должны видеть, что я часто мечтаю о чем-либо, но дела до конца не довожу. Ну вот, кажется, хватит упреков и прежних случаев.

Что же до угроз, поверьте, я к ним весьма чувствителен. Однако хоть они и пугают меня, я не могу удержаться и не высказать еще раз всего, что думаю. Для меня нет ничего легче, чем надавать Вам с три короба обещаний, но я чувствую, что не сумею их исполнить. А потому довольствуйтесь теми отношениями, какие между нами сложились, или же не будемте видеться вовсе. Я должен сказать, что та последовательность и известное ожесточение, с каким Вы противитесь вышеупомянутым «вольностям», делают их для меня еще дороже и они приобретают в моих глазах еще большую значимость. А ведь они могли бы стать единственным доказательством тех чувств, какие Вы, быть может, ко мне питаете. Если же видеть Вас надобно для того лишь, чтобы противостоять самым невинным желаниям — такая святость свыше моих сил. От встреч с Вами я, без сомнения, всегда получал бы несказанную радость, но превратиться в статую, как то случилось с царем из «Тысячи и одной ночи» [2], я не могу.

Вот мы и объяснились вполне ясно — и Вы и я. И

целомудрие под-скажет Вам, отложим мы первую нашу прогулку на несколько лет или до первого солнечного дня. Видите, я не принял Вашего совета и не сделался лицемером. Впрочем, Вы знали заранее, что на это я не пойду. Единственное лицемерие, на какое я способен,— это скрывать от дорогих мне людей ту боль, какую они мне причиняют. Некоторое время я могу делать над собой такое усилие, но постоянно — нет. Когда Вы получите письмо, пройдет уже неделя с тех пор, как мы не виделись. И если Вы не отказываетесь от Ваших угроз, тотчас же мне напишите. С Вашей стороны это будет весьма любезно, за что я и буду Вам весьма признателен.

47

Январь 184S (?).

Я не удивляюсь более тому, как скоро и полно выучили Вы немецкий г право же, Вы чувствуете самую сущность этого языка, ибо и по-французски составляете фразы, достойные Жан-Поля; вот, к ^ примеру, когда Вы говорите: «Болезнь моя есть следствие счастья, которое само уже почти страдание!», что в прозе, видимо, означает: «Я поправилась, да, впрочем, и хворала несерьезно». Вы правы, отчитывая меня за недостаток пиетета

к больным,— я и сам неустанно корю себя за то, что заставил Вас ходить и разрешил долго просидеть в тени. В остальном же угрызения совести меня не мучают, равно как, надеюсь, и Вас. Вопреки обыкно вению, помню я все, как в тумане. И похожу на кота, который, попивши молока, долго потом облизывает усы. Согласитесь, что отдых, о котором Вы говорите иногда так восторженно, и даже kef [47], как наивысшая его форма, ни в какое сравнение не идет со счастьем, «которое само ужо почти страдание». Нет ничего хуже участи устрицы, даже устрицы уцелевшей. Вы полагаете, будто балуете меня, меж тем как сами избалованы и такой мере, что с трудом соглашаетесь побаловать других. Доведя человека до исступления, Вы празднуете победу, и я, мне кажется, заслужил от Вас похвалу за благородство, проявленное мною в ответ на Ваши резкости. Я восхищен собою, А Вы вместо нравоучений лучше скажите мне что-нибудь ласковое или наговорите тьму розовых нелепиц, которые так прелестно звучат в Ваших устах. Вы заставили меня вновь проделать путешествие по Азии,

47 notes: 47

кейф {араб.).

[2]* намек {англ.).

[3]* в воображении (англ.).

причем интереснее, чем оно было на самом деле Машина, что летит быстрее поезда.— к нашим услугам, оба мы носим ее в голове. Я уловил «hint» [2]* и, лишь только получил Ваше письмо, тот час отправился вместе с Вами в Тир и Эфес, где мы забрались в чудес яый эфесский грот. Мы сидели на древних саркофагах и разговаривали обо всем на свете. Мы ссорились и мирились — все как тогда, на т<»й по лице. Правда, видели нас только ящерицы, большущие, но совсем без обидные, хотя и страшно уродливые. Однако даже in the mind's eye '* Вы представляетесь мне не такою нежной, как я хотел бы; и в Эфесе, надув губки, Вы злоупотребляете моим терпением.

Вы говорили как-то о сюрпризе, который готовите мне; но, положа руку на сердце, разве могу я в это поверить? Все, на что Вы способны,— это уступить, когда все выдумки Ваши исчерпаны. Ну как заставите Вы себя кого-либо одарить, если талант Ваш состоит в умении отказывать? К примеру, я совершеннейше убежден, что Вам никогда и в голову не приходило назначить самой день следующей нашей прогулки. Скажем, предпочитаете Вы понедельник или вторник? Небо, право же, беспокоит меня, однако я уповаю на нашего демона благосклонного, как говари-

вали греки. По сему случаю хочу принести Вам отрывок из греческой трагедии, которую переведу слово в слово, а Вы скажете мне Ваше мнение. Мне думается, что испанская комедия затерялась где-то между той чертой, какую мы уже перешли, и той, за какою мы вновь теперь оказались. Я принесу Вам другую. И, продолжая настаивать на том, чтобы Вы прочли историю графа Вилья-Медиана, я отыщу для Вас стихотворение герцога Риваса \ Прощайте; гоните от себя задние мысли и поста-райтесъ думать обо мне хорошо. Вы знаете, что я имею в виду. И напомните мне про историю о сомнамбуле, которую я все собираюсь рассказать Вам,

48

Париж, 21 января 1843.

Вы любезны чрезвычайно, и я благодарю Вас за первое Ваше письмо, доставившее мне радость, много большую, нежели второе, где чувствуется известная доля «по здравому размышлению». Однако ж приятности и оно не лишено. Вот по-немецки, право же, писать надобно поразборчивее. А так без комментариев мне не обойтись, притом, разумеется, комментариев устных, ибо они вернее. Поначалу я прочел heilige empfindung

а теперь думаю, что читать следует selige [2]*. Но это слово имеет два смысла. Подразумевается ли чувство счастья или же мертвое, иссякнувшее чувство, чувство, навеки уснувшее? Если б я видел Вас за составлением письма, по выражению лица я, возможно, и догадался бы, что Вы хотели сказать. С Вашей же стороны это — двойное кокетство,— Вы пишете неразборчиво и тем еще более затуманиваете смысл. Увы! Вы полагаете меня человеком более сведущим в вопросах туалета, нежели я есть на самом деле. Меж тем мнение мое на сей предмет сложилось давным-давно; я изложу его, если это Вам будет угодно; однако я по большей части ничего не смыслю в прекрасных вещах, коими принято восторгаться, разве что кто-нибудь на них мне укажет; но уверяю Вас, если Вы объясните, я тотчас все пойму. Но когда и как? Вот два вопроса, занимающих меня не менее, чем Ваши «зачем» и «кого ради»! Не сожалеете ли Вы хоть сколько-нибудь о тех дивных днях, какие можно было бы провести вместе, наслаждаясь весенним солнышком? И никакой опасности для восхитительных сапожек! Скажите, что думали об этом и размышляете до сей поры,— я запасусь еще терпением; но только надобно не думать, а решать. Я не испытываю ни

малейшего желания напоминать Вам о Ваших обещаниях, ибо надеюсь, что к чистосердечному намерению исполнить их Вы добавите не менее искреннее желание не заставлять меня ждать слишком долго. Тот ливень и все последовавшие за ним события повергли меня в такое отчаяние, что я буквально таю от нежности и готов на любое самопожертвование. Теперь я уже довольно доверяю Вам, чтобы не опасаться, что Вы воспользуетесь этим и станете меня тиранить. А Вы к тому имеете, сдается мне, большую склонность; прежде и я страдал этим недостатком — я имею в виду страсть к тиранству,— однако ныне от него избавился, с чем себя и поздравляю. Прощайте же, dearest[3]*. И хоть немножко думайте обо мне.

священное чувство (нем.). •'* счастливое (нем.).

** дражайшая (англ.).

49

27 января 1848

Вот что со мною стряслось. Нынче утром мне было очень худо, но я все же принужден был нанести несколько визитов, возвратился я изрядно раздраженный часов около пяти и задремал у камина за чтением доктора Штраусса \ с сигарою во рту. И вот привиделось мне, будто сижу

я в том самом кресле, только читаю, бодрствуя, как вдруг входите Вы и говорите: «Проще всего — видеться нам тут, не правда ли? — Проще, но не лучше»,— отвечаю я, ибо мне кажется, что в комнате кроме нас находятся еще два или три человека. Однако ж мы продолжаем беседовать как ни в чем не бывало/на чем я и проснулся, а проснувшись, обнаружил от Вас письмо. Видите, до чего расчудесно спать! По-моему, никакой злости в письмах моих не было, а стало быть и прощения мне просить не за что. Скорее уж Вам пристало бы просить прощения у меня, но Вы делаете это с такой ничтожною долей раскаяния и с такой иронией, что мне тотчас видно, в какой мере утратили Вы почтение, какое некогда ко мне питали. Меж тем, несмотря на всю решимость, я не в силах долго на Вас гневаться и покорно продолжаю оставаться Вашей жертвой; но душевной щедростью моей Вы лучше не злоупотребляйте. Это было бы неблагородно и невеликодушно. Вы пишете о солнце и советуете мне насладиться им после дождичка в четверг, под святую пятницу; возможно в июле оно и в самом деле появится на горизонте; но только надобно ли так долго ждать? Что и говорить, пасмурная погода Вас просто escar-mentada **.

Однако не могли ли бы мы, приняв, разумеется, меры предосторожности, воспользоваться первыми же погожими днями? Мне не хотелось бы, чтобы из-за меня Вы подхватили насморк. Наденьте Ваши сапожки-скороходы. Видеть Вас в любом костюме всегда доставляет мне живейшее удовольствие. А что это за боль в боку, о которой Вы говорите так небрежно? Знаете ли Вы, что именно так начинается воспаление легких? Вы можете пойти на бал, а возвращаясь, простудиться. Успокойте меня поскорее, прошу Вас. Лучше уж crosse[4849]*, только не болейте. Но если Вы будете чувствовать себя совершенно здоровою, если будете в добром расположении духа, и погода в субботу будет хоть сколько-нибудь подходящая, почему бы нам не совершить этой прогулки? Мы могли бы отправиться куда-нибудь подальше от людей, побродить вместе, побеседовать. Если Вы не можете или не хотите встречаться в субботу, я не рассержусь, но хоть постарайтесь, чтобы мы увиделись поскорее. Когда я прошу Вас о чем-то, Вы исполняете это, лишь доведя меня прежде до исступления, и сводите на нет чувство призна-

---

48 notes: 48

** замучила (исп.).

49 notes: 49

* злитесь {англ.).

тельности, каким я должен был бы проникнуться; сверх того, Вы лишаете себя тех заслуг, какие зачлись бы Вам, прояви Вы великодушие без долгого промедления. Беседовать и — что кое-когда все же с нами случается — думать вместе, да разве таким наслаждением пресыщаются? Отвечать можно, разумеется, лишь за себя самого, но для меня каждая прогулка наша счастливее предыдущей, ибо воспоминания о ней остаются со мною. Последнюю прогулку я исключаю и, напротив, желал бы поскорее вычеркнуть ее из памяти, заменив другой, после которой Вы вернетесь совершенно здоровою. Вот мирный договор и заключен, и в четверг я жду приказа Вашего о его ратификации.

50

Париж, 3 февраля 1843.

Не заставляет ли Вас чудеснейшая погода эта вспомнить о Версале и не вызывает ли, следовательно, она у Вас смех? Но обладай Вы хотя бы малою толикой логики, Вам бы вовсе не хотелось смеяться. В самом деле, известно, что Версаль представляет собою центр департамента Сена-и Уаза, что там имеются должностные лица, призванные защищать слабого, и что говорят там

по-французски, А значит, там Вы чувствовали бы себя в не меньшей безопасности, нежели в Париже. К тому же Вы всегда думаете лишь об одном — как бы не повстречаться на прогулке с кем-либо из Ваших знакомых бездельников. В Версале же, в дни, когда музей закрыт *, смею уверить, совершенно пусто. Я не говорю уж о воздухе или красотах пейзажа, достоинства коих не подлежат сомнению и оказывают влияние на самый строй наших мыслей. Я, скажем, глубоко уверен, что в Версале Вы никогда не рассердились бы на меня так, как рассердились в прошлый раз; я полагаю, что Вы уже вполне оттаяли, ибо конец Вашего письма, как мне показалось, продиктован лучшей стороною Вашей натуры. А в начале — проглянула худшая ее сторона. Пишу второпях. Я должен выполнить еще тьму разных поручений и мне предстоит изрядно поскучать. Думайте время от времени обо мне и не сердитесь. А думая, не слишком громко смейтесь.

51

Париж, 7 февраля 1843.

Соблаговолите дозволить мне произвести наипростейший подсчет, и все с Версалем станет ясно. Значит, часовая прогулка по такому чу-

десному саду представляется Вам томительно трудною? Но разве не провели мы вместе р музее два часа в тот день, когда на улице был густейший туман? Я все сказал.

Вы смешите меня Вашими предположениями о роде даваемых мне поручений. И хотя поручений всяческих мне в самом деле хватает, те, о каких я говорил Вам, касаются собраний, где множество людей занимаются делами, которые с успехом мог бы исполнить кто-нибудь один. И не думайте, что Вы — единственное на свете существо, обремененное поручениями. Я обегал весь Париж, закупая платья и шляпы, а на среду у меня назначено свидание с портным, которому я заказываю костюм пастушки, в стиле рококо. И все это для двух дочерей госпожи

де ЛКонтихоХ Дайте мне совет, какое платье подойдет им для бала-маскарада? Шотландский и польский костюмы уже в пути. У меня будет хірі-шасена для них «пастушка», но надобно придумать что-нибудь еще. Вот Вам их приметы: старшая — темноволосая, бледная, чуть ниже Вас, прехорошенькая, с выраженьем лица живым и веселым., Другая же, очень высокая, очень белокожая, восхитительно красивая, с волосами, которые так любил писать Тициан. Из нее, с по-

мощью пудры, я и хотел бы сделать пастушку. А Вы дайте мне совет касательно второй.

Я все думаю, отчего Вы так похорошели, и не нахожу удовлетворительного объяснения. Быть может выражение Вашего лица теперь не столь свирепо? В последний раз, однако ж, Вы напомнили мне птичку, которую схватили и посадили в клетку. У меня Вы подметили три выражения лица, а у Вас я видел лишь два. Они отображают свирепость и какое-то сияющее недовольство, свойственное только Вам.

Напрасно Вы обвиняете меня в излишней светскости; вот уже две недели, как я никуда не выходил, исключая разве что один вечер, когда я был с визитом у министра. Дам всех я застал в трауре; на большинстве из них были мантильи, вернее, черные вуали, делавшие их похожи ми на испанок; мне это показалось прелестным. У меня странное, угрюмое и грустное расположение духа. Я с удовольствием повздорил бы « Вами, да не знаю, к чему придраться. Вам бы надобно написать мне множество нежнейших, проникновенных слов; тогда я попытался бы представить себе Ваше лицо в тот миг, когда Вы их пишете, и успокоился.

А что роман мой \ позабавил ли он Вас? Про-

чтите конец второго тома — «M. Yellowplush» *[2]. По-моему, это довольно удачный шарж. Прощайте и поскорее напишите мне.

Я вскрыл письмо, дабы с мольбою обратить Ваше внимание на то, “что погода, кажется, проясняется.

52

11 февраля 1843,

Не собирается ли сегодняшний снег самим появлением своим отказать мне вместо Вас? Это могло бы излечить Вас от глупейшей привычки говорить «нет». Да, злобы у дьявола хватает — Вам и не стоит тягаться «с ним. Прошлой ночью я сильно мучился. У меня был жар и болезней-пшс колики. Нынче же вечером чувствую себя сносно. Сдается мне, что в записочке Вашей Вы изыскиваете способ поссориться со мною из-за нашей прогулки. Что в ней было дурного, если даже насморка Вы избежали? К тому же я заставил Вас идти так быстро, что беспокоиться мн|е нечего. Весь Ваш облик дышал таким здоровьем и силою, что любо-дорого было глядеть. Да и потом с каждым разом Вы становитесь все раскованнее; словом, от прогулок наших Вы выигрываете со всех сторон

разом, не говоря уж о приобретении разнообразнейших сведений по археологии без всякого труда с Вашей стороны. Вы и теперь уже, можно сказать, профессор по части ваз и статуй. Но всякий раз при встрече приходится ломать тонкий слой льда, образовавшийся за время разлуки. И лишь но прошествии четверти часа нам удается в беседе вновь обрести, тот тон, какого мы достигли в последний раз. А если бы мы виделись чаще, льда между нами несомненно уже не возникало бы. Что же предпочитаете Вы — конец или начало наших встреч?

Вы не поблагодарили меня за то, что я ни словом не обмолвился о Версале. Однако, клянусь, я очень часто о нем думал. Мне хотелось показать Вам еще кое-что, о чем я тогда забыл. Кое-что из auld lang syne *Ну-ка попробуйте догадаться. При встрече я всякий раз забываю, что собирался сказать, а потому решил записать и донести до Вас проповедь о Вашей ревности к брату; по моему представлению, Вы как добрая сестра должны были бы всем сердцем желать для брата пылкой и нежной любви. Заметьте притом, что Вы никогда и ничему не сумеете помешать, а утратив его доверие, перестав проявлять к нему участие, Вы неминуемо станете для него чужою. Прощайте.

Палец мой причиняет мне боль йемилосердную, но говорят, это — к лучшему. Для отвлечения я стану думать о Ваших ножках и ручках. Цы же, по-моему, не думаете об этом вовсе.

53

<Четверг, 16> февраля 1843.

Я могу согласиться с тем, что был несправедлив, и прошу за то прощения, но Вы все-таки не вполне представляете себя на моем месте; чувствовать, как я, Вы не в силах, а потому Вам хотелось бы сотворить невозможное — заставить меня чувствовать на Ваш манер. Пожалугг, Вы должны бы испытывать большую ко мне признательность за все усилия мой походить на Вас. И я отказываюсь понимать сегодняшнее выражение Вашего лица. Кстати, если уж быть точным, я давно вижу, что Вы любите меня больше издали, нежели вблизи. Но оставим это. Я хочу лишь сказать, что ни в чем не упрекаю Вас и нисколько не сержусь, а если кое-когда и бываю не в духе, Вы не должны думать, будто я на Вас гневаюсь. Вы дали мне обещание и можете не сомневаться в том, что и его не забуду. Не знаю, напомню ли я Вам о нем сам. Нет ничего пеп.'шкстнее для меня, чем ссоры, а я понимаю, что ссоры не избежать, если

вознамериться освежить Вашу память. Я никогда не получу удовольствия от того, что неприятно Вам, а посему принимаю предложенную Вами программу. В самом деле, нас охватило тогда необыкновенное одушевление. Какой был снег и какой ливень! И как было бы жаль, когда бы Вы перенесли все на сегодня! Вы всегда боитесь первых порывов; неужто Вы не видите, что только они чего-то и стоят, только они

поистине счастливы?! Я полагаю, что дьявол по натуре своей медлителен и избирает всегда самый долгий путь. Нынче вечером я ходил в Итальянскую оперу \ где забавлялся от души, несмотря на успех, какой устроили клакеры неприятельнице моей, госпоже Виардо.

Я получил наконец книги из Испании — те, которых ждал, чтобы начать кое над чем работать[2], а потому на сей момент пребываю в довольно in high spirits *. Я хочу, чтобы Вы хоть немного думали обо мне, а лучше бы нам думать вместе. Прощайте; я страшно рад, что булавки пришлись Вам по вкусу. А то я боялся, как бы Вы не сморщили презрительно носик, и все же, сколь бы я ни был рад, видя их на Вас. не надевайте их с голубой шалью. Вы совершенно справедливо заметили, что она чересчур броская.

54

Париж, понедельник вечером, февраль 1843.

Когда бы я не боялся испортить Вас, я признался бы в том, какую несравненную радость доставило мне Ваше письмо, любезнейшее обещание, которое Вы мне дали, и особенно то нетерпение, с каким Вы ожидаете возвращения сухой погоды. Разве не безумие с Вашей стороны устанавливать точные сроки наших прогулок,— будто когда-нибудь мы могли заранее назначить день? И разве не прав был я, говоря: «так часто, как Вы только можете»? Если же два дня на улице — солнце, можно полагать, что потом месяца .на два заладит дождь. Что хорошего, если к концу года перед нами забрезжит возможность совершать прогулки несколько дней кряду? Письмо Ваше и в самом деле все пронизано первым порывом,— потому оно так мне и нравится. Я только опасаюсь, что Вы выказываете Ваше расположение ко мне лишь потому, что воспользоваться им невозможно. Однако ж добрые обещания Ваши немного меня успокаивают, и Вы замучаете себя упреками, если не исполните их. Прошлым вечером в Итальянской опере костюм Ваш, всех цветов радуги, навел меня на самые разнообразные раз-

мышления. А ведь Вам нет нужды кокетничать со мною. И в платье всех цветов радуги я люблю Вас не менее, чем в черном...

Скажите по совести, Вы рассердились на меня намеренно? Но значит первый порыв мог бы стать для меня в тот день несчастливым, доставив-мне одновременно и муку, и радость. А что из двух, я пойму, увидя Вас.

Я знал примету, касающуюся ножей и режущих предметов, о колющих же никогда не слыхал. Напротив, я мог бы полагать, что они символизируют привязанность, и потому, возможно, избрал именно булавки. Разве Biji не помните, как Вы не захотели позволить мне подобрать Ваши булавки у госпожи де П...[5051]? Обида эта, наряду с прочими, и по* сей день жжет мне сердце. Ныне я прощаю Вам их все, но они вновь вспомнятся, стоит Вам добавить к ним другие. Громадное несчастье -не уметь забывать. Я нишу сегодня, точно курица лапою, ибо не успел еще очинить перо и не знаю, сумеете ли Вы разобрать мое царапанье. Смысл его почти столь же ясен, как и смысл Ваших пробелов. Во время нынешнего карнавала Вы,

---

50 notes: 50

* творческом состоянии {англ.).

51 notes: 51

Проспер Мериме

верно, будете много бывать в свете. Разбирая свой стол, я понял, что так и не пошел на бал, который давал директор Оперы. Где они, прекрасные те времена, когда я получал от этих балов столько удовольствия? А теперь они нагоняют на меня чудовищную скуку. Не кажусь ли я Вам совсем уж стариком?

Погода, кажется, намерена исправляться, но утверждать что-либо не возьмусь. Я поклялся не влиять на Ваши решения. Скончался Теодор Хук[2]. Читали Вы «Эрнеста Мальтреверса» и «Алису» Бульвера[3]? Там встречаются прелестные описания любви юной и любви старой. Обе их я отдаю Вам.

55

Четверг вечером, февраль 1843.

Я тщетно пытаюсь отыскать в последних словах Ваших что-нибудь, что рассердило бы меня и одновременно разрядило, ибо именно в гневе я нашел бы разрядку. Ваше письмо я сжег, но оно слишком глубоко врезалось мне в память. В нем, возможно, было много, слишком много здравого смысла, но вместе с тем оно было преисполнено нежности. Последнюю неделю я так хочу Вас видеть, что стал скучать даже по нашим ссорам.

А знаете ли Вы, зачем я пишу Вам? Да затем, что Вы не ответите мне, я взорвусь от ярости, и это будет все же лучше того уныния, в каком Вы меня оставили. Нет ничего бессмысленнее и, однако ж, решительно мы были правы, распрощавшись друг с другом. Мы оба так сведущи в вопросах благоразумия, что должны были бы избрать наиразумиейший образ действий. Но испытывать счастье возможно, видимо, лишь предаваясь безумствам, а вернее даже мечтам. Странно, что до сего дня я не верил,—если не считать последнего раза,—в продолжительность наших ссор. Но вот уж десять дней, как мы расстались, да так торжественно, что это напугало меня. Быть может нервы у нас натянуты были более обыкновенного и мы ощущали все острее? Или мы стали меньше любить друг друга? Несомненно было что-то меж нами в тот день такое, чего я не могу явственно припомнить, но чего раньше не бывало никогда. Мелкие передряги следуют обыкновенно за крупными неприятностями. Покуда я с Вами прощался, кузен мой переменил свой день в Итальянской опере, а потому нам, я думаю, теперь уж не суждено встречаться там по четвергам. Я также помню, как Вы предрекали, что я забуду Вас ради Академии, и возле самой Академии мы

как раз и расстались. Все это ужасающе глупо, но мучит меня и терзает, и я томительно хочу видеть Вас, пусть для того только, чтобы поссориться.

Пошлю ли я Вам это письмо? Не уверен. Вчера я ходил, доверив^ шись одному греческому стиху, в Сен-Жермен л'Осеруа *. Помните, как ш>1 всегда догадывались там о присутствии друг друга?

Прощайте, ответье мне. Написав Вам, я почувствовал некоторое об легчение.

56

Париж, февраль 1843.

Мне часто случалось с громадным неудовольствием делать то, чему лотом я бывал страшно рад. Желаю и Вам того же. Представьте себе, что произошло бы нечто обратное; разве не испытали бы Вы известного нетерпения, придя совсем одна? И разве не овладело бы Вами,— позволь-не мне верить в это,— затаенное беспокойство при мысли о том, как Вы огорчили меня? А теперь вдумайтесь, не без доли гордости, какое странное влияние Вы дважды уже оказывали на решения мои и на ход моих мыслей. Все зло в том, что на сердце лежит тень сомнения. Разве не восхищает Вас так же, как и меня, странное совпадение (не стану говорить «взаимное тяготение», дабы

не рассердить Вас) наших мыслей? Помните, когда-то мы пережили уже подобное чудо? Да и последний раз, стоя у камина в испанском музее, Вы читали мои мысли с той же быстротой, с какой они возникали в моем мозгу. Я давно уже подозреваю, что в Вас есть что-то от лукавого. И успокаиваюсь тем лишь, что видел Ваши ножки, отнюдь не напоминающие cloven foot *. Однако ж вполне вероятно, что в ботиках у Вас прячется маленький коготок. Ну допытайтесь же меня успокоить.

Прощайте. Вот книга, о которой я Вам говорил *.

57

Четвергу 23 февраля 1843.

Начиная с сегодняшнего дня будемте пользоваться хорошей погодою.

Никто из нас богами не владеет,

Чтоб знать, до завтра ль он прожить сумеет *.

Итак, то, что Вы называете «в два часа завтра, в четверг», я называю «сегодня», ибо уже час ночи. Звезды сияют и, возвращаясь сейчас / министерского раута [2], я обнаружил, что мостовые, как и в прошлый раз, выглядят довольно сносно. Наденьте, однако ж, Ваши сапоги-скороходы — так

будет спокойнее. Если же по непредвиденной случайности лисьмо это не застанет Вас дома, знайте, что я жду до половины третьего; если Вы не можете прийти сегодня, буду ждать в субботу. Любой другой женщине, не такой, как Вы, я сказал бы иначе. Сегодня я уже собрался было написать Вам, но, вспомнив об обещании своем, воздер-кался. И поступил дурно. Вы должны были бы назвать удобный для

Вас день и час,—тогда мы избежали бы неприятной возможности разминуться. Надеюсь, все будет в порядке. А главное, сдается мне, что Вы и в самом деле желаете совершить эту прогулку, ибо письмо Ваше холоднее предыдущих. Вы восхитительно ловко умеете соблюдать равновесие. И ни в коем случае не желаете допускать, чтобы я был ублаготворен вполне, а потому заранее принимаете надлежащие меры, стремясь вывести меня из терпения. Меж тем это будет труднее, чем Вы предполагаете, ибо, хотя последние два дня я хвораю, мне все видится в розовом свете. Вчера я ужинал в одном доме; было уже довольно поздно, когда я подошел к сидевшим кружком дамам, и мне вдруг почудилось[52] будто я вижу

52 notes: 52
что я собрался за ней приударить (ит.).

Вас; добрых четверть часа после того я не мог придти в себя. Я даже старался не поворачиваться в сторону особы, напоминавшей мне Вас, и все не мог решить,— как всегда в минуту волнения,-что же делать — узнавать или нет.

Наконец в полном отчаянии я приблизился к вышеупомянутой даме, оказавшейся испанкою, которую я видел когда-то раза три или четыре. Пусть себе думает che ha fatto colpo [52]. Посылаю Вам «Sketches» Диккенса [3], которые когда-то страшно меня развеселили. Быть может Вы уже читали их, но это не имеет значения. Итак, в два часа, сегодня, в четверг.

58

Париж, 27 февраля 1843.

Наши письма разминулись, и душа моя успокоилась даже раньше, чем я мог надеяться. Благодарю Вас. Ваше письмо доставило мне несказанную радость смыслом своим, хотя и высказанным весьма туманно. Глагол, которого Вы так боитесь, звучит всегда удивительно нежно, даже среди столь ловко маскирующих его наречий. Смейтесь, смейтесь над моей печалью и

---

52 notes: 52
что я собрался за ней приударить (ит.).

над выражением лица моего при виде развалин Карфагена. Марий \ сидевший вот так же, как мы, мечтал, быть может, о возвращении в Рим; но мне в будущем моем не виделось никакой надежды. Вы пугаете меня, любезнейший друг мой, говоря, что не решаетесь более писать и что храбрости достает Вам лишь на то, чтобы говорить. Но когда мы вместе, Вы говорите как раз обратное. Не последует ли из всего этого, что Вы не будете более ни говорить со мною, ни писать мне? Вы сказали, что были сердиты на меня. Справедливо ли это с Вашей стороны и того ли я заслуживаю? Разве не давали Вы мне обещания, не подавали в некотором роде примера? Неужто Вы остались ко всему слепы? Неужто воспоминания были Вам неприятны? Неужто Вы все еще сердитесь? Вот что хотел бы я знать и чего, без сомнения, Вы мне не скажете.

Теперь уж я знаю Вас почти наизусть, и сдается мне, что именно это меня столь часто и огорчает. В Вас бродит такая смесь противоречий и несоответствий, какая могла бы вывести из себя и святого ....

Вчера я узнал печальнейшую новость. Бедняга Шарп в прошлую среду скончался[2]. Известие о его смерти дошло до меня тогда, когда я почитал

его уже не только вне всякой опасности, но и накануне возвращения к привычным занятиям. Не могу свыкнуться с мыслью, что более не увижу его. Мне все кажется, что стоит поехать в Лондон, как я всенепременно встречу его там .....

59

Парижу пятница утро, 10 марта 1843.

Примите Вашу косынку. Отыскалась она в прошлую субботу в прихожей Его королевского величества, герцога Немурского*. Никто не спросил, каким образом попала она ко мне в карман. Я послал бы ее Вам раньше, если бы желание возвратить Вашу собственность не сочеталось во мне с не меньшим желанием узнать что-либо о Вас. Не отрицаю, что, несмотря на всю пылкость первого, оно не преодолело Вашего безразличия ко второму вопросу. Почему Вы так боитесь холода? Помнится, однажды мы произвели опыт со снегом, и это было совсем не дурно. А теперь наступила оттепель, при которой бог весть на сколько времени улицы сделаются непроходимы. Ответьте мне скорее. Я с горечью убеждаюсь в том, как любите Вы причинять страдания.....

60

Париж (15?} марта 1843.

Какая страшная ошибка, почти преступление — не воспользоваться столь восхитительною погодой. Что сказали бы Вы, если бы мы совершили дальнюю прогулку завтра, в четверг? Вы должны были бы сами предложить это мне, но Вы, как всегда, воздерживаетесь. Нам непременно надо поприветствовать первые листочки. Они распускаются прямо на глазах. Я также думаю о том, какое, по Вашим же словам, влияние оказывает солнце на Ваше настроение. Хотелось бы в том убедиться. Что до меня, так я люблю Вас при любой погоде, но счастие видеть Вас с появлением солнца, думается мне, становится еще полнее. Прощайте.

61

Понедельник вечером, (20?) марта 1848.

Мне ужасно грустно и меня мучают угры ения совести после моей сегодняшней вспышки гнева. Единственным извинением служит мне та необыкновенно резкая перемена, какая произошла после пленительного > пикника в том

странном, своеобразном оазисе,—на прогулке все было уже совсем иначе, и я точно свалился с небес в преисподнюю. Если я огорчил Вас, я от души в том раскаиваюсь, однако ж, надеюсь, я не причинил Вам столько боли, сколько испытываю сам. Вы часто упрекали меня в том, что я ко всем безразличен; этим, я полагаю, Вы хотели лишь сказать, что я не выставляю напоказ своих чувств. И если я себе изменяю, значит страдаю слишком сильно. Согласитесь, что грустно после стольких дней, проведенных вместе, после того, чем стали мы друг для друга, всегда чувствовать Ваше недоверие ко мне. Погода сегодня была под стать нашему расположению духа. Но к вечеру, похоже, она исправь ляется. Звезды сверкают ярче обыкновенного. Давайте устроим какую-нибудь не столь бурную поездку. Прощайте, и не будем больше ссорить-ся; я попытаюсь стать разумнее, а Вы попытайтесь пореже изменять первом^ порыву.

62

Март 1843.

Что до меня, я ощущал такую усталость, точно прошел четыре, а то и пять лье пешком, правда, усталость столь приятную, что мне жаль было

расставаться с нею; все удалось так чудесно, и я разделяю Ваше изумление, хоть и привык к тому, что хорошо составленные планы легко исполняются. Не правда ли, забавно чувствовать полную свободу вдали от мира,— и все благодаря достижениям цивилизации? А знаете почему я сорвал один лишь цветок с этих прелестных белоснежных кустов жасми-на,— да потому, что мне захотелось оставить их до следующего раза; что Вы на это скажете? Впрочем, взглянув на карту, я понял, что мы совершили географическую промашку. И ошиблись мы приблизительно иа четверть лье; нам надобно было пройти дальше; но не будем огорчаться — исправимся в следующий раз. Мы произвели весьма приятную разведку. Главное, Вы были неотразимы. Вы не открыли мне ничего нового, сказав, что возвращаете то, что дал Вам я; однако ж признание это доставило мне тоже несказанную радость, ибо оно доказывало, что на самом деле Вы не думаете обо мне так плохо, как говорите в наши черные дни. Сегодня я вполне забыл о них; забудьте и Вы мои вспышки гнева и несправедливые обвинения. Вы спрашиваете, верю ли я в существование души. Пожалуй не слишком. Однако, размышляя о некоторых вещах, я нахожу один аргумент в за-

щиту этой гипотезы: как могли бы две бездушные материи рождать чувства и проникаться ими от слияния, которое выглядело бы пошлым, если бы за всем этим не стояла некая идея? Вот Вам сухая, педантская фраза, смысл которой в том, что когда двое любящих целуются, ощущение, испытываемое ими, отлично от того, что возникает при прикосновении губами к самому нежнейшему шелку. Но аргумент имеет свою ценность. Если Вы пожелаете, при первой же встрече мы поговорим о сверхчувственном. Это — предмет, который весьма меня увлекает, ибо он неисчерпаем. До понедельника Вы напишете мне, не правда ли, и сообщите, где мы встретимся? Там надобно быть в час, нет, в половине первого часа. Вы все вспомните; итак, пуститься в путь мы должны в половине первого часа. Разве что-то неясно?

Теперь — половина пятого; встать же мне нужно до десяти часов.

63

Париж, суббота вечером, 25 марта 1843.

В письме Вашем не видно и следа раскаяния. Я сожалею об амбровой трубке, которую Вы выбрали. Было что-то особенно приятное в возможности все время подносить к губам Ваш дар.

Но пусть будет так, как жотите Вы; я говорю о том всегда, но покорность моя не идет мне во благо.

Я совершеннейше опустошен моею службой. Собор давит на меня всем своим весом, не говоря уж о той ответственности, какую я принял на себя в порыве ревностного усердия, в котором теперь жестоко раскаиваюсь. Я от души завидую женщинам — им судьбою предопределено лишь заботиться о своей внешности и подготавливать впечатление, какое они желают произвести на других. Выражение «другие» представляется мне гадким, однако ж боюсь, что Вас оно занимает более, нежели меня. Я ужасно сердит на Вас, сам толком не знаю, за что; верно, есть что-то весьма существенное, ибо понапрасну я бы не сердился. Сдается мне, что день ото дня Вы становитесь все эгоистичнее. В понятии «мы» Вы всегда видите лишь себя. И чем дольше я о том размышляю, тем тяжелее становится у меня на душе.

Если Вы еще не писали в Лондон с просьбою об этой книге — и не пишите,— совершеннейшая нелепость обременять даму подобным поручением. И хотя я весьма дорожу редкими книгами, мне бы не хотелось, чтобы эта просьба могла вызвать по отношению к Вам хотя бы тень недоумения. Издатель сей книги, добропорядочнейший, говорят,

квакер, мог слишком поздно получить доказательства тому, что испанские католики в XV веке были людьми безнравственными, несмотря на Инквизицию, а быть может именно из-за нее. Экземпляр, оригинальный и единственный, стоит сто пятьдесят фунтов стерлингов. Насчитывает сочинение это сто с лишним страниц. Напрасно я заговорил с Вами о нем и совсем уж дурно с моей стороны было понять так поздно чрезвычайную трудность сего предприятия. Прощайте ....

Я совсем уж было собрался послать Вам это письмо, как вдруг получил Ваше. Однако ж докладов и дел всяческих у меня было столько, что я не мог ответить ранее. Предлагаю поехать на прогулку во вторник, с тем условием, что времени у нас будет на час больше. Сообщите, если во вторник Вы свободны. Рассеянность Ваша очаровательна, но имею ли я к ней какое-либо отношение? That is the question *. За что просите Вы у меня прощения? Вы просто чувствуете совсем иначе, чем я. Мы столь различны, что с трудом можем друг друга понять. Меж тем это не мешает мне испытывать громадную радость от встреч с Вами и не меньшую благодарность за последнее очень ласковое Ваше письмо.-Вы не сообщили мне, ни где собираетесь дышать

воздухом, ни когда уезжаете. Я еду в Руан через несколько дней Ч

Еще раз прощайте, надеюсь увидеть Вас во вторник и надеюсь также, что Вы будете в чудеснейшем настроении, а я — не столь мрачен, как нынче.

64

Париж, <5 апреля> 1848.

Ваше письмо я ожидал с величайшим нетерпением, и чем дольше его не было, тем больше настраивал я себя на преодоление «здравого размышления» и всех опасных последствий этого. А коль скоро я готов был к тому, что Вы отругаете меня, на чем свет стоит, письмо Ваше в ту минуту показалось мне приятнее ожидаемого. Вы пишете, что тоже чувствовали себя счастливою, и слово это стирает все прочие, ему предшествующие, а также за ним следующие и обязанные принизить его значение. Это— лучшее из всего, что Вы говорили мне за очень долгое время, и это был почти единственный раз, когда я ощутил, что сердце у Вас такое же, как и у всех прочих людей. Какая восхитительная прогулка! Чувствую я себя превосходно и так был счастлив, что мне надолго хватит теперь и здоровья и радостного настрое-

ния. Но хоть счастье и быстротечно, оно обладает способностью возрождаться. К сожалению, погода портится, да к тому же Вы собираетесь в путешествие. Быть может от этого дождя у Вас пропадет желание бежать. Что до меня, так я из-за него не могу даже собраться с духом и обдумать свои планы. Однако ж, если до отъезда Вашего выдастся погожий день, разве не стоит воспользоваться им, чтобы надолго попрощаться и с парком нашим и с лесами. Мне, по крайней мере, не суждено уж в нынешнем году увидеть их в листве, и эта мысль меня печалит. Надеюсь, что и Вы о том сожалеете. Как только завидите солнечный луч, предупредите меня, и мы вновь поедем на свидание к каштанам нашим и горке. Обо мне и о нас Вы думали лишь краткий миг, но разве воспоминание не остается с нами надолго?

65

Пятница вечером, <7) апреля <1843).

Последние два дня я страдаю ужасною мигренью, а в Вашем письме столько обидных слов. И хуже всего то, что угрызений совести у Вас нет, хотя во мне теплилась надежда на их появление. Я так подавлен, что у меня не хватает сил даже на то, чтобы отругать Вас. Что же это за чудо, о

котором Вы упоминаете? Чудом было бы сломить упрямство Ваше, чего мне никогда не удастся. Это совсем не в моей власти. Стало быть, надобно дождаться понедельника, чтобы обрести ключ к разгадке, коль скоро завтра Вы не можете. А знаете ли Вы, что не увидимся мы целую неделю? Давно уж нам не приходилось расставаться так надолго. В награду нужно будет затеять долгую прогулку и постараться не портить ее пререканиями. Итак, в два часа, если Вам угодно. Я непременно рассчитываю на солнце. Мысль Ваша о Вильгельме Мейстере [4]довольно изящна, но, в конечном итоге, это все равно — софизм.

Можно было бы сказать почти с той же уверенностью, что воспоминание об удовольствии в некотором роде тождественно страданию[2]. И это так, в особенности когда речь идет об удовольствиях неполных, а вернее сказать, неразделенных. Стихи Вы получите, коли они Вам нравятся. А кроме того получите Ваш портрет в турецком костюме, который я слегка подправил. И для пущего колорита вложил Вам в руку кальян. Но, обещая, что Вы все это получите, я имею в виду определенное вознаграждение. И если Вы откажетесь принести себя в жертву, знайте, я жестоко отомщу. Сегодня меня попросили сделать

рисунок для альбома, который будет продаваться в пользу пострадавших от землетрясения [3]. Так я дам Ваш портрет. Ну, каково? Временами я задумываюсь, что же станется со мною месяца через полтора, когда встречи наши прервутся? И к этой мысли я привыкнуть не могу.

66

Париж, 15 апреля 1843.

Нынче утром и вчера у меня так плохо было с глазами, что я не мог писать Вам. К вечеру стало чуть лучше — я перестал плакать. Письмо Ваше, вопреки обыкновению, вышло довольно ласковое. В двух или трех фразах я даже почувствовал нежность, притом без «но» и без задних мыслей. Однако мы совершенно по-разному воспринимаем тысячу вещей. Вы не цените ту щедрость, с какою я посвящаю себя Вам. Вам бы надо было благодарностью своей поощрять меня. Вы же полагаете, будто заслуживаете все по праву. Ну зачем мы встречаемся так редко, испытывая те чувства, какие мы оба испытываем?! Вы поступили правильно, не заговорив о Катулле [4]. Это не тот автор, какого следует читать на страстной неделе, и в творениях его встречаются отрывки, на французский язык непереводимые. Становит-

ся, однако ж, вполне понятно, что понималось под словом любовь в Риме году в 50 до Рождества Христова. И все же там было чуть получше, чем в Афинах во времена Перикла[2]. Женщины тогда уже брали свое. И заставляли мужчин вытворять глупости. Власть их установилась не с приходом христианства, как принято говорить, а думается мне, в силу влияния, оказанного северными варварами на римское общество. Германцам свойственна была экзальтация. Они почитали душу. Римляне же чтили лишь плоть. И в самом деле, женщины долго лишены были души. А на Востоке, к сожалению, и по сей день так. Вы-то знаете, как могут беседовать меж собою две души. Правда, Ваша совсем не прислушивается к моей.

Я рад, что Вы обратили внимание на стихи Мюссе[3], которого Вы справедливо сравнили с Катуллом. Но Катулл, я полагаю, лучше писал на своем языке; Мюссе же напрасно, вслед за Катуллом, не верит в душу,— римлянина как-ни-как извиняла его эпоха. А час, меж тем, совсем неурочный. Прощаюсь с Вами и отправляюсь промывать глаза. Не

то пишу и плачу. До понедельника. Молитесь, чтобы нам пощедрее све тило солнце. Я принесу Вам книгу. А Вы наденьте Ваши сапоги-скоро-

ходы.

67

Париж, 4 мая 1843,

Я теперь не сплю вовсе, и на душе у меня кошки скребут. Мне многое хотелось бы сказать Вам в ответ на Ваше письмо. Но только нынче я не стану — настроение неподходящее; вернее, сначала мне нужно попытаться чуть его исправить. Вы и в самом деле премило разделяете «меня» на двух людей. И это неоспоримо доказывает глубочайший эго-изм Ваш. Любите Вы одну только себя и потому немного любите того «меня», какой походит на Вас. Третьего дня меня несколько раз коробило от этого. И я не без грусти об этом думал, в то время как Вы, по Вашему обыкновению, неотступно были заняты лишь созерцанием деревьев. Вы вполне правы в том, что так любите железные дороги. Через несколько дней за три часа можно будет добраться до Руана иле Орлеана[4]. Почему бы нам не съездить полюбоваться Сент-Уаном[2]? Но что могло быть прекраснее лесов наших в тот день? Мне, праве,, кажется, что Вы должны бы были задержаться. Когда воображения достает на то, чтобы легко и свободно описать веточку плюща, тогда нечего думать, чем заполнить каких-то

несколько часов. Значит вечером Вы прикололи эту веточку к волосам? Я ничуть не сомневаюсь в том~ что она усугубила действие Ваших чар.

Я в такой мере недоволен Вами, что Вы, возможно, заметите во мне слишком много любимых Вами черт. Говоря по совести, я полагаю при вести в исполнение угрозу, когда-то мною высказанную.

Как понравился Вам фейерверк [3]? Я был тут у одного превосходи тельства, владеющего прекрасным садом, откуда нам все было хорошо видно. Сноп огней показался мне удачным. Зрелище это должно быть намного превосходит по красочности извержение вулкана, ибо искусстве всегда прекраснее природы. Прощайте. Старайтесь временами думать обо мне.

Прогулки наши сделались теперь частицею моей жизни, и я совершенно не понимаю, как существовал раньше. Вы же, сдается мне, воспринимаете свое в них участие весьма философски. Но какими мы будем, когда снова встретимся? Вот уж полгода, как мы продолжаем прерванную беседу почти с того же слова, на каком расстались. Будет ли все так и дальше? Подумать страшно — а вдруг я увижу Вас совсем другою. Всякий раз, как мы видимся, на Вас будто ледяной панцирь,

который растапливается лишь по прошествии четверти часа. К возвращению моему Вы превратитесь в настоящий iceberg *. Ну да ладно, лучше раньше времени не думать о худе. Не будем расставаться с мечтой^ Верите ли Вы, что римлянин мог говорить приятные вещи и быть яеж-

ным? В понедельник я собираюсь показать Вам латинские стихи, которые Вы переведете сами и которые точно воспроизводят обычные наши споры. И Вы убедитесь в том, что античность стоит куда дороже, нежели Ваш Вильгельм Мейстер.

68

Среда, июнь 1843.

Письмо Ваше было столь добрым и ласковым, что до последнего облачка отогнало все, что оставалось после недавней грозы. Однако мне кажется, что оба мы не можем совершенно забыть о ней, пока эту ссору не затмят другие воспоминания.

Почему бы нам не встретиться в пятницу? Если это не нарушает Ваших планов, Вы доставите мне величайшую радость. И я надеюсь, что погода будет превосходная. К тому же Вы обещаете сказать мне нечто слишком, видимо, важное, чтобы откладывать надолго. Я принесу испан-скую книгу и, если захотите, мы почитаем ее. Вы так и не ска-

зали, собираетесь ли платить мне за уроки. Когда время употребляется не на то, чтобы говорить,— как Вы называете их, «безумные слова»,— оно кажется мне, по сути дела, потерянным, и в возмещение я должен хоть что-нибудь выиграть. А если говорить о невозможном, так не мог ли бы я приходить к Вам домой, чтобы видеться с Вами и давать Вам уроки испанского? Я назвался бы доном Фурлано [1] и пр,, которого, как жертву тирании Эспартеро [2], послала к Вам госпожа де П ***. А то мне начинает потихоньку надоедать зависимость наша от солнца или дождя. Кроме того я очень бы хотел сделать Ваш портрет. Вы давно уже обе7щаете что-нибудь придумать. Почитая себя хозяйкою положения, Вы на самом деле дурно исполняете Вашу задачу. И я могу судить лишь весьма приблизительно о том, что Вы можете и чего не можете. Но разве не совершите Вы благого дела, если поразмыслите над приятною пробле мой, как сделать так, чтобы нам видеться возможно чаще? Мне хочется еще о многом сказать Вам, но тогда пришлось бы вспоминать о нашей ссоре, тогда как я хотел бы уничтожить всякую память о ней. Я стремлюсь думать лишь о примирении, за нею последовавшем, Вы же о нем как будто сожалеете. Это было бы жестоко.

Я ужасно сердит на то, что счастье мое явилось следствием столь недостойного обстоятельства.

Прощайте. Думайте о Вашей статуе и вдыхайте в нее жизнь, стараясь все же ее не мучить.

69

Париж, 14 июня 1843.

Я обрадовался несказанно, узнав, что Вам лучше, и страшно рассердился, узнав, что Вы плакали. Вы всегда понимаете превратно смысл моих, слов. Ярость или злоба чудится Вам там, где нет ничего, кроме грусти.

Я уже не помню, что говорил на сей раз, но желал я лишь одного — показать, как много Вы причинили мне горя. Все ссоры,-меж нами случающиеся, указывают, в какой мере мы с Вами различны; но коль скоро, несмотря на это, нас неотвратимо тянет друг к другу,— вспомните «Wahlverwandtschaft<en>»[4] Рёте,—неизбежны и столкновения, приносящие мне страдания. Меж тем, говоря о страданиях, я не бросаю Вам упреков. Просто мне видится в черном свете то, что мгновение назад я воспринимал в розовом. Вы же так чудесно умеете двумя словами развеять этот мрак; вот и нынче вечером, читая письмо Ваше, я с радостью думал, что солнце, быть может, еще не вовсе погребено за тучами.

Но принцип правления Вашего неизменен: одарив меня счастливейшими мгновениями, Вы непременно постараетесь потом привести меня в ярость. Больший философ, чем я, принял бы счастье, радуясь ему, когда оно у порога, и не обращал бы внимания на неприятные мгновения. Это — изъян моей натуры: в минуты страдания припоминать все зло; зато когда я счастлив, я вспоминаю все прекрасные мгновения. Я много трудился над собою, стараясь в течение почти трех недель забыть Вас, однако не слишком в том преуспел. Запах Ваших писем до крайности затрудняет поставленную мной перед собою задачу. Помните, как я почувствовал индийский этот запах однажды, когда мы причинили друг другу столько боли и вместе получили, как мне кажется, столько радости?

Я завален делами.

Ответьте мне поскорее. Я много работал над разными занятными вещами. При встрече расскажу.

70

Париж, суббота вечером$_{г}$ <24> июня 1843.

Я страшно за Вас переволновался. Все боялся, как бы сырость не навредила Вам, и упрекал себя

в том, что чересчур долго рассказывал эту дурацкую историю. Но коль скоро Вы не подхватили насморка и перестали на меня^сердиться, я, в свою очередь, могу с упоением вспоминать мгновения, проведенные нами вместе. И я согласен с Вами в том, что в тот день мы были счастливы более полно,— если вообще счастье может быть более и менее полным,— чем когда бы то ни было прежде. Отчего это? Мы не сказали друг другу и не сделали ничего необыкновенного — разве что не ссорились. И соблаговолите признать, что начало спорам всегда кладете Вы. Я уступал Вам во множестве вопросов и никогда не приходил от этого в дурное расположение духа. Мне очень бы хотелось, чтобы приятные воспоминания, какие Вы храните об этом дне, принесли Вам пользу в будущем. Зачем Вы не говорите мне сразу того, что в письме кое-как объясняете, притом не без известной откровенности, которая так мне нравится? . . „ .....

Я польщен тем, что мой рассказ развлек Вас \ однако ж авторское самолюбие мое в некотором роде ущемлено, ибо Вы удовольствовались моим куцым пересказом. А я надеялся, что Вы попросите прочесть его или захотите послушать. Но коль скоро Вы не хотите, придется примириться. Тем

не менее, если во вторник погода будет хорошая, кто помешает нам усесться на безыскусные наши сидения и мне прочесть' Вам рассказ? Чтения там всего на час. Да и просто хорошо бы погулять. Хотите? Главное в программе нашей — не начинать вновь споры. Напишите, каковы Ваши не подлежащие обжалованию намерения. Я принимал госпожу де М<онтихо> с дочерьми, все трое цветут, словно розы. С моим отъездом пока ничего еще не решено[2]. По всей вероятности‘он уже близок, однако увидеться нам надобно отнюдь не для последнего прости.

71

Париж, 9 июля 1843.

Вы правы, желая забыть наши ссоры, если возможно положить им конец. Они, как верно Вы изволили заметить, приобретают тем большую значимость, чем более стараешься в них разобраться. Самое лучшее — подольше предаваться мечте, и коль скоро от нас зависит мечтать все время об одном, мечта все более походит на реальность. Со вчерашнего дня я чувствую себя довольно сносно. Я спал, чего со мною давно уже не случалось. Мне даже кажется, что настроение у меня улучшилось после того, как я выпустил

тогда пары. Жаль, что мы не видимся на другой день после очередной ссоры. Уверен, что мы были бы чрезвычайно друг с другом нежны. Вы пообещали мне указать день, но и не подумали обещание свое исполнить или же, что, верно, еще хуже, сочли это indecorous [53] [54]. А меж тем именно этот предрассудок Ваш и служит нам зачастую поводом для раздоров. И по мере того, как приближается расставание, я все более недоволен собою, выглядит же это так, будто я недоволен Вами. Я мог, к примеру, спокойно сказать, что Вы делаете невероятные над собою усилия, стремясь понравиться мне; я же без конца сетую на себя за вспышки гнева, какие вызывают у меня сами эти условия, в которых, хоть они и должны бы быть мне приятны,— есть что-то гнетущее; однако, право же, самое мудрое — предаваться мечте. Когда? Вот в чем весь вопрос.

Хорошо бы Вам перевести для меня немецкую книгу, от которой сам я испытываю невероятные мучения. Нет ничего досаднее учителя немецкого, который почитает себя глубоко мыслящим человеком. Название книжки весьма соблазни-

---

53 notes: 53
нарушением приличий (англ.).

54 notes: 54
«Вызывающие действия римлян» (нем.).

тельно[1]: «Das Provocationsverfahren der Ro-шег[2]*».

72

Париж, <около 21) июля 1848

Вот и пришло письмо от Вас, такое ласковое, почти нежное. И мне хотелось бы пребывать в более счастливом расположении духа, дабы в полной мере насладиться им. А покуда лучшее, что я могу сделать,— это поблагодарить Вас за все, что есть доброго в Вашем письме, и не делиться с Вами невеселыми мыслями, какие одолевают меня по его прочтении. Несчастье в том, что я не умею мечтать столь неоглядно, как Вы. Но поговорим лучше о другом. Через десять дней я уезжаю *. Вчера я был за городом с визитом и возвратился очень усталый и рас строенный. Усталый оттого, что было скучно, а расстроенный оттого, ч№ сожалел о потерянном солнечном дне. А Вы в подобных случаях никогда себя не упрекаете? Надеюсь, что нет. Временами мне кажется, что Вы чувствуете все так же, как я, но потом я поворачиваю медаль draw backs * и начинаю во всем сомневаться.

Прощайте; если я продолжу письмо, я наговорю Вам вещей, которые Вы можете истолковать неверно.....

73

Четверг вечером, <27) июля 1848~

Письмо Ваше я перечел (я имею в виду первое) по меньше мере рар двадцать с той минуты, как получил его, и всякий раз оно производило на меня иное, но в общем очень грустное впечатление; однако ни одна строчка его не вызвала у меня возмущения. Я тщетно пытался придумать ответ. И тщетно принимал бесчисленное множество решений, которые и поныне не избавили меня ни от прежних сомнений, ни от прежней грусти. Вы верно угадали мои мысли, хотя, быть может, не вполне Все Вам их никогда не угадать. Впрочем, воззрения мои изменяются столь часто, что нечто на данную минуту безусловное перестает быть им несколько мгновений спустя. И напрасно Вы себя корите. Вы, думается мне, можете упрекать себя лишь в том, в чем упрекаю себя я сам. Мы погружаемся в мечту и не желаем пробуждаться. Быть может мы слишком уже стары, чтобы делать это сознательно. Я, со своей стороны, одобрительно отношусь к словам того турка; но что может быть хуже, чем «ничего»? В этом я никак не могу с ним согласиться. Сколько раз уже являлась у меня мысль не отвечать Вам

и не видеть Вас более. Идея эта весьма разумна, ее можно развивать и далее. Однако ж воплотить в жизнь куда сложнее. А потому напрасно обвиняете Вы меня в нежелании встречаться. Я не сказал о том ни слова. Или Вас снова поразила какая-то мысль? Сами Вы, напротив, говорите об этом вполне опре деленно. Есть еще один путь: не писать друг другу за все время пред-

стоящего мне путешествия, думать друг о друге или думать совсем о других вещах и увидеться или не увидеться по моем возвращении,— смотря по тому, как подскажет разум. Это — также мысль довольно мудрая, но весьма затруднительная в исполнении. Знаете ли Вы, чего я желаю, когда перестаю думать о письме Вашем и вспоминаю лишь о том, какая Вы милая? Я хочу еще раз увидеться с Вами. Дела, связанные с отелем Клюни [4], заставляю, меня отсрочить отъезд. Я уже должен был бы пуститься в путь. А теперь, боюсь, не успею закончить проклятый протокол, под которым мне надобно подписаться до наступления понедельника. И раз уж Вы собирались разговаривать со мною в понедельник, быть может Вы не станете возражать против того, чтобы окончательно распрощаться со мною в субботу.

Предлагая Вам это, я, возможно, делаю глупость.

Бог знает, в каком Вы нынче расположении духа!? Но в конце концов Вы ведь можете и отказаться. И я обещаю не сердиться на Вас за это.

74

Везле, <3} августа 1843, вечером.

Благодарю Вас за записку, присланную накануне моего отъезда. Меня порадовало само Ваше намерение, а вовсе не содержание письма. Вы высказываете в нем весьма странные мысли. И если Вы в самом деле думаете хотя бы половину из того, что пишете, самое разумное нам было бы не встречаться вовсе. И расположение Ваше ко мне, по Вашим же словам, не более, как игра воображения. Оно и есть существо Ваше. Вы принадлежите к тем chilly women of the North **, которые живут лишь головою. И Вы все равно не поняли бы того, что я мог бы Вам сказать. Лучше уж я еще раз повторю, что сержусь на себя за причиненную Вам боль, что совершил это невольно и прошу у Вас прощения. Характеры у нас столь же различны, сколь и stamina[5556]*. Чего же Вы

---

55 notes: 55

** холодным северянкам (англ.).

56 notes: 56

* запас внутренних сил (англ.).

хотите?! Вы, бывает, отгадываете мои мысли, но Вам никогда меня не понять.

Я сижу тут в ужасающем городишке, прилепившемся к высокой горе, терзаемый провинциалами и всецело поглощенный подготовкою к речи, которую завтра должен произносить. Приходится представительствовать, а Вы знаете меня довольно, чтобы понимать, в какой мере ненавистно мне положение должностного лица. Утешением служит для меня милейший мой спутник [1] и восхитительная церковь, которая обязана мне тем, что на сей момент не превращена в руины. Впервые я увидел ее вскоре после нашей с Вами встречи[56] в ***. И сегодня спрашиваю себя, были ли мы тогда безумнее, чем теперь.

Верно лишь то, что представление наше друг о друге, возможно, было совсем иным, нежели теперь. И если бы тогда мы знали, в какой

мере будем портить друг другу кровь, Вы думаете, нам захотелось бы встречаться снова? Холодно тут ужасно, да к тому же льет дождь и сверкают молнии. Мне надобно еще написать целую стопку официальных бумаг, и потому я покидаю Вас без особого труда, тем более что

---

56 notes: 56

* запас внутренних сил (англ.).

нынче я не в том настроении, чтобы говорить Вам нежности. Собою я недоволен не менее, чем Вами. Существует, однако ж, тьма разных вещей, которые злят меня еще больше. Через несколько дней я буду в Дижоне[3]. Если Вы пожелаете написать мне туда, я буду рад, особенно если под пером Вашим родятся слова менее жестокие, чем те, из каких состояло последнее письмо. Вы и представить себе не можете, как мы проводим вечера в гостинице. К самым приятным мыслям, меня посещающим, я отношу идею провести в Италии время, какое останется у меня между этой поездкою и путешествием в Алжир. Вы же, со своей стороны, по-видимому, намереваетесь быть в деревне в то время, когда я вернусь в Париж. Что-то выйдет из всех э' их планов? Накануне отъезда я видел г. де Солеи [4], который незадолго перед тем получил письмо из Метца. В нем много добрых слов говорится о Вашем брате[5]; он весьма пришелся по душе людям, которым его рекомендовали. Я написал бы Вам о том раньше, когда бы не тысяча предотъездных хлопот.

Прощайте. Сдается мне, что, побеседовав немного с Вами, я чувствую себя лучше. Будь у меня побольше бумаги и поменьше служебных донесений, которые я должен составлять, я, вер-

но, мог бы теперь сказать Вам даже что-нибудь нежное. Вы знаете, что приступы гнева у меня всегда кончаются подобным вот образом.

В Дижон, до востребованья; да не забудьте помянуть все титулы мои и званья.

75

Сен-Люписен, 15 августа 1843, вечером.

В 600 метрах над уровнем моря.

СрсЪи океана 6лох$_{y}$ весьма прытких и прожорливых.

Письмо Ваше сугубо дипломатично. Им Вы подтверждаете аксиому \ гласящую, что слово даровано человеку затем, чтобы он мог скрывать свои мысли. К счастью Вашему, постскриптум меня обезоружил. Зачем выражаете Вы по-немецки то, о чем думаете по-французски? Означает ли это, что Вы думаете так только по-немецки,— иными словами, не думаете так вовсе. Я не желаю этому верить. Однако ж некоторые черты в Вас раздражают меня до крайности. Как можете Вы еще меня стесняться? Зачем Вы никогда не хотите произнести слова, которые могли бы доставить мне столько радости? Неужто Вы думаете, что в чужом языке можно найти равноценные выражения?

Вы и вообразить себе не можете, где я нахожусь.

Располагается Сен-Люписен в горах Юры [2]. Он неповторимо уродлив, грязен и полон блох. Скоро мне предстоит лечь спать, и ночь я проведу, как когда-то в Эфесе. Но к несчастью, пробудившись, я не увижу ни лавровых деревьев, ни греческих развалин. Отвратительный край!

Я часто думаю, что если сеть железных дорог будет разрастаться, мы сможем поехать вместе в такое вот место, и тогда оно будет выглядеть куда краше. Здесь удивительное множество цветов, чистейший живительный воздух, а звук человеческого голоса разносится на целое лье кругом. И в доказательство того, что я думаю о Вас, вот Вам цветочек, сорванный мною во время прогулки на закате. Это — единственный, который можно послать: Все же другие слишком велики. Что-то Вы поделываете? О чем думаете? Правда, Вы никогда не скажете мне, о чем на самом деле думаете, и спрашивать Вас о том — чистое с моей стороны безумие. После отъезда немного мне выпало приятных мгновений. Вечно свинцовое небо; множество всевозможных происшествий и превратностей пути. То колесо сломается, то синяк появится под глазом,— все это худо ли, бедно ли,

но поправимо. А вот к одиночеству привыкнуть я никак не могу. И мне кажется, что в этом году я переношу его тяжелее обыкновенного. Я имею в виду сочетание одиночества и движения. Нет ничего тоскливее. И мне кажется, будь я в тюрьме, я чувствовал бы себя лучше, нежели вот так колесить по весям и долам. Всего более скучаю я по прогулкам. Вы доставили мне радость, сказав, что по-прежнему любите наши леса. Я все надеюсь увидеть их снова, а путешествию моему, меж тем, не видно ни конца, ни края. Департамент Юра с горами своими и извилистыми дорогами задерживает меня почти на целых две недели. И на каждом шагу — новое разочарование. Если бы хоть это были первые горы в моей жизни. З Италию же ехать мне не хочется нисколько. Это Вы все выдумали. Письмо Ваше то радовало меня, то злило. Кое-где между строк угадываются слова нежнейшие из нежнейших. Зато в других строках Вы кажетесь мне chilly * более обыкновенного. Вполне удовлетворяет меня лишь постскриптум. Притом увидел я его не сразу. Он так сильно отличается от всего остального письма! Если Вы надумаете отвечать мне тотчас же, пишите в Безансон [2]; а в противном случае посылайте письмо на мой парижский адрес. Я не знаю, где

окажусь через неделю.

76

Париж, четвергу (7 сентября 1843},

Мне кажется, я видел Вас во сне. Мы были вместе так недолго, что я не сказал Вам ничего из того, что собирался. Да и сами Вы словно не уверены были, вправду ли это я. Когда мы увидимся? Я нынче занимаюсь самым низким и скучным занятием — хлопочу о выдвижении в Академию надписей \ Сцены случаются со мной презабавные, и мне часто так и хочется посмеяться над самим собою, но я тотчас спохватываюсь, дабы не задеть высокочтимых академиков, с которыми мне приходится встречаться. В это дело я ввязался,— вернее меня в него ввязали,— в какой-то мере вслепую. Шансы мои отнюдь не безнадежны, однако ж неприятнее сего времяпрепровождения ничего быть не может и самое худое то, что развязки придется ждать долго, похоже, до конца октября, а может быть и дольше. А потому не знаю, сумею ли я поехать в нынешнем году в Алжир. Единственное соображение, меня успокаивающее* го, что я останусь здесь и, следовательно, мы будем видеться. Обрадует ли ото Вас? Скажите «да», побалуйте меня наконец.

Я до такой степени опустошен скучнейшими этими визитами, что мне надобны от Вас са мые нежные ласка, чтобы я мог запастись мужеством и энергией.

Напрасно Вы ревнуете меня к сбору подписей. Разумеется, я вкладываю в это ту долю самолюбия, какую, скажем, вложил бы в шахматную партию с искусным противником; однако ж не думаю, чтобы поражение или выигрыш взволновали меня хотя бы на четверть против того, как волнуют меня наши ссоры. Но какое же мерзейшее занятие хлопотать о себе! Видали Вы когда-нибудь собак, сующих нос в барсучьк> нору? У опытных собак морда при этом ужасно кривится и часто они выскакивают из норы куда скорег чем в нее влезали, ибо барсук, если его потревожить, становится весьма опасен. Вот и я, дергая за шнурокг звонка у двери очередного академика, in the mind's eye * такой собакою» Кусать меня, правда, еще не кусали. Но встречи случались забавные.

' 77

Париж, понедельник, сентябрь 184(3"),

В прошлый раз мы расстались, в равной мере недовольные друг другом. И оба были неправы, ибо винить надобно лишь силу обстоятельств.

Лучше было бы нам подольше не видеться. Совершенно очевидно, что мы не можем теперь находиться вместе без того, чтобы не поссориться самым чудовищным образом. Оба мы хотим невозможного; Вы желаете, чтобы я превратился в статую, я же, напротив, хочу, чтобы Вы не были ею. И всякое новое доказательство недостижимости желаемого,— в чем, положа руку на сердце, оба мы никогда не сомневались,— тягостно кш для того, так и для другого. Я, со своей стороны, раскаиваюсь во всем том зле, какое невольно причинил Вам. Слишком часто я поддаюсь нелепым вспышкам гнева. Это все равно, что возмущаться холодностью льда.

Надеюсь, теперь Вы извините меня; во мне не осталось уже ни капли ярости — одна неодолимая тоска. Мне не было бы так тяжело, когда бы мы расстались иначе. Прощайте, ибо друзьями мы можем быть только на расстоянии. Возможно, состарившись, мы с радостью встретимся вновь. А Вы тем временем в горе и в счастии вспоминайте обо 'мне. Я прошу Вас об этом уж не знаю сколько лет. С тех пор еще$_{у}$когда мы вовсе и не собирались ссориться.

Еще раз прощайте, покуда у меня еще достает мужества.

78

Париж$_г$ сентябрь 1843.

Письма паши разминулись. Надеюсь, Вы поймете, что взрыв гнева, в котором- я горько раскаиваюсь, вызван был не тем, о чем Вы думаете. Однако ж письмо Ваше доказывает мне, что не ссориться нам невозможно. Слишком мы разные. И напрасно корите Вы себя за свои действия: это я имел глупость возжелать, чтобы Вы были не такой, как Вы есть. Поверьте, отношение мое к Вам ничуть не изменилось. Несмотря ни на что, я не должен был оставлять Вас вот так, по бывают минуты, когда хладнокровие нас покидает. Мне очень хотелось бы увидеться теперь, чтобы вновь пережить рядом с Вами один из прекрасных наших летних снов, а затем проститься надолго, сохранив в душе сладкое и нежное чувство. Но Вам такая мысль покажется нелепою. Меж тем она преследует меня, и я не могу удержаться от того, чтобы Вам ее не высказать. Отказав, возможно Вы поступите правильно. Думаю, теперь я сумею держать себя в руках и не поддаваться натискам ярости. Однако вполне в том ручаться я бы не осмелился. Решение за Вами. Я обещаю' Вам лишь самое горячее стремление оставаться спокойным и рассудительным.

79

Париж, сентябрь 1843.

Я очень по Вам скучаю- следуя Вашему примеру, стараюсь быть кратким. Тогда я не отдавал себе отчета, не понимал в полной мере, что мы так надолго друг с другом прощаемся. Неужто теперь мы уже не увидимся? Мы расстались, не поговорив, почти не взглянув друг на дру га. Так было и когда мы расставались в прошлый раз. Меня охватывало то же ощущение покоя и счастья, столь мне несвойственное. И на какие-то мгновения мне показалось, что ничего более мне пе надобно. Но если мы можем вновь испытать это счастье, зачем теперь нам от него отказываться? Разумеется, мы снова можем поссориться, как это случалось с нами бессчетное число раз. Но чего стоит осадок после ссоры в сравнении с воспоминанием о примирении! Если Вы согласны со всем этим хотя бы наполовину, Вы.должны испытывать желание повторить одну из наших прогулок. На будущей неделе мне предстоит совершить небольшое путешествие. А в субботу, если пожелаете, или в будущий вторник мы могли бы увидеться. Я не писал Вам раньше, ибо убедил себя в том, что Вы первая предложите

мне полюбоваться снова нашим лесом. И ошибся, по пе слишком сержусь па Вас. Вы владеете даром затуманивать мою память, сиюминутным впечатлением подменять во мне соображения здравого смысла. Но и это я не ставлю Вам в упрек. Какое счастье, что можно так вот мечтать.

,80

Суассон *, <вторник^, 10 октября <1843>„

В прошлую субботу Вы были, кажется, в прескверном расположении: духа, но потом к Вам вернулась воскресная безмятежность,— если не-считать нескольких тучек, мелькнувших еще в Вашем письме. И продолжая метафору: мне хотелось бы в один прекрасный день увидеть* как Вы твердо стоите на «ясно», без малейшего следа прошедших бурь. Но, к несчастью, привычка эта уже укоренилась в Вас. Наши дружеские чувства почти всегда молчат при встрече и проявляются лишь при расставании. Попытаемся же в один из ближайших дней обрести наяву ту прочную нежность, о какой я изредка позволяю себе мечтать. Сдается, оба мы чувствовали бы себя тогда чудесно. Вы и угрожаете-то мне лишь ради удовольствия лишить меня возможности утешиться надеждой. И Вы столь явственно осознаете свою неправоту, что уверяете-меня, будто вовсе и не

должны держать некое обещание, когда-то Вами данное, которое теперь Вы не желаете исполнять. И лишь случай позволил Вам сказать, что Вы свое обещание сдержали, не правда ли? Вы согласились увидеться со мною всего на четверть часа; из этого следует, что с Вашей стороны это было преднамеренным предательством. Я знаю, как сами Вы расцениваете подобные уловки, и опираюсь на собственное Ваше суждение. Вы можете доставлять мне и величайшую радость и величайшую боль,— выбор за Вами.

Ужасная погода, которая с субботы преследует меня, без сомнения ничуть не отличается от вашей парижской. Единственно, чем она меня печалит,— так это воспоминанием о лесах, где ветер гонит листья, о газонах, затопленных дождем, и о долгом ожидании следующей нашей прогулки. Вчера, среди полей, буквально утопая, я ни о чем другом не думал. Ну а Вы, Вас дождь огорчает из-за меня или из-за того, что он мешает Вам, по обыкновению Вашему, отправиться shopping *?

В какой день были Вы в Итальянской Опере?

Не было ли это, случайно, в четверг и не находились ли мы совсем близко друг от друга, сами о том не подозревая? Очень бы мне хотелось взглянуть на Вас в сопровождении всей Вашей

свиты, дабы удостовериться, что Вы являетесь свету такой, какою мне хотелось бы.

В Париже я полагаю быть в четверг вечером или, самое позднее, в пятницу. Если в субботу погода будет хорошая, не хотите ли совершить долгую прогулку? А если будет пасмурно* мы погуляем недолга или пойдем в Музей. Воспоминания о наших прогулках причиняют мне разом и радость и боль. И чувство это мне надобно все время обновлять, чтобы избавить себя от тоски. Прощайте, друг любезный; я горячо благодарю Вас за нежность, какою исполнено Ваше письмо. И пытаюсь забыть то немногое, что есть в нем сухого и жесткого. Вероятно, по обыкновению Вашему, таким образом Вы маскируетесь — точно надеваете на себя убор с вуалью. Я люблю угадывать под ней щедрое сердце и щедрую душу; поверьте, несмотря на все усилия Ваши, скрыть этого нельзя.

81

Париж, пятница утром, 3 ноября 1843.

Возможно ли, чтобы Вы не могли высказать мне всего, о чем пишете? Что же это за странная застенчивость, мешающая Вам быть откровенной и заставляющая прибегать к наихитроумнейшей

лжи вместо того, чтобы обронить слово правды, которое принесло бы мне столько радости? Среди тех добрых чувств, о каких Вы говорите, есть еще что-то, чего я, по убеждению Вашему, недопонимаю; но Вы и не пытаетесь помочь мне понять, и я продолжаю пребывать в полнейшем неведении. Что же до других чувств, уверяю Вас, я искушен в них никак не более. Верите Вы в дьявола? Следуя моей концепции, весь вопрос в этом. Вели Вы боитесь его, постарайтесь, чтобы он Вас не утащил. Если же не дьявол всему причиною, как я полагаю, остается понять, причиняем ли мы кому-либо зло или хоть малейший ущерб. Я раскрываю перед Вами свой катехизис. Для меня — он всех лучше, но хорош ли он для Вас, поручиться не могу. Я никогда не хотел обращаться в другую веру, однако ж и сторонников моей до сих пор не нашел. Впрочем, Вы себе бросаете упреки куда более суровые, нежели те, что высказываю Вам я. Временами я сдаюсь под натиском тоски и нетерпения. Но Вас я виню редко, разве что кое-когда упрекаю в известной неискренности, непрестанно почти лишающей меня доверия к Вам и заставляющей искать под завесою притворства подлинную Вашу мысль. Если б я был убежден в правдивости всех Ваших

слов, я был бы очень несчастлив, ибо не вынес бы того, что могу причинять Вам страдания. Однако ж, смотрите, из-за привычки Вашей то обелять все, то очернять я во всем начинаю сомневаться. И не понимаю уже ни мыслей Ваших, ни чувств. Поговорим хоть раз напрямик, без утайки.

82

Париж, 16 ноября 184',

Я кажется отсюда вижу гримаску, какую Вы строите мне временам? и слышу интонацию, какая бывает у Вас в несчастливые дни; и очеш боюсь, как бы, помимо дурного настроения, Вы вдобавок не подхватил*' бы насморка. Поскорее успокойте меня и по первому и по второму ново ду. Вы так были милы и ласковы, что я готов простить внезапные приступ хандры,— только бы Вы заверили меня, что прогулка не при несла Вам вреда. Почти целый день я провел в столь любимой Вам? полудреме. Холод, какой стоит нынче, приводит меня в отчаяш. Прежде непременно бывало бабье лето и смягчало немного тосклив-пору листопада. Боюсь, как бы и это не отошло в прошлое вместе с многим из того, что сопутствовало моей молодости. Напишите мне, др любезный, уверьте, что хорошо себя чувству-

ете и не сердитесь на меня за упреки. Вам не исправить этого моего недостатка. Если бы я не при вык быть с Вами вполне откровенным, мне все время приходилось

делать вид, будто и зол на Вас, ибо тогда Вы бываете столь ласковы со мной, что я забываю о своем раскаянии, о боли, какую, верно, причиняю Вам, и мне вспоминаются лишь те минуты, когда в голову нам приходят одинаковые мысли или когда, как мне кажется, Вы забываете и о назойливости моей, и о своей гордости. Вот несут Ваше письмо,. От* всего сердца благодарю Вас за него. Вы остаетесь такою же доброю и прелестной, какой Вы были третьего дня, и с Вашей стороны это благородно вдвойне, ибо милые слова, которые Вы говорите мне, еще живы в Вашей душе и рождает их в Вас отнюдь не боязнь рассердить меня. Если бы Вы только знали, сколько радости доставляет мне каждое слово, идущее у Вас от сердца, Вы были бы менее скупы. Надеюсь, что-внутреннее состояние Ваше не переменится.

Сдается мне, что на вчерашнем балу [1] Вы повеселились всласть. Я же-отправился было в Итальянскую оперу [2], где нам предложили убраться восвояси, ибо Ронкони [3], как оказалось, был не то пьян, не то посажен в тюрьму за долги.

Наконец, накричавшись всласть, мы получили «L'ele-sir d'amore» \ после чего я вернулся к себе и до трех часов утра выправлял ошибки. Вы находите, что Академия сильно занимает меня? Должен сказать, что сегодня я вспоминаю о ней впервые. У меня нет* никаких шансов на успех [5]. Не знаете ли Вы какого-нибудь заклинания, чтобы именно мое имя появилось из елового ящичка, называемого урною?

83

Париж, вторник вечером, 2(1} ноября 1843*

Я чувствовал себя разбитым, почти так же, как и Вы. Но причиною тому явилось скорее состояние духа, нежели тела. И мне с трудом верится, будто упрямились Вы помимо Вашего желания. Но если даже оно и так, Вы, по-моему, всегда будете неправы. И что достигается этим? Вы добиваетесь того, что, принося с такой неохотою жертву, вконец ее обесцениваете. И оттого лишь еще живее ощущаете тяжесть этой жертвы, ибо лишены утешения, какое придало бы Вам признание ее цены. Говоря Вашим языком, Вы мучаетесь от двойных угрызений совести. Я не раз говорил Вам об этом. Вы обвиняете меня в несправедливости, я же считаю, что такого упрека не заслужил. А

если я и бывал несправедлив, так не столь уж часто. Вы очень дурно обо мне думаете. Право же, характеры наши столь различны, а главное, столь различны наши взгляды на жизнь, что мы никогда не судим одинаково о чем бы то ни было. Я, как мог, старался не вспылить. Но, кажется, мне это не слишком удалось, и я прошу у Вас за то прощения. Тем не менее признайте, что я стал немного лучше. Как собираетесь Вы вести спор на предложенную Вами тему: «Кто любит сильнее?» В первую голову надо бы прийти к соглашению касательно смысла глагола, чего нам не удастся никогда. Слишком мы оба мало знаем, чтобы достигнуть когда-либо согласия, а главное, слишком мало знаем мы друг о друге. Что до меня*

мне не раз казалось, что я знаю Вас, но Вы всегда от меня ускользали. Прав я был, сравнивая вас с Цербером: «Three gentlemen at once» *[l], Я ,так и не знаю, что в Вас перевешивает: сердце или голова; да и сами Вы того не знаете, однако ж последнее слово всегда оставляете за головою. Лучше уж ссориться, чем не видеться вовсе. Вот единственное, что сДало для меня очевидным. Когда же мы снова поссоримся? Не забудьте, что в пятницу [2] у меня день визитов. За четыре дня я облобызал десятка три своих коллег, преимущественно тех,

кто. пообещав, слова своего не сдержали.

84

Париж, 13 декабря 1843..

Расстались мы, недовольные друг другом в сердцах, однако нынче вечером, спокойно все обдумав, я не жалею ничуть о том, что говорил, если не считать излишней горячности некоторых выражений, за каковую я и прошу у Вас прощения. Да, мы — полные безумцы. И нам надобно было бы почувствовать это раньше. Раньше надо было бы увидеть, в ка кой мере мысли наши и чувства не схожи во всем. А уступая друг дру гу, мы становились лишь все несчастнее. И я немилосердно себя за то кляну, ибо я все же более проницателен. Я принес Вам много страданий, стремясь продлить иллюзию, которую не вправе был сохранять.

Простите мне, прошу Вас, ибо страдал я от этого не менее, чем Вы. Мне хотелось бы оставить по себе более- светлые воспоминания. И я надеюсь, Вы поймете, что в той боли, какую я мог причинить Вам, повинна лишь сила обстоятельств. Никогда я не был с Вами таким, каким хотел бы быть, вернее, таким, каким намеревался казаться. Я слишком доверял себе. И старался в душе преодолеть то, что ясно показывал мне разум. Но

может быть Вы, обдумав все хорошенько, увидите в безумии нашем лишь прекрасную его стброиу и станете вспоминать лишь счастливые минуты, какие мы проводили друг подле друга. Что до меня, мне. право же, не в чем упрекнуть Вас. Вы хотели привести к согласию две несовместимые вещи и не сумели. Но разве не должен я быть благодарным Вам за то, что Вы пытались сделать для меня невозможное?

85

Париж, вторник вечером 184(8?)

Целый день прождал я письма от Вас. Но не это, разумеется, мешало мне писать Вам — просто я был занят выше головы. Надеюсь, от сегод няшнего солнышка на душе у меня немного полегчает. Гнев мой прошел если и был, и мне уже не так грустно вспоминать вчерашние Ваши речи Быть может тучи во многом повинны в том, что произошло меж нами Мы ссорились уже как-то во время грозы — это лишь означает, что нами правят нервы. Мне ужасно хочется увидеться и узнать, какое у Вас настроение. А что если завтра мы попытаемся совершить прогулку, которая, на беду нашу, так и не удалась нам вчера? Как Вам кажется, стоит? Гордость Ваша, несомненно, воспротивится. Но я взываю к Вашему сердцу.

Вы крайне были бы любезны, ответив мне завтра до полудня в случае, если Вы не можете или не хотите. Но не приходите, если у Вас дурное настроение или если у Вас есть уже другие планы, или же, наконец, если Вы не вполне уверены, что прогулка наша заглушит неприятный осадок после вчерашней встречи.

86

Париж, суббота вечером, 13 января 1844.

Я ужасно огорчен, что Вы расхворались. Но уж позвольте мне самому судить о том, как Вы этот насморк подхватили. Редко бывает, чтобы подобное случалось с теми, кто ухаживает за больными, но еще реже бывает, чтобы ухаживали за ними столь неотлучно, как это делаете Вы. Болезни вокруг Вас случаются всегда вовремя, что, разумеется, в известной мере меня настораживает. Прежде Вы были искреннее. Вы проста присылали мне письмо, полное упреков, где говорилось, что гневу Вашему нет границ. Нынче же Вы действуете по иной системе. Вы присылаете мне коротенькие, очаровательные, кокетливые записки, и на Вас то и дело сваливаются всяческие насморки и болезни. Та система, право, мне более по душе. К счастью, дурное на-

строение проходит, и больные выздоравливают. Надеюсь во вторник увидеть Вас в радужном расположении духа, если, конечно, Вы намерены приятно провести время. Вы обходитесь со много так, как с нами обходится солнце, показываясь на небе не чаще раза в месяц. Будь я в лучшем настроении, я мог бы это сравнение продолжить, но я и сам очень болен, да к тому же, не в пример Вам, отнюдь не испорчен окружением своим и, к величайшему сожалению, не люблю отвара из фиников и инжира. Вы просите исполнить для Вас набросок наших лесов. Но для этого надобно еще раз увидеть их. Вы говорите, что не принимаете уже Бельвю значит теперь Вы понимаете, что изображать их по памяти не так-то просто. Впрочем, я и не глядел на них с тем вниманием, какое прилагаете Вы, чтобы рассмотреть все кругом. Что до меня, я вижу только Вас. Да, леса эти необыкновенны — они так близко от Парижа и в то же время так далеко. Если Вы непременно на том настаиваете, я. попытаюсь, но сначала Вы скажете, чего Вы от меня хотите, я имею в виду, какую часть парка я должен изобразить. Прощайте; я не слишком доволен Вами. Не видеть Вас целый месяц — все-таки слишком долго. Завтра и послезавтра мне предстоят две скучнейших,

неблагодарнейших работы, о чем я потом Вам расскажу. Прощайте.

87

Париж, 5 февраля 1844.

Вы упрекаете меня в жесткости и, быть может, не без оснований. Однако ж, сдается мне, Вы ближе были бы к истине, вменяя мне в вину вспыльчивость или нетерпеливость. И кроме того с Вашей стороны неплохо бы поразмыслить, есть у меня основания для подобной вспыльчивости и жесткости или нет.

Вдумайтесь, может ли быть мне приятно беспрестанно вступать в единоборство с Вашей гордынею, да к тому же убеждаться, что преимущество остается за нею. Признаюсь, я ничего не понимаю, когда Вы говорите о покорности Вашей, которая якобы вредит Вам во всем, а пользы не приносит. Куда как лучше было бы, по-моему, во всем друг друга поддерживать, но Вы не видите в том ни пользы, ни вреда. Вспомните на минуту,— только вполне по совести,— что Вы для меня значите. Вы соглашаетесь на наши прогулки, составляющие всю мою жизнь,— и все же всякий раз вновь возникает ледяная стена, все более приводящая меня в отчаяние; и всякий раз Вы,

из холодного ли расчета или, как мне хотелось бы верить, по велению природы, разжигаете во мне жажду обладания тем, в чем Вы упорно отказываете,— все это может извинить мою жесткость; ну а если уж говорить о вреде, так весь он в том, что Вы позволяете гордыне подавить ту душевную щедрость, какая в Вас есть. Причем первое чувство соотносится со вторым, как колосс с пигмеем. А гордыня Ваша по существу есть не что иное, как одно из проявлений эгоизма. И может быть все-таки стоит однажды забыть об этом своем недостатке и подарить мне всю нежность, без остатка? Я охотно приветствовал бы такое решение, когда бы Вы пообещали быть со мной вполне искреннею и когда б у Вас достало мужества обязательство свое сдержать, правда, мне опыт этот мог бы дорого стоить. И все же я бы с радостью на него согласился, ибо Вы, по Вашим словам, были бы лишь «счастливы так поступить. Прощайте, до скорой встречи. Надейьте Ваши сапожки-скороходы, и мы совершим чудесную прогулку; только бы погода не стала хуже, чем в последние дни,— тогда Вы не подвергнетесь риску подхватить насморк. Я сильно страдаю от мигрени и головокружений, но надеюсь, Вы меня вылечите.

88

Париж, воскресенье, 11 февраля 1844.

Я не вполне понимаю, должен ли я почтительнейше верить всему, что Вы пишете о недомогании и безотлагательных делах. Во всяком случае за всеми Вашими любезностями скрывается полнейшее нежелание меня видеть. Я ошибаюсь, или же получать от Вас нежные строки столь мне непривычно, что я не могу поверить в их правдивость? А ко вторнику Вы поправитесь? И освободитесь? И будете в столь же благоприятном расположении духа, как в прошлую среду? Вчера во второй половине дня погода была чудесная; быть может во вторник нам так же повезет, если только барометр мой верен. У меня есть кое-что для Вас, но возможно это покажется Вам ужасною глупостью. С тех пор, как мы не виделись, я много бегал с визитами и совершил массу академических низостей. Я отвык уж от всего, и это мне дорого стоило; но кажется форму я восстановлю довольно скоро. Сегодня я повидал пять знаменитых поэтов и прозаиков и, если бы меня не застигла темнота, я, верно, одним махом и покончил бы со всеми тридцатью шестью визитами. Самое смешное. когда встречаешься

с соперниками \ Большинство глядит на тебя так, точно готовы слопать живьем. В сущности я настолько уже измучен исполнением всех этих повинностей, что счастлив был бы позабыть обо всем на один хотя бы час в Вашем обществе.

89

Четверг вечером, {29 февраля 1844),

Я очень боялся, что не сумею увидеть Вас в субботу и обещал себе хорошенько отчитать Вас за нежелание встретиться в другой день. Но мне удалось ото всего отделаться. Так что до субботы. Мы очень давно уже не ссорились. Не находите ли Вы, что так куда лучше и теплее, нежели раньше, когда мы то и дело взрывались гневом и утешаться могли лишь тем, что за ссорой следовало примирение? Меж тем я по-прежнему нахожу в Вас один недостаток — Вы слишком редко появляетесь. Ведь видимся мы едва ли не раз в две недели. И мне всегда кажется, что надобно заново ломать ледяной барьер. Почему я никогда не застаю Вас такою, какой Вы бываете при расставании? А если бы мы виделись чаще, этого не случалось бы. Я для Вас точно старая опера, которую Вам требуется забыть с тем, чтобы потом, услышав ее снова, получить хоть какое-то

удовольствие. Мне же, напротив, кажется, что, встречаясь с Вами каждый день, я только больше бы любил Вас. Докажите, что я неправ', и назначьте ближайший день для встречи. Судьба моя в Академии решается 14 марта \ Доводы рассудка подсказывают мне, что надежда есть, но какое-то подспудное чувство говорит обратное. А покуда я весьма скрупулезно наношу визиты. И прихожу к убеждению, что -господа эти умеют быть изысканно вежливыми, привыкли играть свою роль и относятся к ней чрезвычайно серьезно; я стараюсь, как могу, относиться с тем же тщанием к своей, но это дается мне с трудом. Ну не скажешь ведь человеку: «Сударь, я почитаю себя одним из сорока наиболее блестящих во Франции людей, и я вполне вас стою»,—и далее говорить пошлости в том же духе? Ко всему прочему, излагать это требуется достойно, разнообразя текст, в зависимости от того, к кому обращаешься. Вот чем я нынче занимаюсь и что надоест мне вконец, если затянется надолго. 14 число соответствует мартовским идам — день смерти моего героя, покойного Цезаря. Ominous [57], не правда ли?

---

57 notes: 57
Зловещее предзнаменование (англ.).

90

Понедельник вечером, март 1844 {?).

Мне кажется, я начинаю мало-помалу постигать загадку Вашу. Поразмысливши над тем, что Вы мне сегодня сказали, я пришел к выводу, к которому меня давно уже вело внутреннее предчувствие, мне стало вполне очевидно, что самый злой мой недруг или, если угодно, соперник в Вашем сердце — Ваша гордыня; Вы восстаете против всего, что ее задевает. И может быть, сами того не сознавая, в мельчайших деталях следуете давно сложившимся у Вас понятиям. Разве не гордыня Ваша "торжествует, когда я целую Вам руку? Тогда,— как сказали мне Вы -сами,— Вы в полной мере счастливы и с радостью отдаетесь этому чувству, ибо гордыне Вашей льстит всякое уничижение, Вы хотите превратить меня в статую, чтобы только в Вас черпал я жизнь. Однако ж сами Вы превращаться в статую не желаете, а главное, не желаете в равной мере одаривать счастьем и получать его, коль скоро любое равенство Вам претит.

Что могу я на это сказать? А то, что если Ваша гордыня способна удовлетвориться моим смирением и покорностью, пусть она празднует

победу,— я всегда уступлю ей, лишь бы она не мешала сердцу Вашему -следовать благим порывам. Я же никогда не поставлю на одну доску счастье свое и свою гордость, и если бы Вы захотели увидеть во мне проявления еще большего смирения, я без колебаний выполнил бы Ваши пожелания. Но почему меж нами стоит гордыня, а проще говоря, эгоизм? Неужто Вам недоступна радость самозабвения, растворения в другом? Разве столь необыкновенное чувство сродства, какое иной раз мы испытываем, какое нынче утром, например, увело нас туда, куда идти нам было вовсе и пи к чему, не обладает властью, более сладостной и могучей, чем та власть, которую может дать Вам сатанинская Ваша гордыня? Нынче утром Вы были так любезны, что я не хотел, да и не мог Вас бранить, И все же настроение у меня прескверное. Я говорил Вам, что должен идти на скучнейший ужин. Вообразите, я спутал день и смертельно раздосадовал отнюдь не ждавших меня людей, которые, впрочем, и не пытались это скрыть. Таким образом, вечер я провел в сожалениях о том, что не сижу дома, наедине со своими воспоминаниями. Я готовлюсь к неприятному письму от Вас. И решил написать первый, ибо послезавтра несомненно буду вне себя от ярости.

Стоит Вам только захотеть, и я сделаюсь кротким, словно ягненок. Вот и опять наступила настоящая зима. Как перенесли Вы холод, какой стоял в прошлый раз? Или он Вас уже не пугает? Я не уверен, что Вам стоит завтра выходить, однако ж боюсь брать на себя ответственность за совет и предпочитаю, чтобы Вы решили сами. Вот Вам еще один пример смирения.

91

Париж, <вторник>, 12 марта 1844.

Чудесно. Точно мало у меня всяческих неприятностей! Нанести столько визитов Ч А тут еще книготорговец присылает отчет на сорока страницах, и я должен просмотреть и обсудить его. А чтение корректур! По-моему, зная все это. Вы должны были хотя бы написать мне несколько ободряющих строк. Мужество мое и терпение почти иссякли. К счастью, в будущий четверг всему конец. В четверг, к часу, дня, я снова сделаюсь самым обыкновенным двуногим существом [2], а покуда не будет ли слишком большой смелостью просить Вас написать мне несколько нежных слов, какие Вы сумели найти, когда мы виделись в последний раз? Теперь уже три часа, и я покидаю Вас, дабы приняться за корректуру «Арсены Гийо» [4] до понедельника, а вернее, до вторника.

92

Четверг вечером, 14 марта 1844.

Это доставило мне чувствительнейшее удовольствие, тем паче, что я готовился к поражению Ч Бюллетени мне приносили по мере их появления. Победа казалась недостижимой; матушка моя, страдавшая в последние дни от острейшего приступа ревматизма, вылечилась в один день. А мне еще нестерпимее хочется Вас видеть. Постарайтесь, независимо от того, люблю я Вас больше или меньше,— и как можно скорее. Я измучен беготнею, а теперь надобно благодарить, благодарить и друзей, и врагов, выказывая тем величие души. К счастью для меня, люди, мне ненавистные, кинули черные шары,— ведь поистине счастлив тот, кому не приходится нести тяжкое бремя признательности людям, недостойным уважения. Прошу Вас, напишите, когда Вам удобно увидеться.

Мне так хочется совершить какую-нибудь долгую-долгую прогулку.

Вы и вправду колдунья, что так точно предсказали развитие событий. А Гомер мой обманул меня[2], или же мрачное его предсказание относилось к г. Вату.

Прощайте, dearest friend!* Занимаюсь корректурой, работой над докладом, да к тому же во время всей этой трехдневной возни я совершенно не успевал спать. А теперь хочу попытаться. У меня припасено для Вас множество презабавнейших анекдотов о людях и вообще о самых разных вещах.

93

17 марта 1844.

Покорнейше благодарю Вас за поздравления, однако ж хочется большего. Хочется видеть Вас и совершить вместе долгую прогулку. Но Вы, по-моему, воспринимаете все слишком трагически. Зачем Вы плачете? Все

■сорок кресел не стоят одной слезинки Вашей. Я измучен, смертельно утомлен, опустошен и совершенно out of my wits **. К тому же «Арсена Гийо» потерпела полнейший fiasco[5859]* и навлекла на меня негодование всех так называемых «добропорядочных» людей, в особенности тех модных дам, что отплясывают польку и следуют

---

58 notes: 58

[4]* ничего не соображаю {англ.),

59 notes: 59

* нровал (ит.).

наставлениям отца Равиньяна[1]. к примеру, меня сравнивают с мартышкою, которая карабкается вверх но стволу и, добравшись до самой высокой ветки, строит всему свету гримасы. Я думаю, что потерял некоторое количество голосов на этой скандальной истории[59], но с другой стороны, благодаря ей в чем-то я выигрываю. Есть люди, которые семь раз кинули мне черные шары, а уверяют меня в своей самой горячей приверженности. Не находите ли Вы, что в таких случаях стоит солгать, особенно когда знаешь, сколь люди умеют быть благодарны? Весь мирок этот, в котором я прожил почти неотступно целых две недели, внушает мне неодолимое желание Вас видеть. Мы хотя бы уверены друг в друге, и когда Вы мне лжете, я могу Вас в том упрекнуть, а Вы умеете заставить все Вам простить. Любите меня, невзирая на почтенное обличив, какое я принял уже почти три дня тому назад.

94

Пятница, 29 марта <1844>.

Of the mind's eye *[1] подсказывает мне, что солнечная погода продержится еще несколько дней,

---

59 notes: 59

* нровал (ит.).

а потом испортится надолго. С другой стороны, прошлая прогулка наша, по сути дела не состоявшаяся, в счет идти не зяожет. От нее и выиграли одни только медведи. Я завидую им — они вызывают в Вас такой интерес, что я намереваюсь заказать себе костюм, который придал бы мне хоть каплю их очарования. До сих пор маршрут наш лежал всегда с востока на юг. Теперь, мне кажется, мы могли бы испробовать обратное направление. Для начала стоило бы отыскать калитку нашу и мутный ручеек, что течет за нею. А закончили бы мы там, где обыкновенно начинаем. Чертовщина вся в том, что работы у меня нынче много больше обыкновенного. Тем не менее, если бы Вы могли встретиться со мною в субботу, в три часа, мы успели бы завершить познавательное путешествие наше до половины шестого; в противном же случае пришлось бы отложить до понедельника, что слишком далеко. Когда бы Вы знали, как милы Вы были в прошлый раз, Вам не захотелось бы больше дразнить меня так, как временами Вы это себе позволяете. А мне бы так хотелось видеть Вас еще более искренной; хоть смысл Ваших слов и был для меня туманнее Апокалипсиса, мне казалось, что мысли Ваши открыты мне вполне. И я желал бы, чтобы Вы

испытали сотую часть того удовольствия, какое испытываю я, наблюдая за ходом Ваших мыслей. Для меня это счастье столь великое — страшно

подумать, что оно т будет со мною разделено. Вы совмещаете в себе двух людей. Цербером, знаете ли, Вы быть перестали[2]. Теперь в Вас ива лица вместо трех. Первое и лучшее — сама сердечность и душевное тепло. Второе же — прелестная статуэтка, отшлифованная пребыванием в свете, убранная шелком и кашемиром; очаровательный автомат, чей механизм устроен в высшей степени искусно. Думаешь, что обращаешься к человеку, а наталкиваешься на статуэтку. И зачем эта статуэтка оказалась такою милой! Когда бы не ее чары, я затаил бы надежду, что, подобно старым испанским дубам, теряющим кору, с течением времени т Вы потеряете весь свой лоск,

А в общем оставайтесь такою, какая Вы есть, только пусть человек чаще берет верх над своим механическим двойником. Вот я и вовсе запутался в метафорах.

Я вспомнил сейчас об одной белоснежной ручке. Кажется, я собирался отругать Вас. Но не могу ясно припомнить за что. И теперь чувствую себя вконец разбитым. В прошлый раз, по возвращении, я едва держался на ногах,— но, увы, я

не могу так, как Вы, проспать двенадцать часов кряду. Право же, я меньше Вас забочусь о своей драгоценнейшей особе. Надеюсь завтра получить от Вас письмо, но Вы напишите потом еще одно, дабы сообщить — в субботу или в понедельник... Третий вариант: в субботу до четырех часов и в понедельник с двух часов до пяти. Это было бы, сдается мне, самое замечательное. Надобно, чтобы ответ Ваш был у меня в субботу до полудня.

95

Страсбург 30 апреля 1844.

Я все еще здесь из-за нерасторопности муниципального совета. Целый день пришлось потратить на то, чтобы, употребив все свое красноречие, /'бедить его членов реставрировать старую церковь. А они говорят, что ш нужнее табак, нежели памятники, и что из моей церкви они сделают магазин. Завтра я выезжаю в Кольмар, и послезавтра, то есть в четверг, обираюсь быть в Безансоне. Там я пробуду ровно столько, чтобы успеть положить цветы на могилу Нодье [2], а затем, возможно скорее, постараюсь отправиться на свидание с нашими лесами. Сюда весна, по-моему, пришла раньше, чем в Париж. За городом тут восхитительно и зелень такого цвета,

какой ни одной кисти не удастся передать.

Я несказанно рад Вашему веселому настроению, о себе, однако, сказать того же не могу. Мне кажется, что по вечерам у меня поднимается температура, и настроение оттого прескверное. Собор, столь любимый твою раньше, теперь показался мне уродливым, и прелесть дев мудрых т дев неразумных Сабины де Стейнбах[3] едва меня тронула. Вы совершенно правы, что любите Париж. К тому же это — единственный город, приятный для жизни. Где еще найдете Вы такие прогулки, такие музеи, в которых столько нами друг другу сказано, столько прочувствовано? Я хотел бы верить Вашим обещаниям — то есть тому, что мы возобно-

вим прерванную беседу так, будто разлуки и не было. Но я знаю, что меня ожидает. Я вновь натолкнусь на ледяную стену. Вы меня даже не узнаете. Однако ж я готов ссориться — это все-таки лучше, чем не ви доть Вас вовсе.

Прощайте.

Париж, четверг вечером, 1 августа 1844

Я не столь поэтичен, как Вы. X&tov supoSsln], иными словами, лоно земли *, невзирая на макинтош, оказалось еще холоднее Вас, и я подхватил насморк, но зла за то не держу. Я готов читать

все, что Вы посоветуете и что Вам приятно. Сколько же всегда «но»! И как искусно умеете Вы выводить других и саму себя из состояния очарованности, какое им дано испытать! Я говорю «очарованности», и, без сомнения, напрасно: не могут же сурки наслаждаться таким состоянием. А Вы были одним из этих хорошеньких зверьков, прежде чем Брахма[2] вдохнул Вашу душу в тело женщины. И, право, время от времени Вы просыпаетесь, но для того лишь,— как признаете Вы сами,— чтобы поссориться. Будьте же добры и великодушны, Вы умеете быть такою, как никто другой. Несмотря на дурное мое настроение я предпочитаю видеть Вас вполне равнодушной, нежели не видеть вовсе. Я ведь говорил Вам, что ботаника эта ровно ничего не стоит, но Вы желаете все делать по-своему. Я обнаружил вещи более любопытные, нежели сельские тропинки, но только еще более неприметные. Поверьте мне и, бросив в огонь все увядшие цветы, приходите собирать новые.

Прощайте.

97

Париж, суббота, 3 августа 1844,

Похоже, что, против обещаний Ваших, Вы уеха-

ли за город french leave *. С Вашей стороны это в высшей степени любезно. А я-то день за днем наивно поджидал от Вас какой-нибудь весточки. Себя исправить трудно. В случае — маловероятном — если Вы будете в Париже и — еще менее вероятном — если Вам было бы интересно присутствовать на заседании Академии надписей, у меня есть для Вас два билета \ Это ужасно скучно. А я покуда тружусь в поте лица над весьма нелегкой задачей[2]; к счастью, уже виден конец. Затем уеду на месяц и ли на два. Когда бы это вызвало у Вас угрызения совести или — что я бы предпочел — желание увидеться со мною, Вы скоро заставили бы меня забыть о дурном моем[настроении.

98

Пуатье, 5 сентября 1844.

На письмо Ваше от прошлого месяца, ожидавшее меня здесь, я отвечаю так поздно не потому, что наказываю Вас,— как говорит Вам нечистая Ваша совесть,— за медлительность, с какой Вы собирались написать мне, За десять дней у Вас и мысли не возникло послать мне хотя бы строчку, и это очень дурно. Вы описываете наблюдения Ваши в Д... Сдается мне, что развлечений там у Вас хватает, и я не могу отделаться от мысли, что

развлекаетесь Вы лишь тогда, когда появляется возможность пококетничать. Что же до меня, то с самого отъезда моего из Парижа я влачу унылейшее существование. Точно Одиссей *, я видел многих; людей города и обычаи. И все казалось мне уродливым до крайности. Кроме того, к удивлению моему и расстройству, несколько раз у меня случались приступы лихорадки, показавшие, сколь я сдал. Края эти, по-моему, самые плоские и малопримечательные во всей Франции,; правда, лесов тут довольно, равно как и громадных деревьев, и одиноких прогулок, где мне очень хотелось бы встретить Вас. Облик Ваш возни-кает теперь передо мною в тысяче мест, но всего более он связан для меня с парками и музеями. Если мысль, что я вспоминаю облик Ваш, и вспоминаю очень часто, доставляет Вам какую-то радость, знайте, что при той жизни, какую я тут веду, я Вас не забываю. Такое-то дерево напоминает мне о таком-то разговоре. И время я провожу, размышляя о наших прогулках. Я безмерно восхищен Скрибом [2], который заставил смеяться высоко добродетельную и неокатолическую публику, показав, чего стоит добродетель. В равной мере меня удивляет то, что рассказываете Вы о его исполнении. Раньше голос его скрипел,

как немазанная телега. Надобно полагать, что академическая мантия придала ему уверенности [3]; это и в меня вселяет некоторую надежду.

С самого отъезда речь свою я раскрывал от силы раза два, и если так будет продолжаться и дальше, я, право, сомневаюсь, что мне удастся переделать в ней хотя бы строчку. Я готов к тому, что в последнюю минуту с содроганием обнаружу, сколько глупостей умудрился пропустить. Пока я не поверну руля своего на Париж, трудно с уверенностью сказать, когда я вернусь. Если начальство не зашлет меня дальше, за Сент, я полагаю, что мы прибудем почти одновременно. Вот было бы счастье, когда бы мы могли увидеться прямо на другой день! Прощайте; пишите мне в Сент, я собираюсь вскоре до него добраться и пробыть там несколько дней.

99

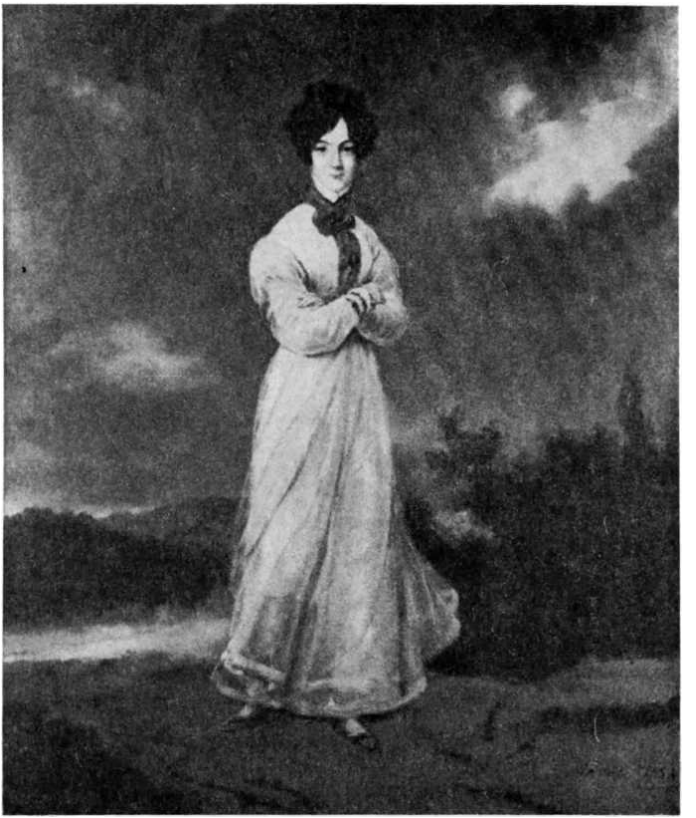
Партеней, 17 сентября 1844.

Письмо Ваше, полученное мною в Сенте \ немного отвлекло меня от неприятностей, каких тут хватает. Я никак не мог решиться ввергнуть в отчаяние четыре тысячи моих соотечественников, которые посылали ко мне депутацию за депутацией и плели разные небылицы.

Женни Дакен.

Фотография. 1850-е годы

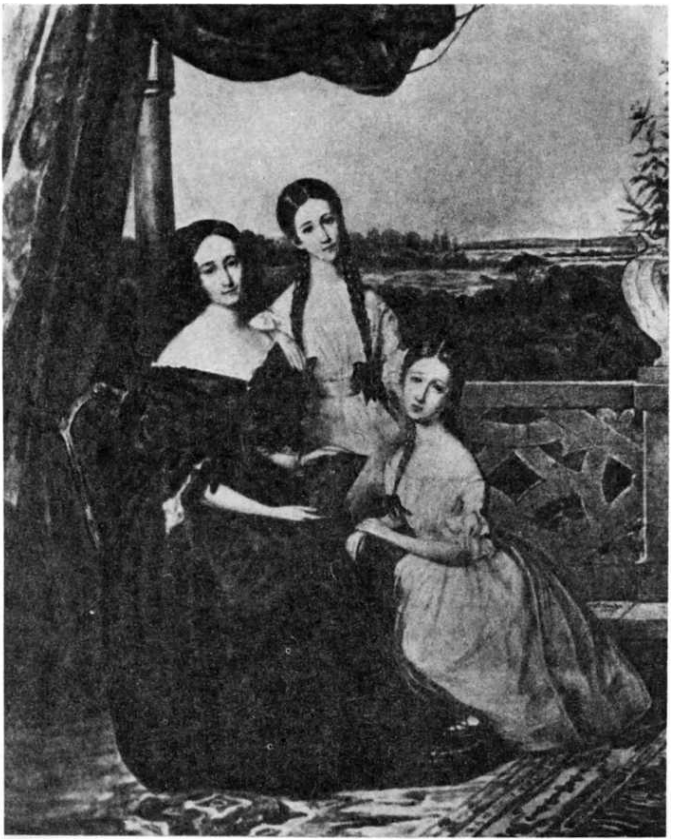
Автопортрет Проспера Мериме 1829 г.



Валентина Делессер.

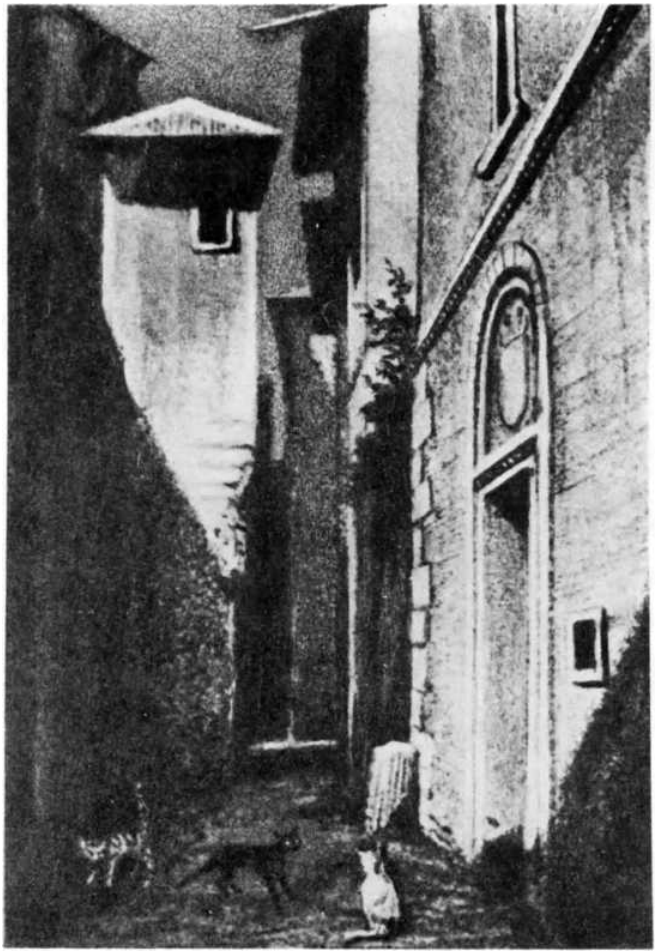
Портрет Ораса Верне. 1852 г.

Проспер Мериме
Фотография 1855 г.



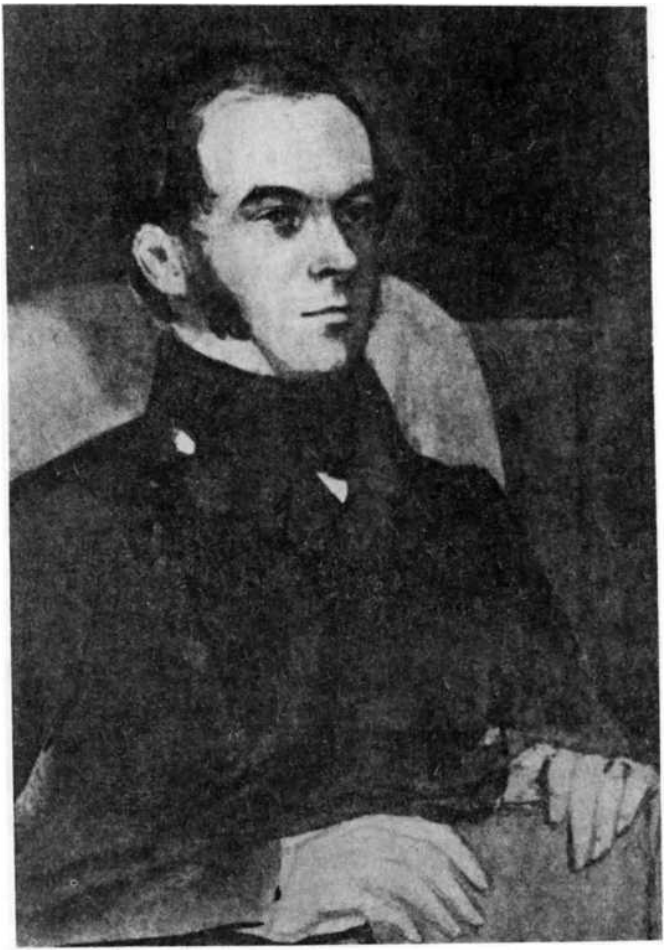
Госпожа Монтихо с дочерьми.
Портрет Кандида Блеза. 1837 г.

Коломба и ее брат Орсо. Акварель П. Мериме



Кошки на римской улице.

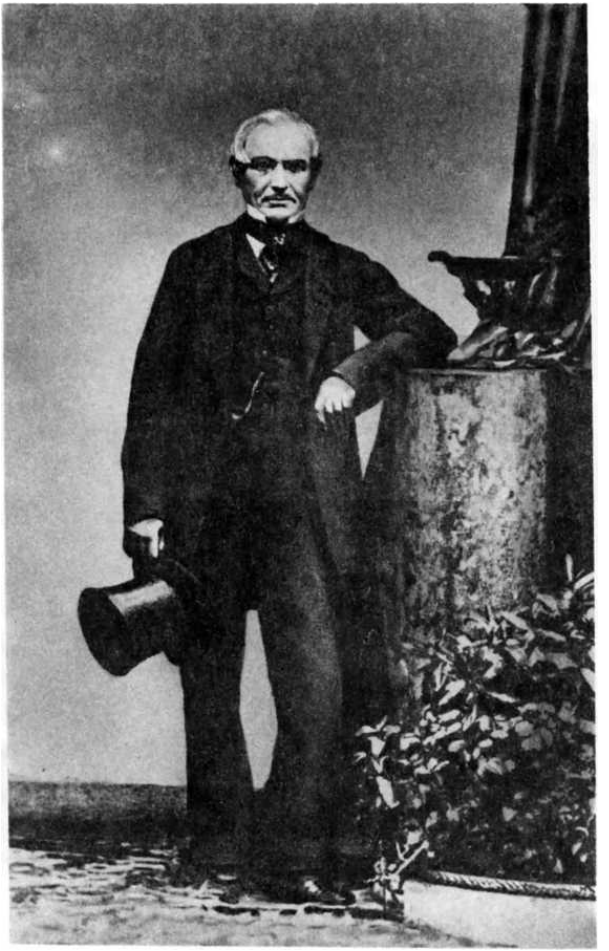
Иллюстрация к новелле П. Мериме «Переулок госпожи Лукреции». Акварель П. Мериме



Проспер Мериме.
Акварель Сесилии Делессер

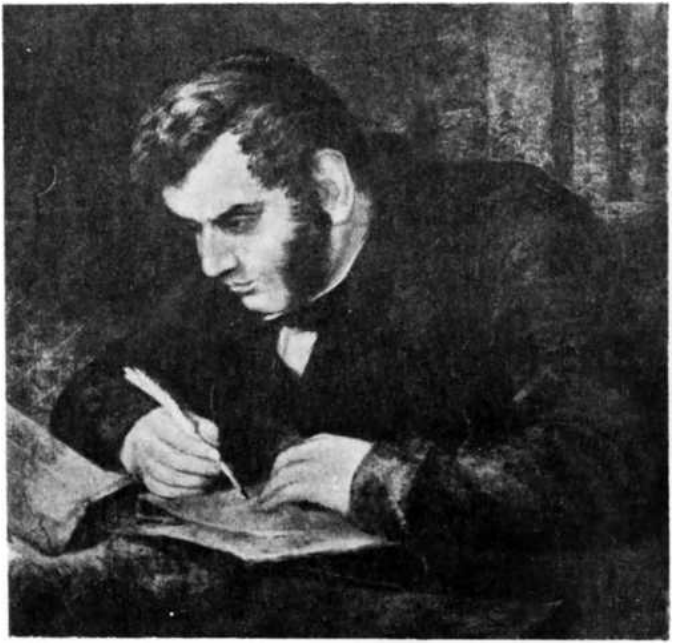
Монах на лошади без головы.

Акварель П. Мериме



Проспер Мериме.
Фотография. 1850-е годы

Ашилъ Фулъд.
Гравюра с фотографии. Около 1850 г.
Эдвард Эллис.
Литография неизвестного художника



Антонио Паницци.
Портрет
Джорджа-Фредерика
Уоттса.
1866 г.

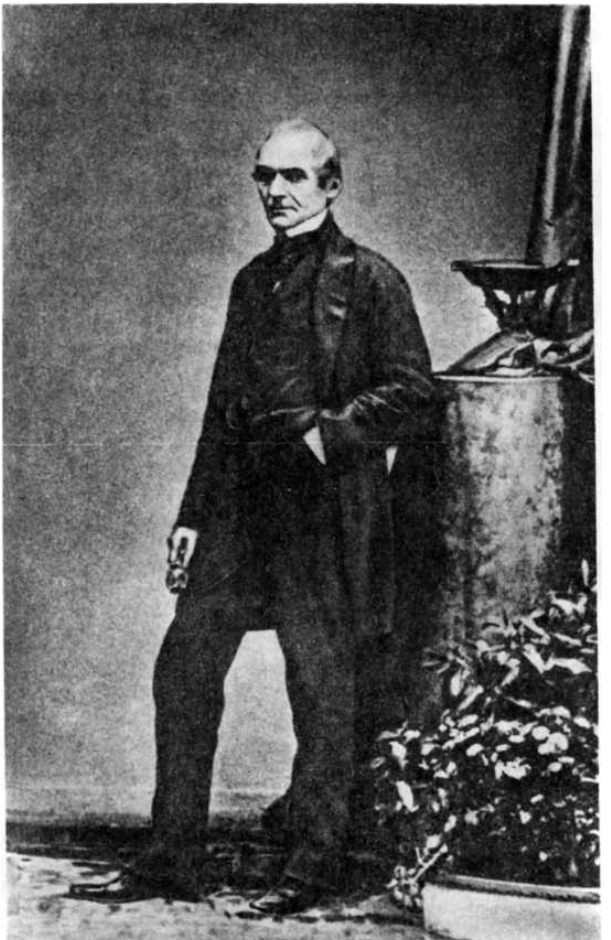
Ольга Лагрене.
Рисунок П. Мериме. 1860 г.
Цыганка.
Акварель П. Мериме

Молодая цыганка. Акварель П. Мериме

Женни Дакен.
Рисунок П. Мериме
Женни Дакен

°исунок П. Мериме

Графиня Кастилъоне.
Рисунок П. Мериме



Проспер Мериме.
Фотография. 1850-е годы

Наполеон III.Рисунок П. Мериме

Разрываясь между долгом службы и врожденной чувствительностью, я был глубоко несчастен. Наконец я выбрал решение наиболее мудрое и принялся изображать из себя проконсула. В ближайший год я не рискну и носу показать в Сенте. Очень приятно, что в Д... Вы вспоминаете Париж. А то я боялся, как бы Вы не забыли леса наши и будто эмалью покрытые газоны. Я, со своей стороны, что ни день, думаю о них все неотступнее, тем паче теперь, когда я на шаг уже ближе к Парижу. По всей вероятности я опережу Вас. И буду там самое позднее дней через десять, если, разумеется, не произойдет какой-либо непредвиденной случайности. А Вы? Вот что важнее всего. Быть в Париже без Вас покажется мне куда тяжелее, чем носиться по весям и долам, как я это делаю теперь. Вы не можете понять, какую я испытываю жажду Вас видеть. Сумеете ли Вы, захотите

ли приехать проститься с достоянием Вашим на Левом берегу? Я стараюсь не думать об этом, но безуспешно. И готовясь, подобно Скапену, возвращающемуся из путешествия[2], к неприятным неожиданностям, тщусь представить себе Your Ladyship [60] — закованную в непроницаемую броню статую, столь же злобную, сколь временами она передо мною предстает. Но напрасно — Вы всегда видитесь мне такою, какой Вы были в последний раз, когда мы так уютшь сидели на обломке скалы. Право же, я до некоторой степени в это верю, оттого хотя бы, что Вы дали слово, да и вообще мне никогда не убедить себя в том, что оба мы можем измениться после того, как наши мысли текли в таком единении. Если Вы собираетесь возвращаться, напишите мне в Блуа [3], где я скоро буду, или же после 25-го в Париж и скажите, когда самое раннее могу я Вас увидеть. Пишу я Вам из препротивного шуанского городка, сидя в отвратительной гостинице, где стоит адский шум. Все, что подают мне к ужину,, приправлено таким количеством волос, что я едва притрагиваюсь к еде. Сегодня, в Сен-Мексане, я встретил женщин с прическою XIV века, в корса-

---

60 notes: 60
Вашу милость (англ.). 5 Проспер Мериме

жах почти того же времени, надетых на рубашку из грубого холста, застегнутую под горло, всю в складках, как у мужчин. Невзирая на пышность скрываемых этим костюмом форм, он кажется мне очаровательным. Я сегодня чуть не вывихнул руку и потому не в силах более писать.

Прощайте.

100

Париж, понедельник, сентябрь 1844..

В прошлый раз мы расстались в равной мере недовольные друг другом. Меж тем оба мы неправы, ибо винить надобно лишь силу обстоятельств. Самое лучшее было бы нам долго теперь не видеться. Совершенно очевидно, что мы не можем более находиться вместе без того, чтобы не рассориться в пух и прах. Оба мы желаем невозможного: Вы хотите, чтобы я стал статуей, я — чтобы Вы не были ею. И всякое новое доказательство»

невозможности этого,— б чем внутренне оба мы никогда не сомневались,— причиняет боль как одному, так и другому. Я, со своей стороны, раскаиваюсь в тех огорчениях, какие мог Вам причинить. Слишком часто поддаюсь я вспышкам нелепого гнева. Сердиться же на Вас — все

равно, что сетовать на лед за его холод.

Надеюсь, теперь Вы простите меня; во мне не осталось ни капли гнева — одна неизбывная грусть. И она не была бы столь всепоглощающей, когда бы мы не расстались таким образом. Прощайте, ибо лишь вдали друг от друга мы можем оставаться друзьями. Быть может, когда оба мы постареем, мы с удовольствием увидимся вновь. А Вы гем временем — в горе или в счастии — помните обо мне. Я прошу Вас о том, не знаю, сколько уж лет. С тех пор еще, когда мы вовсе и не думали ссориться.

Еще раз прощайте, пока у меня достает духу сказать это Вам.

101

Париж, 5 декабря 1844.

Я поклялся не писать Вам больше, но не знаю, долго ли сумею держать свой зарок. Однако ж я не предполагал, что Вы больны. Ведь прогулка наша была такой чудесной! Потому я и думать не мог, что у Вас она оставила цо себе дурное воспоминание. А раздражены Вы, сдается мне, моим упрямством, превосходящим Ваше. Поистине достойное объяснение — есть чем похвалиться. Но разве не должно быть Вам скорее стыдно

доводить меня до такого состояния! А сами упрекаете меня в черствости и спрашиваете, отдаю ли я себе в том отчет. По совести говоря, нет. Но отчего Вам не предостеречь меня? Если я не был с Вами чуток,— прошу у Вас за то прощения. Однако при расставании Вы, по-моему, и не думали сердиться. Я чувствовал в Вас такое же доверие ко мне, такую же душевную близость, какую я испытывал к Вам. Сказать ли, что я сохранил об этой прогулке самое сладостное воспоминание? Видя Вас такою, я бываю счастлив вполне. И если тогда Вы сердились, это делает честь Вашему притворству. Но я предпочитаю приписать это позднейшим размышлениям, нежели предположить, что тогда Вы не были искренни. Скажите, если я ошибаюсь.

Нынче вечером я начал заказанный Вами рисунок. Выполнить его трудно. И мне хотелось бы получить от Вас уточнения. Значит, Вы настаиваете на том поросшем чертополохом поле? И утверждаете, что оно кажется Вам одним из самых живописных в мире мест. Я принесу эскиз и Ваш портрет впридачу. На нем запечатлено недоброе выражение Ваших глаз. Не думайте, однако ж, что они всегда производят такое впечатление. Взгляд их бывает и добрее,— и это

тем более ценно, что бывает крайне редко. Вы увидите мою работу и отдадите нужные распоряжения. Касательно же оплаты, соблаговолите попомнит^, что/я не ординарный художник, и оплачивать Вы должны не произведение, но время и труд. В конце концов всегда ведь похвально выказывать щедрость по отношению к людям искусства.

Вы постепенно остывали от вспышки гнева, а я все более накалялся. Мне казалось, что письмо от Вас должно прийти раньше. Я поджидал его, тут еще меня обуяла гордыня — вот я и не предупредил Вас. Видите, я не снимаю с себя вины за дурные свои поступки. Простите мне и этот. Во всяком случае несправедлив я был к Вам не из мести за прошлое.

С той поры как мы не виделись, я почти все время чувствовал себя прескверно, полагаю, что виной тому — урок испанского языка, проведенный прямо, как говорит Гомер, на «лоне земли» [1]. Письмо Ваше воскресило меня. Я и теперь думаю, что причиною болезни послужило выражение Вашего лица при расставании. Вы даже не соблаговолили обернуться, чтобы проститься со мною.— Нам еще множество раз придется просить друг у друга прощения за все наши черные

мысли!

Час теперь совсем уж неурочный; камин потух, и я зябну. Прощаюсь с Вами и от всего сердца благодарю за письмо. Я ждал его целую неделю. Ну разве Вы не упрямица?!

102

Париж, четверг, <6> февраля 1845.

Все прошло лучше, чем я надеялся *. Я проявил редкостный апломб. Не знаю, была ли довольна мною публика, но я ею был доволен.

103

Пятница, <7) февраля 1845.

Раз Вы не сочли, что я был слишком смешон [4], значит все хорошо. Я-то был бы недоволен, знай я, что Вы — там, глядите на мой пронзительно зеленый фрак и такого же цвета лицо. Почему не завтра? В противном случае придется ждать до следующей среды, а у меня не достанет на это мужества. Нам будет что порассказать друг другу. Если бы я только знал, что Вы — там, я растерял бы весь свой апломб.

104

Тулуза, 18 августа 1845.

Я только что обнаружил здесь Ваше письмо *; это просто чудесно, ибо-я был, вопреки ожиданиям, вне себя, не получив от Вас ничего в Пуатье. Вы скажете, что зря я наделся на то, что Вы вспомните обо мне раньше. Что поделаешь! Видимо, мне так и не привыкнуть к Вашей манере себя вести. Всего более Вы готовы забыть меня именно тогда, когда Вам совсем уже удается уверить меня в том, что Вы обо мне думаете. К счастью, утешением мне служат воспоминания — ими я только и живу. Мне повстречаются те прелестные, гроты, о которых Вы пишете, да в них и надобности нет, ибо в голове и так теснится множество грустных и веселых мыслей. Как Вам известно, я не слишком привередлив к пейзажу. А прогуливаясь рядом с Вами, я вовсе не обращаю на него внимания. И мне очень хотелось бы побаловать Вас, как Вы о том просите. Но настроение у меня мерзейшее. Последние две недели я неустанно борюсь сначала с непогодою, затем с архитекторами, затем с Вами и с самим собою. Погода, которая все эти дни была ужасающей, вчера внезапно исправилась, но тотчас на смену

холоду пришла удушливая жара, сопровождаемая сирокко, который отнимает у меня последние силы. Я сутки целые провел у одного депутата 6162, и будь у меня стремление к политической карьере, визит этот решительно изменил бы мои помыслы. Ну и профессия! С какими только людьми не приходится встречаться, обхаживать их, улещивать! Так и скажешь вслед за Хотспером[3]: I had rather be a kitten and cry mew[1]*. Уж рабство, так рабство, но в таком случае при дворе какого-нибудь деспота: деспоты хоть, в большинстве своем, моют руки. Я рассердился, узнав, что Вы так поздно уехали в Д...; иными словами, я боюсь, что Вы возвратитесь совсем поздно. В ремесле моем мне помогает сносить все тяготы мысль о том, что, вернувшись, я вновь увижу Вас в Институте[4] в присутствии наших академических львов; помучив меня с полчаса недовольным выражением лица, Вы, как всегда, поможете мне забыть все невзгоды. Сколько времени пробудете Вы в Д...? Вот чем я ныне озабочен: вполне вероятно, что Вы поедете в Англию, и леди М... снова примется излагать Вам распрекрасные свои теории about

---

61 notes: 61

Мне лучше быть котенком и мяукать (англ.).

62 notes: 62

* о том, как принижает влюбленность (англ.).

the baseness of being in love[62]*. Мне ужасно хотелось бы увидеть Вас тотчас по возвращении, первою из всех друзей. Но, к несчастью, этого не произойдет, и Вы дождетесь, что к приезду Вашему в Париж на деревьях не останется ни единого листочка. Бог знает, не вернетесь ли Вы на три четверти англичанкою? Уверьте меня, что этого не случится, что Вы постараетесь не слишком долго оставаться там и что Вы не сделаетесь хуже, чем Вы есть. И так уже довольно. Пишите мне в Монпелье, отку-. да я привезу Вам кошелек, а после — в Авиньон. Я считаю часы, чтобы успеть вернуться к 20 сентября [5]. Это будет нелегко, но я от души надеюсь уложиться в эти сроки.

Прощайте; письмо Ваше закапчивается благоприятно, но почему Вы никогда не говорите со мною так, как иной раз пишете?

105

Авиньон, <#> сентября 1845.

От души приношу благодарность тем больным, что задерживают Вас в Париже. И еще более благодарю Вас — в том случае, если Вы думаете не столько об их ревматизме, сколько о том, какую

---

62 notes: 62

* о том, как принижает влюбленность (англ.).

радость, оставшись, доставите мне. По всей видимости, я вернусь недели через две, вернее, заеду ненадолго домой в промежутке между поездкою на юг и поездкою па север[1]; вторая будет, надеюсь, столь короткою, что Вы моего отсутствия и не заметите. Я очень рад тому, что Вы — в добром здравии. О себе я этого сказать не могу. С самого отъезда я хвораю; я полагался на солнце и тепло Лангедока, но надежды мои не оправдались. Нынче я вернулся, падая с ног от изнеможения, из бесконечно долгой поездки, где попортил себе кровь куда более обыкновенного, не считая тех случаев, когда Вы прикладываете к тому руку. Голова у меня тяжелая, в глазах двоится; и покуда Вы лакомитесь тающими во рту персиками, я ем желтые, прекислющие, весьма специфического вкуса, но не лишенные при том приятности; я даже хотел бы, чтобы Вы их попробовали. Ем я и инжир всевозможных оттенков, однако ж аппетита ко всему этому у меня нет никакого. Я ужасно скучаю вечерами и начинаю тосковать по обществу подобных мне двуногих. Провинциалов же, в любом качестве, я в счет не беру. Они, на мой взгляд, часто бывают утомительны, да к тому же совершенно чужды кругу моих интересов. Поистине странные люди эти средиземноморцы

— временами я нахожу в них известную оригинальность ума, а временами мне кажется, что . это не более как живость. Нынешнее же путешествие показало мне их в менее приглядном, чем обыкновенно, виде. Единственным моим удовольствием в том чудесном краю, где я путешествую, было бы помечтать вволю, но на это у меня недостает времени. Догадываетесь ли Вы, о чем хотелось бы мне помечтать и кого иметь рядом? Я желал бы рассказать Вам несколько анекдотов, достойных того, чтобы послать их за двести лье, но, к несчастью, так и не узнал ни одного хоть сколько-нибудь примечательного. На днях я видел разрушения, произведенные потоком, погубившим сто двадцать коз и снесшим множество домов,—у Вас в Париже было и почище; но вот чего Вы там никогда не найдете, так это видов, что на каждом шагу открываются тут путешественнику. Приезжайте, а лучше — дождитесь меня в Париже, и мы отправимся гулять в наши леса, которые покажутся мне поистине восхитительными. Пишите мне в Везле[2] (Йонна).

106

Мадриду 18 ноября 1845.

Вот уж более недели[1], как я обсновался здесь;

страшно холодно, временами принимается дождь, словом, погода походит на парижскую. Только тут я каждый день вижу горы, на вершине которых лежит снег, и живу бок о бок с прекраснейшими картинами Веласкеса. По причине невероятной медлительности местных жителей я лишь сегодня впервые сунул нос в манускрипты, ради которых, собственно, сюда и приехал. Потребовалось обсуждение в Академии для того только, чтобы получить разрешение просмотреть их, а перед тем — Бог знает сколько Интриг, чтобы вообще разузнать об их существовании. Впрочем, я не вижу в них ничего особенного; ради этого не стоило совершать столь дальнее путешествие. Полагаю, что изыскания свои я завершу довольно скоро[2],— иными словами, еще до конца месяца.

Со времени последнего моего визита[3] край этот сильно изменился. Люди, которых я почитал друзьями, стали смертельными моими врагами. Большинство старинных знакомцев сделались знатными господами — весьма нахальными притом. Словом, Мадрид 1845 года мне нравится куда меньше, нежели Мадрид 1840-го. Здесь говорят вслух всё, о чем думают, да и вообще никто никого не стесняется. Непосредственность эта поражает особенно нас, французов; меня же

она удивляет тем более, что Вы приучили меня совсем к обратному. Вам надобно бы проехаться по другую сторону Пиренеев, дабы взять уроки правдивости. Вы и представить себе не можете, какое выражение появляется на лице, когда предмет любви не приходит вовремя, как шумно при этом вздыхают, и не думая скрывать своих чувств; подобные сцены столь часты, что не вызывают ни скандалов, ни пересудов. Каждый и каждая знают, что и на их улице будет праздник. Хорошо ли это? Дурно ли? Я задаюсь этим вопросом каждый день, но ответа так и не знаю. Я наблюдаю счастливых любовников и нахожу, что они оскверняют понятие близости и доверия. Он рассказывает, что ел за обедом; она в малоаппетитных деталях описывает затянувшийся насморк. И самый романтичный возлюбленный не имеет ци малейшего понятия о том, что мы называем «ухаживать за дамами». Любовники здесь, по совести говоря, все равно, что необвенчанные мужья. Они выполняют наименее приятные обязанности мужей законных: ходят за покупками, ухаживают за синьорой, покуда она болеет. Холод стоит такой, что я не поеду в Толедр, как собирался. По той же причине нет боя быков. Зато объявлено множество балов, куда

ходить мне не хочется вовсе. Послезавтра я еду к Нарваэсу [4], где, верно, увижу Её Католическое Величество [5]. Можете написать мне сюда, если соберетесь ответить с той же почтою; в противном случае пишите в Байонну, до востребования. В тоскливые минуты, а это значит каждый день, я думаю, что Вы, быть может, приедете встретить меня к пристани, и мысль эта согревает мне душу. Несмотря на дьявольское Ваше кокетство и нелюбовь к правдивости, я предпочитаю Вас всем этим столь искренним особам. Не используйте признание это во зло.

Прощайте.

107

Париок, понедельник, 19 февраля 1846.

Я весьма огорчен, что мужество Вам изменило. Никогда нельзя ждать, покуда зубы заболят; мы боимся идти к врачу, и тем обрекаем себя на нечеловеческие муки. Непременно сходите к Брустеру [1] или любому другому — и лучше раньше, чем позже. Если хотите, я схожу вместе с Вами и буду, по мере надобности, Вас держать. К тому же, поверьте, дело свое он знает превосходно и скрупулезно придерживается добрых старых методов. Необыкновенно трогательно с Вашей стороны

корить себя за патетическое повествование, на которые Вы решились. Напротив, Вы должны были бы радоваться, что заставили меня совершить благое дело. Нет ничего, что я презирал бы более, ничего, что я ненавидел бы так, как человеколюбие вообще, но я хотел бы быть богатым настолько, чтобы иметь возможность избавить каждого человека от физических страданий. Меж тем Вы не говорите того, что интересует меня всего более, а именно: когда могу я Вас увидеть. И это доказывает мне, что сами Вы не имеете к тому ни малейшего желания. Хотите, поедем на прогулку в среду? Если Вас будут мучить зубы, не приезжайте. Если же у Вас появится любая другая болезнь, я не приму извинений, ибо нисколько в, нее не поверю.

108

Париж, 26 марта 184(6>._

Боюсь, что речь показалась Вам слишком длинною[1]. В Вашей стороне зала, надеюсь, не так было холодно, как в моей. А у меня до сей поры зуб на зуб не попадает. Жаль, что мы не догадались после церемонии пойти погулять. Вы, конечно, заметили, какой у меня ужасающий кашель. Кое-кто вполне мог решить, что кашляю я нарочно.

Перед началом заседания оратор с пристрастием выпытывал у меня, в какой части зала находится особа, которой он досылал билеты. Как он нравится Вам больше — в костюме или во фраке? Вы можете убедить меня во множестве вещей, но когда Вы голодны, проблема пирожных волнует Вас серьезнейшим образом,— я в этом уверен вполне. Настаиваю на том, да Вы и сами признали мою правоту. Ошибки тут быть не может, ибо раздражение Ваше было неподдельно. Вы говорите, что не умеете ничего другого, как только мечтать и играть. Кроме этого Вы умеете еще скрывать свои мысли, и это приводит меня в отчаяние. Зачем после стольких лет дружбы, после того, чем стали мы друг для друга, Вы по несколько дней раздумываете, прежде чем искренне ответить на самый простой вопрос? Можно подумать, что всюду Вам мерещатся ловушки. Прощайте; я был очень рад Вас видеть. Однако ж мне неприятно было, что Вы так старательно прятались за шляпою Вашей соседки. Вот опять ребячество Ваше. Видели ли Вы, что я послал Вам[2]? При всей Академии? Но Вы: никогда ничего не хотите замечать.

109

Париж, 10 июня 1846.

Вскрывая пакет с книгами, я наивно полагал, что ослепительная погода не оставила Вас равнодушною и я найду сейчас Вашу записку. Ни строчки! Тогда я принялся перечитывать Ваше утреннее письмо, которое* при повторном чтении показалось мне суховатым. Разумеется, я не сегодня заметил, что тон Ваших писем и вообще все Ваше ко мне отношение как бы подчинено размеренному качанию неумолимого маятника. А если Вы бываете добры со мною и милы, так и знай: Вы готовитесь уже к тому, чтобы вслед причинить боль. Вы обещали скоро назначить день..

Но когда бы я ждал исполнения обещаний Ваших, мне не хватило бы терпения, отпущенного небом. В прошлый раз Вы с той же беспечностью простились со мной, с какою поздоровались. Тогда как перед тем все было иначе. Прелюбопытнейший феномен — кипевшая вода превращает-ся в лед скорее, нежели вода холодная. И Вы являетесь тому примером. При расставании вид у Вас был надутый, а потому я ожидаю, что в среду Вы будете прелестны. Надобно навестить очаровательные дорожки наши, посыпанные

для нас песком. Ваше согласие доставит мне величайшую радость. Вас, однако ж, это почти не трогает. Но если Вы не вовсе чужды любознательности, Вы будете вознаграждены знакомством со auld lang syne [631] памятником, который я Вам покажу. К тому же я кое-что собираюсь подарить Вам. По крайней мере мне хотелось кое-что Вам подарить, но Вы так дурно обходились со мною — прежде всего не прислав мне ни строчки с книгами,— что теперь я не знаю, преподносить ли упомянутый подарок. Правда, если Вы попросите, возможно я сдамся.

Как Вам известно, я сделался большим знатоком погоды. Ветер лучше всего северо-восточный. Он обещает нам несколько погожих дней. Мне хотелось бы, чтобы Вы уделяли солнцу и дождю столько же внимания, сколько и я.

110

Дижон [63], 29 июля 1846

Я надеялся найти здесь письмо от Вас, но Вы, видимо, слишком заняты развлечениями, чтобы вспомнить о моем существовании. В Баре [2] я также ничего не нашел, и это удивляет и даже

---

63 notes: 63
стариннейшим (шотл.).

возмущает меня чрезвычайно. Почты ли в том вина или Ваша? Почту я считал всегда непогрешимой. Что Вы теперь делаете? Где Вы? Я, право, не знаю, куда посылать это письмо и, полагаясь на случай, отправляю его в Париж. Вы же пишите мне в Привас, а потом в Клермон-Ферран. За две недели, прошедшие со времени нашего расставания, я видел многих людей города и обычаи и, подобно Одиссею [3], претерпел в своих странствиях множество разных бед. С каждым годом провинция кажется мне все более глупою и невыносимой. А на сей раз у меня и вовсе сплин, и я вижу все в черном свете, возможно еще и потому, что Вы столь возмутительно меня забыли. Приятные мгновенья я переживал, лишь пробираясь сквозь нескончаемые густейшие арденнские леса, которые напоминали мне леса другие, куда более приятные. Боюсь, что Вы о них совсем не вспоминаете. В довершение всего я обнаружил тут, как чудовищно глупо расходуются наши деньги. Притом распоряжаются ими таким образом добропорядочные отцы семейства, милые простофили, о которых мне придется писать грозные доклады, обрекая их тем на голодную смерть. Мучительно заниматься столь жестоким делом. И письмо от Вас смягчило бы мне душу.

Вот я и возвращаюсь, как всегда, к моим баранам[4]. Почему Вы не написали мне? Я бог весть сколько времени ничего не буду знать о Вас, ибо у меня нет маршрута достаточно твердого, для того чтобы я мог точно указать, где остановлюсь. Словом, причин для злости сколько угодно. По всей вероятности, Вы чувствуете себя превосходно там, где находитесь, и я не удивлюсь, если в Париж Вас вернет лишь открытие сезона в Опере,— только тогда, зимою, я, наконец, Вас увижу.

Прощайте; когда Вы станете обо мне думать, Вы увидите, умею ли я быть великодушным. Не пишите мне в Привас, а прямо в Клермон-Ферран. Я вдруг понял, что в Привансе мне делать нечего. После Клермон-Феррана я, возможно, поеду в Лион, но Вы получите от меня весточку раньше.

111

Август 1846 г.

С Сорта парохода, названия которого я не знаю.

Я отправился в Ардешские горы в поисках уединенного местечка[1], где бы не было ни избирателей, ни кандидатов, И нашел там такое количество блох и мух, что теперь уж не знаю, не лучше ли было бы остаться на выборы. Перед отъездом из Лиона я получил письмо от Вас,

доставившее мне несказанную радость, ибо я стал уже волноваться. Напрасно пытаюсь я привыкнуть к Вашему ко мне небрежению — когда долго нет вестей, я начинаю думать, что с Вами приключилось нечто из ряду вон выходящее. На деле же из ряду вон выходящим было бы, если бы Вы соблаговолили думать обо мне гак часто, как я думаю о Вас. С душевным огорчением узнал я, что в Д... Вы уехали позже, чем предполагали, а следовательно и вернетесь позже. Не сомневаюсь, что в Д... Вы развлекаетесь вовсю, но если вдруг среди всех забав, до которых Вы такая охотница, Вас посетит воспоминание о наших прогулках, Вы совершите весьма похвальный шаг, ускорив Ваш отъезд. Вчера я имел большой успех, устроив ночные посиделки с крестьянами и крестьянками, у которых волосы на голове вставали дыбом от моих рассказов о привидениях. ■Светила изумительная луна, выгодно обрисовывая правильные черты лица и подчеркивая прекрасные черные глаза местных барышень, но ос-ставляя в тени их грязные чулки и немытые руки. Спать я отправился, исполненный гордости от успеха перед совсем новой для меня аудиторией. Однако ж на другой день, увидев при солнечном свете

моих арде-шуазок con vilanos manos y pies [64], я почти пожалел о потраченном красноречии. Эта чертова посудина заставляет мое перо скакать в разные стороны пресмешнейшим образом! Надобно пройти специальный курс, чтобы писать на столе, находящемся в беспрестанном движении. К тому же я страшно устал и хочу спать. Потому прощаюсь с Вами. Вы напишете мне в тот же день, как возвратитесь в Париж, и мы, немедля, отправимся на-

вестить наши леса. В Париже я буду, самое позднее, 18-го[2], а вернее даже 15-го .

Еще раз прощайте.

112

Париж, 18 августа 1846.

Я прибыл сюда сегодня в состоянии весьма плачевном, с тяжелой головою, проделав одним махом четыреста километров пути. И силы мои могло бы восстановить только Ваше присутствие. Так когда Вы вернетесь? That is the question [65]. Вы, как я полагаю, слишком влюблены в море и

---

64 notes: 64
с ужасными руками и ногами (исп.).

65 notes: 65
Вот в чем вопрос {англ.).

в морских чудищ, чтобы думать о скором возвращении. А я, поверьте, испытываю в том великую надобность. Я не мог бы перечислить Вам все неприятности и огорчения, какие свалились на меня за время короткого моего путешествия. Оно напоминает мне сон Глостера [65]: «I would not sleep another such a night thaugh I were to live a world of happy days». А вернувшись в Париж, я чувствую себя еще более одиноким; здесь мне тоскливее, чем в любом из городов, которые я только что покинул,— я похожу на эмигранта, вернувшегося на родину, где выросло новое, чуждое ему поколение. За время путешествия я чудовищно постарел — Вы сами в том убедитесь. Да, это так, и я не удивился бы, когда бы со мною произошло то, что приключилось с Эпименидом [2]. Всем вышесказанным я хочу лишь подчеркнуть, как мне ужасно тоскливо, какое прескверное у меня настроение и сколь велико мое желание видеть Вас. Увы! Вы и на час не ускорите времени Вашего возвращения. И самое для меня мудрое — смириться. Когда платья Ваши полиняют от морского воздуха или когда из Парижа к Вам прибудут новые туалеты, возможно, Вы и вспомните обо

---

65 notes: 65
Вот в чем вопрос {англ.).

мне. Но я тогда буду в Кёльне или, может быть, в Барселоне. В Кёльн я поеду в начале сентября [3], а в Барселону — в октябре[4]. Мне чудеса рассказывают об имеющихся там манускриптах. А еще говорят, что для женщины нет ничего в мире приятнее, чем показывать свои красивые платья. Мне нечего предложить Вам взамен подобных радостей. Но я слишком страдал бы, когда бы полагал Вас такою. Великий Боже! Какова бы ни была новость, которую Вы можете сообщить мне, напишите поскорее. Успеем ли мы увидеться, покуда на деревьях еще есть листья? И угостите ли Вы меня нынче монтрейскими персиками? Вы знаете, как я их люблю. Если Вы храните еще нежные воспоминания обо мне, надеюсь, они подскажут Вам великодушное решение. У меня жар и лихорадит так, что я с трудом могу писать.

113

Париж, 22 августа 1846.

Письма наши разминулись. Я надеялся, что Ваше принесет мне добрые вести,— иными словами, сообщение о скором Вашем возвращении. До отъезда Вы, казалось, жаждали побыстрее снова со мною увидеться.

Давно уж я сетую на то, как сильно разнятся у Вас слово и дело. По всей вероятности, время

свое Вы проводите столь счастливо и приятно, что пока и не думаете о возвращении в Париж. Вы спрашиваете, правда ли, что оно может доставить мне истинную радость,— какая же Вы злая насмешница. Что до меня, я скучаю тут куда сильнее, нежели во время путешествия, хотя занят довольно и времени свободного для того, чтобы сожалеть об отсутствии в Париже друзей, у меня совсем нет; но, право, не это для меня главное. Вас мне не хватает, Вас и прогулок наших. Когда бы Вы любили их хотя бы вполовину против Ваших слов, перерывов меж ними не было бы вовсе. Я вспоминал их во все время моего путешествия, а нынче более, чем когда бы то ни было. Что же до Вас, Вы их решительно забыли.

В Париже буквально не осталось разумных существ. Одни шапочники да депутаты, что, в конечном счете, одно и то же. В первых числах сентября я полагаю уехать в Кёльн. Неужто до этого я так Вас и не увижу? Я очень опасаюсь, как бы Вы ни объявили, что ради такой малости и возвращаться ие стоит. А там и половина года пройдет в болезнях Ваших да отлучках. Меня мучает желание поехать повидать Вас в ***, и я, вероятно, уступил бы ему, будь я уверен, что Вы отыщете возможности, которые мне не

предугадать. Подумайте, однако ж. Прощайте — я слишком в дурном расположении духа, чтобы писать Вам много. Заканчиваю тем, с чего начал, в который раз уже повторяя Вам: ничто не доставит мне большей радости, чем встреча с Вами, особенно если радость эту разделите и Вы. В противном случае оставайтесь в *** сколько душе угодно.

114

• Париж$_{y}$ 3. сентября 1846.

Я воображал— таков уж я есть, что Вы предпочтете одну или две прогулки со мною неделе, проведенною с white bait [66], но коль скоро Вы придерживаетесь другого мнения, да сбудется воля Ваша! Мне даже недостает мужества не писать Вам, что я обещал себе и что должен был бы исполнить, не будь я таким глупцом. В последние два дня поездка моя в Кёльн как будто стала распадаться \ Один из спутников не держит данного мне слова, другой же, вероятно, не поедет вовсе. Таким образом, мне грозит опасность оказаться в одиночестве на берегах голубого Рейна. Но беда в том будет невелика. Главное же, я не знаю,

---

66 notes: 66
мелкой рыбешкой {англ.).

проеду ли я через Париж. И потому нам грозит опасность, то есть опасность грозит мне, увидеться не раньше ноября. Вся ответственность — на Вас. Я знаю, Вы перенесете это с легкостью. В путь я отправлюсь только 12 сентября. А пока, надеюсь, Вы соблаговолите написать мне и дать какие-то поручения. Возможно также, я окажусь в Париже к началу октября, но если у меня найдется хоть капля мужества, я поеду в Страсбург, в Лион и из Лиона — в Марсель [6768]. Боюсь, однако ж, что мужество мне изменит, особенно, если Вы говорите о возвращении. За время Вашего отсутствия постоянно вспоминая Вас, я сделал два Ваших портрета в полный рост. И нахожу в них довольно сходства; правда, они еще нуждаются в доработке. Посмотрим, понравятся ли они Вам. Скучаю я нестерпимо и в утешение хотел бы, чтобы на землю обрушились потоки дождя. Но погода стоит по-прежнему отменная. Только листья падают. К октябрю не останется ни одного.

Вам доставит удовольствие узнать, что в Итальянской опере петухов пускают не реже, чем в прошлом сезоне; к тому же появилась новая

---

67 notes: 67

** верны своему слову (англ.).

68 notes: 68

* кружится (англ.).

Брамбилла[3]. Осталось там лишь пять неизвестных, да мадемуазель Альбини[4]; в 1839 году у нее голоса не было, но с некоторых пор она, кажется, его приобрела.

Прощайте — я не могу не сердиться. Особенно же задело меня то, что Вы лишь презрительнейшим молчанием ответили на предложение мое приехать повидать Вас в ***,— значит не будем более об этом думать.

115

Мец, 12 сентября 1846.

Счастье великое, что Вы великодушно соблаговолили подумать о том, чтобы написать мне до моего отъезда, ибо я отправлялся в Германию, не имея от Вас никаких известий. И письмо Ваше получил, буквально уже тронувшись в путь. Согласуясь с Вашими обещаниями, исполнения которых я ожидаю, быть может, с излишней доверчивостью, возвратиться я собираюсь к началу октября, а возможно и 1-го. Надеюсь, что несколько листьев к тому времени еще останется. Поглядим, будете ли Вы as good as your word **. Завтра я еду в Трир, оттуда же — либо в Мейсен, либо в Кёльн, смотря по тому, будет ли располагать погода. Во всяком случае Вы совершите

благое дело, написав мне скорейшим образом в Экс-ля-Шапель *, а потом, тоже достаточно скоро, в Брюссель. Нет нужды просить, чтобы Вы писали ь*ежные слова, которые заставили бы меня поскорее возвратиться. Раз пустившись в путь, я не могу уже остановиться, и понадобятся самые прельстительные обещания и посулы, чтобы помешать мне скакать до самой Лапландии. Сдается, я говорил Вам о .двух портретах. Теперь их у меня по меньшей мере три, и при каждой [1] бесплодной попытке я начинал все сначала, не уничтожая предыдущего наброска и не достигая лучших результатов; в конце концов Вы увидите, хорошо или худо послужила мне память. Вы спрашиваете, какое на Вас платье? Право, я не придавал этому никакого значения, да и секрет [r] сходства восе не в том. Я прихожу в отчаяние оттого, что мне никак не удается схватить непостижимое выражение Вашего лица. Я только что прибыл сюда после бессонной ночи, проведенной в почтовой карете, и голова у меня страшно giddyъ*. Даже свечи на столике, кажется, отплясывают передо мною вальс. Мне сообщили, что завтрашней навигации грозят бесчисленные мели, ибо Мозель до последней степени обмелел, однако ж не эта весть помешает мне заснуть.

Может статься, я напишу Вам из какой-нибудь немецкой гостиницы, и уж совершенно очевидно — из Лилля, где я остановлюсь. Оттуда я, по всей вероятности, могу сообщить день своего прибытия. С громадным удовольствием узнал я о том, что в *** Вы скучаете,— я Вам это предсказывал. Привыкнув жить в Париже, невозможно возвращаться в провинцию. В Париже можно сказать и сделать множество глупостей — и их никто не заметит; в провинции же они вырастают в слона. Вероятно подобное случилось и с Вами, настолько я Вас знаю. Я все прощу Вам, если 1 или 2 октября Вы сообщите о Вашем возвращении.

116

Бонн, 18 сентября 1846.

Вот уже шесть дней, как я обретаюсь в прекраснейшем этом краю,— я не имею в виду Бонн, но говорю о прирейнской Пруссии с ее высочайшим уровнем цивилизации, за исключением, правда, кроватей, каковые никогда не превышают четырех футов в длину, а простыни — трех, Живу я как истый немец, а именно: в пять часов встаю, в девять — ложусь и ем четыре раза в день. Покуда такая жизнь вполне меня устраивает и чувствую я себя неплохо, занимаюсь лишь тем, что от-

крываю то рот, то глаза. Надобно сказать, что немки удивительно подурнели со времени моего последнего приезда. Описываю вам шляпку на самой красивой, какую я до сих пор видел; дело было на пароходе, между Триром и Кобленцем,— места для иллюстрации не хватает, и я помещаю ее на обороте; итак, это шляпка, с которой свисает кусок материи, разрезанный на конце; один край ее приподнят и зажат слева, небольшой зеленой, белой и красной кокардой; шляпка черная, а немка очень белая, с ногами под стать...

N. B. Рисунок воспроизведен в масштабе один сантиметр к метру. Мне хотелось бы, чтобы Вы ввели в моду подобные шляпки. Благодаря Вам они станут весьма популярны. Что же до памятников, мне совсем не понравилось то, что я видел; немецкие архитекторы кажутся мне еще хуже наших. В Бонне разрушили Мюнстер [4], а в Лаахе [2] так разукрасили аббатство, что я скрежещу зубами. Похвалы мозельским ландшафтам явно преувеличены. По существу в них мало примечательного. Вообще я не вижу ничего истинно прекрасного с той поры, как побывал в Тмолу-се[3]. Особенно пленяет меня его тенистость и, главное, превосходная тамошняя кухня; здесь же основное — насыпать побольше zu speisen

[69]. Все добропорядочные люди, отобедав в час, в четыре пьют чай с пирожными, в шесть направляются в какой-нибудь сад съесть бутерброд с отварным языком, что позволяет им потерпеть до восьми, а потом отужинать в гостинице. Чем занимаются в это время дамы, сказать я затрудняюсь, могу лишь удостоверить, что с восьми вечера до десяти ни один мужчина дома не сидит,— каждый устремляется в облюбованную им харчевню вы-пить, поесть и покурить; причиною тому являются, по-видимому, ноги местных дам и отличные рейнские вина.

Я полагаю, что в Париже Вы будете дня через два или три. Глядя на такие еще зеленые рейнские и мозельские леса, я не могу представить себе, что наши, при парижской погоде, превратились уже в метелки. К несчастью, это весьма вероятно. Но Вы так хотели. Прощайте; я злюсь, что не просил Вас писать мне в Кёльн, а теперь уже слишком поздно.

.117

Барселона, 10 ноября 1846.

Вот я и прибыл к конечной цели моего долгого

---

69 notes: 69
специй (нем.).

путешествия \ не встретив ни trabucayres [2], ни рек, выходящих из берегов, что бывает совсем редко. Архивариус мой [3] принял меня радушно, приготовил столик и книги, изучая которые, я всенепременно потеряю жалкие остатки зрения. Чтобы проникнуть в его despacho[70], надобно пересечь готическую залу XIV века и мраморный двор, обсаженный апельсиновыми деревьями, высотою с наши липы, увешанными спелыми плодами. Все это необыкновенно поэтично, равно как и жилье мое, роскошью и комфортом напоминающее азиатские караван-сараи. Разумеется, тут лучше, нежели в Аа-далусии, зато местные жители во всем уступают андалусцам. К тому же они имеют еще и тот громадный в моих глазах, вернее, ушах, недостаток, что я ни слова не понимаю из их бормотанья. В Перпиньяне мне встретились два великолепных цыгана, которые стригли мулов. Я заговорил с ними на calo[4], к величайшему ужасу сопровождавшего меня артиллерийского полковника, но в познаниях своих оказался куда сильнее них, что они, к немалой моей гордости, неопровержимо подтвердили. А в заключение из путевых моих впечатлений я

---

70 notes: 70
кабинет (исп.).

вывел то, что не стоило ехать так далеко и что я, быть может, ничуть не хуже сумел бы закончить повесть и без того, чтобы беспокоить вековую пыль арагонских архивов. Это свидетельствует лишь о моей честности, каковую биограф, надеюсь, не преминет отметить. В пути, покуда я не спал, то есть почти во все время пути, я настроил тысячу воздушных замков, которым недостает лишь Вашего одобрения. Ответьте мне тотчас же и адрес напишите большущими разборчивыми буквами.

118

Париж, 19 августа 184(7},

Решено окончательно — в Алжир я уеду числа 8 или 10 [1] будущего месяца. И просижу там, вернее, промотаюсь по долам и весям, покамест

лихорадка или дожди меня не остановят, В любом случае увижу я Вас лишь в январе. И Вы должны бы были о том подумать, вознамерившись уезжать. Но хоть я и говорю, что увидимся мы не ранее следующего года, на самом-то деле зависит все от Вас. Пока Вы изучаете греческий, я занимаюсь арабским. Вот уж поистине дьявольский язык, и мне никогда не связать на нем и / двух слов. Кстати о Сира[2], цепочка, которая Вам

нравится, отправилась в Грецию и во множество других стран. Я выбрал ее за старинную изысканную работу, И полагал, что она Вам понравится. Напоминает ли она Вам о наших прогулках и нескончаемых беседах? В воскресенье я ужинал у генерала Нарваэса [3], дававшего раут по случаю именин своей жены. Были там одни испанки. Мне показали одну девушку, решившую из-за любви уморить себя голодом,— теперь она тихо угасает. Такая смерть должна казаться Вам слишком жестокой. Была там и другая девушка — мадемуазель де <Тилли>, которую генерал Серрано [4] притащил ради Его жирного Католического Величества [5]; она, напротив, в полном здравии и вид у нее цветущий. Была там еще и госпожа Гонсалес Браво[6], сестра актера Ромеа [7] и сводная сестрица вышеупомянутого Величества, который, по слухам, отыскивает себе бессчетное множество таких сестриц. Сия, последняя, весьма недурна собою и очень остроумна.

Прощайте..... .....

119

Париж, 14 сентября 184(7}.

Все было готово, и мы должны были нынче же выезжать, как вдруг налетел шквал и порывом

ветра унесло все наши планы. Возник конфликт между военным министерством и министерством внутренних дел *. Военному министерству мы не нужны решительно. Так что мы остаемся, вернее, я не еду в Африку. Недели две я проведу в разъездах, а после вернусь в Париж. Если не считать досады, которая сопровождает всякий неудавшийся план, и горячего сожаления о двух месяцах, потраченных на изучение массы ненужных вещей, участь свою я воспринял с полнейшим бесстрастием. Возможно Вы догадаетесь, почему.

В последнем письме Вашем я нашел несколько не слишком учтивых фраз, за которые вполне мог бы объявить Вам войну, когда бы не полагал, равно как и Вы, что бесполезно и, того более, тоскливо и опасно спорить на расстоянии. Я не слишком ясно представляю себе, как Вы проводите двадцать четыре часа, составляющие сутки. Чем заполнены шестнадцать из них, я понимаю, но остаются еще десять [2], о которых мне хотелось бы знать подробнее. Продолжаете ли Вы читать Геродота? Как жаль все же, что Вы не попробовали понемногу читать оригинал с помощью перевода Дарше [3], который, надо полагать, у Вас имеется! Трудно Вам было бы лишь от бесконечно

повторяющихся ионических Ч. А если в распоряжении Вашем есть Ксенофонтов «Анабасис» \ Вы получите от него громаднейшее удовольствие, особенно имея перед глазами карту

Азии. Морских диалогов (Лукиана) [5] я не помню решительно. Почитайте лучше «Юпитер уличаемый»[6], или «Юпитер трагический» [7], а также «Пир, или Лапифы» [8] — возможно, впрочем, Вы припасли мне еще какой-нибудь сюрприз!

Я уверен, что Вы цветете, вся — в красивых платьях и цветах, а я осмеливаюсь советовать Вам греческие книги! Прощайте; напишите мне поскорее и не смейтесь надо мной. В понедельник я уеду [9], сам еще не знаю куда, но, по всем предположениям, не слишком далеко.

120

Париж, 22 сентября 1847.

«Ревю» беспрестанно тормошит меня с «Доном Педро» [71]. Мне хотелось бы знать Ваше мнение на сей счет. Алчность и совестливость раздирают меня на части. И я просил бы Вас хоть немного прочесть. Мне представляется, что тут налицо все недочеты вещи, рождавшейся долго й му-

---

71 notes: 71
меланхолия (англ.).

чительно. Мне пришлось изрядно потрудиться, добиваясь точности, за которую никто меня не поблагодарит. И Это иногда меня огорчает.

Вы без труда поймете, что с самого отъезда Вашего меня частенько посещает Ыне devils [71].

121

<Октябрь 1847}.

То, что Вы говорите о «Доне Педро», мне вполне приятно, ибо мнение Ваше согласно с моим желанием и, как я полагаю, с моими интересами. Меж тем существует понятие о достоинстве, коему я еще не вовсе чужд; оно и помешало мне до отъезда закончить все одним махом. Я был бы несказанно рад услышать мнение Ваше из Ваших уст и я показал бы Вам несколько отрывков, по которым Вы могли бы судить полнее. Никогда я не был столь неприятно поражен глупостью северян, сколь во время этого путешествия \ равно как и более низким их уровнем по сравнению с народами Средиземноморья. Средний пикардиец представляется мне человеком, во многом уступающим самому тупому провансальцу. К тому же я погибал от холода во всех гостиницах, куда

---

71 notes: 71
меланхолия (англ.).

забрасывала меня злосчастная моя судьба.

122[72]

Saturday, 26 febr. 1848.

I believe you are now a little better. I don't know why you could be so measy about your brother. No wonder you have no news. Bad ones come very soon. I begin to get accustomed to the strangeness ef the thing and to be reconciled with the strange figures of the conquerors, who what's stranger still, behave themselves as gentlemen. There is now a strong tendency to order. If it continues, I shall turn a staunch republican. The only fault I find with the new order of things is that I do not very clearly see how I shall be able to live and that I cannot see you.

I hope though it will not be long before the coaches can go on.

[Перевод]

Суббота, 26 февраля 1848.

Думаю, что теперь Вы немного приободрились. И не вижу для Вас оснований беспокоиться о Вашем брате. Нет ничего удивительного в том, что Вы не имеете от него вестей. Дурные вести доходят тотчас же.

---

72 notes: 72

Письмо написано по-английски. (Ред.).

Я начинаю привыкать к небывалому ходу событий[1] и осваиваться со странным обликом победителей, которые — что совсем уж странно — ведут себя вполне корректно. Повсюду чувствуется горячее стремление к порядку. Если так будет продолжаться и далее, я решительно сделаюсь республиканцем. Единственно, что при новом режиме мне будет трудно переносить,— это отсутствие верной возможности зарабатывать на жизнь и еще то, что я не могу видеть Вас.

Тем не менее я надеюсь, что в самое короткое время движение экипажей возобновится.

123

Париж, март 1848.

Меня тревожит банкротство дома *** *, где, боюсь, Вы держали какие-то средства. Успокойте меня на сей счет, или, если беда все-таки случилась, постараемся утешиться вместе. Долго еще всякий день будет приносить нам новые заботы. Надобно поддерживать друг друга и делиться той толикой мужества, какую каждый из нас сохраняет. Хотите Вы увидеться завтра или позже? В моем представлении прошел уже целый век, как мы не виделись. Прощайте; в прошлый раз Вы были очень милы со мной, и я сожалею, что Вас

хватило столь ненадолго.

124

Суббота, 11 марта 1848.

Погода — и та в заговоре против нас и старается досадить нам. Надеюсь, хоть в понедельник она будет милостивее. Но меня беспокоит, что от дождя или холода у Вас разболелось горло. Лечитесь хорошенько и постарайтесь не слишком много думать о том, что происходит. Я чувствую себя вконец разбитым после ночи, проведенной в карауле [1]; однако ж, в конце концов, и усталось по нынешним временам имеет свои приятные стороны. Мне мало иметь одну лишь Вашу тень. И мне жаль, что Вы так скоро уехали. Счастье видеть Вас при республике ничуть не меньше, чем было при монархии, а потому не скупитесь. В каком же странном мире мы живем! Но самое главное, мне надобно сказать Вам,— и как можно скорее,— что я люблю Вас с каждым днем, по-моему, все сильнее и что мне очень хотелось бы, чтобы у Вас достало мужества сказать мне то же самое.

Париж, (18у марта 1848-

Мне думается, Вы пугаетесь слишком. Обстоятельства складываются не хуже, чем вчера; сие, однако ж, не означает, что все благополучно и опасность миновала. Касательно же намерения отправиться в путешествие, трудно дать какой-либо совет и явственно представить себе затянутое густым туманом наше будущее. Иные полагают, что Париж, если поразмыслить хорошенько, надежнее провинции. Пожалуй и я придерживаюсь того же мнения. В возможность уличных боев я не верю, во-первых, потому, что нет еще к тому причин, а во-вторых, потому, что у одной стороны достает и силы и отваги, тогда как за другою я замечаю лишь пошлость да трусость. И если гражданской войне суждено разразиться, я думаю, что начнется она именно в провинции. И так уж там ощущается довольно сильное раздражение против столичной диктатуры, и, возможно, меры, какие трудно сейчас предвидеть, как раз и вызовут вспышку на западе или где-нибудь еще. Если же говорить о последствиях бунтов, вспомните, во что это вылилось в Париже во времена первой революции и что

произошло в провинции совсем недавно. В департаменте Эндр, куда Вы намереваетесь поехать, в Бюзансэ, два года назад вспыхнул бунт [1] много страшнее тех, что были в 93-ем. Разумеется, я не советую Вам ехать, хотя обоснования у меня только теоретические. Я не верю, что опасность может возникнуть там завтра. Но даже если обстоятельства серьезно осложнятся, я полагаю, что Париж по-прежнему останется наиболее надежным местом. И наконец, выбирая между Эндр ом и Булонью, я предпочел бы последнюю, ибо за нею преимущество близости к морю. Однако ж я очень расстроюсь, если Вы уедете, не повидавшись со мною. Не могли бы Вы все же задержаться на несколько дней? Видите, вчера ведь все прошло спокойно. Мы долго еще будем наблюдать подобные процессии[2], прежде чем грянут выстрелы, если они вообще когда-нибудь грянут в этой слабой духом стране. Прощайте.

126

Париж, 13 мая 1848.

Я надеялся, что Вы не уедете так скоро и тем более — не попрощавшись. Я даже писал Вам вчера, в надежде увидеться сегодня. Не знаю сам почему, но я никак не могу примириться с Вашим

путешествием. Меж тем Вы так и не сказали, сколь продолжительное время намереваетесь пить молоко, а ведь это и есть подлинная причина Вашего отъезда. Очень бы мне хотелось, чтобы в четверг Вы оказались в Париже и, надев новую шляпку, явились в Академию \ где новые шляпки, боюсь, встречаются крайне редко. Потому я, исходя из одних лишь академических интересов, и обращаюсь к Вам с подобной просьбою. Что же до интересов моих, в будущую субботу я полагаю совершить с Вами чудесную прогулку. А если Вы все же захотите в будущий четверг пойти в Академию, пришлите кого-нибудь ко мне за билетами до полудня.

127

Париж, среда, {17} мая 1848.

Все прошло как нельзя лучше \ ибо они столь глупы, что, невзирая на многочисленные ошибки, допущенные палатой депутатов, она одержала верх. Нет ни раненых, ни убитых — все совершенно спокойны. Национальная гвардия и народ преисполнены наинежнейших чувств друг к другу. Все главари бунтарей схвачены, и в боевую готовность приведено столько войск, что на некоторое время можно совершенно успокоиться.

Надеюсь, в субботу мы увидимся. В конце концов все сложилось к лучшему. Я присутствовал при драматичнейших сценах, весьма меня заинтересовавших; я Вам о них расскажу.

128

27 июня 1848.

Нынче утром я вернулся домой [1] после короткой четырехдневной кампании, где, не подвергаясь никакой опасности, я мог увидеть все ужасы, творящиеся теперь в стране. Но, несмотря на переполняющую меня боль, я прежде всего чувствую глупость этой нации. Ей нет равных. И я не знаю, возможно ли когда-нибудь вырвать ее из того состояния дикого варварства, какому она так самозабвенно предается. Надеюсь, брат Ваш в добром здравии. Не думаю, чтобы его часть была вовлечена в серьезпые действия. Однако мы с ног валимся от усталости, да к тому же все четыре дня не спали. Не слишком верьте тому, что говорится в газетах о жертвах, разрушениях и пр. Третьего дня я прошел по улице Сент-Антуан; от пушечных выстрелов вылетели стекла из окон и витрины многих магазинов пострадали; разгром, впрочем, не столь велик, как я представлял себе и как мне его описывали. Вот самое любопытное

из того, что я видел. Спешу рассказать это Вам, прежде чем пойти спать: 1) Тюрьма де ля Форс уже много часов охраняется национальной гвардией и окружена мятежниками. Они заявили гвардейцам: «Не стреляйте в нас, и мы стрелять не будем. Охраняйте заключенных». 2) Я вошел в дом, стоящий па углу площади Бастилии, чтобы оттуда наблюдать бой; гвардейцы только что перед тем открыли огонь по мятежникам. Я спросил жителей: «Многих из вас взяли?» — «А чего нас брать, мы ведь не воры». Добавьте к тому, что я отвел в Аббатство женщину* отрубавшую солдатам голову кухонным ножом, и мужчину с красными от крови руками, который, вспоров живот раненому, мыл в ране руки. Можете Вы понять сию великую нацию? Верно лишь то, что мы катимся ко всем чертям!

Когда Вы вернетесь? Воевать нам осталось еще не более чем месяца полтора.

129

Париж, 2 июля 1848.

Мне необходимо видеть Вас, чтобы прийти немного в себя после грустных событий последней недели, и я с живейшим удовольствием узнал о намерении Вашем вернуться ранее, чем

я предполагал. Париж спокоен, -и так продлится еще довольно долго. Я не думаю, чтобы гражданская война, вернее, война классовая окончилась, но новая, такая же страшная битва кажется мне невероятной. Для этого понадобилось бы бесчисленное множество обстоятельств, сочетание которых не может повториться. По возвращении Вы не найдете уже следов тех мерзостей, какие, вероятно, рисует Вам воображение. Стараниями стекольщиков и маляров большая часть разрушений уже восстановлена. Однако ж боюсь, что к Вашему приезду лица у всех у нас будут вытянутые и еще более печальные, чем в пору Вашего отъезда. Что поделаешь?Ь Такова нынешняя форма правления и надобно к ней привыкать. Мало-помалу мы перестанем думать о завтрашнем дне и почувствуем себя вполне счастливыми, когда, просыпаясь утром, будем знать, что вечер нам предстоит мирный. В сущности больше всего мне не хватает в Париже Вас, и если б Вы были здесь, я, верно, был бы доволен всем остальным. Вот уж три дня, как снова заладил дождь. Покуда я с полнейшею беззаботностью гляжу на его пелену, однако совсем не хотелось бы, чтобы он затянулся надолго. О возвращении своем Вы пишете столь неопределенно, что я решительно не понимаю,

на что рассчитывать, а Вы знаете, как важно мне знать точно, сколько времени продлится чистилище. Прощаясь, Вы говорили о полутора месяцах, а нынче пишете, что вернетесь раньше? Что значит раньше? Вот это мне очень хотелось бы знать. Поясните также, какое развитие получили неприятные дела, которые помешали Вам присутствовать на моих именинах *, отмеченных соответствующим числом пушечных выстрелов[2]. Прощайте; мне необходимо почаще получать от Вас письма, дабы держаться. А потому напишите поскорее и пришлите мне какой-нибудь сувенир. Я непременно думаю о Вас. Я думал о Вас, даже оглядывая брошенные дома на улице Сен-Антуан в то время, пока на площади Бастилии шли бои.

130

Париж, 9 июля 1848.

Вы подобны Антею, который, коснувшись земли, черпает из нее силы. Не успели Вы прикоснуться к родному краю, как вновь обрели все прежние недостатки. Мило, однако ж, Вы ответили на мое письмо. Я просил

Вас сказать, сколько еще времени намереваетесь Вы питаться картофельной мукою; не так трудно, казалось бы, написать число, но Вы

предпочли на трех страницах ходить вокруг да около, из чего я понимаю лишь, что Вы бы уже вернулись, когда бы не надумали остаться. Я вижу также, что время Вы проводите довольно приятно. И шарф госпожи *** был, как я и понимал, куплен не для того, чтобы делать из него реликвию. Вы должны были хотя бы уведомить меня, против кого Вы собираетесь при случае его использовать. Короче говоря, Вашим письмом я остался решительно недоволен. Дни тут у нас стоят долгие, жара вполне терпима, и все настолько спокойно, насколько можно желать, вернее надеяться при Республике. Все говорит за то, что передышка продлится довольно долго. С роспуском армии не медлят, и это приносит хорошие плоды. И любопытная происходит вещь: в мятежных предместьях отыскивается множество осведомителей, указывающих тайники и выдающих даже баррикадных предводителей. Вы знаете, сколь добрый знак, когда волки затевают грызню меж собою. Вчера я ездил в Сен-Жермен[1] заказывать ужин для Общества библиофилов[2]. И нашел преспособного повара, к тому же с хорошо подвешенным языком. Он заявил, что зря, мол, клиенты питают иллюзии„ насчет артишоков а ля баричуль, и с полуслова понял, о каких блюдах

идет речь, когда я стал перечислять ему самые фантастические названия. Великий человек сей обретается в павильоне, где родился Генрих IV[3]. Оттуда открывается самый живописный в мире вид. Пройдя два шага, вы оказываетесь в лесу, состоящем из громадных деревьев с чудеснейшим underwood *. И ни души, дабы всем этим наслаждаться! Конечно, чтобы добраться до прелестных этих мест, надобно потратить минут пятьдесят пять. Но разве невозможно поехать как-нибудь туда поужинать или пообедать с мадам...? Прощайте. И поскорее напишие,

131

Париж, понедельнику <i7> июля 1848.

Вы расчудесно все понимаете, когда того захотите, и прислали мне в точности то, о чем я просил Вас; неважно, что это — повтор! Разве не похожу я на незадачливого свергнутого короля? «Я всегда с живейшим удовольствием принимаю и пр.». Не могу выразить, в какой мере мне было приятно вновь почувствовать знакомый запах духов, тем более для меня пленительный, что помню я его так хорошо и у меня связано с ним столько воспоминаний. Наконец-то Вы решились произнести сакраментальное слово. Верно,

прошел уже месяц, как Вы уехали, а уезжая, Вы, помнится, говорили о полутора месяцах, из чего можно было вывести, что через две недели я мог бы Вас увидеть; однако Вы тотчас принялись отсчитывать эти полтора месяца на свой манер,— то есть с того дня, как мне написали. Так же приблизительно ведет свои подсчеты дьявол, который, как Вам известно, складывает цифры совсем иначе, нежели добрые

христиане. Назовите же день; возьмемте срок самый отдаленный, какой только я могу Вам дать, ну хотя бы 15 августа. Весьма мирно провели мы день 14 июля [73], несмотря на зловещие предсказания. Истина, если возможно определить ее при том правительстве, какое, на наше счастие, нынче нами правит, истина заключается в том, что вероятность спокойной жизни непонятным образом у нас возросла. Понадобились многие годы на подготовку и четыре месяца на вооружение, чтобы разразились события 23—26 июня [2]. Повторение кровавой сей трагедии представляется мне невероятным, по меньшей мере до тех пор, пока нынешние условия коренным образом не изменятся. Меж тем какой-то мелкий заговор,

---

73 notes: 73
маневров (греч.).

какие-то убийства и даже бунты вполне еще возможны. Нам понадобится еще, быть может, лет пятьдесят на то, чтобы усовершенствоваться: одним — в искусстве строить баррикады, другим — в искусстве разрушать их. А нынче Париж наводнен легко перевозимыми и весьма мощными гаубицами и мортирами, заряженными гранатами. Они представляют собою свежий и, как говорится, довольно веский довод. Но хватит оХе|мха *. Вы и вообразить себе не можете, какую радость доставите мне, приняв приглашение позавтракать с леди ***.

132

Париж, суббота, 5 августа 1848.

Снова заговорили о том, что стреляют, но я нисколько в то не верю. Меж тем нынче вечером друг мой г. Минье[1] прогуливался с мадемуазель Дон [2] по садику, что перед домом г. Тьера [3]. Пуля бесшумно пролетела откуда-то сверху и ударила в дом, возле окна госпожи Тьер; однако ж, коль скоро у всякой пули есть своя цель, сия избрала себе мясистое местечко двенадцатилетней девочки, сидевшей за оградою садика. Пулю весьма аккуратно извлекли, так что у девочки останется лишь маленький шрам. Но вот кому она пред-

назначалась? Минье? Невероятно. Мадемуазель Дон? Совершенно исключено. Госпожи Тьер не было дома[73] самого Тьера тоже. Выстрела никто не слышал, однако пуля была для винтовки, а для духовых ружей используются пули много меньшего калибра. Что до меня, мне думается, это — глупая, как и все происходящее[73] попытка республиканцев запугать врага. И я полагаю, что опасаться мы можем только таких пуль. Генерал Кавеньяк[4] сказал: «Сначала убьют меня; за мною последует Ламорисьер[5]; за ним — Бедо[6], ну а потом явится герцог Исли[7], который все и выметет». Не представляется ли Вам это в некоторой степени пророчеством? Никто не верит, что мы вмешаемся в итальянские дела. Республика окажется немного трусливее монархии. Разве что для отвода глаз изобразит попытку вмешаться — в надежде получить отсрочку и, созвав народ, составить массу протоколов. Одного из друзей моих, возвращавшегося из Италии, обчистили римские добровольцы; они явно предпочитают иметь дело с путешественниками и не трогать хорватов[8]. Друг мой полагает, что заставить итальянцев воевать невозможно, исключая, по-

---

73 notes: 73
маневров (греч.).

жалуй, пьемонтцев, но они ведь не могут поспеть всюду.

Хоть я и много пишу Вам о политике, надеюсь, что намерения Ваши от того не изменятся. В морском ведомстве идут большие приготовления к перевозке шестисот человек из тех господ, что были схвачены в июне; это будет первый транспорт [9]. Я недалек от мысли, что в день его отправки несколько тысяч заплаканных вдов явятся к дверям Национального собрания; однако ж новые бунты... в это не верится. Отложите в сторону Ваш новогреческий, которым Вы напрасно тешили самолюбие свое, ибо он сыграет с Вами ту же шутку, что и со мной, изучить его я так и не сумел, зато греческий из-за него забыл начисто. Вы же, к удивлению моему, сумели хоть что-то понять из этой тарабарщины. Впрочем, пройдет несколько времени, и он отомрет. В Афинах уже говорят по-гречески, и, если так будет продолжаться, новогреческий останется в ходу лишь у черни. Начиная с 1841 года, при короле Отоне [10], в Греции не слыхали больше ни единого турецкого слова из тех, что употребимы столь часто в^роф^юо[74] г. Форьеля [и]. Переводил ли я Вам

---

74 notes: 74
Зд.: трагедийках (грен.).

прелестнейшую балладу о том, как грек возвращается домой после долгого отсутствия, и жена не узнает его? Подобно Пенелопе, она расспрашивает его о доме; он безошибочно отвечает ей на все вопросы, но она, продолжая сомневаться, требует новых доказательств, получает их и наконец узнает мужа. Пересказывая Вам эту историю, я полагаюсь на догадливость Вашу. Прощайте; жду от Вас весточки.

133

Париж, 12 августа 1848.

Солнечная погода кончается, а через каких-нибудь несколько дней подступит и вовсе холодная пора, столь мне ненавистная. Не могу выразить, как я на Вас зол. К тому же сезон абрикосов и слив почти уже прошел, а я заранее предвкушал, как буду лакомиться ими в Вашем обществе. Я уверен вполне, что, захоти Вы на самом деле вернуться в Париж, Вы были бы уже тут. Я ужасно скучаю и испытываю громаднейшее желание отправиться куда-нибудь, не дожидаясь Вас. Все, что могу я сделать,— это дать вам срок до трех часов 25-го числа и ни часу более. У нас царит полнейшее спокойствие. Поговаривают, правда, о бунте, который намерен устроить г. Ледрхо \ протестуя против следствия; но вряд ли это разрастется во

что-либо серьезное. Первейшим условием для вооруженного столкновения должно быть наличие пороха и ружей у обеих сторон. Нынче же все сосредоточено в одних руках. Третьего дня, на годовом экзамене, лучшую оценку получил мальчуган по имени Леруа. Другие мальчишки кричали: «Vive ie roi!» «Да здравствует король!».

Генерал Кавеньяк, не знаю уж по какой причине присутствовавший на церемонии, хохотал от души. Но когда тот же мальчуган выиграл и другой приз, крики сделались столь нестерпимо громкими, что генерал, потеряв всяческое самообладание, принялся с таким остервенением дергать себя за бороду, v точно хотел вырвать ее с корнем. Прощайте; я страшно сердит на Вас; напишите мне поскорее.

134

Париж, 20 августа 1848~

Я начинаю думать, что в нынешнем году не увижу Вас вовсе. Тут снова заговорили о бунтах, да к тому же холера может еще более осложнить обстоятельства. Говорят, она уже в Лондоне. И наверняка в Берлине. Последние дни все ждут открытого столкновения. Предполагают, что к стрельбе могут привести споры вокруг следстви-

я[1]. Я же # упорно держусь своего мнения и покуда в такую вероятность не верю; однако поддержки почти ни в ком не нахожу. Положение, в сущности, весьма запутанное. Оно как две капли воды походит на ситуацию в Риме времен заговора Катилины[2]. Одно только — Цицерона не хватает. Что же до исхода возмущений, я не сомневаюсь в победе правого дела. Впрочем, в этом не сомневается никто; однако ж, имея дело с безумцами, нельзя надеяться на разумные действия,— хотя, быть может, я и ошибаюсь,, думая, что неуверенность в успехе помешает вспыхнуть мятежу. Ну, доживем до будущей недели и поглядим. В среду должны начаться прения; следствие, как представляется мне, показало главное: глубочайшие разногласия среди самих республиканцев. Стало очевидно, что там не найти и двух людей, которые придерживались бы одинакового мнения. Досаднее всего то, что у гражданина Прудона [3] внушительное число последователей, и листки его тысячами распродаются в предместьях. Все это весьма печально; однако, что бы ни произошло, нам долго еще предстоит существовать в подобных условиях и надобно к ним привыкать. Но все же самое важное для меня — знать, приедете ли Вы 25-го. Если суждено быть бою, он

будет проигран или выигран именно в этот день. А потому не стройте никаких планов, вернее, постарайтесь устроить все так, чтобы присутствовать при нашей победе или погребении 25-го числа. И еще одно меня печалит: жара кончается, хорошая погода проходит, и к возвращению Вашему персиков уже совсем не останется. Листья начинают желтеть и падать. И я уже предвижу все скверности, какие несут нам обыкновенно холода и дожди, которые кажутся мне куда серьезнее и неотвратимее, нежели бунт. Последние несколько дней я чувствую себя скверно, потому, возможно, мне так и грустно. Нет нужды говорить Вам, как я был бы раздосадован, если бы мне пришлось умереть, так и не дожив до обеда нашего в Сен-Жермен, который, надеюсь, все же состоится. Прощайте; поскорее напишите мне. Не следовало бы Вам дразнить людей, да еще так издалека.

135

Париж, 23 августа 1848.

Вы повели себя до крайности неучтиво, не удосужившись ответить мне ранее. Последнее письмо мое было, видимо, слишком мрачно. Ныне же я вижу вещи если не в розовом, то в

светло-сером свете. Этот цвет — •самый веселый из всех, допускаемых Республикой. Меня, помимо моей воли, убедили было в неизбежности вооруженного столкновения; но теперь я снова в него не верю, а если и верю, то полагаю, что произойдет это через некоторое время. Так же реально представляю я себе, как Вы погибаете от холода на берегах вашего моря. Чувствую я себя все еще •скверно —не ем и не сплю; однако же худшая из бед та, что я нестерпимо скучаю. А ведь занятие у меня есть, и я не зеваю день-деньской от безделья; но, отчего бы явление это ни возникло, оно всегда крайне неприятно. Что же до Вас, я не понимаю, какие дела задерживают Вас в Б<улони>, и не нахожу иного объяснения пребыванию Вашему средь тамошних дикарей, как то, что Вы вскружили кому-то голову и необыкновенно этим гордитесь. Ну и достанется же Вам от меня, когда Вы вернетесь. Произойдет это в пятницу или в понедельник? Я полагаю, что было бы неосторожно ждать дальше. Прощайте; оставляю Вас, дабы пойти послушать Вашего любимца г. Минье \ выступающего нынче в Академии нравственных и политических наук[2]. Вот увидите: следствие пройдет без выстрелов; касательно же скандала — время бежит так быстро, что о нем

все уже успели позабыть.

136

Базель, 10 октября 18(48).

Давно уже я собирался написать Вам и не знаю, как случилось, что до сих пор не написал. Прежде всего я жил в местах столь пустынных и диких[1], что трудно было поверить, будто туда добиралась почта, да к тому же мне приходилось выделывать такие акробатические трюки, объезжая готические вогезские замки, что вечерами не оставалось сил взяться за перо. Когда я уезжал, погода стояла ужасающая, но потом, к поездке моей в Эльзас, она улучшилась, и это дало мне возможность в полной мере насладиться горами, лесами и воздухом, который никогда не загрязнял угольный дым и не тревожили звуки жирондистских песен [2]. Путешествуя по этим диким уголкам, я испытывал живейшее удовольствие и часто думал, как можно жить в других местах. Леса тут стоят совсем еще зеленые и полны восхитительных запахов, напоминающих мне о наших прогулках. Наконец-то я попал в страну, которая может служить идеальной моделью республики, где нет ни таможенников, пи жандармов и где кровати мне по росту,— удобство, какого не сыщешь в Эльзасе.

День я тут отдыхаю. А завтра поеду во Фрейбург осматривать собор и тотчас проверю, так же ли хороши там статуи, как скульптуры Эрвина де Стейнбаха[3] в Страсбурге. Из Страсбурга я выеду 12-го и 14-го буду в Париже. Надеюсь застать там и Вас» Нет нужды говорить Вам, в какой мере я буду этому рад. Однако ж Вам сие не номе-шает поступить по Вашему разумению. Прощайте; при Вашей лени Вы должны благодарить меня за то, что я написал Вам так поздно, ибо теперь Вы избавлены от необходимости отвечать.

137

Париж, суббота, <18) ноября 1848.

Зол я на Вас до крайности, ибо испытывал настоятельнейшую потребность увидеться с Вами; все это время я хворал, да и сейчас чувствую себя препаршиво, а оттого и мрачное настроение — что хуже всего. Час, проведенный подле Вас, и то оказал бы на меня целительнейшее воздействие. А Вы даже не взяли на себя труд сказать мне что-нибудь ласковое, как говорили прежде, даже если и замышляли что-нибудь недоброе. И сколь бы ни были справедливы мои упреки, в конечном счете приходится все Вам прощать; а как бы хотелось, чтобы сами Вы хоть что-то для этого сделали. Не

придумаете ли Вы для меня что-нибудь fineza **, дабы вознаградить за те страдания, какие я претерпевал целых две недели. А найти это adequate [7576]* вознаграждение я предоставляю Вам самой.

Слыхали ли Вы пушку [1] и напугала ли она Вас? При первых трех выстрелах я решил, что Республику собрались разгромить. И лишь на четвертом понял, что происходит. У Вас все еще лежит для меня греческая книга. Боюсь, как бы Вы не испортили свой эллинизм новогреческою тарабарщиной. Меж тем, думается мне, что в этом томике есть очаровательные вещи. Я же нынче начал новую работу, также историческую [76].

138

Лондон *, 1 июня 1850.

Я не писал Вам раньше потому только, что, проделывая в день по десять лье, засыпал, стоило мне сесть за стол. Ничего значительного о путешествии рассказать не могу, кроме того разве, что по отдельности англичане глупы ужасно, но все вместе представляют собою народ, поистине

---

75 notes: 75

** изысканное (ит.).

76 notes: 76

* равноценное (ит.).

достойный восхищения. Они делают максимум того, что можно сделать, имея деньги, здравый смысл и терпение, однако ж в искусстве понимают не больше моего кота. Здесь нынче находятся непальские принцы, в которых Вы бы мигом влюбились. Они носят плоские тюрбаны, обшитые по краям крупными висячими изумрудами; а сами все — атлас, кашемир, золото и жемчуг! Кожа у них цвета кофе с капелькою молока. Словом, выглядят они вполне сносно, да к тому же, говорят, не лишены ума.

Тут письмо мое было прервано неожиданным визитом, и я сумел «собраться с мыслями лишь сегодня, 2 июня, в воскресный день. Мы направляемся в Хэмптоп-Корт[7778], стремясь избежать искушения покончить с собой, которое всегда появляется у нас в Lord's day [!]*. Вчера я ужинал с одним епиехшпом и dean[78]* — к концу ужина они сделали из меня законченного социалиста. Епископ принадлежит к той школе, какую немцы именуют рационалистической; он и не думает

---

77 notes: 77

** воскресенье (англ.).

[2]* настоятелем {англ.).

** ученый коллега (англ.).

78 notes: 78

* легкий обед (англ.).

верить в то, что проповедует, и благодаря своему переднику из черной гроденапль каждый год кладет себе в карман пять-шесть тысяч ливров, а время проводит за чтением греческих книг. Вообще же у меня насморк, да такой, что отнимает последние душевные силы. Под тем предлогом, что на дворе — июнь, меня подставляют под губительные сквозняки. Все женщины кажутся мне вылепленными из воска. Они носят bustles (турнюры) таких необъятных размеров, что одна дама занимает собою всю ширину тротуара Риджент-стрит [3]. Вчерашнее утро я провел в новой Палате общин[4], которая поражает своей уродливостью. Мы просто не представляем себе, что можно натворить при полнейшем отсутствии вкуса и наличии двух миллионов фунтов стерлингов. Я боюсь превратиться в законченного социалиста, лакомясь необыкновенно вкусными блюдами за ужином, который подают на плоских серебряных тарелках, и наблюдая людей, выигрывающих по четырнадцать тысяч фунтов стерлингов на скачках в Эпсоме[5]. Однако ж пока здесь и намека нет на возможность революции. Угодливость бедняков поражает наши демократические умы. И что ни день видишь тому все новые примеры. Весь вопрос в том, не чувствуют ли они себя

счастливее. Напишите мне в Линкольн[6], до востребованья. Думаю, что Линкольн находится в Линкольншире, но поклясться в том не могу.

139

Солсбери, суббота, 15 июня 1850.

Страна эта начинает надоедать мне. Меня утомляет вид палкообразных домов и столь же палкообразных их обитателей. Два дня я провел в Кембридже и Оксфорде, у высокочтимых отцов, и по зрелому размышлению решил, что капуцины лучше. В особенную ярость приводит меня Оксфорд. Один fellow[1]* имел нахальство пригласить меня к ужину. На столе стояло два серебряных блюда: на одном лежала рыбина, величиною в четыре вершка, на другом — баранья отбивная. Сервировка была изысканнейшая: картофель подавался на резном деревянном блюде. Но никогда еще я не был так голоден потом. Вот оно — лицемерие этих господ. Они любят показать иностранцам свою воздержанность и под тем предлогом, что главная еда для них — luncheon[78]*, они будто бы и не ужинают. Ветер пронизывает насквозь, и холод стоит собачий. Если бы в восемь

---

78 notes: 78

* легкий обед (англ.).

часов вечера не было светло, как днем, можно было бы подумать, что на дворе — декабрь. Однако ж это не мешает дамам ходить с раскрытыми зонтиками от солнца. Я тут совершил промашку. Сунул полкроны господину во фраке, показывавшему мне собор, а потом спросил у него адрес джентльмена, к которому у меня было письмо от dean [379] [80]. Оказалось, что письмо адресовано ему. Вид у него был глупейт ший, равно как и у меня, но деньги он не вернул. Завтра я думаю осмотреть еще раз Стоун-Хэндж а вечером, если туман хоть немного рассеется, съезжу поужинать в Лондон. В понедельник или во вторник я выеду в Кентербери и в пятницу думаю быть в Париже. Очень бы мне хотелось, чтобы Вы оказались в Солсбери. Стоун-Хэндж поразил бы Вас. Прощайте: возвращаюсь в свою церковь. Письмо мое уйдет теперь Бог весть когда! Мне сейчас сказали, что по воскресеньям почта не работает. У меня ужасный насморк, я кашляю, а пить тут, кроме портвейна, нечего. Местные дамы тоже вставляют в платья обручи. А нет ничего смешнее англичанки в обруче. Да, кстати, что это за мисс Джюзбе-ри

---

79 notes: 79
[380] настоятеля (англ.).

80 notes: 80
земли (исп

[2] — такая рыженькая, которая пишет романы? Тут как-то вечером я познакомился с ней, и она сказала, что всю жизнь мечтала о несбыточном счастье, то есть — о встрече со мною (привожу подлинные ее слова). Она написала роман под названием «Zoe». Вы столько читаете, расскажите, что это за особа, для которой сам я — ходячая книга. В зоологическом саду здесь живет маленький бегемотик, которого кормят рисовой кашей на молоке, В «Панче» [3] от 15-го числа помещен его портрет, сходства необыкновенного. Прощайте; постарайтесь вознаградить меня за трехнедельные скитания приятною прогулкой.

140

Париж, понедельнику <2) июня 1851.

Матушка моя чувствует себя много лучше, и я думаю, что вскоре она поправится окончательно. Обеспокоен я был до крайности —■ боялся воспаления легких. Благодарю Вас за внимание, какое Вы ей оказывали» Вчера я впервые за последнюю неделю выбрался из дому поглядеть на испанских танцовщиц, выступавших у принцессы Матильды[1]. Они показались мне весьма посредственными. А болеро, исполненное в зале Мабилль [2], потеряло всю свою неповторимость.

К тому же сзади у них дыбились такие пышные турнюры, а спереди столько подложено было ваты, что повсеместные завоевания цивилизации стали очевидны вполне. Всего более позабавили меня двенадцатилетняя девочка и старая дуэнья — обе совершеннейшие дикарки, о каких можно только мечтать: никак не придут в себя от изумления, что очутились где-то за тридевять земель от tierra[80] Иисусовой[3]. Только что получил Вашу подушечку; Вы решительно искуснейшая мастерица, а я никогда о том и не подозревал. И подбор ниток, и работа в равной мере восхитительны. Матушке моей также все понравилось чрезвычайно. Что же до символики, мне довольно было и начала объяснения, которое Вы столь любезно соблаговолили дать, для того чтобы домыслить остальное. Не знаю, как. и благодарить Вас,

Прилагаю Сент-Эвремона [4]. Я совсем было потерял его, и мне понадобились необыкновенные усилия, чтобы вспомнить, где он. Вы поделитесь со мною впечатлениями от отца Канэя. По-моему, после него ничего нельзя читать из литературы XIX века.

Прощайте.

---

80 notes: 80
земли (исп

141

Париж, четверг вечером, 2 декабря 1851.

Сколько я могу судить, мы даем последний бой [4], но кто выйдет победителем? Если проиграет президент, мне кажется, что доблестным депутатам придется потесниться и уступить местечко Ледрю-Роллену[2]. Домой я возвращаюсь совершенно без сил, имея дело, как мне кажется, с одними сумасшедшими. Париж нынче такой, каким он был 24 февраля,—только на сей раз солдаты держат буржуа в страхе. Военные ^ говорят, что уверены в успехе, но Вы знаете, чего стоят дурацкие их предположения. Вот наша прогулка и отложилась...

Прощайте; напишите — и непременно,— участвуют ли Ваши в событиях.

142

Париж, 3 декабря 1851.

Ну что мне сказать Вам? Осведомлен я не более Вашего \ Очевидно одно: солдаты ходят со свирепыми лицами и на сей раз держат буржуа в страхе. Как бы там ни было, мы обошли рифы и несемся теперь невесть куда. Успокойтесь и

скажите, когда могу я Вас увидеть.

143

24 марта 1852.

На меня сыпятся все мыслимые неприятности да еще гора работы, а кроме того, повинуясь первому порыву, я взялся совершить рыцарский подвиг, а Вы знаете, что от этого надобно воздерживаться. Бывают минуты, когда я и в самом деле начинаю об этом жалеть. Проблема в том, что по мере изучения оправдательных материалов по делу Либри [4]я получал все более убедительные доказательства его невиновности и теперь взялся за пространную и дикому'не нужную статью для «Ревю» об этом процессе и о различных мелких подлостях, с ним связанных.

Пожалейте меня: на этом можно заработать одни зуботычины; однако ж иной раз сталкиваешься с несправедливостью столь вопиющей, что совершенно теряешь голову.

Когда же наконец пройдемся мы по музею? Я очень был огорчен, узнав о печальной кончине особы, которую Вы любили. Но это — лишний повод нам увидеться и испытать, может ли близость, подобная нашей, излечить от печали. Разумеется, Вы правы, называя жизнь глупей-

шею вещью, но все-таки не надо судить о ней хуже, чем она есть. Ведь бывают в конце концов в ней и светлые мгновения, и добрая память о них затмевает грустные воспоминания о мгновениях тягостных. Для меня удовольствие вспоминать беседы наши, сильнее неприятного осадка после наших ссор. И надобно запастись изрядною порцией светлых этих воспоминаний...

144

Париж, 22 апреля, вечером, 1852.

Ваше письмо несказанно меня обрадовало. Нервы мои нынче взвинчены, как бывает обыкновенно, когда поддашься первому порыву,— вы ведь и сами знаете, что первые порывы всегда почти искренни. А теперь меня вновь наполняют низменные чувства. Мне угрожают процессом за неуважение к правосудию [1] и нападки на дело, уже завершенное. Я полагаю меру эту достаточно крутой, однако ж все возможно — у siempre lo peor es cierto*. С другой стороны, Школа Хартий[2] выпустила когти [3] и готова разорвать меня в клочки. Вероятно мне придется претерпеть некоторое число допросов и вступить в отчаянную полемику. Надеюсь,, к моменту схватки я вновь обрету привычную для меня энергию. Нынче

же я в полном тупике, и настроение у меня ужасающее. Благодарю Вас за теплые слова, они трогательны чрезвычайно. Постарайтесь быть в полном здравии, чтобы, если случится, навещать меня в тюрьме.

145

Пятница вечером, 30 апреля 1852~

Драгоценная матушка моя скончалась[1]; надеюсь, она не слишком мучилась. Черты ее были спокойны, выражение лица мягкое, как это и было ей свойственно. Благодарю Вас за участие, какое Вы к ней проявляли.

Прощайте; думайте обо мне и дайте поскорее о себе знать.

146

Париж, 19 мая 1852.

Неужто такая чудная погода никак на Вас не влияет? Меня она, кажется, просто возродила к жизни. Вчера я был почти убежден, что Вы появитесь — сам не знаю почему, мне казалось, Вы должны были этп почувствовать. Приезжайте же поскорее — мне столько всего надобно сказать Вам. Не знаю, собираются меня вешать или

нет,— они поют мне то за здравие, то за упокой. Но что крайне меня fidgetti *, так это мысль о публичной церемонии [1] в присутствии своры отборных негодяев и трех дураков в черном одеянии, несгибаемых, как палки, уверенных в том, что они — важные птицы, которым и не думай высказывать, какое пре--зрение питаешь ты и к одеждам их, и к личности, и к уму.

Прощайте; пришлите мне хотя бы записку.

147

Париж, 22 мая 1852.

Вас утомила наша прогулка? Скажите скорее, что нет. Я жду ответа сегодня же. У меня встреча с моим адвокатом \ который очень мне нравится. По-моему, он человек умный, не слишком многословный и понимающий дело точно так же, как понимаю его я. Это вселяет в меня некоторую надежду .....

148

(26) мая 1852, среда, пять часов,

Две недели тюрьмы и тысяча франков штрафа Ч Адвокат мой говорил превосходно; судьи были весьма вежливы, и я не нервничал нисколько.

В общем я не злился так, как мог бы. Апелляцию подавать я не намерен.

149

27 мая 1852, вечером.

Честное слово, Вы выглядите на редкость изящно! А я пошел тут на днях к судейским и по недомыслию положил в карман тысячефранковую банкноту. Теперь найти ее не могу; трудно, разумеется, предположить, чтобы среди господ столь высокого положения затесался карманный воришка, так что банкнота, верно, испарилась сама собою,— не будем об атом думать. В то же время я имел несчастье как бы прикоснуться к чумному, а потому меня сочли благоразумным посадить на две недели в карантин. Вот уже в самом деле, подлинное несчастье! Друг мой, г. Боше [1] отправляется в тюрьму в конце июня, чак что мы обоснуемся там вместе. А покуда мне решительно необходимо Вас видеть! Мстить я уже начал. Друг мой Солеи [2] был вчера в одном доме, где зашел разговор о моем аресте; и канонир мой тотчас, не потрудившись даже как следует оглядеться, стал палить, что было мочи, из безопасных своих

орудий, сотрясая воздух пышными фразами о глупости, фанфаронстве, тупости, себялюбии

наглецов и пр., призвав в свидетели господина во фраке, лицо которого показалось ему знакомо, но род занятий был не*» известен. А это оказался г. <Бозелли>, один из моих судей, который, разумеется, предпочел бы находиться в ту минуту где-нибудь в другом месте. Представьте себе состояние хозяйки дома, гостей, да и, наконец, самого Солеи, предупрежденного слишком поздно; он упал, задыхаясь от смеха, на диван со словами: «Все равно, черт подери, я ни от одного своего слова не откажусь!»

150

Понедельник вечером, {31} мая 1852.

Все время я провожу за чтением переписки Бейля \ Занятие это возвращает меня лет на двадцать назад. Я точно вскрываю мысли человека, мне близко знакомого, чьи взгляды на вещи и на людей оказали удивительное влияние и на мои взгляды. От всего этого в течение часа мне двадцать раз делается попеременно то грустно, то весело и становится ужасно жаль, что я сжег все письма, какие Бейль мне писал [2]....

151

Марсель, 12 сентября 1852.

Я съездил в Турень [4], где осмотрел Шамбор под проливным дождем и Сент-Эньян под дождем с передышками. Седьмого я возвратился в Париж под дождем, в тот же день, в разгар грозы, выехал и спустился по Роне в густейшем, хоть глаз выколи, тумане. Лишь на набережной Канебьер я наконец увидел солнце, и вот уже два дня оно сияет во всем своем великолепии. Там я встретил (в Марселе, а не на солнце) моего кузена[2] с женою и, посадив их вчера на «Леонида», отправил небесно-лазоревым, точно застывшим морем, по чудесной, не слишком жаркой погоде, о какой Вы там у себя, в сумрачных северных краях Ваших, не имеете ни малейшего представления. Они — единственные родственники, какие у меня остались, хозяева того салона, которому Вы изволили оказать честь, отозвавшись о нем благосклонно. Меня охватило тоскливое чувство одиночества, когда я увидел, как исчезает за островами, которые известны Вам по описаниям в «Графе Монте-Кристо» [3], султан дыма из трубы «Леонида». Я ощутил себя старым неудачником. И подумал, как хорошо было бы, когда бы Вы

оказались здесь, и как бы Вы развлеклись в этих краях, которые кажутся мне такими скучными. Я угостил бы Вас двадцатью видами незнакомых Вам фруктов, к примеру, желтыми персиками, дынями, арбузами, ягодами боярышника, свежими фисташками. А помимо того Bbi могли бы день-деньской бродить по турецким и прочим лавчонкам, набитым безделицами, приятнейшими для глаз, но малоприятными для кошелька. Я часто задаюсь вопросом, почему Вы не ездите на юг, и не нахожу для этого никаких убедительных объяснений. Мне предстоит целых три дня, к тому же в полнейшем одиночестве, лазать по горам* не имея возможности обменяться впечатлениями ни с одним существом, говорящим по-французски. Правда, может быть это и лучше, чем иметь дело с жителями маленьких провинциальных городков, ибо с каждым годом они становятся все несносней. Мэры и префекты совершенно теряют тут голову в ожидании прибытия президента: здания префектур белят заново и орлов суют всюду, где .только можно. До каких только нелепиц они ни додумываются! Что за чудной народ! А я страшно боюсь, как бы среди всей этой сумятицы не затерялась корректура «Димитрия»[4] — я ведь должен, покуда я здесь, внести в нее исправле-

ния, а я так до сих пор ничего и не получил.

152

Мулен 27 сентября 1852.

Я был очень болен, да и до сих пор чувствую себя довольно слабо, тем паче, что лекарство, которым я лечился — иными словами, мистраль, или северный ветер, наградил меня насморком, утомительным чрезвычайно, а бессонные ночи и постоянные разъезды никак не способствуют избавлению от него. Почти двое суток я находился в состоянии, столь близком к апоплексическому удару, что уже приготовился отправиться вот-вот в царство теней. Я был совсем один и сам за собою ухаживал, а вернее, не ухаживал вовсе, ибо находился в такой прострации физической и душевной, что каждый лишний шаг по комнате давался мне с большим трудом. Разумеется, тоскливо было думать о переходе в мир иной, однако ж еще тоскливее казалось сопротивляться. Вот так, наверное, и уходят люди на тот свет — не болезнь одолевает человека, но полнейшее безразличие ко всему и нежелание бороться. Теперь я жду здесь, покуда один прелат, к которому у меня дело, вернется из своего уединения, Весьма вероятно, что дня два-три мне придется побегать

па местам, им указанным, а потом я возвращусь в Париж. Завтра день моего рождения, который я хотел бы провести вместе с Вами. А выходит так, что в этот день я всегда один и в ужасном настроении.

153

Карабанчелъ *, 11 сентября 1853.

По прибытии сюда я застал весь дом за приготовлениями ко дню ангела хозяйки дома. Ставилась комедия, а перед нею, в честь хоаяй-$ Проспер Мерим®

ки и ее дочери, должны были читать 1оа сопровождая декламацию пением. Мне определили заниматься реквизитом: навешивать небеса, чи нить декорации, подрисовывать костюмы и пр., да к тому же репетире-еать с пятью мифологическими богинями, одна из которых уже выступа* ла в любительском театре. Вчера, в роковой день, богини мои выглядели прелестно, но умирали от страха; однако ж прошло все очень удачно Аплодировали дружно, хотя никто не понял весьма туманных стихов автора 1оа, Комедия же его, представлявшая собою перевод пьесы «Добрый вечер, господин Панталон» [2], была несколько лучше, и я не могу не восхититься легкостью, с

какою девушки из высшего общества стали вдруг актрисами, да к тому же совсем неплохими. После представления давали бал и ужин, в разгар которого юноша, пользующийся покровительством графини, прочел сочиненные тут же, экспромтом, вполне милые стишки, от коих героиня праздника прослезилась, а гости все осно вательно напились. Нынче утром меня неотступно мучает головная боль и солнце кажется дьявольски горячим. Богинь моих я на два-три дня покидаю, ибо собираюсь в Мадрид посмотреть быков, нанести несколько ви.зитов и поработать в библиотеке. В Мадриде меня прозвали Аполлоном, так как тут у нас девять дам и ни одного мужчины, Девять муз, но, к сожалению, пятеро из них — матери или тетки четверых других; правда, эти четверо — чистокровные андалузки, которые иной раз так свирепо сверкнут глазами, что от них оторваться невозможно, особенно когда они надевают величественный свой наряд и набрасывают пеплум, упорно называемый ими, из одной лишь любви к благозвучию, peplo.

Не сомневаюсь, что у Вас погода хуже, нежели тут.

154

Эскуриал, 5 октября 1853.

Посылаю Вам цветок, который нашел в горах, позади уродливейшего Эскуриалского монастыря *. Такие цветы попадались мне только на Корсике; там они зовутся mucchiallo, а здесь названия их никто не знает. По вечерам, когда налетает ветерок, они пахнут поистине восхитительно, Эскуриал показался мне таким же печальным, каким я увидел его каких-нибудь двадцать лет назад; правда, цивилизация добралась иг сюда: появились железные кровати и котлеты, монахи же и клопы исчезли вовсе. Монахов мне очень недостает — без них тяжеловесная ар-хитектура Херреры выглядит еще нелепее. Сегодня вечером поеду ужинать в Мадрид, ибо не могу более ни дня выносить подобный образ жизни. По всей вероятности в Мадриде я задержусь числа д© 4*5 сего месяца, а затем поеду в Вальядолид, Торо, Замору и Леон, если пого да, до сих пор превосходная, вдруг не испортится, во что трудно пове рить. Я побывал в Толедо и вот здесь. Собираюсь поехать ® Сезгавию ш таким образом увильнуть от балов, которые ужасно мне наскучили. На днях был на открытии большой Оперы, Жалкое зрели-

ще, если не брать во внимание превосходный и очень удобный зрительный зал, наполненный к тому же прехорошенькими женщинами. Актеры же усыпляюще посредственны. Будь Вы здесь, Вы увидели бы самую прекрасную кол-лекцию фруктов, какую только можно встретить. В Мадриде проходит ярмарка, и из самых отдаленных провинций сюда везут фрукты, большинство которых Вам неведомы. Обидно, что их нельзя послать. Если есть тут вещь, которая доставила бы Вам удовольствие, скажите только слово.

455

Мадрид, 25 октября. $J85d_r$

Колония наша распалась, ибо герцогиня соблаговолила разрешиться от бремени дочерью \ Роль сиделки взяла на себя ее мать, а мы всем миром вернулись в город. Я заработал гнуснейший насморк, а дьяволь-ской силы сирокко помогает ему меня прикончить. Но несмотря на от* вратительную погоду, беспрерывно чихая, я отправился все же вчера поглядеть на Кухаресалучшего матадора со времен Монтеса \ Быки оказались такими вялыми, что одного из них пришлось отдать на растерзание собакам, а других из состояния спячки удавалось кое-как вывести лишь с помощью

горящих бандерилий. Два человека взлетели в воздух, и какую-то минуту мы почитали их мертвыми, что придало все же известную остроту представлению, которое в противном случае оказалось бы уж совсем никуда не годным. Быки растеряли боевой дух, да ш люди сделались под стать им. Намеченную мною археологическую экспедицию я намереваюсь предпринять, лишь только немного установится погода. Мне обещают бабье лето, а оно все никак же настает Если Вы поручите мне сделать какие-нибудь покупки, вполне возможно, что письмо Ваше я получу вовремя и успею с честью все исполнить. К сожалению, я не вполне еще представляю себе, что есть в этой стране достойного. На всякий случай я купил Вам носовые платки с уродливейшим рисунком, но мне вспомнилось, как Вы, не слишком колеблясь, завладели похожим носовым платком, непонятно откуда ко мне попавшим. Здесь все сплошь одеты по французской моде. Вчера, на бое быков, попадались шляпы. Не нужны ли Вам подвязки и пуговицы? Если их еще носят, напишите, какие Вы хотите, только не медлите. Я читаю, вернее, перечитываю «Вильгельма Мейстера». Странная это книга: самые прекрасные вещи сочетаются в ней с дурацкой наивностью.

Во всем, что написал Гёте, гений самым невероятным образом соседствует с типично немецкою тупостью; над собою он смеется или над нами? Напомните мне по возвращении дать Вам почитать «Избирательное сродство» \ Это, думается мне, самое странное и антифранцузское из всего, что он написал. В одном письме из Парижа мне до небес пре* возносили книгу Александра Дюма-сына «Разрыв» [5] или что-то в этом роде. В Мадриде совсем не читают. Я все задавался вопросом, чем ж© занимаются местные дамы в свободное от любовных утех время, но так и не мог найти сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Все они мечтают стать императрицами. Одна барышня из Гренады сидела в театре у себя в ложе, когда ей сообщили, что графиня де Теба вышла замуж за императора[в]. Она вскочила и громко воскликнула: «Ен ese pueblo no hay porvenir!» *

Увлекшись рассказами о многочисленных развлечениях моих, забыл упомянуть о том, что меня избрали членом Академии истории. Заседания там почти так же забавны, как и у нас. Прощайте.

156

Мадрид, 22 ноября 1853,

При мысли о снеге, лежащем в горах Гвадаррамы [a], я теряю всякое мужество; однако ж тут солнце сияет ослепительно, хоть и вовсе не греет. По ночам холод стоит собачий, и караул возле дворца сменяется каждые четверть часа. Перед отъездом хочу побывать еще на нескольких заседаниях Кортесов [2], которые открылись третьего дня очень скромно, без королевской речи, ибо роды у Ее Величества предстоят довольноскоро [3], и ее оберегают от излишних волнений. Я уже довольно вникнул в местную политику и знаю достаточно людей из разных партий, чтобы теперь, за неимением быков, забавляться этим спектаклем. Привезу Вам подвязки, раз Вы не хотите пуговиц. Разыскал я их, однако ж, не без труда. Цивилизация так стремительно движется вперед, что почти у всех местных модниц классические ligas былых времен вытеснены резинкою. Когда я попросил горничных показать мне нужную лавку, они принялись в негодовании креститься и заявили, что им не пристало носить старье, годное разве для черни. Проникновение сюда французской моды повергает в ужас — теперь

уж и мантилью встретишь редко. Всюду одни шляпы, но какие! Вы от души повеселились бы, увидев шедевры модисток этой столицы. На днях я поехал в Аранхуэс провести пять-шесть часов у одного моего друга \ аукционного барышника г. Саламанка. Это самый остроумный и славный малый из всех, кого я тут встречал. Похоже, он зарабатывает массу денег и умеет их тратить. У него находится время и на дела, и на политику, ибо он был министром и станет им снова, когда того захочет. Грациозен он необыкновенно, и весь с головы до пят чистокровный андалусец. 15-го числа, в день Святой Евгении, во французском посольстве давали бал, на котором появилась госпожа <Суле> [5], жена посланника Соединенных Штатов, в распотешном туалете. Черный бархат, отделанный позументами и мишурой, а на го-

лове — бутафорская диадема. Сын ее — плутоватого вида молодой чело» век[6] — весь вечер наводил справки о солидности положения присутствовавших и, разузнав все доскональнейшим образом, послал вызов на дуэль одному весьма высокородному, весьма богатому, крайне глупому герцогу, жаждущему пожить подольше. Переговоры длятся до сих пор, но человеческих жертв не будет.

Прощайте.

157

Мадрид, 28 ноября 1853.

Письма наши разминулись, и Вы, очевидно, получили мое в тот миг[81] как я получил Ваше. В моем письме я объясняю Вам, почему задерживаюсь здесь еще на несколько дней. Меня настойчиво уговаривают дождаться la noche buena, то есть Нового года, но я собираюсь быть во Франции, а может быть и в Париже числа 12-го или 15-го, если не слишком подведет погода. Я напишу Вам из Байонны или из Тура, где мне придется остановиться.

Здесь много танцуют, несмотря на траур при дворе \ Только надевают черные перчатки. Все очень взволнованы началом прений в Сена-те г. А речь идет о том, продержится этот кабинет министров или грянет государственный переворот. Оппозиция воодушевлена чрезвычайно и намеревается пройтись палкою по спине графа Сан-Луиса [3]. Дом, где я живу, представляет собой нейтральную полосу, на которой встречаются министры и руководители оппозиции,

---

81 notes: 81
Все это в Вашем распоряжении (исп.)$_{с}$

что доставляет известное удовольствие любителям новостей. Круг так называемого местного общества и в самом деле столь ограничен, что если в нем начинается раскол, жить становится просто невозможно. Ведь чем бы в Мадриде ни заниматься, стоит пойти в общественное место, всюду непременно встретишь все тоже триста человек. А потому наблюдать общество это крайне занятно, и лицемерия в нем куда меньше. Хочу рассказать Вам презабавную историю. Тут принято дарить все, что вы похвалите. Так вот, красотка премьер-министра на днях сидела со мною рядом за ужином; глупою она оказалась, как кочан капусты, да к тому же весьма в теле. Она стара тельно обнажала красивые свои плечи, на которые ниспадала гирлянда металлических или стеклянных желудей. Не зная, о чем с ней толковать, я принялся нахваливать как то, так и другое; в ответ она сказала: «Todo ese a la disposision de V.» [81]. Прощайте; пишите мне поподробнее. При благоприятных условиях я успею получить весточку от Вас и здесь[81] а уж в Байонне всенепременно надеюсь получить от Вас письмо. Почему мне так хочется Вас увидеть?

---

81 notes: 81

Все это в Вашем распоряжении (исп.)$_{c}$

Оттого, верно, что уж очень тягостно привыкать к протоколам Вашим, достойным г. Нессельроде[4] своим отсутствием логики и правдоподобия.

158

Лондон *. суббота, 22 июля 185(4)

Я крайне огорчен сообщением о Вашем отъезде; я полагал застать Вае в Париже и не могу свыкнуться с мыслью, что Вы будете вдали от него. А потому я лишен даже удовольствия поссориться с Вами,—постарайтесь же вернуться хотя бы в первых числах августа. Не стану упрекать Вас, ибо уверен, что Вы сделаете все возможное, чтобы со мною проститься. Подумайте, как тяжко прожить столько месяцев* не видя Вас. Словом, Вы знаете, что надобно мне для счастья и, если это вообще вероятно, так оно и будет.

Хрустальный Дворец[2] представляет собою гигантский Ноев ковчег; он поистине великолепен своеобразием вещей, в нем представленных* но сам, надо сказать, с точки зрения художественной ценности, весьма посредственен; в целом же мы провели там презабавнейший день.

Я настолько раздосадован Вашим письмом, что не в силах продолжать мое, Прощайте.

159

Париж, 29 июля 1ъ54..

Я приехал сюда позавчера и не написал Вам до сих пор, ибо настроение у меня ужасающее. Оказалось, что один из моих друзей детства [1] болен холерою. Теперь он, говорят, почти уже вне опасности. Пока мы проходили проливы, дул ледяной ветер, наградивший меня катаром или каким-то странным ревматизмом. Грудь точно сжимает железным ободом, и любые движения причиняют боль. И все же нынче вечером я должен ехать в Нормандию, в Кан[2], дабы произнести речь перед местными бездельниками. Но сбросив с себя этот груз, я постараюсь как можно скорее возвратиться в Париж. Полагаю быть тут 2 августа, к вечеру. А после того определенных планов у меня нет. Поначалу я думал провести месяц в Венеции, но из-за карантина и прочих сложностей, связанных с холерою, ехать туда, по сути дела, невозможно. Министр предложил мне отправиться в Мюнхен[3] представителем неизвестно чего на открывающуюся там баварскую Выставку. Я не сказал ни да, ни нет и оставил решение до возвращения в Париж. Быть может Вы съездите на несколько дней в Лондон, ибо Хрустальный

Дворец, право же, того стоит. В отношении художественности и вкуса он на редкость нелеп, но и по замыслу, и по исполнению он столь грандиозен и вместе с тем так прост, что стоит поехать в Англию, дабы это увидеть. Игрушка сия стоит двадцать пять миллионов и представляет собою как бы остов, внутри которого с успехом могли бы вальсировать десятки соборов с высокими шпилями. Последние дни, проведенные мною в Лондоне, оказались довольно интересны для меня и забавны. Я виделся и разговаривал со всеми политическими деятелями; присутствовал на обсуждении субсидий в Палате лордов и Палате общин, где выступали

известные ораторы, притом, как мне показалось, чрезвычайно зло. Наконец, я отменно поужинал. В Хрустальном Дворце кормят превосходно, и Вам, неисправимой гурманке, я всячески рекомендую их кухню. Из Лондона я привез пару подвязок, как меня уверяют, от Боррена [4]. Не знаю, чем поддерживают англичанки свои чулки и каким образом добьь вают необходимый сей предмет, но видимо задача это нелегкая и весьма trying * для их добродетели. Приказчик, вручая мне подвязки, покраснел до ушей. Вы говорите мне безмерно приятные вещи, от которых я полу-

чал бы величайшее удовольствие, когда бы опыт не развил во мне излишней подозрительности. Я не осмеливаюсь питать надежду на то, чего желаю всего пламеннее. Вы же знаете, что стоит Вам пальцем пошевельнуть, как я тотчас примчусь.

Мне хотелось бы, чтобы Вы поступили так, будто нам грозит опасность никогда более не увидеться в нынешние столь смутные времена. Прощайте; я очень люблю Вас, как бы Вы ни поступили. Пишите мне в Кан, г. Марку[5], капитану корабля. Я буду счастлив получить от Ва®-весточку.

160

Париж, 2 августа, вечером, 7854.

Я возвратился нынче утром, вконец разбитый, расстроенный, жалкий и больной. Я так и не избавился от боли в боку и в груди, которая мешает мне найти приемлемое положение для сна. Третьего дня я приехал в Кан, в самый день церемонии \ Повидав секретаря, я принял все возможные меры, дабы избежать официальных визитов. В три часа я вошел в зал Школы правоведения, где увидел восемнадцать или двадцать дам, сидевших на одной из трибун, и сотни две мужчин, каких, судя по-всему, можно увидеть в

любом другом городе; тишина стояла первозданная. Речь свою я начал без малейшего волнения, и мне вежливо поаплодировали. Заседание продлилось еще часа полтора и закончилось выступлением одного горбуна двух с половиною футов ростом; он читал свои стихи [2], которые, к слову сказать, оказались не так уж дурны. Затем меня окружили городские власти, и мы отправились обедать в ратушу, где в мою честь устроили банкет, продлившийся всего два часа; подавали превосходную рыбу и восхитительных омаров. Я уже счел было себя свободным, как вдруг поднялся президент общества антикваров, а вслед за ним встали все остальные. Он взял слово и предложил тост за мое здоровье, ибо я — человек выдающийся, да притом в трех ипостасях, а именно: сенатор [3], литератор и ученый. Нас разделял только стол, и во мне кипело безудержное желание швырнуть ему в голову блюдо с ромовым желе. Покуда он говорил, я обдумывал ответ, но ничего не шло в голову. Когда же он умолк, я понял, что от ответа мне не уйти, и начал говорить, не имея ни малейшего представления, как закончу фразу. Говорил я таким образом, да притом весьма уверенно, пять или шесть минут, не слишком отдавая себе отчет в смысле своих

слов. Меня заверяли, что красноречив я был необыкновенно, однако ж и после этого свободу я не обрел. В меня вцепился мэр и потащил на концерт, устроенный в пользу бедных дамами и господами из Филармонического общества. Я уселся в приготовленное мне кресло на обозрение многочисленной толпы хорошо одетых людей, прехорошеньких, ослепи» тельно белокожих женщин, одетых как парижанки, если не считать того, что они меньше оголяют плечи и надевают под бальные платья коричневые туфли. Пели ужасающе, да к тому же арии из комических опер; затем высокая разодетая женщина, видимо из местной знати, обошла с хрустальной чашею гостей. Я дал ей двадцать франков, за что был удостоен на редкость неуклюжего реверанса. В полночь меня отвезли домой, где я спал очень плохо, а вернее сказать, совсем не спал. На другой день, в восемь часов утра, за мною пришли — я должен был председательствовать на заседании, уже не имевшем никакого отношения к политике, где читали протокол предыдущего собрания, в котором говорилось, что я произнес блестящую ре^ь. Пришлось мне разразиться спичем — я предлагал изъять из протокола пышные эпитеты, но тщетно. Наконец меня усадили б дилижанс,

и вот я тут; все было бы как нельзя лучше, если бы я мог провести с Вами день, дабы прийти в себя. Я не верю, что Вы никоим образом не можете приехать. И потому остаюсь в сомнениях и печали. Министр мой хочет отправить меня на Выставку в Мюнхен. Я отнюдь не горю желанием, но куда же в этом году ехать, как не в Германию? Прощайте; я люблю Вас, как бы Вы ни поступали, и думаю, что это должно хоть сколько-нибудь тронуть Ваше сердце. Можете все-таки написать мне сюда.

161

Инсбруку 31 августа 1854.

Я страшно устал и все же хочу написать Вам. Четыре дня хожу с тяжелой головою и словно пьяный от пейзажей и изумительных видов. Я выехал из Базеля в Шафхаузен, откуда начинается путешествие по Рейну. Справа и слева высятся восхитительные горы, неизмеримо прекраснее тех всем известных гор, что тянутся вдоль столь любимого англичанками Нижнего Рейна, между Майнцем и Кёльном. Из Рейна мы вошли в озеро Констанц* и побывали в городе с тем же названием, где ели превосходную форель и слушали тирольцев, игравших на zitt-her **. Перепра-

вившись через озеро, мы поехали в Линдау, где пересели на поезд, путь которого пролегал среди прекраснейших лесов, прекраснейших озер и прекраснейших гор этого края. По железной дороге мы доехали до Кемнтена; правда, прибыли мы туда в полнейшем изнеможении, как бывает, когда долго ходишь по прекрасной картинной тале-

рее. Но вместо того, чтобы отдохнуть, той же ночью мы выехали из Кемптена и вчера, за несколько минут до полуночи, прибыли в Инсбрук, проехав через край если и не живописнее, то обширнее того, что мы видели перед тем. Неудобство состояло в том, что на всех перегонах приходилось менять деньги и заниматься подсчетами. А перегонов между Кемптеном и Инсбруком никак не меньше дюжины.

Вальдшнепы, которых я ем для восстановления сил, восхитительны; супы же весьма необычны, притом достоинства их особенно проявляются на высоте многих сотен метров над уровнем моря, когда на человека нападает аппетит. Недостатком нашего путешествия было то, что мы ничего не знали о нравах и образе мыслей этого народа, а это куда интереснее всех пейзажей. С женщинами в Тироле обращаются, как мне показалось,

вполне по достоинству. Их запрягают в тележки, и они с легкостью перевозят тяжеленные грузы. У всех у них огромные ноги, что делает их крайне безобразными; надо сказать, что и прекрасные дамы, которые встречались мне в поезде или на пароходе, не многим лучше. Шляпы они носят прямо-таки непристойные, а к ним — небесно-голубые туфли и зеленые, как яблоки, перчатки. Все эти особенности и составляют в значительной мере то, что местные жители называют gemiith [2]*, которой они так гордятся.

Если же говорить о произведениях искусства в этой стране, всего более, как мне кажется, они лишены воображения. Кое в чем оно проглядывает, но тотчас оборачивается самой нелепою вычурностью. Только что осмотрел город: он весь новый, не считая гробницы Максимиллиана [2]; но местоположение его изумительно. Национальной одежды уже не встретишь; люди на улицах уродливы и самого заурядного вида; зато, куда ни пойдешь, всюду горы, да какие! Завтра мы поднимаемся на ледник. Погода превосходная и обещает постоять. В конечном счете я доволен, что поехал. Хотелось бы, чтобы Вы были рядом,— по-моему, тут Вы нашли бы себе развлечений куда больше, нежели среди морских Ваших вол-

ков. Когда же Вы вернетесь в Париж? Пишите мне в Вену. Не теряйте времени. Пишите побольше и понежнее.

Вот Вам цветок с Бреннера [3].

162

Прага, 11 сентября 1854,

Спутники мои покинули меня сегодня утром, решив возвратиться во Францию. Я плохо себя чувствую, out of spirits **, а потому меня одолевают самые мрачные мысли. Если к завтрашнему утру почувствую «ебя лучше, то выеду в Вену и вечером буду уже там. Тоска вновь начинает одолевать меня. Хотя, надо сказать, город весьма живописен, ж музыку тут исполняют прекрасную. Вчера я успел побывать в трех

приветливостью (нем.).

[4]* настроение прескверное \ацгл.).

или четырех парках на концертах под открытым небом, где танцевали национальные танцы и вальсы,— все одинаково холодно и благопристойно; а ведь пражские оркестры играют так, что трудно на месте усидеть. Люди здесь сильно отличаются от тех, что я видел по соседству, в Германии; большие головы, широкие плечи, очень узкие бедра и полное отсутствие ног — вот

Вам описание пражской красавицы.

Вчера мы вспоминали уроки анатомии, тщетно пытаясь постигнуть, каким образом женщины эти ходят. Но глаза у них, при том, чудо, как хороши, и волосы черные, иногда очень длинные и тонкие; руки же и ступни таких размеров, массивности и ширины, что изумляют даже самых бывалых и привычных к вещам необыкновенным путешественников. Кринолинов они не знают. По вечерам, гуляя в парках, они выпивают но кувшину пива и по чашке кофе с молоком, что располагает их к еде, и они съедают по три телячьих котлеты с ветчиною; после чего им, правда, большого труда стоит впихнуть в себя еще несколько легчайших пирожных, вроде наших кексов. Вот Вам наблюдения мои о мест ных нравах и обычаях. На постели у меня лежит живописнейшее цветное одеяло в метр длиною, к которому пристегнута салфетка, заменяющая простыню. Когда я натягиваю на себя хрупкое это сооружение, слуга кладет поверх еще перину, с которой я борюсь все ночи напролет, то сбрасывая ее, то водружая на место; зато я ем великое множество вкуснейших вещей, в том числе восхитительные маринованные грибы и дичь; однако ж все это не мешает мне страстно

желать, чтобы Вы были рядом. Вы же, по всей вероятности, прекрасно чувствуете себя в Д..., и не вспоминая о тех несчастных, что скитаются по Богемии. Божественное безразличие Ваше, подлинное или ложное (этого я никак еще не могу понять), страшно меня злит. Люди занимают Вас, лишь когда Вы с ними видитесь. А в моих планах на будущее царит полная сумятица. Будь я уверен в том, что Вы разгневаетесь, узнав о затянувшемся пребывании моем в Вене, я обосновался бы там Вог знает на сколько месяцев; но Вы не пророните ни звука, а я боюсь, что смертельно заскучаю-от их gemiith [й]*. Таким образом, возможно, я пробуду в Вене ровно столько, сколько необходимо для осмотра ее достопримечательностей, то есть лишь последние дни месяца. Тогда к 1 октября я мог бы быть в Берлине, а числу к 10—12— в Париже. Я полагаю, Вы послали уже письмо мне в Вену с подробным рассказом о том, что Вы делаете и что собираетесь делать; это во многом определит и мое решение» Только что я видел автографы Жижки* и Яна ГусаИ у того в У другого удивительно красивый для ересиархов почерк.

Вена, 2 октября, 1854,

Beally truly я чудесно провожу время в славном городе Вене, и теперь, когда бродить по ней стало

для меня истинным наслаждением и я нри-

[A]* приветливости (нем.).

Здесь: драно же {англ.).

обрел друзей, мне требуются определенные душевные усилия, чтобы отсюда уехать. Добавьте к этому то преимущество, что новости из Крыма [1] доходят до меня несколькими минутами раньше, нежели до Вас. Два последних дня все мы пребываем в сильнейшем волнении. Взят или не взят Севастополь? Когда письмо мое дойдет до Вас, все наверное будет кончено. Здесь в это верят, но большого значения, по-моему, не придают. Все австрияки, за исключением нескольких прорусски настроенных старинных семейств, наперебой нас поздравляют. А третьего дня, когда я выходил из Оперы, меня поздравил даже извозчик. Даст Бог, это не окажется одним из тех известий, какие выплевывает электрический телеграф от нечего делать. Но как бы там ни было, восхищение вызывает уже то, что наши через каких-нибудь шесть дней после высадки наголову разбили русскихЗ-десь находится леди Уэстморленд, сестра лорда Раглана [3] и мать его адъютанта; все это время она ужасно волновалась. А вчера вечером получила письмо от сына, написанное после сражения. Мы испытываем истинное удовольствие, наблюдая

русских, находящихся в Вене. Князь Горчаков[4] сказал, что это не более как частный случай, ничего в принципе не меняющий. Бельгийский посланник, слывущий здесь острословом, заметил, что Горчаков прав, укрываясь за принципом, ибо принцип штыком не проткнешь. Кстати об острословах — меня тут прозвали львом поневоле. Произносите la'ionne на английский манер, чтобы не понять превратно роль, какую мне тут отводят. Как-то на днях свозили меня в Баден, очаровательное местечко,. расположенное в долине, возле самой Вены, а кажется, будто вы находитесь за сотню лье от большого города. Проводник отвел меня к прелестным дамам. Свет здесь настроен gemuthlichи все, сказанное французом, воспринимается как чудо остроумия. Меня же нашли необыкновенно обходительным. Я писал в альбомы возвышенные мысли, я рисовал — словом, был бесконечно смешон. И вот, почувствовав вдруг стыд от всего этого, я направился сегодня в Дрезден. Там я остановлюсь всего на один день и поеду в Берлин; затем, осмотрев музей, выеду в Кёльн, где меня будет ждать письмо от Вас.

Говорил ли я Вам, что заезжал в Венгрию? Три дня провел в Пень те [5] и чувствовал себя так, будто я в Испании или скорее даже в Турции.

Целомудрие мое подверглось там сильнейшему испытанию, ибо в Вуде мне показали общественную баню, где венгры и венгерки все вместе бултыхались в обжигающем супе из минеральной воды. В бане к видел очень красивую венгерку, которая закрыла лицо руками, ибо на ней не было рубашки, которые турчанки обыкновенно набрасывают на лицо. Представление это стоило мне шести kreutzer[3]*, что равно четырем су. Я посмотрел в венгерском театра «Хозяйку Сен-Тропеза» не догадавшись что это французская мелодрама, под названием: «S.— Tro-pez a Uno£*>. Я слушал цыган, игравших весьма своеобразные венгерские мотивы, от которых местные жители буквально теряют голову.

ври ветл в во {нем.). крейцеров (нем,).

Поначалу мелодия звучит очень скорбно, заунывно, но затем наполняется таким неуемным весельем, что слушатели, заражаясь им, принимаются топать ногами, бить стаканы и плясать на столах. Иностранцы же подобных эмоций не испытывают. И наконец — самое прекрасное я оставляю напоследок — я видел коллекцию старинных мадьярских драгоценностей восхитительной работы. Если бы я мог привезти Вам одну из них, Вы примчались бы за ней в Кёльн,

чтобы получить ее поскорее.

При всей беготне этой чувствую я себя превосходно; погода чудесная, но вечерами холодно. Правда, я холода не боюсь, ибо за семьдесят пять форинтов раздобыл себе огромную шубу. Здесь за гроши Вы нашли бы восхитительные меха. По-моему, это единственное, что в этой стране _дешево. Я же буквально разоряюсь на фиакрах и обедах в городе. Тут принято оплачивать слугам их ужин; кроме того, при выходе Вы платите портье — словом, платите всюду, хотя и не очень большие деньги, Прощайте, последнее письмо Ваше не слишком меня порадовало, если не считать сообщения о том, что Вы скоро возвратитесь в Париж И, несмотря на то, что я не купил Вам мадьярских цепочек, надеюсь, Вы примете меня хорошо. Я начинаю скучать по дому, и вечера кажутся мне нескончаемыми.

В Кёльне я собираюсь быть менее чем через неделю, а в Париже -между 10-м и 15-м.

164

Париж, воскресенье, 27 ноября 1854.

Непоправимое несчастье — терять друзей, но нам не дано миновать беды этой иначе, как ценою несчастья еще большего — неспособностью

любить вообще. Главное, не надо ради мертвых забывать живых. Вы должны были бы приехать ко мне вместо того, чтобы писать. Погода ведь была превосходная. И мы пофилософствовали бы с Вами о тщете всего мирского. А так я просидел весь день у камина, погруженный в наимрачнейшую меланхолию, да к тому же совсем больной. Сегодня вечером мне немного лучше, но станет хуже, если завтра я Вас не увижу.

165

Лондон *, 20 июля 1856с

Письмо Ваше, полученное мною вчера вечером, доставило мне радость несказанную. И я наговорил бы Вам нежностей в ответ, когда бы не боялся, что все это мне снится. Я скоро отправляюсь в Эдинбург. Собираюсь посоветоваться с шотландским колдуном. Меня обещают свестй к настоящему chieftain *, который не носит брюк и никогда их не носил; в доме у него нет лестниц, но есть свой бард и свой колдун. Разве не -стоит это того, чтобы туда съездить? Здесь же я познакомился с людьми

столь любезными, столь гостеприимными, что дохнуть свободно не дадут, и тотчас становится ясно, до чего скучно им живется. Вчера я видел

двух прежних моих пассий: одна из них стала астматичкою, другая — методисткой: затем я познакомился с восемью, если не с десятью поэтами, которые показались мне еще смешнее наших. Я с удовольствием вновь посетил дворец Сайденхэм [2], хотя его до крайности испортили огромными памятниками, воздвигнутыми в честь героев Крыма. Сами же герои, опьяненные успехом, целыми днями бродят по улицам. В Лондоне пока народу много, но все приготовляются к отъезду. Что до меня, я еду в понедельник к герцогу Гамильтону[3]. Там пробуду до среды — именно в этот день я собираюсь вступить в Эдинбург. По всей вероятности, недели через две возвращусь сюда, чтобы встретиться с Вами. Постарайтесь приехать. Большего доказательства Ваших добрых чувств быть не может, и Вы знаете, какое подарите мне счастье. Прощайте; писать мне можете в Douglas hotel, Edinbourgh. Там я пробуду несколько дней, прежде чем устремлюсь дальше на Север.

466

Эдинбург, Douglas hotel, 26 июля 1856.

Я надеялся получить письмо от Вас здесь или в Эдинбурге. Однако ж — ни весточки. Самое

скверное, что я забираюсь еще дальше на Север и не знаю, куда Вы могли бы адресовать Ваши письма. Я еду с одним шотландцем осматривать его замок, расположенный где-то далеко, за озерами; но не представляю себе, где мы будем останавливаться по пути, тем паче, что он наобещал мне тьму-тьмущую замков, развалин, видов и пр. Как только где-либо остановлюсь, немедля напишу Вам. Три дня я провел у герцога Гамильтона в его огромном замке, стоящем в живописнейшем месте. Неподалеку от замка, не более чем в часе ходьбы, герцог держит стадо диких быков, последних из этого вида во всей Европе. Быки показались мне не менее ручными, чем парижские лани. Повсюду в замке герцога висят картины великих мастеров, стоят изумив тельные китайские и греческие вазы и книги в переплетах самой лучшей работы прошлого века. Все это размещено безо всякого вкуса, и тотчас становится ясно, что владелец этих сокровищ вовсе не знает в них толку. Теперь только я начинаю понимать, почему в других странах так ищут французского общества. Французы, стараясь развлечь себя, развлекают заодно и всех прочих. Среди весьма многочисленного общества, меня окружающего, я считаюсь самым большим весельчаком, хотя

превосходно понимаю, что это отнюдь не так. Эдинбург вполне соответствует моему вкусу, если не считать ужасающей архитектуры памятников, созданных в подражание греческим и столь же на них похожих, сколь англичанка, которая, стремясь подражать парижанке, одевается у мадам Виньон[4]. Выговор местных жителей мне отвратителен. Я ускользнул от антикваров, посмотрев превосходную их выставку. Женщины здесь почти все безобразны. В стране принято носить короткие платья, и дамы, сообразуясь с модою и особенностями климата, обеими руками схвативши л о дол — так что на фут видна нижняя юбка,— выставляют на обозрение жилистые свои ноги, туфли из кожи носорога и не менее изящные ступ-ни. Меня потрясает здесь обилие рыжих. Местоположение города прелестно, и вот уже два дня погода стоит теплая и ясная. В общем, мне здесь довольно хорошо, если не считать того, что я хотел бы видеть Вас рядом. А как скоро тоска и Ыне devils * берут меня за горло, я начинаю вспоминать о тех ни с чем для меня не сравнимых днях, когда нам бывало так весело вдвоем. Поразмыслите над этим и напишите мне на Douglas hotel, в Эдинбург. Я велю откладывать мои письма, если не скоро вернусь.

167

Воскресенье, 3 августа 1856, Из загородного дома, неподалеку от Глазго

Я скучаю по Вам, как Вы говорили когда-то с присущим Вам изяществом. Меж тем жизнь моя тут исполнена приятности, я переезжаю ив замка в замок, и всюду меня принимают с гостеприимством, какому я не в силах найти определение и какое встречается лишь в этой аристократической стране. К сожалению, я успел уже к нему привыкнуть. Когда, скажем, я приезжаю к людям бедным, имеющим никак не более тридцати тысяч ливров ренты, я чувствую самолюбие свое уязвленным, если за ужином не играют на духовых инструментах и нет волынщика в праздничном национальном костюме: Три дня я провел у маркиза Врэ-далбейна, разъезжая в коляске по его парку. Там у него тысячи две ланей, не считая восьми или десяти тысяч, живущих в его лесах, не примыкающих к замку Теймут [4]. Есть у маркиза и еще кое-что необычное, что составляет тут предмет всеобщих вожделений,— стадо свирепейших американских бизонов; помещаются они в громадном загоне на полут острове, и глядеть на них можно лишь сквозь

щели в ограде. При этом все они — и маркиз, и бизоны — похоже, скучают ужасно. Сдается мне, что все удовольствие моих хозяев состоит в том, чтобы внушать ближнему зависть, но я сомневаюсь, чтобы это могло служить вознаграждением за хлопоты, которые они берут на себя, принимая каждого встречного, точно содержатели постоялых дворов. Однако ж среди всей этой роскоши я то и дело замечаю проявления самой мелочной скаредности, что служит мне развлечением. Но, говоря по совести, покуда мне встречались лишь презамечательные люди, без всяких видимых усилий принимающие меня таковым, каков я есть, сколь бы ни отличался я от них самих. Мне рассказали только что одну историю, которой я хочу поделиться с Вами, ибо меня она развеселила. Субботним вечером один англичанин прогуливается вдоль стены курятника в шотландском замке. Вдруг — сильный шум, кудахтанье кур, крики петухов. Он, подумав, что в курятник забралась лиса, предупреждает хозяев. А ему отвечают, что это, мол, пустяки, просто кур отделяют от петухов, чтобы они но оскверняли the Lord's day *.

Разумеется, Вы пожелаете написать мне до моего отъезда: 18, Arling-ton street, care of the hon[b,e] E.

Ellice [2]. Оттуда Ваши письма перешлют или сохранят йх до моего приезда в Лондон. Прощайте. Мне не надобно просить Вас писать как можно чаще.

168

Кинлох-Луихарт, 16 августа 1856,

Я не слишком доволен письмом Вашим, полученным мною перед самым отъездом из Гленкойха*. Вы и сами знаете, сколь свойственно Вам сгоряча так все себе представить, что самые простые действия кажутся невозможными. Подумайте, право, еще раз о том, что я сказал Вам, и по зрелому размышлению ответьте — да или нет. Ответ пошлите в Лон-дон, к Right hon^ble E. Ellice, 18, Arlington street.

Дичь и тетерева начинают мне приедаться. Виды, поистине замеча-тельные, которыми я любуюсь каждый день, еще сохраняют для меня некоторую прелесть, но любопытство я удовлетворил уже вполне и не надеюсь найти еще что-либо необыкновенное. Вот чем я не устаю восхищаться, так это неколебимой угрюмостью этих людей. Кажется, посади их на одну галеру — они и там не станут общительнее. А причина вся в том, что они боятся тотчас выказать свою глупость, как говаривал Бейль, или, может быть,

по складу характера они предпочитают радости эгоистичные,— словом, без колдуна тут не разобраться. Сюда мы приехали одновременно с двумя мужчинами и дамой средних лет; все они, очевидно, принадлежат к высшему свету и немало путешествовали. За ужином мне захотелось сломать лед. После ужина муж взял газету, жена — книгу, попутчик их сел писать письма, а мне досталось мило беседовать с хозяином и хозяйкою дома. Заметьте при этом, что гости, которые, сидя в гостиной, столь решительно от всех отмежевались, не виделись с хозяйкою нашей куда более долгое время, чем я, и тем для бесед с нею у них безусловно было много больше. Мне говорили,— и я склонен этому верить после того немногого, что я видел,— будто кельты (живущие в ужасающих трущобах возле самого дворца, где я бываю) умеют вести беседу. По крайней мере в базарный день шум стоит изрядный — оживленные голоса, смех, крики. Язык их на диво музыкален. А в Англии и в Южной Шотландии — могильная тишь. Нехорошо с Вашей стороны написать мне только раз. Я пишу Вам не менее чем в два раза чаще. Но мне не хочется ругать Вас из такой дали. Вот Вам мои планы: отсюда я отправлюсь в Инвернесс, где проведу день; оттуда

поеду в Эдинбург, затем в Йорк, Дархэм и быть может в Дерби. В Париже я полагаю быть 23-го.

169

Карабачель [4], четверг, <-?-?) декабря 1856.
(Забыл число.)

Дождь льет стеною. А ведь вчера еще погода была божественная. И мне обещают, что завтра она снова исправится. Я воспользовался прекрасною этой погодою и вывихнул запястье, поэтому пишу Вам сейчас лишь благодаря знакомству с американской методой письма, которая дает возможность не шевелить пальцами. Случилось все по вине жеребца, неистово возжелавшего шепнуть что-то не слишком пристойное кобыле лорда З<шбертона> [2]; взбешенный моим сопротивлением преступной его страсти, он взбрыкнул и предательски сбросил меня через голову в тот самый миг, как я раскуривал сигару. Происходило это на тропинке над морем, которое шумело в каких-нибудь ста футах под нами, и, падая, я, к счастью, избрал тропинку. Никакого ущерба себе я не причинил, если не считать руки, которая сегодня ужасно распухла. На будущей неделе я собираюсь поехать в Канны, куда вы наверное соблаговолите написать мне

до востребования. Заканчивая же главу о здоровье, я выражаю надежду, что к тому времени мне будет значительно лучше. Однако ж здесь у меня вновь случился неприятный приступ головокружения, только не такой сильный, как бывало в Париже. Здешний доктор сказал, что это нервические спазмы и что надобно делать много упражнений. Я следую его советам, а меж тем сплю ничуть не лучше, чем в Париже, хоть и ложусь в одиннадцать часов. От меня зависело прослыть здесь львом (в английском смысле), а то все смертельно скучают. Меня положительно осаждали картежники — приходилось играть и на русский и на английский манер; а потом решили представить великой княгине Елене[8], от каковой чести я решительно отказался. Из области сплетен: тут живет нынче некая графиня Апраксина \ которая курит, носит круглые шляпы и держит в гостиной козочку, для чего велела застелить пол живою травой. Но самый забавный персонаж все же леди Шелли[5]: всякий день она что-нибудь выкидывает. Вчера, например, она написала французскому консулу: «Леди Шелли уведомляет г. Пилле[6], что сегодня она устраивает восхитительный ужин по-английски и была бы рада увидеть его после, в девять часов пять

минут». А мадам Вижье[7], бывшей мадемуазель Крювелли, она написала: «Леди Шелли счастлива была бы видеть мадам Вижье, когда бы та соблаговолила принести с собою свою музыку». На что бывшая Крювелли не замедлила ответить: «Мадам Вижье была бы счастлива видеть леди Шелли, когда бы та соблаговолила пожаловать к ней и вести себя, как подобает воспитанной особе». А как проводите время Вы? Я уверен, что Вы совсем не вспоминаете Версаль,— Вам ведь так свойственна беспамятность. Надеюсь, в марте мы пойдем смотреть, как распускаются первые примулы. Неужели правда он '"был. тот странный вечер в Версале, а после такое же странное утро?

Прощайте; напишите мне скорее в Канны.

170

Лозанна [1], 24 августа 1857.

Письмо Ваше я получил в Берне лишь 22-го вечером, потому что мои экскурсии по Оберланду продлились значительно дольше, чем я предполагал. Не знаю толком, куда посылать Вам это письмо. В Женеве Вас, по-видимому, уже нет[2]. А потому посылаю письмо в Венецию, где, вероятно, Вы пробудете всего долее. Сдается мне, что Вы могли бы хоть сколько-нибудь видоизменить

восторженные тирады Ваши о радостях путешествия, перемежая их время от времени лестными строчками в утешение тем, кому не выпало счастья сопровождать Вас. Однако ж я отпускаю Вам грехи, памятуя о неопытности Вашей в путешествиях. Вы полагаете пробыть в пути не более трех недель,— мне же это представляется почти невозможным. Я отвожу Вам месяц. И прошу Вас только помнить, что 28 сентября — дата для меня несчастливая, ибо событие, с которым она связана, произошло уже очень давно. 28 сентября я появился на свет. Мне было бы весьма приятно провести этот день в Вашем обществе — имеющий уши да слышит. Мое короткое путешествие протекало на редкость приятно. Был всего один дождливый день, зато я не пропустил ни единой его капли, ибо в течение четырех часов спускался с Венгернальпа [3] на кляче, которая разъезжалась ногами по скалам, ни на пядь не продвигаясь вперед. Я выпил бутылку шампанского, захваченную нами на Ледяное море[4] и разбитую мною о ледник. Гид сообщил мне, что ни у кого до меня не возникало идеи столь возвышенной. Прямо передо мною высится Жемми [5] и горная цепь Валле, которая все же не может сравниться с величественным силуэтом Юнгфрау [в] и приле-

гающих к ней гор. Сдается мне, что мы могли бы встретиться в Женеве и вместе совершить какие-нибудь интересные поездки; мне грустно об этом думать. Надеюсь получить письмо от Вас в Париже, где буду 28.

Прощайте; развлекайтесь, как Вам того хочется, и не слишком переутомляйтесь. А кое-когда вспоминайте все-таки обо мне. Если Вы укажете Ваш маршрут хотя бы с приблизительной точностью, я расскажу Вам парижские новости. Писать же отсюда — адово наказание. Достоинство местных перьев Вы можете оценить и сами. Еще раз прощайте. Вот Вам осенний листочек, "подобранный мною на высоте шести тысяч футов над уровнем моря.

174

Париж, 8 сентября 1857.

В то время как Вы полны жизненной силою, я кашляю и меня мучает ужаснейший насморк. Надеюсь, Вы посочувствуете мне. Не могу понять, зачем Вы на три дня задержались в Люцерне,— разве что убивали время, катаясь по озеру. Однако ж бесполезно давать советы, которые дойдут до Вас слишком поздно. Единственный совет, коим Вы, надеюсь, воспользуетесь,— это не забывать

французских друзей, в той прекрасной стране, где вы теперь обретаетесь. В Париже нынче решительно никого нет, но одиночество отнюдь не тяготит меня. И проводя вечера в полнейшем безделье, я также не испытываю скуки. Не чувствуй я себя так скверно, я в полной мере наслаждался бы этим покоем и желал бы, чтобы он длился весь год. Изумленные возгласы восторженной путешест венницы в Вашем исполнении звучат, должно быть, презабавно, и мне очень жаль, что я не могу быть тому свидетелем,. Когда бы Вы сумели, проявив каплю тактической хитрости, устроить так, чтобы мы могли встретиться где-то в дороге, мы совершили бы вместе одну-две поездку полюбовались бы сернами или хотя бы черными белками. Если бы болезнь не скрутила меня так, что мне трудно даже связно думать, я воспользовался бы отсутствием Вашим и как следует поработал. Я непременно должен выполнить один заказ для «Ревю де Дё Монд» [1], да еще на мне висит «Жизнь Брайтона>>[2], где я хочу высказать немало дерзновенных мыслей. Развлечения ради я крою и перекраиваю в уме фразы, но всякий раз, как пытаюсь встать с кресла, чтобы записать их, мужество покидает меня. Я очень огорчен, что Вы не взяли с собою томик Бейля об Итали-

и[3]: он развлек бы Вас в пути и расширил Ваши познания о тамошнем обществе. В особенности он любил Милан [4], потому что там пережил пору влюбленности[5]. Я там не был, но мне миланцы не нравились никогда: те, которых мне доводилось встречать, неизменно производили впечатление французов-провинциалов. Если в Венеции Вам попадется старинная книга на латыни — любая, выпущенная книгоцечат; ней Альдов [6],— большого формата и стоящая не слишком дорого, купите ее для меня. Вы тотчас ее узнаете— она должна быть набрана курси-вом, а типографская марка — единорог с выгнутым дугою дельфином. Едва ли Вы станете писать мне — ведь вокруг Вас столь многочисленное общество. И все же время от времени Вам не мешало бы привораживать меня весточками, помогая мне запасаться терпением,— Вы ведь знаете* что этой добродетелью Вашей я не обладаю. Прощайте— желаю Вам приятного времяпрепровождения и возможности увидеть как можно боль-те прекрасного, не стремитесь только увидеть все. Надобно говорить себе: «Я еще вернусь». А память всегда сохранит довольно воспоминаний, чтобы можно было потом наслаждаться ими. Как бы мне хотелось прокатиться с Вами в гондоле. Еще раз прощайте;

главное, берегите себя и не переутомляйтесь.

172

Экс 6 января 1858.

Вы думаете, так легко найти браслеты в виде перевитых древесных стволов, да еще чтобы ювелиры понимали Ваши сравнения! Я приобрел одну вещицу, похожую на кучку грибов, правда цена их привела меня в легкое замешательство. Ходили ли Вы в Генуе по магазинам? По всему вероятию, нет, ибо в противном случае Вы что-нибудь бы там купили

Однако ж значения это не имеет. Быть может также, Вам неизвестно, что филигрань облагается пошлиною по одиннадцати франков за гектограмм [2] и, следовательно, во Франции стоит в два раза дороже, нежели в Генуе. Впрочем, я решил ничего не платить на таможне, предоставив Вам удовольствие отослать деньги самой, о чем будет упомянуто в «Мониторе» [3]: государство-де получило то, что ему причитается. Здесь идет снег — словом, холод ужасный. Не знаю, представится ли возможность заехать в Бургундию, но, так или иначе, завтра вечером я выезжаю в Париж. Надеюсь, с Новым годом Вы поздравите меня собственной пер соною.

Прощайте — я вконец разбит путешествием и угнетен плохою пого дой. В Ницце я видел господ из высшего света, в том числе и герцогиню де Саган \ все такую же юную и свирепую с виду.

173

Париж, понедельник вечером, <25у января 1858.

Я не видел Вас целую вечность. И сколько же за это время произошло событий! Я умираю от желания узнать Ваше мнение о них. Насморк и грипп у меня поутихли, и моим выздоровлением, думаю, я обязан последней нашей прогулке. Поистине с недугом она расправилась так же, верно, как копье Ахилла \

Прочли ли Вы «Доктора Антонио» [2]? Это — английский роман, кото-рый имел довольно шумный успех в английском свете; я читал его в Каннах. Л автор его — г. Орсини[3], Вещь эту без сомнения переиздадут в Лондоне, и Вы, разумеется, захотите ее прочесть. Хотя, собственно, это не так уж и сильно.

Прошу, ответьте мне поскорее, ибо мне необходимо Вас видеть, чтобы забыть все ужасы, творящиеся в мире.

174

Лондон, British Museum, вторник вечером,,
28 апреля 1858<

Время летит так быстро в этой стране \ и расстояния тут столь огромны, что недостает времени исполнить и половину задуманного. Только что водил но музею князя Малахова [2], и на письмо Вам мне осталось каких-нибудь несколько минут. Прежде всего хочу сообщить, что в течение двух дней я ужасно страдал, как бывает всегда, когда я надышусь дымом каменного угля. Но затем я почувствовал себя так, словно только что родился. Я много ем, много хожу: единственно— не высыпаюсь вдосталь. Много бываю в свете, по получаю от этого не слишком большое удовольствие. Кринолины не распространены здесь в той мере, как у нас, а глаз привыкает так скоро, что теперь мне все время кажется, будто местные дамы ходят в ночных рубашках. Вы не можете представить себе, сколь прекрасен British Museum по воскресеньям, когда кроме г. Паницци®

и меня тут решительно никого нет. Душа пребывает в дивном экстазе -страшишься лишь, как бы статуи не сошли с пьедестала и не пустились отплясывать разудалую польку. Я не встречаю

здесь ни малейшей враждебности к нам: все говорят, что Бернара[4] осудили лавочники, а лавочники — чего же тут удивительного,— конечно, не упустят случая досадить князю \ Все дружно кричали «ура» маршалу, когда он сюда прибыл.

Прощайте, милый друг.

175

Лондону British Museum, 8 мая 1858.

В Париже я полагаю быть в среду утром.

А в прошлую среду я случайно попал в прелюбопытное осиное гнездо. Меня пригласили на обед[1] в Literary fund *, возглавляемый лордом Пальмерстоном[2], и когда я уже направлялся туда, меня предупредили, чтобы я приготовился произнести спич, поскольку мое имя будет упомянуто в тосте за литературу континентальной Европы. Можете представить себе, с каким удовольствием исполнил я эту просьбу и добрые четверть часа изрекал всяческие глупости[3] на плохом английском перед тремя сотнями интеллектуалов или теми, кто выдает себя за таковых, и еще сотней дам, удостоенных чести присутствовать при том, как мы жуем несъедобных цыплят и твердокаменный язык. Никогда в жизни мне не приходилось слышать столько глупостей, как говаривал г. де

Пур-соньяк[4].

Вчера меня посетила одна дама с мужем — они принесли подлинники писем Наполеона к Жозефине [5]. Хотят их продать. Письма и в самом деле прелюбопытные, ибо речь в них идет исключительно о любви. Подделкою они не кажутся — и бумага с грифом, и почтовые печати. Но могу только понять, почему Жозефина тотчас по прочтению не сожгла их.

176

Париж$_{y}$ 19 мая 1858.

В Люксембургском дворце [1] нам приходится вести прескучнейшее существование. И я вконец этим измучен. Равно как и погодою. Правда, меня уверяют, что она весьма полезна для гороха. Посему я поздравляю Вас, однако ж убежден, что дождь мог бы поливать только тех, кто его выращивает. Я ругательски ругал Вас за то, что Вы взяли у меня некую книгу (книги — единственное, чем я владею), каковую я искал точно иголку в стоге сена и наконец нашел нынче утром в углу, куда сам же и засунул ее для сохранности. И право, происшествие это попортило мне больше крови, нежели книга того заслуживала. Я так и не оправился после возвращения домой — иначе

говоря, ни сна у меня нет, ни аппетита. Прежде чем Вы уедете так надолго, мне совершенно необходимо получить второй Ваш портрет. А для этого надобно лишь запастись на полчаса терпением, да и то, стоит ли говорить о терпении, когда знаешь, что тем доставишь кому-то радость. Я уезжаю в Фонтенбло и вернусь не ранее 29-го. А до отъезда мне хотелось бы увидеться и долгодолго беседовать с Вами. Сдается, что со времени последней такой беседы протекла целая вечность.

177

Дворец Фонтенбло, 20 мая 1858,

Шафранно-опийной настойки я выпил столько, что чувствую себя совсем худо,— точно меня отравили. Помимо же этого я написал стихи для Ее Величества королевы Нидерландской *, играл в шарады [2] и made a fool of my self *. Посему родник моих умственных способностей полностью иссяк. Что рассказать Вам о жизни, какую мы здесь ведем? Вчера мы загнали оленя и устроили завтрак на траве; в другой день вымокли под дождем, и я схватил насморк. И все время мы слишком обильно едим, отчего я едва жив. Я не рожден быть царедворцем. Мне бы хотелось бродить вдвоем, с Вами по этому чудесному лесу и

беседовать о разных диковинных вещах. Нынче же у меня так разболелась голова, что я света белого не вижу. И теперь хочу немного поспать в ожидании рокового часа, когда надобно браться за оружие,— иными словами, втискиваться в лосины .....

178

Парижу 14 июня 1858, вечером,

Я только что нашел Ваше письмо, возвратившись из деревни от кузена моего, к которому ездил прощаться. Теперь от сознания, что Вы так да леко, настроение у меня хуже, чем было, когда мы расставались. Гляжу на деревья, на поля и вспоминаю наши прогулки. К тому же я был убежден — у меня даже было предчувствие,— что Вы не уедете тотчас \ и я еще раз Вас увижу. Но тон Вашего письма в высшей степени меня раздосадовал. Я и до сей поры не вполне еще пришел в себя от смехо-творной высочайшей Вашей нравственности и всего, что Вы говорили об этой книге[2]. К несчастью, она дурно написана, в том высокопарном стиле, который Сент-Бев превозносит за поэтичность[5],— что ж, вкусы бывают разные. Однако ж там попадаются верные наблюдения, что уже неординарно. Когда же речь идет о

человеке со вкусом, вроде Вас, он не должен кричать, что это-де ужасно и безнравственно,— он должен в полной мере оценить сильные стороны произведения. Никогда шь

судите о вещах сквозь призму Ваших предубеждений. С каждым днем Вы становитесь все высоконравственней и все более отвечаете веяниям времени. Я прощаю Вам кринолин, но не прощаю преувеличенной нравственности. Надобно уметь искать и находить хорошее. Кроме этого, мне неприятно то, что у меня нет второго Вашего портрета. Тут виноваты Вы — я ведь не раз его у Вас просил. Вы полагаете, что в нем мало сходства, а я полагаю, что на нем запечатлено то выражение лица[82] какое я видел лишь у Вас и какое часто возникает of the mind's eye [82]. Я еще не знаю точной даты моего отъезда, но постараюсь числу к 20-му быть в Люцерне \ для чего и выеду 19-го. Тем я хочу сказать, что весточку от Вас мне надобно получить до 19-го. Здесь стоит ужасная жара, вполне лишающая меня и сна, и аппетита.

Прощайте. До отъезда я сообщу, куда мне следует писать. Я нынче не в том настроении, чтобы говорить Вам нежности. Я довольно зол на Вас,

---

82 notes: 82
я моем воображении (аи-гл.),

но в конце концов все равно ведь придется прощать. Будьте здоро вы и берегитесь от насморка прохладными вечерами. Еще раз проищите, друг любезный,- вот слово, которое всегда меня расстраивает.

179

И hi ърлакеп, 3 июля 185В.

Я выбрался из вечных снегов и по приезде схода нашел Ваше письмо, Вы не сообщаете своего адреса в Г<ренобле>, а меж тем мне сдается, что именно туда и надобно писать Вам [82]. Надеюсь, у Вас хватцт смекал ки сходить па почту или у почты хватит смекалки доставить Вам корреспонденцию, Покуда погода нам благоприятствовала. Дождь застиг нас только на Гримзеле [a], и нам пришлось провести две ночи в этой живо-писнейшей воронке меж горами. Дорога, надо признаться, была не из легких. Много было снега, и лежалого, и свежего. Я провалился вместе с лошадью в дыру, по единственным неудобством, какое мы с ней испытали за час или два, пока выбирались оттуда, было то, что мы успели основательно промерзнуть. Одна встретившаяся нам

---

82 notes: 82
я моем воображении (аи-гл.),

дама ~ янки, в том же месте совершила весьма епечатающий кульбит. Лицо у меня сгорело и теперь вся кожа слезает ~ ото лба до самой шеи. Побывал я и на Ронском леднике[3], чего Вам не советую делать; правда, до сего времени ничего прекраснее я не видел. Мне удалось довольно точно зарисовать его, потом покажу рисунок. Надеюсь в октябре встретиться с Вами в Вене. Это очаровательный город, где можно найти памятники римских времен; я с удовольствием Вам все покажу и еще[82] раз, вместе с Вами, полюбуюсь дивными видами. Сообщите, что .привезти Вам из Венеции. Не знаю еще наверное, каким путем поеду в Инсбрук — через озеро ли Констанц или через Липдау, а возможно и через Мюнхен. Но через Инсбрук проеду непременно,, так как в Венецию хочу попасть через Тренто, а по набитым путем — через ЕПплюген. Потому и пишите, мне в Инсбрук, но слишком мешкая...

180

Инсбруку 25 июля 1858.

Вчера вечером приехал я сюда и нашел письмо, написанное Вами уже

---

82 notes: 82
я моем воображении (аи-гл.),

очень давно .....

Мой маршрут претерпел значительные изменения. Объездив все за-коулки Оберланда, я направился в Цюрих. Там меня охватило неодолимое желание посмотреть Зальцбург, и я, переправившись через озеро Констанц и добравшись до Линдау, отправился в Мюнхен \ где задержался на несколько дней, чтобы походить по музеям. Зальцбург мне показался вполне достойным своей репутации, сиречь репутации, созданной ему в Германии. Для большинства туристов он, к счастью, остается белым пятном на карте. Над самым городом высится гора, под названием Гейсберг, расположенная примерно так же, как Риги \ и с нее открывается такая же широкая панорама окрестных гор и озер. Озера* говоря по совести, довольно жалки, зато горы несравненно прекраснее тех, что окружают Риги. К тому добавьте, что перед вами не проплывают, наводя тоску, английские физиономии, да и вообще вокруг — полнейшее безлюдье, но при этом на расстоянии трех часов ходьбы, в Зальцбурге, вас ожидает — и можно в том не сомневаться — сытный обед. Вчера я съездил в Зиттерталь. Это ~ красивейшая долина, которую е одной стороны замыкает большой ледник. Контуры гор,

высящихся справа и слева, весьма живописны, но и тут возникает то же досадное обстоятельство, с каким сталкиваешься в Швейцарии," нет как бы первого плана, нет возможности Определить подлинную высоту всего, что вас окружает. Говорят, зиттертальские жительницы — самые красивые женщины в Тироле. Я и в самом деле встречал много прехорошеньких женщин, но все они, верно, слишком много едят. Ноги, виднеющиеся из-под юбки до самых подвязок (это не так высоко, как Вы могли бы предположить), ошеломляют своей толщиною. В Фюгене, пока я ужинал, в зал вошел хозяин с дочкой, напоминающей бочку из-под бургундского, сыном, гитарою и двумя конюхами. Все они, как один, руладировали превосходно. «Бочка», которой всего-навсего двадцать два года,— обладательница контральто, ценою никак не менее пятидесяти тысяч франков. Впрочем, концерт был бесплатный. Пение для них является величайшим удовольствием, и в меню они его не записывают. Завтра кружным путем я выезжаю в Верону затем лишь, чтобы повидать Стельвио[3]. Мне предстоит пробираться в коляске на высоте семи или восьми тысяч футов над уровнем моря. И если я не провалюсь в какую-нибудь яму, то буду в Венеции к 5 или

6 августа[4], а может быть и ранее. Поручение Ваше я исполню, хотя оно и представляется мне довольно сложным. Постараюсь для Вас выбрать самую красивую сетку для волос, какая только существует. Благодарю за подробные справки об изданиях А льдов. Хотя я предпочел бы знать подробнее о том, как протекает Ваше путешествие, Прощайте.

181

Венеция [1], 18 августа 1858.

В то время как Вы носились по горам й престраннейшим образом сопоставляли Монблан с сахарною головою, я с ног сбился, отыскивая для Вас раковины. Никогда я не видел ничего уродливее того, что теперь везу Вам. Возможно, однако ж, что у меня отберут все на таможне или что они сломаются в пути. Я буду этому только рад, ибо никогда еще . к человеку со вкусом не обращались с подобной просьбою.

В Венеции меня охватило столь сильное чувство грусти, что я почти уже две недели никак не могу от него избавиться. Конечно, архитектура впечатляет, но она лишена и вкуса и воображения; а те общие фразы, какие я всегда слышал о венецианских дворцах, вызвали у меня к ним

лишь отвращение. Каналы очень напоминают Бьевр [2], а гондолы подобны не слишком удобным катафалкам. Полотна в Академии [3] мне понравились — я имею в виду второстепенных мастеров. Нет там картины Паоло Веронезе, которая стоила бы «Брака в Кане» [4], нет Тициана, который мог бы сравниться с дрезденским «Динарием кесаря» [5] или парижским «Коронованием терновым венцом» [6]. Искал я что-нибудь Джорджоне. Нб в Венеции его вовсе нет[7]. Зато народ мне здесь нравится. Улицы заполнены очаровательными девушками, босоногими, с непокрытой тыловой; если бы как следует их отмыть щеткою да еще и с мылом, они стали бы ничуть не хуже Венеры Анадиомены[8]. Более всего мно претит запах на здешних улицах. Эти дни повсюду жарили оладьи, и дышать было решительно нечем. Я присутствовал тут на довольно занимательном действе в честь эрцгерцога [9]. Ему пели серенаду на протяжении всего пути от Пьяцетты [10] до железного моста [11]. Мы все размещались в шестистах гондолах, следующих за большим кораблем, на котором везли музыкантов. На каждой гондоле горел фонарь, всюду жгли красные и синие бенгальские огни, освещавшие неправдоподобным сказочным светом дворцы

на Большом канале. Но самая потеха начинается перед мостом Риальто [12]. Причем проходить его стремятся все одновременно. Никто не желает ни отступать, ни повременить, таким образом в течение часа с лишним весь канал между дворцом Лоредано[1$]и Риальто представляет собою неподвижный мост. Стоит между двумя лодками образоваться щели шириною в ладонь, как в нее тотчас вклинивается нос чьей-нибудь гондолы. То и дело слышится хруст обшивки и время от времени ломается весло. Примечательно, что при этакой давке, которая во Франции привела бы ко всеобщей драке, не произносится ни единого бранного или в сердцах сказанного слова. Народ этот вскормлен на молоке и кукурузе. Сегодня я видел, как прямо посреди площади Сан-Марко какой-то монах упал на колени перед австрийским капралом [14], вздумавшим его арестовать. Более жалкого зрелища и представить себе нельзя; происходило это к тому же как раз напротив знаменитого льва! Я жду приезда Паншщи [15]. И пока бываю понемногу в свете, А больше хожу по библиотекам и веду довольно тихую жизнь. Вчера я повстречал армян — вс^$_9$ как один, красавцы, которые при виде сенате-ра тотчас преобразились в армян константинопольских; они вручили

мне эпическую поэму одного из древних своих поэтов,, Прощайте; в Генуе я буду, вероятно, к 1 сентября[18]; в Париже наверное — в октябре, а в Вене — сразу по получении Вашего письма. Последние дня четыре или пять чувствую себя довольно сносно с А перед тем две недели сильно хворал. Еще раз прощайте.

182

Генуя, 10 сентября 1858.

По прибытии сюда получил Ваше письмо от 1-го числа, за которое и благодарю Вас. Но Вы ничего не пишете о моем письме, посланном из Брешии, кажется, тоже около 1-го числа сего месяца. Я писал, что с сожалением покинул Венецию и беспрестанно думаю о Вас.— Озеро Комо мне понравилось. Остановился же я в Белладжо[1]. И в одной из довольно живописных вилл, расположенных вокруг озера, разыскал госпожу Паста [2], которую не видал с тех пор, как она служила украшением Итальянской оперы. Она равномерно раздалась в ширину. Выращивает капусту ш уверяет, что счастлива не менее, чем когда к ее ногам бросали венки и сонеты. Мы поговорили о музыке, о театре, и она сказала, поразив меня верностью этой мысли, что никто после Россини

не создал оперы, которая звучала бы так едино и где все части сливались бы в неразрывное целое. Все же созданное Верди и иже с ним напоминает клоунский наряд.

Погода чудесная, и нынче вечером в Ливорно отходит пароход. Меня очень тянет поехать во Флоренцию и провести там неделю. Возвращаться думаю через Геную и возможно — по приморской дороге. Однако ж, если вдруг я получу известие о том, что безотлагательные дела ждут меня в Париже, я могу избрать путь* через Турин и тридцать часов спустя буду на месте. Словом я Вас жду там к 1 октября [3]. Соблаговолите не забыть об этом, не то мне придется ехать и разыскивать Вас на берегах горных рек. Вы ничего не рассказываете об альпийском шпинате и о пятидесяти трех блюдах, которые готовят из него в Дофине. Остался ли там еще кто-нибудь из тех, кто знавал Бейля[4]? Давно как-то я получил весьма остроумное письмо с изложением множества различных историй о нем от человека, чье имя стерлось из моей памяти [5]; кажется, он был протоколистом при императорском дворе. В былые времена встречались еще в провинции умные люди, вспомнить хотя бы президента де Брос-еа [в], но ныне убожество мысли там полней-

шее. Железные дороги, надо сказать, в большой мере способствуют всеобщему отупению. Я убежден, что лёт через двадцать все разучатся даже читать .....

483

Каины, 8 октября 1858^

Ваши раковины прибыли сюда в целости и сохранности. В Париже я буду в среду или в четверг на той неделе. И лишь только Вы захотите получить Ваши раковины, можете за ними приехать. Я не cfhn возвращаться из Флоренции морем и очень доволен этим своим решением. Дорога, начиная от Специи, изумительно красива, почти столь же — если не более,— сколь дорога от Генуи до Ниццы. О Флоренции у меня остались самые сладостные воспоминания. Она поистине прекрасна. Тогда как Венеция не более, чем красива. А что до произведений ис= кусства, тут сравнивать и вовсе невозможно. Два флорентийских музея * не имеют себе равных. Если Вы поедете в Пизу, рекомендую Вам остановиться в «Великобритании». Там в высшей степени комфортабельно. Я тут решительно потерял голову — поехал осматривать сталактитовую пещеру, открытую кроликом; я прочитал о ней в одной

газетенке, выходящей в Ницце. Находится пещера эта во Франции, неподалеку от местечка под названием Ла-Колль, в двух шагах от границы. Меня заставили битый час ползти на животе для того лишь, чтобы полюбоваться более или менее забавными кристаллическими образованиями — не то морковками, не то репками, свисающими со свода.

У нас тут - полнейшая пустыня; отели все будто вымерли, на улицах не встретишь ни единого англичанина. Но я решил, что сейчас как раз и стоит провести здесь несколько дней. Погода восхитительная; тепло в меру — с удовольствием уходишь в тень, но солнце уже не налит, А месяца через два тут будет уже множество народу и задует прене приятнейший северный ветер. Путешественники сродни неразумным баранам. Писал ли я Вам о перепелках с рисом, которых готовят в Милане?... Пожалуй, это самое примечательное из всего, что я там нашел. Ради них стоит даже туда поехать. Ая с удовольствием вновь оказался в этих краях после того, как повидал множество других, слывущих чудом красоты. Эстерельские горы [2] показались мне ниже Альп, но контуры у них изящнее всех, какие мне приходилось видеть. Однако ж довольно о

путешествиях.

Каковы намерения Ваши на нынешнюю осень? Собираетесь ли Вы оставаться пленницею гор в Дофине? Никогда не знаешь, чего от Вас ждать. You look one way and row another*.

Црощайте.

184

Париж, 21 октября 1858~

Вот я и вернулся в сей город Париж [1] и, не найдя там Вас, ужасно разозлился. Становится холодно и тоскливо, но никто еще не вернулся. Из Канн я уезжал под чудесным солнечным небом, которое все серело

по мере того, как я продвигался к Северу. Посочувствуйте мне: я купил в Венеции люстру и. получив ее третьего дня, обнаружил несколько разбитых цветков. Еврей, ее продавший, обязывался все мне заменить — да как его теперь заставишь? Я еще не привыкну спать в своей посте ли. Чувствую себя здесь чужим и не знаю, как убить время. А ведь все было бы совсем иначе, если бы приехали Вы.

Я привез из Канн престраннейшую тварь — ящерицу, которую для Вас зарисовал. Покуда она еще жива, но боюсь, что Вы уже ее на этом

свете не застанете. Питается она мухами, а мух становится -все меньше. У меня есть еще дюжина в запасе, и я старательно их откармливаю. Друзья находят, что я похудел. А мне кажется, что здоровье мое несколько окрепло со времени отъезда отсюда. .....

185

Париж, воскресенье вечером, 14 ноября 1853

Завтра утром я уезжаю в Компьень до 19 числа. Вплоть до 18-то Вы можете писать мне в замок. Чувствую я себя скверно, и образ жизни, какой на будущей неделе нам предстоит вести, отнюдь мне не полезен. Коридоры, где приходится ходить без верхней одежды, продувает насквозь, и полноценный насморк обеспечен всякому. Не знаю, что случается с теми, кто привозит насморк уже с собой. Простите этот пробел в моих познаниях. Нынче утром я видел Сандо [1] в том состоянии, какое испытывает человек, впервые примеривший короткие штаны. Он задал мне добрую сотню вопросов, притом с наивностью, внушившей мне серьезные опасения. В числе прочих будут там и несколько великих людей из-за Ла-Манша, которые, вне всякого сомнения, внесут немалую лепту в ожидающее нас безумное веселье.

Прощайте.

186

Еомпьеньский замок, воскресенье, 21 ноября 1858

Ваше письмо привело меня в отчаяние. .....

Мы остаемся в Компьене еще на день. И вместо четверга возвращаемся в пятницу, так как в четверг вечером тут будет представлена комедия Октава Фейе \ От души надеюсь, что это — последняя отсроч на. К тому же я совсем расхворался. Спать в Компьене просто невозможно. Все время чувствуешь себя то на леднике, то в печи, что вызывает в груди раздражение, которое бесконечно утомляет меня. Трудно, впрочем, представить себе более радушного хозяина дома и более изящную хозяйку Большинство гостей разъехалось вчера, и мы остались в небольшом обществе — то есть за стол садится не более тридцати или со-рока человек. На днях мы предприняли длительнейшую прогулку по

л.

лесу, которая живо напомнила мне прежние наши экскурсии. Когда бы не холод, лес был бы столь же прекрасен, как и в начале осени. Деревья стоят еще в листьях, и цвета их — желтый и

оранжевый — самые прекрасные в мире. То и дело нам встречались лани, переходившие дорогу. Сегодня сюда прибывает целый букет знаменитостей. Во-первых,, все министры, а в добавку к ним — русские и прочие иностранцы. Разумеется, от этого в гостиных станет вдвое душнее.

Прощайте.

Подумать только, будь я в Париже, я мог бы уже сегодня увидеть Вас! Так хочется бросить все и убежать отсюда.....

187

Компъеньский замок, cpeda_t 24 ноября 1858..

Решительно без дьявола дело не обошлось. Я остаюсь здесь до 2-го, а то ш до 3 декабря *. Мне повеситься хочется, когда я вижу в Вас столько смирения. Я этой добродетелью не наделен и с ума схожу от ярости. Но, несмотря ни на что, я одержим идеей приехать на несколько часов в Париж. Нет ничего легче, как пропустить обед и не пойти на прогулку. Особо важен ужин, и когда однажды я сказал испытанным царедворцам, что собираюсь поужинать в городе у леди ***, на лицах их появилось такое выражение, что мне пришлось тотчас выкинуть эту мысль из головы. Жизнь, которую мы ведем здесь, ужасно

сказывается на нервах н лишает соображения. Мы выходим из гостиных, где жара достигает 40 градусов, и отправляемся в лес в открытых шарабанах. А мороз на улице никак не меньше 7 градусов. Мы возвращаемся, чтобы одеться потеплее, и снова погружаемся в тропическую жару. Не понимаю, как это выдерживают дамы. Я не сплю, не ем, а по ночам только и думаю, что о Сен-Клу или Версале .....

188

Марсель, 29 декабря 1858.

В последний день в Париже [1] ко мне нагрянуло столько народу, что у меня не осталось времени ни чемоданы собрать, ни написать Вам. По дороге на вокзал я оставил у Вас два Ваших тома без всякой упаковки, оттого что отчаянно спешил. Надеюсь, привратник удовольствуется разглядыванием картинок и не станет задерживать книги долго. В дороге было страшно холодно. А в Дижоне я даже наткнулся на снег, с кото рым уже не расставался до самого Лиона. Здесь временами дует мистраль, зато солнце светит щедро. Из Канн мне пишут, что погода там восхитительная, хотя для них и холодно — сиречь. как у нас в мае. В вагоне Париж—Марсель я самым постыдным

образом промучился всю ночь — думал совсем задохнусь. Но нынче утром чувствую себя неизмеримо лучше. Какое, однако ж, удовольствие снова увидеть солнце и испытать его подлинное тепло! Вы так ничего и не нашли мне ко дню

Святой Евлалии[2], а я, кажется, и сам забыл напомнить Вам о столь важном деле. Только, пожалуйста, не надо ни носовых платков, ни шкатулок — все это уже дарилось неоднократно на протяжении двадцати лет. На самый крайний случай возможно еще обратиться к брошам, но когда бы Вы сумели найти что-нибудь посвежее, было бы куда как лучше. По-прежнему надеюсь на Вас относительно книг для барышень де Лаг-рене [3]. Не забудьте о той ответственности, какую Вы на себя приняли. Я всегда полагал, что Вы вполне достойны моего доверия. Книги, избираемые Вами для девушек, говорят об изысканнейшем Вашем вкусе. На возвратном пути, в Марселе, я исполню Ваши поручения,— если таковые у Вас будут,— касательно бурнусов или тунисских материй. У меня тут есть знакомый еврей, большой мошенник, но выбор товаров у него преотменный, за это я и удостаиваю его своим покровительством. Только что встретил одного знакомого приехавшего из Канн; он сообщил, что

дороги в ужасном состоянии. Меня, Ц^аво, Мороз дерет по коже при одной мысли о том, что нынче вечером мне предстоит пуститься в путь, который займет по меньшей мере двадцать четыре часа. Если в наступающем году Вы соберетесь во Флоренцию, напишите. Заветная моя мечта — оказаться там одновременно с Вами. Я приму Вас со всеми почестями.

Прощайте; напишите поскорее о себе и обо всем, что говорят в Париже.

189

Канны, 7 января 1859,

Обосновался я тут с грехом пополам. Холодно, но все равно чудесно. С десяти утра до четырех часов пополудни солнце прямо печет, однако ж стоит ему коснуться вершин Эстерельских гор, как с Альп задувает ветерок, который буквально разрезает вас пополам. И все же чувствую я себя много лучше, чем в Париже. Спазм как ни бывало, да и насморк, привезенный с собою, на вольном воздухе прошел; но аппетита по-прежнему нет никакого, да и сплю я весьма посредственно. На днях попортил себе добрый литр крови, не удержавшись от столь знакомой Вам вспышки ярости. Пришлось выставить слугу моего за

дверь, да так, чтобы Ьп убрался немедля. Подобные типы почитают себя необходимейшими и злоупотребляют терпением хозяина. Покуда я нашел мальчишку из Ниццы, который чистит мне одежду и двигается бесшумно, точно кот, скользящий по льду в ореховых скорлупках. А хотелось бы найти сокровище в|юде тех, что встречаются чаще всего в Англии,— кого-нибудь, кто понимал бы меня без слов.

Англичан здесь видимо-невидимо. Третьего дня я ужинал у лорда Брэгхема [1] в окружении целого роя девиц, свежевывезенных из Шотландии; вид солнечного неба, казалось, поразил их до глубины души. Будь у меня талант описывать костюмы, я позабавил бы Вас рассказом о туалетах этих дам. Вы, наверное, со времен изобретения кринолина ничего подобного не видели.

Читаю я теперь «Мемуары Екатерины II»[2], которые по возвращении непременно Вам одолжу. Картина нравов, изображенная в них, весьма своеобразна. Эта книга и «Мемуары маркграфини Байретской» [3] создают странное представление о людях XVIII века и особенно о дворах той эпохи. Когда Екатерина II была замужем за великим князем, ставшим впоследствии Петром III, у нее было громадное количество бриллиантов и вели-

колепнейших парчовых платьев, но жила она в комнате, через которую ее семнадцать фрейлин проходили в соседнюю, где они и спали все вместе подле своей повелительницы. Нынче же не найдется и жены бакалейщика, которая не жила бы с большими удобствами, чем императрица всего каких-нибудь сто лет назад. К несчастью, «Мемуары Екатерины» , обрываются в самый захватывающий момент - накануне смерти Елизаветы, Однако ж в них достаточно сказано, и есть серьезные основания полагать, что Павел I был сыном некоего князя Салтыкова [4]. Любопытно, что рукопись, в которой Екатерина описывает распрекрасные эти истории, посвящена ее сыну, все тому же Павлу I. Я узнал, что Вы скрупулезно исполнили поручение мое касательно книг. А я по сему поводу выслушал немало лестных слов от Ольги [5], которая, похоже, в со вершеинейшем восторге от того, что ей досталось. Среди прочих есть там книга, где речь идет о «Gems of poetry» *[6]; она произвела большое впе чатление. Итак, передаю Вам похвалы Ольги. Очень бы мне хотелось, чтобы Ваше неиссякаемое воображение не успокаивалось на достигнутом и Вы нашли бы что-нибудь для моей кузины ко дню Святой Евлалии.

Прощайте, друг любезный; я хотел бы прислать Вам хоть капельку моего солнца. Берегите себя и думайте обо мне. Ящерица чувствует себя как нельзя лучше. Она снова начала есть после полуторамесячного воз держания. В день своего прибытия в Канны она проглотила трех мух. Теперь же она сделалась столь привередлива: ест только их головки. Еще раз прощайте ..... , . . *

190

Канны, 22 января 1859, вечером

Дивный лунный свет, на небе ни облачка, море ровное, как стекло, воз дух недвижен. С десяти утра до пяти жарко, точно в июне. Чем дальше, тем тверже я убеждаюсь в том, что исцеляет меня именно свет, в большей мере даже, чем тепло и движение. Одид дождливый день у нас все же выдался, и на другое утро небо было сумрачное и грозное. А у меня случились ужасные спазмы. Но стоило выйти солнышку, как я стал Richard again **.— А как Вы себя чувствуете, друг любезнейший? Не слишком ли испортили Вам фигуру королевские да карнавальные ужины? Что до меня, я по «сути дела не ем вовсе. Меж тем один из моих друзей, приехавший из Парижа специально

повидаться со мнаю, находит продовольственные мои запасы в отменном состоянии. А у нас всего лишь

* «Драгоценностях поэзии» (англ.). [9] вновь самим собой (англ.)$_0$

разные диковинные рыбы, баранина и бекасы. Цивилизация, поверьте, меняет Канны вовсю, на мой взгляд, даже слишком. Полным ходом идут работы по разрушению одного из моих любимых прогулочных уголков — скал близ Ла-Напули: там собираются прокладывать железную дорогу. Когда ее построят, мы сможем пользоваться ею так же, как дорогою в Бельвю, правда, Канны окажутся тогда во власти марсельцев, и все их очарование безвозвратно пропадет. Знакома ли Вам тварь под названием рак-отшельник? Это крошечный омарчик, величиною не более кузнечика, с голым, лишенным чешуек хвостом. Он находит подходящего размера раковину и* расположив в ней со всеми удобствами хвост, разгуливает в таком виде по берегу моря. Вчера я нашел одного из них; осторожно, стараясь не повредить хозяина, я сломал раковину и поместил рачка ь тарелку с морской водою. Выглядел он там удивительно жалко. Минуту спустя я положил в тарелку пустую раковину. Приблизившись к ней,

рачок обошел ее со всех сторон и поднял ножку, стараясь, видимо, измерить высоту раковины. Затем, подумав несколько мгновений, он сунул в раковину клешню, дабы убедиться в том, что она на самом деле пуста. Наконец, ухватившись за раковину двумя клешнями, он перебро Сил ее по воздуху себе на хвост... Вернее, всунул в нее хвост. И тотчас же принялся разгуливать по тарелке с уверенным видом человека, выходящего от портного в новом с иголочки платье, Редко доводилось мне видеть представителей мира животных, которые столь явственно выказывали бы способность разумно мыслить. Теперь Вы понимаете, что я всецело погружен в изучение природы. Помимо же наблюдений за животным миром (я расскажу Вам потом историю с козочкой) я нишу пейзажи — ведь виды здесь один прекраснее другого. К несчастью, случился тут коллега [2], который выклянчил у меня две лучшие работы. Один мой друг, художник настоящий, не то что я, восторженный поклонник этих краев. Вот мы и проводим дни напролет за этюдниками. Возвращаемся домой к ночи, вконец, умаявшись, и у меня уже недостает мужества писать. Но все же я закончил статью об «Энциклопедии мебели» Виолле ле-Дюка [3]; собираюсь отослать ее вместе

с этим письмом. Мне бы хотелось, чтобы Вы ее прочли. Она коротенькая, но в ней есть, как мне представляется, одна-две мысли. Говорил ли я Вам, что мой друг Ожье[4]собирается сочинить грандиозную мелодраму, взяв за основу «Лже-Димитрия», и что я также должен принимать в том участйе? И наконец, я обещал написать статью о «Филиппе II» Прескотта[5] для «Ревю де Дё Монд», Прощайте.

191

Канны, 5 февраля 1859

Два дня у нас была плохая погода, и мне сделалось совсем худо. Я создал свою лечебную теорию, не хуже любой другой, и состоит она в том, что мне необходим свет. Чуть погода портится, я заболеваю, а уж если идет дождь, так и вовсе никуда не гожусь. Но стоит вдруг выглянуть солнцу, как я снова на ногах. И вот в эту-то ужасающую погоду ее новоиспеченное императорское высочество[1] путешествовала по морю. А ревет оно (море) нынче, как скопище дьяволов — прямо океан, да и только. Я представлял себе, как, должно быть, страдала несчастная принцесса, которая — только-только из-под венца — впервые ступила на корабль, зная, что по прибытии ей предсто-

ит выслушивать речь украшенного перевязью мэра. Не находите ли Вы, что уж лучше быть обыкновенным парижским обывателем? Правда, я предпочел бы пребывать в этом качестве в Каннах. Дом мой расположен как раз напротив городской почты. А окна выходят на море, так что, не вставая с постели, я вижу острова. Зрелище восхитительное. Я сделал не менее тридцати в той или иной степени скверных набросков, но работа над ними меня развлекла. Вы получите, сколько пожелаете, по выбору Вашему, если он окажется верен, в противном же случае — по моему. Миндаль буйно цветет во всей округе, а вот жасмин из-за суровой зимы и засушливого лета почти весь выгорел. Если Вы хотите кассию, стоит только сказать. Вчера я выправлял корректуру статейки [2], о которой говорил Вам. Что же до «Лже-Димитрия», я решительно о нем забыл, и лишь благодаря Вашему письму вспомнил, что у меня была такая мысль. Коллега мой[3]весьма в этом деле полезен, ибо, во-первых, доскональнейше знает ремесло, а во-вторых, умеет разговаривать с актерами и прочими, до которых я, с высоты моего величия, снизойти не могу. Нынче утром я получил письмо от некоего г. Бейля из Грасса, которому двадцать два года от

роду, он уверяет, что большой мой поклонник, и просит разрешения прочесть мне несколько своих сочинений. Представляете себе, какая незадача,— а я-то почитал, что скрылся от литературных напастей? И еще одна на меня свалилась беда. Ящерица моя в эти ненастные дни внезапно скончалась. Я мечтаю воздвигнуть ей памятник на той скале, где ее нашел. Продолжаю опыты над раками-отшельниками. Смею Вас уверить, что изучение инстинктов животных — вещь презабавная. У меня ведь теперь обретается еще и песик, принадлежащий моему временному слуге; он очень ко мне привязался. Слышит все, что говорится кругом даже по-французски, а хозяина своего стал презирать с тех пор, как увидел, что он мне прислуживает. Я хотел бы, чтобы Вы прочли «Цезаря» Ампера он только что вышел в свет. Может статься, мне придется о нем писать, но меня перспектива эта повергает в ужас, ибо, говорят, он написан александрийским стихом. Я предпочел бы иметь готовое Ваше мнение, так как никогда не мог продраться сквозь стихи. Начинаю уже считать дни. Надеюсь, и месяца не пройдет, как я Вас увижу. И подозреваю, что в Париже Вы не сожалеете ни о горном воздухе, ни о жарком из серны. Что же до меня, вся моя жизнь

зависит от погоды. Я по-прежнему не сплю, но ноги меня не подводят, и я поднимаюсь в гору, не слишком задыхаясь. Прощайте; напишите мне е де разок и расскажите о парижских новостях или новинках. А я тут настолько отупел, что стал читать мормонские газеты[5],—стоит ради этого ездить в Канны.

Еще раз прощайте.

192

Париж *, 24 марта 1859.

Неужели Вы были нынче свободны? Думая, что целый день буду занят, я не написал Вам, не попросил о встрече, ужасно переживал это и когда в последнюю минуту оказался свободен, можете вообразить себе, какая мной овладела досада...

Я рад, что статейка о г. Прескотте[2] пришлась Вам по вкусу. Сам я не слишком ею доволен, так как высказал лишь половину того, что хотелось сказать,— ведь, согласно афоризму Филиппа И, о мертвых худого не говорят [3]. А по сути дела труд сей весьма посредственен и мало занимателен. Сдается мне, что когда бы автор не был янки до мозга костей, он мог бы создать нечто более значительное...

193

Париж, 23 апреля 1859.

Я совершенно подавлен новостями \ хотя удивляться, право же, нечему. Теперь все пущено на волю случая. Полагаю, что Ваш брат укладывает вещи. Желаю ему всяческого благополучия. Полагаю также, что военные действия развернутся весьма активно, но долго не продлятся. Состояние финансов с обеих сторон столь плачевно, что не позволит им затянуться. Вчера, покуда я гулял по лесу, где птиц было видимо-невидимо, мне казалось странным, что в такую погоду кто-то забавляется войной. Надеюсь, что «Мемуары Екатерины» [2] доставляют Вам удовольствие. Есть в них аромат времени и места, и это очень мне нравится. Не правда ли, парадоксально, что столь высокопоставленная дама могла избавиться — как явственно следует из ее рассказа — от такого скота, каким был Петр III, только удушив его. Мне дали прочитать роман леди Джорджины Фуллертон [3], написанный по-французски, с тем, чтобы я отметил неудачные места. Речь в нем идет всего-навсего о беарнских крестьянах, которые едят тартинки и яйца, сваренные в мешочек; а персики продают* корзинами, за тридцать

франков. С таким же успехом я мог бы написать роман из китайской жизни. Говоря по совести, Вы должны были бы взять это сочинение и отредактировать его в награду за то, что я даю * Вам столько книг, которые Вы, к тому же, никогда не возвращаете.. Вчера я был на Выставке[4], каковая посредственностью своей привела меня в отчаяние. Искусство становится обезличенным, то есть, по сути: дела, пошлым...

194

Париж, четверг, 28 апреля 1859.

Ваше письмо я получил вчера к вечеру. Мне думается, что Вы все же остановитесь в ***. Двигаться дальше было бы безумием. Не стану рассказывать всего,— хотя Вам это известно,— что я делаю, чтобы помочь 7 Проспер Мериме

Вам. Сестре военного надобно привыкать к пушечному грому. Впрочем, со вчерашнего вечера обстановка не так напряжена, как последние несколько дней. Сдается даже, что Австрия может принять предложенные Англией и нами условия и согласится на третейский суд[1]. Однако ж войска продолжают отправлять [2], и две дивизии высадились уже в Генуе иод дождем цветов. Как бы то ни было, в неизбежности войны я уверен. Не

думаю, чтобы она затянулась надолго, и надеюсь, что, пережив пер-вое потрясение, вся Европа встанет между воюющими сторонами. У самой Австрии к тому же нет денег на длительную борьбу, и многие полагают, что она столь без-рассудно раздувает пожар с одной лишь целью — объявить себя банкротом. У нас состояние умов, по-моему, лучше, чем когда бы то ни было. Народ настроен весьма воинственно и доверяет правительству. Солдаты веселы и исполнены уверенности. Зуавы $^{3}_{ч}$прежде чем отправиться воевать, на неделю разбежались кто куда, заявив, что в военное время в полицию не забирают. Зато в день отъезда все они, как один, были на месте. Так что удали нашим славным воинам не занимать, и подъем в их рядах такой, какого не снилось австриякам. А потому — сколь ни мало свойственен мне оптимизм — я твердо верю в наш успех. Старинная репутация наша уже столь прочно утвердилась повсюду, что те, кто воюет против нас, идут в бой не с большей охотой. Не тратьте Ваше воображение, придумывая разные трагические положения. Поверьте, лишь ничтож-ное число пуль попадает в цель, и война, которая предстоит нам, принесет Вашему брату много радостных минут. И не говорите невестке Вашей

\ что прекрасные итальянки станут кидаться на шею нашим воинам. Уверяйте ее лишь в том, что всех их будут холить, лелеять и кормить macaroni stupendi [83], тогда как австрияки иной раз могут съесть суп, приправленный окисью меди. Будь я в возрасте Вашего брата, поход в Италию стал бы для меня наилучшей возможностью воочию увидеть прекрасное зрелище — пробуждение порабощенного народа.

Прощайте, друг любезный; пришлите поскорее весточку о себе и уведомляйте меня о Ваших планах.

195

Париж, 7 мая 1859.

Я не ответил Вам немедля, ибо ждал Вашего нового адреса. Не могу поверить, что Вы все еще в ***, но надеюсь, что это письмо где-нибудь да застанет Вас, быть может даже в Турине, если Вы до него добрались. Теперь, когда война уже объявлена, не забывайте, что не все пушечные ядра достигают цели и что над человеком или рядом с ним довольно места для снаряда. Если Вы читали «Тристрама Шенди», Вы могли

---

83 notes: 83
великолепнейшими макаронами (ит.).

убедиться в том, что у каждой пули — свое предназначение и, к счастью, большинству из них предназначено упасть в землю. А Вашего брата еще и в чине повысят за участие в самой замечательной кампании со времен Революции и генерала Бонапарта. Остается сожалеть, что его с Вами нет,— с ним Вы чувствовали бы себя куда в большей безопасности. Меж. тем, взвешивая все «за» и «против», становится очевидно, что обстоятельства складываются скорее в нашу пользу. Если, как я полагаю, поначалу мы добьемся некоторых успехов с помощью пресловутого «furia[84] francese» [84], будем надеяться, что потом вся Европа предпримет неслыханные усилия, чтобы потушить пожар. Австрия, почти уже исчерпавшая свои ресурсы и готовая объявить себя банкротом, возможно, не заставит упрашивать себя слишком долго, да и мы, со своей стороны, может статься, также проявим умеренность. Если же война затянется, она превратится в войну революционную и обойдет тогда весь земной шар. Но подобное предположение кажется мне куда менее реальным, нежели вероятность другая.

Теперь о новостях, коль скоро они Вас интере-

---

84 notes: 84
«французского напора» (ит.).

суют: всех поразили имена вновь назначенных министров, и попытки найти этому какое-либо[84] объяснение пока безуспешны. Англичане совершенно спокойны, немцы же спокойны не вполне. И первые внушают мне наибольшие опасения. Много говорят о союзе с русскими, но я в него ничуть не верю; русским в этой распре нечего терять, и как бы ни обернулось дело, они останутся при своей выгоде. А покуда, забавы ради, они плетут панславистские интриги среди австрийских подданных, которые видят в императоре Александре своего папу римского. Генерал Клапка [1] выехал из Парижа три недели назад и отправился в Константинополь учреждать там банк. Туда же бросилось и множество других венгерских офицеров, что представляется мне весьма скверным знаком. Революция в Венгрии вполне возможна, но нам это событие, по-моему, принесло бы больше худа, нежели добра.

С войны ничего нового не слышно. Австрияки как будто смущены к; ведут себя скромно. Ожидают, что еще до конца месяца произойдет стычка. Наши бодры и горят воодушевлением. Местный народ и мелкие торговцы настроены также

---

84 notes: 84
«французского напора» (ит.).

весьма воинственно. Массы вообще проявляют к конфликту живейший интерес и все чаяния свои связывают с нашими успехами. Салоны же, в особенности орлеанистскне \ настроены до крайности антифранцузски и того более — архибезумно. Они воображают, будто могут вернуться на гребне волны и будто бургграфы[3] возобновят переговоры, прерванные событиями 1848 года. Несчастные, не понимают они того, что следствием сегодняшних событий может быть только республика, анархия и переделы.

Очень бы мне хотелось знать точно Ваши планы. И я думаю, что в[84]. Париже Вы немедля узнавали бы все новости, а это в нынешние времена важнее всего. По той же причине я, видимо, не поеду в Испанию: я сгрызу там себе ногти по локоть в ожидании сводок.

Если же Вы доехали до самого <Турина>, что представляется мне довольно безрассудным, я сомневаюсь, чтобы Вам удалось скоро вернуться. Но не думаете ли Вы, что при всех треволнениях Ваших неплохо было бы Вам отдохнуть несколько дней в каком-нибудь оазисе?

И Вам, и мне — обоим нам, я думаю, до край-

---

84 notes: 84
«французского напора» (ит.).

ности необходимо была бы забыть на несколько дней обо всем в ожидании, покуда и нас охватит военный пыл. И если бы Вы согласились совершить такой благородный поступок, это было бы для Вас совсем просто. А если бы Вы уведомили меня чуть заранее, я привез бы Вас сюда или в другое место — куда бы Вы пожелали— и отыскал бы возможность располагать неделею свободного времени. Соблаговолите изучить сию проблему со всей беспристрастностью и сообщите о Вашем решении; я жду его с величайшим нетерпением.

Прощайте, любезный друг, и будьте мужественны. Не воюйте с призраками и верьте в удачу. Я Вас люблю и, нежнейше целую.

196

Париж, 19 мая 1859.

Сдается мне, что на Вашем месте я бросился бы в Париж, ибо все-таки здесь— средоточие новостей. Я, к примеру, гоняюсь за ними день-деньской. Заем собрал не пятьсот миллионов *, а два миллиарда триста тысяч франков — и это не считая тех городов, откуда еще не поступили сведения. За каких-нибудь двадцать пять дней записалось пятьдесят четыре тысячи добровольцев. И, учтите, цифры это верные. Австрияки отступают, и

повсюду заключаются пари: дадут они сражение, прежде чем оставят Милан, или же прямиком, без остановки, перебросят войска в треугольник между Мантуей, Вероной и Пескиерой. Офицеры наши похваляются приемом, какой им повсюду оказывают. Зато в Германии против нас подняли вой. Положение там напоминает времена 1813 года. Одни говорят, что это чистопробная ненависть, другие же уверяют, что в основе лежит немалая толика красного либерализма, принимающего нынче тевтонское обличье. И тем временем русские бешено вооружаются, что дает всем пищу для размышлений. К тому же великая княгиня Екатерина [2] на днях нанесла визит императрице, и в этом есть стороны и добрые, и худые. Россия — опасный союзник, который с легкостью сожрет Германию, но союз с ней может повлечь за собой враждебное отношение к нам со стороны Англии. А мы так долго сибаритствовали, что растеряли пыл предков. И пора нам вернуться к их философии. Двадцать с лишним лет в Париже танцевали, в то время как в Германии лилась кровь! Правда, теперь войны не столь продолжительны, ибо к ним примешиваются революции, да и денег они стали съедать слишком много. Вот почему, будь я помоложе, я пошел бы в солдаты.

Но пора оставить эту мерзкую тему. Если уж суждено беде случиться, ее не миновать, и самое мудрое — поменьше о ней думать; а посему я отчаянно хочу побродить с Вами вдали от войн и думать лишь о листьях, о распускающихся цветах и о других не менее приятных вещах. Что бы ни произошло, ведь это самое разумное решение, не правда ли? И если Вь®

читали Боккаччо, Вы могли заметить, что после всех великих бедствий [8]люди приходят именно к этому. Так не лучше ли с того начать? Но великие истины и вещи наиразумнейшие не тотчас находят отклик в Вашей головке. Я никогда не забуду удивления Вашего в ту минуту, когда я Вам сказал, что в предместьях Парижа есть еще леса.— Обедал я на днях у некоего китайца, и он угостил меня трубкою опиума. Поначалу я начал было задыхаться, но, затянувшись в третий раз, почувствовал себя вдруг необычайно легко. А один русский, попробовавший опиума после меня, за каких-нибудь десять минут изменился до неузнаваемости: из^ урода он превратился в истинного красавца. И оставался таковым добрую четверть часа. Не правда ли, странной властью обладают какие-то ничтожные капли макового нектара?

Прощайте; ответьте поскорее.

197

Париж, 28 мая 1859..

Только Вам удается так преподнести дурные вести, что от ярости я становлюсь сам не свой. Вы всячески стараетесь — может статься, в стремлении произвести наибольший эффект — довести до моего сведения, что сделали бы Вы \ если бы! Совсем как в истории с конем Роланда \ который обладал несравненными достоинствами, но был мертв. А не будь он мертв, бегал бы он быстрее ветра. Шутить так я нахожу дурным тоном; во-первых потому, что сомневаюсь в Вашей доброй воле, затем потому, что ужасно огорчился, узнав, что Вы так далеко, не говоря уж о том, как жаль мне тех часов, которые мы могли бы провести вместе. Ваше возвращение, возможно, совсем не за горами. А покуда подробно . пишите мне о всех действиях Ваших и планах, ибо трудно поверить, чтобы Вы не поставили перед собою самых разнообразнейших задач.

Новостей никаких. Нам говорят, что и не стоит ждать их раньше, чем недели через две. В Германии по-прежнему царит величайшее брожение; но похоже, что вследствие этого больше будет

выпито пива, нежели пролито крови. Пруссия из всех сил сопротивляется давлению со стороны Franzosenfresser *. Теперь они кричат о том, что ладобно-де вернуть не только Эльзас, но и немецкие провинции в России. Последняя эта шут- ' ка, похоже, означает, что подъем тевтонского энтузиазма не имеет под собою сколько-нибудь серьезной, продуманной платформы. Г. Иван Тургенев, прибывший на днях прямиком из Москвы, говорит, что вся Россия молится за нас и что армия с радостью схлестнулась бы с австрияками. Попы в своих проповедях возвещают, что Бог накажет австрияков за те гонения, каким они подвергают православных греков славянского, происхождения, и организуют подписки для посылки хорватам славянских библий и религиозных брошюр, дабы уберечь их от паписткой ереси. Все это смахивает на политическую пропаганду панславизма.

В последние дни затевается яростная атака против министерства.

Дерби [3]. Лорд Пальмерстон[4] и лорд Джон[5] будто бы готовы мириться (вещь маловероятная) или же,— что более вероятно,— совместными усилиями сбросить нынешний кабинет. Радикалы обещают поддержать их. Виги полагают полу-

чить триста пятьдесят голосов против двухсот восьмидесяти. Но каким бы образом все ни повернулось, я не думаю, чтобы от этой перемены мы много выиграли. Лорд Пальмерстон хотя и учинил своими руками итальянскую заваруху, не станет ее поддерживать, равно как и лорд Дерби. Разве что она не станет играть на руку Австрии и не будет создавать трудности нам.

Я получил письмо из Ливорно. Мы вошли туда под дождем цветов ᵇи золотых блесток, которые дамы кидали из окон.

Прощайте; напишите поскорее разумное письмо, без всякой дипломатии. Мне очень важно знать, как сложатся Ваши дела, ибо от них зависят и мои собственные планы.

198

Париж, 11 июня 1859.

Из столицы уезжать я не намерен Если Ваш брат по-прежнему командует батареей осадных орудий, сдается мне, что из Гренобля он уедет лишь тогда, когда австрияков отбросят в знаменитый их треугольник или прямоугольник, или бог его знает что. А по мнению наших военных, это может произойти лишь после битвы при Лоди, ибо говорят, есть места, обладающие привилегией

притягивать к себе армии *. Однако ж никто, по-моему, еще не понимает, что такое война теперь, после изобретения железных дорог, телеграфа и пушек с нарезными стволами. Я больше ни во что не верю и умираю от беспокойства. Влиятельные политики, бургграфы и прочие — люди не более разумные, чем прежние военные,— заявляют, что вся Европа готова, умоляя и грозя, стать посредником между Аддой и Минчо [2]. Что ж, оно и в самом деле вполне вероятно, да только я не слишком понимаю, как это может уладить дело. Неужто после знаменитой фразы «Sin all'Adriatico» * оставить Италию свободной лишь наполовину? Как можно надеяться, что двадцатичетырехлетний император [3], упрямый и к тому же руководимый иезуитами, в досаде от понесенного поражения, признает все свои ошибки и запросит прощения! А итальянцы, которые до сих пор вели себя как святые, разве они не пойдут на любые безумства, лишь бы сорвать переговоры? И если вся Европа сядет нам на шею, как выпутаемся мы из этого, не прибегнув к помощи силы, что всегда наготове, силы, именуемой Революцией, которая распространится повсеместно, если ее, конечно, примут из наших рук? Похоже, что Австрия намерена бросить в Италию все свои силы, до последнего

солдата. Все это куда как невесело и мало утешительно, однако ж тем более надобно запасаться силами и мужеством, дабы противостоять всем возможным бедам.

♦ «До самой Адриатики» (мг.).

Я думаю о прекрасной погоде, какая стоит нынче, и о листьях, таких в эту пору зеленых. В прошлом году я был в это время в Швейцарии и даже вообразить себе не мог всего того, что уже произошло и что еще произойдет. Прощайте; Вы знаете, с каким нетерпением я жду Ваших писем. И не забывайте точно и ясно сообщать мне все Ваши планы.

199

Париж, (13у июля (1859}.

Почему Вы так долго не давали о себе знать? Теперь мне представляется очевидным, что Вы не собираетесь покидать (Гренобль), и потому я умираю от желания поехать и повидаться с Вами там. Мы с леди *** могли бы устроить прогулку по горам Дофине. Поразмыслите над моим предложением. Вы не поверили бы, как часто — с тех пор, как установилась хорошая погода,— посещают меня видения; то мне видится Аб-бевиль [4], то Версаль.

Меня называют пророком за то, что три дня назад я предсказал заключение сепаратного мира[3] между двумя императорами за счет нейтральных стран. Признаюсь, осуществление последней части пророчества представляется мне мало исполнимым. Однако ж и не вполне безнадежным; во всяком случае это было бы справедливо с точки зрения морали, ибо, как говорил Солон [3], тот, кто не принимает участия в гражданской войне, должен быть объявлен врагом общества. Моего бедного слугу ранило в ногу при Сольферино[4] — раздроблена кость. Но раз он сумел написать мне всего через девять дней после битвы и раз ему ногу не ампутировали, значит есть надежда, что он выпутается. В доме у нас все рыдают, и я не знаю, как теперь меня будут кормить. А я, к слову сказать, чувствую себя довольно скверно. Сплю очень плохо, часто задыхаюсь. И, употребляя Ваше любимое выраженье, очень по Вам скучаю.

Прощайте.

200

Париж, вторник вечером, (19} июля 1859.

Вы единственная, кто показал мне положительные стороны заключенного мира [4]. Может статься, он был и необходим, но стоило ли начинать

так удачно только для того, чтобы в результате прийти к путанице, худшей, чем ’все, что было до сих пор. И так ли уж важна для нас,— принимая во внимания все обстоятельства,— свобода горстки фигляров и шутов?[4]А нынче вечером мы услышали то, о чем Вы прочтете в «Мониторе». Сказано было хорошо, весомо и как будто бы искренне и честно. Чувствовалась и правдивость и доброта. Офицеры, возвращающиеся оттуда, говорят, что все итальянцы — горлопаны и трусы, что дрались одни пьемонтцы, которые, правда, уверяли, что мы им только мешали и что без нас они действовали бы лучше.

Императрица спросила меня по-испански, как мне показалась речь; из этого я заключил, что сама она недовольна. Я ответил, стараясь сочетать лесть с искренностью: «Миу necesario» [85]. Говоря по совести, он мне нравится, и как это он мило сказал [2]: «Поверьте, мне ничего не стоило и пр. и пр.».

Делая Вам какое-либо предложение, я всегда до крайности серьезен. А потому все зависит от Вас. Меня приглашают поехать в Шотландию и Англию. Если же Вы вернетесь в Париж, я с места

---

85 notes: 85
Крайне необходимо (исп.).

не двинусь. И буду бесконечно Вам признателен; когда бы Вы представляли себе, сколько радости можете мне доставить, надеюсь, Вы не стали бы колебаться. Итак, я жду последнего Вашего слова. Нынче утром я страшно перепугался. Ко мне явился какой-то господин, одетый в черное, весьма благопристойный с виду, в ослепительно белой рубашке, с лицом прекраснейшим и благороднейшим; назвался он адвокатом. Едва присев, он сообщил, что направляет его рука Всевышнего, он же лишь недостойный Его инструмент, во всем Ему повинующийся. Этого господина обвинили в покушении на жизнь его привратника, которому он якобы угрожал кинжалом; а на деле-то он показал ему распятие[85] Рассказывая,— чертово отродье! — он дико вращал глазами и прямо-таки завораживал меня. К тому же, не прерывая рассказа, он то и дело запускал руку в карман сюртука, и я ожидал, что он вот-вот вытащит оттуда кинжал. К несчастью, ему достаточно было выбрать один из тех, что лежат у меня на столе. В моем же распоряжении была лишь турецкая трубка, и я высчитывал минуту, когда осторожность заставит меня сломать ее об

---

85 notes: 85
Крайне необходимо (исп.).

его голову. Наконец он достал из этого проклятого кармана четки. И опустился на колени. Меня обуревал страх, но я и бровью не повел,— что делать с сумасшедшим? Затем о<н ушел, не переставая бормотать извинения и благодарить меня за интерес, какой я к нему выказал. Несмотря на ужас, который внушал мне звериный блеск его глаз, невообразимо, клянусь Вам, страшных и пронзительных, я совершил один любопытный эксперимент. Я спросил, в точности ли он уверен, что направляем рукою Всевышнего, и проверял ли он это как-либо. Я напомнил ему, что Гедеон, услышав повеление Бога [3], проверил, подлинно ли Бог зовет его, попросив хоть два-три мелких знамения. «Вы знаете русский?» — спросил я его. «Нет».— «Хорошо; тогда я сейчас напишу две фразы по-русски на листочках бумаги. На одном из них я напишу богохульство. И если верить тому, что Вы утверждаете, один из этих листочков должен внушить Вам ужас. Хотите попробовать?» Он согласился. Я написал. Упав на колени, он прочел молитву и вдруг произнес: «Господь отвергает столь легкомысленный опыт. Речь должна идти лишь о материях высоких». Разве не вызывает у Вас восхищения осмотрительность несчастного безумца, 'опасавшегося в своем невежестве, что

опыт может не получиться!^

Прощайте; я жду скорейшего ответа.

201

Париж, 21 июля 1859.

Вчерашнее письмо мое разминулось с Вашим. Вернее, с тем, что Вы мне послали: письмом ведь это не назовешь — так, жалкая какая-то папильотка. Я без труда представляю себе ту до крайности рассеянную жизнь, какую Вы ведете там теперь, когда опасность, угрожавшая брату Вашему, миновала. В эту страшную жару я чувствую себя прескверно — совсем потерял и сон, и аппетит. Вы же, не сомневаюсь, отнюдь не страдаете отсутствием ни того, ни другого. Временами мне кажется, что я саженными шагами приближаюсь к собственному памятнику. Мысль эта порой становится неотвязной, и я очень желал бы от нее избавиться. Это одна из причин, в силу которых мне так хотелось бы Вас видеть. Вы получите сразу два моих письма. И надеюсь, дадите на них ответ решительный и прямой.

Я читаю теперь «Письма госпожи дю Деффан» *, которые сильно Вас позабавят. Это картина общества весьма приятного, нравов не слишком легкомысленных, во всяком случае легкомыс-

ленных совсем не в той степени, как принято считать. Удивили меня две особенности, отличные от нынешнего времени,— во-первых, всеобщая потребность нравиться и готовность тратить для этого деньги без счета. А во-вторых — искренность и постоянство в привязанностях своих. То были люди много приятнее нас, а в особенности Вас, которую я больше нисколько не люблю. Прощайте; я нынче в слишком дурном расположение духа, чтобы писать Вам далее. Последние несколько дней у меня возобновились сердцебиения, отчего появилась ужасная слабость и раздражительность.

202

Париж, суббота, 30 июля 1859.

В Париже я пробуду до 15 августа, а потом, возможно, съезжу на несколько дней побродить по Шотландскому нагорью *, Но, разумеется, я по-прежнему и прежде всего сообразуюсь с Вашими планами, и в назначенный Вами день, можете быть уверены, я появлюсь. Вот видите, сколь я точен; попытайтесь и Вы в ответах своих хотя бы в некоторой степени следовать моему примеру. Сдается, что теперь Вы жить не можете без гор и вековых лесов. А солнце, верно, уже

позолотило и округлило Вас. Впрочем, я счастлив буду Вас видеть в любом виде и, не сомневайтесь, в отношении к Вам Вы встретите лишь самую глубочайшую нежность. Из Ваших писем я заключаю, что время Вы проводите необыкновенно весело — в прогулках и разнообразнейших забавах. И теперь ломаю голову, стараясь понять, кто обладает большими достоинствами — житель Па-де-Кале или житель Гренобля. Взвесив все, я склонился бы в пользу первого, ибо он менее шумлив и никогда не имел парламента [2], а значит и уверенности в своем недюжинном уме и политическом весе. Знавал я, правда, двух весьма толковых гренобльцев, да и то они всю*

жизнь прожили в Париже. А уж женщин тамошних я и вовсе себе не представляю. Не так давно я отказался живописать впредь сердца человеческие, дабы не пробуждать в себе интереса к состоянию умов в нынешние времена ..... .

Я все еще хвораю, и порой у меня возникает подозрение, что я еду в поезде, путь которого ведет к могиле. Кое-когда я этой мыслью мучаюсь, а кое-когда нахожу в ней утешение, какое испытываешь на железной дороге, зная, что теперь ты не отвечаешь ни за что — все в руках неодолимой высшей силы.....

203

Париж, 12 августа 1859,

Собираюсь нанести Вам визит еще до конца нынешнего месяца. Вполне возможно, что прежде, чем ехать в Испанию, я съезжу в Англию \ Правда, я не слишком уверен, что в Испанию вообще стоит ехать. Говорят, теперь там свирепствует холера, и она, наверное, разогнала друзей, которых мне хотелось повидать. А когда я смогу повидать Вас? Если Вам угодно затянуть переговоры, Вы действуете искуснее австрийских дипломатов и мигом находите способы отложить все на неопределенное время. Ответьте поскорее. Разумеется, я всегда соглашусь с вескими доводами, с разумными возражениями, но только в том случае, когда мне высказывают их искренне и без обиняков. Вы же знаете, что если придется выбирать между величайшим для меня счастьем и малейшим неудобством для Вас, я никогда не стану колебаться. Я говорил Вам, что читаю «Письма госпожи дю Деффан» и новеллы. Они забавны чрезвычайно и дают, по-моему, довольно ясное представление об обществе той поры. Однако ж там много попадается повторов. Впрочем, Вы прочтете, если пожелаете, сами.

Прощайте.

204

Париж, суббота, 3 сентября 1859.

Я так боюсь, что в нынешнем году мы уже не встретимся по эту сторону Ахерона, и потому не хочу уезжать, не попрощавшись с Вами и не поставив Вас в известность о моих странствованиях. Отбываю я в понедельник, то есть послезавтра, прямо в Тарб[1], где пробуду числа до 12-го, а то и до 15-го. Затем на несколько дней я возвращусь в Париж и вскорости выеду в Испанию. Верь я в предчувствия, я поостерегся бы перебираться через Пиренеи, но теперь отступать уже поздно, да и надобно навестить Мадрид, быть может, в последний раз [2]. Слишком я уже стар и болен для того, чт^эбы предпринимать снова подобную экспедицию. И если бы я не почитал долгом совести попрощаться с ближайшими

своими друзьями, я никуда бы из своей норы не двинулся. Не могу сказать, чтобы я был болен, но нервы у меня в таком состоянии, которое хуже любой болезни; я не сплю, не ем и мучаюсь blue devils*. Утешает меня лишь то, что Вы веселитесь вовсю и заметно округляетесь среди Ваших гор и провинциалов.

Я выписал из Лондона «Мемуары княгини Дашковой» [3] и по сию пору оплакиваю те тридцать франков, которые за них заплатил. По возвращении из Тарба[4] мне обещали дать роман, написанный по-малороссски [5] и переведенный на русский г. Тургеневым. Говорят, это шедевр, намного превосходящий «Дядю Тома»[6]. Кроме того, вышли «Письма принцессы Урсенской» [7], которые мне очень рекомендуют. Однако ж на меня эта дама наводит такой ужас, что я решительно не желаю их читать. Интересных же новинок я не знаю; сидя вечерами один, я начинал множество книг, но не нашел среди них ни одной, которую стоило разрезать. На днях я повстречал г. Абу [8] — он мил по-прежнему. И кое-что обещал мне. Сам он обосновался в Саверне [9] и день-деньской пропадает в лесах. Месяц назад он встретил в лесу престранное животное: передвигалось оно на четвереньках, одето было во фрак, обуто — в лакированные ботинки без каблуков; оказалось, что это — профессор риторики из Ангулема, который, переживая семейные неурядицы, отправился в Баден играть, за ничтожное время просадил все, что у него было, а возвращаясь лесами во Францию, заблудился и целую неделю ничегошеньки не ел. Абу принес или притащил

его в деревню; там его напоили и дали чистое белье, что не помешало ему через неделю умереть. Видимо, если животное, именуемое человеком, оказывается на некоторое время в полнейшем одиночестве и достигает определенной степени физического истощения, видимо, говорю я, венец природы вновь становится на четвереньки. Абу уверяет, что впечатление существо это производит мерзейшее... Пишите мне на адрес г. Государственного министра в Тарб.

Прощайте. Надеюсь, что к Вам наступающая осень относится благосклоннее, нежели ко мне. Тут — холод, дождь и насыщенный электричеством воздух. Берегите себя, ешьте и спите, коли можете.

205

Париж, 15 сентября 1859.

Я хотел было написать Вам из Тарба, сразу по получении Вашего письма, но все был в бегах и хлопотах. Начались они с письма из Сен-Совёра \ куда мне пришлось съездить на день, после чего мне тут же нанесли ответный визит, приехав в дом господина Фульда, где поднялся страшный переполох, ибо госпожа Фульд должпа была импровизировать и ужин и обед, что отнюдь

не просто в том городишке, откуда я только что вернулся. Ко всему прочему, нужно было разместить на ночь восемь человек, и я как член семьи вынужден был освободить свою комнату и

удалиться в гостиницу. Среди этой августейшей сумятицы -не могло быть и речи о том, чтобы найти клочок бумаги или перо. Выехал я 13-го, собираясь ночевать в Бордо, сюда же прибыл вчера к вечеру, вполне благополучно, если не считать потери ключей от дома, что среди прочих мелких неприятностей пожалуй все же самая ощутимая. Остается надеяться, что я найду ключи или уж, на крайний случай, найду слесаря. Касательно поездки моей в Испанию[2], я согласуюсь с моим другом, который едет вместе со мною. Он член Кортесов; сессия их открывается 1 октября, вполне возможно, что мы выедем 25-го,— за -ним последнее слово. Мы доедем поездом до Марселя, а там морем отправимся в Аликанте...

Недолгое путешествие это по Пиренеям придало мне бодрости. В Баньерес я принял ванну, что помогло за два дня привести мою нервную систему в состояние такого покоя, какого я не испытывал последние двадцать лет. Доктор, к которому я попал там,— мой давний друг, он очень уговаривал меня в будущем году пройти курс

ванн. Он ручается, что после них я словно заново появлюсь на свет. Я не слишком в это верю, но попробовать стоит.

В Сен-Совёре Их Величества пребывали в добром здравии и превосходном настроении; чрезвычайно радовало меня, что никто из домочадцев ям не надоедал, предоставляя полнейшую свободу. Император купил там собаку, величиною немногим более осла, старинной пиренейской породы. Это красивейшее животное, которое взбирается на скалы с ловкостью верблюда. Я очень уже давно не бывал среди провинциалов. В Тарбе они выглядят довольно сносно и редкостно услужливы. Однако ж трудно себе представить, чтобы можно было провести с ними, скажем, целый месяц. Я ел там много ортоланов и запеченных в тесте перепелок, что, быть может, даже еще вкуснее. Вы ничего не пишете о здоровье Вашем. Полагаю, оно в полнейшем порядке. Прощайте.....

Я не уеду, не дав Вам знать о себе.

206

Париж, 20 сентября 1859.

Без сомнения какой-то злой дух то и дело мешается в наши дела. Я боюсь уехать, не повидав Вас.

Пуститься в дорогу я решил 30-го с тем, чтобы 1-го быть в Байонне. Оказалось, что места до Мадрида в дилижансах и почтовых каретах раскуплены до 16 октября. Следовательно, ехать надобно морем, то есть пакетботом переправиться из Марселя в Аликанте. Если не возникнет какого-нибудь нового препятствия, 28-го вечером я буду в Марселе (в скобках помечаю, что это — день моего рож-. дения) и 29-го отправлюсь в путь. И хотя все нынешнее лето Вы изводили меня Вашими «если» и «нет», уверяю Вас, я весьма опечален тем, что не простился с Вами. После столь длительной разлуки расставаться снова почти так же надолго! Кто знает, будете ли Вы в Париже, когда я вернусь? Уезжаю я, одолеваемый всевозможными черными мыслями, но желаю, чтобы Вашу головку наполняли только розовые.

Короткая поездка в Тарб пошла мне во благо. Полагаю, что воздух в окрестностях Мадрида довершит мое выздоровление. И как всегда перед путешествием, на меня напала стихия работы по ночам, чего бы, верно, не случилось, оставайся я здесь. Вследствие этого я везу с собою в Мадрид запас бумаги. Вспомните обо мне 29-го сего месяца, ибо, по всей вероятности, в этот день я буду чувствовать себя очень худо, тогда как

Вы с Вашей портнихою займетесь пересмотром осеннего Вашего гардероба. Лионский залив [1] по-прежнему отвратителен и возможно станет совсем непереносимым в пору равноденствия, придуманную на мою погий-бель. Однако к вещам приятным следует отнести то, что по прибытии в Аликанте можно пересесть па поезд и через день оказаться в Мадриде,— и это вместо того, чтобы три дня трястись в сквернейших каретах по Самым чудовищным рытвинам, какие только можно вообразить. Вполне вероятно, что у меня возникнут к Вам на время моего отсутствия некоторые поручения. Впрочем, мы еще успеем о том поговорить — я не люблю строить дальних планов, в особенности же совместных с Вами, ибо Вы, как Вам известно, бывает, их ломаете. Париж по возвращении Вашем будет еще совершенно безлюден. Кое-кто, я знаю, собирается уезжать, но возвращаться, насколько мне известно, кроме Вас, не собирается никто. Деревья все пожухли, персики вот-вот кончатся, а виноград сделался уже совсем безвкусным. Ежели у Вас там, в Дофине, бывали к столу ортоланы, Вам не доставит удовольствие дичь, какую Вы сумеете найти в Париже. Что же до меня, я избавился от греха чревоугодия, никогда более не испытываю чувства

голода и не обращаю внимания на то, что ем. О Париже я сожалею лишь потому, что мог бы тут увидеть Вас. Потому этот город так меня и притягивает. Прощайте; Вы еще успеете написать мне сюда — я здесь пробуду до 27-го. Я представляю себе — подумайте о чем возмечтал!— как Вы преподнесете мне сюрприз и приедете 26-го.

207

Мадрид *, 21 октября 1859.

Я был безмерно счастлив, получив Вашу записку и в особенности милый Ваш сувенир. Сюда я приехал вконец разбитым — и не по вине моря, которое настроено было довольно благодушно, а из-за всевозможных неприятностей и мелкой суеты, какие возникают обыкновенно перед самым отъездом. Ваше письмо, прибывшее в Мадрид раньше меня, усердием друзей моих на несколько дней затерялось, и вернуть его по назначению оказалось делом непростым. Здесь за это время произошли большие изменения. Дамы, которых я помню стройными, как веретено, превратились в слоних, ибо в мадридском климате полнеют, как нигде. Так что готовьтесь к тому, что и я на треть раздамся вширь. Правда, я совсем ничего не ем и чувствую себя неважно; холод стоит со-

бачий, время от времени принимается дождь, солнце проглядывает редко, и днем я почти все время провожу в Карабанчеле. По вечерам мы бываем в Опере, где упадок царит полнейший. А нынче утром я приехал в Мадрид на заседание Академии с тем, чтобы завтра вновь возвратиться в деревню. Нравы тут заметно изменились, и политический курс вместе с парламентской системой как нельзя более исказили самобытную физиономию старушки Испании. Говорят все сейчас только о войне [2]. Честь нации требует отмщения, и всеобщий в связи с этим энтузиазм напоминает времена крестовых походов. Бытует мнение, что англичане не только с неудовольствием относятся к африканской экспедиции, но даже собираются помешать ей. И это удваивает военный пыл. Армейские чины жаждут осадить Гибралтар, взяв перед тем Танжер. Однако ж это не мешает тому, что на бирже спекулируют вовсю, и меркантилизм возрос невероятно со времен моего последнего визита сюда. Вот вам еще одно веяние из Франции, весьма гибельное для этой страны. В понедельник ходил на бой быков, от которого не получил почти никакого удовольствия. К несчастью, я слишком рано познал безупречную красоту и потому после Монтеса [3] не

могу видеть вырождающихся его преемников. И животные выродились так же, как люди. Боевые быки превратились в племенных, и спектакль стал слишком смахивать на бойню. Я взял с собою своего слугу, потрясенного в той мере, в какой и положено дебютанту,— целых два дня после боя он в рот не брал мяса. Единственное, что произвело на меня прежнее впечатление,— это музей \ Каждая встреча со знакомой картиною казалась мне свиданием со старым другом! Хоть они не меняются! На той неделе собираюсь поехать в Ламанчу посетить прежний зам к императрицы [5]. Оттуда проеду в Толедо и покопаюсь в старых книгах на распродаже, о которой мне сообщили; в Мадрид возвращусь в конце месяца Сколько могу, пытаюсь изыскать возможность вернуться в Париж і 15 ноября.

Прощайте.

208

Канны, 3 января I860,

Желаю, чтобы он стал для Вас добрым и счастливым. И очень хотелось бы поделиться с Вами погодою, какая у нас стоит. Покуда я Вам пишу, окна у меня все распахнуты, и это при том, что дует довольно сильный северный ветер, покрыв-

ший все море веселыми барашками. Спасибо за книги. Кажется, они понравились, так как я получил любезнейшее письмо от Ольги *. Полагаю, что, уступая моим настояниям, Вы немало тому способствовали. В будущем году выбирать будет труднее, ибо список нравоучительной литературы Вы, верно, уже исчерпали. Пишу я Вам в весьма неудобной позе. Три дня тому, рисуя на берегу моря, я подхватил люмбаго, который свалился на меня, точно бомба, без всякого предупреждения. Тут меня всего и скрючило, несмотря на то, что я усиленно натираюсь зверобоем. Солнце — панацея для меня от всех бед, ш я целыми днями пользуюсь его живительными лучами. У нас тут обретается барон де Бюнсен[2] с двумя дочерьми; ноги у обеих длиннющие, как у цапли, но щиколотки — толщиною с геркулесову дубину; одна из дочек, правда, превосходно поет. Барон — человек довольно умный и знает все новости, о которых Вы пишете слишком коротко. Он мне рассказал о полнейшей несостоятельности конгресса[3], что ничуть меня не удивило. Я прочитал брошюру аббата <Дюпанлу> [4], написанную, как мне показалось, скорее коряво, нежели зло. Все у него так шито белыми нитками, что в Риме его, верно, почитают просто сорванцом, а уж там-то

хватает и тонкости, и здравого смысла. Тамошние святые отцы вести интригу умеют. Наши же, верные национальному инстинкту, только бесцельно трезвонят, да все невпопад. Сильно насмешило меня его позерство — и уход в катакомбы, и стоицизм мученика, с каким взирает он на предлагаемые ему деньги; вот увидите, в конце концов он еще станет их требовать.

Расскажу Вам одну милейшую местную историйку. Некоего фермера из окрестностей Грасса нашли мертвым в овраге, куда он ночью свалился или был сброшен. Другой фермер пришел к приятелю моему и заявил, что этого человека убил-де он. «Как? И зачем?» — «А затем, что он наслал порчу на моих баранов. Тогда я пошел к моему пастуху, и он дал мне три иголки; я бросил их в горшок с кипящей водой и сказал над горшком заклинание, которому он меня выучил. Вот тот и помер в ту •самую ночь, когда я поставил горшок на огонь». Не приходится удивляться, что в Грассе, на Соборной площади, сожгли мои книги [5].

Во вторник на той неделе я собираюсь, несмотря на местные обычаи,, поехать на несколько дней в эти края. Меня уверяют, что там множество разнообразнейших памятников и восхитительные горы. Я привезу Вам оттуда душистой акации,

если Вы все еще любите ее запах. Прощайте, любезный друг, я совсем скрючился, написав Вам эти три страницы. А все потому, что пишу лежа, опершись на локоть, и малейшее движение отдается у меня в спине. Еще раз прощайте. И еще раз благодарю Вас за книги.....-

209

Канны, 22 января 1860.

Ваше письмо я нашел, возвратившись из-за города, а вернее сказать, из деревни, где я провел неделю близ вечных снегов. И хотя плато расположено очень высоко, от холода я не страдал. Меня окружали там прекрасные скалы, водопады, пропасти; я видел громадную пещеру с подземным озером, протяженность которой никому не известна, она вполне может служить обиталищем альпийским гномам и чертям; есть там и другая большая пещера, в три километра длиною, где для меня устроили фейерверк. Словом, я провел целую неделю, наслаждаясь первозданной природою. Но оттуда я вывез мучительнейшие боли и теперь, вот уже два дня, лежу только на боку, не в силах ни спать, ни есть. Машина, я вижу, совсем испортилась и гроша ломаного теперь не стоит. Надеюсь, Вы не испытываете более ничего подоб-

ного и приступы лихорадки уже Вас не мучают. Раз Вы об этом не пишете, я полагаю, что Вы излечились вполне. Днем я пытаюсь притерпеться к боли, и это неплохо мне удается, но ночью силы покидают меня и страдаю я невообразимо.

Вы не сообщили, во что обошлись Вам высоконравственные книги, которые Вы посылали барышням де Лагрене \ Хотелось бы думать, что Вы не преступили рамок благоразумия, присущего Вам во всех торговых делах. Возможно вскоре мне придется попросить Вас еще об одном одолжении.

На днях мне дали прочесть памфлет моего собрата Вилльмена [2], оказавшийся верхом пошлости. Когда пытаешься написать книгу против иезуитов, когда громогласно защищаешь свободу совести от всемогущества церкви, смешно вдруг петь «осанну» и приводить в оправдание столь хилые аргументы. Сдается мне, что мир решительно потерял рассудок; и только наш император, подобно средневековому пастуху, завораживает волков звуками волшебной флейты. Из Парижа мне написали — и вполне серьезно, что Французская Академия, впитавшая в себя за последние несколько лет дух вольтерианства, собирается избрать в -свои члены аббата Лакор-

дера[3], протестуя тем самым против диктата папы. По сути дела все это мне глубоко безразлично. Им ведь никогда не удается заставить меня слушать их проповеди, так что пусть себе и в Академию избирают хоть всю эту братию подряд.

Прощайте.

210

Канны, 4 февраля 1860.

Вы вогнали меня в полнейшее смущение, напомнив о дне Святой Евлалии [4],— я о нем и думать забыл. В самом деле, это не то 11-го, не то 12-го. Я с величайшей признательностью принимаю Ваше любезное предложение, но я не большой знаток византийских поделок и боюсь, как бы такая вещицД не оказалась для моей кузины слишком броской. Надобно помнить, что она совсем не выходит и одевается согласно своему почтеннейшему возрасту. Быть может, Вы имеете в виду серебряные с чернью серьги или булавки, какие делают на Кавказе, как, впрочем, и в других местах. В конце концов, я даю Вам полнейшую свободу, но при соблюдении следующих условий: 1) вещица должна быть не слишком броской, не слишком новомодной и не слишком легковесной; 2) она должна стоить не многим

более ста франков, но выглядеть дороже; 3) и наконец, это не должно Вам причинить слишком больших хлопот. Я уверен, что поручение мое Вы исполните с присущей Вам тщательностью и скромностью, и заранее от души благодарю Вас. Я теперь только вдруг понял одну вещь — я ведь никогда не поздравлял Вас с днем ангела. Когда это? И главное, какое Вы носите полное имя? Мне кажется, оно должно быть либо лютеранским, либо и вовсе еретическим. Но кто святая Ваша покровительница, евангелистка или баптистка? И когда ее праздник? Вы догадываетесь, что я хочу Вам сделать сюрприз, а это, разумеется, дело нелегкое.

Я лежу сейчас у себя на диване, совсем больной. Стоит мне сесть, как бок начинает жечь так, словно к нему приложили горячий утюг. Доктор Мор [2] советует мне натираться болеутоляющей мазью, однако ж и она нисколько не помогает.

Я жду двух друзей[3] своих, которые должны приехать сюда на недельку, и умираю со страху, как бы не испортилась погода. Сейчас солнышко светит восхитительно, но нынче — исключительный год, и полагаться нельзя ни на что. Вчера поднялся такой ледяной ветер, что, казалось, он дует прямиком из Сибири. Я, равно как и Вы,

нахожу, что положение в политике сложилось презанятное. Ярость некоторых людей наполняет радостью мою душу. Прощайте; в будущем месяце я снова Вас увижу. А покуда я — в меланхолии, болезни и скуке. Я теряю зрение и не могу больше рисовать, даже когда здоровье мне позволяет. Как, однако ж, грустно стареть!

Прощайте.

211

Канны, 21 февраля 1860.

Ко мне приехали погостить двое друзей *, и обязанности чичероне, связанные с долгими прогулками, отняли у меня все время и не позволили ответить Вам немедля. Впрочем, письмо от моей кузины [2] касательно византийских аграфов я получил лишь третьего дня. Передаю дословно ее оценку. Она находит, что аграфы прелестны, слишком прелестны для нее, я уж совсем ей не по возрасту. Однако ж, сочтя приговор чересчур суровым, она добавляет, что на днях заказывает платье специально под наши аграфы. Если Вы не удовлетворены вашим успехом, это лишь означает, что у Вас трудный характер.

Я по-прежнему более или менее в том же состоянии, иными словами, чувствую себя довольно

паршиво. С одной стороны — насморк, с другой — ревматические боли в сердце, чрезвычайно странные и неудобные, ибо ходить они мне не мешают и беспокоят лишь, когда я сижу. Вот во что обходятся занятия рисунком на берегу моря после захода солнца. Погода у нас оставляет желать лучшего. Солнца хватает вполне, но воздух холодный, а по утрам и вечерам иной раз задувает вдруг с Альп пренеприятнейший ветер. Никогда еще я не видел на них столько снега — от основания до вершины. Нынче утром снег ?ыпал на горе Эсте-рель и даже несколько снежинок упало на площадь перед моими окнами. Это — вещь, неслыханная в Каннах; даже старики ничего подобного припомнить не могут. Единственным для меня утешением служит то, что Вам там, на Севере, много хуже. Газеты, где сообщается, что температура 10° ниже нуля, что в Лионе и {$аленсии выпал снег высотою в три фута и пр. и пр., повергают меня в дрожь. Меж тем мне предстоит покинуть сей оазис и отправляться коченеть в Париж. В путь я думаю пуститься на той неделе, но коль скоро по дороге мне придется еще останавливаться и осматривать памятники, я не успею возвратиться к заседанию, где будет присутствовать император, и которое из-за

моего отсутствия, несомненно, много потеряет. Приеду я, по всей вероятности, 3 или 4 марта и надеюсь Вас застать в добром здравии. Не извольте сомневаться — свидание с Вами доставит мне подлинную радость. Пишите* в Марсель, до востребованья. Возможно, на день-два я съезжу в Ниццу, дабы составить собственное мнение о присоединении [86], а потом вернусь сюда укладывать чемоданы. Вы не прислали мне счета, боюсь, он окажется весьма внушительным, но каков бы ни был в аграфах металл, выглядят они дорого. Я, однако ж, надеюсь привезти кое-что, что позволит мне* все оплатить[87], не распродавая книги. К слову сказать, нет ли у Вас моего «Путешествия в Азию» г. де Гобино[87]? Мы тут перевернули весь дом, но так этой книги и не нашли. Если она у Вас, сохраните ее. Третьего дня я водил моих друзей к Гарданнскому мосту — это естественный моет* между скалами на самом конце мыса Эстерель. Через небольшое отверстие Вы попадаете в грот и, выбравшись оттуда через другое отверстие, оказываетесь в открытом море. В тот день в море словно бес вселился, и грот напоминал бурля-

86 notes: 86
«Как он поступит?» (англ.).

87 notes: 87
«Христианство и человечество» (англ.).

щий котел. Матросы побоялись рисковать, и нам осталось лишь походить у обрыва. Картина была восхитительнейшая и по колориту, и по экспрессии. Прощайте; берегите себя и не слишком часто выходите вечерами.

212

Парижг
воскресенье вечером, 11 марта 1860.

Ваш парижский воздух слишком тяжел для меня, да к тому же я постоянно мучаюсь мигренью. Я никого еще не видел и по вечерам не решаюсь выходить. Мне кажется, что наносить визиты в десять часов вечера — вещь, решительно из ряда вон выходящая.

Мне по-прежнему неизвестна судьба книги друга моего г. де Гоби-но [a] - она так и осталась на Вашей совести. Посоветуйте, что почитать. Мне это очень теперь нужно. В Каннах я прочел один из романов Буль-вера [2]: «What will he do with it?» ** Сочинение это мне показалось до» крайности стариковским. Попадаются там, однако ж, кое-какие приятные сценки и весьма верные мысли о морали. Что же до героя и героини, они превосходят все, дозволенное в жанре буффонады. Куда более меня позабавило творение г. де

Бюнсена [86] о возникновении христианства, а говоря точнее, обо всем понемногу. Но называется это «Christianity and Mankind[2]* и содержит в себе семь томов, от семисот до восьмисот страниц каждый. Г. де Бюнсен мнит себя ревностнейшим христианином и пинком ноги разделывается и с Ветхим и с Новым заветом.

Мне «казали, будто на одном из последних маскарадов появилась дама, имевшая смелость надеть костюм 1806 года, без кринолина, и будто бы впечатление это произвело громаднейшее.

213

Париж 4 апреля 1860.

Вчера мы ощутили первые признаки возвращения весны. Это тотчас придало мне силы, и я почувствовал себя так, будто снова родился. Мне даже показалось, что я вдыхаю воздух Канн. А нынче уже опять серо и темно. Мне так нужно было бы Ваше присутствие, дабы терпеливо сносить тяготы жизни. Она же, по-моему, что ни день, становится все тоскливее. И мир сделался слишком уж глуп. Всеобщее невежество, отличающее наш просвещенный век, как он сам себя величает,

---

86 notes: 86
«Как он поступит?» (англ.).

поистине поражает. Не осталось никого, кто хоть чуточку знал бы историю.

Надобно бы Вам прочесть речь Дюпена[2]; она сильно меня позабавила .....

Так я и не мог отыскать Гобино и понимаю почему — как и Вы. Третьего дня у Потье[3] я сам себе сделал подарок. Купил несколько превосходнейших старых книг и кое-что из современных, восхитительно изданных. Читали ли Вы «Голландские мемуары» [4], приписываемые госпоже де Лафайет? Они весьма занимательны. Когда Вы вернетесь, я дам их Вам под залог. Переплетена эта вещь у Бозонне[5]. Я заказал себе черное венецианское домино с кружевной baretta * или чем-то в этом роде, по рисунку, привезенному мною из Венеции,— я вам его показывал. С самого возвращения моего я проявляю в это злополучное время года необыкновенный интерес к погоде.....

214

Суббота, 14 апреля 1860.

Начиная с Пасхи я веду жизнь весьма рассеянную — два раза выезжал на балы и что ни день ужинаю в городе. Бал [4], на который я собирался надеть пресловутое домино с венецианской baretta, перенесли на 24-е, потому что в Испании

нынче проходит суд над сообщниками Ортеги[2], а двое из них принадлежат к семье императрицы. Если их расстреляют,— что вполне отвечает обычаям этой страны,— думаю, бал отменят «овеем, и я останусь с носом в своем чудесном домино. Я множество раз встречался с Ортегой, который, замечу в скобках, очаровательный малый, баловень мадридских прелестниц. Однако ж у меня есть большое опасение, что ему не выпутаться. Но когда речь идет о красивых юношах, лекарство, говорят, находится всегда.....

аппликацией (ит.).

215

Вторник вечером, 1 мая 1860~

Бал в особняке Альбы[1] был поистине великолепен. Превосходные* костюмы, множество хорошеньких женщин, выказавших достойную нашего века дерзость. 1. Оголены дамы были сверх всякой меры — и сверху, и снизу. Благодаря этому я увидел немало прелестных ножек и еще больше подвязок, мелькавших в вихре вальса. 2. Пора кринолина переживает упадок. Поверьте, через два года платья станут короткими, и те, у кого хватает природных достоинств, тотчас выделятся среди тех, у кого эти достойнетва

искусственны. Среди англичанок попадались персонажи немыслимые. Дочь лорда <Каули) [2], очаровательная девушка, оделась нимфою, дриадою или чем-то еще мифологическим; ее костюм оставлял бы обнаженною всю грудь, когда бы не спасавший положение кусочек материи. Это произвело на меня впечатление почти столь же сильное, как и декольте ее мамаши, вырезанное так, что достаточно было взглянуть на нее, чтобы увидеть все до пупка. В балете «Стихии» выступило» 16 женщин, все довольно миловидные, в коротких юбочках и неимоверном количестве бриллиантов. Наяды напудрены были серебряною пудрой, которая, падая им на плечи, создавала иллюзию капелек воды. А саламандры были напудрены пудрою золотой. Была там поразительная красавица — мадемуазель Эразю. Принцесса Матильда [3] оделась нубийкою, выкрасив кожу темнобурою краской; пожалуй, туалет ее слишком уж точно воспроизводил национальный костюм. В разгар бала некто в домино поцеловал мадам де С<ерлей>, которая истошно завопила. Столовая с галереей вокруг; слуги в костюмах пажей XVI века, электрическое освещение — все это создавало картину Валтасарова пира, изображенного Мартином[4]. Напрасно

император менял домино — его узнавали тотчас. Императрица была в белом бурнусе и черной полумаске, которые тоже ничуть ее не изменяли. Вообще домино было много, и почти все выглядели по-дурацки. Герцог де <Дино> [5] изображал собою дерево, и надо сказать, весьма похоже. Но мне думается, что после истории с его женою не стоило ему так привлекать к себе внимание. Если Вы об этой истории не слыхали, вот она в двух словах: жена герцога[6], одна из девиц <Сент~ Альдегонд) (ее мать, замечу в скобках, должна была, как мне говорили, стать моею крестной), отправилась к Бапету[7] и взяла у него убор стоимостью в шестьдесят тысяч франков, сказавши, что если он ей не подойдет, она пришлет его на другой день. Однако ж она ничего не прислала — ни денег, ни убора. А когда Бапст попросил свои бриллианты назад, ему ответили, что они отбыли в Португалию; в конце концов их нашли в Мон-де-Пьете[8], откуда герцогиня де <Дино> выкупила их за 15 тысяч франков. Случай этот делает честь и женщинам, и эпохе! А вот Вам другой скандал. На бале у г. д'Алигра одну даму схватил за руку и сжал black and blue * ее муж, не столь ветвистый, как г. де

<Дино), но гораздо свирепее его. Дама закрича-

ла и упала в обморок — обыкновенное явление! Но ревнивца не выбросили в окно, хотя это было бы единственным разумным поступком.

Прощайте.

216

Суббота, 12 мая 1860.

Поздравляю Вас с хорошей погодою и солнышком. Здесь льет дождь не переставая. А когда дождя нет, стоит влажная жара. Воздух напоен грозою, и людям нервным, вроде меня, так же покойно, как скрипичным струнам, попавшим в огонь. В довершение всех бед я вынужден оставаться тут до окончания сезона, которому пока еще и конца не видно. Вот Вы и получили подробнейшие сведения о моих планах; хотел бы я знать, так же ли хороши и Ваши, но покуда не имею о них ни малейшего понятия. На этих днях случилась тут презабавная историйка: г. Буатель[1], префект полиции, человек, который должен быть информирован лучше всех в Париже, узнал от верных агентов, что Государственный министр г. Фульд[2] отправился ночевать в дом, который он недавно для себя построил в предместье Сент-Оноре. На другой день рано утром префект заехал туда и, с чувством пожав министру руку,

выразил ему свое сочувствие по поводу того, что произошло. Г. Фульд подумал было, что речь идет о проказах его сына, находящегося в Англии. Недоразумение длилось еще некоторое время, пока префект не спросил у г. Фульда имени его преемника. Г. Фульд ответил на это, что он приехал отпраздновать новоселье в свой новый дом и, решив не тратить времени на дорогу в министерство, остался здесь ночевать. Здешние карлиеты в отчаянии от несостоятельности Монтемолина[3]. Вполне возможно, что он дожидался расстрела Ортеги, чтобы объявить об отречении, ибо находился во власти столь исключительного явления, как страх. А ведь благороднее было бы поспешить, и никого бы тогда не расстреляли. Остался еще один брат в Лондоне; он пока не отрекается и к тому же у него есть дети; вовут его <Хуан-Карлос), а женат он на дочери герцога <Моденского). Он обманом выманил у жены бриллианты и с помощью этой добычи содержит горничную оной. Что и говорить, во вкусе ему не откажешь. Сдается мне, что Ламорисьеру[4] порядком надоело уже одолевать препоны, встречающиеся ему в папских владениях. Кардинал Антонелли [5] не так давно в беседе с одним иноземным посланником говорил, что никогда не

встречал человека, достойнее Ламорисьера: «Я описал ему обстоятельства, и он тотчас нашел пять или шесть решений проблемы; к тому же он так блестяще говорит, что за какой-нибудь час изложил мне четыре совершенно различных мнения по одному и тому же вопросу, притом все они были аргументированы столь убедительно, что я прямо-таки растерялся перед многообразием выбора». У нас тут все крайне озабочены экспедицией Гарибальди[в] и опасаются, как бы в результате не осложнилась обстановка вообще. Я думаю, что г. де Кавур[7] не слишком бы рассердился, когда бы Гарибальди сломал себе в Сицилии хребет; но вот если ему повезет, он станет в десять раз опасней. Вы, верно, удивлены будете, узнав, что я работаю — пишу, как в лучшие времена. При встрече* расскажу, какое странное обстоятельство заставило меня стряхнуть застарелую лень. Описывать это было бы слишком долго, но на сей раз речь идет о непривычных для Вас произведениях. Прочтите книгу Гранье* де Кассаньяка о жирондистах[8]. Есть в ней куски прелюбопытнейшие; встречаются страшные описания резни и прочих революционных глупостей, к тому же она написана со страстью и подлинным вдохновением.

Три дня тому был у меня с визитом г. Фейдо[9], который оказался весьма красивым юношей, но слишком уж наивным в своем тщеславии. Он направляется в Испанию, дабы восполнить то, что упустили Сервантес и Лесаж! У него готовы замыслы множества романов — никак не менее тридцати, действие которых он собирается развернуть в тридцати различных странах, а посему он путешествует.

Прощайте; я неотступно думаю о вас, несмотря на все Ваши недостатки ....

217

Замок Фонтенбло [i]y 12 июня 1860.

Почему Вы не написали мне? А должны были бы это сделать — и по множеству причин. Меня тут задержали до конца недели. Я от души надеюсь застать вас в Париже, ибо Вы, наверное, продлите Вашу сельскую жизнь, если вы так же страдали от погоды, как и мы. Однако ж в паузах между дождем мы совершили несколько приятнейших прогулок по лесам; все кругом — однотонного цвета спаржи, что, при отсутствии солнца, со-здает весьма унылое впечатление. Встречаются тут и скалы, и вересковые пустоши, прелестью которых можно было бы наслаждаться, гуляя по ним

вдвоем и беседуя о самых разных вещах, как мы это с BaMff умеем; но мы отправляемся на прогулку длинною вереницей шарабанов, и далеко не всегда попадаются подходящие спутники, которым приятно друг с другом беседовать. Впрочем, не сыскать республики, где бы дышалось свободнее, равно как не сыскать и более гостеприимных хозяев замка. Но, со всем тем, в сутках — 24 часа, из коих по меньшей мере четыре приходится проводить в лосинах, что несколько тягостно уже теперь, когда все размякли и дурные привычки прочно вошли в нашу жизнь.

В первые же дни после приезда я схватил чудовищный насморк. Однако как Господь, жалея стриженую овцу, не дает разгуляться ветру* так и меня с той поры, как я начал кашлять, отпустили все мои боли.

Я ни на минуту не допускаю мысли, что Вы меня не дождетесь. Нелепо было бы ехать на море, прежде чем установится ясная, а главное, теплая погода. Призовите Ваших друзей к терпению; у меня тоже его предостаточно и хватает на то, чтобы сотни раз повторять одно и то же человеку, который решительно не желает прислушиваться к моим словам.

Прощайте.....-

218

Париж, воскресенье вечером, июля>

Письмо Ваше я получил нынче утром. И узнав, что море неспокойно, стал меньше расстраиваться из-за того, что сижу в Париже. Но ведь не может же мерзейшая погода эта длиться вечно — правда, в газетах каждый день обещают временами солнце.

Конца нашей сессии не видно \ и это страшно меня злит. Я изыскиваю возможность улизнуть, но ничего не получается — слишком я заметен, а потому приходится стоять на якоре. Однако ж все это вовсе не означает, что если бы меня согласились подождать и попросили, я не был бы готов проехать пятьдесят лье, чтобы отобедать с Вами; вот я и беру на себя смелость наисмирнейше внушить это Вам. Уехав так рано, Вы лишите себя великолепного спектакля [2] и возможности увидеть меня in fuocchi [88] и в черных перчатках на улице Риволи, среди толп поклонниц. Не знаю, сколько вакантных мест откроется после этой пышной церемонии среди нашей братии, но боюсь, что выиграют от нее только могильщики.

---

88 notes: 88
с бантами (ит.).

Третьего дня явилось тридцать тысяч человек окропиться святой водою и еще больше их пожаловало сегодня. Из этого наинаглядней-ше видно, сколь много в великой нашей нации праздных зевак. Она куда глупее в целом, чем это принято считать, и это еще мягко сказано.

Орлеанисты утверждают, что г. Бренье [3] явился жертвою не слишком покладистого мужа; мне, однако ж, сие представляется маловероятным, принимая во внимание громадный его живот. Скорее думается, что лаццарони [4] вознамерились таким образом отомстить за своего поруганного короля. Либералы, жаждая возмездия, принялись убивать полицейских комиссаров, чем оказали г. Бренье неоценимую услугу. Северные итальянцы в живости чувств много уступают неаполитанцам. По словам Стендаля, им присущи и логика, и здравый смысл, тогда как неаполитанцы походят на дурно воспитанных двенадцатилетних детей. Возможно нынче осенью мы увидим превосходные тому примеры — ради этого стоило бы вместо Африки поехать туда. Мечтаю увидеть Вас. тогда, когда Ваша гостиная наполнится диковинками, вывезенными из путешествия, и Вы появитесь в пестром халате и домашних туфлях без каблука. И Вы, наверное, затоскуете по парижской грязи.

Впрочем, я не хочу пока говорить о Вашем путешествии. Может произойти еще множество событий, которые заставят Вас изменить планы. Мои— Вам известны [5]. До конца июля я пробуду в British Museum; потом заеду на несколько дней в Бат, а затем — в Шотландию, где дождусь начала сентября и приглашения от Вас.

Прощайте.

219

Париж, четвергу 12 июля 1860.

Вот теперь, сдается мне, погода наконец установилась. Уеду я, по всей: вероятности, в начале будущей недели. И, если Вы решите вдруг в первых числах августа съездить на берег моря повидаться с леди ***, надеюсь, Вы соблаговолите сообщить мне об этом. Воображаю, как хороша нынче английская природа и как приятно было бы провести несколько дней у Вашей подруги, гуляя, любуясь морем, лакомясь креветками и сидя за чашкою чая перед распахнутыми окнами. Я все еще немного нездоров. Вчера в особенности мне было очень не по себе. Однако ж мой новый друг неотлучно составляет мне компанию. Я имею в виду воспитанника моего — совенка, натуру чувствительную чрезвычайно. После ужина

я его выпускаю, он летает по моей спальне и, за неимением мелких птичек, весьма проворно хватает мух. Физиономия у него презабавнейшая, и всем своим видом и необыкновенно важным выражением он походит на надутого, чванливого человека. Похороны были ужасны Ч Битых два часа шли мы от Пале-Рояля до Инвалидов, затем отстояли мессу, а затем выслушали надгробную речь аббата Кёра[2], в которой он превознес принципы восемьдесят девятого года, говоря, что наши солдаты готовы голову сложить в защиту папы. К этому он добавил, что Наполеон Первый был противником войны, но его то и дело вынуждали защищаться. Самым прекрасным во всей церемонии был «De profondis»,. доносившийся снизу, из склепа, сквозь завесу из черного крепа, отделявшую нас от гробницы. Мне кажется, будь я музыкантом, я воспользовался бы восхитительным эффектом звука, приглушенного материей, и употребил бы его в каком-нибудь пышном оперном спектакле. В Париже совсем уже никого не осталось. По вечерам на Елисейских Полях можно послушать музыку Мюзара [3]; там встречаются вперемешку и прекрасные дамы, и лоретки, и отличить их друг от друга почти невозможно. Кроме этого в цирке можно посмотреть дресси-

рованных собачек, которые, перебирая лапами, стараются удержать шары, лежащие на наклонной плоскости. Наш век теряет всяческий вкус к развлечениям интеллектуальным. Прочли ли Вы книгу, которую я давал Вам, и развлекла ли она Вас? «История госпожи де ля Гетт» [4] нравится мне больше «Голландской еврейки»[5], где попадаются вещи, которые должны были бы Вас покоробить. Меня просят порекомендовать какой-либо английский роман для больного, который ничего другого не читает. Быть может Вы мне что-нибудь посоветуете. Я только что состряпал большущий отчет о Парижской библиотеке ®. Он-то, думаю, меня и доконал. Я трачу время, вмешиваясь в то, что не имеет ко мне ни малейшего отношения, а на меня взваливают еще и чужие дела. Порой мне хочется успеть перед смертью написать роман, однако ж то мужество меня покидает, то, когда вдруг появляются творческие силы, меня принуждают исполнять дурацкие административные обязанности. До отъезда я обязательно напишу Вам.

Прощайте.

220

Лондон, British Museum, 20 июля 1860.

В высшей степени любезно с Вашей стороны не подавать никаких признаков жизни и не написать мне до моего отъезда ни единого слова. Я не прощу Вас, покуда мы не увидимся. Бесчисленные препятствия задерживали меня, и я сумел выехать лишь вчера утром, при отвратительной погоде. Меж тем на море я вел себя довольно героически и был почти единственным, кто не отдавал душу пенящимся волнам. Погода тут оказалась такая, какая бывает в Париже во время затмения. Мне .всегда требуется какое-то время, чтобы привыкнуть к специфическому лондонскому освещению. Кажется, будто свет здесь просачивается сквозь пелену темного газа. Освещение это и незашторенные окна будут раздражать меня еще в течение нескольких дней. Зато я ублажаю себя множеством вкуснейших вещей: ужинаю и обедаю, точно великий обжора, чего давно уже со мною не случалось. Единственно,, я сожалею о том* ^то нет тут моей совушки, которая по вечерам играет у меня на ковре, словно кот, которого Вы когда-то знавали. Уверяю Вас, существо это прелестное, уж разум у нее

намного превосходит ее собственные размеры, ибо вся она не больше моего кулака. Мне необыкновенно важно .подробнейшим и точнейшим образом знать до конца текущего месяца, как скоро намереваетесь Вы возвратиться в Париж, сколько времени там пробудете и когда думаете ехать в Алжир *. Свои планы я буду строить в зависимости от Ваших. Мне нет нужды говорить, что всецело от Вас зависит, когда я уеду из Шотландского нагорья и поеду ли я туда вообще. Но не думайте и, главное, не делайте вида, будто думаете, что это •будет с моей стороны жертвой. И стоит Вам сообщить, что Вы — в Париже, как я завтра же туда вернусь. В намерениях своих руководствуйтесь ■тем, что я пробуду здесь до 30-го.

Прощайте; я решительно на Вас сердит.

221

Среда вечером, 1 августа 1860, 9_{y}South Parade$_{f}$ Bath.

Перед отъездом из Лондона я купил для Вас синюю вуаль. Очень хотелось Вам написать, но министр завалил меня поручениями, и с Вашей стороны явилось бы актом милосердия помочь мне их исполнить. Платья, шляпы и ленты я выбирал самые затейливые, какие только мог

отыскать. Боюсь, как бы французские собаки не бросились на несчастных, которые решатся надеть эти прекрасные выбранные мною вещи; я на Вас сердит за решительный отказ совершить путешествие в Англию, покуда я здесь. Сие Вас не привлекает. Меж тем Вы чувствуете, что ради того, чтобы повидаться с Вами до Вашего отъезда, я готов немедля распрощаться и с горными красотами, и с вересковыми пустошами. Пусть, расставаясь так надолго, мы сохраним хотя бы воспоминание о счастливом миге. ....

Неделю целую я вел жизнь, которая запалила бы и чистокровного коня — весь день в бегах, shopping and viiting [89], по вечерам — непременные ужины в особняках у местной знати, где подают одни и те же блюда и встречаются всюду почти одни и те же физиономии. Имена хозяев немедля стираются из моей памяти, притом что в белых бабочках и во фраках все англичане кажутся мне на одно лицо. Ненавидят нас тут вовсю и еще больше боятся. Нет ничего забавнее внушаемого нами страха, который они даже не дают себе труда скрывать. Местные добровольцы еще глупее наших национальных гвардейцев в 1830-м,

---

89 notes: 89
по магазинам и с визитами (англ.).

ибо в этой стране ко всему относятся серьезнее, чем где бы то ни было. Я знаю одного милейшего господина, который, будучи семидесяти шести лет от роду, ежедневно проделывает целый набор упражнений в шароварах, какие носят зуавы. Совет министров не имеет влияния вовсе и сам не знает, чего хочет, равно как и оппозиция. Правда все — и важные персоны, и мелкие сошки — сходятся на том, что мы желаем все прибрать к рукам. В то же время не найти никого, кто не чувствовал бы, что война невозможна, ибо нельзя же прибрать к рукам три королевства. Мне не очень понравилось письмо императора к г. де Персиньи \ Думается, лучше было бы совсем ничего не говорить или же сказать то, о чем я твержу им каждый вечер, то есть что они чудовищно глупы. Советую как можно скорее мне ответить, ибо я пребываю нынче в глубокой меланхолии и нуждаюсь в утешении. В Лондон я вернусь в будущий понедельник. Пишите мне: 18, Arlington street, в доме г. Эллиса. Долго я у него не задержусь и без промедления выеду в Гленкойх, вероятно вместе с ним. Этот же городок совершенно очарователен. Дыму в воздухе немного и всюду вокруг — зеленые, лесистые холмы. К тому же здесь не очень холодно. Живу я у друзей,

людей разумных, и местные купанья действуют на меня благотворно.

Прощайте.....

222

8 августа 1860 г., Лондон, 18, Arlington street.

Ваше письмо я получаю прямо в дверях, перед самым отъездом в Гленкойх. Нет нужды говорить, что оно не принесло мне ни капли радости. Однако ж я ничуть Вас в том не упрекаю. И занят я в настоящую минуту лишь поисками возможности с Вами проститься. Но и Вы тоже постарайтесь сделать что-нибудь, высвободить хоть немного времени. Я не теряю надежды, что, взявшись за дело вдвоем, мы сумеем увидеться и провести вместе несколько часов. Чем больше я думаю о Вашей поездке в Алжир, тем большим безумием она мне представляется. Сложность положения на Востоке совершенно очевидна, и каждую минуту обстановка грозит осложниться еще более; брата Вашего могут срочно отозвать телеграммою, и Вы окажетесь в весьма затруднительном положении, оставшись одна среди Ваших арабов. Мне представляется весьма вероятным, что высадка

французов в Сирии повлечет за собою — повею[90] ду на Востоке — разгул грабежа и резни. Кроме того похоже, что в турецких провинциях в Греции, иными словами, в Фессалии, Македонии и христианской Албании также произойдет взрыв. Все будет полыхать этой зимою на Востоке. И потому я повторяю: ехать теперь в Алжир мне кажется подлинным безумием. Добро бы был еще для Вас в этом путешествии какой-то особый интерес. Вы уже, сдается мне, о своем ре[90]

шении сожалеете .....

Погода стоит ужасающая. Вчера, впервые после приезда моего в Англию, выглянуло солнце, но нынче утром, просыпаясь, я уже слышал, как дождь хлещет в окно. Барометр стоит совсем низко, и в сотне шагов нельзя ничего разглядеть. Я не совсем понимаю, как будут убирать хлеб при таком ветре, холоде и дожде. В «Таймс» я вычитал, будто в Инвернессе [90], где мне предстоит ночевать в будущий понедельник, выпало четыре фута снега. Достанет ли в Шотландии угля и пледов, чтобы выстоять против стольких бедствий? Но, несмотря на холодную и пасмурную погоду, которая преследовала меня и в Бате, и в окрест-

---

90 notes: 90

«Превосходно прогулялись» (англ.),

ностях его, край мне понравился чрезвычайно. Я любовался изящно очерченными холмами, великолепными деревьями и такой пышной зеленью, какой в других местах и не сыщешь,— разве что в горных долинах Швейцарии. Однако ж все это не стоит Сен-Клу или Версаля в хорошую погоду. Прощайте, друг любезный; я крайне опечален и хотел бы дать волю своему гневу. Но пороху у меня на это нет, ибо я не могу

винить Вас.....

Мой адрес в Гленкойхе, где я буду, правда, лишь через несколько дней: Care of R. Hon. E. Ellice, Glenquoich, fort Augustus.

223

Гленкойх, 22 августа 1860.

У меня нет от Вас никаких известий .....

Выбраться отсюда не так-то просто. Кроме того что вас задерживают хозяева, вам приходится сталкиваться с трудностями жизненными: расписанием пароходов, которые по озерам доставляют вас на конечные станции различных веток железной дороги. Погода у нас почти все время омерзительная, но это не мешает людям выходить. Все настолько привыкли к дождю, что если только он не льет как из ведра, погода

считается подходящей для прогулок. Тропинки порою превращаются в потоки, гор не видно и в ста шагах, но домой все возвращаются со словами: «Beautiful wolk» [90]. Самое в этой стране неприятное — это мошкара, именуемая midges, ядовитая чрезвычайно. Ей весьма по вкусу пришлась моя кровь, а потому лицо и руки у меня все разодраны. Я провожу тут время в обществе двух барышень одна из них — блондинка, другая — рыжая, и у обеих чудесная шелковистая кожа, но бандитки midges все равно предпочитают впиваться именно в меня. Главное наше развлечение— рыбная ловля. Преимущество ее еще и в том, что midges боятся воды и никогда не отваживаются летать над озером. Всего нас тут 14 человек. Днем все разбредаются кто куда. А вечерами, после ужина, каждый берется за книжку или пишет письма. Беседовать, развлекать друг друга разными историями — времяпрепровождение англичанам незнакомое. Очень хотелось бы мне знать что-нибудь о Ваших планах. Ответьте мне на лондонский адрес, как только получите это письмо. Напишите, когда Вы уезжаете, и удастся ли мне проститься с Вами. Я по-прежнему

---

90 notes: 90

«Превосходно прогулялись» (англ.),

уверен, что Вы сделаете все возможное, чтобы накануне Вашего долгого путешествия мы могли бы провести вместе хоть несколько часов. Воздух Шотландского нагорья для меня очень благотворен. По-моему, дышится мне тут гораздо легче, нежели до приезда сюда. Не в силах сдерживаться, я вовсю предаюсь чревоугодию, ибо в туманную, дождливую пору это громаднейшее удовольствие. Наши охотники добывают нам в горах оленей, часто приносят глухарей, да и вообще к столу у нас, что ни день, превосходная птица. Я вздыхаю по постному супу и по одинокому домашнему ужину или же по ужину вдвоем, вместе с Вами, в Сен-Шероне[2] — последнее желание, боюсь, неосуществимо. Не помню, писал ли я, что везу Вам синюю вуаль. И у меня хватило мужества не пользоваться ею, дабы преподнести ее в первозданной свежести. Но когда бы Вы знали, какие бугрищи вздуваются на лице от укусов midges, Вы оценили бы величие духа, выказанное мною. Прощайте.

224

Париж, 14 сентября 1860,

Я получил Ваше письмо, любезный друг. И Вам не разубедить меня в том, будто Вы не могли

уехать из Летаки [1] на один день раньше и провести его в Париже.....

Вот уже десять дней, как я здесь вместе е Паниццци. Я исполняю при нем роль гида и показываю ему все, начиная с кедра и кончая зверобоем. В Париже не осталось ни души, что, впрочем, довольно приятно* Вечера, однако ж, стали тянуться слишком долго.

Мне хотелось бы рассказать Вам о начавшейся тут величайшей неразберихе. Но я и сам покуда ничего не знаю и не понимаю. Мой гость верит, будто папу и австрийцев прогонят. Что касается первого— видима* дела его нынче совсем плохи; касательно же других, сдается мне, что если Гарибальди вмешается, ему не сдобровать. Из Неаполя мне передали весьма философическое высказывание короля[2] перед отплытием* когда каждые пять минут он получал просьбу об отставке от очередного генерала или адмирала: «Пока они кричат, что они — итальянцы и потому не могут воевать против Гарибальди, а через месяц закричат, что они — роялисты и потому не могут воевать против австрийцев». Невозможно вообразить ярость карлистов и орлеанистов. Один довольно рассудительный итальянец мне сказал, что г. де Кавур ввел сардинскую армию на пап-

ские земли, так как Мадзини [3] собрался устроить там революцию По-моему, это похоже на правду. Возможно, Вы наблюдали в Марселе празднества [4]. Мне писали, что это было прекрасно, что восторги марсельцев были на сей раз одновременно сдержанны и бурны и что несмотря на громадное скопление народа и экзальтированность средиземноморцев, порядок был удивительный. Труднее всего, кажется, было устроиться с едой, да и с ночлегом было немногим легче. Меня всегда забавляет наблюдать марсельцев даже в их обыкновенном состоянии, а уж в приподнятом-то они, верно, и вовсе становятся смешными; поэтому, да и еще по некоторым причинам, о коих Вам догадаться нетрудно, я сожалею, что не был в Марселе или где-нибудь поблизости. Паниц-ци, которому на месте не сидится никогда, подумывает совершить недельную поездку в Турин и настаивает на том, чтобы я сопровождал его. Мне хочется ужасно, но не знаю, рискну ли. Согласитесь, что свидание с г. де Кавуром, а может быть и с самим Гарибальди — затея несколько деликатная, а потому, взвесив все «за» и «против», я, пожалуй, мудро устранюсь. Как только Вы обоснуетесь в Алжире, у меня будет к Вам множество поручений. Вы знаете, какие вещи мне нравятся,

а потому если что-то попадется, не упускайте случая. Особенно я доверяю Вам выбор для меня халата в национальном духе. Мне хотелось бы также, чтобы Вы свели знакомство с туземками и без обиняков рассказали мне все, что видели и слышали.

Моя совушка по-прежнему очень мила, но чересчур нечистоплотна, так что я с нею мучаюсь. Она ужасно сердится, стоит посадить ее з клетку, но на свободе вести себя решительно не умеет; не знаю, право, что и делать. Улетать она не хочет. Завтра я отправлюсь с Паницци к Дидери [5] сниматься на фотографии. И один экземпляр своего портрета непременно пришлю Вам. В Гленкойхе мы пытались уже это сделать, но там всегда так пасмурно, что на фотографии вышла лишь какая-то тень в превосходном, надо заметить, кепи. Вашей фотографией я также не вполне доволен.

Прощайте, друг любезный; последнюю неделю погода у нас стоит вполне сносная, хотя и не очень теплая; однако ж с полудня до четырех «светит солнце, а это зрелище столь для нынешнего года редкостное, что мы почитаем себя счастливцами. Прощайте же, приятного Вам путешествия, берегите себя и время от времени вспоминайте обо мне.

225

17 сентября 1860.

Не теряя ни минуты, спешу сообщить, что получил письмо Ваше от 13-го сего месяца. Вы, как я вижу, жалуетесь, что не получаете писем, не могу только понять, почему. Во всем этом кроется какая-то тайна, объяснения которой я не нахожу. Поздравляю Вас с благополучным прибытием [1]. Мое путешествие не было столь приятным, хотя и заняло, я полагаю, меньше времени, но относится это лишь к марсельским письмам: я полагаю, что во время пребывания императора[2] все совершенно потеряли голову и службы перестали работать вовсе. Один марсельский негоциант, которому я послал письмо со срочным заказом, ответил мне вчера, что из-за праздников у него не было времени. Сдается, что никто нынче не занимается своим делом. Последние несколько дней у нас стоит превосходная погода. Возможно, я воспользовался бы ею, чтобы проститься с лесами, но у меня жил мой друг Паницци. Вчера я отправил его в Турин, где он пробудет всего несколько дней. Вернуться он должен в конце недели. После путешествия в Шотландию я чувствую себя лучше. Сплю вот только плохо. И завидую тому, что

Вам предстоит наблюдать пре любопытнейшее зрелище: арабы, верно, покажутся несколько странными — ну, да, надеюсь получить от Вас подробнейшее описание г сего. Прощайте, друг любезный. И соблаговолите мне ответить тотчас по получении этого письма. Скажите, что Вы думаете делать с потерянными или запаздывающими письмами и укажите, что делать мне с тем небольшим пакетом, который лежит для Вас у меня. Я выжидал и не искал возможности Вам его переправить, ибо уверен, что Вы всенепременно найдете ее сами. Прощайте же и берегите себя хорошенько.

226

Париж, 7 октября I860,

Любезный друг мой, Ваши письма дошли до меня наконец, и я перестал волноваться о судьбе моих. Вы правы, упрекая марсельцев в том, что они решительно потеряли голову, завидев императора. Они умудрились даже потерять два бочонка присланного мне испанского вина — оно простояло в пакгаузе не знаю сколько времени. Марсельский негоциант, который должен был получить их, по простоте душевной написал, что был слишком занят праздниками, чтобы

думать о моем вине, и затребовать его мог, лишь немного отдохнув. Воображаю, сколь ослепила и заинтересовала Вас с первого же взгляда восточная жизнь. Вы очень верно подметили, что на каждом шагу там попадаются вещи комические, соседствующие с восхитительно прекрасными. И правда, восточные люди всегда несколько комичны своею особой важностью, которая придает им сходство с животными, каких мы видели когда-то в Ботаническом саду. Декан[1] весьма точно ухватил это комическое в их облике, а вот величественности красоты их не передал. Я от души благодарю Вас за Ваши описания, однако ж нахожу их недостаточно подробными. Вы пользовались редчайшею привилегией — Вы видели лица мусульманских женщин и не пишете ни слова о том, что мне хотелось бы знать. Выставляют ли они в Алжире, как в Турции, свои прелести напоказ? Помню, я видел грудь матери нынешнего султана так же явственно, как Ваше лицо. Кроме того мне интересен характер их танцев — скромны ли они, а если нет, то в чем? Когда бы Вы меня надоумили^ как передать Вам означенный пакет, я бы это сделал немедля; если же у Вас такой возможности нет, то, проезжая через Марсель, я передам его на первый уходящий па-

кетбот. Я бы очень хотел, чтобы Вы отыскали для меня какую-нибудь вещицу, которая пришлась бы мне по вкусу. Вы знаете, что это может быть, и я полагаюсь на Вашу догадливость. Я ездил на несколько дней в Сентонж [2] и возвратился только вчера. Погода неизменно была прескверною; я потерял голос и заработал ужасающий насморк. К тому же я столкнулся там с людьми, вконец растерянными, горючими -слезами оплакивающими беды святого отца и генерала Ламорисьера[3], Говорят, что генерал Шангарнье [4] составил отчет о кампании, проведенной его коллегою, и, наговорив о нем множество самых высоких слов, убедительно показал, что действовать глупее было невозможно. Единственный, по-моему, среди героев-мучеников, над кем не посмеешься,— ото Пимодан[5], погибший воистину как храбрый воин. Те же, кто принимается изображать из себя мучеников, попав в плен, не более, чем лицемеры, не вызывающие у меня ни капли сочувствия. Впрочем, времена нынче исключительно забавные: приятно поутру узнать из излюбленной своей газеты об очередной катастрофе, прочесть заявление Каву-ра или папскую энциклику. Я увидел, что в Америке расстреляли Уокера[6], и меня удивило это, ибо

его можно сравнить с Гарибальди, которым все мы восхищаемся. Нашли ли Вы в моем портрете сходство с оригиналом? Посылаю Вам более удачный, во всяком случае выражение лица на нем менее зловещее. Я хотел бы сообщить Вам парижские новости, да тут нет еще ни души. Как я завидую тому, что у Вас там -солнце! Если Вы хотите мне дать какие-либо поручения, знайте, что я пробуду в Париже еще месяц, а то и больше. Вы ничего не пишете о тамошней кухне. Есть ли в ней что-нибудь стоящее? Если есть, привезите рецепт. Прощайте, любезнейший друг мой.

227

Париж, 16 октября 1860.

Друг мой любезный, Ваше письмо за № 5 я получил не так скоро, как должны идти срочные письма. Полагаю, что виной тому шквалы, о которых, что ни день, нам сообщает газета. На Средиземном море в нынешнем году они, похоже, частые гости. От души завидую солнцу и теплу, которыми Вы наслаждаетесь. А здесь все время дождь или туман, кое-когда сыро и тепло, а чаще— холодно и всегда до крайности неприятно. Париж по-прежнему совершенно безлюден. Вечерами я читаю, а то и просто сплю. Третьего дня

мне вздумалось послушать музыку, и я отправился к итальянцам. Давали «Цирюльника» *, Музыка эта — самая веселая из всех когда-либо написанных — исполнялась людьми, глядя на которых можно было подумать, что все они, как один, вернулись с похорон. Мадемуазель Альбони[2], представлявшая Розину, пела восхитительно, но нудно, как шарманка. Слушая же Гардони[3], казалось, что перед Вами добропорядочный господин, до смерти боящейся, как бы его не приняли за актера. Будь я Россини, я, по-моему, всех бы их побил. Один Базилио,— имени актера я не помню,— казалось, понимал, что поет. Вы обещали прислать мне точное и обстоятельное описание уймы интереснейших вещей, которые я лишен возможности видеть. Пользуясь привилегией Вашего пола, Вы вхожи в гаремы и можете беседовать с женщинами. А мне хотелось бы знать, как они одеты, чем занимаются, что говорят, что думают о Вас. Вы упоминали также про танцы. Я полагаю, они интереснее того, что можно увидеть на парижских балах, но мне надобно более подробное описание. Постигли ли Вы смысл того, что видите? Вы же знаете, что все, относящееся к истории человечества, представляет для меня громаднейший интерес. Отчего Вы не передаете

на бумаге всего, что видите и слышите?

Не знаю, состоится ли в нынешнем году Компьень. Мне сказали, что императрица, которую я еще не видел, по-прежнему в глубочайшей скорби. Она прислала мне прекрасную фотографию герцогини Альба, снятую более чем через сутки после ее кончины[4]. Кажется, будто она мирно спит. Кончина ее была очень легкою. За пять минут перед тем, как покинуть этот мир, она смеялась над валенсийским выговором своей горничной. Известий от самой госпожи де Монтихо я не получал со времени ее отъезда. И очень боюсь, что бедная женщина этого удара не перенесет. Я завяз в крупных академических интригах. Теперь речь идет не о Французской Академии, а об Академии Изящных Искусств. Один из друзей моих — главный туда кандидат, однако ж Его Величество велел уступить место г. Османну[5], префекту. Разыгрывается свободное кресло академика. Академия негодует и собирается избрать моего друга против его воли. Я поддерживаю друга моего изо всех сил и хотел бы при случае сказать императору, что, вмешиваясь в дело, его не касающееся, он наносит себе тем величайший вред. Надеюсь, я доведу дело до конца, и великий наш правитель получит над-

лежащее число черных шаров [6]. В итальянской эпопее много забавного и,— как говорят в кругу немногих оставшихся здесь честных людей,-** еще больше странного. Мало-помалу начинает появляться кое-кто из мучеников Кастельфидардо[7]. В целом они не слишком высокого мнения о Ламорисьере, который не стал бы героем, когда бы его им не объявили. На днях я видел тетушку одного юного восемнадцатилетнего мученика, который сам сдался в плен. Она сказала, что пьемонтцы обращались с ее племянником ужасно. Я приготовился услышать нечто содрогающее душу. «Представьте себе, сударь, всего через пять минут после взятия в плен бедный мальчик лишился своих часов. Золотых охотничьих часов, которые я ему подарила!».

Прощайте, друг любезный, пишите мне часто. И рассказывайте, что Вы делаете. Да поподробнее.

228

Париж, 24 октября 1860.

Любезнейший друг мой, Ваше письмо от 15-го получил. G ответом запоздал, так как ездил за город к кузену; днем я там гулял, а вечерами играл в трик-трак. Словом, ленился — дальше некуда. Благодарю Вас за* подробные описания,

которые надобно бы, однако ж, сопроводить комментариями и иллюстрациями, уж во всяком случае в рассказе о национальных танцах; из слов Ваших я заключаю, что они напоминают, видимо, танцы гренадских цыганок. Вполне вероятно, что их музыкальные мотивы и содержание сходны с мавританскими. Я не сомневаюсь в том, что какой-нибудь араб из Сахары, глядя, как в Париже танцуют вальс, может решить,— и не без основания,— что француженки тоже изображают пантомиму. Когда пытаются добраться до сути вещей, в конце' концов возвращаются все к тем же основным понятиям. Вы убедились в этом, изучая со мной мифологию. Но стыдливые недомолвки в объяснениях Ваших я решительно не приемлю. Довольно существует различных эвфемизмов для того, чтобы описать мне все, а Вы заставляете меня просить Вас об этом. Так что в следующем письме потрудитесь исправиться. Должен признаться, что с каждым днем чувствую себя все хуже. И начинаю покоряться неизбежному, хотя ощущать, как ты стареешь и мало-помалу угасаешь, очень грустно. Вы спрашиваете, в чем причина нынешних беспорядков. Вам все это еще не надоело! К несчастью, никта ничего не понимает. Почитайте сегодняшний

«Конституюсьонель». Там помещена интересная и вдохновенная статья Л а Геронньера [4]. Вкратце он говорит следующее: «Я не могу одобрять, когда нападают на людей, никому не сделавших зла, но с другой стороны, меня нисколько не интересуют те, кого грабят, и я вовсе не хочу ничем, кроме советов, им помогать». Вчера я ездил в Сен-Клу, где обедал почти наедине с императором, императрицей и «Господином сыном», как именуют его в Лионе; все они в добром здравии и превосходном настроении. С императором я имел долгую беседу, касавшуюся главным образом древней истории и Цезаря. Меня удивила легкость, с какою он понимает различные ученые вещи; ведь вкус к ним он обрел не так уж давно. Императрица рассказала мне довольно любопытные эпизоды из своего путешествия на Корсику: епископ заговорил с ней о бандите по имени Бозио, чья история будто бы повторяет сюжет «Коломбы». Это честнейший малый, который, послушавшись советов одной женщины, совершил два-три пустяшных убийства. А теперь, вот уже несколько месяцев, за ним охотятся, правда, до сей поры безуспешно; посадили в тюрьму нескольких женщин и детей за то, что они якобы носят ему пищу, но самого его поймать не могут. Никто не знает, где он. Ее

Величество, читавшая известный Вам роман, заинтересовалась этим человеком и сказала, что была бы очень рада, если бы ему дали возможность покинуть остров и переправиться в Африку или в другое место, где он мог бы стать хорошим солдатом и честным человеком. «Ах, сударыня! — воскликнул епископ.— Вы разрешите передать ему Ваши слова?» — «Как, Ваше Высокопреосвя-8 Проспер Мериме щенство, значит Вы знаете, где он?» Вот Вам общее на Корсике правило: самый отъявленный негодяй всегда оказывается родней самому достойному человеку. И несказанно удивило императорскую чету то, что бессчетное множество раз их просили о помиловании, но ни разу о деньгах; императрица возвратилась оттуда в совершеннейшем восхищении.

Встреча в Варшаве провалилась [2]; австрийский император пожаловал без приглашения и натолкнулся на вежливость, какую проявляют обыкновенно по отношению к чересчур любопытным людям. Ничего серьезного там не произошло. Австрийский император стремился доказать, что так же как для Австрии представляет опасность Венгрия, для России представляет опасность Польша, на что Горчаков[3] ответил: «У Вас одиннадцать миллионов венгров, тогда

как вас, немцев, три миллиона. А нас, русских, сорок миллионов, и мы не нуждаемся ни в чьей помощи, чтобы управиться с шестью миллионами поляков. Следовательно, никаких взаимных обеспечений быть не может». Сдается мне, что Англия покуда успокоилась и вполне возможно и даже вероятно, что она пойдет на какие-то уступки нам и займет нашу позицию в отношении Италии. В этом случае, я полагаю, войне не бывать, при условии, правда, что Гарибальди не свалит всю вину на область Венето; однако ж итальянцы куда осторожнее, чем о них думают. Из Неаполя мне пишут, что сумятица достигла там апогея и что пьемонтцев ждут с тем же нетерпением, с каким в 1848 году мы встречали в Париже линейные войска. Все страстно желают восстановления порядка и уповают лишь на Виктора-Эммануила. Впрочем, Гарибальди и Александр Дюма [4] превосходно настроили на нужный лад умы,—как, скажем, ледяной дождь настраивает на горячий ужин. Прощайте, друг любезный; я намереваюсь вскоре выехать в Канны. В Марселе я буду к середине ноября и передам Ваш пакет в пароходное бюро. Описывайте мне нравы во всех подробностях и не бойтесь оскорбить мои чувства. Берегите себя хорошенько и не

забывайте обо мне.

229

1 ноября вечером, 1860.

Любезнейший друг, я получил от Вас письмо № 7. Страна и погода, похоже, нравятся Вам по-прежнему. И я боюсь, совсем скоро настанет время, когда вид человека в бурнусе станет для Вас столь привычным, что Вы не будете обращать на него ни малейшего внимания; я думаю, так обстоит дело со. всей французской колонией, о которой Вы мне рассказываете; современные колонисты, должно быть, не менее забавны, чем те, кто создавал первую французскую супрефектуру. Много ли кринолинов появляется в правительственной резиденции? Так же ли там скучают, как в Париже? Сдается мне, я заранее могу предугадать Ваш ответ. Алжирские нравы Вы набросали мне весьма бегло, а я хотел бы о них знать все как можно подробнее и точнее. Ваше нежелание описывать' подробности, о чем я давно прошу Вас, для меня просто непости-

жнмо. Нет вещи, о которой Вы не могли бы рассказать мне, к тому же Вы ведь славитесь любовью к эвфемизмам. О самых сочных вещах Вы умеете говорить с академической сухостью. Я

пойму с полуслова, но мне* необходимы детали; иначе я узнаю от Вас не более того, что знают все. Мне же хотелось бы знать решительно обо всем, что узнали Вы сами, и я уверен, что о том стоит порассказать. Поздравляю Вас, коли Вы и вправду занялись арабским — это требует большого мужества. Лишь-однажды я сунул нос в грамматику г. де Саси [1] и тотчас в испуге отступился. Помню только, что есть буквы лунные и солнечные, и бог весть сколько спряжений глаголов. Кроме того язык этот должен звучать глухо и говорить на нем можно даже с кляпом во рту. Мой кузен [?] — один из самых ученых арабистов, проживший 25 лет в Египте и в Джидде[3],— говорил мне, что какую бы книгу он ни взял, он всегда находит в ней неизвестное ему ранее слово и что существует, к примеру, пятьсот слов, означающих «лев».— На прошлой неделе я послал Вам пространный политический комментарий. Сдается, что и поныне все-стоит на той же точке. Покуда вывести можно следующее: 1) встреча в Варшаве потерпела полнейший крах; 2) Австрия не видит для себя возможности к нападению, хотя поводов к тому у нее предостаточно. И еще более все осложняется положением на Востоке. Оно таково, что посол наш в Константинополе со дня на день ожидает

полнейшего крушения одряхлевшей машины. Султан распродает кашемиры. И не уверен, что в будущем месяце найдет, чем заплатить за свой ужин. А знаете ли Вы, каковы были первые слова, сказанные императором Францем-Иосифом ^ императору Александру: «Я пришел к Вам с повинной головою!». Это -фраза, которую говорит холоп, приближаясь к барину и опасаясь быть битым. Произнес он это на хорошем русском, ибо знает все языки. Однако ж унижение ничего ему не дало; Александр был безнадежно холоден и принц-регент Прусский[5] следовал его примеру. После отъезда императора Александра австрийский император оставался в Варшаве еще четыре часа, и ни один из высоких вельмож, русских или польских, не уделил ему никакого внимания. Русские старики торжествуют, ибо от души ненавидят австрийцев — еще больше, нежели англичане или мы. Скоро Вы узнаете о великой победе нашей над несчастными китайцами [6]. Какая нелепость — ехать на край света убивать людей, которые ничего нам не сделали! Хотя, разумеется, китайцы — не более, как разновидность орангутанга, и спасти их может лишь закон Граммона[7]. Готовясь к покорению нами Китая, я читаю новый роман, только что переведенный

Станислаеом Жюльеном[8] — китайцем, имеющим патент от правительства. Это история двух девиц — медемуазель Кап и мадемуазель Линь, весьма одаренных барышень, которые по любому поводу сочиняют стихи или буриме. Они находят двух студентов, пишущих с такой же легкостью; меж ними возникает состязание в четверостишиях, которому нет ни края ни конца. Притом во всех четверостишиях речь идет только о белых жаворонках да голубых лотосах. Невозможно сыскать что-либо более причудливое и лишенное хоть капельки чувства. Люди, получающие удовольствие от литературы такого толка, должны быть невероят-дыми педантами, вполне заслуживающими того, чтобы мы — продолжатели традиций прекрасной греческой литературы — победили и наголову разбили их. У нас выдалось несколько летних дней,— верно то, что называют бабьим летом,— а теперь настали холода. И я начинаю мечтать о Провансе, где местные астрологи обещают прекраснейшую shmv. Так что вскоре сообщу Вам о перемене резиденции. Последние три дня я совершенно не дышу. Вы ничего мне не рассказали о местной кухне. Как надобно оценивать кускус? Попадаются ли еще на базарах причудливые редкостные вещи и можно ли купить их

за сходную цену? Сегодня я ужинал у принца Наполеона [9]. Принцесса Клотильда залюбовалась моими запонками и спросила адрес ювелира... Я ответил: «Алжирская улица, № 10». Так?

Прощайте, друг любезный.

230

Марсель, 17 ноября I860..

Любезный друг мой, приезжаю я в Марсель [1] и вижу, что через час отходит корабль в Алжир. Собираюсь отослать на нем предназначенный Вам пакет. Времени у меня хватает лишь на то, чтобы пожелать Вам всего доброго. У меня чудовищный насморк. Но через несколько дней я буду в Каннах. И проедусь по окрестностям. Напишите мне в Канны, если получите указанный пакетик. Нынче я слишком тороплюсь и не могу сообщить Вам новости. Путешествие императрицы[2] вызвало множество толков, и никто ничего не может пока понять. Похоже, дело идет скорее к миру. Он весьма вероятен, а мы, может статься, узнаем даже, кто сильнее — Гарибальди или де Кавур.

Прощайте.

Марсель, 18 ноября 1860.

К несчастью, я опоздал! В расписании значится, что пароход отходит в четыре часа, а на самом

деле — в полдень. Но уж в следующий вторник мой пакетик отбудет всенепременно. Да я думаю, что и письмо это отправится с тем же пакетботом. А теперь, покончив со столь важным делом, я возобновляю свои расспросы: посетили ли Вы мавританские бани? Каких женщин в этих банях видели? Я склоняюсь к мысли, что от привычки сидеть по-турецки колени у них должны быть чудовищной формы. Коль скоро Вы не одобряете стиля их одежды, воспользуйтесь все же их краской для глаз. Прежде всего это очень красиво; а кроме того, говорят, что употребление их красок, как ничто, предохраняет от различных воспалений, весьма распространенных и весьма опасных для наших европейских глаз в условиях жаркого климата. Так что разрешаю Вам приобрести сей предмет.

Меня крайне огорчила смерть несчастной леди М<ак Дональд) % невзирая на мнение ее о мужчинах и о вещах вообще, она была женщиной доброй. Верно ли, что она написала книгу —не то путевой дневник, не то роман[4]? Не помню точно, что именно, но мне весьма это сочинение нахваливали в Англии. Нынешней зимою г. Эллис, мой друг из Гленкойха, будет моим соседом. Он только что купил в Шотландии за 120 тысяч

фунтов стерлингов землю, рядом со своею; вернее сказать, это — множество озер, скал и вересковых пустошей, простирающихся в длину и в ширину на десятки лье. Я совершенно не понимаю, что* может это ему принести, кроме глухарей да оленей в охотничий сезон. Мне кажется, имей я три миллиона на покупку земель, я использовал бы их на Юге, а не на Севере. Я привез с собою новое издание Пушкина [5]и обещал написать о нем статью. Теперь я читаю лирические его стихотворения и нахожу средь них вещи поистине прекрасные, совершенно* созвучные моей душе, иными словами, по-гречески искренние и простые. Есть несколько стихотворений очень пылких, которые, однако ж, я желал бы перевести, ибо в этом жанре, равно как и во множестве других, он кажется мне непревзойденным по точности и чистоте. Это напоминает мне оду Сапфо[6] Ae&>xe l*ev A osXАш и то, как я писал Вам ночью в комнате на постоялом дворе, и разного рода истории благословенных дней и пр. Изо всех мелких горестей нынешнего времени самое для меня мучительное — бессонница. Мысли одолевают мрачнейшие, и начинаешь ненавидеть сам себя.

Прощайте, любезнейший друг мой; пекитесь о своем здоровье и сне. У Вас и погода лучше, и об-

щество веселее, чем у нас. Едите ли Вы. в Алжире бананы? По-моему, это — лучший в мире плод, но я хотел бы полакомиться им вместе с Вами. Подав Вам эту идею, друг любезный,, на сем прощаюсь. В Каннах я буду числа 25 нынешнего месяца.

231

Канны, 13 декабря 1860.

Вы пишете с истинно спартанской лаконичностью, да к тому же на бумаге, которая, по всей вероятности, изготовляется специально для Вас. А меж тем есть много прелюбопытных вещей, о каких Вы можете мне рассказать. Ведь Вы живете среди варваров, где всегда есть что наблюдать — и Вам это удобнее, чем всякому другому, ибо кринолин, который Вы носите, служит превосходным пропуском. Однако ж Вы отметили лишь одну особенность, какую я подозревал и ранее, но не высказали собственного на сей предмет суждения, а также стоит перенимать это или нет. Наверное, Вы видели на базарах множество безделок и могли бы со всей тщательностью разглядеть и описать те из них, что подошли бы мне. Словом, Вы совсем не справляетесь с ролью путешественницы. Что до меня, я сижу в своей норе, и мне нечего Вам сообщить, кроме того, что в

начале нынешнего месяца погода у нас была премерзкая. Сиань — речушка, текущая между горою Эстерель и Каннами,— вдруг вышла из берегов и залила долину, придав ей весьма своеобразный и чрезвычайно живописный вид. Море, со своей стороны, гонимое южным ветром, подобралось под самый мой балкон, и дом наш за одну ночь сделался островок. Но вот выглянуло солнце, и все бедствия забылись в один день Мне тепло, и чувствую я себя сносно, но сплю плохо и совершенно избавился от привычки к еде; меж тем тут я куда больше двигаюсь, нежели в Париже.

Политические перемены, происшедшие в начале нынешнего месяца \ привели меня в некоторое волнение, несмотря на мое полнейшее равнодушие к этому вопросу. Вы знаете, сколь связан я был с главною жертвой. И я ничего еще толком не знаю о причине его опалы. Очевидно только, что в деле замешана прекрасная дама, которая, по-моему, довольно постаралась о том, чтобы занять его квартиру, и трудилась на этом nonpi/це уже давно. Он отнесся ко всему менее философически, нежели я <цумал и нежели сам я поступил бы на его месте. Однако ж, я полагаю, некоторые допущенные в отношении него действия глубоко его ранили. Что же до либеральных нововведе-

ний [2], не знаю, как их и расценивать; надобно поглядеть на результат. Не думаю, чтобы они так уж были обязательны, но, вообще говоря, лучше давать, чем заставлять долго просить, а уж после, когда терпение истощится, уступать. С другой стороны, возможно император ищет поддержки Палат, дабы выйти из ложного положения, в каком мы оказались в Италии, не желая трогать папу, отлучившего нас[3] in petto**, и почти рассорившись с нащщми друзьями, которые не могут нам простить отеческого нашего отношения к тщеславному юнцу[91], никогда, к слову сказать, не желавшему нам добра. Совершенно очевидно, что если Палаты в своем адресе выскажутся за невмешательство, это послужит основанием к тому, чтобы отозвать из Рима генерала де Гуайона [92] и бросить пьемонтцев на произвол судьбы — пусть выпутываются из положения, как знают и могут. Тут — я имею в виду по всей Франции — люди, которые носят фрак и почитают себя власть имущими, ратуют за папу и Неаполитанского короля так, будто не сами они совершили во Франции революцию. Однако ж их любовь к

---

91 notes: 91

* в душе (ит.).

92 notes: 92

[г]* прочими (ит.).

папству и легитимности не простирается до того, чтобы истратить па правое дело хотя бы одно экю. И когда придет пора высказаться определенно, я не сомневаюсь в том, что рекомендация о вмешательстве будет живейшим образом поддержана. И наконец, какое действие окажет словоизвержение; которое начнется после новых уступок? Я этога предугадать не могу, но бывалые члены парламента уже навострили уши. Мне написали, что г. Тьер собирается настаивать на посылке депутации в Валансьен, й я думаю, что примеру его последуют многие другие. Я плохо себе представляю, что станется с министрами без портфеля, которым поручено блистать красноречием в Законодательном собрании или в Сенате, однако ж забавно будет видеть таких ораторов, как г.г. Мань[6] и Бийо[7] вместе с разными Жюлями Фаврами[в] и tutti quanti[2]*.

Прощайте, друг любезный; почаще шлите весточки о себе и пишите хоть сколько-нибудь более подробно. Да не забывайте в деталях описывать алжирские нравы — они живо меня интересуют. И скажите, какая у Вас погода и как Вы ее переносите.

232

Канны, 28 декабря I860..

Друг мой любезнейший, желаю Вам счастливого окончания года и еще более счастливого начала будущего. От души благодарю за прелестный кошелек, Вами присланный. Я сказал «кошелек»? На самом деле я нн слишком понимаю, что это и что можно туда положить, однако ж вещица премилая, и вышивка золотом различных оттенков сделана с тончайшим вкусом. Только варварам такая работа и удается. Искусство же наших ремесленников слишком испорчено различными влияниями, да и чувства недостает им для того, чтобы сотворить что-нибудь подобное. Благодарю Вас также за бананы и финики; будь я в Париже, дело обстояло бы иначе, но тут — Вы и вообразить себе не можете, сколь нерегулярно нам все доставляют. Битую неделю я ожидал панталоны,— при всем моем к Вам уважении,—которые из Марселя проследовали в Ниццу, а потом еще Бог весть куда, прежде чём добрались до меня. О продуктах и вовсе[5]говорить не приходится. По возвращении Вы привезете мне фруктов, и мы будем вместе их есть, и все будет казаться нам много вкуснее.. Вы не сказали,

видели ли Вы в Алжире г. Фейдо. Я встретился с ним в поезде; он возвращался из Африки, куда, по его словам, ездил писать роман[1]. А Вы ведь обещали— хотя уж сам я больше не пишу — собирать для мепя всякие анекдоты и интересоваться множеством вещей.

На деле же Вы ограничились поверхностными сведениями, не говоря даже, что Вы об этом думаете. Встречаются ли в Алжире своеобразные кожаные сумки (по-моему их делают в Константине [2]), схожие с нашими ташками и украшенные чудеснейшею вышивкой? Сколько приблизительно они стоят? Я имею в виду самые из них красивые. У нас туг тьма англичан и русских; и те и другие — весьма невысокого полета. Друг мой, г. Эллис, живет в Ницце, откуда время от времени приезжаег ко мне в гости. Он жалуется на недостаток умных людей, с которыми Можно было бы побеседовать. Как я вижу, у Вас в гостях был г. Коб-ден[3]; это человек интереснейшего склада ума, противоположность англичанам в том отношении, что от него никогда не услышишь общих фраз, да и предрассудков у него немного. В Париже всех, похоже, занимает только г. Пуэнсо \ Говорят, он сам уготовил себе судьбу. Хотелось бы сообщить Вам политические ново-

сти, но мои корреспонденты молчат, а возможно просто ничего значительного не происходит. Вот. Вам отличительная черта нашего времени: мы начинаем все с треском и грохотом, а в пути, по легкомыслию, разваливаем.

Прощайте; доброго Вам здоровья и радостей южного солнца...

233

Ницца, 20 января 1861~

Я тут в гостях у моего друга г. Эллиса, страдающего от жестокого приступа подагры; вот я и приехал побыть немного с ним. Меня охватило^ невольное чувство удовлетворения, когда я проезжал по мосту через Вар, где нет уже ни таможенников, ни жандармов [4], ни проверки паспортов. Сие присоединение радует душу и как бы возвеличивает всех на несколько миллиметров. Вы поставили меня в затруднительнейшее положение, описав столь прекрасные вещи. Совершенно очевидно, что мне придется обратиться к Вам и попросить, призвав на помощь всю Вашу осмотрительность, сделать для меня кое-какие покупки; но только попомните$_v$что на этот раз речь идет о вещах для меня самого, а не о подарках, приобретенных через Ваше посред-

ничество, и поэтому привередлив я буду более обыкновенного. К тому же настоятельно прошу Вас действовать со всей возможной осмотрительностью. Во-первых, я поручаю Вам купить мне джебиру [2] за любую приемлемую цену, главное, чтобы золото было на ней не сверху, но внутри, как мне несколько раз приходилось видеть. Если Вы найдете красивый шелк, который стирается и не слишком походит на материю для женского платья, закажите мне из него[93] халат, как можно длиннее, с застежками на левой стороне, скроенный на восточный лад. Привезите все это, когда вернетесь. Покуда же у меня нет ни малейшего желания носить шелковые халаты, ибо на Сене лежит слой льда толщиною в два фута. А от того, что мне пишут из Парижа, и вовсе волосы становятся дыбом: 10 градусов мороза днем и 12 или 14 — ночью. Меж тем мой президент обязывает меня быть там послезавтра [3]. Так что не пугайтесь, если прочтете Н газетах, что я болен. Впрочем, я не солгал, ибо в последние дни чувствовал себя прескверно. Я уверен, что, вернись я в эту пору в Париж, через несколько дней я был бы совсем готов. И все же к середине февраля я намерен

---

93 notes: 93
речь (англ.).

туда вернуться. Помимо привычной радости, какую я испытываю от фарсов, разыгрываемых в Люксембургском дворце, я собираюсь произнести speech [93]. Подана петиция о пересмотре процесса г. Либри \ и Вы понимаете, что я не могу уклониться и не высказать более или менее ясно отношения моего к вопросу, который мне отнюдь не безразличен. В Каннах меня посетил г. Фульд; он и сейчас еще тут, и послезавтра я снова его увижу. Он рассказал мне множество прелюбопытнейших вещей о мужчинах и женщинах, замешанных в его деле[5]. Оказалось, что он в гораздо большей степени философ, нежели я того ожидал. Однако ж сомневаюсь, чтобы у него хватило духу долго противиться своим склонностям. Похоже, что, проносив какое-то время под мышкой красный портфель .и потеряв его, становишься как бы неодушевленной вещью — точно англичанин без зонта. Прощайте. Из Канн я выеду, возможно, 8 февраля. Дайте знать о себе и расскажите хоть немного о Ваших планах на возвращение, если они у Вас есть. У нас стоит чудесная погода, но настоящего тепла нет. Вы же, сдается, наслаждаетесь и красотою, и

93 notes: 93
речь (англ.).

теплом, с чем я Вас и поздравляю. Прощайте, друг любезный . . .

234

Канны, 16 февраля 1861.

Любезный друг мой, я пишу Вам в грустнейшем расположении духа, всецело занятый приготовлениями к отъезду. В путь я пускаюсь завтра гпоутру и намереваюсь быть в Париже послезавтра вечером, если вовремя доеду до Тулона, чтобы пересесть на поезд. Я надеялся продлить пребывание тут до тех пор, пока не завершится составление адреса, но, во-первых, высокая должность, какою меня пожаловали,— хотя я бы с легкостью без нее обошелся,— обязывает меня быть точным. С другой же ^стороны, мне пишут, что в сенате одерживают верх паписты и легитимисты и что мой голос при голосовании не будет лишним. Это вселяет :В меня ужас, и надобно сопротивляться по мере сил, если есть хоть малейшая к тому возможность.

В последние дни у меня было много визитеров, что и помешало мне написать Вам. Заезжали парижские друзья и г. Эллис, который приехал яровести со мною несколько дней. Пришлось исполнять роль гида — показывать окрестности

и устраивать торжественные приемы. Так что, против обыкновения, я почти не везу рисунков. Отсутствие Ваше в Париже сделалось причиною двух несчастий. Первое: я совершенно забыл подарить к Новому году книги дочерям госпожи де Лагрене. И второе: я в равной мере забыл о дне Святой Евлалии &. Кроме цветов в этом тсраю нет ничего, что можно было бы послать в Цариж, да и то одному Богу известно, в каком состоянии они бы дошли. Посоветуйте, что делать: я, по обыкновению, в полнейшем замешательстве и на сей раз лишен возможности переложить все на Ваши плечи.

Благодарю Вас за труд, какой Вы взяли на себя по выбору джебиры. Хотелось бы, чтобы она была побольше, ибо я предполагаю брать ее в ^путешествия в качестве дорожной сумки.

Бедняжка княгиня Малахова[2] — человек чудесный, не очень, правда, образованная, особенно по части французского языка. Она, как мне представляется, совершенно под пятою у гнуснейшего чудовища — своего мужа, который груб и в манерах и, вероятно, в расчетах. Впрочем, говорят, она превосходно к этому приспосабливается. Если увидите ее, поговорите с нею обо мне и о наших театральных представлениях в Испании. Мне

сказали, будто ее брат \ юноша весьма учтивый, с приятнейшей наружностью и к тому же поэт, должен на некоторое время поехать -с ней в Алжир.

Прощайте, любезный друг мой; доброго Вам здоровья и берегите себя!

235

Париж, 21 марта <1861>,

Друг мой любезнейший, благодарю Вас за письмо. Возвратившись в Париж, я оказался словно бы среди дикого зверья. Начать хотя бы с нашего представления в Сенате как говаривал г. Журдеп[2], никогда в жизни мне не приходилось слышать столько глупостей. Каждый держал за пазухою речь, которая так и просилась наружу. Пример как всегда заразителен, и я произнес свой speech вслед за г. Робером Уде-ном, без всякой подготовки, точно у меня есть на то природный дар. Поначалу боялся я ужасно, но потом взял себя в руки, вспомнив, что передо мною сидит всего лишь две сотни глупцов, поэтому волноваться мне решительно нечего. В результате г. Валевский[3], которому я предлагал выделить значительный бюджет, обидевшись на мои добрые слова о его предшественнике \ храбро, объявил, что голосует против моего предложения. Г. Тро-

плон, рядом с которым я сидел, как и положено секретарю [5], высказал мне шепотом свои соболезнования; я же ответил, что непьющего министра напиться не заставишь. Слова мои не преминули тотчас передать г. Валевскому, который, решив, что это эпиграмма, кланяется со мною теперь чрезвычайно холодно; я, однако ж, несмотря ни на что, продолжаю гнуть свою линию.

Второй докукою в последние дни стали для меня официальные и прочие ужины в городе, на которых подают все ту же рыбу^ то же филе, тех же омаров и пр. и где бывают одни и те же люди, всякий раз одинаково скучные.

Но самое докучливое из всего — это взрыв католицизма. Вы и вообразить себе не можете, в каком крайнем раздражении находятся нынче католики. Из-за любого пустяка Вам готовы глаза выцарапать — к примеру, если Вы их не закатываете, когда , речь заходит о святом мученике [6], или если Вы спрашиваете, да к тому же без всякого умысла, как это сделал я, кого же все-таки мучали.

Я умудрился устроить себе и еще одну неприятность, выразив удивление тем, что королева Неаполитанская согласилась позировать фотографу, стоя среди винных бочек. Мои слова

преукрасили, и вышла глупость, превосходящая все, что Вы можете себе вообразить.

А как-то вечером одна дама спросила меня, видел ли я австрийскую императрицу. Я ответил, что она показалась мне очаровательной. «Ах! Значит она — совершенство!» — «Да нет, черты ее лица неправильны, но это пожалуй приятнее, чем если бы они были классическими».— «Ах, вот как, сударь, значит она для Вас — воплощение красоты! Слезы застилают глаза от восторга!» Вот Вам современное общество. Потому я и бегу от него, как от чумы. И куда подевался прежний французский свет?!

Последняя же неприятность, да притом грандиозная, связана с представлением «Тангейзера»[7]. Одни утверждали, будто парижская постановка была оговорена одним из тайных пунктов договора в Виллафран-! ке; другие же — будто, присылая нам Вагнера, нас вынуждают восхищаться Берлиозом. Нельзя, однако ж, не признать, что музыка эта весьма необычна. Мне представляется, что я мог бы завтра же написать что-нибудь подобное, слушая, как мой кот разгуливает по клавиатуре рояля. Спектакль был любопытен чрезвычайно. Княгиня Меттерних* делала над собою чудовищные усилия, дабы выказать понимание и вызвать

аплодисменты, которые никто не поддерживал. Все зевалц, стараясь прежде всего сделать вид, будто могут разгадать сию загадку без ключа. Под ложею госпожи де Меттерних говорили, что австрийцы берут реванш за Сольферино. И добавляли, что речитативы смертельно скучны, а арии изнурительны. Вот и попробуйте понять. Мне кажется, что Ваша арабская музыка должна как следует подготовить Вас к этому адскому шабашу. Провал чудовищный! Обер [9] говорит, что это — тот же Берлиоз, только без мелодии.

Погода у нас ужасающая: ветер, дождь, снег и мороз; изредка выглядывает солнце, да и то на несколько минут. Море, кажется, бурлит все время, и я рад, что Вы возвращаетесь не теперь.

Говорил ли я Вам, что познакомился с г. Бланшаром [10], который собирается обосноваться на улице Гренель? Он показал мне премилые акварели — русские и азиатские сцены, которые я нашел весьма характерными и исполненными таланта и вдохновения.

Я хотел бы Вас позабавить новостями, но не нахожу ничего, что стоило бы отправлять за море. Папа, по убеждению моему, месяца через два уйдет, и либо там мы его и добьем, либо он сговорится с пьемонтцами, но так, как нынче,

продолжаться не может. Верующие поднимают истошный крик, однако ж народ и потомственная буржуазия настроены против папы. Я надеюсь и верю, что Исидор [и] разделяет эти чувства.

Возможно, мне придется отправиться на несколько дней в поездку по югу с бывшим моим министром [12] и провести там скучнейшие пасхальные дни. Вы ничего не пишете ни о Вашем здоровье, ни о цвете лица. *Со здоровьем, кажется, у Вас все благополучно, а что до остального — боюсь, не слишком ли Вы загорели.

Прощайте, любезный друг. От души благодарю Вас за джебиру. Возвращайтесь в добром здравии; пополневшая Вы приедете или худенькая, обещаю Вас признать.

Целую Вас очень нежно.

236

Париж, 2 апреля 1861.

Любезный друг мой, пропутешествовав всю страстную неделю *, я валюсь с ног от усталости после бессонной и чудовищно холодной ночи. Держу в руках Ваше письмо и от души радуюсь тому, что Вы уже по

эту сторону моря[2].....

Последние две недели я чувствую себя довольно

сносно. Мне прописали приятнейшее лекарство против болей в желудке. Называется оно «Эфирные жемчужины». Это — крохотные пилюли, неизвестно пз чего

приготовленные, прозрачные и содержащие в себе жидкий эфир. Вы глотаете их, и через секунду они разрываются в желудке, выпуская свое содержимое. Ощущение при этом возникает весьма странное и приятное. Рекомендую их как успокоительное, если когда-нибудь у Вас возникнет в том надобность.

Вам, наверное, грустно было смотреть на зимние пейзажи центральной Франции — особенно после Африки. Когда я возвращаюсь из Канн, меня всегда ужасает вид голых деревьев и сырой, мертвой земли. С замиранием сердца ожидаю Вашу джебиру. Если она расшита так же искусно, как и кисет, который Вы мне прислали, это должно быть нечто восхитительное. Надеюсь, Вы привезли себе множество костюмов и очаровательных безделок к все это мне покажете.

Не знаю, столь ли ревностны католики у Вас в <Невере>, сколь у нас в Париже. Одно верно — бывать в салонах нынче стало совсем нестерпимо. Мало того, что завзятые святоши сделались раздражительными донельзя, но ж все бывшие

вольтерианцы из политической оппозиции превратились в папистов. Утешает же меня то, что кое-кто и& них почитает для себя обязательным ходить к мессе и, разумеется, изрядно там скучает. Прежний профессор мой, г. Кузен[3], который никогда ранее не называл папу иначе, как епископ Римский, переменил нынче свои убеждения и не пропускает ни единой мессы. Говорят даже, что г. Тьер сделался верующим, но я мало в это верю, ибо всегда питал к нему слабость.

Я понимаю, что покамест Вы не можете сказать, даже приблизительно, когда возвратитесь в Париж, однако ж предупредите меня, как только будете знать поточнее. Я пробуду тут все время, пока длится сессия, по обычному адресу. .....

Напишите, друг любезный, как Вы себя чувствуете после всех тягот и горестей, пережитых Вами на суше и на море. Прощайте; доброго Вам здоровья и давайте о себе знать поскорее и почаще .....

237

Париж, среда, 24 апреля Л861.

Я занимаюсь теперь историей одного казака \ бандита и бунтаря XVII века, по -имени Стенька Разин, которого казнили в Москве страшной

казнью, после тог©, как он повесил и утэпил бесчетное множество бояр, варварски обходясь, к тому же, с их женами. Я пришлю Вам сие сочинение, лишь только оно будет готово, если вообще мне когда-нибудь удастся довести его да конца. Прощайте, друг любезный; давайте знать

о себе. . .....с.....

Жизнь я веду необыкновенно беспокойную и вместе с тем тоскливую, занимаюсь делами Академш и петицией госпожи Либри.....

238

Париж, 1<#> мая 1861.

Любезный друг мой, последние несколько дней я был так занят, что все откладывал написать Вам. А как хотелось бы, чтобы теперь Вы, в свою очередь, ко мне приехали. Даже в самую эту минуту я весь во власти сельди \ которую булоньские тюлени породили нам на погибель, и ожидаю маронитов [2], дабы с нею покончить. Короче говоря, в почтенном заведении нашем идут яростнейшие споры о сельди, и существует угроза, что мы будем заседать каждый день. Впрочем, надеюсь, долго это не продлится. Работаю я ночи напролет и имею удовольствие присутствовать при пытках, каким подвергают моего героя[3].

Видите, я уже близок к концу. Вышло длинно, не слишком занимательно и очень страшно. Я дам Вам почитать, когда сие будет напечатано. Что Вы думаете о Маколее[4]? Так же ли хорошо это, как было поначалу?

Верно ли[5], что все рыбаки в Булони —воры, алкающие скупить •сельдь, выловленную англичанами, и представляющие дело так, будто выловили ее они сами? И верно ли, что сельдь, привороженная англичанами, не желает подходить более к нашим берегам?

239

Дворец Фонтенбло, четверг, 18 июня 1861$_{c}$

Любезный друг мой, вот уже два дня, как я счастливо отдыхаю тут, ч>реди деревьев, от огорчений, какие пережил на прошлой неделе \ Полагаю, что Вы прочли обо всем в «Мониторе». Никогда не приходилось мне видеть людей, в такой мере позабывших о здравом смысле, в такой мере дающих волю ярости своей, как судейские. В утешение я себе говорю, что если лет через 20 какой-нибудь архивариус сунет нос в «Монитор» за нынешнюю неделю, он скажет, что в 1861 году некий философ, склонный к покою и воздержанию, очутился на сборище юных безум-

цев. Философ этот я сам [2], вне всякой рисовки. Судейских у нас набирают из людей, слишком неумных, чтобы зарабатывать на жизнь адвокатурой, и держат их на нищенском жаловании; привлекают же их дозволением вести себя как угодно, быть наглыми и кусаться, точно дворовые псы. Теперь, к счастью, все позади. Я сделал то, что должен был сделать, и — будь хоть малейшая возможность — потребовал бы нового заседания для рассмотрения петиции госпожи Либри. Меня приняли ■здесь очень душевно и не поднимали на смех за мой провал. Я весьма недвусмысленно высказал мнение свое по этому делу, и мне не показалось, чтобы кто-нибудь считал мое мнение ошибочным. После крайнего напряжения последних дней с меня будто гора свалилась. Погода стоит чудесная, лесной воздух упоителен. Народу мало. Хозяева дома, по обыкновению своему, в высшей степени добры и любезны. У нас тут княгиня Меттерних, дама очень живая в немецком вкусе,— иными словами, избравшая весьма оригинальную манеру поведения, которая по большей

части пристала бы лоретке и лишь кое в чем напоминает светскую львицу. Я подозреваю, что, строго говоря, большого ума не требуется для того,

чтобы держаться этой взятой ею на себя роли. Я все более становлюсь на сторону буржуа, который с каждым днем становится мне все милее. Нынче мы собираемся гнать оленя. По вечерам бывает скучновато, но они не тянутся долго. Я полагаю провести тут еще неделю; меж тем официально я приглашен только до воскресенья. Если же меня задержут дольше, я предупрежу Вас.

Прощайте, друг любезный; за мною идут.

240

Дворец Фонтенбло, понедельник, 24 июня 1861.

Друг любезный, я никуда не трогался отсюда и остаюсь здесь — благодаря Цезарю [1] — до конца месяца. Я писал Вам, что получил солнечный удар и сутки находился в прескверном состоянии. Нынче я вполне уже здоров, но мучаюсь от люмбаго, который заработал, посидев за веслами во время прогулки но озеру.....

С нетерпением жду от Вас вестей, однако ж боюсь, что сам в известной мере виноват в их отсутствии. Я обещал Вам написать перед отъездом из Фонтенбло. Но чего же Вы хотите! Здесь ничего не делаешь, а вместе с тем сам себе не принадлежишь. То зовут на лесную прогулку, то гнагдо что-нибудь перевести. Время проходит

по большей части в ожидании — высшая философия в подобных местах заключена в умении ждать, и я с трудом воспитываю себя в этом направлении. Теперь, к примеру, основным нашим занятием является ожидание сиамских послов[2], которые прибывают в четверг. Говорят, согласно обычаю их страны, они предстанут перед нами на четвереньках, то есть подползут на коленях и локтях. Иные добавляют, что они еще лижут паркет, посыпаемый ради такого случая сахаром. Наши дамы воображают, что послы везут им роскошные подарки. А я думаю, что они ничего не везут и очень надеются увезти отсюда побольше красивых вещей.

В прошлую среду я ездил в Ализ с императором[3], который сделался настоящим археологом. Три часа с половиною он провел на горе, под палящим солнцем, осматривая следы местопребывания ЦезаряГ и читая «Записки» \ Мы все там обгорели и домой вернулись черные, как трубочисты.

Вечера мы проводим на озере или под деревьями, созерцая луну и моля о дожде. У Вас в Н<евере>, по всей видимости, стоит так&я же погода. Прощайте, друг любезнейший; доброго Вам здоровья; не увле-кайтесЬ'. солнцем in давайте о себе знать..... . .

241

Дворец фонтенбло, 29 июня 186L

Друг мой любезнейший, я получил портсигар, который показался мне прелестным даже после подарков сиамских послов. Письма наши разминулись. Моя жизнь здесь столь заполнена бездельем, что у меня решительно нет времени писать. Наконец-то все мы нынче вечером уезжаем, и когда Вы получите это письмо, я буду уже в Париже. В <четверг)[1]мы присутствовали при довольно приятной церемонии, весьма схожей со сценою из «Мещаница во дворянстве». Это было самое забавное представление на свете: 20 обезьяноподобных темнокожих, разодетых в золоченую парчу, белые чулки, лакированные туфли, с саблею на боку, ползут на коленях и локтях вдоль галереи Генриха II[2], то и дело тыкаясь носом в ... спину предшествующего. Если Вы видели на Новом мосту картинку «Во славу собак», Вы сумеете вообразить себе эту сцену. Тяжелее всех пришлось первому послу. На голове у него была фетровая, шитая золотом шляпа, подпрыгивавшая при каждом его движении, а при этом он держал в руках золотую чашу филигранной работы, в которой лежали две шкатулки, из коих

каждая содержала в себе письмо от Их Сиамских Величеств. Письма были вложены в шелковые с золотою вышивкой мешочки, и выглядело все это премило. После вручения писем, когда надобно было возвращаться назад, посольство пришло в' замешательство. Лица упирались в зады, кончики сабель кололи глаза тем, кто полз сзади, а те, в свою очередь, портили глаза следующему ряду. В целом же казалось, будто на ковре копошится кучка майских жуков. Всю эту замечательнейшую церемонию выдумал Министр иностранных дел, и он же потребовал, чтобы послы ползли. Азиатов полагают наивнее, нежели они есть на самом деле, и я убежден, что эти тоже не заставили бы себя долго упрашивать, когда бы им разрешили идти в полный рост. Впрочем, все впечатление от ползания было сведено к нулю, ибо император, потеряв в конце концов терпение, встал, попросил майских жуков подняться и заговорил с одним из них по-английски. Императрица поцеловала маленькую обезьянку, которая была с ними,— говорят, сынишка одного из послов — малыш, весьма смышленый с виду, бегал на четвереньках, словно маленькая крыса. Временно занимающий сиамский престол нынешний король прислал императору свой

портрет и портрет своей жены, которая оказалась чудовищною уродиной. Но зато разнообразие и красота привезенных ими с собою тканей поистине очаровали бы Вас$_0$Они сотканы из золота и серебра, но работы столь тонкой, что совершенно прозрачны и напоминают легкие облачка на прекрасном закатном, небе. Императору послы подарили панталоны, обшитые по низу орнаментом из красной, зеленой и золотой эмали, и куртку из золотой парчи, мягкой, словно шелк, с чудеснейшим золотым же рисунком. Пуговицы на ней из золотой филиграни с небольшими бриллиантами и изумрудами. Вообще у них есть золото красное и золото белое, и в сочетании это восхитительно красиво. Словом, большей изысканности и вместе с тем роскоши мне видеть не доводилось. Особенность вкуса этих дикарей про-

является в том, что они используют лишь яркие шелка, золото и серебро. Все вместе сочетается чудеснейшим образом и в целом производит спокойное и в высшей степени гармоничное впечатление.

Прощайте, друг любезный; я намереваюсь съездить в Лондон, где у меня есть дело по Всемирной выставке. Видимо, числа 8 или 10 июля.

242

16 июля 1861 г., Лондон [4], British Museum,

Судя по последнему Вашему письму, друг мой любезнейший, забот у Вас нынче столько же, сколько у главнокомандующего накануне сражения. В «Тристраме Шенди» я вычитал, что в доме, где есть роженица, остальные женщины почитают себя вправе держать мужчин в ежовых рукавицах; вот потому-то я и не написал Вам ранее. Я побоялся, как бы Вы не взяли со мною тон, соответствующий Вашему высокому положению. Наконец, я надеюсь, Ваша сестра[2] рассчиталась с Вами по всем правилам, и Вам теперь беспокоиться нечего. Но все же хорошо бы Вы дали мне по этому поводу официальный отчет — разумеется, я не имею в виду письменное уведомление с гербовой печатью.

Здесь только и говорят, что о деле г. де Видиля [3]. Я несколько раз встречался с ним в Лондоне и во Франции, и он показался мне невероятно скучным. Тут, где простофиль ничуть не меньше, чем в Париже, на него обрушилась волна слепой ярости. Выяснилось, что он убил свою жену, а возможно и немало других людей. Но теперь, когда он отдал оебя в руки властей, общественное

мнение совершенно переменилось, ■и, если у него будет хороший адвокат, он полностью выпутается, а мы станем «лавить его и награждать венками.

Известно Вам или неизвестно, что назначен новый канцлер лорд <Уэстбери>[4] — старик, ведущий, однако ж, отнюдь не стариковский образ жизни. Один адвокат, по имени Стивенс, посылает клерка отнести канцлеру бумагу, клерк наводит справки, и ему говорят, что у милорда нет дома в Лондоне, но он частенько наезжает из поместья в один из домов на Оксфорд-террас, где у него небольшая квартира. Клерк направляются ?туда и спрашивает милорда. «Его нет».— «А Вы думаете, к ужи-«ну (Он ^вернется?» — «Нет, но ночевать приедет непременно, он всегда ночует здесь по понедельникам». Клерк оставляет письмо; Стивенс никак не может понять, отчего канцлер глядит на него волком. А дело оказывается в том, что у милорда там тайная семья.

В Лондоне я с четверга, но по сию пору у меня не было и секунды свободной — так и бегаю с утра до ночи. Что ни день зовут куда-нибудь на ужин, концерт или на бал. Вчера слушал концерт у маркиза 'Ла-идедауна'[3]. Там не было ни одной хорошенькой женщины, что весьма для местных

талонов характерно; зато все дамы были одеты, так, точно iТуаг им шила первая торговка платьем в Вриуде®. Подобных

причесок я также никогда ранее не встречал: на одной старухе была бриллиантовая корона из крошечных звездочек, с громадным солнцем посередине,-*- ну, прямо ярмарочная восковая кукла! Я думаю остаться здесь до начала августа.

Прощайте, друг любезнейший.....

243

25 июля 1861 г.$_{y}$ Лондон.

Время течет тут довольно монотонно, хотя я ужинаю каждый день в разных домах, наблюдаю нравы и знакомлюсь с людьми, которых прежде не знал. Вчера ужинал в Гринвиче с высокопоставленными особами, пытавшимися веселиться что было мочи,— но не так, как немцы, которые бросаются из окон, а просто подняв шум. Ужин был отвратительно долог, зато white bait[1]* превосходна. Мы разобрали тут 22 ящика античных вещей, вывезенных из Кирены *. Средь них две статуи и множество замечательнейших бюстов — притом греческих подлинников периода расцвета; очаровательнее всего, хотя и немного вычурен, Бахус, голова у него сохранилась пора-

зительно. Г. де Видиль commited[2]* как следует и по заслугам; дело его будет слушаться на ближайшей сессии суда. В поручителе ему отказано. Впрочем, худшее, что, видимо, может ему грозить,— это два года тюрьмы, ибо английский закон не усматривает убийства там, где не установлена насильственная смерть, и, как сказал мне лорд Линдхарст [2], надо быть крайне неловким, чтобы в Англии оказаться на виселице. Вчера вечером в Палате Общин я слушал дебаты по поводу Сардинии [3]. Большинство ораторов были невероятно многословны, неумны и хвастливы, в особенности лорд Джон Рассел \ а ныне просто лорд Рассел. Г. Гладстон мне понравился,, В Париж я предполагаю возвратиться 8 или 10 августа. И надеюсь застать Вас в покое и хотя бы в некотором одиночестве. По-моему, я себя чувствую тут лучше, нежели в Париже, хотя погода и прескверная. Я прервал письмо, ибо ходил на экскурсию в Банк. Мне в руку вложили четыре небольших пакета, содержавших четыре миллиона фунтов стерлингов, однако ж унести их не позволили; из них можно было бы сделать два тома в переплете. Затем мне показали прелестную машинку, которая пересчитывает и взвешивает три тысячи соверенов в день. Поколебавшись,

она вдруг принимает решение и кидает хороший соверен вправо, а бракованный — влево. Есть и еще одна, похожая на китайского болванчика. Ему подносят банковый билет, он сгибается и дважды вроде бы чмокает бумагу, оставляя на ней отметины, которые не сумели покуда воспроизвести фальшивомонетчики. И наконец меня сводили в подвал, где я почувствовал себя, точно в пещере из «Тысячи и одной ночи». Все там заставлено мешками с золотом и слитками, сверкающими при свете газа. Прощайте, друг любезнейший .....

244

Париж, 21 августа 1861.

Любезный друг мой, я наконец вернулся, но не в наилучшем состоянии. Не знаю, оттого ли, что я слишком часто ел черепаховый суп, или оттого, что слишком много бегал по солнцу, но только меня снова стали мучить желудочные боли, о которых я давно уже забыл. Начинаются они около пяти часов утра и продолжаются часа полтора. Я полагаю, что повешенный должен испытывать нечто подобное. И это отнюдь не придает мне желания болтаться на виселице! Здесь у меня оказалось много больше работы, чем

мне бы хотелось. Имперская наша комиссия по проведению Всемирной выставки только-только еще образуется; и мы все занимаемся писаниною, убеждая владельцев картин одолжить их нам для отправки в Лондон. А помимо того, что это предложение само но себе звучит довольно нахально, выясняется, что большинство коллек-ционеров принадлежит к карлистам или к орлеанистам, которые убежде-ны, что, отказывая нам, они совершают богоугодный поступок. Поэтому боюсь, что в будущем году мы предстанем в Лондоне не в лучшем виде, тем паче, что от нас выставляются работы не более чем десятилетней давности, тогда как англичане показывают свою Школу начиная с 1762 года. Как Вы переносите тропическую жару? Я утешаюсь сведениями из получаемых мною писем о том, что в Мадриде было 44 Тра= дуса, то есть температура, какая бывает в жаркий сезон в Сенегале. В Париже не осталось ни души, в чем я нахожу известную приятность. Полтора месяца я ужинал не дома и вот теперь наслаждаюсь тем, что не должен надевать к ужину белый галстук. К слову сказать, я провел неделю в графстве Суффолк \ в великолепнейшем замке и почти в полном одиночестве. Места там равнинные, но много громадных деревьев и воды

и поистине сказочные прогулки на лодке. А находится замок неподалеку от fens [94], откуда родом Кромвель \ Дичи там видимо-невидимо ~ и шагу нельзя ступить, не рискуя раздавить фазана или куропатку. На нынешнюю осень у меня покамест планов нет: разве что госпожа де Монтихо поедет в Биарриц, а тогда и я отправлюсь туда с нею повидаться и провести подле нее несколько дней. Она по-прежнему безутешна и кажется мне еще печальнее, нежели в прошлом году, когда скончалась ее дочь. Сдается, Вы получаете большое удовольствие, пестуя всю эту ораву детей. Я сие не слишком понимаю. И полагаю, что Вы позволяете взваливать на Вас все, привыкнув поддаваться давлению,— ес^и только оно не исходит от меня.

Прощайте, друг любезный.....

245

Париж, 31 августа 1861.

Любезный друг мой, я получил Ваше письмо, из коего заключил, что Вы давно не были так счастливы,— рад за Вас. Сам я мало расположен к детям; но мог бы поверить, что к маленькой девочке можно привязаться, точно к котенку,—

---

94 notes: 94
болот (англ).

животному, у которого много сходства с Вам подобными. Я себя чувствую по-прежнему неважно; по утрам просыпаюсь от нехватки воздуха, но это довольно скоро проходит. К тому же я тут в полном одиночестве. Вчера зашел мимоходом в Императорский; клуб и нашел там всего троих дремавших в креслах людей. Погода стоит непереносимо жаркая и тяжелая; из Шотландии же мне пишут, что там, напротив, вот уже 40 дней дождь льет как из ведра, картофель весь погиб и овес побило. Я пользуюсь одиночеством, дабы работать пад вещью, которую обещал моему хозяину хотел бы отвезти ее в Биарриц; -однако ж никак пока не могу сдвинуться с места. Писать мне стало теперь тяжело невообразимо, и за малейшее возбуждение я расплачиваюсь сторицей. Но все же к концу той недели надеюсь закончить. . . .

У меня есть для Вас экземпляр «Стеньки Разина». Напомните Вам его отдать, когда мы увидимся, а заодно показать портрет гориллы, сделанный мною в Лондоне; я жил с нею в самой тесной близости,— правда, она была набита соломой. Читаю я только римскую историю; хотя, между делом, с громадным удовольствием прочел 19-й том г. Тьера[2]. Мне показалось, что он написан

с большей небрежностью, чем все предыдущие, однако ж полон прелюбопытнейших вещей. Несмотря на горячее желание принизить своего героя, невольная любовь к нему постоянно одолевает автора. Г. Тьер мне сказал, что 20-й том он собирается сдать в декабре и тогда предпримет грандиозное путешествие вокруг света, а быть может в Италию; Весьма позабавили меня истории Монтррна[3]; я пожалел единственно о том, что не попросил его рассказать мне их, пока он был еще жив. По-моему, г. Тьер его показал довольно верно, как авантюриста, влюбленного в свое ремесло, и всегда скрупулезно честного в отношениях со своими клиентами,— нечто, вроде Дальжетти [4] из легенды о Монтрозе. Художники наши, как я вижу, довольно покорно принимают некоторые правила, установленные нами для комплектования нашей экспозиции в Лондоне; однако ж, Когда они увидят место, им отведенное, боюсь, как бы они не забросали нас гнилыми яблоками. Мне удалось вырвать у г. Дюшателя* обещание одолжить нам «Источник» г. Энгра[6].....

Прощайте, любезный друг.

246

Биарриц [1], 20 сентября 1861.

Друг любезнейший, я по-прежнему живу, не зная ни заботы, ни труда. Строить планы загодя здесь не принято, и напротив — решения прини-маются в последнюю минуту. Нам еще не объявлено, когда мы уезжаем.

Дни меж тем сделались заметно короче. И вечерами стало совсем грустно; после ужина на дворе становится холодно, а сохранять тепло в помещениях с той системою дверей и окон, какая придумана здесь, по-моему, просто невозможно. Все это наводит на мысль, что долго мы тут не задержимся. Пользуясь последними солнечными днями, я собираюсь нанести визит г. Фульду в Тарб[2], а засим вернусь в Париж, где надеюсь застать и Вас. Морской воздух для меня живителен. Дышится мне тут много легче, однако ж сплю плохо. Ведь я живу у самого моря, и стоит подняться хотя бы легкому ветерку, прибой становится оглушительным. Время проходит здесь, как и во всех императорских резиденциях, в полнейшем бездействии и ожидании того, что кто-нибудь что-нибудь да сделает. Понемному работаю: рисую виды, открывающиеся из мое-

го окна, совершаю долгие прогулки. Народу на вилле «Евгения» совсем немного, но среди них как раз те из моих знакомых, с кем мне вполне приятно общаться. И время для меня здесь тянется не слишком монотонно, хотя в сутках, как и в Париже, ровно 24 часа.

Вчера мы совершили очаровательную прогулку вдоль Пиренеев — довольно близко, так что могли полюбоваться горами во всей их красоте, не испытывая при этом неудобств от постоянных подъемов и спусков. Мы заблудились и не могли найти никого, кто понимал бы наш прекрасный французский язык. Здесь так всегда и бывает — стоит чуть отъехать от Байонны.

Наследник устраивал вчера ужин для целой оравы детей. Император собственноручно смешивал для них шампанское с сельтерской водою; однако ж действие напиток произвел не меньшее, чем если бы они пили настоящее вино. Через четверть часа все были навеселе, и у меня до сих пор в ушах гудит от шума, какой они умудрились поднять. Прощайте, друг любезнейший; я безрассудно взялся перевести с испанского для Его Величества статью о местоположении Мунды[3] и теперь пришел к выводу, что разобрать ее — дело довольно трудное.

Писать мне Вы можете сюда, числа до 23—24-го, а затем на адрес г. Фульда, в Тарб.

Прощайте.

247

Париж, 2 ноября 1861.

Я стал так плохо видеть, что не сразу тогда узнал Вас. Как же Вы приехали в мои края, даже не сообщив мне о том? Особа, сопровождавшая меня, спросила, кто эта дама с такими красивыми глазами. Я целыми днями работаю, словно негр, на хозяина моего *, к которому отправляюсь через неделю. Перспектива целую неделю чувствовать себя мальчишкою немного меня пугает. Я предпочел бы это время наслаждаться солнцем. И начинаю серьезно о том подумывать. С другой же стороны, возможное назначение сессии[2], которым нам грозят, приводит меня в ярость. Не понимаю, почему государственными делами нельзя заниматься летом.

Я приготовил для Вас весьма неглупую книгу. Память совсем мне отказывает — я заказал переплести том, который у меня уже есть. Понимаете сами, в каком Вы окажетесь барыше.

Шея моя совсем почти прошла; однако ж последние дни я засыпаю так поздно, что нервы

сдают окончательно, и я весь как натянутая стру-на. При встрече мы побеседуем о метафизическом. Я очень эту тему люблю, ибо она неиссякаема.

Прощайте, любезный друг.

248

Компьень [1], 17 ноября 1861.

Друг любезный, мы остаемся здесь до 24-го. Его Величество, король Португальский, помешал нам устроить празднества [2], к которым мы готовились. Их отложили, а нас, следовательно, задержали. Живется нам тут неплохо, иными словами, мы знаем друг друга довольно, чтобы чувствовать себя свободно, насколько это возможно в данных обстоятельствах.

В центре внимания у нас четверо шотландцев — жителей Шотландского нагорья — в kilt[95] [96]: герцог Атол, лорд Джеймс Мюррей, а также сын и племянник герцога. Забавно видеть восемь голых коленок в гостиной, где все остальные мужчины — в брюках или лосинах. Вчера йрмзвали piper[2]*

---

95 notes: 95
юбочках (англ.).

96 notes: 96
волынщика (англ.).

Его Светлости, и все четверо пустились в пляс, да так вертелись, что зрителям становилось страшно. Правда, в ту минуту, когда некоторые дамы садятся в карету, положение их кринолинов вызывает еще большие опасения. А поскольку приглашенным дамам разрешили не надевать траура, можно увидеть ножки самых разных оттенков. И на мой взгляд, превосходно выглядят красные чулки. Несмотря на прогулки по влажным, холодным лесам и сидение в натопленных до духоты салонах, я по сию пору обхожусь без насморков; однако ж настроение у меня подавленное, и я не сплю. Я присутствовал на одной великой министерской комедии, где алкали крови еще одной, а то и двух жертв. Персонажи там были прелюбопытнейшие, а речи —и того более; к тому же г. Валевский[3], особа, находившаяся под угрозою, высказывал свои жалобы и друзьям, и врагам — без разбору. А когда человек так озабочен, он начинает говорить глупости, особенно если в нем сидит к тому привычка. О пошлость людская! Жена его, напротив, произвели благоприятнейшее впечатление своим спокойствием и хладнокровием, т говоря уже о добрых советах и верных поступках. Мне представляется, что битва лишь отложена и вскоре неминуемо про-

изойдет. Что говорят о послании императора? Я нахожу его очень удачным. У Его Величества вполне особая манера выражать свою мысль, и, выступая как гост-дарь, ои умеет показать, что сделан совсем из другого теста. Я думаю» именно это и надобно нашей благороднейшей нации, не терпящей посредственностей.

Вчера княгиня <Меттериих> [4] во время чаепития попросила ливрейного лакея приносит ей соля тля баня. Ливрейный лакей вернулся через полчаса с двенадцатью килограммами серой соли, предполагая, что она желает принять соляную ванну. Императрице принесли картину Мюллера [5], изображающую королеву Марию-Антуанетту в тюрьме. Наследник спросил, кто эта дама и почему она не живет во дворце. Ему объяснили, что она была королевой Франции, и рассказали, что такое тюрьма. Тогда он пустился бегом к императору просить его всемилостивейше выпустить королеву из тюрьмы. Принц — презабавный ребенок, но временами бывает несносен. Он говорит, что народ должно хвалить за то, что он прогнал Луи-Филиппа, который дурно со всеми обходился. Очаровательный малыш.

Прощайте, друг любезный.

Конны.*, 6 января 1862. (я что-то запутался в датах.)

Любезный друг мой, не стану описывать каннское солнце, опасаясь, что среди снегов и слякоти, Вас окружающих, Вам слишком тяжело будет об этом читать. Довольно заглянуть в письма, приходящие сюда из Парижа, чтобы содрогнуться от холода. По моему представлению, Вы должны быть еще в <Невере>, а скорее, на возвратном пути, потому я решил, что самое верное — писать Вам на адрес Вашего официального жительства.

По соседству со мною поселился г. Кузен[2] — с ним я и провожу время; ои приехал сюда лечиться от ларингита, но целыми, днями трещит, как сорока, ест в три горла и удивляется, что никак не может выздороветь иод чудесным каннским небом, которым любуется впервые. Впрочем, ои презабавен — каждого умеет рассмешить. Сдается мне, что, оставаясь наедине со своим слугою, он ведет с ним беседы, точно с самой кокетливой герцогинею, будь то орлеанистка или легитимистка. Чистокровные каннцы в себя не могут прийти от его острот, и представьте себе, каково бывает их изумление, когда оказывается,

что человек этот, болтающий обо всем подряд, перевел Платона и ходит в любовниках госпожи де Лонгвиль [3]. Единственное неудобство от него то, что оп пе понимает, когда нужно и помолчать. Философ-эклектик должен бы все же заимствовать лучшее у перипатетиков.

Ничем путным я тут не занимаюсь. Изучаю ботанику по книге и на тех травах, какие попадаются под руку, кляня непрестанно слабое свое зрение. Об этом занятии мне стоило бы подумать лет 20 назад, когда глаза были другими; впрочем, все это довольпо забавно, хотя и в высшей степени аморально,— ведь на каждую даму приходится, по меньшей мере, шесть, а иногда и восемь кавалеров, и все они наперебой одаривают ее тем, что она принимает и справа и слева с полнейшим равнодушием. Я очень сожалею, что не привез микроскопа, однако ж, вооружившись очками, я мог пронаблюдать любовь тычинки и пестика, которые ничуть не смущались моим присутствием. Кроме того, я рисую и читаю одну русскую книгу о другом казаке[4], который был много образованнее Стеньки Разина, но имел несчастье зваться Богданом Хмельницким. Нет ничего удивительного в том, что с таким трудно» произносимым именем он неизвестен у нас на

Западе, где удерживаются лишь имена с греческими или латинскими корнями. Благосклонно ли от» неслась к Вам зима? И как справляетесь с детишками, чьи дела совсем уж Вас поглотили? Воспитывать детей, верно, очень забавно. Я Воспитывал только котов, не получив от этого никакого удовлетворения; исключение составил, пожалуй, лишь последний, имевший честь быть представленным Вам. G детьми же самым непереносимым представляется мне то, как долго приходится ждать, покуда поймешь, что у них на уме, и услышишь от них здравые суждения. Весьма досадно и то, что малыши не могут описать процессы, происходящие в их мозгу, и мысль рождается у них сама собой. Довольно сложно понять, надобно с ними сюсюкать, как сюсюкали с нами, или лучше говорить о вещах здраво. В обеих методах есть свои «за» и «против».

Если Вы когда-нибудь окажетесь возле Стассена[5], будьте добры, взгляните, пожалуйста, нет ли там в каталоге книги о лингвистике Макса Мюллера ®, профессора из Оксфорда. Не знаю, правда, ее названия; а Вы потом скажете, очень ли она дорогая и могу ли я удовлетворить эту свою прихоть. Мне говорили, что это — превосходнейший труд по языковому анализу.

Я познакомился тут с одним котом-бродягой, живущим в заброшенной лесной хижине; я приношу ему хлеба и мяса, а он, едва меня завидя, бежит мне навстречу не меньше чем за четверть лье. Жаль, что я не могу унести его, ибо инстинкты у него развиты пойстине удивительно.

Прощайте, друг любезный; надеюсь, это письмо застанет Вас в добром здравии и такой же цветущей, какою Вы былй в минувшем году. Желаю, чтобы наступивший был для Вас счастливым и благополучным ....

250

Канны, 1 марта 1862.

Я тронут, что среди всех хлопот Вы нашли время подумать о моей книге[1]; если Вам удастся подучить ее к моему возвращению, я буду очень рад, однако ж не тратьте на это слишком много сил.

День ангела моей кузины положительно вылетел у меня из головы. Я вспомнил о нем на другой день, когда было уже слишком поздно. Если Вы не против, по возвращении моему мы обсудим это вместе; год

от году решать сию проблему становится труднее, ибо все возможные вариации колец, заколок,

носовых платков и пуговиц я исчерпал. Дьявольски трудно изобрести что-нибудь новое!

То же можно сказать и о романах. Я натолкнулся тут в этом жанре на такие мозаики — отовсюду понемногу,— что мне, право, захотелось подвергнуть их авторов физическому наказанию. Собираюсь поехать на три дня в Сен-Сезэр — местечко, расположенное в горах над Каннами,— к доктору своему, милейшему человеку; по возвращении же всерьез возьмусь за подготовку к отъезду в Париж. Я не жалею о том, что не принимал участия в возне [2], какая затеялась в Люксембургском дворце на самом школярском уровне. Еще меньше жалею я о том, что не принимал участия в выборах, вернее в потугах на академические выборы, которые не так давно состоялись. Мы теперь всецело во власти клерикалов, и скоро для избрания в кандидаты надобно будет предъявить свидетельство об исповеди. Г. де Монталамбер[3] выдал такое свидетельство в верности католицизму одному из друзей своих[4], у которого, несмотря на то, что он — всего-навсего марселец, хватило здравого смысла не возражать. Покуда эти господа доставляют нам не очень много хлопот, однако ж следует опасаться, что со временем успех совсем вскружит им голову.

Вы не можете вообразить ничего прелестнее наших краев в хорошую погоду. Правда, нынче этого не скажешь, ибо как величайшее исключение с самого утра льет дождь; но все поля покрыты фиалками, анемонами и множеством других каких-то цветов, названия которых мне не известны.

Прощайте, любезный друг мой. До скорой, я надеюсь, встречи. Хотелось бы Вас застать в том виде, в каком Вы были, когда 1ры расставались более двух месяцев назад. Не худейте, не полнейте, не слишком отчаивайтесь и думайте хоть немного обо мне.

Прощайте.

251

Лондон British Museum, 12 мая 1862.

Что же до Выставки, говоря по совести, ее не стоит и открывать,— пока затея эта производит впечатление отнюдь не благоприятное. Правда, не все еще распаковано, но даже само здание отвратительно. Оно хоть и велико, но таковым не кажется. Надобно пройтись по нему и заблудиться — тогда только можно представить себе его размеры. Все говорят, что там есть превосходнейшие вещи. Я успел осмотреть лишь 30-й

раздел, по которому числюсь reporter *. И нахожу, что англичан© достигли многого по части вкуса и устройства интерьера; покуда еще наша мебель и обои решительно лучше, чем у них, но мы портимся с

каждым годом, и если так будет продолжаться и дальше, нас в самом скором времени оставят позади. Жюри наше возглавляет немец, который думает, что говорит по-английски, хотя его понять не может никто. Трудно придумать что-либо бессмысленнее наших совещаний, ибо все недоумевают, о чем же идет речь. Но в голосовании участвуют. Хуже всего то, что в нашем разделе принимают участие английские промышленники, и мы вынуждены будем присуждать этим господам медали, хотя они вовсе их и не заслуживают. Меня одолевают рауты и речи. Третьего дня я обедал у лорда Гранвилля [2]. В длинной галерее стояло три небольших столика; полагали, что это поможет поддерживать общую беседу, но собравшиеся едва были знакомы и вовсе друг с другом не разговаривали. Вечером я отправился к лорду Пальмерстону, где было японское посольство; на поясе у японцев висели длиннющие сабли, которые то и дело цеплялись за юбки дам. А среди них были как поразитель-

ные красавицы, так и поразительные уродины; притом и те и другие с одинаковым бесстыдством обнажали всем напоказ плечи и другие прелести, с той только разницей, что у одних это выглядело восхитительно, а у других — ужасно. Однако ж англичане, по-моему, не слишком строго судят подобные вещи.

Прощайте, любезный друг мой.

252

Лондон, British Museum, 6 июня 1862.

Любезный друг, забрезжил, кажется, конец моим мучениям. Я сам прочел мой доклад международному жюри на чистейшем англосаксонском языке, без единого слова, заимствованного из французского; так что в этом направлении черта подведена *. Теперь мне осталось сделать еще один <доклад> моему правительству. Думаю, что через несколько дней я совсем освобожусь, и вполне вероятно, что мне удастся выехать в Париж между 15 и 20 сего месяца. А Вы сделали бы доброе дело, написав мне до 15-го, где Вы в это время будете и каковы Ваши планы.

Право же, я считаю, что Выставка терпит провал. Напрасно устроители делают рекламу и бьют в барабаны — народ не идет. Для хотя бы прибли-

зительного покрытия расходов им надобно иметь 50 тысяч посетителей в день, а до этого числа еще очень далеко. Высший свет не ходит туда с тех пор, как плату снизили до одного шиллинга; простой же люд, похоже, не интересуется этим вовсе. Кормят отвратительно. Забавно, пожалуй, только в американском ресторанчике. Там подают в большей или меньшей степени забористые напитки, которые полагается тянуть через соломинку: «mint julep» ** или «rase the dead» [2]*. Все смеси эти сделаны на основе разбавленного чем-нибудь джина. Каждый день, вплоть до 14-го, я ужинаю в городе. После этого намереваюсь поехать те [4]* мятную настойку (англ.).

[2]* «и мертвого поднимет» (англ.).

Оксфорд[2],, повидаться с г. Максом Мюллером и посмотреть несколько книг в Бодлеевой библиотеке [3],— а там уж можно и домой. Меня замучило британское гостеприимство и ужины, которые как будто все приготовлены одним неопытным поваром. Вы и вообразить себе не можете, как страстно я желаю выпить моего домашнего бульону. Кстати, не знаю, говорил ли я Вам, что старая моя кухарка от меня уходит т- решила возвратиться в родные края. Она прослужила у меня 35 лет. Это событие решительно нервиру-

ет меня, ибо нет ничего противнее, чем видеть новые лица.

Не знаю, какое из двух значительных событий, случившихся в последние дни, произвело больший эффект,— поражение двух фаворитов на дерби \ которых обошла какая-то неизвестная лошадь, или поражение тори в Палате Общин [5]. После этих событий все в Лондоне ходят подавленные и выглядят довольно смешно. Одна юная леди, сидевшая на трибуне, упала в обморок, узнав, что Маркиза обошел на голову какой-то плебей без всякой родословной, pedigree *. Г. Дизраэли [6] сохраняет, видимо, полнейшее хладнокровие, ибо появляется на всех балах.

Прощайте, друг любезный.

253

Париж, <27) июля 1862.

Не стану описывать всех неприятностей, какие свалились на меня. Желал бы я, чтобы Вы разделили их ср мною, а коснись Вас хотя бы половина, Вы непременно нашли бы возможность оставить на время всё и вся ради меня. После Вашего отъезда я пережил очень тяжелые дни. Несчастная старуха Каролина скончалась у меня в доме, настрадавшись вдосталь; я остался теперь

без кухарки и совершенно не представляю себе, что делать. После смерти Каролины явились ее племянницы и принялись оспаривать наследство. Одна из них, однако ж, взяла теткину кошку, которую я собирался оставить у себя. Насколько я понял, наследники Каролины получат что-то около полутора тысяч франков ренты. Мне доказали, что собрать такие деньги с того жалованья, какое я платил ей, она не могла, но я все же не думаю, чтобы она у меня крала, и не хочу с убеждением этим расставаться. Я с удовольствием завел бы кота, похожего на покойного Матифаса, к которому Вы всегда благоволили, но коль скоро я уезжаю в Пиренеи, у меня не будет времени на его воспитание. Мне сказали, что воды Баньер-де-Бигор [1] должны мне очень помочь. Я-то думаю, что пользы они мне принесут как мертвому припарки, но вокруг там — восхитительные горы и поблизости живут друзья. Г. Паницци должен заехать за мною 5 августа, и мы с ним тотчас пустимся в возвратный путь, кружною дорогой — проедем через Ним, Авиньон и Лион. Так что в Париже я надеюсь быть в то же время, что и Вы.

Зд.: неизвестного происхождения (англ.).

На прошлой неделе приехала госпожа де Монтихо; она сильно изменилась и, право, больно

глядеть на нее. Она совершенно безутешна после смерти дочери, и я нахожу ее состояние тяжелее, нежели в первый день. В минувший четверг я ужинал в Сен-Клу [2] в весьма тесном кругу и страшно забавлялся. Мне показалось, что настроения там менее пропа-пистские, чем говорят. Мне дозволили от души позлословить о некоторых вещах, даже не попытавшись призвать к порядку. Маленький принц прелестен. Он вырос на два пальца, и право же, я не видел ребенка очаровательнее него. Завтра мы заканчиваем работу по музею Кампаны[5]Представители скупщиков в ярости и атакуют нас через газеты. Нам же, если бы мы вознамерились, долго пришлось бы перечислять все глупости, какие они наделали, не говоря уже о том, какую дрянь им выдавали за антику. У нас стоит чудовищная жара, но я совсем неплохо себя чувствую. Говорят, это хорошо для хлеба. Прощайте, любезный друг мой.....

254

Баньер-де-Бигор, домик Лаканов, Верхние Пиренеи. суббота, 16 августа 1862.

Любезный друг мой, вот уже три дня, как я здесь с г. Паницци, — перевожу дух после утомительнейшего путешествия под немилосердно

палящим солнцем. Третьего дня мы были им покинуты (я имею в виду солнце) и получили взамен погоду под стать лондонской — туман и мелкий моросящий дождь, от которого незаметно отсыреваешь до костей. Я встретил тут одного моего товарища, доктора, специалиста по водам; он осмотрел меня, двинул кулаком по спине, по груди и нашел две смертельных болезни, от которых взялся меня вылечить при условии, что каждый день я буду выпивать по два стакана горячей воды, совсем недурной на вкус и не вызывающей тошноту, как вода обыкновенной температуры. Помимо этого, я купаюсь в одном источнике, где вода тоже довольно горячая, но чрезвычайно приятная для кожи. По-моему, все это приносит мне большую пользу. Правда, по утрам у меня случаются неприятные приступы сердцебиения, и сплю я неважно, зато появился аппетит. Теперь Вы, по своему обыкновению, сделаете заключение, что вскорости я стану отменным здоровяком. Народу здесь немного и почти никого знакомых, что весьма меня устраивает. В этом году совершенно исчезли сливы и англичане. А в красавицах нынче ходит мадемуазель А. Д<ельон> \ которая когда-то производила неотразимое впечатление на принца <Наполеона) и

юных прощелыг. Не знаю, право, каким недугом она страдает. Я имел счастье любоваться ею только со спины, притом она была в самом широком во всей округе кринолине. Балы даются тут два раза в неделю, и я не собираюсь на них ходить, равно как и на любительские концерты; один я прослушал — и довольно. Вчера меня заставили высидеть мессу, куда я отправился в сопровождении жандармов, однако ж мне удалось отклонить приглашение на вечер к супрефекту, дабы не переживать слишком много катаклизмов в один день. Места тут красивейшие, но я пока еще не разглядел всего как следует; рисовать начну, как только хоть ненадолго проглянет солнце. А что у Вас? Напишите. Очень хотелось бы показать Вам, какая в этих краях несравненная зелень и в особенности — как прекрасны воды, прозрачность которых умалило бы сравнение с хрусталем. А сколь приятно было бы побеседовать с Вами в тени громадных буков. Неужто Вы все еще во власти моря и тюленей?

Прощайте, друг любезнейший.

255

Банъер-де-Бигор, 1 сентября 1862.

Любезный друг, благодарю Вас за письмо. Ответ

посылаю в Н<евер>, зная, что Вы не намерены останавливаться в Париже, и надеясь, что до места Вы уже добрались. В Булони Вы испытали как раз то,— я имею в виду тюленьи потасовки,— с чем на каждом шагу сталкиваешься, когда живешь в Париже. Мелкие провинциальные ссоры и дела кажутся столь ничтожными и жалкими, что положение людей, там живущих, вызывает сострадание. Надобно, однако ж, признать, что по прошествии нескольких месяцев начинаешь следовать их примеру, жить их интересами и в конце концов становишься совершеннейшим провинциалом. Грустно тратить на это человеческий разум, но он питается тем, что ему предлагают, и большего ему как будто бы и не надо. На прошлой неделе я отправился на прогулку в горы посмотреть одну из ферм г. Фульда. Она стоит на берегу небольшого озера, в окружении громадных деревьев, что встречается во Франции так редко, и вид с нее открывается прекраснейший; к тому же мы там превосходно пообедали. На ферме множество великолепных лошадей и быков, которые содержатся по английской методе. Более того, мне показали осла, на которого возложена обязанность по увеличению поголовья мулов. Животное это громадное, размером

с очень крупную лошадь; и хотя шкура у него черная, по свирепости нрава он должен был бы быть рыжим. Сдается, без креста и хоругвей не обойтись, если хочешь, чтобы он одарил своими милостями кобылу. Обыкновенно ему показывают ослицу, и как только он распалится, ему уже всё равно, он и не видит, что находится рядом. Как Вы расцените теперь процесс прибавления рода человеческого, где можно наблюдать такие же прекрасные уловки? Сейчас Вы взорветесь от моих рассказов — я даже отсюда вижу выражение Вашего лица. А мир день ото дня становится все глупее. Кстати, читали ли Вы «Отверженных» [4] и слыхали ли, что о них говорят? Вот Вам еще один пример, доказывающий, что порода человеческая ниже породы горилловой. Воды идут мне на пользу. Я стал лучше спать и на аппетит не жалуюсь, хотя двигаюсь немного, ибо компаньон мой не слишком резв. Думаю побыть здесь еще с недельку, а потом, возможно, проедусь в Биарриц или в Прованс. Мысль о том, чтобы совершить прогулку по Лаго Маджоре, пришлось оставить, так как дом, где мы должны были остановиться, теперь принять нас не может. В Париже я буду не позднее 1 октября.

Прощайте, друг любезнейший; прощайте и

пишите.

256

Биарриц, вилла ((Евгения», 27 сентября 1862.

Любезный друг мой, пишу Вам по-прежнему в <Невер>, хотя ничего не знаю о Ваших передвижениях; по моим представлениям, до Парижа Вы еще не добрались. Если, как я надеюсь, погода у Вас не хуже нашей, Вы должны пользоваться ею и не слишком торопиться в Париж, где воздух отравлен парами асфальта. Я же наслаждаюсь здесь близостью моря, и дышится мне так легко, как не дышалось уже очень давно. Баньер-ские воды вдруг начали действовать на меня очень дурно. Меня уверяли, что так и должно быть и что это лишь доказывает их целебность. Однако ж стоило мне уехать из Баньера, как я почувствовал себя словно заново рожденным; морской воздух, а вместе с ним, по всцй вероятности, и императорская кухня, которою я здесь пользуюсь, завершили мое исцеление. Должен Вам заметить, нет ничего чудовищнее кухни в гостинице *** в Баньере, и я, право, думаю, что нам с Паницци подмешивали там медленно действующий яд. Народу у нас на вилле немного, и все — люди мне приятные, знакомые с незапамятных времен. В

городе тоже немноголюдно, главное — мало французов; преобладают же испанцы и американцы. По четвергам у нас приемы, и северных американцев приходится сажать на одном конце стола, а южных — на другом из опасения, как бы они друг друга не съели. В этот день принято одеваться. В остальное же время о туалетах не заботится никто; дамы обедают в закрытых платьях, а мы — представители грубого пола — в рединготах. Ни во Франции, ни в Англии не сыскать дворца, где бы все чувствовали себя так же свободно и вне рамок этикета, равно как не сыщешь такой радушной и любезной к своим гостям хозяйки дома. Мы совершаем чудеснейшие прогулки по долинам, тянущимся вдоль подножия Пиренеев, и возвращаемся, нагуляв преславный аппетит. Море, обыкновенно весьма в этих местах бурное, вот уже неделю чарующе покойно; однако ж со Средиземным я его не сравню, а уж с тем, каким оно бывает в Каннах, и подавно. Глаз мой все никак не привыкнет к купальным костюмам дам. Скажем, госпожа ***, желтая, словно репа, одевается только в синее да еще припудривает волосы. Кое-кто полагает, что она посыпает голову пеплом по причине бед, обрушившихся на ее родину. Несмотря на прогулки и трапезы, я поти-

хоньку работаю. В целом в Биаррице и вообще в Пиренеях я написал более половины тома *. Это продолжение повести об одном казацком герое, которую я собираюсь поместить в «Журналь де Саван». Кстати о литературе, читали ли Вы спич Виктора Гюго на обеде [2], устроенном бельгийскими книготорговцами и прочими брюссельскими мошенниками? Какая жалость, что этот малый, сумевший создать столь прекрасные образы, не обладает и крупицею здравого смысла и бесстыдно позволяет себе провозглашать пошлости, недостойные порядочного человека! В его сравнительном описании туннеля и железной дороги больше поэзии, нежели в любой другой книге из тех, что я читал за последние пять или шесть лет, однако ж по сути дела это лишь образы, созданные его воображением. Нет в них ни глубины, ни основательности, ни обобщения; он пьянеет от потока собственных слов и не дает уже себе труда думать. Двадцатый том Тьера[3] нравится мне не менее; чем Вам. Необыкновенно трудно было, как мне думается, отобрать наиболее важное из того необозримого множества записей, бесед, какие вывез Лас Каз[4] со Святой Елены, и Тьер наилучшим образом с этим справился. Мне нравятся и суждения его, и сопоставления Наполеона с

другими великими людьми, Слишком строг он, пожалуй, к Александру и Цезарю, но в том, что он говорит о не добродетельности Цезаря, есть немалая доля истины. Здесь все живо интересуются им и, боюсь, слишком слепо поклоняются герою; анекдот о Нйкомеде®, скажем, и слушать не хотят, равно, впрочем, думается мне, как и Вы.

Прощайте, друг любезнейший; будьте здоровы и не слишком жертвуйте собою ради других, ибо они скоро к этому привыкнут, и то, что покуда Вы делаете с удовольствием, однажды может стать Вам в тягость. Еще раз прощайте.

257

Париж, 23 октября, 1862.

Любезный друг мой, с начала месяца[1] я вел крайне напряженную жизнь, а потому отвечаю Вам с опозданием. Из Биаррица я вернулся вместе с государем и государыней. Всем нам очень нездоровилось — я полагаю, что это отравление окисью меди. Повара клянутся, что кастрюли чищены, но я в их искренность не верю. Ибо факт остается фактом: у 14 человек из обитателей виллы были рвота и судороги. Я пережил уже когда-то отравление окисью меди, знаю его симптомы и оттого стою на своем. Несколько дней в

Париже я занимался покупками и разнообразными хлопотами, а потом съездил в Марсель, где спускали на воду пакетботы, отправлявшиеся в Китай. Вы, разумеется, понимаете, что сия церемония не могла обойтись без меня. Пакетботы эти так красивы, и каюты в них так уютны, что испытываешь желание немедля отправиться в Китай. Однако ж я устоял от соблазна и удовольствовался принятием солнечной ванны в Марселе. Быть может, Вы догадываетесь, какими хлопотами я занимался по возвращении из Биаррица. Хлопотами политическими, если угодно; с одной стороны, в интересах хозяина мне хотелось, чтобы г. Фульд оставался в министерстве, а с другой, достоинство и личные интересы самого г. Фульда требуют; чтобы он подал в отставку. Кончилось это уступками, которые никому никакой пользы не принесли и, сдается мне, только всех принизили. Самым же уморительным во всем деле было то, что Персиньи[2], которого не выносят министры антипапистского толка, сделался их знаменосцем, а проведенную им беседу они сумели использовать себе во благо, сохранив свои портфели. Таг ким образом, милейшего малого, умницу Тувенеля [3] сместили, зато оставили полубезумного Персиньи, который, ко всему,

ничего не смыслит в делах. Вот мы и оказались на некоторое время в лапах клерикалов, а Вам известно, куда они ведут своих друзей.

Мне показалось, что Вас слишком взволновали высказывания Виктора Гюго [4]. Но ведь это пустые, лишенные всякой идеи слова — нечто вроде «Восточных мотивов» [5] в прозе. Я предлагаю Вам прочесть одно из писем госпожи де Севинье[6], чтобы вспомнить, что такое хорошая проза, а если Вас увлекают еще здравый смысл и интересные мысли, Хфочтите 20-й том Тьера: он — лучший из всех. Я читал его дважды, притом во второй раз с большим удовольствием, чем в первый, и не поручусь, что не перечитаю вновь... Мне бы очень хотелось знать что-нцбудь о Ваших планах. Расскажу Вам о моих. Числа 8 следующего месяца я намереваюсь поехать в Компьень и застать там именины императрицы, то есть пробыть числа до 18 или 20-го. А до этого или после не мог ли бы я Вас увидеть? Сдается мне, что в деревне нынче должно быть холодно и сыро и что пора Вам подумать о возвращении.....

Прощайте, друг любезный; надеюсь, что ни аппетит, ни здоровье по-прежнему не изменяют Вам.

258

Париж, 5 ноября 1862.

Любезный друг мой, я приглашен в Компьень до 18-го числа. 10-го до трех часов я буду в Париже и надеюсь Вас увидеть. Напишите мне подробнейшее письмо. К Вашим новым литературным пристрастиям я отношусь весьма неодобрительно. Возможно, все же Вас позабавит книга, которую я теперь читаю,— история Нидерландской революции, написанная Мотлей \ Если хотите, я предоставлю ее в Ваше распоряжение. Это — целых пять солидных томов, однако ж читается легко, хотя и не слишком хорошо написано, и вызывает у меня большой интерес. Автор настроен весьма антикатолически и антимонархически, изыскания им проделаны серьезнейшие, да и вообще он — человек одаренный, несмотря на то, что американец.

У меня — насморк, с легкими тоже неважно. Наступит день, когда Вы узнаете, что орган этот отказал у меня совсем и я перестал дышать. А потому Вы должны быть со мной весьма любезны, покуда сие несчастье не произошло.

Прощайте, друг любезный...

259

Канны 5 декабря 1862.,

Любезный друг мой, я приехал сюда в паузе между двумя наводнениями и за четыре дня потерял всякую надежду когда-нибудь увидеть солнце, даже в Каннах. Ибо если уж в этих краях возьмется дождь, стан^-вится не до шуток. Долина между Каннами и Эстерелем превратилась в озеро, и было решительно невозможно нос высунуть наружу. И все же, несмотря на потоп, воздух был ласков и приятен для дыхания. С тех пор как у меня появилась одышка, я сделался столь же чувствителен к достоинствам воздуха, как римляне — к воде. По счастью, стихия вскоре угомонилась. Вот уже три дня, как вновь сияет солнце, и с той поры я живу с распахнутыми окнами, и мне даже жарко. Только мухи и напоминают о превратностях бытия. Перед отъездом из Парижа я решил проконсультироваться у одного знаменитого доктора [2], ибо после возвращения из Компьеня чувствовал себя из рук вон плохо, и мне хотелось знать, через сколько времени надобно начинать приготовления к моим похоронам. Консультацией его я остался очень доволен: во-первых, он меня заверил, что церемония сия состоится не

тотчас,— чего я опасался; а во-вторых, он анатомически и весьма доходчиво разъяснил мне причину моих болезней. Я полагал, что у меня больное сердце,— ничуть не бывало; это все легкие. Болезнь моя, и в самом деле, неизлечима, но есть способы избежать мучений, а это уже очень много, если не самое главное.

Вы не можете представить себе красоту окрестной природы, умытой дождями. Повсюду, словно в мае, цветут розы. Зацветает жасмин и множество каких-то диких цветов, одни прекраснее других. Как бы мне хотелось совершить вместе с Вами ботаническую экскурсию по здешним лесам — Вы убедились бы, что они стоят лесов Бельвю. Мне сюда прислали, сам не знаю, каким образом, последнюю книгу г. Гюстава Флобера под названием «Госпожа Бовари» [3], которую, сдается мне, Вы читали, хоть и не хотите признаваться. Я нашел, что талант у него есть, но он растрачивает его попусту, потрясая знаменем реализма. Только что он выпустил новый роман «Саламбо» [4]. В любом другом месте, кроме Канн, где на полках одна только «Мещанка-кухарка»,— я бы даже не раскрыл этого тома. Это история, действие которой происходит в Карфагене за несколько лет до начала второй Пунической войны. Автор,

прочитавши Буйе [5] и еще несколько подобных компиляций, решил, что. он эрудирован вполне и сдобрил образованность свою лирическими пассажами в духе самых неудачных вещей Виктора Гюго. Там есть страницы, которые без сомнения понравятся Вам, равно как и прочим представительницам Вашего пола — поклонницам возвышенного стиля. Я же, при ненависти моей к котурнам, пришел от этого чтива в совершенную ярость. С тех нор как я здесь, точнее с тех пор как начались дожди, я снова взялся за свой опус о казаках. Боюсь, что в целом он выйдет довольно объемистым. На днях собираюсь отправить в Париж вторую статью, а конца еще не видно. Я вдруг обнаружил, что забыл взять с собою карту Польши, и теперь испытываю затруднения в написании польских названий, ибо у меня — только русская их транскрипция. Если под руками у Вас найдется какой-нибудь источник информации, попробуйте выяснить, не является ли случайно город, который по-русски называется Львовом, тем же городом, который в Галиции называют Лембергом[6]. Вы оказали бы мне большую услугу.— Прощайте, друг любезный; надеюсь, что зима обходится с Вами ие слишком сурово и Вы удачно избегаете насмор-

ков и простуд. Так же ли мила Ваша маленькая племянница? Не слишком балуйте ее, иначе потом она будет слишком несчастна. А еще мне бы очень хотелось, чтобы Вы посмотрели пьесу моего друга Ожье [7] и откровенно высказали свое мнение. Еще раз прощайте.

260

Канны, 3 января 1863.

Любезный друг мой, год для меня начался весьма скверно — я лея-су в постели с приступом люмбаго, да таким острым, что не могу даже повернуться. Вот что получаешь в этом чудеснейшем климате, где пока светит солнце, на дворе — лето, но зато, стоит солнцу зайти, как через четверть часа Вас до мозга костей пронизывает холодная сырость. Совсем как в Риме, с той лишь разницей, что здесь господствует ревматизм, а там — лихорадка, против которой надобно заранее принимать меры. Нынче спина моя уже стала немного гнуться, и я начинаю выходить на улицу. Меня навестил старинный мой друг г. Эллис [4]; он провел здесь сутки и освежил мой запас новостей и мыслей, особенно оскудевших от пребывания в Провансе,— это, если как следует все взвесить, единственная неприятная черта жизни вне Па-

рижа. Живо превращаешься в пень, а если вкусы твои расходятся со вкусами уважаемого коллеги г. де Лапрада [2], возжелавшего стать дубом, в таком перевоплощении нет ничего приятного.

Если я и дальше пойду на поправку, думаю возвратиться в Париж числу к 18 или 20, чтобы участвовать в обсуждении адреса[3], которое, как мне говорили, должно быть интересным и острым, а исполнив свой долг, я немедля вернусь в солнечные края, ибо в Париже среди льдов,, ветров и февральской слякоти я непременно отдам богу душу. ....

Напрасно Вы не прочли «Саламбо». Нет сомнения, книга это безумная, в ней еще больше пыток и всяческих ужасов, чем в «Жизни Хмельницкого», но все же талант чувствуется; вообще фигура автора вырисовывается довольно занятная, однако ж забавнее, всего выглядят его поклонники — мещане, желающие беседовать о чем угодно с порядочными людьми. Те самые мещане, которых друг мой Ожье столь блистательно высек, поэтому, как меня уверяют, никто из людей, себя уважающих, не признается, что видел «Сына Жибуайе». Однако касса театра не перестает наполняться, равно как и кошелек автора. Рекомендую Вам в «Ревю де Дё Монд»

от 15-го числа роман г. Тургенева, корректуру которого мне должны переправить сюда; а читал его по-русски. Он называется «Отцы и дети» [4]. В нем описывается различие между поколением уходящим и поколением, входящим в жизнь. Главный герой представляет новое поколение; он — социалист, материалист и реалист, но при том человек умный и глубокий. Тип весьма оригинальный, который, надеюсь, Вам понравится. Роман произвел в России подлинную сенсацию \ на автора нападали со всех сторон, обвиняя его в безбожии и безнравственности.

9 Проспер Мериме

Я убежден, что сочинению, вызвавшему неистовство публики, успех обеспечен. Хотелось бы заставить Вас прочесть еще и вторую часть «Хмельницкого», корректуру которого я выправил, покуда лежал на спине. Вы увидите там множество казаков, посаженных на кол, и евреев, с которых заживо сдирают кожу. В Париж я собираюсь не ради тронной речи, а единственно ради обсуждения адреса, иными словами, полагаю числу к 20-му или 21-му; однако ж, сообразуясь с Вашими планами, я могу свой приезд ускорить. Прощайте, друг любезный; желаю Вам здоровья, счастья и отсутствия люмбаго. Прощайте и не

забывайте меня.

261

Канны, 28 января 1863.

Любезный друг мой, я уже намеревался выехать в Париж и надеялся быть там 20-го, как вдруг у меня вновь начались желудочные колики. Они сопровождались страшным насморком и болезнейшими приступами удушья; все это вместе продержало меня в постели целую неделю. Доктор говорит, что, прежде чем возвращаться в Париж, я должен совсем поправиться, а не то мне станет много хуже; поэтому я застряну здесь еще недели на две. Впрочем, мне написали, что обсуждение адреса вряд ли будет интересным, что все произойдет быстро и без шума. Теперь мне уже много лучше, и хотя, разумеется, я не вполне еще здоров, я снова начал выходить и возвращаюсь потихоньку к привычному ритму жизни. Погода восхитительная, однако ж здешний климат не лишен коварства. А я должен остерегаться его больше, чем кто угодно другой. Покуда светит солнце, кажется, что на дворе — июнь. А через пять минут, откуда ни возьмись,— пронизывающая сырость. Я и расхворался-то оттого, что слишком подолгу любовался великолепными

закатами. Мне говорят, что у вас холодов резких нет, зато хватает туманов и дождей. Здесь же везде вокруг выпало невероятное количество снега, и теперь нет ничего прекраснее вида девственно белых гор, которые окружают наш маленький зеленый оазис. Как провели Вы время? Удалось ли Вам избежать насморка и какую Вы теперь ведете жизнь? Вечерами я пишу для «Жур-наль де Саван» *. Скотина эта «Хмельницкий» никак не кончается, и я боюсь, что потребуется еще два куска, прежде чем я смогу сочинить ему надгробную речь; три куска, не менее длинные, чем тот, который Вы читали, я уже написал; в них тоже множество посаженных на кол, заживо ободранных и прочих милых шуток. Боюсь, как бы это не стало слишком похоже на «Саламбо». Вы чистосердечно выскажете мне свое мнение, если Вам удастся найти экземпляр «Журналь де Саван», который невежды упорно отказываются читать, несмотря на неоспоримые его достоинства.

У нас тут по соседству случилась трагедия. Одна хорошенькая юная англичанка загорелась на балу. Мать, пытаясь спасти ее, загорелась тоже. Обе они умерли через три или четыре дня. Муж, также получивший ожоги, все еще болен. Это уже восемнадцатая знакомая мне же ищи-

на, с которою приключилось подобное несчастье. Зачем Вы носите кри~ юлнн? Вам бы надо подавать пример. Ведь довольно резко повернуться, стоя возле камина, или посмотреться в зеркало (его обязательно вешают над камином), чтобы, изжариться заживо. Разумеется, умирают один только раз, а в остальное время чувствуют себя превосходно, обзаведясь таким чудовищным задом, точно изменяют кому-то с шаром, надутым воздухом! Зачем Вы не поставите перед камином металлическую решетку? Похоже, что в Париже публика становится все более религиозной. Я получаю наставления от людей, которые, казалось бы, должны выражать совсем иные мысли. Мне сказали, что г. де Персиньи выказал себя ультрапапистом во время обсуждения адреса в сенате. Ну, что же, в добрый час. Я не верю, что когда-либо раньше люди были глупее, нежели теперь. Все это протянется, сколько возможно, однако ж конец видится мне страшноватый.

Прощайте, друг любезный. ....

262

Париж, 26 апреля 1863.

Любезный друг мой, зная Вашу привычку путешествовать со скоростью черепахи, я не стал

писать Вам в Геную. Посылаю письмо во Флоренцию *, где, как я надеюсь, Вы задержитесь на некоторое время. Из всех итальянских городов, какие я знаю, Флоренция в наибольшей мере сохранила свой средневековый колорит. Только постарайтесь не подхватить насморка, если остановитесь в «Lung'Arno», как все порядочные люди: Что же до Рима, я решительно не вправе давать Вам советы, ибо сам не был там уже очень давно. Порекомендую лишь две вещи: прежде всего не выходить из дома на закате солнца, ибо в этот час можно мигом схватить лихорадку. А в собор Святого Петра пусть Вас отвезут за четверть часа до начала «Angelus» [2], и там Вам надо переждать, покуда уляжется странная сырость, появляющаяся в этот час в воздухе. Впрочем, ничто не настраивает так на мечтательный лад, как громадная эта церковь на склоне дня. Она, право же, прекрасна, если пе рассматривать ее пристально и в деталях. Когда будете там, думайте обо мне. Второй мой совет заключается в следующем: если выдастся дождливый день, употребите его на то, чтобы поехать в катакомбы. А оказавшись внутри, войдите в один из узких проходов, выходящих на подземные улицы, погасите свечу и останьтесь одна на три или четыре

минуты. Вы опишете мне, какие Вас охватят чувства. Я с удовольствием проделал бы этот опыт вместе с Вами, но тогда ощущения у Вас могут возникнуть несколько иные. В Риме мне никогда не удавалось увидеть то, что я заранее намечал, ибо на каждом углу вас подстерегает там какая-нибудь неожиданность, и великое счастье — отдаться на волю этим случайностям. Кроме того хочу предостеречь Вас от слишком усердного посещения дворцов — достоинства их по большей части преувеличены. Если говорить о-предметах искусства, все внимание свое сосредоточьте на фресках, а уж что касается природы в сочетании с искусством, превосходных видов там хватает. Рекомендую полюбоваться видом Рима и окрестностей со Святого Петра ин Монторио [3]. И не забудьте посмотреть прекраснейшую фреску с изображением Ватикана. Непременно попросите показать Вам Капитолийскую волчицу — символ республики, хранящую на себе след молнии, ударившей в нее во времена Цицерона. А это было не вчера. И поверьте, Вам не удастся увидеть и сотой доли того, что надо бы увидеть за то короткое время, какое Вы можете употребить на это путешествие; только жалеть о том, право, не стоит. Вы сохраните неизгладимое

впечатление от целого, которое стоит куда больше, нежели множество мелких воспоминаний о деталях... Я чувствую себя неизмеримо лучше и горько сожалею о Вашем отъезде. Впрочем, вслед за сестрою Вашей я повторю, что Вы были правы, воспользовавшись возможностью повидать Рим. Остается лишь денежный вопрос, о котором я прошу Вас не забывать. Надеюсь, что кое-когда Вы об этом задумываетесь. Нет на свете таких красивых мест, где бы я не пожалел о том, что в воспоминаниях не смогу Потом связать их с Вами. Прощайте, друг любезный; пишите почаще — хотя бы несколько строк, веселитесь и возвращайтесь к нам в добром вдравии. Когда я узнаю, что Вы уже в Риме, я дам Вам некоторые поручения. Еще раз прощайте.

263

Париж, 20 мая 1863.

Любезный друг мой, пишу Вам, хотя у меня чудовищный грипп. Вот уже две недели я кашляю по ночам, вместо того чтобы спать, и мучаюсь приступами удушья. Единственное спасение — настойка опия, но от нее у меня болит голова и желудок, что не менее мучительно, чем кашель и удушье. Словом, я чувствую себя слабым и avilito

* — отправляюсь ко всем чертям вместе со своим здоровьем. Желаю, чтобы с Вами не случилось ничего подобного. Кажется, я говорил, что надобно очень остерегаться сырости, которая в тех краях, где Вы теперь находитесь, всегда появляется на закате солнца. Старайтесь одеваться так, чтобы Вам никогда не было зябко,— пусть лучше будет слишком жарко. Я завидую, что Вы находитесь в этом прекраснейшем краю, где все проникнуто мягкой и приятной меланхолией, которая с удовольствием вспоминается потому но мне бы хотелось, чтобы для сравнения Вы съездили на недельку в Неаполь. Я не знаю другого более забавного и внезапного перехода — точно из одного мира в другой. При этом возникает такое чувство, словно после трагедии попадаешь на комедию и спать отправляешься еще во власти шутовских затей. Не знаю, стала ли лучше кухня во владениях Его Святейшества. В мое время еда там была мерзейшая, тогда как 6 Неаполе можно было жить. Вполне вероятно, что политические революции уровняли обе кухни, и такую лакомку, как Вы, не удовлетворит теперь ни та, ни другая. Мы же тут питаемся историями, случившимися или приписываемыми госпоже де Шерсиньи) Верно одно: она буйно помешанная. Она бьет

слуг, лепит пощечины, раздает тумаки и спит с несколькими юными прощелыгами одновременно. Англомания у нее до-ходит до того, что она пьет brandy and water *, иначе говоря, наливает много-много первого и чуть-чуть второго. На одном из вечеров она представила президенту Троплону[2] юнца, который в тот день нес при нещ вахту, со словами: «Господин президент, я привела Вам моего darling'». Г. Троплон на это ответил, что он счастлив познакомиться с г. Милёнком. Словом, если все, что мне рассказывали о нравах львиц нынешнего сезона, верно, следует опасаться весьма скорого конца света. А уж обо всем, что происходит в Париже между юными представителями и представительницами поколения, которому суждено хоронить нас, я и вовсе не осмеливаюсь вам рассказывать.

Хотел бы я надеяться, что Вы расскажете какие-нибудь истории или хотя бы поделитесь со мною своими впечатлениями. Мне всегда приятно знать, как понравилась Вам та или иная вещь. Напомните показать Вам в Помпеях статую, у ног которой, как утверждают, убили Цезаря; если же Вы набредете на лавку некоего Кадеса, торгующего поддельными древностями и изделиями гончаров, купите у него для меня гемму из како-

го-нибудь красивого камня. А если Вы проедете через Чивита-Веккья, зайдите к антикварному торговцу по имени Буччи*[3], передайте ему от меня привет и поблагодарите за гипс Бейля, который он прислал мне. У него Вы за гроши купите черные этрусские вазы, камни с печатками и пр. А из этих черных ваз Вы можете составить прелестное украшение для камина. Прощайте, друг любезный; будьте здоровы и вспоминайте кое-когда обо мне.

264

Париж, пятница, 12 июня 1863.

Любезный друг мой, с большим удовольствием я узнал о возвращении Вашем во Францию и с еще большим удовольствием узнал о Вашем намерении вскоре вернуться в Париж. Сдается мне, что Вы пустили в ход Ваши неотразимые чары, если Вам удалось так попользоваться беднягою Буччи. А когда бы я дал Вам, как намеревался, письмо к нему, Вы унесли бы всю его лавку, даже не прибегая к помощи Ваших обыкновенных уловок. В общем-то Буччи — достойнейший человек, хранящий культ Бейля, для которого он был единственной поддержкой во времена изгнания того в Чивита-Веккья. Еще лучше было

бы, когда бы Вы навели его на разговоры о папском правительстве. И если бы он оказал- * ся с Вами столь же искренен, сколь был галантен. Вы узнали бы от него-больше, нежели от всех послов, какие только есть в Риме. Впрочем, вся сила и тонкость этих сведений заключается в том, что он рассказывает-о вещах, которые Вам, надеюсь, и так известны...

21-го я уезжаю в Фонтенбло[1], что, возможно, помешает мне поехать в конце месяца в Англию, как я собирался. В Фонтенбло я пробуду до 5 июля, иными словами, до конца пребывания там двора. Полагаю, что Вы возвратитесь на будущей неделе и до отъезда мы успеем увидеться. Надеюсь, что сие обстоятельство заставит Вас поторопиться, если желания Ваши сходны с моими. Вы ничего не пишете о Вашем здоровье. Потому я думаю, что хоть папская кухня и дурна, Вы вернетесь свежая и цветущая. Я почти все время в большей или меньшей степени гриппoвал и, по обыкновению, задыхался вовсю. А пребывание в Фонтенбло, вероятно, и вовсе меня прикончит. Потом скажу Вам, почему я не попытался отклонить эту честь.

Нынче летом я намереваюсь предпринять небольшое путешествие в Германию с тем, чтобы поглядеть на мюнхенские пропилеи, работы дру-

га моего г. Кленце [2], а также полечиться на водах, какие мне советуют^ хотя я в них не особенно верю. Не привык я чувствовать себя больным и потому страстно желаю вылечиться, чтобы не жалеть потом, что не испробовал всех возможностей.

Вы, верно, не осмелились читать «Мадемуазель де ля Кинтини»[3], покуда находились на святой земле. Это весьма посредственно. Там есть одна только неплохая сцена. Вообще по части романов я не знаю ничего нового, что было бы достойно Вашего гнева. «Хмельницкий» подошел к пятой главе, которую я теперь и выправляю, и она еще не последняя. Я дам Вам корректурные листы, если Вы захотите и сможете читать их невыправленными. Прощайте, друг любезный; мне бы очень хотелось, чтобы Вы решились наконец сесть в дилижанс.

265

Замок Фонтенбло, четверг, 2 июля 1863.

Любезный друг мой, мне хотелось ответить раньше на Ваше письмо, которое обрадовало меня несказанно, но досуга у нас тут совсем не бывает, и дни проносятся с необыкновенной быстротою — мы и сами не замечаем, как. Основ-

ными и главными занятиями нашими являются питье, еда и сон. В двух первых я преуспеваю, зато третье не дается мне нипочем. Разумеется, нелегко заснуть после того, как проведешь три или четыре часа в лосинах, посидишь на веслах во время прогулок по озеру и заработаешь после них чудовищный кашель. Общество у нас здесь подобралось довольно приятное и, как мне кажется, не такое официозное, как бывает обыкновенно, что, разумеется, всячески способствует сердечному согласию между гостями. Время от времени мы совершаем пешие прогулки по лесу, пообедав перед тем прямо на траве, точно шляпники с улицы Сен-Дени.

Третьего дня сюда привезли несколько громадных ящиков от Его Величества Ту-Дука \ кохинхинского императора. В одном из дворов их вскрыли. В больших ящиках помещались ящики поменьше, выкрашенные в красное с золотом и облепленные большущими тараканами. Когда вскрыли первый ящик, в нем оказались два сильно пожелтевших ело-новьих бивня и два носорожьих рога, а также пакет заплесневелой корицы. Запах от всего этого исходил непостижимый — сочетание прогорклого масла и тухлой рыбы. В другом ящике лежало множество штук

различной материи, очень узкой, напоминающей газ, всяческих, но препротивных цветов; все отрезы оказались в той или иной степени испачканы, да к тому же кое-где тронуты плесенью. Обещаны были золотые медали, но они так и не нашлись, оставшись, вероятно, в Кохинхине. Так что* великий император Ту-Дук оказался большим мошенником.

Вчера мы устроили маневры двух кавалерийских полков и буквально изжарились заживо. Все дамы получили солнечный удар. Сегодня нам предстоит обед в лесу, в испанском стиле; на меня возложены обязанности gaspacho, иначе говоря, я должен заставить съесть сырой лук тех дам, которые падают в обморок при одном упоминании об этом овоще. Я запретил что-либо говорить им заранее, а когда они его отведают, я сделаю им признание в духе Атрея [2].

Мне очень приятно, что «Казак» мой не слишком Вам наскучил. Что до меня, я, кажется, от него устал. Мне надобно похоронить его не позднее 1 числа будущего месяца, а как подступить к концу, я не знаю. Здесь работать мне так и не удается, хоть я и привез с собою все заметки и книги. Прощайте, друг любезнейший; я думаю пробыть тут до-понедельника или, самое позд-

нее, до вторника. Однако ж есть предположения, что наша безграничная покладистость позволит задержать нас еще на несколько дней. Я очень надеюсь застать Вас в Париже. Еще раз прощайте.

266

Лондон *, 12 августа 1863.

Любезный друг мой, я бесконечно благодарен Вам за письмо, которого ожидал с большим нетерпением. Я полагал увидеть пустой Лондон, да на первый взгляд он, и в самом деле, показался таковым. Но по прошествии двух дней я заметил, что громадный муравейник по-прежнему обитаем, а главное — увы! — что едят здесь столько же и так же долго, как и в прошлом году. Не правда ли, в медлительности, с какою в этой стране ужинают, есть нечто бесчеловечное! Это почти полностью лишает меня аппетита. За столом сидят не менее двух часов с половиною, а если добавить еще полчаса, когда мужчины оставляют дам для того, чтобы те могли о них посудачить, выходит, что в гостиную все возвращаются лишь часам к одиннадцати. Ладно бы еще, если бы это время тратилось на еду,— а то ведь кроме жареного барашка все остальное мне не йо вкусу.

Великие люди, как мне показалось, несколько

сдали со времени моего последнего приезда. Лорд Пальмерстон отказался от вставных челюстей, гчто сильно его изменило. При этом он сохранил бакенбарды и сделался дохож на веселую горилу, У лорда Рассела, сдается, испортился характер. Самые блестящие красавицы сезона уехали, но особых восторгов о них я не слыхал. Туалеты, по обыкновению, показались мне весьма посредственными и дурно скроенными; а уж от здешнего воздуха, право, нет никакого спасения. Доказательством сему служит мое горло. Я рычу, точно волк, и дышу с большим трудом. У Вас, я полагаю, должно быть не так жарко, к тому же морские купания[2] всегда пробуждают аппетит. И Лондон, и англичане начинают мне надоедать. В Париж я вернусь до 25-го. А Вы? Я прочел одну довольно забавную книжицу — «История Георга III»; написана она неким г. Филлимором[3], который обвиняет принца в мошенничестве и скотстве. Сочинение сие написано с большим юмором и изобилует неопровержимыми доказательствами. Я купил за 30 франков последнюю книгу Борроу[4] «Wild Wales» [97]. Если хотите, я счастлив буду уступить ее Вам за 15. Но Вы не

97 notes: 97

«Дикий Уэльс» (англ.).

• вступила в любовную связь (ит.).

захотите ее и бесплатно. Этот малый совсем исписался. Прощайте, любезный друг.

267

Париж, 30 августа 1863.

Завтра я уезжаю в Биарриц с Паницци, который вчера за мной заехал. Нас увозит милостивейшая государыня наша, намеревающаяся приютить нас на берегу океана неизвестно на сколько времени. А затем я поеду в Канны готовить себе жилье на октябрь. В Париж я возвращусь на обсуждение адреса и, возможно, проведу здесь весь ноябрь. Надеюсь застать в это время и Вас, назло президентам и тюленям.

У меня есть презанятнейшая книга [97], которую я одолжу Вам, если Вы будете вести себя разумно и любезно по отношению ко мне. В ней описывается,— правда, довольно глупо,— один судебный процесс, происходивший в XVII веке. Некая монахиня из королевской семьи faceva Гатоге [97] с миланским дворянином, но как скоро другим монахиням связь эта пришлась не по вкусу, она стала убивать их с помощью своего любовника.

---

97 notes: 97

«Дикий Уэльс» (англ.).

• вступила в любовную связь (ит.).

История весьма поучительна и интересна для знакомства с нра-вами той эпохи.

Прочтите «Парижский сезон» [2] госпожи <Корсаковой).

Особа эта в высшей степени простодушна: ей захотелось во что бы то ни стало понравиться Его Величеству, о чем она на одном из балов ему и сообщила без всяких обиняков и настолько неприкрыто, что на всем белом свете одна только Вы, наверное, не поняли бы ее. Он в такой мере был изумлен услышанным, что поначалу не нашелся, что ответить, и, говорят, только три дня спустя уступил натиску. Так и вижу[97] как Вы осеняете себя крестным знамением, и на лице Вашем появля® ется выражение ужаса, которое так мне знакомо.

Прочли ли Вы «Жизнь Иисуса»[3] Ренана? Верно еще нет. Это — и мало и много. Книга наносит сильный удар топором по зданию като~

лицизма. Автор до такой степени напуган своей отвагою в ниспровержении Божества, что растворяется в гимнах восторга и обожания, теряя четкость философской концепции, необходимой для осуждения доктрины. И все же это интересно,

---

97 notes: 97

«Дикий Уэльс» (англ.).

• вступила в любовную связь (ит.).

и, если Вы ее не прочли, эта книга доставит Вам удовольствие.

Мне надобно еще собраться, а потому приходится покинуть Вас. Мой адрес покуда: Вилла «Евгения», Биарриц, <Нижние Пиренеи>. Скорее напишите мне. Прощайте.

268

Канны *, 19 октября 1863.

Любезнейший друг мой, вот уже неделя, как я отдыхаю тут, в пустыне, от утомительной придворной жизни. Погода у нас стоит чудесная, а в газете я прочитал, что Ваша Луара вышла из берегов. Из этого следует, что у Вас погода ужасная, и я сочувствую Вам от всего сердца. Провансом мне предстоит наслаждаться еще не более двух недель. А там скоро — открытие сессии, хотя, по-моему, ничего сколько-нибудь яркого ожидать не приходится. Смерть г. Бийо [2] не лучшее для нее начало. Последнее время я много занимаюсь делами, убеждаю и заставляю других убеждать г. Тьера, но не знаю, что из этого выйдет. Сдается мне, что мы все более приближаемся к прежним парламентским порядкам и вот-вот начнем совершать те же ошибки, которые, возможно, повлекут за собою те же катастрофы. Добавьте к

тому ненависть, какую старательно навлекают на себя клерикалы, натягивая веревку, покуда она не оборвется. Так что причин для того, чтобы видеть будущее в наимрачнейшем свете, предостаточно. Да, забыл сказать, что по дороге сюда, неподалеку от Сен-Шамаса наш поезд сошел с рельсов \ Я не почувствовал ничего, даже страха, ибо осознал опасность, лишь когда она уже миновала. Пострадали только почтовые служащие, рухнувшие вместе с конторками своими и ящиками. Но все ограничилось довольно сильными ушибами, сломать же никто ничего не сломал. Читали ли Вы пастырское послание епископа Тюльльского[4], где он наказывает всем монахиням епархии читать «Ave» во имя г. Ренана, вернее, для того, чтобы дьявол не утащил всех в преисподнюю из-за выхода в свет книги вышеупомянутого господина. Коль скоро Вы читаете письма Цицерона, Вы могли заметить, что в те времена люди были много умнее, нежели теперь. Меня же мучает стыд всякий раз, как я думаю о нашем XIX веке, и я нахожу, что он в любом случае намного уступает своим предшественникам. По-моему, я давал Вам письма герцогини де Шуазелъ[5]. Хотел бы я посмотреть, что бы вышло, когда бы попробовали напечатать письма прекраснейшей из

наших нынешних львиц. Оставляю Вас — пойду поужу рыбку, вернее, погляжу, как удят, ибо сам я за всю жизнь не поймал ни единой рыбы. Но наиболее в этом приятное — особенно для тех, кто любит чеснок и прованское масло,— когда прямо на берегу моря готовят из нее чудесный суп. Сдается мне, что Вы как раз принадлежите к числу таких любителей.

Будете ли Вы в Париже к началу ноября? Я собираюсь провести там весь месяц, кроме, может быть, нескольких дней,— в случае, если государыня пригласит меня на свои именины в Компьень. Прощайте, друг любезный.

269

Замок Компьень, 16 ноября 1863, вечером.

Любезный друг мой, со дня прибытия сюда [4] я стал вести беспокойную жизнь импрессарио. Я был и за автора [2], и за актера, и за режиссера. Мы с успехом сыграли пьесу, в известной мере безнравственную, сюжет которой я расскажу Вам по возвращении. Для нас устроили чудеснейший фейерверк, хотя и омраченный тем, что одна дама, желая посмотреть на пушки со слишком близкого расстояния, была убита наповал. Мы совершаем долгие прогулки, и до сих пор я обхо-

дился без насморка. Меня продержат здесь еще с неделю; в Париже я пробуду до первых чисел декабря, а потом вернусь в Канны, которые перед моим отъездом утопали в цветах. Невозможно представить себе что-либо прекраснее тамошнего буйства жасмина и тубероз. Однако ж чувствовал я себя там неважно, особенно в последние дни; настроение у меня было препакостное, и я не мог побороть меланхолию.

Письма Ваши скупы до крайности, и на мои вопросы Вы не отвечаете вовсе. Вам свойственно потакать лишь Вашим собственным капризам, которые всегда меня огорчают: Вы изволите шутить и кормить меня обещаниями; когда я читаю Ваши письма, мне кажется, что я слышу Ваш голос, и это меня обезоруживает, а вместе с тем в глубине души злит. Вы ничего не рассказываете о том, как растет очаровательная девчушка, к которой Вы так привязаны. Только, прошу Вас, постарайтесь, чтобы она не выросла дурочкою, как большинство нынешних женщин. Думаю, им подобных история еще не знала. Напишите, что представляют они собою в провинции, и, если там дело обстоит еще хуже, чем в Париже, тогда не знаю, в какую пустыню надобно бежать. У нас тут обретается некая мадемуазель Османн[3]

— этакий мальчик-с-пальчик, пяти футод четырех дюймов росту, с личиком прехорошенькой гризетки и манерами, в которых раскованность забавно сочетается с добропорядочной застенчивостью. Кто-то высказал опасение, что вторая часть шарады не вяжет», ся с началом (с началом, которое придумал я); —«О, не волнуйтесь,— заявила она,—довольно нам показать ножки, как в балете,-и всё встанет на свои места».

N. B. А у самой ноги как спички, и не слишком аристократические ступни.

Прощайте, друг любезный .....

270

Париж, пятница, (11} декабря 1863.

Любезный друг мой, только я собрался писать Вам, как получил Ваше письмо. Вы жалуетесь на насморк, но Вы не знаете, что это такое. В Париже нынче у одного только человека насморк, и человек этот — я. Вся моя жизнь проходит в приступах кашля и одышки и, если это затянется, Вам скоро придется готовить для меня надгробную речь. Я неотступно думаю о Каннах — только под тамошним солнцем я и могу поправиться. Но прежде я должен поголосовать за принятие того длиннющего и нудного адреса, который сочинил

для нас наш столь достойный
своего звания президент[1].....

Знакомы ли Вы с Аристофаном? Нынче ночью я, не в силах заснуть, взялся за том его сочинений, который и прочел целиком, забавляясь от души. Есть у меня к Вашим услугам, не слишком, правда, удачный, его перевод. Какие-то вещи в нем наверняка сильно заденут Вашу нравственность, однако ж будут Вам интересны, особенно теперь, когда Вы узнали кое-что об античных нравах из сочинений Цицерона. Прощайте.

271

Канны, 12 января 1864.

Любезный друг мой, по прибытии сюда[1] я расхворался вовсю. Из Парижа я приехал с жесточайшим насморком и лишь последние два дня начинаю приходить в себя; не знаю, что бы со мною сталось, останься я в Париже: ведь у вас, судя по газетам, идет снег. А у нас тут погода восхитительная — изредка появляются облака, но холоднее 14 градусов почти не бывает. Кое-когда восточный ветер вдруг донесет до нас дыхание снега с Альп, но мы, в нашем благословенном оазисе, почти его не замечаем. Рассказывают, что вокруг нас все — под снегом. В Марселе, в Тулоне и

даже на Йерских островах вся земля, говорят, им покрыта. Пытаюсь представить себе марсельца в снежный день. Должно быть, он походит на кота, оказавшегося на льду в ореховых скорлупках на лапах. Зато в Каннах давно уже не помнят такой красивой и мягкой зимы.

Отрадно было узнать, что Аристофан успел все же Вам понравиться. Вы спрашиваете меня, присутствовали ли афинские дамы на представлениях? Одни ученые подтверждают это, другие — отрицают. Когда бы Вы, пребывая на Востоке, решились сходить на представления Карагеза[2], Вы, без сомнения, встретили бы там множество женщин. На Востоке — ни теперь, ни прежде, в античности — не было и нет той строжайшей нравственности, какая обуревает нынче Вас; на каждом шагу там можно было увидеть мужчину в костюме для плаванья и на всех углах стояли статуи богов, глядя на которые дамы получали весьма преувеличенное представление о физиологии мужчины. Как называется комедия, где Еврипида наряжают женщиной?[3] Понятна ли Вам мизансцена и роль скифского всадника? Но самое из всего примечательное то, сколь свободно говорит Аристофан о богах как раз в день их праздника — ведь, заметьте, «Лягушки» пред-

ставляли во время Дионисиевых празднеств, а Вакх играет там весьма оригинальную роль. Подобные вещи повторялись и во времена раннего христианства. Комедии представляли в храмах. Существовала месса дураков и месса осла; тексты этих богослужений, без единой помарки, можно найти в одном прелюбопытнейшем манускрипте. Только злопыхатели все испортили, подвергая сомнению. Покуда веруют все без исключения — все дозволено. А сверх каскада глупостей, которые Аристофан разбрасывает в своих пьесах пригоршнями, есть там и хоры, принадлежащие к самой высокой поэзии. Досточтимый учитель мой Буассонад[4] говаривал, что ни у одного грека не получалось лучше. Я рекомендую Вам, если Вы еще не читали, прочесть «Облака» \ По-моему, это лучшая из пьес, сохранившихся от Аристофана. Есть там диалог между Правдой и Кривдой, доходящий до подлинных высот. И, верно, не лишены справедливости упреки, которые Аристофан бросает Сократу; даже после свидетельства Платона есть попытки оправдать применение яда. Чуме подобно, когда человек уровня Сократа доказывает каждому, что люди — не более как грубые животные.

Я убедился в том, что вновь зреют заговоры ®.

Никакого сомнения нет, что дьяволы эти итальянцы да и поляки, которые ничуть не лучше них, только и ждут возможности раздуть в мире пожар; а мир, к несчастью, настолько глуп, что позволит им это сделать. Я получил письма из Италии, вызвавшие у меня опасения, как бы добровольцы и Гарибальди не попытались весною нанести удар по Венето. Нам только этого недостает, чтобы скомпрометировать себя окончательно! Прощайте, любезный друг мой; я стараюсь по возможности меньше думать о бу-, дущем. Будьте здоровы и вспоминайте немного обо мне. Есть ли у Вас какие-нибудь идеи относительно 14 февраля — дня Святой Евлалии[7]?

Еще раз прощайте.

272

Канны, 17 февраля 1864.

Любезный друг мой, коль скоро Вы соблаговолили взять на себя труд прочесть Аристофана, я прощаю Вам те нравственные мерки, с какими Вы подходите к его сочинениям. Однако ж признайте, что остроумен он необыкновенно и что было бы очень приятно побывать на представлении одной из его комедий. Не знаю, каково мнение нынешних эрудитов касательно присутствия

женщин в театре. Можно полагать, что в одной и той же стране в разные времена проявляли то большую, то меньшую терпимость, но на сцену женщины не поднимались никогда. Их роли исполняли мужчины — дело облегчалось тем, что все актеры были в масках.

Болезни, любезный друг, взялись за меня как следует, и я чувствую, что путь в лучший мир мне предстоит не из легких. Время от времени,— причем куда чаще, чем раньше,— у меня случаются очень болезненные приступы ш -спазмы. Я почти не сплю, аппетита нет и слабость возмутительная. Самая короткая прогулка вконец изматывает меня. Что со мною станет, когда вместо дивного неба надо мной нависнет свинцовое небо Парижа, постоянный дождь и туман! Но все же, если найду в себе силы, я думаю к концу нынешнего месяца возвратиться, ибо меня несколько смущает то, что я не исполняю ни одной из моих официальных обязанностей. Надобно сделать наконец над собою усилие и принять какое-то решение, что бы ни произошло. Обожду до дня Святой Евлалии, коль скоро ждал уже довольно. Думаю, выбирать,—что брошь, что кольцо,— будет одинаково трудно. С тех пор, как я поздравляю мою кузину с днем ангела, в

ящиках у нее скопилось немало подобных вещиц. Я исчерпал все возможные варианты подходящих безделок. Если обнаружить что-либо очень оригинальное, и не слишком разорительное, Вы решите для меня большую проблему. Кстати, есть и другая, гораздо более интересная проблема, которую я хочу с Вами обсудить. Надобно подумать, каким путем — честным или нечестным, все равно,— выписывать одежду из Англии. Быть того не может, чтобы среди Ваших морских волков не нашлось никого, кому господин Пул [1] мог бы пересылать для меня вещи. Подумайте над этим, и Вы окажете мне великую услугу. Прощайте, любезный друг. Я провел прескверную ночь и кашляю так, что, кажется, вот-вот лопнет череп. Надеюсь, Вам удалось избежать ужасных этих гриппов, о которых тут столько рассказывают. В Париже, сдается, болеют все и даже находятся глупцы, отдающие Богу душу. Еще раз прощайте.

273

Пятница, 18 марта 1864.

Пишу Вам, сидя в Люксембургском дворце, в то время как архиепископ Руанский громит безбожие *. Я очень тяжело хворал; ни разу не выдавалось у меня двух хороших дней кряду, зато

приступы следовали один за другим, целыми неделями. Так до сих пор и не знаю, сумею ли добраться до Англии, как предполагал. Все зависит от погоды и от моих легких.

Эти дни я привязан к Люксембургскому дворцу, но, надеюсь, на той неделе мы благополучно погребем синагогу[2], и тогда я стану посвободнее. Если Вы не видели в Лувре новые залы, где выставлена коллекция ваз и керамики, Вам непременно стоит туда сходить. Предлагаю поделиться своими познаниями и послужить гидом. Вы увидите прекраснейшие вещи, и многое Вас заинтересует, хотя и сильно покоробит строжайшую Вашу нравственность. Итак, назначьте день и час.

274

Среда, 13 апреля 1864.

Любезный друг мой, Ваш отъезд крайне огорчил меня: Вы должны были бы все же еще раз со мною проститься. Правда, меня Вы застали бы в Жалком состоянии. Приступы хандры и удушья никак не проходят, несмотря на мышьяк и другие снадобья. С той поры, как спали холода, я стал было чувствовать себя получше, но потом схватил насморк, и мне сделалось хуже, чем когда-либо

прежде.

Я не выхожу теперь вовсе, однако ж решил навестить моих властителей и нашел их в полнейшем здравии. Этот визит подарил мне счастливую возможность полюбоваться нынешнею модой, которую я воспринял с трудом, особенно фасоны женских юбок. Видимо, это возрастное. Прически также трудно для меня приемлемы. Ни одна женщина не причесывается к лицу; все выглядят одинаково — будто манекены в париках. Один мой приятель, которого я там встретил, представил меня своей жене — молоденькой и хорошенькой женщине; она была набелена, в накрашенных ресницах, и румяна лежали на ней в фут толщиною. Я от этого пришел в ужас.

Прочли ли Вы книгу Абу*? Я держу ее для Вас. Не знаю, имеет ли она успех, но разумного в ней много. Возможно, у церковников достало здравого смысла не отлучать Абу от церкви, ибо это было бы самым верным способом возбудить интерес к его книге. Они уже создали таким образом весьма выгодный в денежном отношении успех Ренану; мне сказали, будто на идиллии своей он заработал 107 тысяч франков. А в добавление к Абу у меня есть для Вас три толстенных тома Тэна [2] — история английской литературы. Это чте-

ние весьма возвышенное и даже поучительное. Стиль, правда, несколько вычурен, но все равно читается с громадным удовольствием. Или же к Вашим услугам два тома Мезьера [3]на ту же тему — о современниках и последователях Шекспира. Это как бы подогретый, а вернее, остуженный Тэн. Что же до романов, я не читаю их более.

Завтра нам предстоит избрать в Академию марсельца Отрана или Жюля Жанена [4]. По всей видимости, первого. Мой кандидат [5] будет бит. Я обещаю себе отныне ходить в Академию только за жалованьем, составляющим 83 франка 33 сантима ежемесячно. В ближайшие года два на нас пойдет ужасный мор. Вчера я пригляделся к физиономиям моих собратьев, не говоря уж о моей,— готовая добыча для могильщиков. Не знаю, правда, кого надумают брать им на смену. Когда Вы возвращаетесь? Помнится, Вы говорили, что едете в *** всего на две недели, однако ж, зная Вас, боюсь, как бы эти две недели не превратились в долгий месяц. Желаю, чтобы Вы возвратились поскорее и мы, как прежде, отправились бы гулять и любоваться красавицей природою. А для меня это была бы редкая возможность немножко окунуться в поэзию.

Прощайте, любезнейший друг мой; пишите.

Если в распоряжении Вашем одна лишь городская библиотека, прочтите Лукиана в переводе Перро д'Абланкура [в] или в любом другом; чтение это развлекло бы Вас и укрепило бы Ваш вкус к эллинистике. Я погрузился в историю Петра Великого[7], которую собираюсь сделать достоянием публики. Он сам был человеком ужасным, и окружали его ужаснейшие негодяи. Меня это в известной мере забавляет. Ответьте мне, как только получите это письмо.

275

Лондону British Museum, 21 июля 1864.

Любезный друг мой, Вы угадали, где мое пристанище *. Я сижу здесь с той поры, как мы виделись с Вами в последний раз, или, говоря точнее, со следующего дня. От восьми часов вечера до полуночи я ужинаю обыкновенно где-нибудь в городе, а с утра разглядываю книги и статуи или занимаюсь большой статьей о сыне Петра Великого, которую намереваюсь озаглавить «Как опасно быть глупым», ибо из моей работы следует, что надобно иметь голову на плечах,—вот так жизнь и течет. Думаю, что, пролистав эти 20 страниц, Вы кое-где отыщете интересные для себя вещи, особенно же позабавит Вас рассказ о том, как

Петр Великий был обманут собственной женою. С большим трудом и со всем возможным тщанием я перевел нежные послания жены Петра своему любовнику[2], каковой в наказание посажен был на кол. Эти письма куда возвышеннее, чем можно было бы ожидать в те времена, да еще в той стране, где они писались, но любовь, как видно, делает чудеса. Несчастье в том, что царица не сильна в орфографии, что крайне мешает знатокам грамматики, вроде меня, догадаться, что она хочет сказать.

Вот Вам мои планы: в понедельник я еду в Чевенингс к лорду Стен-хону[3], где намереваюсь пробыть дня три. А в четверт я должен быть здесь на весьма многолюдном ужине. Засим, сразу после вышеупомянутого ужина, я отбываю в Париж.....

Тут все только и говорят, что о замужестве леди Флоренс Пейд-жет [4], слывущей последние два сезона первейшей лондонскою красавицей. Невозможно отыскать личико более хорошенькое на более миниатюрной фигурке — на мой вкус, пожалуй, слишком маленькой и слишком миниатюрной. Леди Флоренс славится своими многочисленными флиртами. Племянник г. Эллиса, г. Чаплин[5], о котором Вы часто от меня

слышали, высоченный малый двадцати пяти лет от роду и с двадцатью пятью тысячами фунтов стерлингов ренты, по уши в нее влюбился. Она долго водила его за нос, а затем, как говорят, подписала брачное обязательство, заработав на том кое-какие драгоценности и шесть тысяч фунтов стерлингов на уплату долгов портнихе. Назначили день свадьбы. В прошлую пятницу жених с невестою ходили вместе в парк и в Оперу. А в субботу утром леди Флоренс вышла из дому одна, направилась в церковь Святого Георгия и обвенчалась там с лордом Гастингсом [в], своим ровесником, юношею весьма уродливым да к тому же обладающим двумя крохотными недостатками — пристрастием к картам и вину. После религиозной церемонии молодые поехали в деревню, дабы приступить там к исполнению дальнейших обрядов. На первой же станции леди Флоренс написала маркизу, своему отцу: Dear Pa, as I knew you would never consent to my marriage with lord Hastings, I was wedded to him to day. I remain yours [98] и пр. Написала она и г. Чаплину:

Dear Harry, when you receive this, I shall be the wife

---

98 notes: 98

Милый папенька, я знала, что Вы никогда бы не согласились па мой брак с лордом Гастингсом,- я обвенчалась с ним сегодпя. Остаюсь Пашой (англ).

of lord Hastings. Forget your very truly Florence[2]*. Несчастный Чаплин со своими шестью футами росту и соломенными волосами до сих пор пребывает в полнейшем отчаянии.

Прощайте, любезнейший друг мой; ответьте поскорее.

276

Париж, 1 октября 1864.

Любезный друг мой, я все еще здесь, но сижу на чемоданах. Задержали меня корректурные листы[1]; Вы и сами могли убедиться в том, что они нуждаются в значительных исправлениях. Уезжаю я всенепременно 8-го. На ночлег остановлюсь в Байонне и 11-го буду в Мадриде[2]. Сколько времени пробуду там, мне еще не ясно. Из Мадрида, минуя Париж, по всей видимости, я проеду в Канны. Зима уже напоминает о себе по утрам и вечерам мало приятными ощущениями в груди. Дни стоят восхитительные, но вечерами становится дьявольски холодно. Остерегайтесь подхватить насморк — ведь у Вас там очень сыро. А в Париже мне нынче очень нравится — светский сезон еще не начался, живешь себе, точно медведь в берлоге. Кое-когда я выхожу на охоту за новостями, но возвращаюсь всякий раз ни с чем.

Папа запретил в Риме вывески на французском языке. Все они должны быть заменены итальянскими. На Корсо есть лавочка мадам Бернар, которая торгует перчатками и подвязками. Ее обязали называться отныне сеньорой Бернарди. Будь я правительством, я никогда не допустил бы подобного, даже если бы пришлось повесить нескольких рисовальщиков вывесок в первой же лавке, где вознамерились бы вывеску поменять. Стоит нашей армии уйти, Вы увидите, что начнут вытворять эти людишки.....

А тут наши хищники, иными словами, денежные тузы, весьма косо посмотрели на назначение г. <Рулана> [3] в Банк; им, верно, невдомек, что когда человек слывет полнейшим лоботрясом, его осыпают почестями. Так уж повелось. На другой день после своего назначения г. <Рулан> отправился в Банк, положивши нитяной чепец в карман и рассчитывая там поспать. Ему сказали, что все для его прихода готово, но вот только надобно-де ему исполнить одну незначительную формальность — доказать, что он является держателем ста акций вышеупомянутого Банка. А г. <Рулан> не имел ни малейшего понятия об этом крохотном пунктике устава заведения, которым он полагал руководить. Большая досада,

тем паче, что сотня акций Банка под ногами не валяется и кроме денег надобно, но меньшей мере, несколько недель, дабы приобрести их. Вот и извольте видеть, как он знаком с делом. Разразился тут и еще один страшный скандал, позабавивший нашу развращенную публику. Но Вам • о нем я рассказывать не стану, из страха вызвать Ваш гнев.

Прощайте, друг любезный.

ш Дорогой Гарри, когда Вы это получите, я буду уже женой[1] лзрда Гастишса

Забудьте искренне Вашу Флоренс (англ.).

277

Мадрид, 24 октября 1864.

Любезный друг мой, я оказался здесь случайно, а вообще живу в деревне и намереваюсь пробыть там до субботы. У нас отвратительный холод и сырость, в которой племянница госпожи де М<онтихо> подхватила рожу. Половина публики болеет, у меня тоже страшнейший насморк. Вы знаете, как вреден мне насморк,— ведь я с трудом дышу, даже когда чувствую себя хорошо. Плохая погода стоит уже с неделю; и напала она на нас с невероятным пылом, столь свойственным для этой страны, ни в чем не знающей плавных

переходов. Можете себе представить бедность людей, живущих на возвышенном плато, открытом всем ветрам, и отапливающих свои жилища лишь с помощью braseros * — примитивнейшего устройства, которое ставит вас перед выбором: замерзнуть или задохнуться? Я убедился тут в том, что цивилизация сделала громадный скачок, который, на мой взгляд, нисколько ее не украшает. Женщины переняли ваши нелепейшие шляпки и носят их па самый причудливый манер. Быки также утратили значительную долю былых достоинств, а люди, убивающие их, все нынче невежды и трусы. А вот Вам история, занимающая умы почтенной публики. Жена <английского> посланника леди К<ремптон> \ молоденькая и хорошенькая,— тогда как он уродлив и стар,— потребовала развода на том основании, что муж не лишил ее невинности. В Лондоне состоялся процесс, где муж с готовностью признал, что ни на что не годен. В Мадриде, правда, есть женпщ* ны, утверждающие, что это — чистая ложь. Но как бы там ни было, дама была объявлена девственницей и избавлена от мужа, после чего она почти тотчас вышла замуж за другого — за герцога де <Фриаса) [2], который ухаживал за нею некоторое время в Мадриде. Кажется, жаловаться на нового

супруга, в отличие от старого, ей не приходилось, но без дьявольских козней не обходится ничто: герцог де <Фриас) судится со своей сводной сестрой, герцогинею <Уседа) [3], из-за каких-то ценных бумаг, земель и пр. На днях герцогиня выяснила, что брат ее, родившийся во Франции, оспаривая права на наследство, представил выписку из церковной книги о крещении, подписанную кюре, а во Франции такая бумага законной силы не имеет. Более того, стало известно, что эта бумага „подделана и противоречит гражданскому свидетельству о рождении, удостоверяющему, что герцог родился в Париже несколькими годами рань-дне от неизвестной матери. Дама эта, третья жена усопшего герцога де [r]<Фриаса), была тогда женой другого,— браки в том семействе всегда отличались странностями. Все это, как видите, пбещает любопытный процесс, к вполне может статься, что бывшая леди К<ремптон> окажется на днях и без герцогства ш без состояния. Покуда же она намеревается прибыть вместе с супругом в Мадрид, а сэр Дж. К<ремптон) просит отозвать его оттуда.

Я предпринял кое-какие шаги, пытаясь отыскать носовые платочка из нипи \ но найти их так и не удалось. Сдается, что они уже вышла

из моды. Однако ж мне обещали доставить их к началу месяца. Надеюсь, меня не обманут. Такое впечатление, будто в политике наступила затишье. Впрочем, слишком нынче холодно, чтобы можно было опасаться pronunciamiento *. Я думаю остаться тут числа до 10—12 ноября» если насморк не доконает меня раньше.

Где Вы? Что поделываете? Поскорее напишите.

278

Канны, 4 декабря 1864.

Любезный друг мой, по прибытии сюда * я не нашел от Вас писем, что несказанно меня огорчает.....

Перехожу к следующему обвинительному пункту. Вы причинили мне неисчислимые хлопоты с поисками Ваших платков. После множества бесплодных попыток я нашел наконец полдюжины преуродливых носовых платков из нипи. И купил их, несмотря на всеобщие уверения, что их время давно отошло; однако ж я строго придерживался данных мне распоряжений. Надеюсь, что эти полдюжины платков Вы уже получили или вскоре получите. Они передайы одному моему приятелю. Вы просили купить с вышивкою — в Мадриде нашлось таких только

полдюжины», которые я Вам и послал. Гладкие показались мне еще уродливее; на них — красная каемка, точно у лицеистов.

Из Мадрида я уезжал в дьявольский холод и стучал зубами на протяжении всего пути. Да, по сути дела, иначе в Мадриде я себя и не чувствовал. Зато по эту сторону Бидассоа [2], будто по мановению волшебной палочки, воздух стал вдруг нежным и теплым, как и бывает обыкновенно в этих краях. Погода у нас превосходная и полнейшее безветрие. Кажется, я сообщал Вам обо всех известных мне мадридских происшествиях; подробно описал похождения герцогини де (Фриас), которые, должно быть, возмутили Вас до глубины души. А говорил ли я Вам о юной андалузке, влюбившейся в молодого человека, который оказался внуком Главного палача Гаваны? Все угрожали самоубийством — мать, барышня и жених; то есть все трое грозили покончить с собой, если не исполнится их воля. В то время, когда я покидал Мадрид, все были еще живы, а общество исполнено искреннего сочувствия к любовникам.

Прощайте, друг любезный; дайте о себе знать и сообщите, каковы Ваши планы на эту зиму.

279

Канны, 30 декабря 1864.

С Новым годом, любезнейший друг мой. Я написал в Мадрид о злосчастных платках и, не получив ответа, заключил, что посланник мой в Париже, а значит платки уже у Вас или вот-вот у Вас будут. Я отдал

их одному испанцу, который намеревался выехать из Мадрида в то же время, что и я, и, следовательно, привезти их Вам раньше. Но никогда не надобно искать от добра добра. Так что теперь я хочу лишь, чтобы уродливейшие носовые платки Вам понравились.

Что думаете Вы об энциклике папы *? Местный епископ [2] — человек весьма неглупый и здравомыслящий — делает непроницаемое лицо. И в самом деле, мало приятно состоять в армии, которую генерал ведет к поражению. Я ничего не получил от моего издателя; еще при мне он начал печатать «Казаки былых времен»[3], которые, по моим расчетам, должны бы уже выйти. Коль скоро история Вам знакома, Вы соблаговолите, надеюсь, дождаться моего возвращения, дабы получить экземпляр.

Знаете ли Вы, что мне со всех сторон приходят

поздравления по случаю наследования мною места г. Моккара [4]? Я в это нисколько не верю, однако ж без конца встречаю свое имя[5] то в «Бельгийской независимой», чо в «Таймсе», то в «Аугсбургской газете», так что в конце концов и сам немного забеспокоился. Нрав мой хорошо Вам известен, а потому Вы можете вообразить, насколько место мне подходило и насколько я для него подходил. К тому же в последние несколько дней с дыханием у меня полегче. Появились ли к Рождеству какие-либо новые романы? Я имею в виду романы английские, ибо они проклевываются обыкновенно именно в эту пору! У меня тут совсем почти нет книг, и мне очень хочется что-нибудь выписать. Когда по ночам случаются приступы кашля и я не могу спать, я становлюсь несчастным, как несчастны камни. Представьте себе, я прочел «Беседы» Ламартина ®. И наткнулся на жизнеописание Аристотеля, где Ламартин утверждает, что отступление Десяти тысяч произошло после смерти Александра [7]. Не лучше ли, в самом деле, продавать металлические перья у ворот Тюильри, нежели болтать такую чушь?

Прощайте, друг любезный. Мне нужно написать 35 писем и начать я хотел с Вас; я желаю Вам всех возможных в этом мире благ.

280

Канны, {30?} января 1865.

Любезный друг мой, получили ли Вы наконец отвратительные Ваши носовые платки из нипи? Я узпал, что господина, который должен был отвезти их в Париж *, назначили членом Кортесов и он остался в Мадриде, отдав платки госпоже де Монтихо, понятия не имевшей, что это за пакет, ибо испанцы большой догадливостью не отличаются. Я написал графине де Монтихо, обратившись с просьбой отдать пакет нашему послу и отправить его Вам с посольским курьером. Надеюсь, что Вы получите пакет раньше, чем это письмо, но впредь избавьте меня от Ваших поручений, ибо они портят мне слишком много крови и вынуждают переводить такое количество писчей бумаги, какого они вовсе не стоят. Вам же лучше всего было бы бросить платки в огонь, х На прошлой неделе я очень страдал от приступов удушья. Зима у нас выдалась прескверная — не холодно, но ветрено и дождливо. Никогда

прежде не приходилось мне переживать здесь такую зиму. Правда, последние дни, почти уже с неделю, вопреки утверждениям г. Матье <де ля Дрома) [2], дни у нас стоят чудесные, очень теплые,

что для меня наивысшее благо, так как легкие мои впрямую зависят теперь от барометра. Я наслаждаюсь чтением епископских писем. Немного сыщется поверенных, изворотливее этих господ; однако ж убедительнее всех получается у г. Д<юпанлу> [3],— папа у него говорит вещи, прямо противоположные своей энциклике, и отнюдь не исключено, что в Риме его отлучат. Могут ли они надеяться, что какое-то чудо вернет им провинции, посольства, Авиньонское графство? Несчастье в том, что мир в нынешние времена настолько глуп, что, спасаясь от иезуитов, придется, быть может, кинуться в объятии бескозырников.

Я нахожусь в полном неведении касательно моих рукописей; если Вам удалось узнать что-либо об их судьбе и Вы мне о том напишете, я буду премного Вам обязан. Я выправил корректуру для «Журналь де Саван»[4] и у Мишеля Леви[5], а потом потерял след как той, так и другой.

Количество англичан с каждым днем становится все более устрашающим. На берегу моря выстроили гостиницу немногим меньше Лувра. И она всегда набита битком. Стоит выйти на прогулку, как непременно встретишь мОоЛодых девиц в блузах а ля Гарибальди, в шляпах с немыслимыми, будто нарисованными перьями.

Играют в крикет, стреляют из лука, собираясь не менее чем человек по сто двадцать. Я бесконечно сожалею о добрых старых временах, когда тут не бывало ни души. Познакомился я с одной прирученной чайкой, которую угощаю рыбой. Чайка хватает ее на лету,—всегда головою вперед,—и заглатывает махом, хотя рыбины бывают толще моей шеи. Помните страуса в Ботаническом саду (в те времена, когда Вы еще украшали его своим присутствием), которого Вы чуть не отправили на тот свет, дав ему кусок ржаного хлеба?

Прощайте, друг любезный; я думаю скоро вернуться в Париж[6] и

увидеться с Вами, что доставит мне величайшую радость. Еще раз прощайте.

281

Канны, 14 апреля 1865.

Любезный друг мой, я не писал Вам в ожидании, пока выздоровлю или хотя бы почувствую себя лучше, однако ж, невзирая на ясную погоду и самый внимательный уход, мое положение нисколько не изменилось, то есть осталось крайне тяжелым. Я не могу привыкнуть к неотступным этим страданиям и не нахожу в себе ни мужества, ни воли к жизни. Жду, когда станет потеплее,

чтобы возвратиться в Париж, может быть, и к 1 мая. Здесь вот уже третью неделю небо, о каком можно лишь мечтать, и такое же море, что не мешает мне задыхаться, будто все еще стоят холода. А что собираетесь делать Вы этой весною? Увижу ли я Вас в Париже или Вы отправитесь в *** любоваться рождением первых листочков?

Вот Ваш друг Пара до ль[1] и выбрался в академики волею бургграфов, которые по такому случаю заставили несчастного герцога де Бройли[2]вернуться в Париж, не посмотрев ни на его подагру, ни на восемьдесят лет. Потешное будет заседание. Ампер разродился ужасным жизнеописанием Цезаря[3], да притом еще в стихах, так что Вы представляете себе, сколько намеков услышит Парадоль благодаря этому произведению, забытому ныне всеми, исключая бургграфов. Итак, Жюль Жанен оказался за дверью, равно как и мой друг Отран \ который, как истый марселец, решил заделаться клерикалом, за что немедля был брошен своими собратьями по вере. Быть может, и до Вас дойдут слухи, что Вильяма Бругхэма [5], брата лорда Бругхэма [6] и преемника его в пэрстве, недавно почти схватили за руку в одном весьма неблаговидном деле. Тут среди английской колонии эта новость произвела большой переполох.

Старик лорд Бругхэм не теряет самообладания — он-то, впрочем, далек от всей этой грязи.

Я читаю, стараясь набраться терпения и заснуть, книгу некоего г. Шарля Ламбера[7], который развенчивает Библию и пресвятого царя Давида. Состряпано, по-моему, необыкновенно ловко и довольно забавно. Благодаря клерикалам нашли спрос и получили большое распространение серьезные и нравоучительные книги, в которые еще лет 15 назад никто бы и носу не сунул. Ренан отправился в Палестину [8] вновь проникаться местным колоритом. Пейра [9] и этот Шарль Ламбер пишут книги все более серьезные и ученые, которые, по словам моего книготорговца, продаются как хлеб.

Прощайте, друг любезный...

282

Париж, 5 июля 1865.

Любезный друг мой, я начал было опасаться, не ударило ли Вас молнией, как госпожу Арбютнот *, или не съел ли Вас шалый медведь. И вдруг получаю письмо Ваше из ***, в то время как я полагал, что Вы должны быть где-то в глубинах Тироля... По-моему, путешествовать лучше теперь, покуда дни стоят долгие, нежели осенью, но

в конце концов ничто Вам не мешает любоваться Мюнхеном и в сентябре. Вы должны будете лишь запастись одеждою потеплее, ибо погода в той громадной, скверной и так высоко расположенной долине, где лежит Мюнхен, меняется совершенно непредсказуемо. Нет ничего легче этого путешествия. Вы можете поехать туда через Страсбург или же, если пожелаете, через Базель. Нынче, по-моему, все едут поездом до Констанцы. И в любом случае Вы можете добраться туда пароходом. Из Констанцы Вы по озеру отправитесь в Линдау: Линдау — очаровательный городок; и по пути оттуда в Кэмптэн Вы будете любоваться изумительными видами. Поездом Вы можете проехать прямо в Мюнхен и лиг сделать остановку в пути, где-нибудь между Линдау и Кэмптэном. Между Кэмптэном и Мюнхеном тянется весьма непривлекательная равнина — более там нет ничего. Остановитесь Вы в гостинице «Баварской», но ни в коем случае не «У Мау лиха», где у меня стащили сапоги. Тамошний лакей или «Путеводитель для иностранцев» проведет Вас повеем достопримечательностям. Дворцовые росписи по сказаниям о Ни-белунгах[2] несомненно не лишены интереса, но посмотреть их можно только по особому разрешению. Остальные же

помещения открыты для всех. Вы должны посмотреть и затем описать мне новые пропилеи моего покойного друга Кленце [3]. В Музее антики посмотрите фронтон храма Эгины и мраморную группу, о которой, помнится, я Вам рассказывал. Весьма любопытны греческие вазы, равно как и картины в. Пинакотеке[4]. А фрески Корнелиуса[5] и прочие фальшивые оригиналы заставят Вас пожать плечами. Зайдите выпить пива в один из городских: парков, где за несколько су Вы можете послушать хорошую музыку .Г Покупки стоит делать в Тегернзее или в другом местечке баварского Тироля, если у Вас останется на это время. Во время поездки в Зальцбург (чему я очень рад) Вы увидите,— если Вам будет угодно,— солевые копи в Галейне. В Инсбруке смотреть особо не на что, кроме разве что пейзажа, да бронзовых статуй в соборе. И всюду в тех краях* в какой бы забытой богом деревушке Вы ни остановились, Вы можете* твердо рассчитывать на удобную постель и вполне сносный ужин. Хотел бы я разделить с Вами все эти удовольствия.

У нас тут то и дело разыгрываются скандалы, один непристойнее-другого.....

Все это заставляет о многом задуматься и внушает опасение, что конец света не за горами.

Купите в Зальцбурге или Инсбруке зеленые-чулки, если найдете для себя подходящие. У баварок ведь каждая нога не тоньше, чем весь я. Прощайте, друг любезнейший, берегите себя и: развлекайтесь. Не забывайте мне писать.....

283

Лондон, British Museum, 2{2} августа 1865.

Любезный друг мой, Ваше письмо добралось до меня, пролежав очень долго в Париже, покуда Вы колесили по всему Тиролю. Вот уже почти полтора месяца, как я здесь *. Побывал на нескольких балах, нескольких ужасающих ужинах и двух или трех похоронах. Лорд Пальмерстон, по-моему, как-то особенно постарел, хотя и победил на выборах, и трудно представить себе, чтобы ему хватило сил провести следующую кампанию. Отставка его несомненно повлечет за собою крупный кризис. Я только что провел три дня у его вероятного преемника г. Гладстона [2]; визит этот был для меня не столь занятен, сколь интересен, ибо я всегда с удовольствием наблюдаю различные типы человеческой натуры. Здесь же они так разительно отличны от наших, что невозможно по-нить, каким образом всего в десяти часах пути двуногие,— если лишить их оперения,— столь

мало похожи на своих парижских собратьев. В каких-то своих чертах г. Гладстон показался мне гением, а в каких-то — совсем ребенком. В нем есть что-то и от ребенка, и от государственного мужа[99] и просто от сумасшедшего. Кроме меня у него гостили пятеро или шестеро священников или deans [99]; и каждое утро все гости замка потчевали друг друга короткою общей молитвой. Правда, я не был там в воскресенье, а это, должно быть, весьма любопытно. Самым, однако ж, привлекательным показались мне небольшие плохо пропеченные хлебцы, которые вытаскивают из печи нрямо к завтраку; потом целый день вы с большим трудом их перевариваете. Добавьте к тому croew dar, иными словами, знаменитый гэльский эль. Вам, конечно, известно, что волосы нынче носят только рыжие. В этой стране, кажется, ничего не может быть проще, и я сомневаюсь, чтобы они их красили. Вот уже месяц, как тут никого не осталось. Даже на Роттен-Роу[3] ни одной лошади не встретишь; правда, я люблю большие города в таком застылом состоянии. И пользуюсь безлюдьем, дабы полюбоваться львами. Вчера я отправился в Хрустальный дворец и битый час

99 notes: 99
настоятелей соборов (старших священников) (англ.).

глазел на шимпанзе, ростом почти с десятилетнего ребенка и так всеми своими действиями напоминающего ребенка, что я растаял от умиления, видя столь неопровержимые доказательства нашего родства. Меж прочими особенностями я заметил, с каким точным расчетом запускает животное довольно тяжелые качели и не прыгает на них, пока размах их не достигнет апогея. Я вовсе не уверен, что каждый ребенок проявил бы подобную незаурядную наблюдательность. Я написал недавно длиннющую статью об «Истории Цезаря» [4], которою я вполне доволен; выражаясь академическим стилем, есть чем утолить и голод, и жажду; на той неделе возвращаюсь в Париж, чтобы прочесть ее в «Журналь де Саван». Не исключено, что я Вас там увижу; Лондоном я, кажется, сыт по горло. В какую-то минуту мне было подумалось проехать в Шотландию, но там я неминуемо оказался бы среди толпы охотников, а это племя мне мерзко. В одной из газет среди телеграфных сообщений поместили весть о том, Что умирает Понсар[5]. Но с тех пор я ничего более не слышал, и в письмах, даже академических, ничего об этом не говорится. А мне очень хотелось бы знать. В конце концов слух может оказаться ложным. Прощайте, друг любезный, пишите мне

в Париж, где я скоро буду, и держите меня в курсе Ваших передвижений. Возвращайтесь из Тироля в зеленых чулках, очень Вас о том прошу, но только смотрите, как бы ноги у Вас не сделались такими же, как у обитательниц гор.

284

Париж, 12 сентября 1865 г., вечером_

Любезный друг мой, вот уже несколько дней, как я здесь. Пришли мы в Булонь и, покуда нас принайтовывали к набережной, такая собралась, толпа, что я невольно задался вопросом, неужто прибытие парохода столь интересно для публики. Надо бы предупредить англичанок, что, стоя во[100] время отлива у парапета набережной, они во всей красе демонстрируют[100] ноги и даже того более. Целомудрие мое весьма было задето.

Париж нынче пуст, как никогда. Мне, однако ж, он таким нравится. Встаю и ложусь я поздно, много читаю и по целым дням хожу в халате — я обзавелся теперь кимоно, разводами по желтому полю, столь яркому, что даже электрический свет меркнет перед ним.

В Англии скучать особенно не пришлось. По-

---

100 notes: 100
приветствие (англ).

мимо некоторых довольно приятных поездок я написал для «Журналь де Саван» статью о «Жизнеописании Юлия Цезаря»,— я Вам о ней уже говорил. С просьбою о статье ко мне обратились впрямую, а посему пришлось покориться. Вы знаете, сколь высоко я ценю автора и даже самою книгу, но Вы понимаете также всю сложность вещи; оценивая же ее, не хотелось бы прослыть придворным льстецом или говорить малоприятные вещи. Надеюсь, мне удалось выбраться из воды, не слишком замочившись. Из текста я выбрал тот кусок, где говорится, что Республика себя изжила и римский народ провалился бы в тартарары, когда бы Цезарь не спас его. Коль скоро этот тезис верен и поддержать его не составляет труда, я написал вариации на заданную тему. Корректуру я для Вас сохраню. Нравы не перестают совершенствоваться. На днях в Риме умер сын князя К<анино>. Известно, что его родные брат и сестры не слишком богатые люди, тогда как сам он был священнослужителем, епископом и имел 200 тысяч ливров ренты. Вот он и оставил все какому-то секрета-ришке — аббату, которого имел... В точности, как если бы Никомед[1]завещал свое царство Цезарю. Бьюсь об заклад, что Вы ничего не понимаете.

Я собрался было поездить по Германии и даже думал застать Вас в Мюнхене, но путешествие мое не состоялось. А я намеревался повидаться с моим другом Кауллой[2] — тем любезнейшим евреем, о котором я не раз Вам рассказывал. Однако ж он приехал во Францию сам, поэтому от Германии я отказался. Один из друзей моих, возвратившийся из Швейцарии, не слишком хвалил тамошнюю погоду; и я не стал расстраиваться.

Мне показалось, что Булонь очень похорошела — сказывается это и в общем виде улиц, и в облике жителей. Я заметил нескольких не без кокетства одетых рыбачек и прелестные недавно отстроенные домики; но, Боже, эти англичанки и их шляпы — pork-pies [100]! Вчера зашел я к принцессе Мюрат [3], которая почти совсем оправилась после своего ужасного падения. Остался только небольшой синяк вокруг глаза да красноватое пятно на щеке. Она превосходно рассказывает о происшествии. Но ничего не помнит ни о том, как упала, ни о том, что происходило после, в течение трех или четырех часов. Помнит только, как увидела кучера своего — швейцарского полковника, взлетевшего на воздух высоко-высоко

---

100 notes: 100
приветствие (англ).

над ней; а потом, через четыре часа, очнулась у себя в постели, ж ей казалось, будто голову у нее раздуло, словно тыкву. В течение этого времени она шла без всякой помощи и разговаривала, но ничего не помнит. Надеюсь,— и это вполне вероятно,— что в минуты, предшествующие смерти, сознание тоже выключается. Графиня де Монтихо, по-моему, вполне оправилась после двух операций. Она не может нахвалиться на своего окулиста Либрейха \ который, кажется, вправду великий человек. Постарайтесь никогда не нуждаться в его услугах.

Прощайте, друг любезный; собираюсь в начале той недели поехать на три дня в Трувиль; потом буду тут, пока зима не прогонит. Держите меня в курсе всех Ваших дел, планов и передвижений.

285

Париж$_s$ 13 октября 1865.

Любезный друг мой, Ваше письмо нашел вчера, возвратившись из Биаррица, откуда Их Величества привезли меня в довольно сносной сохранности. Но первое же welcome ** родной земли оказалось не слишком любезным. Нынче ночью у меня случился такой длительный приступ удушья, какого я давно уже не испытывал.

Думается, это — следствие перемены климата, а возможно и тех 13 или 14 часов, что я трясся по очень тряской железной дороге. Меня будто просеивали сквозь сито. А утром стало получше. Я никого еще не видел и, полагаю, пока в Париже никого еще нет. Меня ожидало йесколько горестных писем от людей, которые ни о чем другом, кроме как о холере и тому подобном, говорить не могут; все они убеждают меня бежать из Парижа. Здесь же, насколько мне известно, никто об этом и думать не думает, и, по-моему, если не считать нескольких забулдыг, больных серьезных нет. Если 'бы холера начала свое шествие с Парижа, возможно, на нее и внимания бы не обратили. Только марсельцы из трусости и могли оповестить нас о ней. Помнится, я выкладывал Вам мою теорию касательно холеры, умирают от нее только при большом желании, и она настолько обходительна, что никогда не посетит Вас, не послав Вам прежде,— по •примеру китайцев,— своей визитной карточки.

Время мое в Биаррице было поистине пленительным. Нас навестили там король и королева Португальские [4]. Король походит на застенчивого немецкого студента. А королева прелестна. Она очень похожа на принцессу Клотильду [2], но

красивее — как бы выправленное издание принцессы. Лицо у нее белое, с тем нежным румянцем, какой редок даже в Англии. Волосы, правда, рыжие, но очень темные, как и диктует нынешняя мода. И она весьма любезна и обходительна. С ними приехало некоторое количество кавалеров и дам, весьма карикатурных с виду,— казалось, их нарочно подбирали в лавке древностей. Мой друг, португальский по-сол [3], отведя королеву в сторонку, произнес обо мне короткое слово, которое Ее Величество тотчас с величайшей любезностью повторила в моем присутствии. Император представил меня королю; он протянул руку и посмотрел на меня большими круглыми изумленными глазами, отчего я чуть не забыл о моих служебных обязанностях. Другой персонаж — г. де Бисмарк[4] понравился мне больше. Высокий немец, изысканно учтивый и отнюдь не наивный. Во взгляде его нет и капли gemiith [101]*, но он так и светится умом. Господин этот тотчас меня покорил. Он привез с собою жену, у которой самая большая нога во всей долине Рейна, и дочь — точную копию матушки. Не рассказываю ни об инфанте, доне Энрико [5], ни о герцоге Меклен-

101 notes: 101

* Зд.: тепла (нем.).

бургском[6], ибо — нечего. После смерти генерала Ламорисьера[7] легитимистская партия пришла в волнение. Сегодня я повстречал одного орлеаниста старой закалки, он в полнейшем отчаянии. Как легко нынче сделаться великим человеком! Соблаговолите указать мне, что следует прочесть из тех прекраснейших вещей, какие появились с той поры, как я не живу в окружении самого высокоразвитого народа во всей вселенной. Очень хотелось бы повидать Вас. Прощайте; буду поправлять здоровье, покуда празднества в Компье-не опять меня не доконают.

286

Париж, 8 ноября 1865.

Любезный друг мой, я давно Вам не писал оттого, что чувствовал себя как птица, но привязанная за лапку. Распрощался я со своею хозяйкой в Биаррице и только собрался отбыть до наступления холодов на постоянную зимнюю квартиру, как ко мне обратились с просьбой дождаться первой половины Компьеньских празднеств, да притом попросили так мило, что отказаться не было ни малейшей возможности. Затем каждые пять минут разгорались дебаты — ехать в Компьень или не ехать*? Вчера только все наконец решилось.

Едем, и я выезжаю 14-го, с тем, чтобы возвратиться 20-го. А теперь скажите, есть ли хоть малейшая надежда увидеть Вас до 14-го и после 20-го.

Из Биаррица я возвратился в очень хорошем и ровном состоянии, но по прошествии трех дней в полной мере ощутил все последствия перемены климата. В результате — почти постоянно скверное самочувствие, но только не от холеры, а от обычной моей хвори — удушья, да хранит Вас от этого Бог! Правда, последние несколько дней мне много лучше. Поездка в Компьень, я полагаю, отнюдь не на пользу моему здоровью, однако ж полечу я все-таки к югу и весьма уповаю на то, что благодаря солнцу переживу зиму, которая, по словам последователей г. Матье <де ля Дрома) [2], обещает быть очень суровой. А Вы, очевидно, -считаете, что проведете ее в мягком климате на берегах Луары[3]. Надеюсь, хоть у Вас нет ни насморка, ни ревматизма. Ах, как хо1?ел бы я сказать то же о себе!

Вы и не представляете себе, какой шум был поднят вокруг свадьбы принцессы Анны [4] и как пыхтело злобою и комичной яростью Сен-Жерменское предместье. В каждом семействе, где дочь на выданье, всенепременно делалась ставка на герцога Муши. Теперь же все решают одну

великую проблему: «Если они будут наносить визиты, надо ли нам послать им нашу визитную карточку?» А кроме того есть девица на выданье с несколькими миллионами в кармане и еще пятьюдесятью, которые ожидают ее. Особа это прехорошенькая, но окруженная тайной: юна — приемная, разумеется, дочь г. Гейне[5], умершего в этом году, я никому на свете не известно ее настоящее происхождение. Однако ж благодаря миллионам лучшие фамилии Франции, Германии и Италии готовы на любые пошлости. Богиня Фортуна всегда благоволит к приемным детям. Современные греки называют их фэуогсоцбьа — дети души,— не правда ли, мило?

Читали Вы «Песни улиц и лесов» [6] Виктора Гюго? Мне думается, что в <Невере> можно и прочесть их. Могли бы Вы сказать, большая ли разница ощущается, по-Вашему, между прежними его стихами и нынешними? Внезапно ли он потерял рассудок или всегда был не в себе? Что до меня, то я склоняюсь к последнему.

У нас остался один только гений — г. Понсон дю Террайль[7]. Читали ли Вы что-нибудь из его романов с продолжением? Никто не умеет -столь искусно, как он, жонглировать преступлениями и убийствами; я прямо-таки наслаждаюсь, читая

его. Будь Вы здесь, я попытался бы поколебать Вашу нравоверность и дал бы Вам прочесть довольно любопытную книгу о Моисее, Давиде и апостоле Павле [8]. Она отнюдь не походит на идиллии в духе Ренана, скорее это — ученые рассуждения, несколько перегруженные греческими и даже древнееврейскими цитатами, но вещь эта стоит того, чтобы ее прочесть; сама же история — рассказ о янки, который, решив написать роман, создает целую религию, завоевавшую множество поклонников,— стара и неоригинальна. Нет ничего зауряднее, чем вытащить карпа, когда ловишь пескарей. Однако ж Вы не любите подобных тем и в том правы; есть множество других вещей, которыми хочется с Вами поделиться. Прощайте, друг любезнейший; я испытываю громадное желание увидеться с Вами еще в этой жизни.

287

Канны, 2 января 1866.

Любезный друг мой, я не знал, куда Вам писать,— вот и не писал. Вы ведете поистине бродяжническую жизнь, и где заставать Вас — неизвестно. Я очень пожалел, что не сумел поймать Вас где-нибудь между Парижем и <Невером>,— два места, где Вы обыкновенно

обретаетесь. Вы привыкли терпеть кабалу, как говаривали сен-симониеты времен моей юности. То Вы приносите себя в жертву тюленям из <Булони), то— и куда чаще — в жертву девчушке, к которой привязаны столь сильно, что стало просто невозможно видеться с Вами, как в старые добрые времена, когда мы были так счастливы, совершая наши прогулки. Вы помните?

Сюда я вернулся в довольно плачевном состоянии, проведя неделю в Компьене[1], где, покорившись судьбе, ходил целыми днями в лосинах. Меня попытались задержать, соблазняя пьесою г. де Масса[2], но я после героического сопротивления сбежал сюда, где солнце подействовало на меня по обыкновению благотворно. Из трех дней два я чувствую себя хорошо, да и третий неплохо — даже одышка тут переносится легче, несравнимо с тем страшным удушьем, какое я испытываю зимой в Париже. Как же может быть, чтобы такая заядлая путешественница, как Вы к тому же обремененная заботами о близких, не проводила зиму, ска жем, в Пизе или где-нибудь еще, где показывается великий властелин здоровья, Его Светлость Солнце? Сдается мне, что без него я давно уже покоился бы в нескольких футах под землею. Все ровесники мои спешат меня

опередить. Прошлый год для узкого круга моих товарищей оказался жестоким. Еще несколько лет назад раз в месяц мы непременно ужинали вместе, теперь же, по-моему, я остался один. Вот чего я простить не могу Тому, Кто вертит колесо. Ну почему люди не падают все вместе, словно листья, в положенное время? Ваш отец Иасинт[3] не преминул высказать по этому поводу очередную глупость: «О, человек, что значит десять лет или век!» и т. д. А что значит для меня вечность? Важна ведь лишь недолгая вереница дней. Но почему они исполнены такой горечи?

В Каннах нынче проводит зиму лишь четверть из тех иностранцев,, что приезжают сюда обыкновенно. И все из-за одного парижанина, который съел тут трех омаров и умер от холеры. Тотчас весь край пал под подозрение, а мэры Ниццы и Канн не нашли ничего лучше, как выступить в газетах с опровержением слухов о холере, после чего все уверовали в нее окончательно. Несколько моих друзей, настроенных не менее героически, чем я, составили небольшую колонию, которая превосходно обходится без общения с толпою. Я опасаюсь, что мне придется возвратиться в Париж вскоре после открытия Палаты[4], дабы обрушить потоки моего красноречия

на закон о шарманках, по которому я являюсь докладчиком [5]. Я написал г. Руэру[6], предлагая ему мир и подсказывая,, как от моего красноречия спастись. Согласится ли он? А если все же' дерзнет и предпочтет войну, приготовьтесь увидеться со мною в конце-января и устройте мне чудеснейший Новый год. Если же события примут мирный оборот, перенесем все на февраль. Прощайте, любезный друг мой; а покуда я шлю Вам обыкновенные мои пожелания, одно нежнее другого.

288

Канны, 20 февраля 1866с

Любезный друг мой, Вы упрекаете меня в лености, меж тем как Вы и есть ее ярчайший пример! Ведь Зы теперь в Париже, беседуете с порядочными людьми и должны держать меня в курсе всего, что происходит и говорится в большом городе,— а доходят до меня от Вас лишь жалкие крохи. Верно ли, что кринолин нынче предан анафеме и между платьем и кожею оставлена одна лишь рубашка? И если все это так, узнаю ли я Вас, возвратившись в Париж? Я помню, как во времена моей юности один старик рассказывал, что, войдя в гостиную и увидев там женщин без фижм и пудреных париков, он подумал, что попал на вечеринку, ко»

торую устроили горничные в отсутствие хозяев. Вот и я уже не представляю себе, как дама может обойтись без кринолина.

Голосование адреса [1] я пропустил, и ничего страшного не случилось, но мне все равно придется скоро возвращаться из-за шарманок. Дело еще не кончилось[2], и мне предстоит снова блистать красноречием, отчего у меня сильно портится настроение. Несмотря на восхитительнейшую погоду, я умудрился подхватить насморк, а насморк у меня всегда вызывает серьезное обострение болезни. Дышать мне всегда теперь трудно, а уж при насморке я не дышу вовсе. Вообще же я чувствую себя лучше, не» жели в прошлом году. Правда, я не делаю решительно ничего. И это во многом определяет хорошее самочувствие. Я привез с собою работу, но даже не распаковал ее.

Вы ничего не пишете о пьесе Понсара [3]. Он сохранил традицию кор» нелевского стиха, несколько напыщенного, но величественного, звучного и точного. Свет, верно, восторгается этой пьесою так же, как восторгает» ся он наукою г. Бабине[4] и проповедями аббата Лакордера[5], торопясь купить кота в мешке, лишь только прослышит, что это хороший тон. Боюсь, что люди в кожаных штанах, с собачьими ушами, да еще

говорящие стихами, должны производить весьма странное впечатление.

Я только что прочел чрезвычайно заинтересовавшую меня книжку об -азиатских религиях[6], написанную моим другом г. де Гобино. Вы оцените ее по моем возвращении, если не решите прочесть раньше. Это весьма странно и любопытно. Выходит, что в Персии мусульманство перевелось — появились новые религии, как и всюду, возродились древние поверья, считавшиеся давным-давно забытыми и вдруг возникшие из небытия. Вам очень интересно будет прочесть об одной своеобразной прорицательнице, весьма миловидной и речистой, которую несколько лет назад сожгли на костре. Его преосвященство, епископ Орлеанский, на днях проезжая здесь, нанес визит г. Кузену и просил его проголосовать за г, де Шампаньи [7]. Я думаю, что президент наш Троплон попытается наследовать г. Дюпену[8], но, похоже, он побаивается бургграфов, которые и в самом деле рады были бы сыграть с -ним злую шутку. Мне говорили об Анри Мартене[9] и Амеде Тьерри[10] — оба они способны произнести надгробную речь г. Дюпену так же, как я сыграть на контрабасе. Будь я в Париже, я проголосовал бы согласно Вашему совету. А приехать я намерен

в начале будущего месяца. Но, право, все что говорится и делается теперь в Париже, день ото дня представляется мне 1все глупее. Да и понять нас трудней, нежели людей Средневековья.

Прощайте, любезный друг мой.

289

Парижу 9 апреля 1866..

Любезный друг, ну не злая ли судьба решила, чтобы Вы уехали перед самым моим приездом! Счастье еще, что Вы скоро возвратитесь. В пути я с самого начала дышал с большим трудом, а тяготы путешествия вконец меня доконали. Вчера вечером у нас разразилась сильнейшая гроза, и я надеюсь, что после нее мне станет немного лучше. От рассказов Ваших об этом сыром городе <Невере> и о продуваемых ледяными ветрами его коридорах, которые Вы изобразили мне так мрачно, меня бросает в дрожь. Закутайтесь во все меха Ваши и старайтесь, елико возможно, не отходить от камина, а на улицу показываться только в солнечные дни. Я стал так чувствителен к холоду, вернее, он причиняет мне такие страдания, что ад я представляю себе теперь лишь как Дантов bolge *. К счастью, до меня дошли слухи, что кринолины нынче не в моде, а посему

я могу уже не беспокоиться за ножки Ваши и все остальное. Вчера я вышел на час и встретил женщину без кринолина, но в юбках столь странной формы, что долго не мог прийти в себя. Мне показалось, чта на ней была картонная нижняя юбка с оборками, а сверху — приподнятое платье. И все это сооружение, чиркая время от времени ,по асфальту, фоизводило невероятный грохот.

Коль скоро логика Ваших поступков обратна логике поступков остальных смертных и коль скоро за городом вот-вот станет совсем хорошо, . Вы, я полагаю, не сегодня-завтра возвратитесь в Париж. Так что* будьте добры известить меня о Ваших намерениях.

Прислушиваясь к себе, я все думаю, надобно ли мне идти в четверг в Академию помогать, а вернее, вредить, как и положено бессмертному.. Выбирать между господами Анри Мартеном, Кювилье-Флери и де Шам-паньи [2], право, задача не из легких. Пожалуй, последний придерживаете^ слишком клерикального для меня направления, да к тому же я не могу простить ему того, что о римской истории он пишет в стиле легковесного фельетона. Нынче, кажется, всем заправляет г. Гизо[3]. Он хочет навязать нам всю редакцию «Журналь де Деба»; сначала г.г. де Саси[4] и Сен-Марка[5] и

сразу после — г. Парадоля[6]. Но они-то хоть умны, ра притом весьма, а вот читали ли Вы что-лйбо г. Кювилье—Флери? Если читали, скажите Ваше мнение. А впрочем, когда бы Вы представили мне достойное вознаграждение, я проголосовал бы так, как бы Вы пожелали.

Английские романы стали нагонять на меня смертельную скуку — я имею в виду новейшие. Правда, в Каннах они весьма разнообразили нашу жизнь, так как г. Мюррей [7], крупнейший книготорговец, два раза в неделю присылал нам ящики книг. Известно ли Вам что-нибудь, ^та

.может развлечь бедолагу, который не решается нос высунуть на улицу после захода солнца? Прощайте, друг любезный, думайте иногда обо мне и пишите.

290

Париж, 24 июня 1866.

Что с Вами происходит? Говорят, в Амьене холера свирепствует вовсю. Я еще не знаю, какой сюрприз готовится нам в Люксембургском дворце, но может быть из-за сенатского решения, которым нам угрожают, мне придется пробыть здесь до середины месяца. В утешение я купил 27 томов «Мемуаров XVII века» которые отдам

переплести. А Вам что-нибудь из них нравится? У Клинксика [1] Вашего ничего нет, о чем его ни спросишь. Схожу к Вьевегу [2] — вдруг да он сумеет помочь. К несчастью, тираж «Мемуаров Ф<ридриха> Августа»[3], выпущенных в Лейпциге,— в руках у г. де Бисмарка. Я был приятно удивлен, получив от Вас одолженную мною книгу. А я боялся, что Вы присовокупите ее к тем, которые уже у меня похитили. Когда приедете за следующей? Несмотря на жару, чувствую я себя скверно.

В прошлый раз Вы спрашивали, откуда я знаком с цыганским диалектом. А мне столько всего хотелось Вам сказать, что я забыл ответить. Научился я ему у г. Борроу; его книга [4] — одна из самых любопытных из всех, какие я читал. Все, что рассказывает он о цыганах,— совершенная правда, и его наблюдения вполне сходятся с моими, за исключением разве одного только пункта. Он — clergyman * и ему легко было ошибиться там, где я — француз и человек светский, мог проводить убедительные опыты. Но все же весьма странно, что человек этот, способный к языкам настолько, чтобы говорить даже на диалекте call[5], в такой мере не имеет грамматического чутья и не видит того, что лежит на поверхности,— ведь в этом диалекте осталось значительное число слов

не испанского происхождения. Он же придерживается мнения, будто в сохранности остались только санскритские корни. .....

Мне очень нравится запах этой эссенции, однако ж с тех пор, как я узнал, что друг, подаривший ее Вам, видит Вас так часто, она стала казаться не такой приятной.

291

Дворец Сен-Клу, 20 августа 1866.

Любезный друг мой, Ваше письмо я получил вчера вечером.

Благодарю за поздравления [1]. Событие это меня удивило не менее, чем Вас. Подобно Мнимому Рогоносцу я сказал себе:

Не станет же короче

От этого нога. Не окривеют очи![2]

Прошу прощения, что процитировал отрывок из пьесы, которую Вы не станете читать из-за ее названия.

Оригинальный путь Вы избрали для того, чтобы (добраться до Вашего друга из страны тюленей, но если Вам хоть немного повезет с погодою, Вы получите большое удовольствие, любуясь берегами Луары. Это — самое французское, что только есть во Франции, и нигде более такого не встретишь.

Особенно рекомендую я Вам посетить замок Влуа, который мы совсем недавно тщательнейше отреставрировали. Проверьте от моего имени, хорошо ли отреставрирована новая церковь в Туре. Она расположена на правой стороне Королевской улицы, если идти с вокзала; названия же ее я не помню. Еще непременно посмотрите в Туре дом, который ошибочно называют «Домом палача» [3], приписывая его Тристану л'Эрмиту[4] из-за скульптурного изображения веревки с узелками — символа вдовства, принимаемого невеждами за виселичную веревку. Стоит этот дом на улице Трех Девственниц — еще одно трудное для Вас название.

Погода здешняя приводит в уныние. Вчера я в экипаже совершил длительную прогулку, во время которой разразилась ужасающая гроза, промочившая меня до костей и наградившая насморком. От дождя на подушках образовались лужи, так что все мы будто /приняли ванну. В Париже я полагаю быть в самом конце этого месяца [5], а выехать оттуда в Биарриц[6] — в начале сентября. Быть может Вы тоже приедете, покинув берега Луары?.....

Император совершенно поправился, и жизнь наша вошла в обычную колею. Мы очень мило

проводим время и, принимая во внимание мерзейшую погоду, отбросили всяческий этикет. К ужину выходим в сюртуках и вообще каждый волен почти полностью располагать своим временем.

Из России мне прислали пространнейшую историю царствования Петра Великого [7], в которую вошло множество документов, никогда ранее не публиковавшихся. Так что в то время, когда мы не гуляем и не едим, я читаю или рисую, и мне представляется очевидным, что все идет к мирному разрешению проблем. Равно как, очевидно, по-моему, и то, что г. де Бисмарк — человек выдающийся и слишком хорошо подготовленный для того, чтобы с ним задираться. Быть может нам придется глотать обиды и мы будем сносить их, даже если останемся с одними игольчатыми ружьями. Надобно лишь понять, каковы намерения немецкого парламента, и не наделают ли они столько глупостей, что растеряют все свои преимущества. Правда, на примере итальянских дел такого не скажешь.

Прощайте, друг любезный.

292

Биарриц, 24 сентября 1866.

Желаю, чтобы у Вас погода была получше, нежели у нас. Четыре дня в неделю — дождь, а в остальные дни — удушливая жара и сильнейший сирокко. Впрочем, море здесь куда красивее, чем в Булони, а фиги и ортоланы помогают сносить тяготы жизни. На днях я совершил забавную экскурсию в горы [4] и мне показали одну из самых интересных пещер, какую я в жизни видел. Вначале надобно пройти под большим естественным мостом, висящим единою аркой и не менее длинным, чем Королевский мост[2]; по одну его сторону — скалистая стена, а по другую—также естественный и очень длинный туннель; природа, не обладающая могуществом инженеров, задумала вытянуть свой мост в длину, да еще и продолжить его туннелем. Под туннелем, перпендикулярно к мосту, течет прозрачный ручей; пропорции всего этого — поистине величественны. Воздух там очень свежий, и ощущение возникает такое, будто находишься за тысячу лье от обитаемых мест. Я покажу Вам набросок, который сделал прямо там, не слезая с седла. Прекраснейшее место это, называемое совсем просто — <Сагаррамурдо),

находится в Испании,, а находись оно вблизи Парижа, его показывали бы за 50 сантимов и наживали бы на нем состояние. В другой пещере, расположенной на расстоянии одного лье от этой, но уже на французской территории, мы обнаружили десятка два контрабандистов, распевавших хором, в сопровождении дудки, баскские мелодии. Дудка эта, собственно говоря, небольшой флажолет, с каким-то диким, но вместе с тем очень приятным звуком. Мелодия весьма своеобразна, однако ж печальна до слез — как, впрочем, все мелодии горцев. Что же до содержания песни, я понял лишь слова из последнего куплета: «Viva emperatripa!» [102]. Провел нас туда один прелюбопытный человек[3], наживший на контрабанде целое состояние. Он — властелин тех гор, и все обитатели их у него в подчинении. Одно удовольствие было глядеть, как он скачет среди скал, вдоль фланга нашей колонны, с трудом продвигавшейся по едва заметным горным тропам. А он с легкостью брал любые препятствия, отдавая своим людям приказания то по-баскски, то по-французски, то по-испански, и ни разу не оступившись. Императрица вручила его попече-

102 notes: 102

«Да здравствует императрица!» (исп.).
Ю Проспер Мериме

ниям. наследного принца, ехавшего верхом на пони, и он провел его по самым немыслимым дорогам, какие только можно вообразить, оберегая мальчика никак не менее, чем драгоценный контрабандный товар. Мы остановились ненадолго в его доме в Са<ре> [4], где нас встретили дочери его — особы весьма воспитанные, хорошо одетые, ничуть не провинциальные и отличающиеся от парижанок разве что произношением буквы «р», которая у басков звучит твердо и раскатисто.

Мы ожидаем прибытия броненосцев [5], однако ж море настолько бурное, что если они и подойдут, мы не сумеем до них добраться. Народу в

Биаррице немного; несколько сногсшибательных туалетов и мало привлекательных лиц. А уж уродливее, чем купальщицы в своих черных костюмах и клеенчатых чепчиках, вообще ничего не придумаешь. Меня представили великому герцогу Лихтенбергскому[6] — господину весьма приятной наружности. Я узнал, что он читал Шопенгауэра, тяготеет к позитивной философии и вообще в некотором роде социалист.

В Париже я полагаю быть в самом начале октября. А Вы там в это время не будете? Мне очень хотелось {бы повидать Вас, прежде чем перебираться на зимовку. Я неприлично растолстел и

дышу много лучше, нежели в Париже.

Прощайте, любезный друг; я написал тут одну любопытную безделицу \ которая может Вас позабавить, если Вы соблаговолите ее выслушать.

293

Париж, 5 ноября 1866,

Скоро мы станем совсем как Кастор и Поллукс \ которые не могут появляться на горизонте одновременно! Вернулся я на днях. Проехался на почтамт и теперь возвращаюсь складывать дорожный сундук; мне необходимо уехать как можно скорее, ибо первые же холода подействовали на меня очень тяжело — я стал кашлять и задыхаться.

Помимо радости, какую я испытал бы при встрече с Вами, я намеревался прочесть Вам один мой перевод с русского[2]. В Биаррице мы принялись как-то обсуждать, в каком сложном положении может оказаться человек, скажем, Родриго — между отцом и Хименою [3] или мадемуазель Камилла между братом и Куриацием \ Выпив на ночь слишком крепкого чаю, я написал десятка полтора страниц [5] на эту как раз тему. Вещица вышла по сути дела глубоко нравственная, но есть там кое-какие детали, которые мог

бы не одобрить монсеньер Дюпанлу [6]. Есть, к примеру, намеренно ложный ход, необходимый для развития сюжета: две особы противоположного пола останавливаются вместе на постоялом дворе,-вещь невиданная, но мне решительно необходимая,— и в комнате рядом с ними происходят какие-то весьма странные вещи. Думается, это — не самое плохое из того, что я написал, хотя и писалось очень наспех. Я прочел новеллу хозяйке дома[7]. В Биаррице находилась тогда великая княгиня Мария[8], дочь Николая, которой я был представлен когда-то, несколько лет назад. Мы возобновили знакомство. Вскоре после вышеупомянутого чтения меня посетил полицейский чин, сказавший, что его послала великая княгиня. «Чем могу служить? — Я пришел от имени Ее Императорского Высочества просить Вас пожаловать нынче вечером к ней, взяв с собою Ваш роман.—Какой роман?—Да, тот, что Вы читали на днях Ее Величеству». Я ответил, что имею честь быть шутом Ее Величества и не вправе работать в городе без ее соизволения; не медля ни минуты, я помчался обо всем рассказать хозяйке. Я ожидал, что после этого начнется по меньшей мере война с Россией, и как же унижены

были мои патриотические чувства, когда мне

не только позволили, но даже попросили поехать вечером к великой княгине, которой на всякий случай предоставили в услужение полицейского. Однако ж для очистки совести я написал великой княгине письмо отменными чернилами, предупреждая ее о моем визите. И решил сам отнести письмо в ее особняк; было страшно ветрено, и вот в одном глухом переулке я встречаю даму, которую надувшиеся ветром юбки грозят вот-вот унести в море; она с трудом борется с ветром, ослепленная, оглушенная треском кринолина и всего, что под ним. Я бросаюсь к ней, пытаясь оказать возможно более действенную помощь, и тут только узнаю великую княгиню. Сильный порыв ветра вырвал у нее несколько хлестких словечек. Но все же она была со мною очень милостива, угостила превосходным чаем и сигаретами,— ибо великая княгиня курит, как почти все русские дамы. Сын ее [9], герцог Лихтенбергский, очень красивый молодой человек, похож на немецкого студента. Как я говорил Вам уже, он показался мне симпатичным и любезным малым, немножко республиканцем и социалистом, отчаянным нигилистом, вроде Тургеневского Базарова,— ведь в наше время князья не понимают, что Республика делает весьма заметные успехи.

Прощайте, друг любезный; ответьте мне сюда, только немедля. Я не нахожу, что по количеству писем мы квиты. А что скажете Вы обо всех этих наводнениях? У Вас стихия разгулялась в полной мере. Поздравляю Вас хотя бы с тем, что Вы не утонули. Один из моих друзей два дня сидел почти без еды и все ждал, что его дом растает у него на глазах, точно кусок сахара. Еще раз прощайте.

294

Канны *, 3 января 1867.

Любезный друг мой, Ваше письмо вызвало у меня живейшие угрызения совести. Я давно уже собираюсь написать Вам, но, во-первых, не знаю точно, где Вы, и это страшно неудобно. Вы все время в пути, и решительно неизвестно, где Вас ловить. Другая же причина в том, что Вы не ответили на длиннейшее и написанное в весьма изысканном стиле письмо, которое я послал Вам. К тому же Вам трудно себе представить, сколь быстро течет время в краю, подобном этому, где никогда не идет дождь и где главнейшее занятие — это греться на солнышке или рисовать деревья и скалы. Я привез сюда для работы книги, но ничего еще не сделал; разве что почитал, делая пометки, историю царствования Петра Великого

[2], о котором мне хотелось бы написать как-нибудь статью для «Журналь де Саван». Великий человек этот был воплощением варварства, напивался до скотского состояния и допускал то отклонение от хорошего вкуса, какое Вы, изучая греческую литературу, помнится, сурово осудили. Однако ж, несмотря на все это, он действительно намного опережал свое время. Хотел бы я как-нибудь сказать это особам, вроде Вас, исполненным предрассудков.

Я говорил уже, что историю, о которой я Вам рассказывал [3], я прочту, как только буду иметь удовольствие Вас видеть. Пока и вопроса нет о том, чтобы ее напечатать. Коль скоро в этой вещи ни единым словом не прославляется преходящая власть паны, я боюсь, что она не будет принята благожелательно. Разве не удивляет и не унижает Вас глубочайшая тупость нашего времени? Все, что говорится за и против власти преходящей, столь вздорно и нелепо, что краснеть приходится за наш век..... . . . . и

А помимо этого меня приводит в ярость то, как принимается проект реорганизации армии[4]. Все молодые люди из хороших семей до смерти боятся, как бы им не пришлось в один прекрасный день идти воевать за родину, и предлагают

оставить это вульгарное занятие пруссакам. Попробуйте представить себе, что станется с французской нацией, если она утратит вовсе воинскую доблесть! Я прочел роман моей подруги, госпожи де Буань [5]. Он меня огорчил. Госпожа де Буань — особа умнейшая, она не скрывает своих недостатков и безжалостно критикует их, однако ж избавляться от них отнюдь не собирается. За более чем тридцать лет она ни разу и словом не обмолвилась мне об этом романе и только в завещании распорядилась его опубликовать. Это поразило меня в той же мере, как если бы я узнал, что Вы напечатали .трактат по геометрии.

Надобно Вам рассказать о состоянии моего здоровья, хотя тема эта и не слишком приятна. Задыхаюсь я с каждым днем все более. Бывает, я чувствую себя сильным, словно турок, совершаю долгие прогулки и мне начинает казаться, что я тот же, каким был в прежние времена, когда мы бегали с Вами по нашим лесам. Но стоит зайти солнцу, как грудь у меня раздувает, я задыхаюсь и малейшее движение мне стоит невероятного труда. Странно то, что чувствую я теперь себя не хуже, а напротив, много лучше, лежа, нежели стоя или сидя.

Прощайте, друг любезный; желаю Вам здоровья

и благополучия.

295

Париж, четверг, 4 апреля 1867.

Любезный друг мой, наконец я в Париже, но едва живой. Я не писал Вам, потому что меня снедала тоска и ничего хорошего ни о |себе, ни о подлунном мире сказать я не мог. Вы сами убедитесь, насколько я болен, но все же счастлив видеть Вас. В пятницу утром, если погода будет хорошая, мы можем пройтись вместе по Лувру. Я совсем не решаюсь выходить — так боюсь холода, хотя прогулки мне показаны. Посылаю Вам восьмой том Гизо [1] — он развлечет Вас. Мрачная, зловещая погода совсем меня доканывает. А у Вас, надеюсь, все по-прежнему благополучно. Мой дом ремонтируют, и я принужден жить в гостиной, мрачной, как тюрьма. Приходите меня утешить. Вы увезете все книги, какие только захотите, и я не стану Вас просить оставлять мне залог.

Прощайте. До скорого, я надеюсь, свидания.

296

Париж, пятница, <26> апреля 1867.

Любезный друг мой, я очень рассердился, узнав, что вокруг Вас так много больных. Боюсь, что из-за них Вы не думаете обо мне, тогда как я в эту погоду чувствую себя хуже, чем когда бы то ни было. Не зайдете ли Вы как-нибудь поухаживать за мною? Несмотря ни на что, я был на Выставке [4], но ошеломляющего впечатления она на меня не произвела. Правда, дождь лил как из ведра, и я не пошел смотреть разные глупости,, выставленные, как мне рассказывали, в саду. Я видел несколько китайских вещиц, слишком увесистых для моего кошелька; видел русские ковры, но все они были уже проданы. Хорошо бы как-нибудь с утра Вы отвели меня туда и помогли с покупками. Вам, сдается мне, этот базар пришелся весьма по душе, быть может, Вы вдохновите и меня. Дождливая и мрачная эта погода причиняет мне много страданий. Я не решаюсь выходить и живу, словно медведь в берлоге. Сгораю от желания заехать-как-нибудь вечером к Вам, но убежден, что ночь тогда мне придется провести на нижней ступеньке Вашей лестницы. Можете ли Вы назвать мне какую-нибудь занимательную книгу — коротать вечера? А покуда я написал для «Журналь де Саван» статью о княжне Софье[2], сестре Петра Великого. Не знаю, будет ли это интересно,

но я непременно прочту ее Вам.

297

Среда, 26 июня 1867. -

Любезный друг мой, не лучше ли было бы принести цветы самой? Меня очень расстроило, что Вы их прислали. Грипп мой никак не проходит, да и как он может пройти при такой погоде!

Прочтите речь Сент-Бева \ она позабавит Вас. Умнее сказать было нельзя. Однако ж, если он в самом деле хотел того, чего требовал, он не мог избрать лучшего способа получить отказ. Не знаю, чем кончится его обмен колкостями с г. Лаказом [2], но боюсь, как бы не запахло порохом. Невозможно представить себе выражение ненависти и глубочайшего презрения, отразившееся на его лице в то время, как он читал,— так как он читал заготовленный текст,— что в известной мере снизило впечатление от речи.

Позвольте выразить сочувствие по случаю потери Вами на Выставке портмоне. Можете посочувствовать мне взаимно, ибо свой я оставил в экипаже. Повсюду спрашиваю билеты на церемонию 1 июля [3]. Я должен добыть для .Вас лучшие места, но пока не удается.

298

Париж, воскресенье, 30 июня 1867.

Любезный друг мой, тут два билета на завтрашнюю церемонию *. Они заслуживают знатных чаевых, ибо заполучить их мне стоило большого* труда. Срочно пересылаю их Вам. Постарайтесь быть в полном здравии. Завтра будет чудовищно жарко!

299

Пятница, 5 июля 1867.

Любезный друг мой, я очень рад, что Вы получили удовольствие \ А я испугался жары и веса моей сбруи. Так что Вы напрасно меня искали — в конце концов я не пошел. Приходите скорее рассказать о прекрасных вещах, которые |Вы там видели, и описать впечатление, произведенное на Вас султаном и принцами[2], имевшими счастливую возможность целых три часа любоваться Вами. Полагаю, что расстрел этот [3] в некоторой степени портит наши дела, которые так хорошо шли. Очень жаль.

300

Париж, 27 июля 1867.

Любезный друг мой, благодарю Вас за письмо. Все это время я чувствовал себя так скверно, что не стал Вам отвечать немедля, в надежде на лучшее самочувствие; однако ж чего я только ни делаю и что ни глотаю — грипп мой никак не проходит. Не стану Вам описывать все свои хвори, но поверьте, их у меня предостаточно. Надеюсь, Вы меня пожалеете. Я не могу ни спать, ни есть. И завидую тому, что для Вас проблем этих не существует, равно как и многих других.

Очень рад, что Вы снова видели султана, и притом не мимоходом. Не стал ли он обходительнее с вашим полом, нежели то было в Париже? Мне говорили, что в Опере им остались весьма недовольны. Египетский паша [1] вел себя куда любезнее. Он нанес два визита мадемуазель ***, описывать которые я не осмеливаюсь, хотя они и были прелюбопытны. Его помирили (я имею в виду пашу) с собственным его кузеном Мустафой, но добиться того, чтобы они пили вместе кофе, так и не удалось,— каждый был уверен, что заметные успехи химической науки делают это предприятие слишком опасным. Будь Вы в

Париже, Вы увидели бы, какую мне принесли превосходнейшую вещицу[2]. Это — брошь в форме гербовой лилии с миниатюрным портретом Марии-Антуанетты, выполненным, верно, в Вене до ее замужества [3] и подаренным ею принцессе де Ламбаль[4]. Под портретом лежала прядь волос, но ее оттуда вынули. После довольно энергического сопротивления я позволил уговорить себя и отправил брошь Ее Величеству, ибо она собирает все, что принадлежало Марии-Антуанетте. А эта брошь наверняка станет для нее одним из самых очаровательных сувениров; к тому же, говорят, подлинность вещи не оставляет сомнений, притом не забудьте, что ее долго носила госпожа де Ламбаль. Что до меня, я питаю отвращение к подобным печальным памяткам, однако ж о вкусах не спорят.

Госпожа <Раттацци> [5] все еще тут и по-прежнему, не стеспяясь, закатывает скандалы. Я сожалею, что не могу описать Вам всего, что она говорит и делает. Кое-кто предполагает, что на итальянской земле еще у двух министров жецы — фурии, почище этой .....

Я нахожу, что Вы могли бы быть поучтивее и захватить мою корректуру. Нет ничего обиднее для автора, чем такого рода забывчивость.

1 августа появится вторая статья[6], и Вам следует приготовиться к появлению еще трех или четырех. Если бы Вы помогли мне подобрать описательные выражения для того, чтобы объяснить читателю, чем Меньшикову удалось завоевать расположение Петра Великого, Вы оказали бы мне большую услугу. Помимо этого прочтите в «Ревю де Де Монд» статью г. Коллена [7] об объединении рабочих,— на самом деле, она написана г. Либри,— и письмо г. д'Оссонвилля [8] принцу Наполеону, которое должно навсегда отбить у него вкус к газетной полемике. Сент-Бев по-прежнему чувствует себя неважно. Но, подобно султану Саладину[9], окружен целым сонмом женщин. Вы не заставите меня поверить, будто у Вас в <Булони> погода решительно отличается от нашей — ливни и постоянные ветры. Когда Вы возвращаетесь? Вы совершенно необходимы мне для того, чтобы рассказывать разные истории и учить терпеливо сносить мои хвори, что отнюдь нелегко. Прошлой ночью, когда дышать я уже совсем не мог, я прочел «Застольные беседы» Лютера[10]. Этот толстяк вызывает у меня симпатию предрассудками своими и ненавистью к дьяволу.

Прощайте, друг любезный.

301

Париж, 6 сентября 1867.

Любезный друг мой, я получил Ваше письмо, доставившее мне большую радость; сдается, что влажный климат, в котором Вы живете, намного улучшила нынешняя жара. Что до меня, я чувствую себя неплохо и дышу, если и не полной грудью, то во всяком случае лучше, чем все последнее время. Однако ж я сумел мужественно отклонить любезнейшее приглашение императрицы, которое она еще раз повторила перед отъездом. Я недостаточно уверен в себе и боюсь, как бы не расхвораться, а потому,— хоть меня и заверили в самом внимательном уходе,— думаю, предусмотрительнее и благоразумнее будет не рисковать \ Быть может, если устоится хорошая погода, я соберусь с силами и поеду на несколько дней в деревню к кузену. Перемена воздуха, возможно, пойдет мне на пользу,, ибо очень похоже, что толпы иностранцев, наводняющие Париж, сильно портят нам атмосферу. На днях я был па Выставке и видел японок, которые мне очень понравились. Кожа у них цвета кофе с молоком, весьма приятного оттенка. Но ноги, сколько я мог разглядеть между складками платья, не толще

ножек стула, что, разумеется, досадно. Глядя на них сквозь толпу зевак, я думал, что европейцы среди японской публики чувствовали бы себя куда менее уверенно. Вот представьте себе, Вы появляетесь в Йеддо[2], а поставщик принца Сатсума[3] и говорит: «Хотел бы я знать, уж не горб ли вздымается у этой дамы сзади под платьем». Кстати говоря, горбы совсем теперь не носят, и это доказывает, что ни у кого их и не было,— просто все дамы одновременно оказались послушными моде.

Я нынче читаю препротивную книгу госпожи <Раттацци>, бичующую г. НКнайдера) [4], которого она называет г. Т<айером>,— это самое непристойное из всего, что когда-либо печаталось. И с этой точки зрения она не лишена определенного таланта..... .[c] . .

Я написал для «Мойитора» статью, которая вышла на редкость изящной по стилю; речь в ней идет об одной презабавной испанской хронике [5],— как-нибудь на днях я дам ее Вам, при условии, что Вы мне ее вернете. Вы увидите, как жили в Испании и во Франции в XV веке. Прощайте; желаю Вам здоровья. Не подхватите насморка и пишите.

302

Париж, 27 сентября 1867.

Любезный друг мой, что с Вами? Давно уже нет от Вас никаких известий. А я только что совершил дерзкий поступок — поехал на три дня в деревню к моему кузену, который живет неподалеку от Арпажона; много хуже мне от этого не стало, хотя тамошний климат показался холодным и сырым; правда, теперь я не верю, что где-то бывает тепло. Ведь и у Вас в <Ыевере>, надо полагать, туманы висят постоянно.

Время я провожу, как могу, в полнейшем одиночестве, испытывая кое-когда желание поработать, но не столь настойчивое, чтобы воплотить его в жизнь. Кроме того, я не могу отделаться от глубочайшей меланхолии. К тому же у меня, по-моему, что-то серьезное с глазами. И хочу, и боюсь показаться Либрейху *, но если я потеряю зрение, что со мною станет?

В свете появился некий князь Огюстен Голицын[2], принявший католичество и не слишком сведущий в русском языке. Он перевел роман Тургенева «Дым» и напечатал его в клерикальном журнале «Корреспон-дан», который сам же негласно финансирует. Тургенев попросил меня

посмотреть корректуру. В романе встречаются положения довольно пикантные, приводящие князя Голицына в отчаяние[3],— скажем, такая беспримерная вещь, как описание любовной, да к тому же адюльтерной, связи русской княгини. Вот Голицын и пропускает куски, которые слишком его коробят, а я их восстанавливаю. Трудность та, что в тексте и в самом деле попадаются весьма щекотливые вещи, как, впрочем, Вы увидите сами. Дама из высшего света позволяет себе прийти на свидание к своему любовнику в одну из гостиниц Баден-Бадена. Одна из глав кончается на том, как она входит к нему в комнату. Далее в русском оригинале следует: «Два часа спустя Литвинов сидел у себя на диване». Неокатолик наш перевел это так: «Час спустя Литвинов сидел у себя в комнате». Вы сами видите, что этак выходит гораздо нравственнее; к тому

же сократить время на час — значит уменьшить грех вполовину. Далее, комната вместо дивана звучит куда добродетельнее, ибо диван располагает к преступным деяниям. Я, верный данным мне наставлениям, восстановил и два часа и диван, однако ж главы, где это описывается, в последнем номере «Корреспондан» не появилось. Вероятно почтенные господа, управ-

ляющие изданием, установили там строжайшую цензуру. Меня все это довольно развлекает. Если роман будут печатать и дальше, там есть превосходная сцена, когда героиня рвет английские кружева, что куда серьезнее, нежели диван. Я с нетерпением ожидаю этот кусок. Прощайте, друг любезный, давайте знать о себе. Меня страшит, с какою скоростью приближается зима.

303

Париж, понедельник вечером, 28 октября 1867.

Любезный друг мой, Вы пишете о растительном существовании. Право же, так хотелось бы нынче пожить такой жизнью, но самая сущность нашего века есть движение. Ростки породы человечьей столь же несчастливы, сколь те, что прилепились у подножия Этны. Время от времени на них обрушивается огненная река, и всегда почти они гибнут от серных газов. Разве не жаль Вам, что два фанатика, Пий IX и Гарибальди, из упрямства все повергли в хаос? И точнейшим образом определяют нравы нынешней эпохи слова тех, кто в ответ на напоминание о договоре от 15 сентября порицает отправку наших войск в Рим \ говоря: «Что такое договоры? Г. де Бисмарк их не соблюдает». А мне так и хочется забрать у

них ручные часы под тем предлогом, что часы, мол, бывает, крадут. И самое прискорбное во всем этом то, что мы снова взяли на чюбя обязательство,— не знаю на какой срок,— охранять папу, который, впрочем, не испытывает к нам за то ни малейшей признательности . . .

«Корреспондан» остается верен себе и печатает продолжение романа Тургенева, не разрешив, однако ж, чтобы свидание Литвинова и Ирины длилось более часа. По-моему, я рассказывал Вам об этом. Вы читаете? Не может быть, чтобы «Корреспондан» не доходил до <Невера>. В любом случае я дам Вам роман, когда Вы возвратитесь.

Я по-прежнему чувствую себя паршиво; дышу плохо и вот-вот перестану дышать совсем. Столь внезапная кончина г. Фульда[2] сильно на меня подействовала. Конечно, подобной смерти можно только желать, но зачем так стремительно? Утром, в день смерти, он написал 18 писем и за два часа до того, как лечь спать, выглядел совершенно здоровым и бодрым. В постели он лежал спокойно, не сделав ни единого резкого движения, и в чертах его не было видно ни малейшего напряжения; он умер точно так же, как г. Эллис[3],— англичане говорят о такой смерти: visitation of God *.

В путь я намереваюсь тронуться в первых числах ноября[4]. Меня торопят уезжать, оберегая от насморков, которые тут неминуемы. А я заканчиваю пространный опус для «Монитора» об одной греческой книжке [5] и тронусь в путь, как только допишу его. Прощайте, друг любезный; надеюсь, Вы успеете вернуться до моего отъезда. Уезжайте от несносных этих туманов, берегите себя. Еще раз прощайте..... . . „

304

Париж, 8 ноября 1867

Любезный друг мой, пишу Вам записочку наспех, бегая по разным делам, которые необходимо до отъезда завершить. Завтра я выезжаю в Канны, совершенно больной, правда, там мне обещают солнце и жару. Здесь же у нас холодно, почти морозно. Я совсем перестал выходить вечерами и решаюсь высунуть нос на улицу только когда воздух немного прогреется. Не знаю, сколько времени удастся мне там пробыть,— это в некоторой степени зависит от папы, от Гарибальди и от г. де Бисмарка. Я, как, впрочем, и все, в известном смысле во власти этих господ. Нет ничего постыднее дела Гарибальди[1]; если вообще человека можно толкать на смерть, он оказался теперь

именно в таком положении. Больше всего злит меня папа, который решительно убежден в том, что ничем нам не обязан и что поработало на него небо и только ради его прекрасных глаз. Прощайте, друг любезный.

305

Канны, 16 декабря 1867.

Любезный друг мой, я начал было уже волноваться за Вас, как вдруг получил Ваше письмо и тотчас успокоился. Разумеется, Вы догадываетесь, что беспрестанные перемены погоды, измучившие нас, не принесли, мне никакой пользы. Целые сутки здесь шел снег к несказанному изумлению местных детишек и собак. За последние двадцать лет такого тут не случалось. Страшно забавно было наблюдать удивленные детские мордашки, взиравшие на феномен, который они видели лишь издали, высоко в Альпах. Все ожидали, что померзнут цветы, апельсиновые деревья и даже оливы, но растения выстояли на славу; погибли одни только мухи.

На днях установилась хорошая погода и дышать стало немного легче. Я полностью завишу теперь от малейшего колебания погоды, и нет такого барометра, который я не превзошел бы в точности

моих предсказаний. Меня отчаянно пугает политическое положение; в общей направленности газет и речей ораторов я улавливаю нечто общее с 1848 годом. Какие-то странные вспышки гнева, без видимых причин. Нервы у всех напряжены. Г. Тьер, всю жизнь свою посвятивший политическим битвам, дрожит, как осиновый лист, из-за какого-то марсельского адвокатишки *, который позволил себе наговорить пошлостей, заслуживающих лишь улыбки. Но самое возмутительное то, что г. Руэр[2], жаждая out herod

Herod **, произносит постыдные для любого министра аполитичнейшие речи. Я недоволен всеми, начиная с Гарибальди, который занимается не своим делом. Подставить под дула несколько сот глупцов и сбежать потом на Капреру [3] представляется мне худшим позором для любого революционера, равно как и для английских noblemen[103][104][105]*, не раскусивших, что эта скотина не более, чем ярмарочный фигляр.

А что я могу сказать о политике г. Олливье и

---

103 notes: 103

** превзойти самого Ирода {англ.).

104 notes: 104

* дворян (англ.).

105 notes: 105

* прочих (ит.).

tutti qnanti[3]*? Напрасно, право же, они изворачиваются в изысканных фразах, выражая свою глубокую убежденность,— они все равно кажутся мне никудышными актерами, пытающимися играть первые роли, но так слабо, что им никто не верит. Нас с каждым днем становится все меньше. Один г. де Бисмарк человек поистине великий.

Кстати, верно ли, что он растратил секретные фонды? Газетчиков, я полагаю, вполне могли подкупить. Но коль скоро г. де Бисмарк не станет отсылать своих расписок г. де Кервегену[4], думаю, что господа эти случая не упустят.

Для чтения мне остается одна «История Петра Великого» г. Устря-лова. На днях я отослал в «Журналь де Саван» пространную статью*, изобилующую описаниями всевозможных пыток и т. п. Речь в ней идет о разгроме стрельцов. Прощайте.

306

Канны, 5 января 1868.

Любезный друг мой, извините, что отвечаю Вам так поздно. Я прескверно себя чувствовал, да и сейчас, пожалуй, не лучше. Холод, дошедший и сюда, причиняет мне много неприятностей. В Париже, говорят,— совсем другое дело, и Вам

не приходится завидовать сибирякам. А я, бывает, большую часть дня совсем не могу дышать. Острою эту боль не назовешь, но докучает она неотступно и сильнейшим образом действует на нервы. Вы знаете меня довольно, чтобы понимать, в каком я от этого состоянии. К тому же я очень беспокоюсь за бедного друга моего Па-ницци, который -лежит в Лондоне в тяжелом состоянии. Последние вести оттуда немного более утешительны, однако все еще тревожны. Он совсем пал духом, а это — знак плохой.

Среди всех моих горестей я, как могу, убиваю время. Сегодня послал в «Журналь де Саван» конец первой части «Петра Великого» [4] — ибо есть первые и вторые части, совсем как в романах Понсон дю Террайля[104]; кроме того, я отослал в «Монитор» большую статью о Пушкине[3]. Все это Вы увидите в надлежащее время и в надлежащем месте. Читаю я сейчас одну книгу, слишком затянутую и никудышно написанную; автор, при этом, мне представляется человеком порядочным — он честно описывает все, что видел и слышал. Правда, философствования его надобно опускать, так как он немного глуповат. Я говорю о Dixon's[4]

---

104 notes: 104

* дворян (англ.).

«New America» [106]. И мормонов-то он видывал, и — что еще примечательнее — Республику Маунт-Либенона[5]; все это, вместе с описанием деятельности сообщества фениев[6], создает некоторое представление об Америке. Решительно, слова Талейрана[7] определяют ее в полной мере. Прощайте, друг любезный; желаю Вам здоровья и благополучия.

307

Канны, 10 февраля 1868.

Любезный друг мой, известие о смерти г. Д...\ которого я встречал в X *** Бог весть сколько лет тому, глубоко огорчило меня. Он очень Вас любил, и хотя всякий миг мы должны быть готовы к уходу восьмидесятилетних друзей, весть об их смерти всегда поражает нас, как удар молнии. Одно из главных несчастий для тех, кто живет долго,— каждый день переживать уход друзей и чувствовать себя все более одиноким.

Что до меня, я, не расстаюсь с меланхолией и дурным настроением. Никак не могу привыкнуть к страданию и начинаю нервничать, прибавляя себе тем еще одну болезнь. Тут я намереваюсь

---

106 notes: 106
«Новой Америке» Диксона (англ.).

пробыть по меньшей мере до конца месяца и питаю некоторую надежду увидеть Вас в Париже. Я очень рад, что моя статья о Пушкине не показалась Вам чересчур скучной. Примечательно, что писал я ее, не имея при себе его произве-. дений. А цитаты, там приведенные, я помню наизусть еще со времен моего пламенного увлечения всем русским. Русских тут у нас множество, и я обязал одного из моих друзей одолжить для меня томик избранных стихотворений, если таковой найдется в московской колонии. Друг мой обратился к одной очаровательной даме, которая вместо стихов прислала мне громадный кусок волжской рыбы и двух птиц из тех же краев: приготовлено все это притом в нескольких метрах от полюса. Довольно вкусно. Рыба, верно, была красавицей, футов пяти или шести длиною, судя по куску, который мне прислали. А у дамы, которую зовут госпожою Ворониной [2], совершенно прелестная головка. Зато муж ее похож на чистокровного калмыка. Поначалу, когда он попросил руку дамы, ему отказали. Тогда он решил пустить себе пулю в лоб, но неудачно, и в награду за перенесенные страдания получил жену.

Говоря же об англичанах и англичанках, надобно заметить, что никогда их не было тут так

много; прически и туалеты не поддаются описанию, не говоря уже о красных чулках, пальто на гагачьем пуху и зонтиках от солнца. Последние две недели эти зонтики нужнее, чем меха, ибо погода поистине восхитительная, а солнце палит, как в июне. Среди чудаков-англичан весьма заметен герцог Бакли[3], у которого посередине лба растет рог. Сын его[4] также явно начинает походить на отца. И не .думайте, будто я выражаюсь метафорами. Это именно рог, растущий у них обоих прямо из черепа; боюсь, в конце концов он сыграет с ними злую шутку.

Я уже писал, что у меня лежит для Вас «Дым», сброшированный в один том. Если хотите, могу его Вам переслать. Но, по-моему, Вы брали у меня номера «Корреспондан», где роман этот печатался. «Дым» — одна из лучших вещей, написанных г. Тургеневым.

Дискуссия в прессе вызывает у меня отвращение. Лгут все без конца и края, и нет ни одной мысли, которая не была бы высказана уже раз двадцать раньше, да к тому же более удачно. Сдается мне, что интеллектуальный уровень неотвратимо снижается, равно как и понятие о порядочности. Весьма это, в сущности, печально. Вчера я виделся с одним моим другом[5],

возвратившимся из Ментаны. Он сказал, что гарибальдийцы бились, как львы, и что представляют они собою весьма своеобразную смесь омерзительного сброда и цвета аристократии. Прощайте, любезный друг мой; берегите себя и меня не забывайте.

308

Монпелье, 20 апреля 1868.

Любезный друг мой, перед приездом сюда [1] мне было так плохо, что я потерял всякое мужество; я не мог заставить себя даже думать, а уж тем более писать. Случайно я узнал, что в Монпелье живет врач, лечащий астму какой-то новою методой, и решил попробовать. Прошло пять дней, как я начал у него лечиться, и мне кажется, что состояние мое улучшилось, да и врач обнадеживает меня. Каждое утро я вхожу в большой металлический цилиндр, который, должно заметить, походит на памятники, воздвигаемые г. де Рамбюто [2]. Внутри цилиндра стоит удобное кресло, а в стенах — застекленные оконца, дающие довольно света для чтения. Металлическая дверь цилиндра затворяется, и внутрь посредством паровой машины начинают накачивать воздух. Через несколько секунд кажется, что в уши втыкаются иголки. Ма-

ло-помалу ощущение это делается привычным. Но самое главное, дышать становится необыкновенно легко. По истечении получаса я засыпаю, несмотря на то, чтр из предосторожности всегда беру с собою номер «Ревю де Де Монд». Я принял уже четыре такие воздушные ванны и чувствую себя заметно лучше. Врач, наблюдающий меня, отнюдь не походит на шарлатана; он говорит, что случай мой не из самых тяжелых, и обещает за 15 сеансов почти полное выздоровление. Надеюсь в ближайшем будущем увидеть Вас в Париже. Жаль, что я не попаду на обсуждение диссертаций по медицине [3], которое должно вскоре состояться. Читали ли Вы письмо аббата Дюпанлу [4]? Без сомнения, в него вселился дух Торквемады [5]. И он всех нас пошлет на костер, если мы не примем каких-то мер. Боюсь, как бы в Сенате, воспользовавшись случаем, не наговорили и не наделали чего-нибудь такого, что неминуемо поставило бы их самих в смешное и нелепое положение. Вы и вообразить себе не можете, до какой степени эти старики-генералы, прошедшие столько кампаний, теперь боятся дьявола.

Не знаю, в состоянии ли Сент-Бев говорить[6], как возвестила о том моя газета,— я отнюдь в этом не уверен, и к тому же не знаю, сумеет ли он верно

взяться за дело, то есть ловко отвести удар. Его стихия — обрушить на присутствующих лавину своего красноречия, не заботясь о результатах, как уже и было в случае с книгою Ренана [7]. Все это мне противно и действует на нервы. У нас здесь погода восхитительная, но местные жители крайне этим недовольны, ибо у них целый год уже не было дождей. Однако ж деревья, несмотря ни на что, зеленеют вовсю и создают прелестные сельские виды. К несчастью, ванны отнимают у меня все утро, и я совсем не успеваю гулять. Под самыми моими окнами располагается ярмарка. А напротив дома показывают великаншу в атласном платье; юбка у нее время от времени задирается так, что открывает ноги доверху. Толщины они примерно с Вашу талию.

Я привезу Вам перевод «Дыма». Начал писать статью о Тургеневе [8], но не знаю, хватит ли у меня сил закончить ее здесь. Нет ничего труднее, чем работать за гостиничным столом. Прощайте, любезный друг мой.

309

Париж, 16 июня 1868.

Я полагаю, что погода у вас такая же приблизительно, как и у нас здесь, то есть превосходная,

и Вам не приходится страдать от сырости, столь свойственной климату П...[1] Здесь лето началось чудесно. Третьего дня я гулял в Булонском лесу и видел, право же, восхитительные туалеты. К примеру, мне встретилась одна весьма оригинально одетая красавица с волосами прелестного цвета утренней зари. Я мог бы поклясться, что она — из барышень с улицы Бреда [2]. Но потом я узнал в ней жену одного генерала, которую прежде встречал с темно-каштановыши волосами. Эволюция нравов идет какими-то странными путями. Господин, занимающий видное положение в свете, живет одним домом с женою другого господина. Однажды, вернувшись домой, он застает эту даму с третьим господином; тогда он находит мужа и говорит: «Я знаю, что Вы желаете получить доказательства преступной связи, чтобы добиться официального развода с Вашей женой. У меня такие доказательства есть». И он передает мужу пачку писем, после чего они расстаются, обменявшись изъявлениями взаимного уважения. Насколько мне известно, перед ним не закрылись ни двери его клуба, ни двери салонов, где он бывает.

Г. Тургенев прислал мне на днях коротенькую, но очень изящную новеллу под названием «Бри-

гадир» [3]. Сейчас ее переводят, и если я получу корректуру, непременно покажу ее Вам. Английские же романы стали так убийственно скучны, что я не могу себя заставить за них взяться. Мне кажется, тут остался один г. По неон дю Террайль, однако ж главы слишком стали коротки. В конце месяца собираюсь отправиться в Лондой [4], а Вас надеюсь увидеть в Гастингсе, а потом, в конце июля, в Париже. Прощайте, друг любезный.

310

Дворец Фонтенбло, 4 августа 1868.

Любезный друг мой, вот уже две недели \ как я здесь; чувствую себя неплохо и все более убеждаюсь в том, что полнейший досуг весьма полезен как для тела, так и для души. Последняя наша прогулка оставила у меня необыкновенно приятное чувство. А у Вас? Здесь я немного гуляю, не читаю ни строчки и довольно сносно дышу. С удовольствием любуюсь небом и деревьями. Во дворце пусто — то есть не более тридцати человек, из которых на службе не состоят, кроме меня, лишь кузены и кузины императрицы[2] — люди весьма любезные и знакомые мне по Мадриду. Я держу для Вас экземпляр второго издания «Дыма». По возвращении в Париж,— а вернусь я, видимо,

через неделю,— я завезу его или пришлю — как Вам будет угодно. Я захватил с собою материалы для работы, но коль скоро я не распоряжаюсь тут и часом своего времени, я не делаю решительно ничего. Зато закончил копию портрета Дианы де Пуатье [3], работы Приматиччо [4]; представлена она в образе богини Дианы, с колчаном за спиною, и никакого сомнения не возникает в том, что позировала именно она и что с головы до ног это — вернейший ее портрет. Более того, я возьму на себя смелость заключить,— в результате скрупулезного изучения ее ног,— что подвязки она носила над коленом, согласно тогдашней моде, которая нынче, как я слышал, совсем отошла, Я покажу Вам мой набросок, ибо портрет имеет историческую ценность. Прощайте; вот и подошел час обеда. А Вы сейчас, быть может, лакомитесь вкуснейшими маленькими рыбками, и я ужалю Вам завидую. Соблаговолите объяснить мне, что это за скала, вздымающаяся в Булони неподалеку от порта[5]. Мне это представляется редкостной мерзостью.

311

Париж, сентября 1868.

Покуда я жил в Фонтенбло *, со мною произо-

шел один странный случай. Мне пришла в голову идея написать новеллу [2] и посвятить хозяйке дома, которую я хотел отблагодарить таким образом за гостеприимство. Закончить ее мне недостало времени, но я поспешил поставить слово «конец», опасаясь, как бы произведение сие не сочли затянутым; удивительнее же всего то, что, едва закончив вышеупомянутую новеллу, я тотчас начал новую[3], и возвращение этой юношеской болезни глубоко меня встревожило — похоже, я впадаю в детство. Разумеется, обе новеллы никоим образом не предназначаются для публики. Во время пребывания моего в замке мы читали современные романы с примесью фантастики, авторы их мне, правда, совсем не известны. Но последняя новелла написана как раз в подражание им. Действие происходит в Литве, которую Вы так хорошо знаете. Говорят там на чистом санскритском языке. Одну высокопоставленную местную даму во время охоты, на беду,

схватил и унес в свое логово изголодавшийся по самке медведь; вследствие этого дама лишилась рассудка, что, однако ж, не помешало ей произвести на свет хорошо сложенного мальчика, который вырастает и превращается в очаровательного юношу; временами, правда,

он становится мрачным, нелюдимым и у него случаются необъяснимые приступы ярости. Его женят, и в первую брачную ночь он загрызает свою жену, разорвав на ней одежды. Теперь,— как скоро я раскрыл Вам всю кухню,— Вы можете тотчас разгадать причину... А именно, что господин этот — внебрачный сын того самого дурно воспитанного медведя. Che invenzione prelibata [107]. Соблаговолите высказать Ваше мнение, покорнейше прошу Вас.

Чувствую я себя неважно, и мне советуют поехать в Монпелье еще раз принять курс ванн со сжатым воздухом. Так что, возможно, Вы не застанете меня в Париже, если не возвратитесь до 1 октября. Я оставлю роман «Дым», который держу для Вас уже целую вечность. Не знаю, где теперь автор[4]; по последним сведениям, он мучился в Москве подагрою и писал исторический роман[5]. Я весьма сожалею, что, проезжая через Булонь, не мог посмотреть аквариум, о котором Вы мне говорили. Ничто так не забавляет меня, как вид рыб и морских растений. Вчера я ужинал у Сент-Бева, и это было очень интересно. Несмотря на болезнь, он прелестно острит. Вне всякого сомнения, он

---

107 notes: 107
Какая великолепная выдумка (ит.).

— один из самых приятных собеседников из всех, кого я знаю. Его чрезвычайно беспокоят успехи клерикалов, и он принимает это близко к сердцу. Однако ж я полагаю, что главная опасность не в них.

Прощайте, любезнейший друг мой; пишите, только не так, чтобы на одной строчке было всего три слова. И выскажите вполне откровенно Ваше мнение о моей выдумке с медведем.

312

Париж, вторник, 29 сентября 1868.

Любезный друг мой, главное, что это чтение Вас не утомило. Возможно ли, чтобы Вы тотчас не догадались, до какой степени медведь этот был дурно воспитан? Покуда я читал, на Вашем лице было написано, что Вы не принимаете моего дара. Следовательно, мне остается лишь довольствоваться Вашим. Неужто Вы думаете, что читатель, придерживающийся менее пуританских взглядов, нежели Вы, примет на веру бабушкину сказку о дурном взгляде? Выходит, от одного взгляда медведя бедная женщина лишилась рассудка, а сын ее унаследовал кровавые звериные инстинкты. Если сделать по-Вашему, так оно и получится. Я всегда послушно следовал

Вашим советам, но на сей раз Вы преступили границы дозволенного.

В следующую субботу я уезжаю в Монпелье [107]. А перед тем надеюсь раза два или три с Вами попрощаться.

313

Канны, 16 ноября 1868.

Любезный друг мой, я сильно хворал, да и до сих пор чувствую себя совсем больным. Ванны со сжатым воздухом, которые прошлою весной так помогли мне, не вылечили меня от бронхита, который, естественно, усугубил астму и оказался вполне ее достоин. Вот уже полтора месяца, как я кашляю и задыхаюсь, а многочисленные лекарства, которые я глотаю со стоической покорностью, не настолько помогают мне, чтобы я мог вести привычный образ жизни. Выхожу я только в очень теплые дни. Сплю очень плохо, и blue devils целыми днями не отпускает меня... Особенно я страдаю и мучаюсь по ночам. И если я настолько никуда не гожусь осенью, что станет со мной, когда наступят настоящие холода? Вот какие сквернейшие мысли не дают мне покоя.

---

107 notes: 107
Какая великолепная выдумка (ит.).

Пожалуй, последние дня три или четыре я чувствую себя чуть лучше.

Во время бессонных ночей я сделал копию, подписав ее «Собиратель меда» [1] и внеся те изменения, какие Вы советовали, что, по-моему, ее улучшило. В самом деле, трудно поверить, чтобы медведь мог посягательствами своими нарушить почтенную генеалогию. Однако ж люди, обладающие Вашим умом, поймут, что произошла некая, из ряду вон выходящая случайность. Я послал новую редакцию г. Тургеневу [2] с просьбой взглянуть, нет ли ошибок в описании местного колорита, который я знаю недостаточно хорошо. Обидно, что ни он, ни я не можем найти какого-нибудь литовца, который знал бы свой язык и страну. У меня явилось было желание послать новеллу императрице к ее именинам, но я удержался от соблазна и хорошо сделал. Бог знает, во что превратился бы медведь среди людей, наводняющих Компьень.— Погода у нас неважная; как будто бы и не холодно, и ветра нет, а дней по-настоящему теплых мало. Я тут уже две недели. Остальное же.время провел в Монпелье, где было неимоверно тоскливо.....

Умер бедняга Россини [3]. Предполагают, что он много работал, но ничего не хотел издавать; мне

это представляется крайне сомнительным. Денежные соображения, которые всегда имели для него громадное зна~ чение, заставили бы его издать что угодно, если бы он что-нибудь сочинил. Он был одним из самых одаренных людей, каких я только видел, и мне не доводилось слышать ничего более прекрасного, чем ария из «Севильского цирюльника» в его исполнении. Ни один актер не мог с ним сравниться. Нынешний год, похоже, не слишком благоволит к великим людям. Говорят, Ламартин [4] и Беррье [5] серьезно больны. Прощайте, любезнейший друг мой; пишите и постарайтесь поскорее уехать из Ваших сырых краев. В провинции теплых домов не бывает.

Если Вам известна какая-нибудь занятная книга, прошу Вас сообщить мне об этом.

314

Канны, 2 января 1869~

Любезный друг мой, стало быть, Вы не получили письма, которое в ми-нувшем месяце я посылал Вам в П... Боюсь, как бы оно не затерялось. Однако ж я не претендую на то, чтобы оправдаться полностью. Если бы Вы только знали, как мерзко и монотонно мне живется, Вы поняли бы, что выносить такое существование, не

слишком обо всем задумываясь, и то уже хорошо. Я, в самом деле, чувствую себя плохо. И никакого улучшения! Напротив, теперь не удается даже на время облегчить болезненные спазмы, которые временами меня мучают. И небо, и море у нао тут восхитительны; прежде они возвращали мне здоровье — ныне же не оказывают ровно никакого действия. Что делать? Я ничего придумать не могу, и у меня часто возникает неодолимое желание скорейшего конца. Ваше путешествие представляется, мне наиприятнейшим, но возвращение через Тироль в предполагаемое время я не одобряю. Слишком много будет снега. Вы обморозите щеки и не увидите никакой особой красоты. Лучше вернуться по любому другому пути. Инспрук, вернее, Инсбрук [1] — городок очаровательный, но для того, кто уже видел Швейцарию, не стоит ради него копья ломать, равно как и ради бронзовых статуй собора. На Вашем пути внимания заслуживает один лишь Трент [2].

А почему бы Вам не поехать на Сицилию и не взглянуть на Этну, которая, как говорят, стала проказничать? Вы ведь не подвержены морской болезни, а вполне возможно, что из Неаполя туда ходят пароходы, которые возят зрителей на спектакль. Через неделю Вы могли бы увидеть и Этну,

и Палермо, и Сиракузы.

Я переписал знакомого Вам «Медведя» [3] и, не без известного тщания, его отделал. Многие вещи, по-моему, я изменил к лучшему. Изменил я также название и имена. Для глупышек, вроде Вас, действия медведя остаются загадкою. Но и те, кто обладает большей проницательностью, не смогут вывести порочащие его заключения. Остается множество деталей, не поддающихся объяснению. Медики говорят, что стопоходящие более других животных подходят к соединению с нами; но примеры подобные, разумеется, редки,— медведи для этого слишком скромны. . . .

Что за история вышла с апоплексическим ударом г. де Ньёверкер-ка [4], о котором сначала возвестили все газеты, а потом поместили опровержение? До чего же мы глупеем! Притом день ото дня все более. Достает ли у Вас любознательности на то, чтобы ходить в Пре-о-Клер® на дискуссии о браке и праве на наследство? Говорят, первые несколько минут все это кажется весьма забавным, но по здравому размышлению, когда становится ясно, сколько безумцев и бешеных собак спокойно ходят по улицам, кровь стынет в жилах. Мне пишут, что в дискуссиях принимают участие женщины, чьи речи не менее неистовы

и неумны. От новых этих веяний меня бросает в дрожь; мы добровольно становимся слепцами.

Прощайте, друг любезный; желаю Вам счастливого Нового года.

315

Канны, 23 февраля <1869),

Не сердитесь на меня, любезный друг мой, за то, что не пишу. Ничего хорошего рассказать я не могу, а стоит ли посылать бюллетени о своем дурном состоянии? Суть в том, что я все время скверно себя чувствую и потерял всякую надежду на выздоровление. Я перепробовал бесчисленное множество чудодейственных лекарств; побывал в руках трех или четырех весьма искусных докторов — ни один из них не добился для меня ни малейшего облегчения. Хотя, пожалуй, некоторое время назад я нашел в Ницце человека, чрезвычайно толкового, но в известной степени шарлатана; он бесплатно дал мне пилюли, снявшие мучительнейшие приступы удушья, которые бывали у меня каждую ночь. Теперь приступы эти случаются по утрам, но много слабее прежнего и не столь долгие. Что же до бронхита, питающего мою болезнь, его упорство нисколько не ослабевает.

Словом, в том болезненном и печальном состоянии, в каком я нахо жусь, сил у меня достает лишь на чтение, а книг совсем нет. За последние дни я с интересом прочел «Воспоминания шотландского крестьянина» \ который, благодаря уму своему и трудолюбию, стал литератором, профессором геологии и вообще человеком известным. К несчастью, недавно он перерезал себе горло — по-видимому, работа полностью истощи» ла его мозг. Звали его Хью Миллер.— Думаю, что «Медведь» в новой редакции Вам понравится больше. В те дни, когда я могу рисовать, я делаю к нему иллюстрации с тем, чтобы по возвращении в Париж преподнести их императрице. Не думайте, что я стану изображать все сцены, к примеру ту, где мой медведь впадает в экстаз. Прощайте, друг любезный; я огорчен, что Вы не поедете в этом году в Рим. По-моему, все в мире портится. Нет больше Испании [2], а скоро не будет и святого престола [3]. И эта утрата, в зависимости от мировоззрения, будет более или менее значительна. Но вещь стоит того, чтобы один раз ее увидеть (как, впрочем, и многое другое), и не испытывать потом ни угрызений, ни сожалений. Прощайте.

316

Канны, 19 марта 1869.

Любезный друг мой, мне было очень худо *. Теперь я уже поправляюсь, но еще очень слаб, хотя, как говорится, вне опасности. Я подхватил острый бронхит, который усугубил мой бронхит хронический. Дня четыре или пять состояние мое внушало серьезные опасения. Но теперь я уже встаю и хожу по комнате, а через несколько дней мне даже обещают разрешить прогулки по солнышку. Прощайте, друг любезный, здоровья Вам и благополучия.

317

Канны, 23 апреля 1869.,

Любезный друг, послезавтра я уезжаю[4] в весьма посредственном состоянии, однако ж края эти мне пора уже покидать. Кузен мой, в чьем доме я живу, умер [2], и его жена осталась совершенно одна. Я еще очень слаб, но надеюсь благополучно перенести дорогу. Дам Вам знать сразу, как приеду, и надеюсь застать Вас в добром здравии. Прощайте, друг любезный.

318

Париж, воскресенье, 2 мая 1869.

Любезный друг мой, вот уже несколько дней, как я в Париже, но так был утомлен с дороги и так скверно себя чувствовал, что у меня недоставало мужества Вам написать. Придите повидать меня и утешить. Прощайте.

319

Париж, 4 мая 1869.

Я в отчаянии, что Вы не подождали буквально две минуты. Вы не захотели, чтобы меня предупредили, а ограничились лишь тем, что вернули книгу,— и это называется визитом к больному! Границы милосердия Вашего, прямо сказать, весьма узки. Но все это не имеет значения; впрочем, мне несколько лучше, и я очень жду того дня, когда Вы проведете меня по Выставке [4], ибо я не хотел бы тратить время на всевозможную мазню и бесчисленную обнаженную натуру. Итак, Вы будете мне гидом. Помните времена, когда я служил гидом Вам? Назовите, какой день Вам удобен. Прощайте, друг любезный.

320

Париж, суббота, 12 июня 1869.

Любезный друг мой, эта мрачная погода с перепадами от тепла к холоду приводит меня в отчаяние и ухудшает самочувствие, да к тому же и настроение у меня убийственное. Шум и крики, что ни вечер доносящиеся с бульваров и напоминающие развеселые времена 1848 года, немало способствуют дурному расположению духа и приводят на ум слова Гамлета [4]: «man delights no me nor woman neither» *.

Более всего в печальных этих событиях меня огорчает безграничная глупость происходящего. Народ наш, провозглашающий и мнящий себя самым духовно-возвышенным народом на земле, желая насладиться республиканским правлением, крушит будки бедняков, торгующих газетами.

Кричит: «Да будет свет!» — и ломает фонари. Хочется спрятаться и ничего не видеть. Опасность та, что в глупости, как и во всем другом, можно состязаться, и одному Богу известно, как сложатся отношения между Палатами и правительством.

Почти все время я провожу за расшифровкою переписки герцога Альбы и Филиппа II[2], которую

передала мне императрица. Оба пишут, точно курица лапою. Почерк Филиппа II я разбираю уже довольно бегло, а вот его главный полководец все еще доставляет мне массу хлопот. Только что я разобрал одно из писем Альбы августейшему хозяину, написанное через несколько дней после смерти графа Эгмонта[3]; Альба сочувствует судьбе графини, у которой и крошки хлеба нет,— это после того, как она принесла в приданое десять тысяч флоринов. У Филиппа II привычка долго и витиевато распространяться об обыкновенных вещах. Чрезвычайно трудно догадаться, чего он хочет, и создается такое впечатление, будто его цель постоянно состоит в том, чтобы вконец запутать своего адресата и предоставить ему действовать самому. Большей ненависти, чем эта пара, не вызывал никогда и никто, но, к несчастью, виселицы ни тот, ни другой не дождался, что не лучшим образом характеризует Провидение. Кроме этого я получил из Англии прелюбопытнейшую книгу[4], где утверждается, что Жанна Безумная[5] не была безумной, а просто проповедовала ересь, и по этой причине ее маменька, папенька [6], муж и сынок, сговорившись, держали ее в тюрьме, применяя время от времени пустяшные пытки. Вы прочтете сие со-

чинение, как только пожелаете,— книга в Вашем распоряжении.

Не могу сообщить ничего примечательного о моем, далеко не цветущем здоровье; но, пожалуй, чувствую я себя немного лучше, чем до отъезда, Однако ж кашляю все время и не могу ни есть, ни спать.

Прощайте, друг любезнейший; давайте мне знать о себе.

321

Париж, 29 июня 1869.

Благодарю Вас за письмо, друг любезнейший. Меня совсем доконали поэты и так называемый умеренный климат. Не бывает ведь ни весны, ни даже лета. Я рискнул нынче выйти на улицу и возвратился, продрог-нув до мозга костей. Когда я думаю о том, что находятся люди, которые гуляют в такую погоду по лесу и даже говорят о любви, мне хочется снять перед ними шляпу. Я сказал, что это еще бывает, нет, ошибаюсь,— зто невозможно, и более того, не бывало никогда. Я закончил историю княжны Тараканової *; сама-то она была дурочкой, а вот от писем ее любовника[2] Вы получите удовольствие. Его судьба повторяет судьбу многих смертных. Надеюсь, что

«Журналь де Саван» доходит до <Не-вера); в противном случае я попытаюсь прислать его Вам.

В четверг я еду в Сен-Клу[3], где пробуду, вероятно, недели две. Я еще не понимаю, как выдержу тот образ жизни, какой мне предстоит там вести, хотя меня уверили, что я — чуть не единственный гость. Впрочем, если я почувствую себя дурно, меня за какой-нибудь час успеют вернуть восвояси. Я рассказывал Вам уже кое-что о бедах, какие обрушились на мой дом \ а потому, смею Вас заверить, уезжаю отсюда с великою радостью. После Вашего отъезда я перенес уже две или три весьма мало приятные сцены.

С большим трудом осилил «Апостола Павла» [5] г. Ренана. Решительно, у него мания описывать пейзажи. Вместо того, чтобы рассказывать о делах героя, он живописует леса и луга. Будь я аббатом, я, забавы ради, посвятил бы ему журнальную статью. Читали ли Вы речь нашего святейшего отца[6]?.....

Я уверен, что нам преподнесут еще и словом и делом столько гнусностей, что никаких гнилых яблок не хватит. Увы! Все это может кончиться и снарядами покрупнее! Вот несчастье, сколь современный разум стал плоским и ограниченным! А Вы думаете, что всегда было так? Без сомнения,

в какие-то эпохи люди бывали более невежественны, более дики, более бессмысленны в своих действиях, но тогда, как бы в компенсацию, то тут, то там появлялись подлинные гении; нынче же, по-моему* уровень всех проявлений человеческого разума опустился позорно низко. Как скоро я совсем не выхожу, я очень много читаю. Мне прислали сборник Бодлера, который привел меня в ярость. Поистине он был безумен! Он умер в больнице[7], написав перед тем стихи, принесшие ему уважение Виктора Гюго * и ценные лишь тем, что они противоречат всякому понятию о нравственности. А теперь из него делают непризнанного гения! — Сегодня я видел превосходную зарисовку одной недавно открытой замечательной помпейской фрески. Похоже, что это — шествие в честь Кибелы[9], которую навещает Геркулес. Перед Кибелой — некий господин, не страдающий излишней скромностью. Остальные весьма торжественно несут обвившуюся вокруг дерева змею. В сюжете я разобраться не могу. Вы видели в Помпеях небольшой храм Изиды, так вот фреска эта найдена где-то неподалеку от него. Прощайте, любезнейший друг мой; давайте знать о себе, чтобы я мог Вас встретить по пути. Через несколько дней пишите мне во дворец Сен-Клу.

322

Париж, среда вечером, <4> августа 1869.

В Сен-Клу я провел месяц и чувствовал себя вполне сносно. Утром и вечером бывало неважно, но днем все образовывалось. По-видимому, деревенский воздух оказал на меня благотворное действие и прибавил мне сил. А в воскресенье, возвратившись, я снова пережил мучительнейший приступ, который длился два дня. Затем приехал мой доктор из Канн [1]и привез новое лекарство своего изобретения — оно-то меня и вылечило. Пилюли эти приготовлены из эвкалипта, а эвкалипт — дерево, вывезенное из Австралии и прижившееся в Каннах. Все хорошо, только бы длилось подольше[2], как говорил один господин, падая с шестого этажа.

В Сен-Клу я прочел «Медведя» перед избраннейшей аудиторией, где присутствовали и барышни, которые, как мне показалось, ровным счетом ничего не поняли; после этого мне захотелось преподнести новеллу «Ревю» [3] — теперь-то уж ясно, что скандала она не вызовет. Сообщите, что Вы об этом думаете, и попытайтесь определить точно все «за» и «против». Надобно только отдавать себе отчет в том, каких успехов в лицемерии

добился наш век за последние несколько лет. А что скажут об этом Ваши друзья? Надобно также придумывать для себя свои собственные истории, ибо те, что придумывают для вас другие, ничуть не занимательны.....

Не огорчились ли Вы за вашу матерь Церковь после несчастья, которое произошло в Кракове [4]? Я уверен, что, приглядевшись попристальнее, можно обнаружить нечто похожее и в других местах. Надо почитать

об этом деле в «Таймс».....

На днях я ужинал с безвинной Изабеллой [5]. Она произвела на меня впечатление лучшее, нежели я ожидал. Ее муж, совсем крошка, оказался весьма вежливым господином и наговорил мне множество комплиментов, притом в достаточно изысканной форме. Принц Астурийский[6] держится очень мило и как будто неглуп... Он похож на *** и на инфантов, времен Веласкеса. Я очень скучаю. В Люксембургском дворце страшно жарко, и вся эта история с сенатским решением не доставляет мне никакого удовольствия. Собираются допустить на заседания публику[7], что мне совсем не нравится.

Прощайте, друг любезный; напишите о чем-нибудь повеселее, ибо меня одолевает меланхолия.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы теперь оказались рядом и одарили бы меня частичкою Вашей жизнерадостности.

323

Париж, 7 сентября 1869.

Любезный друг мой, неужто Вы надолго застряли в <Невере> и нескоро вернетесь сюда? А я уже поглядываю в сторону Юга, хотя и не чувствую еще приближения зимы; однако ж я дал себе слово не дожидаться, покуда холода застигнут меня врасплох. Последние дни мне немного лучше, вернее сказать, не так плохо. Здесь я принял курс процедур со сжатым воздухом, которые до некг горой степени мне помогли; а сейчас меня пробуют лечить по новой методе, которая также оказалась удачной. Я по-прежнему несказанно одинок; вечерами никуда не хожу и почти никого не вижу. Соблюдая все эти предосторожности я и живу, вернее, существую. Бюлозу[1] удалось все же соблазнить меня. В Сен-Клу по просьбе императрицы я прочел «Медведя»—теперь он называется «Ло-кис» (по-жмудски — «медведь») — в присутствии молоденьких барышень, которые,— хотя, кажется, я говорил Вам об этом,— ничегошеньки не поняли. Это меня ободрило, и 15-го числа

сего месяца вещица появится в «Ревю». Я внес несколько изменений, помимо имен, и хотел бы переделать еще кое-что, но мне недостает мужества. Вы выскажете мне Ваше мнение.

Вчера мы завершили наше дельце[2]. Я. не слишком понимаю, каков будет результат; достопочтенная публика столь беспробудно тупа, что теперь боится того, чего сама желала. Сдается мне, что буржуа, голосовавший несколько месяцев назад за г. Ферри [3], теперь боится, что может* опростоволоситься в июне, который все-таки уже не за горами; особенность буржуа в том и состоит, что он никогда не бывает доволен, особенно же делами своих рук. Болезнь императора несерьезна [4], но может* затянуться и повториться вновь. Говорят, и я склонен тому верить, что длительное путешествие по Востоку отменится; а кроме того, дурные отношения между султаном и вице-королем могут оказаться достаточною причиною, чтобы нарушить экскурсионные планы.

Читали ли Вы в «Журналь де Саван» историю княжны Таракановой? Хотя это было уже давно, и я, по-моему, показывал Вам корректуру..

Нынешней зимою я должен написать «Жизнь Сервантеса» [5] в качестве предисловия к новому переводу «Дон Кихота». Давно ли Вы читали:

«Дон Кихота»? По-прежнему ли он забавляет Вас? И понимаете ли Вы, чем? Меня он забавляет, но я не нахожу достойного объяснения; напротив, я могу представить множество доказательств того, что роман плох,— а при всем том, он превосходен. Мне хотелось бы знать, что Вы думаете о нем; доставьте мне удовольствие: перечтите несколько глав и подумайте потом над ними; не сомневаюсь, что Вы окажете мне эту услугу.

Прощайте, надеюсь, в э^ом месяце я все же Вас увижу.

324

Канны [4], 11 ноября 1869.

Любезный друг мой, погода у нас здесь самая прекрасная и устойчивая на всем земном шаре, что приводит в отчаяние огородников, у которых не растет капуста. А мне страшно грустно оттого, что чувствую я себя ничуть не лучше, чем в плохую погоду. Утром и вечером у меня по-прежнему бывают мучительнейшие приступы удушья, при ходьбе я сильно устаю и задыхаюсь,— короче говоря, я по-прежнему жалок и никуда не годен. А ко всему этому прибавились еще и весьма неприятные хлопоты: П<олина> [2], которую я привез с собою, вдруг сделалась такою

гадкою и наглой, что мне пришлось ее рассчитать; Вы представляете себе, сколь неприятно потерять женщину, прослужившую в доме сорок лет. К счастью, она раскаялась и так настойчиво просила прощения, что я, воспользовавшись каким-то благовидным предлогом, уступил и ее оставил. Нынче стало так трудно найти верную прислугу, да к тому же, у П<олины> столько достоинств, что заменить ее было бы невозможно. Я надеюсь, гнев мой и проявленная твердость характера,— говоря между нами, для меня самого совершенно неожиданные,— окажут в будущем благотворный эффект и избавят меня от подобных случаев.

Вчера я обедал в Ницце с г. Тьером[3], который после смерти мадам Дон[4] сильно сдал физически, но, как мне показалось, нисколько не изменился внутренне. Теща его была душою дома; она создала ему салон, приглашала людей, умела быть любезною с политическими деятелями и другими видными людьми. Наконец, она царила при дворе, весьма разнородном по составу, и ей удавалось искусно вертеть всеми во благо г. Тьеру. Теперь же он остался в одиночестве; жена его ни до чего не касается.

Я нашел, что в политике г. Тьер переменился

еще более; его снова .задевает за живое та чудовищная волна безумия, которая затопила эту •страну, и он готов к борьбе совсем как в 1849 году. Боюсь только, что он несколько переоценивает свои силы. Куда легче проколоть Эоловы бурдюки [5], нежели залатать их, да так, чтобы air tight [108]. Битва, как мне представляется, вполне вероятна; с ружьем «шаспо»[6] шутки плохи ж, как говаривал генерал Шангарнье \ оно может задать населению Парижа примерный урок; только сумеют ли этим воспользоваться? А воспользовавшись, что станут делать дальше? Единовластие уже невозможно, но и парламентское управление без подлинной веры, без честных ж деловых людей представляется мне не более возможной формой правления. В конечном итоге, будущее, и даже я бы сказал, настоящее, видится мне мрачнее мрачного.

Прощайте, любезнейший друг мой; будьте здоровы и пишите о себе.

325

Канны, 6 января 1870.

Любезный друг мой, благодарю Вас за письмо

---

108 notes: 108
воздух не выходил {англ.).

и добрые пожелания. Я не ответил тотчас лишь потому, что совершенно истощен физически. Жестокие холода, наступившие так внезапно, совсем меня подкосили. Сегодня мне немного легче, и благодаря этому я могу Вам писать. Я — в полнейшем унынии; кичтр не помогает. Пробую всевозможные лекарства и не сдвигаюсь с мертвой точки; после нескольких спокойных дней болезнь хватается за меня пуще прежнего; сплю я тоже очень плохо и мучительно. К тому же совсем нет аппетита,— любая еда вызывает «отвращение. Почти целыми днями я испытываю ужасное недомогание, а кое-когда случаются и спазмы; я с трудом могу читать и довольно часто просто не понимаю, что держу перед глазами. У меня появилась идея, которую хотелось бы облечь в форму, но как могу я работать в таком состоянии! Вот, друг любезный, каковы мои обстоятельства. Я совершенно уверен, что скоро меня ждет медленная и очень мучительная «смерть. И надобно покориться этому.

Политика, в которой я вовсе перестал что-либо понимать, не может быть для меня приятным отвлечением. Мне кажется, мы приближаемся к революции еще более страшной, чем та, какую мы с Вами довольно жесело пережили двадцать

лет тому назад [108]. Очень бы хотелось, чтобы представление началось с некоторым опозданием, и я был бы от присутствия на нем избавлен.

Мороз достигал здесь шести градусов; феномен этот, по словам стариков, не наблюдался с 1821 года; все сады погибли. Казалось, будто среди лета грянули холода,— ведь установилась настоящая теплая погода, и все уже расцвело. Ужасно было видеть, как великолепные растения с прекрасными цветами, скажем, вигандии, которые накануне только вздымали усыпанные бутонами ветви на семь-восемь футов в высоту, за одну ночь превратились в некое подобие шпината. Прощайте, любезный друг мой; желаю Вам здоровья, и хоть изредка давайте знать о себе. С Новым. Вас годом...

326

jКанны, 10 февраля 1870..

Любезный друг мой, я не писал Вам так давно оттого лишь, что ничего хорошего о себе сказать не могу. Я дряхлею с каждым днем и влачу поистине жалкое существование. Почти не сплю и большую часть времени провожу в мучениях.

---

108 notes: 108
воздух не выходил {англ.).

Добавьте к тому, что зима выдалась ужасающая. Прекрасные цветы, составлявшие славу этих мест, погибли; множество* апельсиновых деревьев вымерзло, и теперь цветов не хватает даже на то, чтобы сделать для Вас помаду. Вот и судите, какое действие могли произвести на такое нервное существо, как я, дождь, холод и град, посланные нам небесами; здесь все это переносится в десять раз тяжелее, нежели в Париже.

Наконец разразился у вас бунт, по своей, глупости достойный того, кто явился его причиною[1]; грустное зрелище мы представляем собою, пытаясь пользоваться свободами и парламентским правлением. Не перестаешь удивляться поистине смехотворной дерзости, с какою представляются и поддерживаются в Палате самые чудовищные spropositi *, которые никто и не подумает высказать в частной беседе. Печальную* комедию являет собою представительный порядок управления — всякий бесстыдно лжет, однако ж попадается на удочку того, кто лжет еще бесстыдней. Находятся даже люди, полагающие, что Кремье[2] — превосходный оратор, а Рошфор — великий гражданин. В 1848 году несомненно глупцов было множество, но нынче их больше.

Я решил испробовать английскую химическую

бумагу, но не знаю, удастся ли Вам прочесть письмо. На днях закончил для «Ревю» перевод одного рассказа Тургенева[3]; появится он в следующем месяце. А для себя и, может быть, для Вас я пишу небольшую историю \ где речь идет в общем-то о любви. Прощайте; желаю Вам здоровья и благополучия.

327

Канны, 7 апреля 1870.

Любезный друг мой, я не писал Вам, ибо ничего хорошего сказать не могу. Все это время я чувствовал себя не вполне здоровым, а то и вовсе больным. Да и теперь хвастаться нечем. Слабость отчаянная — и на сот-

ню шагов не могу отойти от дома без того, чтобы несколько раз не присесть. Очень часто, в особенности по ночам, у меня случаются мучительнейшие приступы, которые подолгу не удается снять. Мне говорят: «Нервы!» А как Вам известно, медицина почти бессильна, когда речь идет о нервах. В прошлый понедельник я, задумав произвести опыт и узнать, удастся ли мне вынести путешествие до Парижа, направился в Ниццу с визитами. В какую-то минуту я уже совсем было решил, что вот-вот совершу бестактность и

отойду в мир иной в гостях у кого-нибудь, с кем не настолько накоротке, чтобы допустить подобную вольность. Домой я возвратился в весьма плачевном состоянии и задыхался целые сутки кряду. Вчера мне стало чуть легче. Я вышел и прогулялся по берегу моря; за мною несли складной стул, на который я и садился через каждые десять шагов. Вот Вам вся моя жизнь. Надеюсь, в конце месяца сумею пуститься в путь до Парижа. Возможно ли это? Я часто думаю, достанет ли у меня сил подняться по моей лестнице? Быть может, у Вас, знающей такое множество разных вещей, найдется на примете какая-нибудь квартира, куда поместились бы мои книги и я сам, но расположенная в нижнем этаже? И к тому же я очень хотел бы обретаться где-нибудь неподалеку от Института *.

Я получил любезнейшее письмо от г. Эмиля Олливье [2], в котором он просит проголосовать за него. Я ответил, что меня, можно сказать, уже на этом свете нет; думается, его изберут без особых трудностей.

Как Вы правы, говоря, что мир обезумел! Утверждение левых, будто «обсуждать с народом конституцию есть проявление деспотизма, ясно доказывает, из какого никуда не годного мате-

риала они созданы! Но самое печальное то, что подобная нелепица никого не возмущает. По сути дела, мы переживаем времена, когда не существует более ни смешного, ни нелепого, Что бы ни говорилось, что бы ни печаталось,— реакции это не вызывает никакой.

Не знаю, когда появится моя биография Сервантеса,— она предваряет превосходнейшее издание «Дон Кихота», которое я на днях Вам дам. Что же до истории [3], о какой я рассказывал,— я оставляю ее для посмертного издания. Однако ж, если Вы желаете прочесть ее в рукописи, могу доставить Вам это удовольствие — длится чтение всего четверть часа.

Прощайте, друг любезный; здоровья Вам. Оно — первейшее благо на свете. До конца апреля я с места не двинусь [4]. Надеюсь застать Вас в Париже. Еще раз прощайте.

328

Канныу 15 мая 1870.

Любезный друг мой, я был очень болен, да и сейчас немногим лучше. Всего несколько дней, как мне разрешили выходить. Я чудовищно слаб, и все же доктора надеются, что к концу следующей недели я могу пуститься в путь. Возвращаться я

буду, верно, потихоньку, с остановками — суток в поезде мне не вынести. Здоровье мое разрушено вполне.

Покуда я никак не могу смириться с существованием, полным лишений и страданий, однако ж покоряюсь я или нет — я приговорен. Мне хо-те-лось бы находить хоть какое-то отвлечение в работе, но для этого нужны силы, а их-то у меня и нет. Я от души завидую тем из друзей моих, кто отыскал способ покинуть этот .мир разом, без страданий и скучнейших призывов к осторожности, которыми я бываю сыт каждый день. Политическая возня, о которой Вы говорите, доносится даже до нашего захолустья. Я увидел здесь множество примеров людской глупости и невежества. Убежден, что лишь очень немногие из избирателей отдавали себе отчет в том, что они делают *. Красные, которых тут большинство, внушили глупцам, еще более многочисленным, что речь идет об установлении нового налога. И результат оказался превосходен. «Скроено прекрасно, остается только сшить»,— как говаривала Екатерина Медичи * Генриху III. К несчастью, я не вижу в этой стране никого, кто умел бы владеть иголкою. А что Вы скажете о друге моем г. Тьере, который после пиров 1848-го [3] вновь воспользо-

вался тою же тактикой? Говорят, сорока в одни силки дважды не попадается, тогда как людей, да притом людей умных, ничего не стоит обвести вокруг пальца.

Я думаю поменять жилье и очень бы хотел найти что-нибудь пониже, неподалеку от Вас. Можете ли Вы навести справки и подать мне на сей предмет какую-то идею?

Нет ничего прекраснее краев наших в эту пору. Всюду столько цветов, и таких восхитительных, что зеленые пятна в пейзаже встречаются редко. Прощайте.

329

Париж, 26 июня 1870*

Любезный друг мой, вот уже месяц, как я хвораю *. Ничего не могу делать — даже читать. Мучения приходится преодолевать жесточайшие, и надежды почти не осталось. А длиться это может долго. Я навел порядок в одном из шкафов моей библиотеки и хочу приберечь для Вас «Письма госпожи де Севинье» [2] в двенадцати томах и небольшой томик Шекспира. Когда Вы приедете в Париж, я пришлю их Вам. Благодарю Вас за память.

330

Париж, 18 июля 1870*

Любезный друг мой, я очень хворал, да и теперь мне нисколько не лучше. Вот уж полтора месяца, как я не только не выхожу из спальни, но даже с постели встаю с трудом. С начала года это — третий или четвертый бронхит. Так что следующая зима не предвещает мне ничего хорошего. Раз уж недавняя жара не уберегла меня от насморков, что же будет, когда настанут холода?

Думается мне, надобно обладать недюжинным здоровьем и крепкими, как канаты, нервами, чтобы относительно спокойно взирать на происходящие события. Нет нужды рассказывать Вам, что я переживаю. Я принадлежу к тем, кто полагает, что беды не избежать *. Вероятно, можно было оттянуть взрыв, но не отвратить его вовсе. У нас тут война приобрела невиданную популярность даже среди буржуа. Глотку они дерут на всех углах, в чем, разумеется, нет ничего хорошего, однако ж они вербуются в солдаты, да и деньги дают,— а это все определяет. Военные полны самонадеянности, но стоит вдуматься в то, что будущее зависит лишь от шального ядра или пули, самонадеянность их, право, трудно

разделять.

До свидания, любезный друг мой, меня утомили даже две эти странички. Я стал совсем никуда не годен; врачи говорят, что состояние мое улучшилось, но я отнюдь этого не чувствую. Я не стал отсылать Вам книги [2] из опасения, что некому будет их принять.

Еще раз прощайте; сердечно обнимаю Вас.

331

Париж, вторник, 9 августа 1870,

Любезный друг мой, мне думается, что лучше Вам теперь в Париж не возвращаться; боюсь, как бы нам не пришлось скоро стать свидетелями печальнейших событий. На улицах видишь либо мрачные, потерявшие надежду лица, либо пьяниц, горланящих «Марсельезу». И всюду — беспорядок полнейший! Армия была достойна, да и теперь достойна всяческого восхищения, но генералов настоящих у нас, по-видимому, нет *. Все еще может наладиться, но лишь в том случае, если произойдет чудо.

Здоровье мое, пожалуй, не хуже, однако ж положение вещей крайне меня угнетает. Пишу я Вам из Люксембургского дворца, где мы только и можем, что обмениваться надеждами и опасени-

ями. Напишите, что у Вас. Прощайте.

332

Париж, 29 августа 1870.

Любезный друг мой, благодарю за письмо. Я по-прежнему хвораю, и нервы расшатаны вконец. Видимо, так дальше и будет, и это в лучшем случае,— я вижу нынче все в мрачных тонах. Однако ж в последние несколько дней положение чуть исправилось. Военные стали поуверенней. Солдаты и подвижная гвардия сражаются, как львы; армия маршала Базена, говорят, творит чудеса, хотя противник втрое многочисленнее. На днях — завтра, а быть может, сегодня — намечается новое грандиозное сражение *. Последние события, поистине, вселяют ужас. Пруссаки берут численностью. До сей поры им это удавалось; но страшная резня под Метцем[2], сдается, заставила их призадуматься. Острословы утверждают, будто берлинским барышням теперь и повальсировать не с кем.

Но даже если нам удастся отбросить остатки их армии к границам или вообще похоронить их тут, что было бы еще лучше, конец нашим бедам еще не наступил. Нынешняя чудовищная бойня — и не надобно закрывать на это глаза — не

более как пролог к трагедии, развязка которой ведома одному только дьяволу. Нельзя безнаказанно возмущать умы нации, подобной нашей. И будь то победа или поражение — за ними неминуемо грянет революция. Всякая капля уже пролитой крови или крови, которой предстоит еще пролиться, падает на мельницу Республики — иными словами, организованной смуты.

Прощайте, друг любезный; оставайтесь в <Невере>,— там Вам хорошо. Мы здесь покуда вполне спокойны; ожидаем пруссаков с непоколебимым хладнокровием; однако ж дьявол и малой толики своего не упустит. Еще раз прощайте.

333

Канны, 23 сентября 1870..

Любезный друг мой, я совсем расхворался — настолько, что даже писать почти не могу [4]. Правда, сегодня чувствую себя чуть лучше. Надеюсь, через какое-то время сумею написать Вам поподробнее. В Париже пошлите ко мне и прикажите взять «Письма госпожи де Севинье» и том Шекспира. Я должен был бы сам послать их Вам, да уехал.

Прощайте. Целую Вас.

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ ПИСЕМ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

1

ШАРЛЮ ДЕВО *

Париж, 6 декабря (1831).

Сударь,

В силу недоразумения, явившегося причиною дурацкой сцены, дама, именующая себя леди Сеймур, могла бы просить Вас не передавать ей более моих писем. Я разъясняю это недоразумение и был бы весьма Вам признателен, когда бы Вы в кратчайшие сроки переслали ей прилагаемое письмо. Примите, сударь, уверения в моих преданнейших чувствах.

Пр. Мериме.

2

АНРИ БЕЙЛЮ

(около 20 октября 1832).

<...)' Кажется, я говорил Вам о прекрасной незнакомке, англичанке, которая мне пишет. Последней фантазией ее было явиться в Лондоне к одному из моих друзей [4], сказать, что у нее есть

оказия во Францию и что она готова принять от него поручения. При этом она сумела ловко перевести разговор на меня. Однако ж, уходя, она назвала вымышленное имя, так что в изысканиях своих я не продвинулся ничуть, если не брать во внимание сведений о том, что она прехорошенькая, с благородными манерами, словом ladylike [109]. Я забыл еще a splendid pair of black eyes [2]*, которыми важный друг мой, «бифштекс», описавший мне эти детали, был совершенно сражен <...)

3

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР[1]

Кале, гостиница «Ьийяк». Среда, 4 ч(аса), (5 декабря 1832).

Пр. Мериме заверяет в совершеннейшем своем почтении госпожу Лам-бер Лемер. И нижайше просит передать подателю сего письмо, которое леди М. Альджернон Сеймур[2] должна была прислать г. Мериме.

4

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

Кале, среда вечером, {5 декабря 1832>.

---

109 notes: 109

настоящая леди (англ.).

пару чудесных черных глаз (англ.).

Я взял на себя смелость[1] послать госпоже Лемер прилагаемое письмо. И был бы крайне ей признателен, когда бы она согласилась передать его леди А<льджернон> С<еймур>.

Прошу госпожу Лемер принять выражение совершеннейшего моего к ней почтения.

Пр. Мериме.

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

{Лондон) 14 {декабря) 1832,

Сударыня.

Довольно забавно выходит и, верно, хлопотно для Вас, что я вынужден отсылать в Кале письмо, которому положено вернуться в Лондон. Но Вы, видимо, хорошо знаете, сколь рассеяна бывает наша подруга, леди А<льджернон> С<еймур>. Она запамятовала дать мне свой адрес. Не будете ли Вы столь добры, чтобы сообщить его мне или, если это невозможно, передать ей два прилагаемых письма [4]. Когда же Вам неизвестен адрес леди А. С., я просил бы Вас оказать мне любезность, сохранив эти письма до моего приезда в Кале. Я взял бы на себя смелость заехать и Вас от них освободить.

Если бы я мог быть чем-либо полезен Вам тут, я с величайшим удовольствием принял бы любое поручение; кроме того, когда бы Вы милостиво

согласились, я через несколько дней прислал бы с полдесятка вопросов, на которые Вы вольны были бы не отвечать.

Все письма, какие Вы станете посылать мне в Лондон до 25 октября, я получу по адресу: Pr. M., Esq. St-James Street 33. Если же возникнет у Вас надобность передать мне что-либо в Кале,— вроде того, скажем, что Вы не хотите меня принимать,— Вы можете оставить письмо в гостинице «Кийяк». Заехать я намереваюсь числа 26-го или 27-го.

Примите, сударыня, выражение величайшего моего почтения.

Пр. Мериме.

6

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

{Булонь-сюр-Мер, 29 декабря 1832 г.). Гостиница «Лондонская», Булонь-сюр-Мер.

Я только что виделся с нашей подругою. Свидание прошло так, как и можно было ожидать от столь рассудительного человека, как я. Рассудительность же нашей подруги превзошла все мои ожидания. А уж о любезности ее и говорить не приходится; поначалу она была страшно капу-гана, но по истечении часа беседыг мы чувствовали

себя как старые друзья. Что и говорить,— я вправе упрекнуть ее в чудовищной лжи. Ведь она уверяла меня, будто никому не показывала моих писем. Однако ж бранить ее за это бесполезно. Тем более, что я не говори я ей о нашем вчерашнем разговоре. Таким образом, учитывая все обстоятельства, я полагаю разумным Ваше решение скрыть от нее, что Вы все мне рассказали.

Она показалась мне прехорошенькой и очень схожей со своим портретом. Я же ей Костюшко[1] не напомнил вовсе — видимо портрет мел, что у нее, слишком мне льстит. Если бы мы виделись с нею часто, возможно это стало бы несчастьем для нас обоих. Пусть лучшё между нами лежит тридцать с лишком почтовых перегонов. Вероятно правильнее было бы совсем не писать ей, но согласитесь, сударыня, что после того, как я столь долго и терпеливо пребывал жертвою мистификации, у меня есть право на возмещение убытков. Как видите, сударыня, я безгранично пользуюсь Вашим согласием стать моим доверенным лицом. В конце концов это — возмездие, которое, к тому же, весьма мне приятно.

Примите, сударыня, выражение моих почтительнейших чувств.

Пр. Мериме.

7

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

Париж, 3 января (1833}.

Сударыня,

Спешу ответить на письмо, которое Вы мне прислали, оказав тем величайшую честь. Я рад узнать, что здоровье мадемуазель Женни улучшилось, и в известной мере горд, что Вы считаете меня тому причиною. Ведь именно следуя Вашему совету, я согласился принять предложение о встрече и счастлив, если она пошла во благо.

Но, сударыня, что за спектакль мы разыгрываем? Слыхано ли когда-нибудь со времен Анны Радклиф *, чтобы мать подслушивала, о чем беседует ее дочь наедине с молодым человеком. Это свидетельство самого низкого вкуса, и я не понимаю,.*как могла мадемуазель Женни согласиться на подобный шпионаж. По правде говоря, я раскаиваюсь в том, что вел себя все это время столь открыто. Со мною хитрят немилосердно — слова правды не услышишь, а Вы, сударыня, соблаговолив приоткрыть для меня завесу над этим наворотом тайн, не разрешаете мне ни жаловаться, ни упрекать виновную. Я весьма раздосадован поведение^ мадемуазель Ж<ении>.

Она не сдержала слова, допустив третьего участника к нашей встрече. Кроме того с детской наивностью она предлагает мне возвратить мои письма «через некоторое время», словно бы доказывая, что читала их она одна. Вот уж в самом деле престранная логика. Когда бы Вы были столь добры и разъяснили бы все нашей подруге, Вы совершили бы доброе дело и чувствительно обязали бы меня. Матушке тоже не повредит кое-что разъяснить.

Ц Проспер Мериме

Вы любезно осведомляетесь, сударыня, о состоянии моего здоровья. Путешествие наше сопровождалось лютейшим холодом. Я заработал ужасную боль в горле, а хлопоты, связанные с Рождеством, повергли меня в настроение и вовсе отвратительное. Что же до мадемуазель Ж<ен~ ни), она, сдается мне, следует совершенно неправильному режиму и живет только сухими фруктами и тому подобной дрянью! А это решительно лишено здравого смысла. Пусть ее читает романы — ладно, но нельзя же воспринимать буквально все сумасбродства, изобретаемые романистами.

Примите, сударыня, выражение моих почтительнейших чувств.

Пр. Мериме.

8

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР
15 января 1833.
Сударыня,

Я исполнил Ваше поручение, касающееся бюджета Кале, тотчас по получении Вашего письма. Но к несчастью влияние мое в Министерстве торговли после прошедших межминистерских перемен [1] странным образом поубавилось. Однако ж, сударыня, я сделал все от меня зависящее и счастлив был бы безмерно, когда бы просьба моя чему-нибудь помогла.

Минут десять назад я получил письмо от мадемуазель Ж<енни>, доставившее мне живейшее удовольствие. Впервые она говорит со мной открыто. И признается, что показывала мои письма Вам, показывала их своей матушке и даже миссис Джейн, приходящейся, насколько я понимаю, женою тому старику, которого мы прозвали Бартоло [2]. Она призналась даже, что ее мать подслушивала наш с нею разговор. Короче говоря, она исповедалась, ничего не скрывая, с присущими ей изяществом и обаянием. В самой полноте этой исповеди сквозила, однако, какая-то

сатанинская гордость, и искренность ее была связана в некоторой степени с тем удовольствием, которое мы самолюбиво испытываем при мысли: «Я не скрываю моих недостатков». Но нынче мне наконец хочется быть милым, и оттого я нашел ее письмо прелестным. И я ответил бы тотчас же, когда бы не боялся излишне скор'ым прощением, в котором не могу отказать, уронить менторское свое достоинство. Мадемуазель Ж<енни> просит меня ничего Вам не говорить. Главное, она советует не ругать Вас, ибо виновата во всем она одна. Видите, сударыня, какую я заработал репутацию. Я — нечто вроде домового, и все ужасно меня боятся. Выслушав ее совет, я поздравил себя с тем, что ни словом не обмолвился о наших с Вами переговорах.

Весьма затянувшийся визит одного депутата заставил меня пропустить час отправления почты. А потому письмо сие уйдет завтра вместе с другим, адресованным мадемуазель Ж<ешш>. Она сообщила, что должна нанести Вам визит и пожурит Вас сама. Не будете ли Вы столь добры, чтобы передать мне все, что она расскажет о нашей встрече в минувшем году? По обыкновению моему я был тогда весьма великодушен, великодушнее даже, чем мог бы быть, не повстречайся

я ранее с Вами. Бывают у меня, однако ж, краткие мгновения, когда великодушие мое истощается, и я начинаю изменять себе самым непостижимым образом. Вся прелесть и смехотворность сцены для подслушивавшего была, однако, утрачена, и более того, чтобы вернее судить о происходящем, ему бы надобно было забраться в камин.

По совести говоря, все это яйца выеденного не стоило и для всякого другого было бы совершеннейшим пустяком. Оно бы и было совершеннейшим пустяком, даже если бы в комнате находилось еще человека три или четыре, но при столь серьезном и даже полуфилософическом начале нашего свидания выглядело забавно. Вполне возможно, что Ж<енни> Вам об этом не скажет. Если же заговорит, Вы без труда догадаетесь, отчего я не стал о том рассказывать сам. А коль скоро она ничего не скажет, я расскажу Вам, в чем дело. Но никаких прямых вопросов — не то наши с Вами отношения станут слишком очевидны, тогда как мадемуазель Ж<ен-ни> не должна о них догадываться. Глупо, право же, но мне было бы любопытно, услышите ли Вы обо всем от кого-либо, кроме меня.

Знай я, что матушка подслушивает, я бы примернейшим образом ее наказал. Я в отчаяние

прихожу при мысли, что должен был бы догадаться и не упустить столь превосходной возможности преподнести ей урок нравственности. Но в конечном счете все делается к лучшему в этом лучшем из миров. Да и я от души радуюсь, что немножко привел в чувство прелестную нашу барышню. Мне хотелось бы, кроме того, излечить ее и от мании воображать себя героинею некоего экзотического романа. Коль скоро ее поразили именно первые строки моего письма, она на них и ответила, оставив без внимания остальные. Должно быть, душа у нее и в самом деле добрейшая, раз она, не рассердившись, снесла все мои суровые слова. Однако ж помимо того, что я не люблю делать комплименты друзьям, единственный, сдается мне, способ ее исправить и сделать счастливою — это сказать ей всю правду. Прощайте, сударыня, и простите мне весь вздор, что я Вам посылаю. Я так печален нынче и так далек от тех счастливых времен, когда мы с Вами виделись, что поговорить о них и то — величайшая для меня радость, которую я, быть может, позволил себе слишком затянуть.

Примите выражение глубочайшего моего почтения.

Пр> Мериме.

9

АНРИ БЕЙЛЮ

19 января 1833.

<...> Надобно рассказать Вам одну презабавную историйку, но только Вам одному. Года полтора назад мне пришло письмо, написанное незнакомой рукою, где меня спрашивали, не разрешу ли я одному художнику написать картину, изображающую сцену из 1572 года [4]. В случае согласия я должен был сообщить об этом леди С<еймур> до востребования, в Кале.

Сам не знаю зачем, но я ответил. Во втором письме меня просили дать кое-какие сведения по костюмам. Я дал. В третьем — изъявления благодарности и признание, что речь идет вовсе не о картине, — просто очень хотят со мною познакомиться и для этого пошли на такую хитрость, автором же письма оказывается английская дама, двадцати лет от роду. И наконец меня весьма настойчиво просят ответить. Я отвечаю: «А может быть,— вы кавалерийский офицер, скучающий от гарнизонной жизни, или старуха — что же за радость мне переписываться с Вами?» И сам не знаю почему, продолжал писать.' Письма . стали приходить столь часто, что между незнакомкой и мною установилось нечто вроде дружбы. Со-

держание же писем напоминало беседу с весьма живою и остроумною женщиной. Я неустанно просил ее подарить свой портрет или согласиться на встречу. Наконец ко времени моего отъезда в Англию она написала, что некая дама передаст мне в Кале ее портрет и что, быть может, в Лондоне она согласится увидеться со мною. Проезжая че-рез Кале, я зашел за означенным портретом. Его вручила мне дама с тронутыми сединою волосами, оглядевшая меня с головы до ног с не-скрываемым любопытством. Я же, со своей стороны, не задал ни одного вопроса, держался отчужденно и, получив пакет, галопом понесся к себе в гостиницу. Подобно Фьоре [2], делающего перевязку, я зажег две свечи и обнаружил премилую акварель, изображавшую весьма хорошенькую женщину с большими черными глазами и меланхолическим выражением лица. К портрету прилагалось длиннейшее письмо, где то тут, то там попадались выражения, вполне очевидно выказывавшие love [lsj!]. В Лондо не я совершил все возможное, чтобы отыскать леди С., но сие мне так и не удалось. Наконец за несколько дней до отъезда я получаю от нее письмо. Такого-то числа она должна быть в Булони, и там я ее увижу. Письмо с указаниями, как, где и пр.

мне передадут в Кале. По прибытии в Кале первейшей заботой моей было добраться до дамы, передавшей мне первое письмо, и попросить у цее второе. Дама эта, госпожа Л<емер>, предложив мне сесть, некоторое время на меня смотрит, потом принимается утирать глаза, и вид у нее становится совсем жалкий. Меня же обуял страх, ибо я подумал, уж не она ли моя незнакомка. Наконец после вступления, в котором воспевались мои добродетели, достойнейший нрав мой и пр., она испросила у меня позволения сказать всю правду. Я затрепетал. «Сударь, Вы, верно, полагали, что Вам пишет некая англичанка. Ничего похожего. Это девушка из Булони, и в голове у нее одни мечты да ветер. Ей двадцать лет, и она прехорошенькая, как Вы могли понять по портрету, который она Вам прислала. Первое письмо она написала, желая получить автограф такой знаменитости, потом ее очаровали Ваши письма, потом ее охватило какое-то безумие, и вот теперь она дошла до состояния, в котором Вы сможете убедиться сами». Тут она дает мне три или четыре письма от барышни, исполненных непостижимого безумия и страсти. Каждое слово в них проникнуто пламенной любовью к Вашему покорному слуге. Я, читая письма, выглядел,

должно [1Ф] любовь {англ.).

быть, весьма странно. А госпожа Л<емер> не унимается: «Но это еще не все. Мы с матушкой ее и сами в какой-то степени причастны к ее безумию, однако ж всех последствий этого мы решительно и вообразить не могли. Теперь же матушка весьма обеспокоена пошатнувшийся здоровьем дочери, хотя, как Вы можете понять по этим письмам, готова исполнить малейшее ее желание»,— и она дает мне прочесть три или четыре письма матери. Из них следует, что она — женщина добрая, которая позволяет дочери вертеть ею как угодно и, по-моему, не помешала бы милой барышне даже спать со мною, лишь бы доставить ей удовольствие. Но все же она советовалась с госпожою ЛКемер), как относиться к этой страсти, объектом которой являюсь я. Покончив с чтением, я осведомился у госпожи Л<емер>: «И какого же черта, по-вашех^у, я должен делать? Ведь речь идет о совершенно сумасшедшей девице, которую давно уже надо было лечить, а мать ее сумасшедшая вдвойне. Что же я могу сделать, чтобы они пришли в себя? Жениться я не собираюсь, не влюблен я ни на грош, но могу чего доброго и влюбиться. Меня решили ми стифицировать, и я вполне вправе отомстить». Тут

госпожа Л<емер, принимается превозносить до небес бесчисленные достоинства мадемуазель Ж<енни>. «Я знаю, что Вы не женитесь на ней, но будьте ей хотя бы другом, во всем мире только Вы и имеете над нею власть. Подайте же ей добрые советы. Она воспримет их только от Вас. Умоляю, повидайтесь с ней, когда будете в Булони, поговорите и заставьте распроститься с одолевающими ее химерами». В ответ я проявил восхитительную способность к лицемерию: «Как, Вы хотите, чтобы я с нею увиделся? Да неужто, мадам, Вы мните меня святым? А если я вдруг влюб люсь в нее? Мы ведь не можем пожениться. И тогда на вас ляжет ответственность за последствия нашей встречи». Тут я заметил, что представил себя слишком уж добродетельным ш тем напугал госпожу «ГКе-мер). Тогда, смягчившись и пообещав ни словом не обмолвиться Ж<ен-ни) о нашем свидании, я соглашаюсь на встречу с ней. По приезде в Булонь я тотчас к ней пишу, чтобы сговориться о времени и условиях встречи. Иными словами, чтобы мы были одни. Принято. Вы можете представить себе, как я точен. Коль скоро нужно предусматривать все, я одолжил трость со спрятанною в ней шпагой у Лагландьера[3] на случай, если меня вдруг подстерегает западня. В

небольшой, не без кокетства убранной комнате, я обнаружил молодую женщину, освещенную-свечою, поставленной в углу, так, чтобы я никоим образом не мог различить ее черт. Только я вошел, она вскочила с кресел, будто вытолкнутая пружиною, и тотчас рухнула снова, испуганная, словно поднятая на току куропатка. Я сел напротив, и мы принялись беседовать. Голос у нее оказался весьма приятный, но дрожал, дыхание прерывалось, однако ж говорила она при этом хорошо. Одета она была очень просто, но со вкусом. Я заметил, что у нее крохотные и весьма изящные ножки. Вообще костюм ее обнаруживал известное кокетство и небрежность, что мне всегда по душе. Мы разговаривали о rebus omnibus et quibusdam aliis[110]*. Пробеседовав так около четверти часа, я решился попросить соизволения поставить свечу между нами. Она ответила, что ей еще слишком страшно. Пришлось отложить возможность увидеть лицо ее еще на четверть часа. И наконец я увидал очень красивую брюнетку, «бледную, словно прекрасный осенний вечер»[4], с громадными черными глазами, красивой грудью — по крайней мере, под платьем,— прелест-

110 notes: 110

* о всяческих делах и еще кое о чем (лат.).

ным ртом и выражением испуга, смешанного с нежностью, что составляло весьма приятную комбинацию. Я сказал, что вина ее в истории с мистификацией очень велика, что я страшно зол на нее и единственный способ меня успокоить —. беспрекословное послушание. Кроме того я намереваюсь управлять всеми действиями ее и поступками, и мои советы отнюдь не пойдут ей во вред. Она все с зещала. Читая ей мораль, я в то же время разглядывал ножку, что виднелась из-под платья и оказалась крошечною, как я уже имел честь вам сообщить. «Боже мой,— сказал я,— в Лондоне я нагляделся на такое множество уродливейших ног, что теперь смотрю на Вашу с вящим удовольствием». Я увидел, как в глазах, ее вспыхнула неподдельная детская радость, и она протянула мне ножку, предоставляя возможность полюбоваться ею поближе. Движение сие неизбежно приоткрыло для меня пальцев на шесть и другую ножку, притом много выше, и сложена она,— сказал бы я, если бы не знал отвращения Вашего к этому выражению,— безукоризненно. Увидев это, я пришел в состояние столь же критическое, сколь и неожиданное. Взяв в руки отданную мне ножку, я поднес ее к губам, что приоткрыло другую ножку еще на

шесть пальцев вверх. После поцелуя она убрала ножку, уронила голову на грудь и смертельно побледнела. Можно было подумать, что ее прожгло огнем в самое сердце. Я продолжал беседовать о высоких материях, но бедняжке понадобилось не меньше четверти часа, чтобы прийти в себя. Когда же настало время прощаться, мы обменялись крепчайшим рукопожатием, обещаниями писать друг другу, и пр. Я бессилен дать Вам равноценное представление о глазах этой девушки.

Наилучшим результатом всего этого явилось то, что, как пишет госпожа Л<емер> из Кале, мадемуазель Ж<енни>, давая ей подробнейший отчет о нашей встрече, говорила, что очарована мною, поколебавшееся было здоровье ее совершенно поправилось, так что теперь она весела и пр.,.. Но самое курьезное — это сообщение о том,, что матушка пряталась в соседней комнате, откуда она все слышала и даже кое-что видела. Я пришел в бешенство, радуясь, впрочем, что не стал продвигаться далее в исследовании ножек, как вдруг получил письмо от Ж<енни>, которая признается во всем, кается в нескромном поведении и умоляет простить великодушно, наложив на нее любую епитимью. Сказано все это притом в самом нежном и искреннем тоне. Я простил,

но при условии, что отныне письма мои не будет читать никто, кроме нее самой, и что при свиданиях наших не будет более никаких свидетелей. В то же самое время госпожа Л<емер> написала, что я разрешил проблему, казавшуюся неразрешимой,— заставил повиноваться Ж<енни>. У нее было два-три маленьких недостатка, которые я решительно исправил. Доводилось ли Вам когда-нибудь видеть более забавных женщин? Что Вы обо всем этом думав* те? Чего они хотят? Они ведь знают, что я не женюсь. Хотелось бы знать Ваше по сему поводу мнение, если таковое имеется. Через несколько месяцев Ж<енни> приедет в Париж одна.

Прощайте; посылаю Вам эту кипу бумаги, которую Вам, возможно, не достанет мужества прочесть <...>'

10

САТТОНУ ШАРПУ [1]

Париж, 29 января 1833.

Любезнейший друг мой!

Надеюсь, Вы уже получили через Скьяссетти [2] вести обо мне. Подружитесь с нею. Она — приятнейшая особа. И если Вы влюбитесь в нее, жалеть Вам не придется. Ее матушка — дама весьма занимательная; она всегда готова рассказать

презабавные истории о своих молодых годах, описать все действия и телодвижения своего супруга, который уж раз-то в месяц всенепременно ломал под ней кровать (sic). Бейль утверждает, что видел, как за одну ночь у нее перебывало семеро крепких мужчин, которые, выходя, едва волокли ноги. Правда, Бейлю я верю всегда лишь наполовину.

Из Лондона мы выехали с изрядно облегченными кошельками, до капли исчерпав свои сосуды плодородия и вконец испортив желудки вашими мэллигатонскими супами и вашим чертовым портвейном. Впрочем, путешествие наше протекало довольно удачно, ибо мы сменили карету только один раз. До берегов Франции мы добрались всего за два часа с четвертью; путешествие же по суше прошло без каких-либо происшествий, правда, холод был собачий, и дождь лил, как из ведра, что нагнало на нас черную меланхолию; Лагл<андьер> лишь время от времени приходил в себя и стенал: «Изабель!», а я: «Что за ножка! Нет, что за ножка!» Сейчас расскажу Вам, что же это за ножка, из-за которой я так вздыхал.

По прибытии в Кале, я направился к даме, через которую получил портрет леди Сеймур. Поначалу она вручила мне письмо, написанное, видимо,

в сильнейшем волнении, где незнакомка моя объявляла, что не может со мною увидеться. Не успел я прочесть письмо, как г-жа Л<емер>,, вышеупомянутая дама из Кале, приняв вид в высшей мере серьезный, испросила соизволения говорить со мною вполне откровенно. Я содрогнулся, испугавшись, что она вот-вот признается, что все письма написаны ею. N. B.[111], что эта дама — особа весьма почтенная, лет сорока девяти от роду. Однако ж я ответил ей самым естественным тоном: «Сделайте одолжение, сударыня». «Так знайте, сударь, что заинтриговавшие вас письма написаны не английскою дамой, а французскою девушкой. Эта молодая особа обладает на редкость пылким воображением, она ветрена, весьма экзальтирована, но при том чрезвычайно добродетельна и великодушна. Начиная писать Вам, она желала лишь одного — получить Ваш автограф. Но мало-помалу так увлеклась перепискою, а после и корреспондентом, что это сделалось для нее подлинною страстью. Словом, она от Вас без ума. Матушка ее, да и я, поначалу не противились ее сумасбродствам, считая это минутным капризом, но теперь мы отчаялись».

---

111 notes: 111
Заметьте (лат.).

На это я ответил: «Что же, по-Вашему, я должен делать?» (Согласитесь, любезный друг, положение мое было довольно комичным). И я счел, что наступила минута объясниться начистоту. Я сказал, что никогда не женюсь, ввязываться в эту историю не стану и умываю руки — ведь не я первый начал писать и пр. Надобно сказать, что трагический тон г-жи Л<емер> привел меня в наискверне́йшее расположение духа.

Она ответила, что о женитьбе и речи нет,— никто о ней и не помышляет,— но раз уж я вскружил голову бедной девочке, мой христианский долг привести ее в чувство. Хорошенькое порученьице! Меж тем г-жа Л<емер> показала мне три или четыре письма вышеупомянутой девицы, которую я назову Ж.; письма эти растопили бы даже Ваше сердце при всей Вашей свирепости. Вообразите всю меру сумасбродства и экзальтированности романтической головки, обладательница которой живет в провинции и представляет себе меня героем, прекрасноликим, как само солнце, и обладающим всеми мыслимыми достоинствами. Однако набор подобных глупостей не помешал мне распознать за ними существо, чувствующее столь тонко и так красиво выражающее свои чувства, что я то усмехался,

то таял, словно воск. Вслед за письмами дочки появились письма матушки г-же Л<емер>, и они оказались ничуть не менее любопытны. Сдается мне, что Ж. вертит своею матушкой, как хочет, а потому матрона увлечена моей персоною почти в той же мере, как и дочь. Матушка желала знать, приеду ли я в Булонь, где они живут, и соглашусь ли встретиться с ее дочерью, выяснив, что она подписывалась чужим именем. Она писала, что Ж. во всем поступает по-своему и в целом мире один только я мог бы заставить ее слушаться. Прочитавши все письма, я принял вид чрезвычайно серьезный и изрек, что если вышеназванная молодая особа столь мною увлечена, я, думается, не должен с нею встречаться, ибо это может лишь подогреть чувство, заранее обреченное. Однако я сумел так повести дело, что после долгих уговоров все же согласился с нею встретиться. И без труда сделал вид, будто меня против воли побуждают поступить так, к к на самом деле мне безумно хотелось.

В Булони я послал рассыльного с письмом по названному адресу, извещая о своем приезде и прося встретиться с глазу на глаз. Ответ разобрать было почти невозможно, но на все мои условия соглашались. Битый час потратил я, за-

вязывая свой лучший галстук, после чего, сгорая от любопытства, отправился в путь. Да, я забыл упомянуть, что Лагл<андьер> внушил мне мысль о возможной западне, и я одолжил у него трость со спрятанной внутри шпагой. Итак, вхожу я в солидный с виду дом, и горничная проводит меня в небольшую комнату, где в противоположном от камина углу, возле единственной зажженной свечи сидит женщина, лица которой я не могу разобрать. Когда я вошел, она резко поднялась, будто ее вытолкнула пружина, и тотчас снова опустилась в кресла, прикрыв платком лицо, Я протянул руку, она подала мне свою, и я сел. Свеча, заметьте, поставлена была таким образом, что хорошо освещала меня, тогда как мне виден был лишь силуэт Ж., сидевшей к ней спиною.

Мы принялись беседовать; голос у нее оказался весьма приятный. Говорили мы о тысяче разных разностей. Она показалась мне несколько, быть может, робкою, но не лишенной остроумия. По истечении четверти часа я попросил ее поставить свечу между нами. Она отказалась под тем предлогом, что не посмеет тогда говорить со мною, но еще через четверть часа наконец согласилась.

И тут я увидел очень красивую молодую особу лет двадцати, смуглую, с прекрасными черными,

совсем как у Тренч[3], глазами, восхитительными бровями, темными волосами и т. д. Добавьте к тому пвелест-ной формы ножку, величиною с мизинец, обутую в черную шелковую туфельку. Я тотчас сделался вдвое любезнее. Оба мы склонились к свече, и она выставила вперед ножку так, что из-под платья показалось пленительное ее продолжение, «Я так давно не видел красивых ножек, что теперь без устали любуюсь вашею»,— сказал я. «Вы в самом деле находите, что она хороша?» — спросила Ж., вытянув ко мне ножку с таким наивным кокетством, что я почувствовал, как брюки вдруг сделались мне тесны. Я взял ножку и, продолжая беседовать о высоких материях, толкаемый не знаю каким бесом, приблизил ее к губам и нежнейшим манером поцеловал. Само собою разумеется, ножка при том была поднята на значительное расстояние от пола, вследствие чего явственно стала видна и другая ножка. Она оказалась обтянутой прозрачным черным шелковым чулком — не стоит и пытаться описать Вам это зрелище. Ни один голландец, раненный в живот осколком пэксановой бомбы[4], не претерпевал таких страданий, как несчастная Ж. Она выдернула ножку из моих рук и, опустив голову на грудь, вспыхнула до корней волос. Только тигр не

оставил бы ее в покое. А я, как известно, отнюдь не тигр. Мы принялись говорить о других вещах, и после двухчасовой, весьма целомудренной, хотя и не лишенной известной нежности беседы, я откланялся. Через несколько месяцев она должна приехать в Париж, и вот тогда добродетель моя подвергнется величайшим испытаниям. Теперь письма от Ж. приходят столь часто, что и я начинаю влюбляться. Однако ж, как Вы догадываетесь, даю ей множество благих советов <...>

11

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР
11 июня 1883.
Сударыня,

Помните ли Вы вечер,— если память мне не изменяет, не то 27 не то 28 декабря 1832 года,— когда я чертовски рьяно отказывался переступить порог дома на улице Сколько-потеряешь-столько-и-заплатишь? А Вы, напротив, уговаривали меня встретиться кое с кем, кто живет на этой улице. Тогда, я полагаю, только у меня и были некоторые соображения против этой встречи. Сама госпожа Дакен [1] писала Вам письма, поразитель-иее которых я никогда ничего не читывал. Так вот, сударыня! Времена решительно переменились;

10 июня 1833 года та же госпожа Дакен оказывает мне честь, обратившись ко мне с просьбою прервать всяческую переписку между ее дочерью и мной. Я же отвечаю, что ничего для этого предпринимать не намерен, что довольно меня мистифицировали и теперь настала моя очередь отыграться. В самом деле, сударыня, согласитесь, что до сего дня в Булони веселились вовсю за мой счет и несправедливо было бы обрывать шутку как раз теперь, когда я только начал входить во вкус.

Помните ли Вы также, сударыня, пророчества мои и ответственность, какую я заранее возложил на Вас за мой визит в Булонь? Памятуя об этой ответственности, я и прошу взять Ж<енни> под защиту, ибо она в отчаянии, хотя похоже, сдаваться не намерена. И не могли ли бы Вы втолковать госпоже Дакен, что спохватилась она слишком поздно, что опасности никакой нет, учитывая расстояние, нас разделяющее, и что, наконец, тот, кто подслушивает, спрятавшись за занавескою, не имеет права на трагические переживания. До сих пор мы действовали по законам комедии, вот давайте на том и оставаться. И наконец, сударыня, умоляю Вас, успокойте несчастную Ж<енни> и попытайтесь установить

мир между нею, матушкой ее и ужасною этой миссис Джейн, которая, сдается мне, меня не слишком жалует.

Примите, сударыня, выражение моих почтительнейших чувств.

Пр. Мериме.

ПИСЬМА ЖЕННИ ДАКЕН ПЛЕМЯННИКУ

1

Невер, 15 октября 1870.

Нынче утром я получила твое письмо, которое тронуло меня до глубины души и за которое я очень тебе благодарна. Как же верно ты сказал, что подлинное удовлетворение от страстно нами желаемого мы получаем, лишь сознавая, что друзья наши живы. Все надежды теперь полетели прахом; падение Орлеана, произошедшее третьего дня, повергло нас в самое тревожное состояние. Чувствуешь себя вконец разбитым, будто упал с пятого этажа, поняв, что все чаяния обмануты. Париж держится героически, но придет ли провинция вовремя ему на помощь?

Однако ж оставим все эти вопросы, мучающие меня днем и терзающие кошмарами по ночам, и поговорим о нас и о тех ушедших временах, вос-

поминаниями о которых мы только и живы. Да и то уже с трудом можно вспомнить, что когда-то мы были счастливы.

Да, я действительно в глубокой печали после смерти столь дорогого мне друга, заполнявшего вею мою жизнь; однако ж печаль моя была бы еще безутешней, когда бы не те ужасные обстоятельства, в каких мы живем последние два месяца. Он же нашел в смерти конец нестерпимым мукам и страданиям, которые мужественно сносил, завидуя судьбе тех, кто ушел до него. Нынешним летом в его состоянии наступило заметное улучшение, он приехал в Париж, чтобы присутствовать на заключительной сессии в Люксембургском дворце, при полном крушении своих столь давних и столь искренних привязанностей*. Его умение смотреть на вещи с позиций высокой философии не иссушило его душу; не было сердца добрее и отзывчивее к горестям ближних. В Канны он возвратился накануне осады Парижа. 26 сентября я получила письмо от него; в нескольких строчках он сообщал, что возобновился бронхит, мучивший его долгие годы. Он прощался со мною.

Но, я повторяю, жалеть об этом я не вправе; сила духа не покидала, его до конца; он был окру-

жен любящими, заботливыми людьми [2] и угас, оставаясь полноценной личностью и избегнув предсмертных мучений. Я храню о нем самые прекрасные воспоминания, и времени не удастся разрушить ту ни в чем не сравнимую близость, какая была между нами. Так редко случается, чтобы связь между двумя людьми не была омрачена привкусом горечи, и я благодарна судьбе за то, что эти отношения не вызывали у меня ни сожалений, ни задних мыслей.

Прощай. Я знаю, что у тебя очаровательные дети. Быть может, они застанут возрождение нашей страны и времена реванша. А что же говорить о нас?

Целую от всего сердца. Преданная тебе.

2

Париж, 8 декабря 1873_

Спасибо, что вспомнил обо мне. Неделю я провела в невероятных волнениях, терзавших мою бедную голову; душевное же мое состояние в некотором роде ничуть не лучше, чем у царя Мидаса, и я испытываю потребность беседовать с тростником.— Покуда у меня нет никаких причин жалеть о моей дерзости. В сочетании с величайшей осторожностью она, кажется мне,

приносит больше пользы, чем вреда, поскольку благодаря ей можно узнать и полюбить тень великого человека.— Осторожность •способствовала тому, чтобы, как ты мог уже заметить, сбить любопытных со следа, а главное сбить со следа самого автора статьи [4].— Попытайся разыскать, что написал по поводу этого издания Тэн[2]. Весьма меня удовлетворяет и помогает совладать с нервами то, что достоинства женщины не попрано и ее честь остается вне игры. Конечно, ее портреты слишком льстивы, но такою она видится другу. И жаловаться тут не приходится.

Я вполне согласна с тобой по поводу того, что происходит в Версале[3]. Так и хочется отправить парламентаризм куда-нибудь подальше.

Г. Бл...[4] умирает, что меня очень мучает. Дни и вечера я провожу с >его близкими друзьями.

3

Париж, 6 февраля 1874.

Я собиралась писать тебе, полагая, что Незнакомка тебя хоть сколько-нибудь интересует.”[112] Если бы только она думала, что протянет пороховую нитку, которая, вспыхнув, ярко высветит ее лицо, она бы еще дважды подумала, однако

---

112 notes: 112

Он никогда не говорил о любви! Мс-с Гор [1] (англ.).

сожаления дела не меняют. Я терпеливо сносила эти слухи, храня сдержанность и достоинство. Я не приняла ни единого приглашения, ни от кого, кроме ближайших друзей; я ни разу не поддержала разговора на эту тему; я позволила людям думать все, что им заблагорассудился, прося их лишь не обсуждать этой темы со мною.— В Булони ты скажешь, что тебе известны только слухи, распускаемые газетами [112]; что ты пытался меня расспрашивать, но я просила тебя не говорить со мной об этом; к тому же, ты считаешь, что всем сплетням этим недостает правдоподобия. Посылаю тебе подборку прессы, которую прошу прочесть, ибо в ней превосходно отражена вся эта странная история. <...>

ЖЕННИ ДАКЕН. СОМНЕНИЕ

He never spoke of lovef Mrs. Gore •.

Твердил он, что мой вид и робок, и уныл,

Хоть у меня глаза, как день погожий, ясны;

Что лицезреть меня счастливой жаждет страстно,

Но о любви не говорил!

Твердил он, что нежней звук слов моих пе-

---

112 notes: 112

Он никогда не говорил о любви! Мс-с Гор [1] (англ.).

чальный,

Чем ветерок в закатной тишине;

Что часто следит, как на воде зеркальной Свою надежду я баюкаю в челне.

Глухие двери отчужденья,

Где укрывалась я от мира, он раскрыл И в жизнь мою привнес смятенье,

Но о любви не говорил!

Твердил он, что своей веселостью смиренной Его пленяю и волную я,

И спрашивал, ужель не видит во вселенной Родной души душа моя.

Что это? Ложь? Иль испытанье?

Страх иль надежду он в меня вселил?

В ответ услышал он стенанье,

Но о любви — нет, не заговорил!

Леона [112].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Л. Д. Михайлов

ПРОСПЕР МЕРИМЕ В СВОИХ ПИСЬМАХ

...Меня нимало не тревожит мысль, что письма мои в один прекрасный день будут изданы -при жизни или посмертно.

---

112 notes: 112

Он никогда не говорил о любви! Мс-с Гор [1] (англ.).

Я. Мериме.

1

Порой случается, что частные письма, интимная переписка двух или нескольких корреспондентов может вдруг стать большой литературой, читаемой с не меньшим волнением и интересом, чем увлекательнейшие романы или же отмеченные неподдельной силой чувства сборники стихов. Тут, конечно, очень многое зависит от того, кто эти письма писал: большой ли писатель был их автором, сумел ли он вложить в них жар души и метания сердца, но также, вне всяких сомнений — литературное мастерство, т. е. продуманность композиции и стиля, само точное ощущение жанра письма как подлинного человеческого документа.

В отдельные периоды истории литературы эпистолография выделяется во вполне определенный, хорошо осознаваемый современниками литературный жанр. В нем складываются и свои внутренние законы, и закономерности читательского восприятия. Помимо чисто художнических приемов, определенных риторических правил, на первый план обычно выдвигается неподдельность человеческого документа,

непосредственность чувств и мыслей, открытая, подчеркнутая исповедальность.

При этом может так случиться, что из всего творческого наследия автора письма его оказываются едва ли не самым интересным и ценным. Возможны даже такие случаи, когда эпистолография —* это единственное, чем вошел он в историю словесности. За примерами вряд ли надо далеко ходить — таковы Плиний Младший, госпожа де Севинье, Честерфилд или президент де Бросс.

Не приходится удивляться, что непосредственность и сиюминутность письма, его документальность были широко использованы как литературный прием, что положило начало фиктивным эпистоляриям, где автор письма становился литературным персонажем, а переписка выстраивалась в соответствии с хорошо продуманным, подчас достаточно сложным развитием сюжета. Произведений, написанных в форме писем, переписки двух или нескольких корреспондентов,— великое множество. Есть здесь и свои бесспорные шедевры.

Частные письма, со всей их интимной доверительностью и кажущейся непосредственностью, могли преследовать и иные цели: они как бы

отрицали свое основное предназначение — быть адресованными одному лицу — и обращались уже ко многим, становясь тем самым одной из разновидностей публицистики.

Но мы сталкиваемся — все чаще и чаще — и с иными видами переписки. Не предназначавшиеся изначально для чужих глаз те или иные комплексы писем приобретают черты подлинных «литературных памятников», занимая достаточно заметное место в художественной словесности. Как правило, такие эпистолярии принадлежат перу крупных писателей или общественных деятелей. Иногда это переписка-полемика, как письма Ивана Грозного и князя Курбского, иногда это захватывающий творческий диалог, как переписка Гёте и Шиллера или Андре Жида и Роже Мартен дю Тара. Иногда же это своеобразный эпистолярный дневник, как, например, письма Бальзака к Ганской или письма Стендаля к сестре Полине.

Остаются, наконец, письма любовные: письма Гёте к Беттине фон Арним, письма Виньи к загадочной Августе, переписка Жорж Санд с Альфредом де Мюссе. К этой интимной, глубоко личной переписке должны мы отнести и знаменитые письма Проспера Мериме к его

«незнакомке».

О значении этих писем, о том, как они были встречены, какой имели успех и сколько породили загадок, мы еще скажем. Сейчас же отмётим, что они несут на себе отчетливые черты «литературного памятника». Но «литературного памятника» особого. Они стали памятником — и как образец высокого литературного мастерства, и как волнующий человеческий документ — помимо и даже вопреки воле их автора. Сам Мериме публиковать эти письма не предполагал, хотя и не исключал такой возможности. Он, бесспорно, хранил ответные письма своей корреспондентки (как и письма всех тех, с кем вел активную переписку,— Стендаля, Тургенева и многих других его друзей, коллег и светских знакомых), но весь его драгоценный для истории литературы архив погиб в дни Коммуны во время пожара в парижской квартире писателя по Лилльской улице, 52.

«Литературным памятником» сделала эти письма их адресатка, скромная провинциалка Женни Дакен. Это она подготовила тексты писем Мериме для печати, это она сделала в них многочисленные купюры, подчас нарочито изменила даты, зашифровала имена, перепутала последовательность писем. И напечатала, очевидно,

далеко не все. Оригиналы писем Мериме к Женни Дакен все еще не разысканы, да и вряд ли будут разысканы когда-нибудь.

«Письма к незнакомке» стали «литературным памятником» прежде всего в читательском восприятии,— вот почему они столь часто переиздавались. Они были написаны той же рукой и с тем же талантом, что и лучшие художественные произведения Мериме, и это сразу же было замечено. Женни Дакен, видимо, тоже это поняла. Но она была «виновата» в появлении писем к ней Мериме в виде отдельной книги не только фактом ее публикации. Ее «вина», а точнее, ее заслуга в ином. Это она заставила Мериме написать эти письма, это она внушила ему сложное и подчас мучительное чувство, это она сумела поддерживать с ним

близкие (но совершенно не обязательно любовные) отношения на протяжении почти сорока лет. Поэтому личность Женни Дакен и сам характер ее взаимоотношений с Мериме представляют для нас первосте-пениый интерес.

2

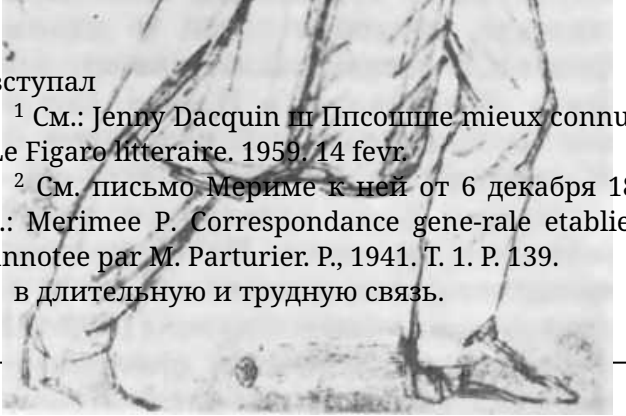
Все началось с довольно банальной романтической истории в духе самой посредственной

беллетристики. Юная провинциалка, молоденькая и хорошенькая, решается написать известному писателю достаточно смелое письмо, желая завязать переписку. Она выдает себя на первых порах- за англичанку, некую леди Алджернон Сеймур, немного художницу, задумавшую якобы серию иллюстраций к «Хронике царствования Карла IX». Мериме, сам великий мистификатор и любитель всяческих каверз и розыгрышей, попадается, тем не менее, йа удочку. Он поверил в существование юной английской лёди и очертя голову кинулся на поиски своей корреспондентки. Его письма к некоей г-же Лемер (опубликованные лишь в нашем веке[1])» через которую шла переписка, выдают его крайнюю заинтересованность и нетерпение. Чего ждал писатель от этой интриги? Пылкой любовной связи, волнующей и быстротечной? Дружбы-любви, т. е. не только физического наслаждения, но и духовной близости, в которой он всю жизнь так нуждался? Ответить на эти вопросы непросто, ибо то, о чем рассказал Мериле своим ближайшим друзьям, Бейлю и Шарпу, вряд ли вполне отражало его истинные побуждения. Скорее всего он не очень раздумывал, не строил далеко идущих планов. Он был молод, влюбчив и полагал,

что было бы глупо упустить столь неожиданно подвернувшийся «случай». Он с удовольствием втягивается в игру- сам пытается хитрить и мистифицировать, посылает незнакомке свой портрет и прядь волос, вовлекает в интригу друзей, в том числе Софи Дювосель (1789—1867), старую приятельницу Стендаля, падчерицу Кювье[2]. Итак, все обещало веселое приключение, но получилось не так, как предполагал Мериме.

Кто же та «незнакомка», женщина, сыгравшая столь значительную роль в жизни Мериме, появление писем к которой стало заметным литературным событием.

Женни Дакен, как уже говорилось, была провинциалкой. Это обстоятельство отметим, ибо с ним связаны по крайней мере три существенные черты и в ее характере, и в ее взаимоотношениях с писателем. Она воспитывалась, видимо, в достаточно консервативной среде, с юных лет усвоила определенную систему взглядов и правил поведения, что не могло не отразиться в дальнейшем на их отношениях. Она не была ни дамой полусвета, с которыми столь охотно общался Мериме в годы молодости, ни светской дамой, хозяйкой модного салона, в каких он влюблялся, за которыми почтительно ухаживал и с которыми порой



Проспер Мериме. Рисунок Давида д*Анже. 1825 г.

вступал

[1] См.: Jenny Dacquin m Ппсошпе mieux connue // Le Figaro litteraire. 1959. 14 fevr.

[2] См. письмо Мериме к ней от 6 декабря 1831 г.: Merimee P. Correspondance gene-rale etablie et annotee par M. Parturier. P., 1941. T. 1. P. 139.

в длительную и трудную связь.

Затем, Женни лишь бывала в Париже, наезжая туда от случая к случаю, большую же часть года проводила в провинции. Следовательно, виделись они не столь часто, и переписка во многом заменяла им непосредственное общение. Наконец, провинциальные архивы сохранились отчасти лучше столичных, и досужие исследователи отыскали-таки там следы загадочной «незнакомки» (впрочем, писем Мериме к Женни в провинциальных архивах нет).

Среди подобных энтузиастов следует назвать прежде всего Альфонса Лефевра, облазившего все

углы и закоулки Булонь-сюр-Мер, родного города Женни, и опубликовавшего посвященную ей книгу — обстоятельное исследование, базирующееся на достаточно большом числе всевозможных архивных материалов [113]. Это наиболее полная и наиболее документированная биография Женни Дакен.

Вышла книга уже давно, но лучшей не появилось, да и вряд ли появится: А. Лефевр сказал о Женни, видимо, все, что о ней можно было сказать.

Так кто же была Женни Дакен? Ее предки известны лишь с последней трети XVIII в. Это семьи Пайе и Дюпонов. Большинство представителей семейства

Пайе были бретонскими моряками. Их родовое гнездо — приморский городок Булонь-сюр-Мер. В этом же городе обреталась семья предприимчивых торговцев Дюпонов. Семьи породнились в 1786 г. Антуан-Николя Пайе не изменил профессии предков — он каждый год уходил на своем

113 notes: 113

См.: Lefebvre A. La Celebre «Inconnue» de Prosper Merimee. P., 1908. На следующий год книга была переиздана; она вызвала большое число рецензий, в том числе и в русской печати. См.: Незнакомка Проспера Мериме // Исторический вестник. 1909. № 3. С. 1226-1230.

корабле в Северное море и в Атлантику[114]. У него была дочь Жанна-Франсуаза-Виктория. Она родилась, видимо, в 1787 г. Будучи по тем временам уже не первой молодости, она вышла замуж за юриста из соседнего городка Монтрей-сюр-Мер Жюльена Дакена, который был старше ее всего лишь на один год. Свадьба состоялась 15 декабря 1810 г. Их первенец, интересующая нас «незнакомка», Жанна-Франсуаза появилась на свет в Булони 25 ноября 1811 г. В семье ее стали звать слегка на английский манер «Женни» (точнее «Дженни») [115].

Отец Женни вскоре после рождения дочери занял пост местного нотариуса. Жизнь его была довольно короткой — он внезапно скончался 31 января 1831 г. Женни к тому времени уже Добывала в Англии, где хорошо выучила английский язык, что позволило ей какое-то время прослужить гувернанткой в английской семье.

У Женни было три брата. Старший, Жюль (1814—1835), как видим, прожил недолго; недолговечны были и родившиеся в 1820 г. близнецы Луи и Огюст: второй скончался в 1856 г., Луи же

---

114 notes: 114

* См.: Lefebvre A. La Celebre «Inconnue» de Prosper Merimee. P. 63.

115 notes: 115

См.: Ibid. P. 67.

пережил брата всего на пять лет. В 1857 г. Женни потеряла мать[116]. Не очень долго прожил и ее любимый племянник Жан-Франсуа Дакен, который часто упоминается в письмах Мериме; он умер в январе 1862 г.[117] Так что жизнь корреспондентки писателя далеко не всегда была безмятежной и легкой.

Но Женни не очень долго пришлось жить на чужих хлебах; полученное в начале 1842 г. наследство позволило ей вести жизнь если и не широкую, то несомненно безбедную, обладать достатком, много путешествовать, покупать книги и дорогие безделушки, помогать семье брата Огюста. В состав наследства входила большая ферма в Пикардии. Семья брата обосновалась в Невере. Вот почему Женни так много разъезжала: она то появлялась в Париже (где сняла небольшую квартирку на улице Жакоб), то жила в родной Булони, то отправлялась в Невер.

Какова была культурная атмосфера в доме провинциального нотариуса, мы не знаем. Но то, что происходило в столице, не только живо интересовало провинциалов, но и вдохновляло

---

116 notes: 116

[в] См.: Ibid. P. 99.

117 notes: 117

См.: Ibid. P. 107.

их на подражания. Друг отца Женни, Пьер Эдуэн (1789—1869), тоже юрист, любил литературу и искусство, выписывал столичные журналы и был сторонником романтических затей. В его доме Женни читает модных авторов и под влиянием этого чтения сама берется за перо[118]. В просуществовавшем не очень долго и не очень регулярно выходившем периодическом издании «Романтические анналы» печатается ее стихотворение в прозе «Очарование» [119](1831) и стихотворение «Сомнение» [120][121] (1832). А. Лефевру удалось отыскать в местной газетке «Ла Булонез» еще несколько литературных опытов Женни Дакен. Это довольно слабое стихотворение «Гондола» [и]и три стихотворения в прозе, близкие к простым очерковым зарисовкам.— «Первая морская прогулка», «Счастье пожилой женщины» и «Один вечер из жизни молодой девушки» [12].

---

118 notes: 118
* См.: Ibid. P. 69.

119 notes: 119
См.: Ibid. P. 147 -151.

120 notes: 120
См.: Ibid. P. 167.

121 notes: 121
[41] См.: Ibid. P. 165-166.

Виктор Гюго.Рисунок П. Мериме

Литературная продукция Женни вполне ординарна; впрочем, ее стихи находятся, пожалуй, на уровне «средней» Марсе-лины Деборд-Вальмор и множества рядовых подражателей молодых Гюго и Мюссе. Отметим, однако, что наша «незнакомка» грешила стихами и прозой лишь в молодом возрасте, т. е. тогда, когда подобные грехи простительны. И очень скоро она поставила на них крест. Обратим также внимание на то, что в письмах Мериме нет ни слова о литературных опытах его корреспондентки. Мериме их не знал. Она их от него скрыла. А ведь их встреча состоялась как раз в тот год, когда в одном и том же томе «Романтических анналов» оказались напечатанными «Сомнение» Женни Дакен и новелла Мериме «Федериго»! Мериме на эти рядовые стишки внимания не обратил, тем более что они были подписаны не подлинным именем автора, а псевдонимом «Леона». Женни, видимо, на новеллу внимание обратила и написала ее автору письмо по-английски.

Так завязалась эта переписка, и одно из трех последних коротких писем, что Мериме набросал слабеющей рукой в день смерти, адресовано его «незнакомке».

Женни Дакен пережила Мериме на несколько десятилетий. Она скончалась в Париже, на улице Жакоб, 25 марта 1895 г.[13] Похоронена на знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез.

Итак, провинциальная барышня, увлекающаяся литературой, мечтающая, наверное, о сильном любовном чувстве, но человек вполне ординарный. Показательно, что по письмам Мериме, ей адресованным, мы ничего не можем сказать о ее литературных вкусах, привязанностях, увлечениях. Как бы говорит один Мериме, слышен только его голос, звучат только его оценки и суждения. Создается впечатление, что перед нами не часть диалога, а монолог. Что это — результат отбора, редактуры, отречения всего, что может пролить хоть какой-то свет на личность «незнакомки»? Или Женни была столь безлика? Думается, все-таки первое, иначе почему Мериме увлекся так сильно и так надолго? Впрочем, личные качества Женни Дакен могли быть не так уж и важны, ведь можно увлечься женщиной на первый взгляд довольно заурядной, можно — если есть для этого

внутренняя потребность и отсутствуют какие-то внешние, скажем, светские препятствия,— вдруг раскрыться перед ней и ощутить ее своеобразную близость. Но, повторяем, в н&шем случае мы остаемся в области предположения. Из писем Мериме к ней и из писем [122][123] самой Женни к родственникам, опубликованным А. Лефевром (он разы-скал и напечатал 128 ее писем — с 23 августа 1857 г. до 9 февраля 1895 г.[124]), видно, что она была заботливой сестрой и теткой, отчасти — пристальным наблюдателем событий, что разворачивались перед ее глазами, но от литературных интересов если и не вполне далеким, то не очень захваченным ими. По крайней мере в ее подлинных письмах эти интересы не отразились. И лишь в трех письмах (перевод которых мы публикуем в «Дополнениях») идет речь о Мериме.

Что же их связывало, вернее, что же их связало так крепко и по сути дела навсегда? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, посмотрим, с каким «багажом» — творческим, политическим,

---

122 notes: 122
[12] См.: Ibid. P. 152-164.

123 notes: 123
См.: Ibid. P. 135.

124 notes: 124
“ См : Ibid. P. 171-376.

эмоциональным — пришел Мериме на роковую встречу в Булонь-сюр-Мер 29 декабря 1832 г..

3

Жизнь Мериме хорошо изучена[125], переписка его опубликована с исчерпывающей полнотой-[126] (что не исключает, конечно, возможности обнаружения его отдельных писем в архивах и коллекциях). Его» место в истории французской литературы • определено. Позволим себе относительно этого привести очень точное суждение Ю. Б. Виппера: «Мериме в отличие от Стендаля и Бальзака не становился властителем дум целых поколений: воздействие, оказанное им на духовную жизнь Франции, было менее широким и мощным. Однако эстетическое? значение его творчества велико. Созданные им произведения неувядаемы: столь глубоко воплощена в них жиз-

---

125 notes: 125

Укажем лишь основные работы, посвященные жизненному пути Мериме: Нат-sonville O. d\ Etudes biographiques et litteraires: Prosper Merimee. P., 1885; Fi-Ion Au. Merimee et ses amis. P., 1894; Chambon F. Notes sur Prosper Merimee. P., 1902; Trahard P. La jeunesse de Prosper Merimee. P., 1925. T. 1-2; Idem. Prosper Merimee de 1834 a 1853. P., 1928; Idem. La vieillesse de Prosper Merimee. P., 1930; Виноградов А. К. Мериме в письмах в Соболевскому. М., 1928; Baschct /?. Du romantisme au second empire: Merimee. P., 1958; Billy A. Merimee. P., 1959; Leon P. Merimee et son temps. P., 1962; Фрестье Ж. Просиер Мериме: Пер. с фр. М., 1987.

126 notes: 126

[48] Merimee P. Correspondence generale. etablie et annotee par M. Parturier. P.; Toulouse, 1941—1964. T. 1—17.

ненная правда, столь совершенна их форма» [127]. И несколько ниже: «Восприняв передовые традиции французской повествовательной прозы XVIII века, следуя заветам Лесажа и Прево, Вольтера — автора философских повестей, и Дидро-беллетриста, Ме-риме-новеллист выступил вместе с тем смелым новатором, расчищавшим путь дальнейшим завоеваниям Флобера, Мопассана и Анатоля Франса. Творчество Мериме принадлежит к числу самых блестящих страниц в истории французской литературы XIX столетия» [128].

Очень существенно, что хотя Мериме и был несколько моложе таких своих современников, как Стендаль, Бальзак, Гюго (Мериме родился 28 сентября 1803 г.), он очень рано включился в романтические битвы и первыми своими произведениями — циклом пьес «Театр Клары Гасуль» (1825), сборником подражаний южнославянскому фольклору «Гюзла» (1827), исторической драмой «Жакерия» (1828), историческим романом «Хроника царствования Карла IX» (1829)—во многом способствовал утверждению и победе

127 notes: 127

[47] Виппер Ю. Проспер Мериме // Мериме П. Собр. соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 1. С. 3.

128 notes: 128

[48] Там же. С. 22.

новых веяний в литературе. Он стартовал бурно и за какие-нибудь три-четыре года приобрел большую известность, выдвинувшись на литературную авансцену. Таким образом, Женни Дакен написала письмо писателю молодому, но уже весьма знаменитому. Однако после столь стремительного начала, после пестроты и разнообразия жанров, к которым обращался писатель, Мериме вскоре переходит к более замедленному творческому ритму, работая почти исключительно в жанре новеллы и повести. И в определенной мере получилось так, что широкую известность принесли Мериме произведения его молодых лет, подлинная же слава как замечательного мастера новеллы, как мастера психологической интриги и тонкого стилиста связана с более поздним его творчеством.

Парижская лоретка. Рисунок П. Мериме

Итак, к концу 1831 г. Мериме был уже известным писателем, активным участником первых романтических битв (хотя его место в романтизме было особым: его крайностей он не разделял,

в большей мере тяготея к реалистическим традициям предшествующего столетия). Поэтому далеко не случайно молодая провинциалка захотела заполучить его автограф и, возможно, действительно намеревалась сделать иллюстрации к его «Хронике». Вряд ли ей был ясен человеческий облик Мериме тех лет. Та блестящая характеристика Мериме, которую мы находим у И. С. Тургенева (ниже мы ее приведем), не очень применима к молодому человеку, водившему дружбу со светскими щеголями и озорными прожигателями жизни вроде молодых Мюссе и Делакруа или более старших в этой компании Стендаля и Саттона Шарпа. В конце 20-х годов Мериме вел жизнь достаточно рассеянную: попойки и кутежи удачно совмещались со связями с гризетками, светским волокитством и — менее легко — с серьезным творчеством.

В 1830 г. начинается череда путешествий Мериме (в конце июня он отправляется в столь влекущую его Испанию), а затем и его чиновническая карьера. Сначала писатель попадает в аппарат Морского министерства, где он пробыл всего полтора месяца, перейдя в середине марта

1831 г. в Министерство торговли и общественных работ. В конце декабря

1832 г. Мериме назначается заведующим канцелярией Министерства внутренних дел. Но все эти достаточно значительные посты явно не могли его удовлетворить. И вот 27 мая 1834 г. состоялось новое назначение писателя — на этот раз уже на многие годы: он становится инспектором исторических памятников. Что дало писателю это назначение? Очень многое. Оно сполна удовлетворило его неутолимую потребность в путешествиях — ведь находясь на этом посту, Мериме объездил, по сути дела, всю Францию. Мериме недаром родился и вырос в семье художников: он был страстным любителем архитектуры, живописи (сам неплохо рисовал, о чем постоянно идет речь в его письмах к «незнакомке»), вообще культуры, и во время поездок он не просто сталкивался с ее памятниками, открывая для себя их непреходящую красоту, но и активно вмешивался в их судьбу. Многое ему удалось разыскать, спасти, восстановить, ввести, как говорится, в научный обиход[129]. Его письма-отчеты министрам об инспекционных поездках, его дружеские послания коллегам по Комиссии памятников или местным археологам-энтузиастам

129 notes: 129

См.: Leon P. La Vie des monuments fran$ais: Destruction, restoration. P., 1951$_v$passim.

пестрят интересными соображениями о том или ином памятнике, его датировке, первоначальном виде, путях его реставрации. И почти в каждом из этих писем — беглые зарисовки пером, изображающие то старинный собор, арку, крепостную стену, то интересную скульптурную деталь, рисунки скупые, но динамичные, очень выразительные* так напоминающие пушкинские. Эти поездки отразились и в целом ряде книг писателя -- очерках-отчетах о четырех его путешествиях [130], в работах по средневековому искусству[131], наконец, в художественных произведениях, в таких, например, как «Венера Илльская» или «Коломба». Мериме во время поездок не только осматривал старинные постройки, он внимательно наблюдал провинциальные нравы, подмечал характерные* типажи, запоминал местные анекдоты и предания.

Изменились ли политические взгляды Мериме в послереволюционный период? Существенным образом — вряд ли. Быть может, писатель

---

130 notes: 130

Cm.: Merimee P. Notes d'un voyage dans ie Midi de la France. P., 1835; Notes d'un voyage dans 1'Ouest de la France. P., 1836;, Notes d'un voyage en Auvergne. P.» 1838; Notes d'un voyage en Corse. P., 1840.

131 notes: 131

Cm.: Merimee P. Etudes sur les arts du Moyen Age. P., 1967.

несколько отошел от своего былого республиканского радикализма, но не строил никаких иллюзий относительно режима Июльской монархии. Как и для его друга Стендаля, для Мериме засилье «лавочников» было ненавистно. Он на всю жизнь остался либералом, но либералом весьма своеобразного, консервативного толка, что единственно и могло позволить сохранить независимость суждений и самостоятельность оценок. Тот облик холодного наблюдателя, суховатого и ироничного, о котором

Дама в бальном платье. Рисунок П. Мериме

пишут многие современники Мериме, сложился, конечно, не сразу, и в пору знакомства с Женни Дакен оп еще не утратил ни юноше ; >го энтузиазма, ни склонности к романтическим авантюрам. Но государственная служба, вся атмосфера, воцарившаяся во Франции в эпоху правления Луи-Филиппа, во многом способствовали тако-

му человеческому преображению Мериме. Он замкнулся, «застегнулся на все пуговицы», как говорят французы. В таких условиях обычно очень нужна, просто необходима подлинная дружба, внимание и понимание близкого человека.

Таким образом, знакомство Мериме с Женни Дакен произошло в момент значительного перелома в его творческой, общественной, личной судьбе. О последней следует сказать особо.

В жизни Мериме было много женщин. С одними он состоял в дружеских отношениях, переписывался, делился своими интересами и планами. И хотя нельзя не видеть различия в оттенках, основной смысл отношений был один и тот же: это неизменно была дружба, отмеченная джентльменским отношением писателя к той или иной его приятельнице. Были — в молодости — случайные любовные связи, о которых просто не стоит говорить, но были — также в молодые годы — достаточно сильные увлечения, протекавшие стремительно и бурно. Их «предметы» нам более или менее известны. Это, например, посредственная актриса парижского театра-варьете Селина Кайо, которой в 30-е годы немного увлекался и Стендаль. Это Мелани Дубль, молоденькая и хорошенькая буржуазка,

родители которой были всерьез напуганы ухаживаниями такого повесы, каким слыл (да и был) в те годы Мериме. (Позже он признается Жен-ни: «Как странно все складывается в моей жизни: заделавшись отменным негодяем, я года два жил с прежней своею доброй репутацией, а став снова человеком высокой морали, продолжаю слыть негодяем» — письмо 26, далее — п.) Это, наконец, Эмилия Лакост, блестящая красавица, надменная и своевольная, из-за которой писатель дрался на дуэли (ее черты не без основания видят в Диане де Тюржи, героине «Хроники» [132]). С Эмилией Мериме, видимо, был действительно счастлив. Но роман их продолжался недолго. Что положило ему конец? Взаимное охлаждение? Новое увлечение одного из партнеров? Видимо, всего понемногу.

Но показательно, что на рубеже 20-х и 30-х годов Мериме особенно много пишет о любви. Книгу своего друга Стендаля «О любви» он, конечно, хорошо знал, но составил об этом чувстве свою собственную, отличную от стендалевской, теорию. И постоянно применял ее «на практике». Было бы наивным искать ее изложения в его

---

132 notes: 132
См.: Фрсстье Ж. Указ. соч. С. 33.

переписке: с друзья-ми-мужчинами Мериме, конечно, откровенен, но играет роль циничного вертопраха, с друзьями-женщинами он откровенен тоже, но по-иному, он и тут опять-таки играет какую-то роль — скорее всего разочаровавшегося в любви скептика; подлинные любовные письма Мериме, как правило, не сохранились: ни Селина Кайо, ни Эмилия Лакост их не берегли, Валентина Делессер в момент разрыва по обоюдной договоренности его письма уничтожила, а ведь она была самой сильной любовью Мериме (их связь длилась с 1836 по 1854 г.).

Остаются письма к Женни Дакен, которыми мы еще займемся, и художественные произведения писателя.

Африканские страсти «Театра Клары Гасуль» и «историческая» любовь «Хроники царствования Карла IX» здесь вряд ли нам в чем-то помогут; полезнее остановиться на двух новеллах Мериме, которые как бы обрамляют его знакомство с Женни Дакен. Это «Этрусская ваза» (1830) и «Двойная ошибка» (1833).

Автобиографичность этих произведений Мериме обычно подчеркивают. Но в чем она? Не в сюжете, конечно: в жизни Мериме таких стечений обстоятельств не было. Известный

автобиографизм присутствует в образах главных героев этих произведений, особенно первой новеллы. Действительно, Мериме явно думал о себе, когда писал в «Этрусской вазе»: «Огюста Сен-Клера не любили в так называемом «большом свете»; главная причина заключалась в том, что он старался нравиться только тем, кто приходился ему по сердцу. Он шел навстречу одним и тщательно избегал других. К тому же он был беспечен и рассеян^..) и с знатным вельможей, и с знаменитостью, и даже с самой модной красавицей он обращался так же свободно, как если бы говорил с равным себе» [133]. И особенно дальше: «Он родился с сердцем нежным и любящим; но в молодости, когда так еще легко воспринимаются впечатления — впечатления, отражающиеся потом на всей жизни,— его слишком пылкая натура навлекла на него насмешки товарищей. Он был горд и самолюбив. Он, как ребенок, дорожил чужим мнением. Он призвал все свои силы, стараясь научиться скрывать все то, что, по его тогдашним понятиям, считалось унизительною слабостью. Цель была достигнута; но такая победа над собой обошлась ему дорого. Перед людьми

---

133 notes: 133
Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 430.

ему действительно удавалось скрывать ощущения нежной души своей; однако ж терзался он ими тем сильнее, чем больше замыкался в самом себе» [134]. Полюбить такой молодой человек может сильно и искренне, поверить в любовь ему значительно труднее. Полагают, что это «история ревности без причины» [135]. Такое суждение вряд ли справедливо. У ревности Сен-Клера причина есть, и причина эта тем более серьезна и основательна, что она — в его характере. Сен-Клер, как верно отмечал Ю. Б. Виппер, «человек искренний, способный, не в пример своему опустошенному светскому окружению, испытать сильное чувство» [136]. Но в нем сильна также ранимость, незащищенность, неуверенность в себе, что неизбежно оборачивается внешним скепсисом и внутренней боязнью раскрыться, довериться, поверить. Он даже как-то охотно верит грязным сплетням о Масиньи и Матильде де Курси, которую любит нежно и трепетно. Было бы ошибкой полагать, что общество сплетничает и клевещет

---

134 notes: 134
Там же. С. 431.

135 notes: 135
фрестье Ж. Указ. соч. С. 41.

136 notes: 136
Виппер Ю. Указ. соч. С. 14-15.

специально для того, чтобы погубить героя. Он кажется этому обществу порой странным, но в этом самом обществе у него есть искренние друзья вроде Альфонса де Темина, от руки которого ему суждено погибнуть. Конечно, это общество в какой-то мере противопоказано герою, но он этому обществу совсем не противопоказан, он хорошо в него вписан и сам не прочь иногда поострить и позлословить. Таким был и сам молодой Мериме, судя по его письмам к близким друзьям, особенно к Стендалю и Шарпу. В письме к Женни он позже скажет: «Не стану отрицать, что в определенный период жизни я водил знакомство с очень дурной компанией. Но прежде всего я бывал там из любопытства и всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Что же до хорошего общества, оно зачастую казалось мне смертельно скучным» (п. 27). Это ли не позиция героя «Этрусской вазы»? Да и так ли уж бездушно и опустошено так называемое светское общество? Это стало общим местом для пышно расцветшей в первой половине XIX столетия «светской» повести и романа. Но почти все герои подобных произведений непременно являются исключением из общего правила: они «духовны», полны глубокой внутренней жизни. Таковы же обычно и их друзья, да и их возлюб-

ленные. Так что «бездушие» света стало, скорее всего, не столько литературным, сколько литературоведческим штампом.

Трагедия Сен-Клера — это трагедия одинокой души, замкнувшейся в самой себе, это трагедия ревности, старательно ищущей себе пищу. Одна любовь рождает чувство безмятежного счастья, другая — вечную тревогу, боязнь обмануться и — как раз из-за этой боязни — неудержимое стремление оказаться обманутым, вернее, избежать обмана, предугадав, предвосхитив его. Сен-Клер полюбил в Матильде не просто хорошенькую женщину, а женщину, которая захотела статй ему близкой, ибо имела для этого все основания. Если угодно, герой и героиня «Этрусской вазы» также совершают «двойную ошибку»: он слишком дает волю своей ревности, оказывается слишком недоверчивым и подозрительным, не поверив в беспредельную искренность своей возлюбленной, она же не до конца (или слишком поздно) понимает всю тонкость и ранимость его души.

Новелла «Двойная ошибка» создана в период самого начала знакомства с Женни Дакен. Автобиографический элемент здесь просматривается в меньшей степени, и исследователи на нем не

настаивают. Однако и здесь отразился личный опыт Мериме, его размышления о любви и о счастьи.

Полагают, что новелла несколько растянута [27], но длинноты не сделали ее маленьким романом. Между тем новелла построена с изумительным мастерством, вполне в духе Мериме. Первая ее половина посвящена ухаживаниям за Жюли Шатофора и страданиям молодой женщины из-за грубости, холодности и скандальных измен мужа. Мериме^ исподволь готовит читателя к тому, что Жюли вот-вот ответит на чувство Шатофора. Однако писатель и в этом случае умело мистифицирует читателя, слегка подсмеивается над ним, ибо сюжет неожиданно делает крутой поворот. Падение Жюли происходит, но его виновником оказывается совсем не Шатофор. Ухаживания Шатофора обречены на неудачу, так как вполне укладываются в те светские нормы, в которых столь быстро разочаровалась Жюли де Шаверни. «Она была молода, красива и замужем за человеком, который ей не нравился,— пишет Мериме,— вполне понятно, что ее окружало далеко не бескорыстное поклонение. Но, не считая присмотра матери, женщины очень благоразумной, собственная ее гордость (это был ее недостаток)

до сей поры охраняла ее от светских соблазнов. К тому же разочарование, которое постигло ее в замужестве, послужив ей до некоторой степени уроком, притупило в ней способность воспламеняться. Она гордилась тем, что в обществе ее жалеют и ставят в пример как образец покорности судьбе. Она была по-своему даже счастлива, так как никого не любила, а муж предоставлял ей полную свободу. Ее кокетство (надо признаться, она все же любила порисоваться тем, что ее муж даже не понимает, каким он обладает сокровищем) было совершенно инстинктивным, как кокетство ребенка. Оно отлично уживалось с пренебрежительной сдержанностью, совсем непохожей на чопорность. Притом она умела быть любезной со всеми, и со все-

ми одинаково. В ее поведении невозможно было найти ни малейшего повода для злословия» [137].

Тем самым воображение Жюли может поразить лишь человек не то чтобы иного круга, но иного сорта и, главное, иного эмоционального мира. Таким и оказывается Дарси. В годы юности, лет шесть-семь тому назад их связывала

---

137 notes: 137

Мериме П. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. С. 7.

своеобразная дружба, вернее сообщничество; они заключили почти молчаливое соглашение поддерживать друг друга и тем «самым противостоять светскому злословью. Романа между ними не было, лишь взаимная склонность, которая легко могла бы перерасти в роман. Оба были молоды, красивы, остроумны, язвительны, самолюбивы. Но он был беден, она же — завидная невеста. И тут Дарси неожиданно получил назначение в Константинополь, а в его отсутствие Жюли вышла замуж. Для молодой женщины с ним связаны, таким образом, не воспоминания о былом увлечении, а лишь смутная память о предощущении чувства, о годах юности, которые непременно кажутся счастливыми. И вот когда Жюли и Дарси случайно оказываются в опасной тесноте кареты, эти воспоминания на них нахлынывают — и как раз в соответствующем восприятии — как о счастливейших мгновениях жизни. Оба признались, что чувствуют себя одинокими, а потому — несчастными. Оба подумали, что мечтают о подлинной любви. Жюли показалось, что она действительно влюблена, Дарси же был сильно, слишком сильно, взволнован. В этом: была первая ошибка каждого из них.

Известна последняя фраза новеллы (отсутство-

вавшая, между прочим, jb первом издании): «Эти две души, не понявшие одна другую, были, может быть, созданы друг для друга» [138]. Она вызывала немало споров, ибо не вполне проясняет смысл «Двойной ошибки». Так что же помешало героям понять друг друга? Помешал, конечно, не некий «эгоизм», с котором подчас пишут. Во многом помешали царившие в обществе отношения между людьми, и поэтому вполне прав Ю. Б. Виппер, когда отмечает, что «истоки зла, уродующего жизнь хороших по своим задаткам людей и мешающего им достичь счастья, коренятся в самой природе господствующего общества» [139]. А как же иначе? Характеры героев сформированы их средой, вот почему в Жюли так много светского кокетства. Впрочем, вспомним суждение самого Мериме об этой новелле, высказанное много позже (и как всегда, очень самокритичное). Весной 1864 г. юн писал одной из знакомых: «Бывают кокетки, которые действительно любят. Что же происходит в их сознании? Когда-то я попытался затронуть этот вопрос, но потерпел полное фиаско, ибо ничего не понимаю в жен-

138 notes: 138
Там же. С. 67.

139 notes: 139
Виппер Ю. Указ. соч. С. 15.

щинах» [140]. Это, конечно, типичная для Мериме рисовка: в женщинах, в их характерах и чувствах он разбирался прекрасно. Жюли де Ша-верни и Дарси — характеры индивидуализированные, их детерминированность общественной средой весьма относительна. Влияние общества, тем самым, ложится как бы на различный субстрат. Жюли и Дарси в общем оба плывут по течению, не стараются бороться с обстоятельствами. И в этом тоже их ошибка. Но главное — в характерах обоих в очень сильной степени дает о себе знать скептическое отношение к жизни, человеческим чувствам, в конце концов — неверие в подлинные любовь и счастье.

«Он был слегка мизантроп, обладал едким умом»[141]. Это Меримо о Дарси. «Похож на свои сочинения: холоден, тонок, изящен, с сильно развитым чувством красоты и меры и с совершенным отсутствием не только какой-нибудь веры, но даже энтузиазма» [142]. Это молодой Тургенев

---

140 notes: 140

Мёптёе P. Correspondance generale... Toulouse, 1958. T. 12. P. 93.

141 notes: 141

Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 27.

142 notes: 142

[83] Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1961. Т. 3. С. 97.

о стареющем Мериме. К тому времени (февраль 1857 г.) французский писатель уже завершил лепку своего человеческого образа; в нору написания «Двойной ошибки» он был в самом начале этой работы. Но направление ее определилось давно. И тут перед нами несомненная человеческая трагедия. Открытый для любви и дружбы, Мериме с каждым прожитым годом все более разуверялся в них (и все-таки их неустанно искал), замыкался в себе, погружался в спасительный скепсис.

Об этом писали все, кто его знал или хотел понять. И. С. Тургенев: «Под наружным равнодушием и холодом он скрывал самое любящее сердце; друзьям своим он был неизменно предан до конца; в несчастий он еще сильнее прилеплялся к ним, даже когда это несчастие было це совсем незаслуженное <...> В нем с годами все более и более развивалось то полунасмешливое, полусочувственное, в сущности, глубоко гуманное воззрение на жизнь, которое свойственно скептическим, но добрым умам, тщательно и постоянно изучавшим людские нравы, их слабости и страсти» [143]. Ипполит Тэн: «В нем как бы жило два человека: один, живший в свете,

143 notes: 143
Там же. Т. 14. С. 212-213.

сполна расплачивался за взятые на себя обязательства и сообразовывался с принятыми там условностями; другой, держащийся в стороне или даже над первым, с насмешливым видом и покорностью* судьбе взирал окрест себя» [144]. Анатоль Франс: «Под маской холодного цинизма скрываются черты нежные и строгие, которых, однако, никто не видел. Застенчивый и гордый по природе, Мериме рано замкнулся в самом себе и еще в юности приобрел тот сухой и иронический облик, который сохранил на всю жизнь. Сен-Клер из «Этрусской вазы» — это он сам» [145].

Чувство одиночества преследовало Мериме долгие годы; им окрашены и его произведения, и, естественно, его письма. «Жениться мне уже поздно,— пишет он в 1855 г. одной из знакомых,— но мне хотелось бы найти какую-нибудь маленькую девочку и воспитывать ее. Мне не раз приходила мысль купить такого ребенка у цыганки, ибо, даже если мое воспитание и не принесло бы хороших плодов, я все же не сделал бы маленькое существо еще несчастнее. Что вы

144 notes: 144

[85] Taine H. Prosper Merimee // Мёгйпёе P. Lettres a une inconntfe. T. 1. P. VII.

145 notes: 145

Франс А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 110.

на это скажете? И как бы раздобыть такую девочку? Беда в том, что цыганки очень уж черны и что волосы у них, как конская грива. И почему только нет у вас какой-нибудь золотоволосой девчурки, которую вы могли бы мне уступить?» [37]Эта тема возникает и в других письмах. Так, в сентябре 1857 г. он признается г-же де Монтихо: «Мне кажется, что в жизни можно заниматься двумя вещами. Первая состоит в том, чтобы, если это возможно, избегать совершать глупости. Вторая же заключается в том, чтобы насколько возможно философски относиться к последствиям, коль скоро глупости наделаны. Вы знаете, как я провел лучшую часть своей жизни. Возможно, все это были глупости в духе пошлого романа. Но роман этот имел для меня довольно печальную развязку. Все мои ухищрения, все мои планы на будущее, правда, достаточно туманное, рухнули. У меня нет ни храбрости, ни сил на то, чтобы строить новые планы. Единственное преимущество, которое я смог бы теперь найти в женитьбе, это немного нежности во время болезни и особенно в тот весьма неприятный момент, когда надо будет отправляться в иной мир. Подходя к этому эгоистически, такое преимущество стоило бы обдумать. Но с другой стороны, все это ужасно

— и ответственность перед женщиной, и заботы о ней, и то будущее, на которое ее обрекаешь. Как-то у меня был кот, и я очень любил с ним играть. Но когда у него появлялось желание навестить кошек на крыше или мышей в погребе, я задавал себе вопрос, jMory ли я удерживать его около себя ради своего собственного удовольствия. И точно такой же вопрос задавал бы я себе, и с еще большими угрызениями совести, относительно женщины. Будь я уверен, что оставлю после себя что-то путное, я бы предпочел иметь девочку, которую я бы постарался воспитать очень хорошо. Но ведь это весьма сомнительная лотерея. Я думаю, что самое лучшее, это привыкнуть жить, как живет дерево, и этому покориться» [38].

Как многие замкнутые и самолюбивые люди, Мериме мог быть поразительно откровенным, и это бывала откровенность подлинная и искренняя, но — до определенных пределов. Мериме не боялся раскрыться — в разговорах или письмах,— так как знал, что положенной им самим черты он не перейдет, что самое сокровенное все равно останется в глубине •его души. Это надо помнить, читая его переписку.

В момент знакомства с Женни Дакен в нем еще боролись романтические порывы юности с трез-

востью зрелых лет. Но те ранимость и неверие в любовь и счастье, чем были отмечены характеры Сен-Клера ж Дарси, все более овладевали его сердцем. И общение с Женни, влюбленность в нее и последующая дружба с нею приносили, конечно, удовлетворение и радость, но с годами способствовали развитию чувства одиночества, которое Мериме болезненно переживал при всей светскости* жри всей открытости его жизни.

[37] Merimee P. Correspondence generate... Toulouse, 1953. T. 7. P. 442. ** Ibid. T. 8. P. 375-376.

4

О письмах Мериме к его «незнакомке», о том, насколько можно (точнее, нельзя) им верить, с большой убежденностью, но очень неверно сказал в свое время П. В. Анненков. «Людям, занимающимся составлением характеристик замечательных современников на основании таких* по-видимому, несомненных документов, как подлинные письма,— писал он в воспоминаниях о Тургеневе,— можно только рекомендовать боль$_{т}$шую осторожность при выводах, к каким документы эти дают повод. В иностранных литературах мы имеем многочисленные примеры, к каким ложным заключениям приводят даже любопытные, а особенно весьма пикантные

издания, опубликованные вскоре после смерти замечательных личностей и содержащие их интимную и задушевную переписку! (См. Lettres de Merimee a une inconnue, переписку Варнгагена ф. Энзо с Алекс. Гумбольдтом, изданную г-жой Ассинг. и проч., проч.) Каждая переписка заключает в себе столько случайных настроений автора* столько желания сказать более того, что находилось в мысли и чувстве ее автора, что часто приговоры ее о людях и вещах противоречат действительному их значению. Издателю необходимо знать сущность коренных нравственных основ писателя, чтоб исправлять мимолетные увлечения его пера и не давать им смысла общественных обличений, чистосердечных откровений» [39].

Отдельное суждение, одна фраза в письме, передающие мимолетное настроение пищущего, могут, конечно, быть случайными (да и то не всегда). .Но письма в целом, бесспорно, воссоздают облик их автора* его взаимоотношения с адресатом. Так было и с письмами Мериме к Женни Дакен.

Первые двенадцать писем написаны до встречи, все в 1832 г. Все это пока еще откровенная игра, увлекательный флирт. Мериме в этих письмах

явно рисуется, поучает, хочет выглядеть многоопытным и во всем разочаровавшимся. Уже тут появляется мотив старости (это в двадцать-то девять лет!), явно неискренний: «Я уже старик и к красоте почти бесчувствен» (п. 6). Он играет в одиночество, показывая, однако, что это игра. И вот это было двойной мистификацией: Мериме был действительно одинок и от этого страдал. Но еще точнее, думал, что одинок, и хотел от этого страдать. И с первых писем, естественно, разговор о любви. А иначе зачем же знакомиться? Но разговор не без осторожности, не без оговорок, видимо, чтобы не спугнуть добычу: «Я люблю Вас, как четырнадцатилетнюю племянницу, которая отдана мне на воспитание» (п. 4). Или даже так: «Влюбляться в Вас я не стану. Несколькими годами раньше такое могло бы еще случиться, ныне же я слишком стар и слишком был несчастлив. Влюбиться я бы уже не мог, ибо фантазии мои привели меня к немалым desenganos <разочарованиям> в любви» (п. 5). Как эта знакомо и как это банально: твердить о старости, об избытке горького

жизненного опыта, о невозможности любить! Не хватает только рассуждений о возможном взаимном разочаровании.

Впрочем, есть и это — в 12-ом письме.

Совершенно условны, наигранны в этих первых письмах самохарактеристики Мериме: «скромность — наивысшая моя добродетель» (п. 1); «слабость Ваша и склонность к ревности — достоинства у женщин, но недостатки у мужчин. Мне же присущи обе эти черты» (п. 3); «Вам известно, что я уродлив, чрезвычайно капризен, вечно рассеян, люблю подразнить и бываю совершенно несносен, когда дурно себя чувствую» (п. 6) и т. д.

Автопортрет Проспера Мериме,

1334 г.

А вот нотки искренние, хотя и они не знающему Мериме могут показаться наигранными: «для меня не было бы блага выше, нежели иметь человека, которому я мог бы поведать все мысли мои — и прошлые, и нынешние» (п. 3); «быть может,

Вы приобретете истинного друга, а я, быть может, найду в Вас то, что давно уже ищу,— женщину, в которую я не влюблен, но к которой могу питать доверие» (п. 5); «я и не хочу влюбляться, я хочу лишь иметь друга-женщину» (п. 6); «я предлагаю Вам добрую дружбу, которая, как я надеюсь, станет когда-нибудь нужна нам обоим» (п. 12).

В последнем письме, предшествующем свиданию (оно датировано 10 декабря), утверждается со всей непреложностью: «Мы никогда не полюбим друг друга плотской любовью. Я имею в виду Вас и себя. Само начало знакомства нашего уберегает нас от этого. Оно ведь куда как романтично» (п. 12).

А как произошло в действительности? Мы можем только догадываться. Письма на этот счет очень молчаливы. В них немало загадочного. В самом деле: что же произошло после свидания в Булони, когда писатель был так очарован, так увлечен? После встречи наступает долгое, более

чем полуторагодовое молчание. К 1834 г. относятся всего четыре письма, заполненные в основном описанием его инспекционных поездок (они посланы из Аваллона, Авиньона, Тулона и Перпиньяна). А затем — огромная пауза, растянувшаяся более чем на шесть лет — до декабря 1840 г. Как объяснить столь долгое молчание? Ну, во-первых, на эти годы приходится начало любовной связи Мериме с Валентиной Делессер, как всякое подобное начало, по-видимому, счастливое. Во-вторых, почему бы Женни не изъять, не утаить какие-то письма? Но второе маловероятно: подлинный любовный всплеск в их отношениях явно приходится на 1842—1844 гг., когда акции Валентины заметно падают. Но до этого был опять более чем годовой перерыв в переписке.

В 1842 г. Мериме послал Женни Дакен 20 писем, а в 1843 — 47S В 1844 г. наступает некоторый спад: к этому году относятся уже всего 16 писем, и распределяются они довольно неравномерно — с апреля до августа опять загадочное молчание.

Самые взволнованные, самые искренние письма — это те, что бывали написаны в момент напряженных общений, постоянных прогулок и встреч, когда письма продолжали устные разговоры и досказывали то; что не было сказано

с глазу на глаз. Теперь перед нами уже не банальный флирт, не стандартная любовная игра, а «поединок роковой», напряженный и подчас окрашивающийся в трагические тона. В письмах этих трех лет много упреков Мериме Женни Дакен — в холодности, невнимательности к нему, в том, что она ему не доверяет, не хочет перед ним раскрыться со всей той искренностью и простотой, каких он заслуживает: «Мне любопытно было бы знать,— пишет он в 1842 г.,— как Вы ко мне относитесь, да только могу ли я о том узнать? Вы никогда не выскажете мне ни всего хорошего, ни всего дурного, что Вы обо мне думаете» (п. 23). Он часто упрекает Женни в том, что она недостаточно ценит его любовь, не пытается его понять, узнать поближе. И поэтому все время звучит тема разрыва, неизбежного, неотвратимого. Но рядом — тема торжествующей любви, взаимной, разделенной. Например: «Как собираетесь Вы вести спор на предложенную Вами тему: „Кто любит сильнее?[44]“» (п. 83). Или: «Начиная нашу переписку, мы щеголяли остроумием, а чем мы занялись потом?» (п. 28). Или еще: «Разве столь необыкновенное чувство сродства, какое иной раз мы испытываем, какое нынче утром, например, увело нас туда, куда идти нам было вовс|е и

ни к чему, не обладает властью, более сладостной и могучей, чем та власть, которую может дать Вам сатанинская Ваша гордыня?» (п. 90).

В эти годы Мериме несомненно стал в какой-то момент любовником Женни Дакен. И хотя при публикации писем из них, видимо, старательно убирались все намеки, которые могли бы скомпрометировать возлюбленную писателя, сделано это было не очень аккуратно: кое-что все же осталось. Как иначе понять такое, например, восклицание-вопрос в письме 1856 г.: «Неужели правда он был, тот странный вечер в Версале, а после такое же странное утро?» (п. 169)? Или как истолковать такие, скажем, многозначительные упреки: «Вы всегда боитесь первых порывов; неужто Вы не видите, что только они чего-то стоят, только они поистине счастливы?!» (п. 53); «Вы желаете, чтобы я превратился в статую, я же, напротив, хочу, чтобы Вы не были ею» (п. 77). Во многих письмах мы цаходим отголоски недавних свиданий. Как правило, это бывали совместные прогулки в окрестностях Парижа (у Женни к тому времени уже была парижская квартирка), и нередко Мериме вспоминает, что они зашли совсем «не туда». Надо ли это понимать исключительно топографически?

Верный показатель сильного увлечения — это просьбы о встрече сразу же после очередного свидания, это упреки в том, что свидания редки и непродолжительны; например: «Вы обходитесь со мною так, как с нами обходится солнце, показываясь на небе не чаще раза в месяц» (п. 86). Судя по письмам, они часто ссорятся, но эти размолвки также являются верным показателем взаимной любви, хотя Мериме находит этому другое объяснение: «Не ссориться нам невозможно. Слишком мы разные» (п. 78). Об этом же говорят упреки в том, что Женни не старается его понять, хотя в действительности, видимо, было как раз наоборот. Вообще этот мотив непонимания, любви-отталкивания, носящий, бесспорно, ярко выраженный компенсаторный характер, говорит о силе и глубине чувства. А разговоры о том, что разлука неизбежна, хотя их и тянет неудержимо друг к другу, говорит как раз о настоящей влюбленности и о том, что чувство его находит ответ.

Именно в эти годы Мериме мог бы воскликнуть вслед за своим героем Сен-Клером: «Наконец-то встретил я сердце, которое меня поняло!.. Да, я встретил свой идеал, приобрел в одно и то же

время и друга и обожаемую женщину» [146]. Надо только принимать во внимание,* что ему уже за сорок, а ей за тридцать, и безумства молодости уже позади. П. Леон полагал, что любовники оттолкнули друг друга свойственной каждому из них холодностью [147]. Думается, это неверно. Просто в зрелые годы любят не так, как в юности,— быть может, трепетнее и глубже, но более спокойно, по крайней мере плотские утехи не играют теперь основополагающей роли. В подлинной любви их значение не первостепенное. Поэтому на первый план выдвигаются нежность, доверие, взаимопонимание. И это спокойное, умиротворенное чувство длится долго, по-этому-то еще в марте 1848 г. Мериме напишет: «Я люблю Вас с каждым днем, по-моему, все сильнее, и мне очень хотелось бы, чтобы у Вас достало мужества сказать мне то же самое» (п. 124).

В письмах этих трех лет, которые были временем их наибольшей близости, есть некий внутренний нерв, есть скрытая напряженность, непредсказуемость дальнейшего развития их

146 notes: 146
Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 434.

147 notes: 147
См.: Leon P. Merimee et son temps. P. 454.

романа, т. е. есть увлекательный сюжет. И вот что поразительно: в эти годы Мериме продолжал, видимо, поддерживать интимные отношения с Валентиной Делессер. Как мы уже говорили, их переписка не сохранилась. Но беремся утверждать, что в 1842—1844 гг. в этом романе Мериме наступил если й не перерыв, то определенный спад. Их связь стала привычной, а потому уже не волновала так, как прежде. Чувство к Валентине вспыхивало вновь с необычайной силой в пору их разыва или тогда, когда на горизонте появлялся новый вздыхатель. Сначала им был Шарль де Ремюза, а затем Максим Дю Кан (все в свое время известные литераторы). Ухаживания первого Валентина принимает уже в 1845 г., и Мериме всерьез тревожился из-за такого легкомыслия своей светской любовницы (их связь не была, видимо, ни от кого секретом), вот, возможно, почему он несколько охладел в этот момент к Женни: в 1845 г. он написал ей всего пять писем.

Отношения с Женни и с Валентиной разительно отличались друг от друга. Валентина Делессер (1806—1894) была красива (судя хотя бы по известному портрету Ораса Верне), принадлежала к титулованной знати, числилась не только любительницей литературы, но и входила в клуб

библиофилов, держала модный салон в Пасси, на той же улице, где одно время жил Бальзак. Их связь с Мериме была как бы официальной, вот почему писатель упоминает Валентину в своих письмах близким друзьям, в частности, принцессе Юлии или г-же де Монтихо. Мериме поддерживал дружеские связи с братом Валентины Леоном де Лабордом (1807—1869), принимал живое участие в воспитании и в жизненной карьере ее сына Эдуарда Делессера. Совсем иначе было в отношениях с Женни, Эта связь была тайной. Кроме известных писем к Стендалю и Шарпу, Мериме не упоминает эту свою возлюбленную никогда. Видимо, Мериме не только оберегал «честное имя» Женни, которая так никогда и не вступила в брак, но и не хотел, чтобы об их связи стало известно, вероятно — прежде всего Валентине. Вот почему, встречая Женни в обществе ее знакомых на прогулке, в музее, театре, он никогда не подавал вида, что они знают друг друга. Это была дружба-любовь, какая-то духовная близость, очарование которой заключалось в том числе и в том покрове тайны, каким все это было окутано. Такой близости, наверное, не было с Валентиной — там все было открыто,—и вот этой уединенностью своего чувства Мериме

очень дорожил, всячески оберегая его от чужих глаз. Вот почему у них не было общего «круга» — общих знакомых и друзей, с которыми можно было бы обсуждать их отношения. Мериме писал Женни о многих — Стендале, Шарпе, Паннцци, Эллисе, о литераторах и политиках, но о них Женни узнавала лишь от Мериме, видимо, ни с кем из них знакома она не была.

Как уживалась в сердце Мериме любовь к двум женщинам? На первых порах, видимо, эти связи находились, как это принято теперь говорить, в «дополнительном распределении»: с новой силой разгоралась одна — затухала другая. Так, в 1835—1841 гг. Мериме переживал бур ное увлечение Валентиной (16 февраля 1836 г. они стали близки, и затем многие годы по-своему отмечали этот день). Вспышка любви к Женни, как уже говорилось, приходится на 1842—1844 гг. В это время отношения с Валентиной, конечно, не прерывались, но носили, пожалуй, более спокойный, так сказать, привычный характер. В 1845 г. Мериме встревожен начавшейся осадой, которую повел Ремюза, и несколько охладел к Женни, вернее, ему было не до нее. На 1848 г., очевидно, приходится новый прилив любви к «незнакомке», возможно, последний. Затем устанавливаются

отношения стабильные, ровные, дружеские. Мериме живет воспоминаниями о былой любви, и это его вполне удовлетворяет. Так, поздравляя Женни с новым 1866 г., он вспоминает «старые добрые времена, когда мы были так счастливы, совершая наши прогулки» (п. 287).

Но есть и другая сторона медали. Мериме был любвеобилен, и чувство любви могло приобретать у него самые разные формы. Он любил Женни совсем не так, как любил Валентину. Эти два чувства затрагивали совсем разные уголки его разума и сердца, не мешая друг другу. П. Леон, используя стендалевские формулировки, назвал чувство к Женни «любовью-влечением» (amour-gout), а чувство к Валентине «любовью-

страстью» (amour-passion) Подмечено верно. Таким образом, каждое из чувств удовлетворяло соответствовавшую ему потребность души. Любя обеих, Мериме не думал, что изменяет и той и другой, что ведет себя безнравственно. И как это ни парадоксально, так оно и было в действительности. А в конце жизни у него появилась еще одна любовь, кото» рую П. Леон назвал «любовью-пристанищем» (amour-refuge),—к Фанни Лагден, ученице его матери, ставшей до последних дней его экономкой и заменившей ему всех остальных

женщин. Но тогда с Валентиной все уже было кончено, а с Женни отношения сделались чисто дружескими.

Вернемся, однако, к тем годам, когда в их сердцах бушевала неподдельная страсть.

Мериме писал Женни о неизбежности разрыва, о взаимном непонимании тогда, когда их любовь была как раз взаимной, когда разрыва он в действительности не хотел. Вполне вероятно, что он писал о разрыве лишь для того, чтобы услышать в ответ, что его не ищут, что он невозможен. Можно допустить также, что все эти его разговоры о разрыве были вызваны боязнью разрыва, боязнью, что его опередят и ему самому предложат расстаться. И Мериме и Женни не совершили роковой ошибки, столь свойственной любовникам,— они не пошли на разрыв. Думает-ся, в этом заслуга «незнакомки», проявление подлинности ее чувства, тонкости ее души и терпимости ее характера. Итак, они не порвали, когда «любовь-влечение» уже прошла, и остались друзьями до конца дней.

Однажды, в пору бурного романа, он написал ей: «Возможно, состарившись, мы с радостью встретимся вновь» (п. 77). Такая встреча-после долгого перерыва — не состоялась, ибо просто

такого перерыва не было. Они переписывались постоянно, общение продолжалось, но встреч действительно стало значительно меньше, бывало, они не виделись годами. И это их вполне удовлетворяло. Не приходится удивляться, что после 1848 г. характер писем Мериме меняется. Они утрачивают литературность, т. е. уже не отражают хитросплетения любовного чувства, изменчивого и ломкого, из них уходит элемент игры, «рокового поединка», ш они наполняются литературой: Мериме начинает писать значительно больше о прочитанных книгах, рассказывает о своих литературных начинаниях.

Но еще больше пишет он о политике, о тех событиях, свидетелем которых он был или приближение которых предчувствовал (например, войну с Германией). И здесь он бывает то детски наивен, то поразительно прозорлив. Сенатор, постоянно бывающий при дворе, часто гостящий в загородных императорских резиденциях (Сен-Клу, Фонтенбло,, Комньень, Биарриц), он хотел бы любить императорскую семью (и он искренне был привязан к императрице Евгении, которую знал с детства), но относительно Наполеона III иллюзий не строит, хотя старается выбирать выражения, когда пишет о нем. И не может сдер-

жать всей присущей ему язвительности, когда описывает двор, его нравы, окружающее ^ См.: Ibid. P. 450.

его общество. К концу жизни Мериме, бесспорно, разочаровался в режиме империи, но не видел в общественной жизни никакой серьезной ему альтернативы. Он сочувствует революционным процессам, происходящим в Италии (об этом он особенно много пишет в 1859—1861 гг.), ибо хотел бы «воочию увидеть прекрасное зрелище — пробуждение порабощенного народа» (п. 194), но не может полностью сочувствовать гарибальдийцам, видя в них опасных мятежников, и трезво оценить вмешательство Франции в итальянские дела.

Об этом следует сказать несколько подробнее. Как известно, объединение Италии началось с австро-итало-французской войны 1859 г. В известной мере ее развязал глава правительства Сардинского королевства К. Кавур, заручившийся поддержкой Наполеона III. Отголосками этой войны стала серия восстаний в итальянских государствах. Франко-итальянские войска делали заметные успехи и теснили австрийцев. Но французскому императору не было нужно новое сильное государство у своих юго-восточных

границ, и Наполеон III пошел на заключение сепаратного перемирия с Францем-Иосифом, в результате чего лишь Ломбардия присоединилась к Сардинскому королевству, Венеция же осталась под австрийским владычеством, а в Парме, Модене, Тоскане восстания были подавлены и у власти удержались прежние государи. Однако в сентябре 1859 г. там вспыхнули новые восстания, что привело к присоединению герцогств Моденского и Пармского и великого герцогства Тосканского к Сардинии уже в 1860 г. (тогда же в виде компенсации за невмешательство Франция получила Савойю и Ниццу). В 1860 г. в результате похода «тысячи» Гарибальди к Сардинии присоединились земли Королевства обеих Сицилий, а также Романья. В 1861 г. было образована Итальянское королевство во главе с Виктором-Эммануилом, который был провозглашен королем 17 марта 1861 г. Отряды Гарибальди, столь доблестно освободившие Южную Италию от власти сицилийских Бурбонов, пытались овладеть Римом, вторгнувшись в папскую область, но им воспрепятствовали итальянские королевские войска при дипломатической, а затем и военной поддержке Наполеона III. В Рим были введены французские воинские части. Новая попытка

Гарибальди захватить Рим, предпринятая в 1867 г., закончилась его поражением в битве при Ментане (3 ноября) от превосходящих сил папских и французских войск. Если Венеция была освобождена от австрийского ига в результате австроитальянской войны 1866 г., то Рим вошел в состав Итальянского королевства лишь после того, как оттуда были выведены французские войска (1870). Мериме был заинтересованным свидетелем всех этих событий и много писал об этом Женни Дакен.

Но писал он, конечно, не только о политике, хотя она вообще занимала значительное место в его переписке второй половины 50-х и особенно 60-х годов. В одном из писем к «незнакомке» он признался: «Вы же знаете, что все, относящееся к истории человечества, представляет для меня громаднейший интерес» (п. 227). Правильнее было бы сказать: «истории человечества и его культуры». Перечислить все то, что Мериме написал Женни об архитектуре, живописи, истории, филологии,

Развалины дома Мериме на Лилльской улице в Париже. Рисунок неизвестного художника. 1871 г.

литературе, обычаях и нравах разных народов, о музеях и красивейших уголках природы, значило бы пересказать чуть ли не все эти письма. Бывая в путешествиях, он описывал ей достопримечательности, которые видел; когда она собиралась в дорогу, он советовал ей, что надо непременно посмотреть. Но вот что интересно отметить: *с годами писатель все меньше и меньше интересуется современной ему литературой. К

отечественной поэзии он всегда был по меньшей мере холоден: «К стихам французским,—писал он в 1842 г.,—я испытываю отвращение» (п. 38). На этом фоне обращает на себя внимание его многолетнее увлечение Пушкиным, о чем он также пишет «незнакомке». Что касается прозы, то он явно отдает предпочтение Тургеневу, признаваясь: «Что же до романов, я не читаю их более» (п. 274). Это было, конечно, не так: романы он читал, но они его, как правило, разочаровывали, как, например, «Саламбо» Флобера (см. п. 259).

Всегда очень сдержанный по этой части, он все же пишет Женни о своих литературных занятиях, рассказывает о работе над «Локисом» и другими поздними новеллами. Но в общем здесь перед нами еще одна трагедия, на этот раз творческая. В одном из ранних писем к Женни

Мериме признался: «Род занятий, который я избрал себе,— один из самых изнурительных» (п. 14). Это сказано о деятельности инспектора исторических памятников, и деятельность на этом посту действительно отнимала у Мериме много времени и сил. Писал же он легко и быстро. Но творческое вдохновение уходило на другое. В 1860 г. он пишет: «Порой мне хочется успеть перед смертью написать роман, однако ж то

мужества меня покидает, то — когда вдруг появляются творческие силы — меня принуждают исполнять дурацкие административные обязанности» (п. 219).

Мешало, однако, не только это. В последние десятилетия жизни у Мериме появилось два очень сильных увлечения, тесно между собою связанные,— русская история и русская литература. Усиленные занятия и тем и другим также нашли отражение в его письмах.

И последнее. Мериме очень много в последние годы пишет о климате, о погоде. Это вплетает довольно комичную мелодию в его письма к «незнакомке». Но тут не было ничего смешного. Он страдал тяжелой астмой, перешедшей со временем в пневмосклероз, что причиняло ему немало мучений. Он рассказывает Женни о визитах к врачам, принимаемых лекарствах и врачебных процедурах. Если в самом начале их знакомства, рисуясь и кокетничая, он называл себя «стариком», то теперь он реально ощущает стремительное приближение старости. В 1859 г. он признается: «Временами мне кажется, что я саженными шагами приближаюсь к собственному памятнику. Мысль эта порой становится неотвязной, и я очень желал бы от нее избавиться»

(п. 201). И сколько неподдельной печали в такой короткой реплике, завершающей одно иа писем: «Как, однако, грустно стареть!» (п. 210).

5

Мы мало знаем о том, как и почему Женни Дакен решила издать эти драгоценные письма. Они увидели свет в конце ноября 1873 г. у парижского издателя Мишеля Леви, который предпринял публикацию и других книг Мериме, в том числе сборника «Последние новеллы» (1873). Посредником между издателем и Женни Дакен выступил известный в свое время художник-ориенталист Фарамон Бланшар (1805—1873), с которым Мериме познакомился в начале 1861 г. и о котором тогда же написал Женни (см. п. 235). Предисловие к двум томам «Писем к незнакомке» написал Ипполит Тэн, немного знавший писателя в конце его жизни.

Книга вызвала много откликов в печати, в том числе статьи А. де Понмартена [148] и А. Н. Пыпина [149]. Вполне естественно, что помимо ли-

---

148 notes: 148

См.: Pontmartin A. de. Lettres a пне inconnue // Le Correspondent. 1874. 10 jan.

149 notes: 149

Пыпин А. Н. Собственный роман литератора // Вестник Европы. 1874. № 3.
С. 170-204.

тературных достоинств писем Мериме всеобщий интерес привлек вопрос о том, кто же скрывался под именем «незнакомки». Очень скоро это стало известно: уже 1 января 1874 г. газета «Ла Пресс» сообщила,

что таинственной «незнакомкой» была Женни Дакен [45].

О популярности книги говорят не только ее многочисленные переиздания, но также три следующих примечательных факта. Во-первых, уже в 1874 г. в Лондоне вышел ее английский перевод (P. Merimee's Letters to an Incognita). Во-вторых, также в 1874 г. в Париже были опубликованы явно подложные «Письма незнакомки» [46], переизданные в 1889 г.[47],— довольно ловкая подделка, авторство которой так и не было установлено; А. Лефевр убедительно доказал неподлинность этих писем [48]. Наконец, в-третьих, в 1875 г. появились «Письма к другой незнакомке»[49]. Их адресатом была Лиза Пшездзецкая, светская знакомая Мериме. Но это было просто собранием писем к определенному лицу, за ними не стояло ни романтического знакомства, ни подлинного любовного чувства, ни многолетних отношений. Вот почему эта публикация, как и многие другие, за нею последовавшие, имеет прежде всего

литературный или даже литературоведческий интерес, что отличает ее от «Писем к незнакомке», ставших своеобразным «литературным памятником». Именно этим письмам известный литературный критик начала нашего века Эмиль Фаге посвятил статью под недвусмысленным названием «Влюбленный Мериме» [50]. Ведь к «Письмам к незнакомке» можно в полной мере отнести слова Максимилиана Волошина, сказанные о творчестве Мериме в целом: «Страсть Мериме, замкнутая сухостью внешних линий, взвивается на дыбы внутри самой себя» [м].

LETTRES
UNE INCONNUE
PROSPER MERIMEE
fr£cbd6bs d-d.nh

H. TAINETOME PREMIER

PARISMICHEL LfcVY FRERES, EDtTEORSHE Add I, 3, ПАСЕ DE L Of<»A LIBRAIRIE NOUVELLE

4 874

Dm(u d« r»pro4»rt»*6 .1 4* ti»duclioe rfunh.

Титульный лист первого издания «Писем к незнакомке»

[45] См.: Lefebvre A. Op. cit. P. 36.

[48] Lettres de l'inconnue. P.: Lemerre, 1874.

[47] Lettres de Ппсошше: La passion d'un auteur: Reponse a Prosper Merimee. P„: Ollendorff, 1889.

[48] Lefebvre A. Op. cit. P. 379—396.

[49] Lettres a une autre inconnue, par Prosper Merimee: Avantpropos par H. Blaze de Bury. P,: Michel Levy, 1875.

[30] Cm.: Faguet E. Merimee amoureux // Revue latine. 1904. 25 juin. P. 330-367 [51] Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 60.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Письма к незнакомке» вышли в свет в двух томах в конце ноября 1873 г. н были зарегистрированы в «Bibliographie de la France» 13 декабря, хотя на титульном листе был обозначен 1874 г. Одновременно с книгой в «Revue des Deux Mondes» 1 декабря 1873 г. были напечатаны, целиком или в выдержках, 23 письма Мериме к Женин Дакен.

Книга неоднократно переиздавалась с небольшими исправлениями. Морис Пар-тюрье включил эти письма в свое издание полного собрания писем Мериме (см.: Мё~ rimee P. Correspondence

generate etablie et annotee par M. Parturier. P.; Toulouse, 1941-1965. T. 1-17. Далее: Corr. gen.), по которому выполнен наш перевод. Партюрье не мог проверить тексты писем по автографам, но внес большое количество поправок в их датировку, а следовательно, и в их последовательность. Все эти случаи отмечены нами в комментариях, где указывается также номер каждого письма по старым изданиям «Писем к незнакомке» (сокращенно - ПН).

Отдельные письма Мериме к Женни Дакен, целиком или в отрывках, переводились на русский язык большими комплексами четыре раза. Это:

1) «Вестник Европы». 1874. Кн. 3. С. 177-204 (далее: ВЕ с указанием страниц). Перевод А. Н. Пыпина (что в журнале не обозначено);

2) «Интернациональная литература». 1940. Л® 2. С. 151-165 (далее: «Интернац. лит.» с указанием страниц). Перевод А. Кулишер;

3) «Ленинград». 1940. № 21/22. С. 22-25 (далее: «Ленинград» с указанием страниц) . Перевод А. Кулишер;

4) Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 6. Перевод Е. Булгаковой, Э. Леонидовой, Н. Рыковой, В. Станкевич, В. Топер (далее: Собр. соч. с указанием страниц, кроме особо оговоренных случаев).

Кроме того, переводы еще нескольких писем Мериме к Ж. Дакен (в извлечениях) напечатаны в статье М. Клемана. См.: Клеман М. И. С. Тургенев и Проспер Мериме//Литературное наследство. М.; Л., 1937. Т. 31/32. С. 707-752 (далее: ЛН е указанием страниц).

Все предшествующие переводы указаны нами в комментариях. Письма Мериме к другим лицам, помещенные в разделе «Дополнения», переведены также по изданию М. Партюрье. Перевод писем Женни Дакен и ее стихотворения сделан по кн.: Lefhbvre A. La Celebre «Incounne» de Prosper Merimee. P., 1908.

Подстрочные переводы иноязычных слов принадлежат редакции издания.

ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ

1

ПН - № 1, без даты. Месяц и год установлены по содержанию. Впервые на рус. яз.- ВЕ. С. 177-178.

* ...фигуранток Оперы.- Фигурантками в ту пору назывались артистки мимического ансамбля, принимавшие участие в оперных спектаклях. Молоденькие девушки, как правило, хорошенькие и получавшие очень небольшое жалованье,

они обычно становились легкой добычей светских щеголей и волокит. Судьба одной из таких фигуранток подсказала Мериме отдельные детали сюжета его новеллы «Арсена Гийо» (см. текст письма 2).

2

ПН - № II, без даты. Приблизительная датировка установлена по содержанию. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 178-180.

[4] Сарданапал - легендарный ассирийский царь, якобы правивший в IX в. до н. э.; предание приписывало ему предосудительный образ жизни, крайний разврат и женолюбие.

3

ПН - № IV, без даты. Датируется по содержанию. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 181.

* «Портрет инфанты Маргариты» — Видимо, картина Веласкеса, созданная около 1654 г. и находящаяся в Лувре. Другие портреты инфанты Маргариты, младшей дочери короля Филиппа IV, выполненные Веласкесом, находятся в музеях Вены (четыре варианта), Будапешта, Глазго, Киева, Мадрида (Прадо).

[2] ...картины Рубенса в Антверпене... - Картины Рубенса находятся в Антверпене и соборе Богома-

тери, в Королевском музее искусств, в Доме-музее Рубенса и в ряде других собраний.

* ...в Амстердамской галерее - Мериме имеет в виду Рейксмузеум в Амстердаме, богатейшее еобрание шедевров голландской и фламандской живописи.

[4] Ронда - горная местность в Испании. Мериме проехал по ней в 1830 г.

[5] ...а всякий путешественник для них англичанин... - Об этом Мериме напишет позже в «Кармен»: «В Испании всякого путешественника, у которого нет с собой образцов коленкора или шелка, считают англичанином, инглесито. То же самое на Востоке. В Халкиде я имел честь быть представленным как милордос фрак-цезос» (Собр. соч. Т. 2. С. 344).

* Вспомним хотя бы Тристрама Шенди — Мериме имеет в виду главы, посвященные аббатисе Андуйетской, из известного романа Лоренса Стерна (1713-1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760-1767). В этих главах (Т. 7, гл. XXI-XXV) рассказывается, как аббатиса путешествовала в повозке, запряженной мулами, которых приходилось понукать ругательствами.

4

ПН - № III, без даты. Первоначально М. Партюрье датировал это письмо августом - сентябрем 1832 г., затем, исходя из содержания письма, изменил датировку на сентябрь — октябрь. Впервые на рус. яз.' (не полностью) — ВЕ. С. 180.

[1] Тваком - персонаж романа Филдинга (1707-1754) «Том Джонс Найденыш» (1749), богослов, считающий, что разум человеческий есть вертеп беззакония, очищаемый благостью. Приводимая Мериме цитата не вполне верна (следует: «Сап any honour exist independent of religion?»), хотя общий смысл фразы передан точно.

[2] Леди М-р... - Кто скрывается за этим сокращением, установить не удалось.

5

ПН - № V, без указания года. Год установлен по содержанию. Впервые на рус. «з. (не полностью) - ВЕ. С. 182.

[1] Чувствуя, что вот-вот влюблюсь... — Мериме имеет в виду одно из своих сильных любовных увлечений молодых лет Эмилией Лакост (1798-?) или Мелани Дубль (1810-1865), которая вторым

браком вышла за Либри-Каруччи (см. ниже, примеч. к п. 143).

[2] ...уехал в Испанию.- Мериме пробыл в Испании с июля по конец ноября 1830 г., посетив Бургос, Мадрид, Севилью, Гренаду, Валенсию, Толедо и ряд других городов.

6

ПН - № VI, без даты. Датируется по содержанию. Впервые на рус. яз. (не пол» иостью) - ВЕ. С. 182-183.

[i]...no возвращении моем из одной небольшой экспедиции.- Какую из своих многочисленных поездок имеет в виду Мериме, не ясно. [z] Валлъями, Лыоис (1791-1871) - английский архитектор, часто бывавший в Париже и имевший там широкий круг знакомств. [s] Пифия — прорицательница (греч. миф.).

* ...рукопись продолжения «Гюзлы»... — После выхода этой своей знаменитой книги-мистификации (1827) Мериме написал еще три песни в духе славянского фольклора и напечатал их в 1829 г. в «Ревю де Пари» (затем вошли в 1833 г. в сборник «Мозаика»). В 1842 г. Мериме пополнил «Гюзлу» еще двумя песнями.

ПН - № VII, без даты. Датируется по содержанию. Впервые на рус. яз. (не полностью) — ВЕ. С. 183.

[4] Леди М.- Кто это - не установлено. Вряд ли это Сидни Оуэнсон, леди Морган (1783-1859), английская писательница и мемуаристка, знакомая Стендаля и Мериме.

[a] ...что Вы собираетесь замуж.- Эти слухи, больно ранившие Мериме, были ложными: Женни Дакен никогда не выходила замуж.

* Великий Могол - легендарный индийский император тюрко-монгольской династии, обладавший несметными сокровищами.

* Он оказался подделкой - Речь идет, скорее всего, о разочаровании Мериме в его возлюбленной Эмилии Лакост (см. примеч. 1 к п. 5).

* ...nymph in thy orisons... — Цитата из «Гамлета» (д. III, сц. 1).

[a] Пэлл-Мэлл — улица в Лондоне, знаменитая своими магазинами, развлекательны» ми заведениями и т. п.

8

ПН - № VIII, без даты. Датируется по содержанию. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 184.

[1] ...как истинный Катон... — Имеется в виду Катон Старший (237-142 до н. э.), римский общественный деятель, поборник строгих нравов и гражданских добродетелей.

9

ПН - № IX, без даты. Датируется по содержанию. Однако М. Партюрье в своем издании года не обозначил, но поместил письмо на надлежащее ему хронологически место.

[s] ...на 46-м градусе широты...- Т. е. в центре Франции, где-то в районе Лиона.

[1] В Лондон я отправляюсь в начале будущего месяца - Мериме выехал в Англию 3 декабря.

[s] Влэкуолл - район Лондона.

& Хэмптон-Корт - дворец в окрестностях Лондона, построенный в 1689-1694 гг. В нем находится богатейшее собрание памятников искусства.

10

ПН - № X, без даты. Датируется по содержанию.

* Первое путешествие мое @ Англию... — Оно состоялось в мае 1826 г.

И

ПН - № XI, без даты. Датируется по содержа-

нию.

* That is the question - Цитата из «Гамлета», из знаменитого монолога героя (д, Ilf, сц. 1). Мериме часто ее приводит в своих; письмах к Женни Дакен.

[2] British Museum — Британский музей, крупнейший музей Лондона; здесь же помещается самая обширная библиотека английской столицы. Мериме неоднократ-но в ней работал.

[3] Галерея Апгерстейн- Ныне Национальная галерея в Лондоне. В основу ее собрания легла коллекция богатого банкира и коммерсанта Джона Ангерстейна (1735-1822). Галерея открылась И мая 1824 г. и первоначально носила имя собирателя.

12

ПН - № XII, без указания года. Год установлен по содержанию. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 184.

13

ПН - № LXXV, где письмо датировано 1843 г. Передатировано по содержанию.

Впервые на рус. яз.- Собр. соч. G. 27-28.

* Я полагал десятого быть в Лионе... — Это письмо написано во время длительной инспекционной поездки Мериме по югу Франции. 31 июля он выехал из Парижа, 1 августа был в Невере, 8-9 августа — в Везде, 13—14 —в Аваллоне; в Лионе он был с 30 августа по 3 сентября; в Париж Мериме вернулся лишь 14 декабря.

[1] Везле радует меня все более — Мериме посвятил архитектурным памятникам Везде ряд восторженных страниц своей книги «Заметки о путешествии по югу Франции», вышедшей в 1835 г. (См.: Собр. соч. Т. 4. С. 24-34). Описал он и Авал-лон (См.: Там же. С. 35-38).

[3] ...навестить престарелого дядюшку — Мериме имеет в виду брата своей матери Поля Моро (ум. в 1853 г.), преподавателя рисования в Аваллоне.

[A] ...церкви Магдалины Ве зле некой.— Этот памятник XIII в. был затем сильно перестроен; Мериме писал о нем в своей книге: «По тому, что еще сохранилось, нетрудно составить себе представление, каким первоначально был этот фасад: несколько ступенек вели к трем главным вратам с полукруглым сводом, архивольтами и тимпанами, богато украшенными скульптурными изображениями. Две четырехугольные, не особенно высокие башни обрамляли фасад и со-

единялись галереей, остатки которой можно еще заметить возле правой башни. Над этой галереей, по-видимому, поднимался треугольный фронтон. Позднее, то есть к концу XIII века, над башнями был надстроен еще один ярус; я полагаю, что лишь в конце XIV века стрельчатый фронтон романского стиля заменили большим ажурным фронтоном» (Собр. соч. Т. 4. С. 25).

14

ПН — № LXXIX, где письмо датировано 29 сентября и помещено среди писем 1843 г. Передатировано по содержанию.

* ...более напоминало мне Испанию.— Мериме в своей книге «Заметки о путешествии но югу Франции» писал: «По приезде в Авиньон мне показалось, будто я покинул пределы Франции. Когда я сходил на берег с парохода, я не был подготовлен к неожиданной картине, представшей передо мною; язык, костюмы, вид местности - все кажется странным тому, кто прибыл сюда из центральной части Франции. Мне почудилось, будто я нахожусь в каком-то испанском городе» (Собр. соч. Т. 4. С. 80). '

[2] ...издали можно принять за испанский — В Провансе крестьяне во времена Мери-ме гово-

рили, конечно, по-провансальски, а этот язык, особенно в его просторечной форме, по произношению напоминает отдельные испанские диалекты.

[9] ...маконский костюм,- Т. е. костюм, распространенный в старинной французской земле Макон, в верховьях Луары.

* Папский дворец — знаменитый дворец в Авиньоне, построенный в 1334—1342 гг., в пору так называемого «авиньонского пленения пап». Мериме подробно описал этот дворец в своей книге (см.: Там же. С. 86-90).

* ...в Вьене... - Мериме был в этом небольшом городе на Роне 7 сентября и детально описал его (см.: Там же. С. 69-76).

[4] ...я видел античную статую... — Мериме в данном случае рассказывает об античной статуе, которую он видел в собрании некоей г-жи Мишу в предместья Вьена Сент-Коломб. В «Заметках о путешествии по югу Франции» Мериме, в частности, писал: «Моделью для статуи была, должно быть, женщина лет двадцати семи-двадцати восьми, ее могучие и пышные формы уже начинали терять упругость. На боках у нее видны складки жира, такие же складки вырисовываются на большом животе; складки такого рода, к несча-

стью, довольно часто наблюдаешь в жизни, но ваятеле всегда избегали их изображать. Короче говоря, для того, чтобы дать читателю наиболее верное представление об этой статуе, я попрошу его вообразить себе в мраморе сирену Рубенса, которая протягивает жемчуга Марии Медичи на картине, изображающей отъезд этой принцессы во Францию: та же чрезмерная дородность, те же списанные с натуры, но не слишком изящные формы» (Там же. С. 79).

15

ПН - № LXXX, без указания года, но помещено среди писем 1843 г. Пере датировано по содержанию. Впервые на рус. яз.- «Ленинград». С. 23.

[1] Фрежюс - Здесь Мериме побывал 3 октября. В городе его внимание привлек античный амфитеатр, остатки акведука, развалины городской стены и церковь Св. Стефана (см.: Собр. соч. Т. 4. С. 146-148).

[2] ...развалины первой христианской церкви на Западе,— Ее остатки Мериме подробно описал в своей книге (см.: Там же. С. 152-156). О древности сооружения он, в частности, замечал: «Что касается того, когда была воздвигнута эта церковь; то ее форма, инкрустация из цветных камней,

лепной орнамент античного стиля, отсутствие колокольни, топорные столбы клуатра - все заставляет меня предполагать, что храм этот весьма старинный. Тем не менее я думаю, что его сооружение следует приписывать св. Гонорату, то есть относить его к началу V века; если оставаться в границах вероятности, то, по-моему, следует предположить, что церковь воздвигнута в VIII или VII веке. Отсутствие памятников, которые могли бы служить образцом для сравнения, делает все догадки на этот счет крайне ненадежными» (Там же. С. 156).

16

ПН - № CI, без указания года, но среди писем 1844 г. Передатировано по содержанию. 150

[4] Воклюзский источник. — Согласно преданию,

---

150 notes: 150

Перпиньян... — В этом городе Мериме был с 12 по 14 ноября с выездами в соседние небольшие городки.

[2] Осматривал я тут шк-mo а Ниже римский колизей... — Мериме был в Ниме

1 ноября. Позже описал свое пребывание и колизей в «Заметках о путешествия по догу'Франции» Собр. соч. Т. 4. С. 206-215).

[й] ...герцогиня Букингемская в день убийства своего супруга... — Джордж Виллиерс, герцог Букингемский (1392—1628), английский политический деятель в годы правления Якова I и ?Карла 1, был убит дворянином Джоном Фелтоном (ок. 1595-, 1-629),.и^щавольпым^рцогом за то, что тот не продвигал его по службе.

у этого источника часто бывал Петрарка и воспел его в своих стихах.

[&] В Париже я буду к 15 будущего месяца - И действительно, Мериме вернулся в столицу 14 декабря.

17

ПН - № XXVIII, где письмо датировано ноябрем 1842 г. Передатировано по содержанию.

[%] Монтрон, Казимир (1768-1843) - французский дипломат, один из агентов Талей-рана. См. ниже, примеч. 10 к п. 22.

[2] Вуччи, Донато (1798 — ?) — антиквар из небольшого итальянского городка Чи-вита-Веккья. Здесь ряд лет исполнял обязанности французского консула Анри Бейль (Стендаль). Антиквара и писателя связывала долгая дружба, и Буччи стал обладателем ряда рукописей Стендаля.

[8] ...я вслед за Леонидом повторяю... — Имеются в виду слова спартанского царя Леонида перед битвой под Фермопилами; на предложение посланца персидского царя Ксеркса сдать оружие Леонид ответил: «Приди и возьми» (480 г. до н. э.).

[4] ...у нашей приятельности госпожи де В... — Возможно, имеется в виду жена или родственница Льюиса Валльями (см. примеч. 2 к п. 6).

* Лемер — О ней см. ниже, в «Дополнениях», примеч. 1 к п. 3.

18

ПН - № XXVII, где письмо датировано ноябрем 1842 г. Передатировано по содержанию.

* Das Lied des Claerchens... — Имеется в виду песня Клэрхен из «Эгмонта» Гете (д. III, сц. 2). Песня кончается следующими словами: «Счастлив лишь тот, кем владеет любовь!»

[2] Гностики — сторонники философского учения, стремившегося дать синтез различных древних религиозно-философских воззрений (зороастризма, иудаизма, раннего христианства и т. д.). Гностицизм возник в I в. и затем получил довольно широкое распространение.

[8] ...над неким ученым опусом... — Мериме имеет в виду свою работу над одним из разделов книги «Опыт о гражданской войне» (1841).

19

ПН - № XIV, где письмо датируется мартом 1842 г. Датировка уточнена по содержанию.

[1] Вот Вы и разбогатели... - В начале 1842 г. Женни Дакен получила два наследства, в том числе от дальнего своего родственника, человека весьма состоятельного. В состав этого наследства входи-

ла богатая ферма в Пикардии.

[2] ...напоминает мне Олда Робина Грея... — Эта старинная баллада о потаенной любви старика к молодой девушке приведена в одной из новелл («Сельмур, английская новелла») популярного французского писателя Жана-Пьера Клари де Флориана (1755-1794); Мериме хорошо был знаком с его творчеством, особенно с его переводами с испанского.

[ш] ...там, где погибли последние из трехсот. — Имеется в виду легендарная оборона Фермопильского ущелья тремястами спартанцами во главе с царем Спарты Леонидом против армии персов (ср. примеч. 3 к п. 17).

[4] Ампер, Жан-Жак (1800—1864) — один из ближайших друзей Мериме, писатель,, историк и путешественник. Свои первые литературные опыты Мериме, как правило, обсуждал с ним. Переписка Мериме с Ампером, видимо, почти не сохранилась, так как до нас дошло только пять писем Мериме к его другу.

'* ...что привез оттуда. - Мериме совершил поездку в Грецию и по странам Ближнего Востока в сентябре - декабре 1841 г. Часть путешествия Мериме совершил вместе с Ж.-Ж. Ампером.

*...вновь посетил милую мою Испанию... ~ Ме-

риме пробыл в Испапии с середины августа до начала ноября 1840 г.

[r] Эспартеро, Бальдомеро (1793—1879) - испанский политический деятель; 1 октября 1840 г., после народных волнений в Мадриде, он сформировал совет министров, а затем, 12 октября, вынудил вдовствующую испанскую королеву Марию-Христину отказаться от роли регентши при малолетней Изабелле II (1830= 1904). 8 мая 1841 г. Эспартеро объявил себя регентом и фактически установил личную диктатуру.

* ...она относится ко мне как преданная сестра. — Речь идет о Марии-Мануэле Киркпатрик (1794-1879), близком друге Мериме, с которой он поддерживал близкие отношения и переписывался до последних дней своей жизни (сохранилось 410 писем к ней Мериме). Мериме писал Анри Бейлю 5 июля 1836 г.: «Я вовсе не путешествую с восхитительной испанкой. Вот когда я возвращусь, я поведу вас знакомиться с превосходной женщиной этой страны, которая понравится вам и своим умом, и своей внешностью. Эта женщина - один из самых лучших моих друзей, но между нами никогда и разговора даже не было о какой-нибудь любовной связи. Она представляет собой наиболее совершенный и

прекрасный тип андалузки. Это графиня де Моытихо, в прошлом графиня Теба, о которой я вам неоднократно рассказывал» (Gorr. gen. T. 2. P. 60). В 1817 г. Мария-Мануэла вышла замуж за Сиприана Гусмана Палафокс-и-Портокарреро, седьмого графа Монтихо (ум. в 1839 г.). У них было две дочери - Мария-Франсиска де Сале© Гидьермина Сиприана Портокарреро (1825-1860), вышедшая в 1844 г. за Иаконо-Луиса-Стюарта Фитц-Джеймса, пятнадцатого герцога Альбу (1821-1881), и Ма= рия-Эухения-Аугустина де Гусман (1826-1920), вышедшая в январе 1853 г. за Наполеона III.

[9] ...напечатав книгу... ~ Речь идет об «Опыте о гражданской войне»; книга была издана тиражом всего в 150 экземпляров и в продажу не поступила; в 1844 г. книга была переиздана для широкой публики.

[10] ...оскскими выражениями... — Т. е. на одном из древних италийских диалектов.

'и Министр мой... — Видимо, Шарль-Мари Таннеги, граф Дюшатель (1803=1867), французский государственный деятель, неоднократно занимавший пост министра внутренних дел. Комиссия по охране исторических памятников находилась в его ведении.

** Вайрам - один из самых торжественных и

пышных мусульманских праздников,

20

ПН “ № XIII, где письмо датировано февралем 1842 г. Передатировано по со-

держанию.

[1] ...письмо к руководителю помпейских раскопок... — См. текст п. 21.

21

ПН - № ХУ, где письмо не имеет точной даты. Датируется по содержанию.

[8] Studj. — Видимо, какое-то учебное заведение, например католический универен= тет, в котором могло находиться собрание произведений искусства.

[%] ...возможно также, я отправлюсь в Сарагосу.— Эта поездка не состоялась.

* Буонуччи - правильнее Бонуччи, Карло (1799-1870), итальянский археолог, руководивший раскопками в Помпеях и написавший о них ряд популярных работ.

22

ПН - '№ XVI. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 185, затем - Собр. ccrs. *€. 48=50.

[?] ,..я вовсе m сгорел. - Мериме имеет в виду железнодорожную катастрофу, пр©° исшедшую, 8 ,-мая 1842 на „днищ, соединяющей Париж с

Версалем.

% ...по возвращении из одного недалекого путешествия... — Марине ездил на несколько дней в Орлеан.

- „максиму Джоцртана Свифта... - Источник цитаты установить не удалось.

4 Траппист - монах одного из католических орденов, отличавшегося особой стро-гостью нравов.

4 Кампо-Санто - кладбище в Пизе, изобилующее скульптурными и архитектурны= ми памятниками.

* Орканья, Андреа (ок. 1308 - ок. 1368) - итальянский скульптор, архитектор и живописец флорентийской школы. Мериме имеет в виду его фреску «Триумф смерти» в Сапта-Кроче (Флоренция).

f Vergonzoso (Стыдливый) — Мериме пишет об одной из частей грандиозной фрески пизанского Кампо-Санто, выполненной известным художником Беноццо Гоццоли (1420“ 1497) на темы из Ветхого завета.

* ...я расскажу Вам об античном театре... - В Оранже довольно хорошо сохранилось здание античного театра. О нем Мериме писал в «Заметках о путешествии по югу Франции» (см.: Собр.

соч. Т. 4. С. 98-100).

* ...я отправлюсь с тридцатью девятью визитами... - Мериме пишет о выдвижении своей кандидатуры во Французскую академию. В этот раз он выбран не был.

ш ...изречение г-на де Талейрана... ~ Выше Мериме приписывал это выражение Казимиру Монтрону (см. п. 17). В действительности автором его считается Талей-ран, Монтрон же, близкий к Талейрану человек, видимо, просто любил его пов= торять.

23

ПН - № XVII.

% Сен-Виктор - один из самых старых храмов Марселя. Мериме писал о нем в «Заметках о путешествии по югу Франции» (см.: Собр. соч. Т. 4. С. 143—144). z Через неделю я уезжаю в Арлъ... - Мериме отправился туда по поручению министра Дюшателя. Он выехал из Парижа 28 июня.

* ...которые собираются переиздавать. - Речь идет о переиздании у Шарпантье «Театра Клары Гасуль», «Хроники царствования Карла IX» (в том входили также «Двойная ошибка» и «Гюзла») и «Коломбы» (в том входили также сборник «Мозаика» и другие новеллы Мериме). Все эти книги вышли летом 1842 г.

24

ПН - № XVIII.

* В церкви Святого Винсента... — Эта церковь, начатая строительством в 1120 г. в романском стиле, была завершена в XV в. в стиле пламенеющей готики. Мериме кратко описал ее в «Заметках о путешествии по югу Франции» (см.: Собр. соч. Т. 4. С. 46-47).

25

ПН - № XIX. Впервые на рус. яз. (не полностью) — ВЕ. С. 185-186.

[1] ...о кончине герцога Орлеанского... — Речь идет о смерти (13 июля 1842 г.) представителя Орлеанской династии Фердинанда-Филиппа, герцога Орлеанского (1810-1842), старшего сына короля Луи-Филиппа. [z] Читайте Даниила... — Мериме ссылается на библейскую Книгу пророка Даниила (гл. II, ст. 32-33).

[s] ...в переводе Попа... — Английский поэт Александр Поп (1688-1744) перевел рифмованным стихом «Илиаду» (1715-1720) и «Одиссею» (1725—1726), исправляя «грубость» Ромера в духе классицизма.

[k] Дюга Монбель, Жан-Батист (1776-1834) - французский эллинист, переводчик

«Илиады» на французский язык.

[5] Плант, Жозеф (1763-1853) — французский эллинист, автор большого числа работ, в том числе «Греческо-французского словаря» (1809).

* Signora Fornarina — имя возлюбленной Рафаэля, которую он часто использовал в качестве модели для своих картин.

26

ПН - № XX. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 186-187.

* Гомер как-то сказал... - Мериме цитирует Гомера неточно; сходные выражения есть в ряде мест «Одиссеи» (V, 57-58; VII, 245—246; VII, 254-255). Трудно ска-зать, какое именно из них он имел в виду.

[2] Ах, греки... - Цитата из «Ученых женщин» Мольера (д. III, сц. 3).

[Л] ...на фресках Studjes — См. примеч. 1 к п. 21.

[4] ...над одной нравоучительной книгой... - Мериме имеет в виду работу над своей книгой «Заговор Катилины», составившей второй том его работы «Этюды из римской истории» (первым томом была его книга «Опыт о гражданской войне»).

27

ПН - № XXI, без даты. Датируется по содержанию.

[1] Д... - Что это за город, установить затруднительно. Можно лишь предположить,, что это Булонь-сюр-Мер или Невер, где часто бывала Женни Дакен.

[2] ...как говорит Гомер, гостем сумрачной Прозерпины... — Речь идет о персонаже древнегреческой мифологии Персефоне (в древнеримской ёй соответствует Прозерпина). Гомер упоминает Персефону как владычицу преисподней многократно, например в «Одиссее» (X, 490-491):

...проникнуть

В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.

(Пер. В. Жуковского)

* Герой мой, Юлий Цезарь... - Мериме в это время занимался историей Древнего Рима.

[4] Дошли Вы в «Одиссее» до куска... — Далее Мериме излагает эпизод из песни VIII поэмы (ст. 72-92).

28

ПН-№ XXII. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 187-188, затем -нвИнтернац.лит.». С. 152-153; Собр. соч. С. 51-53. [151]

* «Анабасис» — книга Ксенофонта. В ней рассказывается о неудачном походе Кира Младшего против Артаксеркса (401 г. до н. э.) и о бегстве его десятитысячной армии, превратившейся в шайку грабителей и жалких попрошаек.

* Фруассар, Жан (1337-1414) - французский куртуазный поэт и историк, автор обширнейшей «Хроники». Мериме посвятил ему в сентябре 1856 г. небольшую статью в газете «Монитор универсель» (это была речь Мериме при открытии памятника Фруассару в Валансьенне).

---

151 notes: 151

Дасье, Анна (1647-1720) — французская эллинистка, переводчица «Илиады» (1699) и «Одиссеи» (1708) Гомера.

[2] «Феаген и Хариклея» (или «Эфиопика») — пасторальный роман древнегреческого писателя III в. Гелиодора. Этот роман стал популярен во Франции после появления в 1547 г. перевода Жака Амио (1513-1593). О том, что Расин любил эту книгу, известно из воспоминаний сына драматурга, Луи Расина (1692—1763).

* «Дафнис и Хлоя» - пасторальный роман древнегреческого писателя IV в. Лонга. Его перевод опубликовал в 1810 г. Поль-Луи Курье (1772—1825), известный французский памфлетист демократического направления. В 1559 г. вышел пере-

, вод Ж. Амио.

[4] ...я имею в виду «Лукиева осла»... — Мериме пишет о произведении

древнеримского писателя II в. Лукина «Лукий, или Осел». Ныне авторство Лукиана считается спорным.

[3] Геродот (484-425 до н. э.) - древнегреческий историк.

[s] Полибий (ок. 210 — ок. 125 до и. э.) — древнегреческий историк:

* Ксенофонт (427? - 855 до и. ш.) — древнегреческий историк и романист.

[40] Фукидид (ок. 460 - ок. 402 до н. э.) - древнегреческий историк.

[11] Феокрит (320-250 до в. э.) - древнегреческий поэт, £ тор «Идиллий».

[42] «Сиракузки» (или «Сиракузские женщины») — 15-я идиллия Феокрита.

29

ПН - № XXIII, без точной даты. Датируется по содержанию.

[4] ...с кузеном моим и его женою. — Речь идет о Леоноре-Франсуа Френеле (1790— 1869), сыне Огюстины Мериме, родной сестры отца писателя. Леонор Френель женился в 1836 г. на Евлалии-Франсуазе Реаль (1790-1875). Мериме поддерживал тесные отношения с семьей Френель, одно время жил в Париже в принадлежавшем им доме.

* ...сегодня они дают «La Cenerentola». — Опера Россини «Золушка», написанная в 1817 г., шла в Итальянской опере (оперный театр в Париже, так называемый «Зал Фавар») 1 и 3 ноября 1842 г. Главную партию исполняла Полина Виардо (1821-1910), с которой у Мериме были довольно натянутые отношения.

30

ПН - № XXIV, без точной даты. Датируется по содержанию.

[1] ...Вы вчера пришли... - на спектакль в Итальянской опере (см. текст предыдущего письма).

31

ПН — № XXVI, без даты. Датируется по содержанию, но с известной долей приблизительности.

* ...за шесть лет...— Явная неточность Мериме (их первая встреча состоялась на рубеже 1832 и 1833 гг.) или неточность датировки письма. Впрочем, возможно, Мериме имеет в виду их более регулярное общение, которое началось действительно примерно шесть лет назад.

[8] ...a eternal fitness of things»- Цитата из «Тома Джонса» Филдинга (кн. III, гл. 3)*

32

ПН — № XXV, где письмо датируется октябрем 1842 г. Передатируется по содержанию.

[4] ...один лишь друг, вернее подруга, в Мадриде. — Речь идет о г-же де Монтихо (ш. примеч. 8 к

п. 19).

[Ё] ...сравнивал Вас с Цербером...— Далее Мериме как бы вспоминает определенное место из «Энеиды» Вергилия (п. VI, 417-422).

Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство.

Видя, как шеи у пса ощетинились змеями грозно,

Сладкую тотчас ему лепешку с травою снотворной Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,

Дар поймал на лету...

{Пер. С. Ошерова)

[а] мФредегонда» — пьеса Луи-Жана Лемерсье (1771-1840). Возобновление ее поста новки состоялось в ноябре 1842 г.

[к] Рашель, Элиза-Феликс (1820-1858) - прославленная французская трагическая актриса.

33

ПН - № XXIX.

• ...весной выходит замуж.. - Речь идет о выходе замуж старшей дочери г-жи де Монтихо (в семье девушку звали Пакой) за герцога Альбу. Свадьба состоялась 14 февраля 1844 г. (см. примеч. 8 к п. 19).

[r] На днях я выставлю свою кандидатуру...— На этот раз избрание Мериме в Академию не состоялось.

34

ПН - № XXXIII, где письмо датировано 19 декабря. Дата уточнена по дню недели.

* ...прочтет отрывки из «Федры».— Это чтение первого акта трагедии Расина состоя^ лось 19 декабря у Пьера-Антуана Лебрена (1785-1873), известного в свое время драматурга. На чтении присутствовали, кроме Мериме, Беранже, Гюго, Тьер и др.

35

ПН - № XXXII, без указания года. Год установлен по содержанию.

[1] Музей - т. е. Лувр, который Мериме обычно называет «Музеем».

36

ПН - № XXXIY.

[s] Дерсиани — Фанни Таккинарди (1812-1867), в замужестве Персиани, итальянская певица, с 1838 г. выступавшая на парижской сцене.

[9] Саул - библейский персонаж, первый легендарный царь Иудеи.

[4] ...была бы Давидом при мне — Легендарный Давид был призван ко двору Саула как певец-гус-

ляр, дабы развлекать царя, когда того тревожил злой дух (Первая книга царств, 16, 14 -23).

[%] Понжервиль, Сансон (1782-1870) — второстепенный французский литератор, член Академии с 1830 г.

[ь] ...перевел в стихах латинского поэта...— Стихотворный перевод поэмы Лукреция (98-55 до н. э.) «О природе вещей», выполненный Понжервилем, вышел в 1828 г. В 1829 г. Понжервиль опубликовал прозаический перевод той же поэмы.

[9] ...с перепиской Бальзака и Вуатюра? — Речь идет об изданиях писем двух известных французских литераторов XYII в. Жана-Луи Геза де Бальзака (1597-1654) и Винсента Вуатюра (1598-1648); эти издания появились соответственно в 1624 и 1650 гг.

37

ПН - № XXXY. М. Партюрье, не отвергая этой датировки, все же считает ее сомнительной.

[2] «Жизнь Иисуса» - Мериме имеет в виду вышедшую во французском перевод© в 1839-1840 гг. четырехтомную работу немецкого исследователя Давида-Фридриха Штрауса (1808-1874). Немецкий оригинал был опубликован в 1835 г.

38

ПН-№ XXXVI. М. Партюрье считает датировку

этого письма сомнительной^ шо не предлагает иной.

[2] Жан-Поль — немецкий писатель, сатирик и бытописатель Иоганн~Пауяь~Фридриж Рихтер (1763™ 1825), писавший под псевдонимом Жан~Пояь. Его книги пользовались широкой популярностью в Европе в первой половине XIX в. [f] монолог ТекмессыРечь идет о монологе героини трагедии Софокла «Аякс» (ст. 485-524).

* ...день зимородкаПо народным поверьям встреча с этой птицей считается предзнаменованием покоя.

39

ПН № XXXVII. Впервые на рус. яз. (не полностью) ВЕ. С. 188-189, затем-«Ивтернац. лит.». С. 153-154 и Собр. соч. С. 54-56.

[й] ...для Вашего брата...— Речь идет о Луи Дакене (1820—1861), в то время студенте Политехнической школы в Париже.

* ...я ужинал с мадемуазели? Рашель...- см. примеч. 4 к п. 32.

* ...сыграла первый акт «Есфири»...— Выше (п. 34) Мериме писал, что Рашель читала первый акт другой трагедии Расина - «Федры».

[4] ьТы ль это, милая Элиза?» — Первая реплика Есфири в трагедии Расина (В переводе Б. Лифши-

ца: «Елисавета! Ты?»).

* Тьер, Адольф (1797-1877) - французский государственный деятель и выдающийся историк. Мериме был с ним хорошо знаком (сохранилось 12 писем писателя Тьеру).

* Делавинь, Казимир (1793-1843) - французский драматург, автор многочисленных стихотворных драм, трагедий и комедий, пользовавшихся в свое время большой популярностью.

40

ПН - № LIV, датировано 9 февраля. Передатировано по содержанию.

[1] Одного из ближайших друзей моих... разбил параличРечь идет о близком дру-ге Мериме и Стендаля английском адвокате и посетителе светских салонов Саттоне Шарпе (1797-1843).

41

ПН - № LII, датировано февралем. Передатировано по содержанию.

* ...перед «ДжокондойТ. ©. в Лувре перед знаменитой картиной Леонардо да Винчи.

42

ПН - № XXXIX, датировано 16 января. Передатировано по содержанию.

43

ПН —№ XXX, датировано декабрем 1842 г. Пере-

датировано по содержанию.

44

ПН - № XXXI, без даты. Датируется по содержанию и связи с предыдущим письмом.

* ...к выставке картин...- Речь идет о подготовке к открытию очередного «салона» — выставки современной живописи.

ПН - Ш XL.

46

ПН - № XLI. М. Партюрье высказывает сомнение по поводу отнесения этого письма к 1843 г., но не предлагает другой датировки.

[1] ...салон на улице Сент-Оноре...- Полагают, что первая встреча Мериме и Женин Дакен в Париже состоялась у их общей знакомой графини де Понтье, жившей на улице Сент-Оноре.

[r] ...как to случилось с царем из «Тысячи и одной ночи»...— Мериме имеет в виду рассказ об окаменевшем царевиче (ночи 7-9).

47

ПН - № XLII. М. Партюрье сомневается в возможности датировать это письмо 1843 г.

[1] Ривас, Анхель де Сааведра (1791—1865) — ис-

панский поэт. Под псевдонимом Граф Вильямедиана он опубликовал несколько исторических романов собственного сочинения.

48

ПН - № XLIII.

49

ПН - № XLIV.

[1] ...за чтением доктора Штраусса...— см. примеч. к п. 37.

50

ПН - № XLV.

* В Версале же, в дни, когда музей закрыт...— Речь идет о Большом дворце в Версале, который был открыт для посетителей не каждый день.

51

ПН - № XLVI.

[4] А что роман мой...— Мериме пишет о сборнике юмористических рассказов Текке-рея, изданного в двух томах в 1841 г.

[2] Yellowplush - «Желтоплюш», первый литера-

турный псевдоним Теккерея и одновременно сатирический персонаж, от имени которого он рассказывает различные истории. Желтоплюш — лакей в аристократическом доме, решивший заняться на досуге литературой. «Записки Желтоплюша» печатались в «Журнале Фреэрса»* лондонском периодическом издании, с ноября 1837 по январь 1840 г., затем были выпущены отдельным сборником.

52

ПН - № XLVIII.

* ...auld lang syne...- Слова из баллады Роберта Бернса «Старая дружба»:

За дружбу старую - до дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.
{Пер. С. Маршака)

Мериме скорее всего заимствовал это выражение из «Дон Жуана» Байрона, где оно также встречается (X, строфы 16-19):

Я пью за «Auld Lang Syne» и за стихи, За то, что я, в лицо тебя не зная,
Тебя судьею честным почитаю.
И «Auld Lang Syne» как отблеск юных дней Сия-

ет снова в памяти моей.

(Пер. Т. Гнедич)

53

ПН - № XLIX, датировано 17 февраля. Передатировано по содержанию.

[4] Нынче вечером я ходил в Итальянскую оперу...— Мериме пишет об исполнении оперы Валентино Фиораванти (1764-1837) «Сельские певицы», в которой главные партии исполняли Персиани (см. примеч. 1 к п. 36) и П. Виардо (см. примеч. 2 к п. 29).

* ...кое над чем работать...— Мериме имеет в виду начало своей работы над обширным историческим иссл едованием, посвященным королю Кастилии дону Педро I Жестокому (правил в 1350-1369 гг.). Это исследование Мериме вышло в 1848 г.

54

ПН - № L.

* ...у госпожи де П...~ Видимо, у графини де Понтье (см. примеч. 1 к п. 46).

* Хук, Теодор (1788-1841) - известный в свое время английский писатель, знакомый Стендаля.

* Читали Вы... Бульвера? - Мериме называет роман английского писателя Эдварда Бульвера-Литтона (1803-1873) «Эрнест Мальтраверс» (1837) и его продолжение роман «Алиса» (1838). Мериме познакомился с Бульвером-Литтоном в декабре 1832 г. в Лондоне.

55

ПН - № LI.

[1] Сен-Жермен лЮсеруа - церковь в готическом стиле напротив колоннады Лувра.

56

ПН - № LIII.

* Вот книга, о которой я говорил Вам,— Возможно, речь идет об одном из романов Бульвера-Литтона (см. примеч. 3 к п. 54).

57

ПН - № XXXVIII, датировано январем 1843 г. Передатировано по содержанию.

* Никто из нас богами не владеет... сумеет,— Источник цитаты не установлен.

* ...возвращаясь сейчас с министерского ра-

ута...— Речь идет о торжественном приеме, устроенном Франсуа Гизо (1787-1874) в министерстве иностранных дел.

* «Sketches» Диккенса — Мериме имеет в виду книгу Диккенса «Очерки Боза> (1833).

58

ПН - № LV.

* Марий, Гай (156-86 до н. э.) - древнеримский полководец и политический, деятель. Во время гражданской войны Марий бежал в Северную Африку, но затем вернулся оттуда и завладел Римом.

[2] Бедняга Шарп в прошлую среду скончался.— Саттон Шарп (см. примеч. 1 к п. 40) скончался в полночь 22 февраля 1843 г.

59

ПН — № LVII, датировано 13 марта. Передатировано по содержанию.

* Герцог Немурский - Луи-Шарль Орлеанский (1814-1896), французский политический деятель* сын короля Луи-Филиппа.

60

ПН - № LVIII, датировано 11 марта. Передатировано по содержанию.

61

ПН - № LX, датировано 21 марта. Передатировано по дню недели.

62

ПН - № LXI.

63

ПН - № ЫХ.

* Я еду в Руан через несколько дней — Эта поездка, видимо, не состоялась.

64

ПН — № LXXIII, где письмо датировано 5 августа. Передатировано М. Партюрь© на том основании, что 3-5 августа Мериме был не в Париже, а в Везле.

65

ПН — № LXIII, датировано 8 апреля. Передатировано по дню недели.

[4] Вильгельм Мейстер — герой одноименного романа Гете. Речь идет скорее всего о первой части этого романа - «Годах учения Вильгельма Мейстера» (1795-1796).

[2] ...воспоминание об удовольствии в некотором роде тождественно страданию Возможная реминисценция из Данте («Ад», V, 121-123):

...Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена В несчастий...
(Пер. М. Лозинского)

[5] ...в пользу пострадавших от землетрясения — Речь идет о сильном землетрясе= нии в Гваделупе, происшедшем 8 февраля 1843 г,

66

ПН — № LXIV. Впервые на рус. яз.- Собр. соч. С. 58-59.

[4] Катулл, Кай Валерий (88-55 до н. э.) - древнеримский поэт, мастер любовной лирики.

[2] ...во времена Перикла- Т. е. в V в. до н. э., в пору расцвета древнегреческой культуры, в том числе

любовной поэзии.

® *..Вы обратили внимание на стихи Мюссе...— Мериме скорее всего имеет в виду книгу Мюссе «Новые стихотворения», вышедшую в 1840 г.

67

ПН - № LXV. Впервые на рус. яз.- Собр. соч. С. 60-61.

* ...можно будет добраться до Руана или Орлеана Мерные пишет об открытии железнодорожных линий Париж-Орлеан (2 мая 1843 г.) и Париж-Руан (3 мая 1843 г.).

[2] Сент-Уан — средневековый собор в Руане.

[3] Как понравился Вам фейерверк? — Этот фейерверк был устроен в Париже 1 мая 1843 г. по случаю дня рождения короля Луи-Филиппа.

68

ПН - № LXVI.

[4] Я назвался бы доном Фурлано...— Видимо, описка Мерные или первых издателей его «Писем к незнакомке». Следовало бы читать: «назовусь доном Фулано» (здесь «Фулано» - одна из очень распространенных испанских фамилий), и тогда смысл этого намека становится понятен: Мерные

собирается прикинуться самым обыкновенным испанцем.

[2] Эспартеро - см. примеч. 7 к п. 19.

69

ПН - № LXVII.

[3] Wahlverwandtschaft(en} — «Избирательное сродство», роман Гете, написанный в 1810 г. и переведенный на французский язык б 1844 г.

70

ПН - № L XVIII, датировано 23 июня. Пере датировано цо дню недели.

* ..мой рассказ развлек Вас,..— Речь идет, видимо, о новелле Мерные «Арсена Гийо&* которая в то время еще не была опубликована.

[%] С моим отъездом пока ничего еще не решено - Мерные предполагал отправиться в инспекционную поездку в Реймс, Понтиньи и Везде. Он выехал 31 июля вместе со своим коллегой и другом Эженом-Эмманюзлем Виолле-ле-Дюком (1814-1879) и вернулся в Париж 1 сентября. Они посетили значительно больше городов и обследовали больше архитектурных памятников, чем предполагалось ранее.

71

ПН - № LXIX.

[4] Название книжки весьма соблазнительно.,.— Далее Мерные приводит название кни» ги немецкого историка Августа-Теодора Вёнигера, которую он использовал при написании своей работы «Заговор Катилины».

72

ПН - «Ns LXX, датировано июлем 1843 г. Дата уточнена по содержанию.

[4] Через десять дней я уезжаю.— Мерные выехал из Парижа 31 июля (ср. примеч. 2 к п. 70).

73

ПН - № LXXI, датировано 28 июля. Дата уточнена по дню недели.

[s] Дела, связанные с отелем Клюни...— Речь идет об организации Музея Клюни другом и коллегой Мериме Александром Дю Соммераром (1771-1842), который собрал большую колдекнию памятников средневекового искусства. После смертш

Дю Соммерара Мериме н его коллеги по Комис-

сии по охране памятников довел» дело до конца, и Музей Клюнн открылся 17 марта 1844 г. Директором Музея Клюнн был назначен Эдмон Дю Соммерар (1817-1885), сын инициатора создания музея. Мериме поддерживал с ним постоянные отношения.

74

ПН - № LXXIV. где письмо датируется 8 августа. Дата уточнена по времен» пребывания Мериме в Везде.

[1] „.мой спутник...- Э.-Э. Виолле-ле-Дюк (см. примеч. 2 к п. 70).

* ...вскоре после нашей с Вами встречи...— Речь идет о первом свидании Мериме » Женин Дакен в конце декабря 1832 г. Впервые церковь в Везде Мериме осматривал в августе 1834 г. (см. примеч. 1 и 2 к п. 13).

[9] Через несколько дней я буду в Дижоне.— Мериме пробыл там с 9 по 11 августа.

[4] Солеи, Фелисьен Кеньяр де (1807-1880) — французский археолог, хороший знако* мый Мериме (сохранилось 74 письма писателя к де Солеи).

[5] ...о Вашем брате..*-1В то времй Лун Дакен учился в артиллерийской школе * Метце.

75

ПН - № LXXVI.

[1] ...аксиому...— Ее обычно приписывают ТаЛейрану.

[1] Юра — горный массив на востоке Франции, близ ее границы с Швейцарией.

* ...пишите в Везансон...— В этом городе Мериме был 20 и 21 августа.

76

ПН - № XCVII, датировано 6 сентября 1844 г. Передатировано по содержанию. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 190, затем - «Ленинград». С. 23.

[1] ...хлопочу о выдвижении в Академию надписей.— Выборы должны были состояться 17 ноября 1843 г. Мериме был избран.

77

ПН — № XCVI, датировано сентябрем 1844 г. Передатировано по содержанию. Впервые на рус. яз,- ВЕ. С. 189-190.

78

пн - № Lxxviii;

79

ПН - № LXXVII.

80

ПН - № CXVII1, датировано 10 октября 1846 г. Передатировано по времени пребывания Мериме в Суассоне.

[1] С у ас с он — Мериме совершил короткую инспекционную поездку в Реймс, Авене и Суассон с 7 по 12 октября 1843 г.

8i

ПН - № LXXXL

82

ПН - № LXXXII.

* ...на вчерашнем балу...— На каком именно балу была Женни Дакен — не ясно.

[2] Я же отправился было в Итальянскую оперу...— В четверг 16 ноября в Итальянской опере должна была исполняться опера Гаэтано Дони-

цетти (1797-1848) «Мария де Роган».

[3] Ронконщ Джорджо (1810-1890) - итальянский певец, баритон. Не раз гастроли* ровал в Париже.

[3] «L'Elisir d'amore» («Любовный напиток») - прославленная опера Доницетти, написанная в 1832 г.

[9] У меня нет никаких шансов на успех.— Дурные предчувствия Мериме не оправдались: 17 ноября 1843 г. он был избран в первом же туре голосования свободным членом Академии надписей и изящной словесности.

83

ПН-№ LXXXIII, датировано 23 ноября. Дата уточнена по дню недели;

[4] «Three gentlemen at once».- Возможно, реминисценция из комедии Шеридана «Соперники» (д. IV, сц. 2), написанной в 1775 г.

[2] Не забудьте, что в пятницу...— В пятницу 24 ноября Мериме принимал поздравления в связи с избранием его в Академию надписей.

84

ПН - № LXXXIV.

85

ПН - № LXXXV, датировано 1844 г. Передатировано по содержанию.

86

ПН - № LXXXVI,

* Бельвю - живописная местность под Парижем.

87

ПН - № LXXXVI I.

88

ПН-№ XLVII, датировано 11 февраля 1843 г. Передатировано по содержанию.

[4] Самое смешное, когда встречаешься с соперниками.- Речь идет о выдвижении кандидатуры Мериме на выборах во Французскую академию, где образовалось два вакантных места после смерти Казимира Делавиня (см. примеч. 6 к п. 39) и известного писателя и библиофила Шарля Нодье (1780-1844).

89

ПН - № LVI, датировано 1 марта 1843 г. Передатировано по содержанию. Впер-, «ые на рус. яэ.- «Ленинград». С. 22.

[1] Судьба моя в Академии решается 14 марта.- К началу марта на два вакантных места было выдвинуто три кандидата: Мериме, второстепенный литератор Оне-эжм Леруа (1788-1875) и популярный в свое время драматург Казимир Бонжур

90

ПН - № ХСН. М. Партюрье считает эту датировку сомнительной, но не меняет ее; он лишь передвигает письмо к началу марта, т. е. до выборов в Академию.

91

ПН - № LXXXVIII.

* Нанести столько визитов! - Кандидату во Французскую академию полагалось на-нести визит всем академикам.

* В четверг, к часу дня, я снова сделаюсь самым

обыкновенный двуногим существом...— Т. в. после голосования в Академии.

[8] приняться за корректуру «Арсены Гийо»...— Новелла Мериме печаталась в «Ревю де Дё Монд»; номер с новеллой вышел 15 марта.

92

ПН - № LXXXIX, датировано 15 марта. Передатировано по содержанию. Впервые на рус. яз.- «Ленинград». С. 22-23 (где письмо неверно датировано 1843 г.), затем -Собр. соч. С. 65.

* ...я готовился к поражению - К моменту выборов число претендентов увеличилось: помимо второстепенного литератора Эме Мартена (1782-1847), к ним прибавились известный романист и критик Ш. О. Сент-Бев (1804-1869), Альфред де Виньи (1797-1863), талантливый поэт-романтик Эмиль Дешан (1791-1871) и литератор и историк Жан Вату (179(2-1848). Сент-Бев был избран во втором туре на место Казимира Делавиня. Мериме был избран лишь в седьмом туре на место Шарля Нодье.

[г] А Гомер мой обманул меня.. - Как свидетельствовали современники, Мериме перед академическими выборами решил погадать по Гомеру, раскрыл книгу, где придется, и прочитал первую

попавшуюся строку, смысл которой показался ему дурным предзнаменованием.

93

ПН - № XC. Впервые на рус. яз.- Собр. соч. С. 66.

* Равиньян, Рюстав-Франсуа-Ксавье (179(5*-1858) — модный в то время парижский проповедник.

[r] ...на этой скандальной истории...- Появление новеллы Мериме вызвало в «добропорядочном» обществе скандал, писателя обвиняли в «безнравственности».

94

ПН - № LXII, датировано 29 марта 1843 г. Передатировано по содержанию.

* Of the mind's eye...- Цитата из «Гамлета» (д. I, сц. 1), которую Мериме часто использует в своих письмах.

[%] Цербером, знаете ли, Вы быть перестали — Ср. примеч. 2 к п. 32.

95

ПН - № хеш.

* Страсбург — Мериме был в своей обычной инспекционной поездке; он выехал иэ Парижа 23 апреля, посетил Страсбург и Безансон и 8 мая вернулся в столицу.

* ...па могилу Нодье...- Как уже говорилось, Мериме был избран во Французскую академию на место Шарля Нодье; он должен был выступить с пространной речью в честь своего предшественника.

* Сабина де Стейнбах — немецкий скульптор XIV в.; ей приписывались фигуры бокового портала собора Богоматери в Страсбурге; в настоящее время они счи* таются работой другого мастера.

96

ПН - № LXXII, датировано 2 августа 1843 г. Передатировано по содержанию.

[4] ...лоно земли...- из «Илиады» (XVI, 635) или «Одиссеи» (III, 453).

* Брахма - одно из верховных божеств древних индусов.

97

ПН - № XCIV.

[4] ...у меня есть для Вас два билета.- Заседания Академии надписей и изящной словесности, куда Мериме был избран 17 ноября 1843 г., происходили в торжественной обстановке, и на них допускалась светская публика по особым при» гласительным билетам.

[4] А я покуда тружусь в поте лица над весьма трудной задачей...— Мериме готовил свою вступительную речь во Французской академии, посвященную памяти Нодье (см. примеч. 1 к п. 88). Эту речь Мериме произнес 6 февраля 1845 г., затем она была издана отдельной брошюрой (см.: Собр. соч. Т. 5. С. 141-159).

98

ПН - JVs XCIX, датировано 15 сентября. Передатировано по содержанию.

[1] Точно Одиссей...— Мериме вспоминает начало «Одиссеи»:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,

Странствуя долго со дня, как святой Илион им

разрушен,

Многих людей, города посетил и обычаи видел...

(Пер. В. Жуковского)

[4] Я безмерно восхищен Скрибом...— Мериме имеет в виду речь известного драматурга Эжена Скриба (1791-1861) на заседании Французской академии 29 августа 1844 г. В этой речи содержался отчет о присуждении академических премий за «добродетель».

• ...академическая мантия придала ему уверенности...- Скриб был избран во Французскую академию в 1836 г.

99

ПН - № С.

[4] Сент - Мериме был в этом городе с Э.-Э. Виолле-ле-Дюком с И по 14 сентября. [4] ...подобно Скапену, возвращающемуся из путешествия...— Мериме вспоминает сцену из комедии Мольера «Плутни Скапена» (д. II, сц. 5).

[4] ...напишите мне в Блуа...- Мериме проезжал через этот город на Луаре, видимо, 25 сентября.

400

ПН - № XCVI. Это письмо, судя по его содержанию, можно было бы датировать
и началом сентября 1844 г.

401

ПН - № СП,
[4] ...как говорит Гомер, на «лоне земли».— См. примеч. 1 к п. 96,

102

ПН - № СШ, датировано 7 февраля. Дата уточнена по содержанию.
[1] Все прошло лучше, чем я надеялся.- Речь идет о церемонии приема Мериме во Французскую академию, состоявшейся в четверг 6 февраля 1845 г.

103

ПН - № GIV, датировано 8 февраля. Дата уточнена по дню недели.
* Раз Вы не сочли, что я был слишком смешон...- Речь идет о церемонии приема Мериме в Академию. Судя по письму, Женни Дакен на ней

присутствовала.

104

ПН - № CV.

[1] Я только что обнаружил здесь Ваше письмо...- Мериме находился в это время в Тулузе в инспекционной поездке по южным департаментам Франции. Он выехал из Парижа 5 августа и вернулся в столицу 16 сентября.

* ...провел у одного депутата...— Как полагают исследователи, Мериме пишет здесь о своем визите к Леону де Мальвилю, политическому деятелю, депутату от департамента Тарн-и-Гаронна.

[9] ...вслед за Хотспером...— Далее Мериме цитирует часть реплики Хотспера из исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV» (ч. I, д. III, сц. 1):

И этому я рад от всей души.
Мне б лучше быть котенком и мяукать,
Чем к продавцам баллад принадлежать.
(Пер. Вл. Морица)

[9] Институт - здание на левом берегу Сены, напротив Лувра; в нем помещаются все академии - Французская академия, Академия надписей и изящной словесности и т. д., которые в своей совокупности и составляют так называемый

Французский Институт.

[9] ...чтобы успеть вернуться к 20 сентября.- Мериме вернулся в Париж даже раньше, 16 сентября.

105

ПН - № CVI, датировано 5 сентября. Дата уточнена по времени пребывания Мериме в Авиньоне.

[9] ...поездкою на север...- Мериме ездил в Метц между 5 и 16 октября.

* Пишите мне в Везле...— Мериме проехал через Везле 14 или 15 сентября.

106

ПН - № CVIII. Впервые на рус. яз.- «Ленинград». С. 23-24.

* Вот уже более недели...- Мериме приехал в Мадрид 18 ноября; в Париж он вернулся 15 декабря.

* ...изыскания свои я завершу довольно скоро...— Мериме занимался в отделе рукописей мадридской Академии истории, работая над книгой о короле Доне Педро (см. примеч. 2 к п. 53).

[9] Со времени последнего моего визита...- Мериме был предыдущий раз в Испании в августе 1840 г.

* Нарваэс, Рамон-Мария (1800-1868) - испан-

ский политический деятель; не раз возглавлял испанское правительство. Так, в конце 1843 г. он вернулся в Испанию! изгнал Эспартеро и восстановил монархию. Мериме во время своей поездки нанес ему визит 20 ноября.

[9] ...ее Католическое Величество — испанская королева Изабелла II.

107

ПН - № CIX.

[1] Брустер - известный в свое время парижский врач-стоматолог.

108

ПН - № XCI, датировано 26 марта 1844 г. Передатировано по содержанию.

[1] Боюсь, что речь показалась Вам слишком длинною.— Мериме имеет в виду церемонию приема во Французскую академию своего хорошего знакомого Людовика Вите (1802-1873), известного в свое время драматурга, автора популярных драм «Баррикады» (1826) и «Штаты в Блуа» (1827).

[2] Видели ли Вы, что я послал Вам? — Мериме послал Женни Дакен, присутствовавшей на цере-

монйи, воздушный поцелуй. Этого он, конечно, не смог бы сделать во время своего собственного приема в Академию в 1845 г.

109

ПН - № GX.

[1] „.auld lang syne.. — См. примеч. 1 к п. 52.

110

ПН - № CX1.

[1] Дижон — Мериме выехал в очередную поездку по востоку и югу Франции 18 июля. В Париж он вернулся 18 августа.

[2] Бар — имеется в виду старинный французский город Бар-ле-Дюк на границе Шампани и Лотарингии.

[3] ...подобно Одиссею...— См. примеч. 1 к п. 98.

[4] ...возвращаюсь, как всегда, к моим баранам.- Здесь Мфиме использует крылатое выражение, восходящее к средневековому фарсу «Адвокат Пьер Патлен» (ок. 1469):

Вернитесь, сударь мой, к баранам.

(Пер. А. Васильева)

111

ПН-№ СХН, датировано 10 августа. М. Партюрье считает, что точную дату установить нельзя. Письмо может быть датировано промежутком между 29 июля и 6 августа 1846 г.

[1] ...в поисках уединенного местечка...— Скрытая цитата из «Мизантропа» Мольера (д. V, сц. 4):

От общества людей и навсегда отныне
Со мной укрылись бы вдвоем в глуши, в пустыне...

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

[2] В Париже я буду, самое позднее, 18-го...— См. след, письмо.

112

ПН - № СХ111.

[1] ...сон Глостера...- Далее Мериме цитирует, не очень точно, два стиха из исторической хроники Шекспира «Ричард III» (д. I, сц. 4) :

Такой второю ночью не купил бы Я мира целого счастливых дней.

(Пер. А. Радловой)

Слова эти, однако, произносит не Глостер, а его брат герцог Кларенс.

* ...когда бы со мною произошло го, что приключилось с ЭпимепидомНа древнегреческого философа ЭииаХенида (VII в. до н. э.), согласно легендам, напал волшебный сон, и он проспал в пещере 57 лет.

[4] В Кёльн я поеду в начале сентября...- Мериме был в Кёльне в середине сентябри. [4] ...а в Барселону - в октябреМериме приехал в Барселону 10 ноября.

113

ПН - № CX1V.

114

ПН - № CXV.

* ...поездка моя в Кёльн... стала распадатьсяСм. примеч. 3 к я. 112.

[8] [3],.и ив Лиона - в МарсельМериме приехал в Марсель из Барселоны 2 декабри и 5-го выехал в Лион.

[#] ...появилась новая БрамбиллаИтальянская опера открыла новый сезон в Париже 3 октября 1846 г.; была исполнена опера Россини «Семирамида» (1823). Главную партию исполнила Терезина Брамбилла. Она была дочерью компо-

зитора П. Брам-баллы и сестрой еще четырех его дочерей, также оперных певиц - Джузеппины¥Аннеты, Лауры и Мариетты.

[A] ...Мадемуазель Альбины...- оперная певица, дебютировавшая на парижской сцене в октябре 1846 г.; большого успеха она не добилась и вскоре ушла из театра.

115

ПН - № CXVI.

* Экс-ля-Шапелъ - т. е. Аахей, столица империи Карла Великого.

116

ПН ~ № CXVIX.

[4] В Бонне разрушили Мюнстер...- Речь идет о разрушении здания монастыря, воз-веденного в Бонне в эпоху средних веков.

* Лаах — небольшой немецкий город на Рейне, между Бонном и Кобленцом; здесь сохранилось старинное аббатство с церковью Св. Марии, заложенной пфальцграфом Генрихом в 1093 г. и законченной в И56 г. Значительный памятник романской архитектуры. Мериме пишет о неумелой реставрации монастыря и сделанных в нем

современных росписях.

* ...как побывал в ТмолусеМериме был в этом городе на Ближнем Востоке в декабре 1841 г.

117

ПН - № CVI1, датировано 10 ноября 1845 г. Передатировано по содержанию.

* Вот я и прибыл к конечной цели моего долгого путешествия...- Ср< примеч. 4 к п. 112.

* trabucayres — каталонские повстанцы.

* Архивариус мой...- Речь идет о Просперо Бофаруле (1777-1859), который заведовал городским архивом Барселоны. Мериме занимался в этом архиве, работая над книгой о Доне Педро (см. примеч. 2 к п. 53).

[4] Calo — один из диалектов цыганского языка; отдельные его слова и выражения вошли в испанскую разговорную речь.

118

ПИ ~ № XCV, датировано 19 августа 1844 г. Передатировано но содержанию.

[4] ...в Алжир я уеду числа 8 или 10..,- Мериме и его друг Леон де Лаборд (1807™ 1867), брат многолетней возлюбленной Мериме Валентины Делессер

(1806™ 1894), археолог и путешественник, должны были отправиться в Алжир после 6 сентября, но 11 сентября военное министерство запретило эту поездку,

[r] Сира. — небольшой остров в Эгейском море. Видимо, о нем шла речь в письме Женни Дакен.

[8] ...у генерала Нарваэса...- См. примеч. 4 к п. 106.

* Серрано, Франсиско (1810-1885) — испанский военный и политический деятель* возлюбленный королевы Изабеллы II.

[5] ...Его жирного Католического Величества...— Речь идет о муже королевы Изабеллы принце Франсиско де Ассизи Бурбоне (1822-1902); их свадьба состоялась 10 октября 1846 г.

* ...Госпожа Гонсалес Браво...— жена испанского посла в Португалии.

[?] Ромеа, Хулиан (1813-1868) - испанский актер и литератор.

119

ПН XCVIII, датировано 14 сентября 1844 г. Передатировано по содержанию.

[1] Возник конфликт между военным министерством и министерством внутренние дел.- См. примеч. 1 к п. 118.

* ...но остаются еще десять...— Ошибка Мериме?

Следовало бы: восемь.

* Ларше, Пьер-Анри (1726-1812) - переводчик Геродота на французский язык (1786).

[1] ...Ксенофонтов «Анабасис»...- См. примеч. 7 и 8 к п. 28.

[A] Морских диалогов (Лукиана)...~ Такое произведение Лукиана из Самосаты действительно существует. Это один из наиболее сатирически острых диалогов писа теля.

[в] «Юпитер уличаемый» — произведение Лукиана.

[7] «Юпитер трагический» - также произведение Лукиана.

[%] «Пир, или Лапифы» -- произведение Лукиана.

[3] В понедельник я уеду...- 22 сентября Мериме выехал из Парижа в инспекцией ную поездку по северным департаментам Франции; он посетил, в частности,, Нормандию и Бретань.

120

ПН - «N*2 СХГХ. В ПН это письмо объединено со следующим. М. Партюрье имел все основания разделить части письма на самостоятельные письма.

[4] «Ревю» беспрестанно тормошит меня с «Доном Педро».- «История Дона Педро I* короля Касти-

лии» до выхода отдельной книгой у издателя Шарпантье печаталась в «Ревю де Дё Монд» с 1 декабря 1847 г. по 1 февраля 1848 г.

121

ПН —№ CX1X. В ПН это вторая половина предыдущего письма. Совершенно «очевидно, что это письмо написано после поездки Мериме в Пикардию.

[1] ...этого путешествия...- См. примеч. 9 к п. 119. В Париж Мериме вернулся 14 <ш= тября.

122

ПН — № GXX. Это письмо написано по-английски. Впервые на рус. яа.--ВЁ. С 190-191.

[1] ...к небывалому ходу событий...— Речь идет о восстании народа Парижа, что привело к отречению Луи-Филиппа в пользу своего внука графа Парижского (24 февраля 1848); однако народные массы потребовали образовать временное правительство, распустить палату депутатов и палату пэров. 25 февраля была провозглашена республика.

123

ПН - № CXX1.

[1] Меня тревожит банкротство дома ***...- Среди будных событий февраля и марта 1848 г. лишь банк Ротшильда и Французский банк сохранили некоторую устойчивость, практически все остальные банки обанкротились.

124

ПН - № CXXIII.

[1] ...после ночи, проведенной в карауле.. — Все мужское население Парижа, способное носить оружие, было призвано в. Национальную гвардию. Не избежал этого и Мериме.

125

ПН - № CXXH, где письмо датируется просто мартом 1848 г. Датировка уточнена по содержанию.

[4] ...в Бюзансэ, два года назад вспыхнул бунт...- В конце 1846 и начале 1847 г. по Франции прокатились голодные бунты, один из которых, видимо, и упоминает Мериме. К этим бунтам добавилась стачка угольщиков в Рив-де-Жьё, недалеко от

Бюзансэ.

[2] ...подобные процессии...— Мериме имеет в виду демонстрацию буржуазных батальонов Национальной гвардии (так называемые медвежьи шапки), которая состоялась 16 марта 1848 г., и контрдемонстрацию парижских рабочих в защиту левого крыла временного правительства (17 марта).

126

ПН - № CXXIV.

[1] ...явилась в Академию...- Мериме имеет в виду церемонию приема во Французскую академию его друга Ж.-Ж. Ампера (см. примеч. 4 к п. 19).

127

ПН - № CXXV, датировано 15 мая 1848 г. Передатировано по дню недели и по содержанию. Впервые на рус. яз.- ВЕ. С. 191.

[4] Все прошло как нельзя лучше...- Мериме пишет о неудачной попытке разгона Национального собрания и об аресте Армана Барбеса (1809-1870) и ряда других революционеров.

128

ПН — № CXXVI. Впервые на рус. яз.— ВЕ. С. 191—192.

[4] ... я вернулся домой...— С 23 по 26 июня Мериме как национальный гвардеец принимал участие в перестрелках на улицах Парижа, т. е. в разгоне генералом Ка-веньяком восставших народных масс столицы.

129

ПН-Л& CXXVII.

* „.на моих именинах...- День святого Проспера отмечается по католическому календарю 25 июня.

* ...соответствующим числом пушечных выстрелов.— См. п. 128 и примеч. к нему.

130

ПН - № CXXVIII.

[1] Сен-Жермен - имеется в виду Сен-ЦСермен-ан-Лэ, замок и небольшой городок *-окрестностях Парижа.

* Общество библиофилов — общество, в котором

Мериме состоял с января 1847 Гг Председателем общества с 1844 по 1892 г. был Жером-Фредерик Пишон (1812-1896), известный в свое время писатель и коллекционер-библиофил.

* ...где родился Генрих IV.- Ошибка Мериме: Генрих IV родился в замке По. В© дворце Сен-Жермен-ан-Лэ есть Павильон Генриха IV, построенный ок. 1594 г.

131

ПН - № CXXIX, датировано 19 июля 1848 г. Дата уточнена по дню недели и содержанию.

* о ..день 14 июля...— Т. е. день взятия Бастилии.

* ...события 23-26 июня,- См. примеч. к п. 128.

132

ПН - № CXXX. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 192.

[4] Минъе, Франсуа-Огюст-Мари (1796-1884) - французский историк, коллега Мериме по Французской академии.

* ...мадемуазель Дон...— Родственница Тьера.

* ...перед домом г. Тьера.- А. Тьер жил в то время на площади Сен-Жорж, в девятом округе.

* Кавенъяк, Луи-Эжен (1802-1857) - французский военный и политический деятель, глава исполнительной власти с конца июня до начала декабря 1848 г.

* Ламорисьер, Луи (1806-1865) - французский военный и политический деятель, антибонапартист, затем поступивший на службу к Наполеону III.

[4] Бедо, Мари-Альфонс (1804-1863) - французский генерал. Принимал активное участие в политической жизни Второй республики и был изгнан после бонапартистского переворота (2 декабря 1851 г.).

’ ...герцог Исли...- Имеется в виду генерал Тома-Робер Бюжо де ля Пиконнери* герцог Исли (1784-1849), французский военачальник, маршал Франции, участник ряда африканских кампаний; пользовался большой популярностью в армии ш среди населения.

* ...не трогать хорватов.- Мериме имеет в виду повстанческие отряды хорватов, боровшихся против насильной мадьяризации и австро-венгерского господства в их землях.

* ...это будет первый транспорт.— Речь идет о высылке из Франции в отдаленные колонии революционеров и республиканцев.

[10] Отон (1815-1867) - греческий король, сын короля Баварии Людовика I; Отон был возведен на престол в 1832 г. и низложен в 1862 г.

[и] Форьель, Клод (1772-1844) - французский литературовед и историк, автор большого числа работ по средневековой истории Прованса, а также исследований*., посвященных греческому и южнославянскому фольклору.

13 Проспер Мериме

133

ПН - № CXXXL

[1] Ледрю- имеется в виду Александр-Огюст Ледрю-Роллен (1807-1874), француз* ский политический деятель, член временного правительства в 1848 г.

134

ПН - № CXXXH.

[1] ...вокруг следствия.— Речь идет о работе следственной комиссии под председательством Одилона Барро, созданной 26 июня 1848 г. для расследования причин и обстоятельств рабочих возмущений в мае и июне.

* времен заговора Катилины.- Речь идет о за-

говоре римского патриция ‘Каталины против римского сената. Заговор был разоблачен Цицероном (63 г. до н. э.).

* Прудон Пьер-Жозеф (1809-1865) — французский политический деятель в социалист-утопист.

135

ПН - № CXXXIIL [1] Минье — см. примеч. 1 к п. 132.

[1] Академия нравственных и политических наук - Одна из академий, входящих в * Институт (см. примеч. 4 к п. 104). Минье выступил на годичном собрании этой академии, посвятив свою речь жизни и деятельности дипломата, историка ш общественного деятеля Луи-Пьера-Эдуарда Биньона (1771-1841).

136

ПН - № CXXXVI, датировано 10 октября 1850 г. Передатировано по содержанию.

* ...я жил в местах столь пустынных и диких...— Мериме совершил инспекционную поездку по Вогезам, где архитектурные памятники он нашел в состоянии во многих случаях почти критиче-

ском.

* ...жирондистских песен.- Мериме имеет в виду песню жирондистов, исполняемую в исторической драме Александра Дюма-отца и Огюста Маке (1813-1888) «Шевалье де Мезон Руж», впервые исполненной на парижской сцене 27 октября 18471\ Эта пьеса рассказывает о событиях Великой французской буржуазной революции.

[s] Эрвин де Стейнбах — скульптор XIV в. Ему (или его дочери Сабине) приписы= валось скульптурное убранство собора в Страсбурге (см. примеч. 3 к п. 95).

137

ДН - № CXXXIV, датировано 5 ноября 1848 г. Передатировано по содержанию.

[1] Слыхали ли Вы пушку...- Мериме имеет в виду артиллерийский салют по случаю дня Конституции (12 ноября).

[r] Я же нынче начал новую работу, также историческуюМериме, видимо, пишет здесь о своей пространной рецензии на книгу известного английского историка Джорджа Грота (1794-1871) «История Древней Греции», первые тома которой вышли в 1847 и 1848 гг. Рецензия Мериме печаталась в «Ревю де Дё Монд», с апреля 1847 по

июль 1856 г. (номера от 1 апреля 1847, 1 августа 1848, 1 июня 1849, 15 мая 1850, 15 мая 1853 и 15 июля 1856 гг.).

138

ПН - № CXXXV. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 192, затем - *Ле* яинград». С. 24; Собр. соч. С. 98-99,

* Лондон...— Мерим© выехал яз Парижа 26 мая в очередную поездку в Англию. Он вернулся домой 21 июня.

* Хэмптон-Корг — см. нримеч. 4 к и. 9.

® Риджеит-стрит — одна из самых фешенебельных улиц Лондона.

* ... в новой Палате общин...- Речь идет об обновленном зале заседаний, Палаты общин в Вестминстерском дворце.

* Эпсом — город под Лопдоном, где расположен знаменитый ипподром.

& Напишите мне в Линкольн...— Из Лондона Мериме проехал в Кембридж, Питерборо, Линкольн и вернулся в Лондон.

139

ПН - № CXXXVI. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 192-193,

[1] Стоун-Хэндж - знаменитое мегалитическое со-

оружение, воздвигнутое на рубеже каменного и бронзового веков (1900-1600 гг. до н. э.). См. о нем: Хокинс Дж.,Уайт Дж. Разгадка тайны Стоун-Хенджа. М., 1973. Стоун-Хэндж привлекал вяи-мание исследователей уже в XVIII в.

[4] Джюзбери Джеральдина (1812-1880) - популярная в свое время английская ро~ манистка. Ее роман «Зоэ, или История двух жизней» (1845) был ее первой книгой. .

[§] «Панч» - популярный английский сатирический иллюстрированный журнал; выходит с 1841 г.

140

ПН - № CXXXVIII, датировано 15 июня 1851 г. Передатировано но содержанию.

[i] Матильда (1820-1904) - дочь младшего брата Наполеона Бонапарта Жерома. Светская дама, имевшая популярный в высшем обществе Второй империи салон. Мериме часто его посещал, активно переписывался с его хозяйкой (сохранилось 33 его письма к принцессе Матильде).

* Мабилль — танцевальный зал в Париже.

[31] ...Иисусовой.- «Иисусовой землей» называют уроженцы Андалузии свою провинцию.

* Септ-Эвремоп Шарль (1616-1703) - французский писатель, автор комедий, диалогов, посла-

ний и т. д. Какую книгу Сент-Эвремона посылает Мериме Жснни Да-кен - не очень ясно. Видимо, это был сборник его произведений, куда входил и «Разговор маршала д'Окенкура и отца Канэя».

141

ПН - № CXL.

* ...мы даем последний бой...— Речь идет о государственном перевороте президента Луи-Наполеона, начавшемся с роспуска им Законодательного собрания.

.* Ледрю-Роллсн - см. примеч. к п. 133.

142

ПН - № CXLI.

[4] Осведомлен я не более Вашего.— Мериме пишет о событиях 2 декабря 1851 государственном перевороте Луи Бонапарта.

143

ПН - № CXLI1.

[4] Либри — Гульельмо Либри-Каруччи (1803-1869), итальянский адвокат, по своей сущности авантюрист. В 1830 г. он был вынужден покинуть Италию, обосновался: на юге Франции, затем перебрался в Париж. В 4839 г. получил пост профессора-,

Коллеж де Франс, затем ему доверили составление каталога рукописей из французских

провинциальных собраний. Всюду, где он побывал, пропадали наиболее ценные рукописи. Это открылось в марте 1848 г., и Либри бежал в Лондон. Начался шумный судебный процесс. 22 июня 1850 г. Либри был осужден заочно на 10 лет тюремного заключения. Мериме, знакомый с Либри с 1841 г., напечатал в его защиту, статью в «Ревю де Дё Монд» (номер от 15 апреля 1852 г.). О Либри см.: Кунин В, В. Библиофилы и библиоманы. М., 1984. С. 255-286.

144

ПН - № CXLIII.

* Мне угрожают процессом га неуважение к правосудию...— См. ниже, и. 148 и прв меч. к нему.

* Школа Хартий - научное учреждение, занимающееся изучением древних и средневековых рукописей. Основана в Париже в 1822 г. для подготовки палеографов и архивистов.

* ...выпустила когти...- На статью Мериме в «Ревю де Дё Монд» появился в том же журнале, в номере от 1 мая резкий ответ видных палеографов эпохи Л. Ладанна, А. Бордье и Ф. Буркело. Мериме знал об этом ответе еще до выхода номера в свет, так как редакция познакомила с ним

писателя и поместила в том же номере журнала его собственные короткие возражения на доводы оппонентов. В «Журналь де Деба», в номере от 28 апреля было помещено письмо Мериме, где он говорил, что не предполагал оскорблять судейское сословие.

145

ПН-ЛгСХЫУ.

* Драгоценная матушка моя скончалась...- Похороны матери писателя состоялись в воскресенье 2 мая 1852 г.

146

ПН - № CXLV.

[4] ...о публичной церемонии.- Мериме имеет в виду заседание суда по его делу.

147

ПН - № CXLV1.

[1] У меня встреча с моим адвокатом...— На судебном процессе адвокатом Мериме выступал мэтр Эдм-Анри Ножан-Сен-Лоран (1814-1882); писатель был знаком с ним по меньшей мере с 1838 г., так

как адвокат интересовался литературой в сам пописывал стихи.

148

ПН — № CXLVII, без точной даты. Дата уточнена по содержанию.

* Две недели тюрьмы и тысяча франков штрафа! — Таково было решение суда по делу Мериме. Заседание суда и вынесение приговора состоялось 26 мая. Об этом появилось сообщение в «Ревю де Дё Монд» в номере от 15 июня 1852 г.

149

НН - № CXLVIII.

[1] Боше Пьер-Анри-Эдуард (1811-1900) - знакомый Мериме. Он был женат на сестре Валентины Делессер, многолетней возлюбленной писателя. Боше служил муки ципальным чиновником, затем депутатом и наконец стал управителем имуществ семьи герцогов Орлеанских. На этом посту он был уличен в каких-то нарушениях закона о налогах и осужден на один месяц тюремного заключения. Мериме, как и Боше, отбывал заключение в парижской тюрьме Консьержери. Писателя заключили в камеру 6 июля 1852 г.

[1] Солеи Луи-Фелисьен-Шозеф Кэньяр де (1807-1880) - известный французский нумизмат и археолог, автор большого числа специальных исследований, справочников и словарей, а также описаний путешествий. Солеи был членом Академии надписей (избран 10 июня 1842 г.), поддерживал на протяжении многих лет дру-> жеские отношения с Мериме.

150

ПН - № CXLIX, датировано 1 июня 1852 г. Передатировано по дню недели» Впервые на рус. яз.- «Интернац. лит.». С. 154.

* ...за чтением переписки Бейля.- Первое издание писем Стендаля с предисловием Мериме вышло в 1855 г. в 2 томах. Мериме посвятил своему старшему другу небольшой очерк, вышедший в свет в октябре 1850 г. маленькой книжкой без указания автора и тиражом всего в 25 экземпляров. Этот очерк затем неоднократно переиздавался (см.: Собр. соч. Т. 5. С. 160-170).

* ...л сжег все письма, какие Бейль мне писал.— Это не совсем так: до нас дошло 7 писем Стендаля к Мериме, относящихся к 1826-1835 гг.

151

ПН - № CL.

* Я съездил в Турень...- Мериме выехал в Турень 4 сентября, чтобы осмотреть замки в долине Луары, в том числе Шамбор.

§ ...моего кузена...- Т. е. Леонора Френеля. См. примеч. 1 к п. 29.

* ...известны Вам по описаниям в вГрафе Монте-Кристо»...— Мериме прочел роман Дюма в 1844 г. и был увлечен приключениями его героев. Мериме упоминает здесь два маленьких острова, на одном из которых (остров Иф) сидел в тюрьме герой романа Дюма.

A ...корректура «Димитрия»...- Мериме имеет в виду свою работу «Эпизод из русской истории - Лжедимитрий». Фрагмент этой работы печатался в «Ревю де Дё Монд» в номере от 15 декабря 1852 г. Отдельное издание книги вышло в декабре 1852 г. у Мишеля Леви; на титульном листе был указан 1853 г.

152

ПН - Mi CLI.

* Му лен...- Мериме остановился в этом горо-

де, возвращаясь в Париж. В столице он был 1 октября.

153

ПН - Mi CLII.

* Карабанчель...- Мериме выехал из Парижа, направляясь в Испанию, 1 сентября 1853 г. 7 сентября он прибыл в Мадрид, затем, видимо, отправился в имение г-жи де Монтнхо. 18 декабря он вернулся в Париж.

* ...«Добрый вечер, господин Панталон»...- одноактная комическая опера популярного в то время композитора Альбера Гриэара (1808-1869) на либретто Симона Лакруа и М. де Морвана. Впервые была исполнена в Париже на сцене Комической оперы 19 февраля 1851 г.

154

ПН - № СЫН.

[s] ...уродливейшего Эскуриалского монастыря- Эта постройка в стиле так пазы ваёмого иезуитского барокко - монастырь Святого Лаврентия - была возведена между 1563 и 1584 гг. известными испанскими архитекторами Хуаном Батистой де Толедо и Хуаном Херерой.

ПН - № CLIV.

* ...герцогиня соблаговолила разрешиться от бремени дочерьюРечь идет о рождении внучки госпожи де Монтихо Марии-Луизы Стюарт-и-Портокарреро (1853-1876),

Роды состоялись 19 октября 1853 г.

[1] Кухарес — имеется в виду Франсиско Архона Херрера (1818-?), прозванный Ку-харесом, знаменитый испанский матадор.

[3] Монтес - Франсиско Пакиро (1805-1851), прославленный испанский тореадор. Ме-риме писал о нем в одном из «Писем из Испании», печатавшихся в 1830 г. п «Ревю де Пари» и вошедших затем в его сборник «Мозаика» (см.: Собр. соч. Т. 1. С. 469-471).

[й] «Избирательное сродство» - см. примеч. к и. 69.

[й] «Разрыв» - роман Александра Дхома-сына, вышедший в октябре 1853 г.

* ...графиня де Теба вышла замуж за императора.— Речь идет о браке младшей дочери госпожи де Монтихо (см. примеч. 8 к н. 19) с Луи Наполеоном Бонапартом Бракосочетание состоялось 29 января 1853 г. во дворце Тюильри.

156

ПН - JNa CLV.

J Гвадаррама - горная цепь в Испании.

* Кортесы — испанский парламент.

3 о „роды у Ее Величества предстоят довольно скороРечь идет о предстоящих родах испанской королевы Изабеллы II. Она разрешилась от бремени 5 января 1854 г.

A „..у одного моего друга...- Имеется в виду дон Хосе Саламанка и-Майоль (1811-1883), финансист и общественный деятель, давний знакомый Мериме (по меньшей мере с 1843 г.).

<(СулеУ - жена американского посла Пьера Суде (1801-1870), урожденная Армен-тина Мерсье.

* ...молодой человекНевил Суле, сын американского посла. Он на одном и$ светских приемов спровоцировал вызов на дуэль герцога Альбу, мужа старшей дочери госпожи де Монтихо; дуэль состоялась 14 декабря, но обошлось бе§ жертв.

157

ПН - № CLVL

1 „.несмотря на траур при дворе.- Траур был объявлен в связи со смертью 15 ноября при ро-

дах королевы Португалии Марии И да Глориа (1819-1853).

[2] ...началом прений в Сенате.- Прения были связаны со строительством железной дороги, которая должна соединить Мадрид с северными районами страны.

[a] Сан-Луис Луис-Хосе Сарториус (1810-1871) - испанский политический деятель, возглавивший 19 сентября 1853 г. кабинет министров.

[4] Нессельроде Карл Васильевич (1780-1862) - министр иностранных дел Россия с 1816 по 1856 г.

158

ПН - № CXXXIX, датировано 1851 г. Передатировано по содержанию,

* Лондон..Мериме выехал в Англию 16 июля и вернулся в Париж 26 июля*

* Хрустальный Дворец...-гигантское сооружение, воздвигнутое в 1851 г. для.про? ведения Первой всемирной выставки в Лондоне. Дворец, построенный по проекту садовода Джозефа Пэкстона, напоминал оранжерею и оказался самым примечательным экспонатом выставки. В газете «Монитор юниверсель» Мериме поместил заметку об этом Дворце (номер от 2 сентября 1854 г.).

159

ПН - № CLVIL

* ...один из моих друзей детства...- Речь идет о Валентине Делессер (см. примеч. 1 к п. 118).

* я должен ехать... в Кан...— Мериме вернулся оттуда 2 августа.

* ...отправиться в МюхенМериме ездил туда, а затем с 23 августа по 15 октября. 1854 г. и в ряд австрийских и немецких городов.

[A] Боррен - владелец большого магазина в Лондоне.

* Марк Жан-Огюстен (1789- после 1866 г.) - дальний родственник Мериме,

160

ПН - № CLV1II. Впервые на рус. яз.- «Ленинград». С. 24~25$_{г}$ затем - Собр, соч.

С 106—107.

[5] ...в самый день церемонииМериме описывает торжественное заседание Общества антикваров Нормандии, на котором он присутствовал 31 июля.

* ...он читал свои стихи...— На заседании местный поэт Альфонс Ле Флаге (1805-1861) прочел

свое стихотворение «Вильгельм Завоеватель». Тематика стихотворения объясняется, видимо, тем, что Вильгельм (1027-1087) был уроженцем Нормандии.

*■ ...ибо я... сенатор...- Мериме был назначен сенатором 23 июня 1853 г.

161

ПН - № CLIX.

[i] ...в озеро Констанц...- Современное Боденское озеро в Швейцарии.

[9] Максимиллиан — видимо, Максимиллиан I, германский император с 1493 по 1516 г. * Бреннер - перевал в Тирольских Альпах.

162

ПН - № CLX.

[1] Жижка Ян (ок. 1360-1424) - один из вождей чешского национально-освободительного движения (так называемые гуситские войны).

* Гус Ян (1369-1415) - один из идеологов чешского национально-освободительного движения 1 й пол. XV в., вдохновитель Реформации в Чехии.

ПН - № CLX1.

[3] ...новости из Крыма...- Имеется в виду Крымская война. Следует отметить, что Мериме в освещении хода этой войны ориентировался лишь на сведения, по* яерпнутые из западной прессы, поэтому его оценки далеко не всегда бывали объективными.

[ь] ...наголову разбили русскихРечь идет о поражении русских войск на реке Альме 20 сентября 1854 г.

[9] Раглан Фицрой-Джеймс-Генри Сомерсет, барон (1788-4855) - английский главнокомандующий во время Крымской войны.

* Горчаков Петр Дмитриевич (1785-1868) - русский генерал* участник Отечественной войны, войн на Кавказе и Крымской войны, брат главнокомандующего в Крымской войне М. Д. Горчакова.

[9] Пешт — в то время современный Будапешт еще разделялся на два самостоятельных города по двум берегам Дуная - Буду и Пешт.

• «Хозяйка Сен-Тропе за» — драма Огюста Аннее-Буржуа (1806-1871) и Адольфа-Доминика ' Деннери (1811-1899), впервые поставленная на

парижской сцене в 1844 г.

164

ПН - № CLX1I.

165

ПН - № CLXIII.

* Лондон...- Мериме выехал в Англию 16 июля 1856 г.; в Лондон он приехал 19 июля* где пробыл до 26-го.

[1] Сайденхэм — аристократический район на юге Лондона.

* Гамильтон Вильям-Александр-Энтонн-Арчнбальд (1811-4863) - английский аристократ и общественный деятель.

166

ПН - № CLXIV.

* ...мадам Виньон...— Модная парижская портниха.

167

ПН - № CLXVI. Впервые на рус. яз.- «Ленинград». С. 25.

* ...замок Теймут.— Средневековый замок в Шотландии.

* ...E. Ellice.- Эллис Эдвард (1781-1863), английский политический деятель, член парламента. Мериме часто посещал Эллиса, вел с ним оживленную-переписку (сохранилось 64 письма Мериме к Эллису) и поместил в «Ревю де Дё Монд» некрологическую статью памяти своего друга (в номере от 15 октября 1863 г.)„

168

ПН - Хг CLXVII.

[1] Гленкойх- поместье Э. Эллиса. Мериме пробыл здесь с 11 по 24 августа. Отсюда он навещал лорда Эшбертона (1799-1864), владельца усадьбы Кинлах-Лунхарт.

169

ПН - № CLXVIII, без точной даты. Дата уточнена по дню недели.

* Карабачелъ - местечко близ Ниццы. Мериме приехал в Ниццу 3 декабря.

* ...лорда Э(шбертона}...- См. прнмеч. к'п. 168.

[9] Великая княгиня Елена- Елена Павловна (1806-1873), жена великого князц Михаила Павловича

(1798—1849). Она была дочерью принца Вюртембергского и до брака и принятия христианства (февраль 1819 г.) носила имя Шарлотты-Марин.

* Графиня Апраксина Надежда Федоровна - жена генерала Степана Федоровича Апраксина (1792-1862), командира кавалергардского полка, затем входившего в свиту русских императриц Александры Федоровны (1798-1860), жены Николая I, н Марин Александровны (1824-1880), жены Александра II.

* Леди Шелли — английская аристократка; о ее экстравагантном поведении Мерима писал в те дни многим знакомым.

* Вилле Леон (1803-1868) - французский консул в Ницце, старый знакомый Мерине.

’ Вижье - речь идет об известной певице Софи Крювелли (1829-1907), которая пела в парижской Опере. В январе 1856 г. она вышла замуж за барона Ашидя-Жоржа-Ипполита Вижье (1825-1882).

170

ПН - № CLXIX.

* Лозанна...- Мернме выехал в Швейцарию 10 августа и вернулся в Париж 29 августа.

• ...В Женеве Вас... уже нет- Действительно, Женни Дакен выехала из этого города 23 августа, о

чем уведомляла брата (см.: Lefhbvre A. La Celebre inconnue de Prosper Merimee. P., 1908. P. 171).

[9] Венгернаяъп — одна из альпийских вершин.

[9] Ледяное море (Мер-де-Глае) - долинный ледник на северном склоне Монблана.

[%] Жемми — живописное ущелье в Альпах.

[9] Юнгфрау - одна из наиболее высоких альпийских гор (4181 м.)

171

ПН - № CLXX. Впервые на рус. яз.- «Интернац. лит.». С. 155-156.

[1] ...выполнить один заказ для вРевю де Дё Монд»...— Мернме имеет в виду свою статью «Изобразительное искусство в Англии», напечатанную в указанном журнале 15 октября 1857 г.

[8] ...да еще на мне висит «Жизнь Врантома»...— Обширная статья Мернме о французском писателе эпохи Возрождения Пьере де Бурдейле, сьёре де Брантоме (1535-1615) служила предисловием к 1-му тому собрания его сочинений в 13 томах. Первый том вышел в сентябре 1Й58 г. (см.: Собр. соч. Т. 5. С. 211-234).

[4] ...Вы не взяли с собою томик Вейля об Италии...— Не очень ясно, какую именно книгу Стендаля Мериме имеет в виду. Стендаль писал об

этой стране очень много - в «Истории живописи в Италии», в книгах «Рим, Неаполь и Флоренция» и «Прогулки по Риму», в романе «Пармская обитель», в сборнике новелл «Итальянские хроники» и т. д. «Прогулки по Риму» были переизданы в 1853 г., «Рим, Неаполь и Флоренция» - в 1854 г., скорее всего, Мериме имеет в виду одно яз этих переизданий.

[A] ...он любил Милан.. — Действительно, это был любимый город Стендаля; впервые он попал туда в июне 1800 г. и затем бывал много раз. Стендаль часто называл себя «миланцем», что отражено на его надгробном памятнике.

[8] ...там пережил пору влюбленности.— Мериме имеет в виду два сильнейших любовных увлечения Стендаля, связанных с Миланом. Одно относится к началу 1800-х годов. Предметом его любви была Анджела Пьетрагруа (род. 1777), дочь миланского торговца и жена чиновника. Позже, в автобиографической книге «Жизнь Анри Брюлара», Стендаль напишет о ней так: «Анджела П. была великолепной шлюхой в итальянском стиле, стиле Лукреции Борджа» (Стендаль В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 13. С. 18). Но самой сильной любовью, пережитой Стендалем в Милане, было его увлечение Матильдой Дембовской,

урожденной Бисконтини (1790-1825), которую в автобиографический книгах и дневниках оя называл обычно Метильдою. В «Жизни Анри Брюлара» он вспоминал: «Метильда совершенно заполнила мою жизнь от 1818 до 1824 года. И до сих пор я еще не излечился, прибавил я, промечтав о ней, пожалуй, добрые четверть часа. Любила ли она меня?» (Там же. С. 7).

* ...книгопечатней А льдов.,.- Речь идет о знаменитой семье венецианских типографов XV-XVI вв.- Альде Мануции (ок. 1450-1515), его сыне Паоло (1512-1574) н внуке Альде Младшем (1547-1597). Ими было выпущено более тысячи кнш* очень высокого полиграфического уровня. Эти издания — так называемые альди-ны - ценятся весьма высоко.

172

ПН - № CLXXL

[1] Экс...- Мериме находился в Провансе весь декабрь 1857 г. и 7 января выехал в Шриж.

[4] Гектограмм — т. е. сто граммов.

* ...упомянуто в «Мониторе»...- Точнее, «Монитор юниверсель», официальная газета Второй империи.

* ...герцогиню де Саган...- Доротея де Бирен,

герцогиня Дино (1793-1862), жена герцога Александра-Эдмона Талейрана-Перигора (1787-1872).

173

ПН - № CLXXII, датировано 29 января. Пере датировано по дню недели.

* ...как копье Ахилла.— Согласно античным легендам, копье Ахилла залечивало раны, которые само и наносило.

[k] Прочли ли Вы «Доктора Антонио»! - Мериме здесь неточен; речь идет о переведенном на английский язык романе итальянского писателя Джованни Доменико Руффини (1807-1881); вынужденный в 1849 г. по политическим соображениям покинуть Италию, Руффини печатал свои произведения в Англии на английском языке, и лишь затем они выходили на итальянском.

* Орсини Феличе (1819-1858) - итальянский революционер и политический деятель, автор мемуаров. 14 января 1858 г. он совершил покушение на Наполеона III и был арестован; видимо, этот факт и вызвал ошибку Мериме.

174

ПН - № CLXXIII.

[1] ...в этой стране...- Мериме выехал в Лондон 20 апреля и вернулся в Париж 11 мая.

* ...князя Малахова...- Речь идет о маршале Жан-Жаке Пелисье, герцоге Малахове (1794-1864), участнике осады Севастополя во время войны.

[8] Паницци Антонио (1797-1879) - хранитель отдела редких книг Британского музея, близкий друг Мериме (сохранилось 380 писем писателя к Паницци).

* Бернар Симон-Франсуа - Он обвинялся в покушении на Наполеона III вместе с Орсини (см. примеч. 3 к п. 173), но был оправдан.

* ...досадить князю - Т, е, князю Малахову, назначенному французским послом * Лондоне.

175

ПИ - № CLXXIV, датировано 3 мая. Передатировано по содержанию. Впервые s& рус. яз. (частично) - Л/Н. С. 715, затем - «Интернац. лит.». С. 156.

[%] Меня пригласили на обед...— Далее Мериме описывает обед по случаю 69-й годов= щины Королевского литературного фонда. Этот обед состоялся 5 мая.

* Пальмерстон Генри (1784-1865) - английский государственный деятель, один из вождей вигов.

[8] ...изрекал всяческие глупости.. - Эту речь

Мериме описал И. С. Тургенев в статье «Обед в обществе английского литературного фонда» (Библиотека для чтения. 1859. № 1. Отд. II. С. 81-86). В этой статье Тургенев, в частности, писал: «Потом добрейший Монктон Мильнс провозгласил тост в честь литературы других наций

и г-на Мериме, известного французского писателя, который тоже находился ш числе приглашенных на обед. У Мериме чрезвычайно тонкое и умное, постоянна неизменное лицо; он слывет за эпикурейца и скептика, которого решительно ничто взволновать не может, который ни во что не верит и с вежливой, чуть-чуть презрительной недоверчивостью взирает на всякое изъявление энтузиазма. Он сенатор и пользуется расположением французского двора. Однако этот скептик побледнел, когда пришлось ему отвечать небольшим заученным, спичем на любезные слова Мильнса (Мериме плохо знает по-английски), и голос его дрожа* и прервался раза два; видно, самолюбие и в нем волноваться может, и даже сенатору не хочется осрамиться перед многочисленным собранием независимых людей» (Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем. Сочинения. М.; Л., 1967. Т, 14 С. 243-244).

& ...как говаривал г. де Пурсонъяк — Мериме

ссылается на одноименную комедию
Мольера (д. II, сц. 4).

[й] ...подлинники писем Наполеона к Жозефине.- Как сообщал Мериме в письме ж маршалу Вайану, написанном в тот же день* речь шла о 8 письмах молодого Наполеона Бонапарта к своей будущей жене.

176

ПН - Kk CLXXV.

[£] В Люксембургском дворце...- В этом дворце на левом берегу Сены, рядом с Латинским кварталом заседал Сенат.

177

ПН - Кг GLXXVI. Впервые на рус. яз.- ВЕ. С. 193.

[£] ...королевы Нидерландской.. - Речь идет о королеве Софии-Фредерике-Матижьде (1818-1877), жене короля Нидерландов с 1849 г. Вильгельма III (1817-1890).

■ ...играл в шарады...- Мериме, видимо, придумал их несколько. Текст их (иля, таш сказать, «сценарий»), за редким исключением, до нас не дошел.

178

ПН - Кг CLXXVII.

* ..у меня ".предчувствие". Вы -не уедете тотчас...- В действительности Жени* Дакен не дождалась своего друга и уехала в Гренобль.

[?] ...об этой книге.- Речь идет о романе Эрнеста Фейдо (1821-1873) «Фанни». Эта книга, пользовавшаяся шумным успехом, изображала с большой долей критик* нравы буржуазной семьи.

[J] ...Сент-Бее превозносит за поэтичность...- Мериме имеет в виду статью Сент-Бева опубликованную в «Монитор юпиверсель» 14 июня 1858 г.

- ...постараюсь числу к 20-му быть в ЛюцернеМериме выехал в Швейцарию 19 июня: в Люцерне он был 22-го.

179

ПН - Кг CLXXVIII.

? ...туда и надобно писать /?£ш.= Женни Дакен действительно была в Гренобле[8]где навещала своего брата.

* Гримзель - горный перевал в Швейцарии.

[9] Ронский ледник- ледник в Унтервадьдских Альпах; из него берет свое начала река Рона.

180

ПН - № CLXXIX.

* ...отправился в Мюнхен.. - Мериме был в Мюнхене 15 июля.

[2] Риги — гора в Швейцарии, в кантоне Швиц (высота 1800 м).

[2] Стельвио — горный перевал в Альпах на высоте 2759 м.

[4] ...буду в Венеции к о или 6 августа...- Мериме приехал в Венецию лишь 9 августа.

181

ПН - Л? CLXXX. Впервые на рус. яз.-«Интернац. лит.». С. 156-157.

* Венеция...- Мериме пробыл там с 9 августа по 1 сентября.

[2] Бъевр - небольшая река в окрестностях Парижа, в департаменте Сена-и-Уаза.

[9] Академия — одно из собраний живописи в Венеции.

[4] вБрак в Кане» - картина Паоло Веронезе (1528-1588), находящаяся в Дрезденской галерее; написана в 1571 г.

[4] вДинарий кесаря» - эта картина Тициана,

также из Дрезденской галереи, написана в 1515-1520 гг.

* «Коронование терновым венцом» - эта картина Тициана, написанная около 1570г., находится, однако, не в Париже, а в Мюнхене (Старая пинакотека).

[1] Искал я что-нибудь Джорджоне. Но в Венеции его вЬвсе нет.— Здесь Мериме ошибается: картин Джорджоне (1478-1511) в Венеции немало, в том числе 5 в галерее Академии.

• Венера А надиомена — легендарная картина древнегреческого живописца Апеллеса (IV в. до н. э.), украшавшая храм Асклепия на острове Кос; согласно описаниям, Венера была изображена только что вышедшей из морских волн, со следами влаги на обнаженном теле.

• ...в честь эрцгерцога.- Имеется в виду Леопольд II (1797-1870); он носил также титул великого герцога Тосканского. В 1859 г. вынужден был отречься от тосканского трона.

[19] Пьяцетта - маленькая площадь в Венеции между Дворцом дожей и набережной Большого канала. Спланирована по проекту Сансовино (1486-1570).

** ...до железного моста.- Железнодорожный мост в верхней части Большого канала.

[12] ...перед мостом Риальто.— Знаменитый крытый мост, переброшенный через Большой канал. Сооружен в 1588-1592 гг. по проекту архитектора Антонио да Понте (1512-1597).

*[2] ...между дворцом Передано...— Дворец на Большом канале.

[14] ...перед австрийский капралом...— В то время область Венето принадлежала Австрии. В 1866 г. присоединена к Итальянскому королевству.

[14] Я жду приезда Паницци.- Паницци приехал в Венецию во второй половине августа. В начале сентября друзья расстались: Паницци направился в Болонью,, а Мериме - в Милан.

[49] ...в Генуе я буду, вероятно, к 1 сентября.. — В действительности в Генуе Мериме был 9 сентября; до этого он побывал в Милане, Ливорно, Пизе и Флоренции. В Париж он вернулся 14 октября.

182

ПН - № CLXXXI. Впервые на рус. яз.~ «Интернац. лит.». С. 157.

[4] Белладжо - небольшой курортный городок на озере Комо, севернее Милана.

[9] Паста Джудитта (1798-1865) -^знаменитая итальянская певица, приятельница Стендаля и Мериме. Писатель был знаком с ней, видимо, с

1826 г., когда она пела на сцене парижской Итальянской оперы.

[9] ...я Вас жду там к 1 октября.- Женин Дакен вернулась в Париж лишь 15 или 16 ноября.

* ...кто знавал Бейля? - Стендаль был уроженцем Гренобля, главного города старинной французской провинции Дофине.

[5] ...чье имя стерлось из моей памяти.. — Мернме имеет в виду Эмиля Бижильона (1803-1868), сына друга детства Стендаля Франсуа Бижильона (1782-1827) „ Эмиль Бижильон был протоколистом при гражданском суде Гренобля, но также собирателем редкостей, библиофилом и писателем. Мериме получил от него письмо, касающееся Стендаля, в марте 1854 г.

* Президент де Бросс Шарль (1709-1777) - французский писатель и обществен-ный деятель, близкий знакомый Вольтера. Его «Письма из Италии, написанные в 1739 и 1740 годах» были впервые опубликованы в 1836 г. В 1852 г. вышло их 2-е издание, подготовленное знакомым Мериме родственником Стендаля Роменом Коломбом (1784-1858).

183

ПН - Кг CLXXXII.

* Два флорентийских музея...— Мериме имеет в виду галерею Уффици и палаццо Питти (так называемую Палатинскую галерею).

* Эстерелъские, горы - юго-западные отроги Альпийского горного массива.

184

ПН - № CLXXXIII.

* Бот я и вернулся в сей город Париж.. — Мериме вернулся в Париж 14 октября.

185

ПН — Кг CLXXXIV, где письмо датируется 15 ноября. Дата уточнена по дню недели.

* Сандо Жюль (1811-1883) — французский писатель, близкий друг Бальзака. В феврале 1858 г. Сандо был избран во Французскую академию.

186

ПН - Кг CLXXXV.

* ... будет представлена комедия Октава Фейе.—

Фейе Октав (1821—1890), француз-ский романист и драматург, член Французской академии с 1862 г. В загородной резиденции императорской се-мьи, замке Компьень, исполнялась комедия Фейе «Роман бедного молодого человека», только что написанная.

187

ПН - Кг CLXXXVI. Впервые на рус. яз-ВЕ. С. 193-194.

% Я остаюсь здесь до 2-го, а то и до 3 декабря — Мериме вернулся в Париж 5 декабря.

188

ПН - Кг CLXXXVII.

< В последний день в Париже.. — Мериме уехал на юг 26 декабря.

4 ... ко дню Святой Евлалии...- Т. е. на именины его кузины Евлалии-Франсуазы Реаль, жены Леонора Френеля (см. примеч. 1 к и. 29). День Святой Евлалии от= мечается по католическому календарю 12 февраля. f ...барышень де Лагрене.— Здесь Мериме имеет в виду двух дочерей своей прия= тельницы Варвары Ивановны Дубенской (1806-1901), вышедшей в 1833 г. за-

муж за французского дипломата Теодоза де Лагрене (1800—1862). Мериме пе* реиисывался с обоими супругами, а также с их дочерями Ольгой (1838-1897) и Марией-Габриэлой (1833-1884). См.: Виноградов А. Мериме в письмах к Ду» бенской. М., 1937.

189

ПН - № CLXXXVIIL

[1] Брэгхем Генри (1778-1868) - английский аристократ, знакомый Мериме с 1843 г. Он имел в Каннах собственную виллу и почти постоянно жил там.

* .„«Мемуары Екатерины Эти мемуары были опубликованы А. И. Герце»

ном в Лондоне в 1858 г.

[5] ...«Мемуары маркграфини Байретской»...— Речь идет о мемуарах сестры Прус» ского короля Фридриха II Фредерики-Софьи-Вильгельмины. Их первое издание вышло в 1811 г.

[%] ...что Павел 1 был сыном некоего князя СалтыковаЭта распространенная ле» генда имела под собой некоторые основания: князь Сергей Васильевич Салтыков (1726-1807) возможно находился в близких отношениях с Екатериной II в то время, когда она была еще великой княгиней.

Об этом писали многие со» временники; так, с уверенностью утверждал это Н. И. Греч (см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 141-142; см. также: Эйдельман Н. Герцеп против самодержавия. М., 1984. С. 140-166).

* ...от Ольги...- Имеется в виду Ольга де Лагрене. См. примеч. 3 к п. 188.

* «Gems of poetry» — возможно, антология современной английской поэзии, из» данная в Лондоне в 1853 г.

190

ПН - № CLXXXIX.

[1] ".Richard again...— Это выражение восходит к переделке трагедии Шекспира «Ричард III», сделанной английским драматургом Колли Сиббером (1671-1757).

[%] ...случился тут Коллега.. - Мериме имеет в виду Октавьена Пангийи-Ларидона (1811-1870), главного смотрителя артиллерийского музея.

[9] ...я закончил статью об «Энциклопедии мебели» Виолле~де~Дюка...~ Эта статье Мериме была напечатана 14 февраля 1859 г. в «Монитор универсель». Рецен» зируемая книга вышла в 1857 г.

[4] Ожъе Эмиль (1820-1889) — популярный в свое время французский драматург, член Француз-

ской академии с 1857 г. Пьеса о Лже-Димитрии им написана не была.

[4] ...я обещал написать статью о «Филиппе II» Прескотта...— Эта рецензия Мери» ме на книгу Вильяма Прескотта (1796-1859), известного американского исто» рика, «Филипп II и Дон Карлос» (1857) была напечатана в «Ревю де Дё Монд» 1 апреля 1859 г.

191

ПН - № СХС.

[1] ...ее новоиспеченное императорское высочество...— Речь идет о принцессе Клотильде, дочери будущего итальянского короля Виктора-Эммануила, жене принца Наполеона (см. примеч. 9 к п. 229). Свадьба состоялась 30 января 1859 г.

[1] Вчера я выправлял корректуру статейки...— См. примеч. 3 к п. 190.

[§] Коллега мой...- Имеется в виду Эмиль Ожье. См. примеч. 4 к п. 190.

* ...Вы прочли «Цезаря» Ампера...— Речь идет о пьесе в стихах друга Мерим© Ж.-Ж. Ампера (см. примеч. 4 к п. 19), только что вышедшей в свет. Мерим© рецензию па эту книгу не написал.

* ...мормонские газеты...— Т. е. газеты, издававшиеся членами религиозной сек» ты мормонов,

основанной в США в 20-е годы XIX в. авантюристом Джозефом

Смитом. Секта многократно подвергалась гонениям; мормоны частично Пересе» лились в Западную Европу. В марте-апреле 1853 г. Мериме напечатал в «Монитор юниверсеяь» большую статью о мормонах.

192

ПН - № CXCL

[1] ПарижМериме вернулся в Париж с юга 3 марта.

[f] ...статейка о г. Прескотте...— См. примеч. 5 к п. 190. Женни Дакен читала статью Мериме в рукописи.

[5] ...согласно афоризму Филиппа II, о мертвых худого не говорят.— Мериме цнти-рует этот афоризм и в своей рецензии на книгу Прескотта.

193

ПН - M. CXCIL

* Я совершенно подавлен новостями...— Мериме имеет в виду столкновение Фран= ции и Австрии из-за Италии, боровшейся за освобождение своих территории от австрийского

владычества и за объединение. 29 апреля начались военные действия.

* Мемуары Екатерины» - см. примеч. 2 к п. 189.

* ...роман леди Джерджины Фуллертон...— Речь идет о романе английской писательницы Джерджины-Шарлотты Фуллертон (1812-1885) «Роза Леблан». Написанный по-французски, он вышел в Париже в 1861 г. Мериме, следовательно* читал рукопись романа.

* ...я был на Выставке...— Имеется в виду весенний Салон 1859 г.

194

ЯН - N° CXCHI.

* ...согласится на третейский суд.— Речь идет о франко-австрийском конфликте.

* ...войска продолжают отправлять...— Уже 26 апреля из Тулона и Марселя вышел французский флот, имеющий на борту более десяти тысяч пехотинцев.

[4] ...зуавы...- Солдаты французских воинских подразделений, комплектовавшихся в основном из жителей Алжира, а также частично и из европейцев.

* ...невестке Вашей... ~ Речь идет об Альфонсине-Эжени-Вланш Дево, жене Луи Дакена, в то

время артиллерийского капитана.

195

ПН - № CXCIV.

[4] К лапка Дёрдь (1820-1892) — венгерский военачальник, боровшийся с австрий-ским владычеством в своей стране.

[%] Салоны же, в особенности орлеанистские...— Т. е. салоны, посещаемые сторон» никами свергнутой с трона в 1848 г. Орлеанской ветви Бурбонов.

[s] ...бургграфы..-7ш Мериме здесь и далее называет сторонников прошлого, надеявшихся на возможность реставрации прежних порядков и системы правления. Первоначально, в период феодализма, бургграфами назывались главари местных воинских соединений в немецких, особенно прнрейнских землях. Это наименование стало нари дательным для обозначения сторонников феодального уклада после появления пьесы В. Гюго «Бургграфы» (1843).

196

ПИ - N° CXCV.

* Заем собрал не пятьсот миллионов...- Речь

идет о заеме, выпущенном в связи © началом военных действий.

* ...великая княгиня Екатерина.,.— Екатерина Михайловна (1827—1893), дочь великого князя Михаила Павловича (см. примеч. 3 к п. 169), жена герцога Георга Мекленбургского (1824-1876).

* И если Вы читали Боккаччо, Вы могли заметить, что после всех великих бедствий...- Мериме имеет в виду «Декамерон», где описывается страшная эпидемия чумы, от которой герои книги - десять знатных молодых людей - спасаются на лоне природы, предаваясь развлечениям.

197

ПН - № CXCV1.

* Только Вам удается так преподнести дурные вести... что сделали бы Вы...-В это время Женни Дакен вернулась в Гренобль. Ее брат не был послан в Италию в составе французского экспедиционного корпуса.

* ...с конем Роланда...— Мериме имеет в виду сцену схватки Роланда с сарацинами в «Песни о Роланде» (ст. 2164-2167):

Полны арабы гнева и стыда.
Бегут они в Испанию назад,
Не может их преследовать Роланд:

Конь Вельянтиф под ним в сраженье пал.
(Пер. Ю. Корнеева)

* Дерби Эдвард-Джордж (1799-1869) - английский политический деятель, лидер консерваторов.

* Лорд Пальмерстон — см. примеч. 2 к п. 175. В июне 1859 г. Пальмерстону уда^ лось вернуться к власти, сместив Дерби. Таким образом, он был премьер-министром в 1855-1858 и 1859-1865 гг.

* ...лорд Джон...- Имеется в виду Джон Рассел (1792-1878), английский политический деятель, лидер партии вигов.

ë Мы вошли туда под дождем цветов...— Французские войска триумфально вступили в Ливорно 20 мая.

198

ПН - № CXCVII.

51 ...после битвы при Лоди, ибо говорят, есть места, обладающие привилегией при-тягивать к себе армии,- Под Лоди, небольшим итальянским городом недалеко от Милана, молодой Наполеон Бонапарт одержал блестящую победу над австрийской армией (10 мая 1796 г.).

'* ...между Аддой и Минчо.-Т. е. между двумя реками в Северной Италии, бассейн которых

являлся как бы естественной границей между воюющими армиями.

* ,..двадцатичетырехлетний император...— Речь идет об австрийском императоре Франце-Иосифе (1830-1916), вступившем на престол в 1848 г. Мериме здесь неточен: императору было не двадцать четыре, а двадцать девять лет.

199

ПН - № CXCVIII, где письмо датируется 3 июля. Дата уточнена по содержанию.

[2] Аббевилъ - городок на Сомме. Видимо, Мериме бывал там с Женни Дакен.

[1] с.заключение сепаратного мира...— 11 июля состоялась встреча Наполеона Ш с Францем-Иосифом в Виллафранке, где было подписано перемирие между Францией и Австрией.

[§] С&яон — легендарный правитель Афин, устанавливавший справедливые законы (¥11 в. до н. э.).

[4] .о.при Солъферино...— Имеется в виду сражение 24 июня 1859 г., в ходе кото рого австрийская армия понесла сокрушительное поражение.

200

ПН — № CXCIX, где письмо датируется 20 июля. Дата уточнена по дню недели,

[4] ...заключенного мираСм. примеч. 2 к п. 199.

* ...и как это он мило сказал...— Мериме имеет в виду речь Наполеона Ш на № чернем приеме в Сен-Клу 19 июля, в которой он объяснял причины заключения перемирия с Австрией. Император ссылался, в частности, на свое стремление не разжигать конфликта, который мог бы вовлечь и другие страны Европы.

* ...Гедеон, услышав повеление Бога...- Далее Мериме ссылается на известный эпизод из Книги Судей (VI, 17-23); Гедеон, получив приказание от Бога сокрушить Мадианитян, просил дать ему какое-нибудь знамение. Знамение было ему явлено: огонь пожрал мясо, положенное Гедеоном, одним из царей Израилевых^ на жертвенный камень.

201

ПН - № CC.

* ..лПисьма госпожи дю Деффат...— Это издание вышло из печати в апреле 1859 г. Маркиза Мари дю Деффан (1697-1780) была одной из самых об-

разованных и умных женщин своего времени, хозяйкой прославленного парижского салона. Ее письма к Вольтеру и другим видным мыслителям и писателям эпохи представляют собой яркий литературный памятник, Мериме напечатал рецензию на это издание в «Монитор юниверсель» от 29 апреля 1867 г. (см.: Собр соч. Т. 5. С. 237-242).

202

ПН - № ССI.

[11] ...съезжу на несколько дней побродить по Шотландскому нагорью — Эта поездка не состоялась.

* ...не имел парламента...- Мериме имеет в виду орган городского самоуправление и судопроизводства в средневековой Франции.

203

ПН - № ССИ.

* ...я съезжу в АнглиюЭта поездка не состоялась.

204

пн - № ссш.

* ...прямо в Тарб...- Мериме выехал из Парижа 5 сентября и направился в Тарбъ,небольшой городок в северных предгорьях Пиренеев. Он ехал к своему другу Ашилю Фульду (1800—1867), политическому деятелю и видному финансисту, занимавшему какое-то время пост министра без портфеля.

* ...навестить Мадриду быть может, в последний раз.— Это предчувствие Мериме сбылось: он бывал в Испании и после 1859 г.

* ...Мемуары княгини Дашковой»...- Екатерина Романовна Дашкова - видна® русская общественная деятельница. Ее «Записки» были запрещены ш Росси» вплоть до 1907 г. Изданы А. И. Герценом в Лондоне в 1859 г. в русском перевод® (оригинал написан по-французски). Впервые вышли на английском язык® ш 1840 г. Мериме упоминает французский перевод Альфреда Дезэссара, сделанным с английского издания и вышедший в 1859 г.

[4] По возвращении из Тарба...— Мериме вернулся в Париж 14 сентября.

* ....роман, написанный по-малоросски...- Речь идет о книге «Украинские народные рассказы» Марко Вовчок (1834-1907). На украинском языке книга вышла в Петербурге в 1857 г., в переводе

И. С. Тургенева - там же в 1859 г. Позже, в статье «Иван Тургенев» (1868), Мериме, в частности, писал: «После Тургенева одна очень талантливая женщина опубликовала под псевдонимом Вовчок (волчонок) несколько рассказов на украинском языке на эту же тему. Ее рассказы известны мне по русским переводам г-на Тургенева. Краски так мрачны, что вся картина отталкивает читателя. Она, может быть, и правдива, но хочется думать, что она выдумана; к тому же она возбуждает гораздо больше ужаса, нежели жалости^ (Собр. соч. Т. 5. С. 272).

* ...превосходящий «Дядю Тома» — Мериме имеет в виду знаменитый ррмаи «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу (1851).

* „.«Письма принцессы Урсенской»...— Эта книга вышла в 1859 г. Ее автором была Анна-Мария де Ля Тремуй (1642-1722), французская аристократка, игравшая видную роль в придворной жизни Испании при короле Филиппе У, внуке Людовика XIV, находившемся на испанском троне с 1700 по 1746 г.

* Абу Эдмон (1828-18S5) - популярный в свое время французский писатель и публицист, выступавший с яркими антиклерикальными произведениями, но поддерживавший, политику

Второй империи.

* ...он обосновался в СавернеЭ. Абу приобрел поместье в Эльзасе, где у него часто гостили .многие литературные деятели эпохи.

205

ПН - № CCIV.

[4] Сен-Совёр - имеется в виду Люз-Сен-Совёр, курортное местечко в Пиренеях, где часто пребывала императорская семья.

[?] Касательно поездки моей в Испанию...- Мериме выехал в Испанию 26 сентября. Он ехал до Марселя, а оттуда морем до Аликанте.

206

ПН - № CCV.

* Лионский залив...— В этом заливе Средиземного моря находится Марсель.

207

ПН - № CCV1.

[4] Мадрид...— Мериме приехал в Мадрид в первых числах октября. Он поселился в имении госпожи де Монтихо Карабанчель. [t] Говорят все

сейчас только о войне — Речь идет о войне Испании в Марокко. Эта? война с марокканским султаном продолжалась с ноября 1859 г. по март 1860 г. Объявление войны состоялось на заседании Кортесов 22 октября 1859 г.

[3] Монтес — см. примеч. 3 к п. 155.

'[1] ...это музей.- Речь идет о знаменитом мадридском музее Прадо. [a] ...прежний замок императрицы - Имеется в виду замок Бельмонте, построенные в XV в. Он находится примерно в 200 км на юго-восток от Мадрида.

208

ПЙ - № CCVIL

* ...письмо от Ольги - Имеется в виду Ольга де Лагрена (см. примеч. 3 к п. 188).

- Бюнсен Кристиан-Карл (1791 “I860) — прусский посол в Риме. Автор ряда богословских произведений, он был избран в декабре 1859 г. членомткорреспондентом французской Академии надписей.

* Он мне рассказал о ...несостоятельности конгресса...— Речь идет о серая даплома® тических переговоров после завершения франко-австрийской войны»

[4] Дюпанлу Феликс-Антуан-Фил ибер (1802-1872)

- французский церковный деятель и видный проповедник реакционного толка. Выступал, в частности,, против вое® соединения Италии, отстаивая приоритет папской власти.

* ...сожгли мои книги.- Этот акт религиозного вандализма действительно вмел место весной 1857 г.

209

ПН - № CCVXII.

[1] ...которые Вы посылали барышням де ЛагренеСм. п. 208.

[й] Вилльмен Фрапсуа (1790-1870) — французский писатель и литературный критике Мериме имеет в виду брошюру Вилльмена «Франция, империя и папство» (I860). [5] Лакордер Жан-Батист-Анри (1802-1861) - французский , проповедник ж богослоЯд выступавший с аптипапских позиций.

210

ПН - № CCIX.

[1] ,..о дне Святой Евлалии...— См. примеч. 2 к п. 188.

* Доктор Мор Жан-Фрапсуа (1796—1880) — врач, лечивший Мериме»

* Я жду двух друзей.. — Мериме имеет в виду Э.-Э. Внолле~де~Дюк® (ем. примем. 1 к п. 70) и Эмиля Бесвильвальда (1815-1896), известного архитектора ш ресташ® ратора.

211

ПН - № ССХ.

% „.двое друзей...— См. примеч. 3 к п. 210.

2 ...письмо от моей кузины...— См. п. 210.

§...о присоединении...— Область Ниццы входила в состав королевства Сардинии; договор об уступке Ниццы и Савойи Франции был окончательно подписан в Париже 24 марта 1860 г.

4 Гобипо Жозеф-Артюр де (1816-1882) - французский писатель н дипломат; его книга «Три года в Азии» вышла в октябре 1859 г. Мериме был хорошо знаком © Гобипо д переписывался с ним.

212

ПН - № ССХI, датировапо 12 марта. Дата уточнена по дню недели.

% ...судьба книги друга моего г. де Гобипо...— см. п. 211 и примеч. 4 к нему.

2 Бульвер - см. примеч. 3 к п. 54. Упоминаемый Мериме роман Бульвера-Лнттона вышел в Эдин-

бурге в 1859 г. в 4 томах.

[9] Бюпсен — см. примеч. 2 к и. 208.

213

ПН - № ССХИ.

[%] Париж...— Мериме вернулся в Париж с юга 7 марта.

* Дюпен Андре (1783-1865) - французский политический деятель. Мериме имеет в виду ого речь в Сенате, произнесенную 29 марта 1860 г., в которой он высказал® ея за ограяичепие панского влияния на французскую политику, в том числе внут® рентою.

* Потье - книготорговец; ого книжный магазин находился на набережной Малака$_{в}$рядом со зданием Института,

* ...«Голландские мемуары»,..— Эта книга вышла в 1856 г., и ее авторство было приписано, без достаточных оснований, знаменитой писательнице XVII в. г-же де Ла-файет (1634—1693).

[3] Бозонне Лоран-Антуан (1788—1879) - знаменитый парижский переплетчик.

214

ПН - № GCXIII.

* Бал...- Имеется в виду бал в особняке герцога Альбы.

* ...суд над сообщниками Ортеги...- Речь идет об испанском политическом деятеле Хаиме Ортегу-и-Ольете (1816-1860). Он пытался передать испанский трон графу Карлосу Монтемолину. Это предприятие закончилось неудачей: Ортега был ар§-стован и расстрелян. Ёго сообщники Франсиско Каверо-и-Альварес де Толедо и генерал Хоакин Элио (1806-1876) были помилованы. Первый из них действительно был родственником императрицы Евгении.

215

ПН - № CGXIV. Впервые на рус. яз.- ВЕ. С. 194-195.

[8] Бал в особняке Альбы...- Этот бал состоялся 24 апреля.

* Каули, Генри-Ричард (1804-1884) - английский дипломат. Он был британским послом в Париже с декабря 1852 г. Его дочь - Софья-Джордж иана-Робертивш Уэллеслей.

[д] Принцесса Матильда...— См. примеч. 1 к п. 140.

[4] Мартин Джон (1789-1854) - английский живописец, автор картин на исторические и библейские темы.

[15] Диш - Александр Талейран-Перигор, герцог Дино (1813-1894), французский политический деятель эпохи Второй империи.

* ...жена герцога... - Мария-Валентина-Жозефина де Сент-Альдегонд (1810-1891).

* Бапст - придворный ювелир.

* Мон-де-Пъете - парижский ссудный банк.

216

ПН - Ж* CGXV.

* Буатель Эдуард-Шарль-Жозеф (1816-?) — префект парижской полиции с 1858 ш 1866 г.

[8] Фульд - см. примеч. 1 к п. 204.

[3] Монтемолин - претендент на испанский престол под именем Карла IV (см. при» меч, 2 к п. 214).

[4] Ламорисьер - см. примеч. 5 к п. 132. Ламорисьер был назначен командующим папской армией, когда Пий IX отлучил Виктора-Эммануила от церкви и конф= ликт между сторонниками объединения Италии и папством принял очень острый характер. 1 апреля Ламорисьер прибыл в Рим; но эта миссия окончилась плачевно: папские войска под его командованием были разбиты 18 сентября 1860 г. при Кастельфидардо итальянской армией.

[a] Кардинал Антонелли Джакомо (1806-1876) - глава папского правительства.

[18] ...озабочены экспедицией Гарибальди...— Речь идет об отплытии из Генуи в Сицн-лию отряда революционных добровольцев под командованием Гарибальди (5-6 мая 1860 г.).

* Кавур Камилло-Бензо (1810-1861) - итальянский политический деятель, министр Виктора-Эммануила.

[4] Прочтите книгу Гранье де Кассаньяка о жирондистах.— Речь идет о книге французского историка Бернара-Адольфа Гранье де Кассаньяка (1806-1880) «История жирондистов», вышедшей в 1860 г.

* ...был у меня с визитом г. Фейдо...- С и. примеч. 2 к п. 178, п. 232 и примеч. I к нему.

217

ПН - № GCXVI.

[1] Замок Фонтенбло...- Мериме приехал в эту загородную резиденцию императорской семьи в первых числах июня и вернулся в Париж 18-го.

218

ПН - № CCVII, где письмо датируется 2 июля.

Дата уточнена по дню неделим

[4] Конца нашей сессии не видно...— Мериме имеет в виду заседания комиссии по охране памятников.

* ...Вы лишите себя великолепного спектакля...— Мериме имеет в виду торжествен* ные похороны принпа Жерома Бонапарта (1784-1860), дяди императора Наши леона III. Завершение траурной церемонии состоялось 3 июля.

[4] Бренъе - имеется в виду Александр-Анатоль-Франсуа-Анри Бренье до Ренодьер (1807-1885), французский посол в Неаполе. 30 июня на него было совершено покушение, как полагали, инспирированное реакционными кругами итальянского общества (Бренье слыл сторонником либеральных реформ).

[4] Лаццарони — неаполитанские бродяги.

[4] ...множество событий, которые заставят Вас изменить планы. Мои — Вам извее?[a]ны.- 18 июня Мериме выехал в Лондон, где пробыл до 9 августа (с короткой поездкой в курортный городок Бат); затем он отправился в Шотландию, откуда вернулся в Лондон 24 августа и в Париж - 30 августа.

ПН - № GCXVIIL

* Похороны были ужасны.— См. примеч. 2 к п. 218.

* Кёр Пьер-Луи (1805-1865) - епископ Амьена, известный проповедник.

[9] Мюзар Филипп (1793-1859) — французский композитор и дирижер; его музыка часто исполнялась в танцевальных залах на Елисейских полях в Париже; нередко он сам дирижировал оркестром.

[4] вИстория госпожи де ля Гетт»...— Мериме имеет в виду «Мемуары госпожи де да Гетт», принадлежащие перу Катрин Мердрак (1613-1681); они были впервые изданы в 1681 г. и переизданы в 1856 г.

* ...нравится мне больше «Голландской еврейкив...— Имеются в виду «Голландские мемуары», о которых Мериме писал ранее (см. примеч. 4 к п. 213).

[4] Я только что состряпал большущий отчет о Парижской библиотеке.— Отчет был напечатан в «Монитор юниверсель» 30 декабря 1860 г. Датирован отчет 10 июля

ПН - № CCXIX.

* ...когда думаете ехать в Алжир.- Женни Дакен уехала в Алжир 12 сентября; туда был послан ее брат, артиллерийский капитан Лун Дакен.

221

ПН — № GGXX, где датируется 9 августа. Дата уточнена по времени пребывание Мериме в Бате.

[8] ...письмо императора к г. де Персипъи.- Речь идет об официальном письме Напо леона III к французскому послу в Лондоне Ж.-В. де Персиньн (см. примеч. 2 к п. 257), излагающем позицию Франции в связи с военной экспедицией в Сирию

ПН - N CCXXI.

[8] Инвернесс - город в Шотландии.

223

ПН - № CCXXI1.

[1] ,..в обществе двух барышень,Видимо, речь идет о племянницах Э. Эллиса,

[2] Сен-Шерон - небольшой городок под Парижем; там жил кузен Мериме Л. Фр& нель.

224

ПН - № GGXXIIL

* Летака - по-видимому, местопребывание Женни Дакен в Алжире.

" ...высказывание короля,..- Т. е. Франциска II (1836-1894), короля Неаполя, пр& вившего всего немногим более года (1859-1860),

[91] Мадзини Джузеппе (1805-1872) - итальянский революционер, боровшийся за освобождение и объединение Италии, один из вождей республиканско-демократя^ веского лагеря,

[4] ...Вы наблюдали в Марселе празднеств а.- Имеются в виду манифестации в свядо с посещением города императорской четой в начале сентября 1860 г. [s] Лидера - фотограф.

225

ПН - № CCXXIV.

Поздравляю Вас с благополучным прибытием.— Речь идет © приезде Женни Д&= кен в Алжир.

...во время пребывания императора...— Наполеон III с женой проследовал из Мар* селя в Ниццу, заехал на Корсику и прибыл 17 сентября

в Алжир,

226

ПН - № CCXXV.

* Декап Александр (1803-1860) - французский живописец, автор картин на тем>ш восточной жизни.

[1] Я ездил па несколько дней в СентонжМериме совершил это путешествие между 29 сентября и 5 октября.

[3] о ..генерала Ламорисъера - См. примеч. 4 к п. 216.

[4] Шангарнъе Николя-Эме (1793-1877) - французский генерал. После установлен! Второй империи жил в изгнании.

[a] Пимодан Жорж (1822-1860) - французский военачальник. Он служил в армжш Ламорисъера и был убит в сражении при КастеяьфидарДо.

* Уокер Вильям (1824-1860) - один из последних пиратов, разбойничавших ш Атлантике.

227

ПН - № CCXXVI.

- Давали «Цирюльника»,- Мериме мог слушать оперу Россини 14 октября в парижской Итальян-

ской опере.

[й] Альбани Мариетта (1826- 1894) - итальянская певица, выступавшая на парижской сцене.

* Гардони Итало (1821-1882) - итальянский оперный певец-тенор.

* прислала ... 'фотографию герцогини Альба' снятую более чем через сутки поел® ее кончины - Сестра императрицы Евгении (см. примеч. 8 к п. 19) скончалась 16 сентября.

® О смани Эжен-Жорж (1809-1891) - французский государственный деятель, глава парижской администрации в период Второй империи. Под его руководством была проведена коренная перепланировка и перестройка Парижа.

* снадлежащее число черных шаров*- Действительно, на выборах в Академше изящных искусств Османн получил лишь 10 голосов. А выбран был друг М©~ риме Пеллетье (1823-1875), финансовый чиновник в период Второй империи

[ч] ...мучеников КастельфидардоСм. примеч. 4 к п. 216.

228

ПН - № ССХХУП.Впервые на рус. яз.- «Интернац. лит.». С. 157-158.

[4] Ла Геронньер Луи-Этьен-.Артюр (1816-1875) - французский журналист, главнмй редактор газеты «Конститюсьодель». В своих статьях и брошюрах он, как правило, отражал официальную правительственную точку зрения на события ш проблемы.

* Встреча в Варшаве провалилась..Речь идет о свидании австрийского императора Франца Иосифа с русским императором Александром II и прусским пржвг^ цем-регеятом Вильгельмом в Варшаве 20-26 октября.

* Горчаков Александр Михайлович (1798-1883) - русский дипломат, министр иностранных дел с 1856 по 1882 г.

[4] ...Александр Дюма.*.-Мериме имеет в виду, конечно, произведения Дюма-отц® (1803-1870) с

ПН - № CCXXVIIL

[1] Саси Сильвестр (1758-1838) - французский востоковед; его двухтомная грамматика арабского языка вышла в 1831 г.

[%] Мой кузен.. — Мериме имеет в виду Фюдьжанса Френеля (1795—1855), автора статей по арабской истории, много лет проведшего на Ближнем Востоке.

* Джидда ~ город на берегу Красного моря.

[4] ...первые слова, сказанные императором Францем-ИосифомИмеется в виду встреча в Варшаве (см. примеч. 2 к п. 228).

* ...Принц-регент Прусский...— Вильгельм (1797-1888), будущий император Германии Вильгельм I.

[ш] ...о великой победе нашей над несчастными китайцами.— Речь идет о захвате к разгроме французскими войсками в начале октября 1860 г. Пекина. Эта военная авантюра завершилась 24 октября выгодным для Франции договором с Китаем.

[т] Граммон Жак-Филипп (1792-1862) - французский государственный деятель, инициатор принятия закона о защите животных (этот закон обычно называют его именем).

[ш] Жюльен Станислао (1799-1873) — французский ученый-востоковед, переводчик китайского любовного романа XVII в. «Пин, Шань, Лэн, Янь». Этот перевод вышел в 1860 г.

* Принц Наполеон (1822-1891) - сын Жерома Бонапарта (см. примеч. 2 к п. 218); о зкенитьбе принца Наполеона на принцессе Клотильде см. примеч. 1 к п. 191.

ПН - № CCXXIX.

* ...приезжаю я в Марсель..." Мериме выехал из Парижа 15 ноября, направляясь в Канны.

- Путешествие императрицы...— Императрица Евгения выехала 14 ноября в Шотландию, Причины этого путешествия были не ясны. Помимо желания «переменить место» и развеяться после смерти сестры, наличествовали, видимо, и какие-то другие мотивы, Это путешествие преследовало, бесспорно, и дипломатические цели: договориться с апглийским правительством о совместной политике в отношении Италии, завершавшей свое объединение.

[3] Леди Мак Дональд ~ По-видимому, английская приятельница Женни Дакен.

[4] ...не то путевой дневник, не то роман...— Об этих произведениях леди Мак До* нальд сведений нет.

[1] ...новое издание Пушкина...- Речь идет об издании в 7 томах (1855-1857), кото» рое подготовил и выпустил П. В. Анненков (1813-1887). Это было первое науч-' ное издание сочинений поэта. Специальной статьи об этом издании Пушкина Мериме не написал. Его статья «Александр Пуш-

кин» появилась значительно позже, лишь в 1868 г., и не носила характера рецензии (см.: Собр. соч. Т. 5. С. 243-267).

* Это напоминает мне оду Сапфо...— Мериме имеет в виду следующее известное стихотворение древнегреческой поэтессы VII в. до н. э.:

Уж месяц зашел; Плеяды
Зашли... И настала полночь.
И час миновал урочный...
Одной мне уснуть на ложе!
{Пер. Вяч. Иванова)

Как справедливо полагал Анри Монго (См.: Mongault H. Introduction // Mefi-Шее P. Etudes de litterature russe. P., 1936. T. 1. P. LXIII)$_f$ с наибольшим основанием с этим стихотворением Сапфо можно сблизить стихотворение Пушкина «Ночь», относящееся к 1823 г. («Мой голос для тебя и ласковый* и томный /Тревожит позднее молчанье ночи темной...»).

231

ПН - № CCXXX.

[1] Политические перемены, происшедшие в начале нынешнего месяца...— Скорее всего Мериме имеет в виду перестановки в правительстве, в том числе отставку его друга А. Фульда, занимав-

шего пост министра без портфеля (см. примеч. I к п. 204).

* Что же до либеральных нововведений...— Речь идет, видимо, о декрете, предо» ставляющем Законодательному корпусу и Сенату право обсуждать ответный адрес на тронную речь императора (принят 24 ноября 1860 г.).

* ...папу, отлучившего нас...— См. примеч. 4 к п. 216. Отлучение Виктора-Эммануила косвенным образом затронуло и Францию, поддерживавшую с этим королем дружеские отношения.

[4] ...к тщеславному юнцу...— Имеется в виду австрийский император Франц-Иосиф.

[4] Гуайон Огюстен (1803-1870) - французский генерал; он командовал французской дивизией, введенной в апреле 1860 г. в Рим.

* Мань Пьер (1806-1879) - французский политический деятель; в ноябре 1860 F. был смещен с поста министра финансов.

* Бийо Адольф (1805-1863) - французский политический деятель, министр без портфеля при Второй империи.

[4] Фавр Жюль (1809-1880) - французский адвокат и политический деятель умеренно либерального толка.

232

ПН - № CCXXXI.

[1] ездил писать роман.- Скорее всего, речь идет о книге Э. Фейдо (см. примеч. Ш к п. 178) «Алжир», вышедшей из печати в марте 1862 г.

• Константина — центральная провинция тогдашнего Алжира.

• Кобден Ричард (1804-1865) - английский политический деятель, лидер сторонников свободной торговли между Францией и Англией. Кобден часто бывал в Каннах и встречался там с Мериме.

• ...всех... занимает только г. Пуэнсо.-Речь идет об убийстве в поезде 6 декабря

i860 г. маньяком Шарлем Жюдом крупного французского чиновника М. Пуэнео,

233

ПН - № CCXXXH.

* ...через Вар, где нет уже ни таможенников, ни жандармов...— Мериме имеет в виду результат присоединения Ниццы к Франции (см. примеч. 3 к и. 211).

* Джебира - небольшая, кожаная сумка с ремнем для ношения ее через плечо.

* ...мой президент обязывает меня быть там послезавтра.— Речь идет о предстоя* щем заседании Сената. Мериме участия в этом заседании не принял, он вернул* ся в Париж лишь 21 февраля. Президентом (председателем) Сената был в то время Реймон-Теодор Троплон (1795-1869).

* ...процесса г. Либри...— См. примеч. к п. 143.

* ...замешанных в его деле.— См. примеч. 1 к п. 231.

234

ПН - № CCXXXIII.

* ...о дне Святой Евлалии.- Т. е. 12 февраля (см. примеч. 2 к п. 188).

[4] ...княгиня Малахова...- Софи де ля Паниега, жена князя Малахова (см. примеч. 2 к п. 174), испанка по национальности.

[4] ...ее брат...- Будущий известный испанский писатель Хуан Валера (1824-1905).

235

ПН - № CCXXXIV. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 195-196.

[4] ...с нашего представления в Сенате...- Мериме принимал участие в заседаниях Сената, начиная

с 25 февраля 1861 г.; 4 марта он выступил там с речью об ока* эаннн помощи художникам и о поощрении развития изобразительного искусства.

[1] ...как говаривал г. ЯСурден...— Здесь Мериме допустил ошибку: он вольно цнти-рует другую комедию Мольера - «Господина де Пурсоньяка» (д. II, явл. 4), а не «Мещанина во дворянстве».

[9] Валевский Флориан-Александр (1810-1868) - внебрачный сын Наполеона I, госу-дарственный деятель эпохи Второй империи.

* ...о его предшественнике...- Речь идет об А. Фульде, друге Мериме. В ноябре 1860 г. Валевский занял его место на посту министра без портфеля.

[9] ...я сидел, как и положено секретарю...— Мерные был утвержден в должности се* кретаря Сената 5 февраля 1861 г. Сам он при этом утверждении на соответствующем заседании Сената не присутствовал.

[9] ...о святом мученике...- Речь идет о Франциске II, короле Неаполя (см. примеч. 2
кп. 224).

* щТангейзеръ - опера Р. Вагнера была впервые исполнена в парижской Опере 13 марта 1861 г. и прошла без всякого успеха; большинству зрителей она не по* нравилась.

* Княгиня Меттерних - Полина де Шандор

(1838-1921), жена австрийского посла в Париже Рихарда Меттерннха (1829-1895), хозяйка модного парижского салона и театральная деятельница-любительница.

[9] Обер Даниэль-Франсуа (1782-1871) - популярный французский композитор, автор многочисленных комических опер и оперетт.

[40] Бланшар Анрн-Пьер-Фарамон (1805-1873) - французский путешественник и художник. Он был знаком с Женни Дакен: как раз через него она передала издателю Мишелю Леви наборную рукопись «Писем к незнакомке».

** Исидор - презрительная кличка Наполеона III, широко распространенная в об*-гцестве той эпохи.

•* ...в поездку по Югу е бывшим моим министром...- Видимо, эта поездка Мериме о А. Фульдом не состоялась.

236

ПН - № CCXXXVo Впервые на рус. яз. (отрывок) - ВЕ. С. 196.

[й] ,о.пропутешествовав всю страстную неделю..,— В конце марта Мериме ездил по делам в Мелль (департамент Дё-Севр).

[a] .„Вы уже по эту сторону моряЖенни Дакен

вернулась в марте 1861 г. в Невер, привезя с собой больного брата. Капитан Луи Дакен скончался в Невере 30 марта.

[9] Му вен Виктор (1792-1867) - французский философ-идеалист, историк и политический деятель.

237

ПН - № CCXXXVI.

[s] Я. занимаюсь теперь историей одного казака...- Мериме работал в это время над пространной рецензией на книгу русского историка Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (СПб., 1859). Эта рецензия была напечатана в «Журналь де Саван» в июле 1861 г. и вошла затем в книгу Мериме «Казаки былых времен» (1865).

* ...истицей госпожи Либри- См. п. 239 и примеч. 1 к нему.

238

ПН-Ns CCXXXVII, датировано 15 мая. Дата уточнена по бланку, на котором написано письмо: это заседание Сената состоялось 13 мая.

[g] «о,бо власти сельди.,,- На заседании Сената обсуждались вопросы рыболовства.,

[a] Мароните - последователи одного из течений

в христианстве,

* „моего героя.- Т. е. Стеньки Разина. Речь идет о рецензии на книгу Костомарова (см. п. 237 и примеч. к нему).

[4] Маколей Томас (1800-1859) - английский историк. Мериме живо интересовался его десятитомной «Историей Англии», последний том которой вышел в 1861 г,

* Верно ли... (и далее) — Мериме упоминает то, о чем говорилось на заседании Сената, на котором и написано это письмо. Излагаемые факты приводились и в газетах тех дней.

239

QH - № CCXXXVIII.

[1] ...от огорчений, какие пережил на прошлой неделеМериме имеет в виду свое безуспешное выступление в Сенате в связи с просьбой г-жи Либри пересмотреть дело ее мужа. Женой Либри, скрывавшегося в Англии, была Мелани Дубль- (1810-1865), с которой у Мериме на рубеже 20-х и 30-х годов была короткая любовная связь.

* Философ этот я сам...- Мериме цитирует «Мизантропа» Мольера (д. V, явл. 4)

240

ПН - № .CCXXXIX.

* ...благодаря Цезарю..,- В это время Наполеон Ш работал над пространной «Жизнью Цезаря» (исследование вышло в двух томах в 1865-1866 гг.). Мериме помогал императору в этой работе.

* ...ожидание сиамских послов...- Прием сиамских послов состоялся во дворце Фонтенбло 27 июня 1861 Г.

* ...я ездил в Ализ с императором...— Эта поездка состоялась 19 июня. Ализ-Сент^ Рен расположен недалеко от Дижона.

[1] йЗаписки‘ъ — книга Юлия Цезаря «Записки о галльской войне».

241

ПН — № CCXL. Впервые на рус. яз.-т- ВЕ, С, 197“ 198.

В <четвергуВ перврм издании ПН стояло «Во вторник». Исправлено по календарю и дате приема сиамских послов,

* „.вдоль галереи Генриха IL— Видимо описка Мериме: речь должна идти о галерее Франциска Г, так как при Генрихе И был построен лишь так

называемый Большой зал.

242

ПН - № CCXLL

[Л] 16 июля 1861 гЛондон...- Мериме выехал в Англию И июля и вернулся в Париж 19 августа.

* Ваша сестра .. - Речь идет не о сестре Женни Дакен, а об Альфонсине-Эжени-Бланш Дево, вдове брата Женни Луи Дакена.

[й] ...о деле г. де Видиля.- Мериме имеет в виду Альфреда-Луи Понс де Видиля (1808-1865), французского дипломата, женатого на богатой американке, умершей в 1861 г. Чтобы не отдавать единственному сыну полагающуюся ему часть наследства матери, Видиль-отец сделал попытку убить его, но лишь ранил. Ви-диль был арестован, препровожден в Лондон и отдан под суд. Но сын отказался свидетельствовать против отца, и Видиль был приговорен только к году принудительных работ.

[4] „„лорд (Уэстбери}...- Ричард Бетелл (1800-1873), английский политический деятель, 26 июня 1861 г. он занял пост канцлера и получил титул лорда Уэст-бери.

* Ландсдаун Генри Петти Фиц-Мориц (1780-1863) - английский политический деятель, один

из лидеров партии вигов.

* Бриуд - небольшой провинциальный городок во Франции, в Оверни.

243

ПН - № CCXLII.

[П] Кирена - древнегреческая колония на северном побережье Африки. Английская археологическая экспедиция вела там раскопки с декабря 1860 по ноябрь 1861 г.

* Линдхарст Джон-Синглтон (1772-1863) - английский государственный деятель, член парламента.

* дебаты по поводу СардинииРечь идет об обсуждении в Палате общин возможности аннексии Францией Сардинии, тогда еще независимого королевства.

[А] Лорд Джон Рассел- см. примеч. 5 к п. 197. 30 июля он получил титул пэра и перешел в Палату лордов.

244

ПН - № CCXLI1I, датировано 18 августа. Передатировано по времени возвращения Мериме в Париж.

* „..я провел неделю в графстве Суффолк...- Видимо, Мериме гостил в доме его друзей Берингов. Но их поместье находилось в графстве Норфолк, а нс Суффолк, Впрочем, эти графства соседствуют.

* откуда родом Кромвель.- Оливер Кромвель (1599-1658) родился в Хантингдоне, вблизи тех мест, где побывал Мериме.

245

ПН - № CCXLIV,

...обещал моему хозяину...- Видимо, речь идет о каких-то материалах для «Жизни Цезаря» (см. примеч. 1 к п, 240).

[3] „J9-u том г. Тьера - Мерные имеет в виду очередной том «Истории Консульства и Империи» А. Тьера. Все издание состояло из 20 томов и выходило в 1845“

1862 гг.

[@] Монтрон - см. примеч. 1 к п. 17.

[s] Д&лъжетги — персонаж романа Вальтера Скотта «Легенда о Монтрозе» (1819).

[3] Дюшатель - см. примеч. 11 к п. 19.

[3] Источник» г. Энгра - Ныне эта знаменитая картина Жана-Домнннка Энгра

(1780-1867) находится в Лувре. Начатая в 1820 г., она была завершена художни-ком лишь в 1856 г.

Выставлялась в одной из галерей на Итальянском бульваре в Париже в 1861 г.

246

ПН - № CCXLV.

я Биарриц - Мериме приехал в этот курортный город 10 сентября.

% „..я собираюсь нанести визит г. Фульду в Тарб...- См. примеч. 1 к п. 204. В 1861 г* Мериме гостил в Тарбе с 4 по 12 октября.

5 Мунда - древний испанский город, около которого в 45 г. до н. э. Цезарь одержал победу над войсками сторонников Помпея, что положило конец гражданской войне. Мериме переводил для Наполеона III с испанского статью Хосе и Мануэля Хуртадо об этом сражении. Первоначально Мунду отождествляли с современной Мондой в провинции Малага; около этого поселения жило финикийское (или пуническое) племя бастулов. В настоящее время ученые склонны отождествлять древнюю Мунду с современной Монтой в провинции Кордова. О местоположении Мунды Мериме писал в первой главе «Кармен» (см.: Собр. соч. Т. 2» С. 332-333).

247

ПН - № CCXLVI.

t „.на хозяина моего...- См. примеч. 1 к п. 245.

* ...возможное назначение сессии...— Речь идет о заседаниях Сената.

248

ПН - № CCXLV1I.

[41] Компьень...- Мериме приехал в Компьень, где в это время находился двор, 9 ноября и вернулся в Париж 3 декабря.

* ...помешал нам устроить празднества...—Мершие имеет в виду смерть короля Португалии Педро V (1837-1861), последовавшую 11 ноября. По этому случаю был объявлен траур.

* Валевский - см. примеч. 3 к п. 235.

* Княгиня <Меттерних) - см. примеч. 8 к п. 235.

* Мюллер Шарль-Луи (1815-1892) - французский художник, автор картин на исторические сюжеты. Картина «Мария-Антуанетта в тюрьме Консьержери» закон -

чена художником в 1859 г.

ПН - № CCXLV1II. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 198.

[1] Канны...- Мериме выехал в Канны 22 декабря 1861 г.

[31] Кузен - см. примеч. 3 к п. 236.

• Лонгвилъ Анна-Шеневьева (1619-1679) - французская аристократка, активная участница Фронды. В 1853 г. В. Кузен выпустил о ней книгу, откуда и шутка Мериме.

* . .о другом казаке..,- Мериме имеет в виду труд Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий» (СПб., 1859). Его рецензия на эту книгу была напечатана в «Журналь де Саван» в январе-июле 1863 г. Затем вошла в его книгу «Казаки былых времен» (см. примеч. 1 к п. 237).

[ft] Стассен - парижский книготорговец в основном иностранными книгами.

• Мюллер Макс (1823-1900) — известный лингвист. С 1848 г. жил и работал в Оксфорде. Его «Лекции по науке о языке» выходили в Лондоне в 1861-1864 гг.

250

ПН - № CCXIX.

* ...о моей книге.. - Речь идет о книге Макса Мюллера. См. примеч. 6 к п. 249.

* ...не принимал участия в возне...— Мериме вернулся в Париж с юга 8 марта ш не принимал участия в заседаниях Сената, которые открылись 27 января.

[a] Монталамбер Шарль (1810-1870) - французский политический деятель и публицист католического толка.

[A] ...одному из друзей своих...— Речь идет о Жозефе Отране (1813-1877), француз* ском поэте классицистского направления. Он баллотировался на выборах во Французскую академию 6 февраля 1862 г. Голосование не дало результатов, и выборы были отложены до 3 апреля, когда избранным оказался Октав Фейе (см. примеч. к п. 186).

251

ПН - № CCL.

[1] Лондон...- 5 мая Мериме приехал в Лондон для посещения Всемирной выставки. Он был вклю-

чен в состав жюри по разделу ббоев и интерьера. В Париж Мериме вернулся 1 июля.

* Гранвилль Джордж (1815-1891) - английский политический деятель. Он был председателем жюри выставки.

252

ПН - CCLL

* ...черта подведена.- Мериме имеет в виду завершение работы жюри. 5 июня он читал свой доклад, который был опубликован в 6-м томе общего «Отчета» жюри лондонской выставки.

* ...намереваюсь поедать в Оксфорд...— Поездка Мериме в Оксфорд не состоялась.

* Бодлеева библиотека — библиотека в Оксфорде, основанная в 1602 г. сэром Томасом Бодли (1545-1613), английским дипломатом и библиофилом.

* ...поражение двух фаворитов дерби...— Мериме пишет о скачках на ипподроме в Эпсоме.

[a] ...поражение тори в Палате Общин.— Речь идет о заседании Палаты общин 3 июня 1862 г., в ходе которого (при голосовании по поводу поправки к малозначащему законопроекту) тори потерпели полное поражение.

'* Дизраэли Бенджамин (1804-1881) - англий-

ский государственный деятель, один из лидеров консерваторов. Был также известным в свое время романистом.

253

ПН - № CCLII, где письмо датируется 47 июля. Дата уточнена по содержанию.

* Баньер-де-Бигор - курорт в предгорьях Пиренеев, в 20 км от Тарба. Мериме приехал туда 13 августа вместе с Паниццн. 17 сентября друзья прибыли в Биарриц. В Париж писатель вернулся 8 октября.

* ...я ужинал в Сен-Клу...— Речь идет о посещении Мериме императорской семы» в Сен-Клу 24 июля.

* Кампана Джаи Пьетро (1807“ 1880) - итальянский коллекционер, директор римского ссудного банка. При собирании своей коллекции он прибегал к финансовым махинациям, в результате чего был арестован, а коллекция его реквизирована панскими властями (1857). В апреле 1861 г. она была продана Франции, all июля Мериме вошел в комиссию по изучению и разбору этой коллекции.

254

ПН - № СОЛИ.

* Д{ельон} Анна - дама полусвета, возлюбленная принца Наполеона.

255

ПН - № CGLIV.

[4] ^читали ли Вы «Отверженных»...- Речь идет о последнем, 5-м томе романа В. Гюго. Том этот вышел из печати в конце июня 1862 г. 16 сентября в Брюсселе по этому поводу состоялся банкет, на котором с яркой речью выступил Гюго.

256

ПН —№ CCLV. Впервые на рус. яз.- «Интернац. лит.». С. 158“ 159.

[1] ...написал более половины тома - Речь идет о большой рецензии Мериме на книгу И. И. Костомарова о Богдане Хмельницком (см. примеч. 4 п. 249).

[ш] ...читали ли Вы спич Виктора Гюго на обеде...— См. примеч. к п. 255.

[§] Двадцатый том Тьера.. — См. примеч. 2 к п.

245.

[4] Лас Каэ, Эмманюэль (1766-1842) “французский историк, автор знаменитой книги «Мемориал Святой Елены» (1822-1829), записок, которые Лас Каз вел на острове Святой Елены, где он постоянно общался с сосланным туда Наполеоном.

[в] ...анекдот о Никомеде...- Речь идет о Никомеде IV (94-74 до н. э.), царе Вифинии, союзнике римлян. Как сообщают древнеримские историки (в том числе Светоний) $_0$Цезаря упрекали в противоестественной связи с Никомедом.

257

ПН - № CCLVI.

* ...с начала месяца...- Мериме вернулся в Париж из Биаррица 8 октября.

[%] Персиньи Жан-Жильбер-Виктор (1808-1872) - французский государственный деятель, дипломат, министр внутренних дел с ноября 1860 г.

® Тувенель Эдуард-Антуан (1818-1866) — французский политический деятель. 15 октября 1862 г. он был смещен с поста министра иностранных дел.

* ...Вас слишком взволновали высказывания Виктора Гюго.— См. примеч. к п. 255 и п. 256.

[s] аВосточные мотивы» - стихотворный цикл В.

Гюго (1829).

[III] ...писем госпожи де Севинье - Мария де. Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626-1696), знаменитая французская писательница-эпистолограф; первое издание ее «Писем» вышло в 1725 г.

258

ПН - № CCLVXI.

[1] Мотлей Джои-Лотроп (1814-1877) - посол Соединенных Штатов в Вене (1861— 1867), затем Лондоне (1869-1870); его книга «Возникновение Голландской республики» вышла в 1856 г., французский перевод этой работы появился в 1859-1860 гг.

259

IXH -Jyfg CCLVII1. Впервые на рус. яз.~ «Интернац. лит.». С. 159-160, затем = Собр. соч. С. 169-170.

[1] КанныМерине выехал в Канны 25 декабря 1862 г., откуда вернулся в Париж в начале марта следующего года.

* ...я решил проконсультироваться у одного знаменитого доктора.. — Мерине был на приеме у профессора Луи-Доминика Гаварре (1809-?), члена

Академии медицины.

* «Госпожа Бовари» — этот роман Флобера вышел в апреле 1857 г.

* Только что он выпустил новый роман «Саламбо».— Роман этот вышел в конце ноября 1862 г.

[5] Буйе Мари-Никола (1798-1864) — французский историк и лексикограф, автор «Исторического и географического словаря» (1842).

* Лемберг - город Львов носил это название в то время, когда входил в состав Австро-Венгрии. В своей рецензии Мериме, в частности, отметил живописность расположения города и красоту его уроженок.

[4] ...пьесу моего друга Ожье...- Мериме имеет в виду комедию Эмиля Ожье «Сын Жибуайе», премьера которой состоялась в декабре 1862 г.

260

ПН — № CCLIX. Впервые на рус. яз.- «Ленинград». 25, затем - Собр. соч. С. 171-172.

* Эллис - см. иримеч. 2 к п. 167.

[t] Лапрад Виктор де (1812-1883) - второстепенный поэт-романтик, член Француз-ской академии с 1858 г. Мериме намекает здесь на одно из стихотворений Лапра-да, входящее в цикл «Оды и поэмы» (1843, 2-е изд.- 1860).

[?] ...в обсуждении адреса...—Мериме имеет в виду заседание Сената с обсуждением так называемого адреса — ответа на тронную речь императора. Это обсуждение состоялось 30 января, но Мериме на нем не присутствовал.

* «Отцы и дети» ~ роман не был напечатан в «Ревю де Дё Монд»; он вышел по-французски отдельным изданием в мае 1863 г. в переводе Луи Виардо (1800“ 1883) с предисловием Мериме (см.: Собр. соч. Т. 5. С. 235-236). Выпустил книгу известный парижский издатель Шерве Шарпантье (1805-1871).

[5] Роман произвел в России подлинную сенсацию...— О спорах вокруг романа «Отцы и дети» см.: Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем. Сочинения. М.; Л., 1964, Т. 8. С. 589-611.

261

ПН - № CCLX.

* ...пишу для «Журнале де Саван».- В нескольких номерах этого журнала печаталась пространная рецензия Мериме на книгу Н. И. Костомарова (см. примеч. 4 кп. 249).

262

ПН - № CCLX1.

* Посылаю письмо во Флоренцию...— В это время Женни Дакен путешествовала по Италии; во Флоренцию она приехала 29 апреля.

* вAngelus» - в данном случае ~ вечерня.

* ...со Святого Петра ин Монторио - Речь идет о церкви Святого Петра ин Монто-рио, воздвигнутой на одном из римских холмов. Рядом с церковью - смотровая площадка, откуда открывается прекрасный вид на Рим. Согласно легенде, на этом месте был распят апостол Петр. Первая церковь была построена там в IX в.; в XV в. значительно перестроена, достраивалась и перестраивалась и в последующие века.

263

ПН : Л« CCLXIL Впервые на рус. нз. (не полностью) - ВЕ. С. 198-199.

* „госпоже де (Персиньи}.- Речь идет об Эгле де Персиньи (род. 1832), жене {с. 1852 г.) министра Персиньи (см. нримеч. 2 к п. 257).

* Троплон — см. примеч. 3 к п. 233.

* Буччи ~ см. примеч. 2 к п. 17.

264

ПН - № CCLX1IL

* 21-го я уважаю в Фонтенбло...- Мернме пробыл в Фонтенбло с 21 июня но 6 июля.

* Кленце Лео (1784-1864) - придворный архитектор баварского королевского дома. [5] * Модему азе ль де ля Кинтини» - роман Жорж Санд, печатавшийся в «Ревю да

Дё Монд» с 1 марта но 15 мая 1863 г. и затем вышедший отдельной книгой.

265

ПН - № CGLXIV. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 119.

[4] Ту-Дун (1830-1889) - император Аннама (теперешний Вьетнам).

[4] ...признание в духе Ат ре я.- Согласно древнегреческим мифам, царь Микен Атрей* желая отомстить своему брату Фиесту за осквернение супружеского ложа, пригласил его на пир, где угостил мясом его собственных детей. Когда же Фиест отведал жаркое, Атрей открыл ему, из чего оно приготовлено.

266

ПН - № CCLXV.

* Лондон...- Мериме выехал в Лондон 22 июля и вернулся в Париж 20 августа.

* ...морские купания...- Женни Дакен была в это время в Булонь-сюр-Мер.

[9] Филлимор Джон-Джордж (1808-1865) - английский историк; его «История Англии в царствование Георга Третьего» вышла в Лондоне в 1863 г. [д] Борроу Джордж (1803-1881) - английский романист и историк. Книга Борроу «Дикий Уэльс, его народ, язык и ландшафт» вышла в конце 1862 г.

267

ПН - № CCLXVI. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 199-200, затем -Собр. соч. С. 173-174.

' ...ярезанятнейшая книга...- Мериме имеет в виду изданную в Милане в 1855 г, анонимную книгу «Синьора ди Монца». Это рассказ о любовных авантюрах одной монахини, приворожившей любовника, бежавшей из монастыря и т. д. События эти относятся к началу XVII в.

* «Парижский сезон» - книга Варвары Дмитриевны Римской-Корсаковой, урожденной Мергасо-

вой (1833-1878), изданная на французском языке в июле 1863 г. Римская-Корсакова жила в Париже, принимала участие в многочисленных светских развлечениях, блистала красотой и удивляла всех смелостью нарядов в экстравагантностью поведения. В Париже за ней закрепилась кличка «татарской Венеры».

* чЖиань Иисуса» - книга французского историка религии и философа Эрнеста Ренана (1823-1892), вышла в нюне 1863 г.; уже в августе она была внесена

е индекс запрещенных книг.

268

ПН - № CCLXVII.

[1] Канны...— Мериме выехал в Канны И октября 1863 г. и вернулся в Париж 8 ноября.

[8] Смерть г. Бийо...- См. иримеч. 7 к п. 231. Бийо скоропостижно скончался р Нанте 13 октября.

* з..неподалеку от Сен-Шамаса наш поезд сошел с рельсов.— Это произошло на железной дороге, соединяющей Марсель с Лионом.

[4] ...послание епископа Тюлльского...— Жан-Батист-Леонар Берто (1798—1879), епи-скоп Тюлльский, в своем послании резко выступил против Ренана и его новой книги.

* ...письма герцогини де Шуазель.— Письма Луизы-Онорины де Шуазель (1734-1801) входили в издание переписки г-жи дю Деффан (см. примеч. к п. 201).

269

ПН - № CCLXVIII. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 200.

* ...со дня прибытия сюда...-Мериме приехал в Компьень 10 ноября, вернулся в Париж 18-го.

* Я был и за автора...- Мериме пишет о постановке своей небольшой комедии» шарады «Мозоль». Текст [ее] был опубликован только в 1920 г.

[4] ...Мадемуазель Османн...- Видимо, дочь барона Османна (см. примеч. 5 к п. 227).

270

ПН№ CCLXIX, где письмо датируется 12 декабря. Дата уточнена по дню недели.

[м] ...сочинил для нас... президент - Речь идет о Троплоне (см. примеч. 3 к п. 233).

271

ПН - № CCLXX. Впервые на рус. яз.-«Интернац.

лит.». С. 160-161.

‘ ...по прибытии сюда...— Мериме выехал в Канны 20 декабря.

* Карагез - персонаж турецкого теневого театра, шутник и насмешник.

[5] ...комедия, где Еврипида наряжают женщиной? — Речь идет о комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» (411 г. до н. э.). Далее упоминается его комедия «Лягушки», поставленная на Ленеях 405 г. до н. э. (а не на Дионии-сиевых празднествах, как сказано у Мериме). Впрочем, и Дионисии и Леней посвящались богу вина древних греков Дионису (Вакху); первые проходили в марте-апреле, вторые - в январе-феврале.

* ...учитель мой Буассонад...- Жан-Франсуа Буасронад де Фонтараби (1774-1857), профессор Сорбонны (1812-1855) и Коллеж де Франс (1829-1855), крупный специалист по древнегреческой филологии.

[5] Юблака» - комедия Аристофана, представленная на Дионисиях 423 г. до н. э. В этой пьесе есть пространный диалог между Правдой и Кривдой и выведен мудрец Сократ, которому отдан в обучение сын главного героя пьесы. Сократ в своих педагогических взглядах исходит из того, что

род человеческий пред» ставляет собой скопище отвратительных тварей. Однако Аристофан устами своего героя осуждает Сократа не за это, а за то, что он плохо обучает своих учеников. Об отравлении ядом в этой комедии Аристофана не говорится; видимо, Меримо имеет в виду диалог Платона «Федон». В диалогах Платона Аристофан фигурирует только в «Пире», но там он не упрекает Сократа.

[4] ...вновь зреют заговоры.- Мериме пишет об аресте итальянских революционеров, которых обвиняли в намерении убить императора.

* ...14 февраля - ,дн.я Святой Евлалии? — Мериме изменяет память: день Святой Евлалии отмечается 12 февраля, о чем он неоднократно писал Женни Дакен.

$4 Проспер Мериме

272

ПН - № CCLXX1.

[1] Пул Генри - лондонский портной; Мернме иногда шил у него.

273

ПН ~ № CCLXX1I.

[1] ...архиепископ Руанский громиг безбожие.- Кардинал Анрн-Мари-Гастон Бон-шоз, архиепископ Руанский с февраля 1858 г. Мериме имеет в виду его пространную речь в Сенате, направленную против атеистических публикаций. [г] ...благополучно погребем синагогу.. - Т. е. достойно завершим какое-либо дело (расхожее выражение того времени).

274

ПН - № CCLXXII1.

[1] ...книгу Абу! - См. примеч. 8 к и. 204. В данном случае речь идет о его книге «Прогресс» (вышла в марте 1864 г.), проповедовавшей свободомыслие.

[г] ...три толстенных тома Тэиа...- Речь идет о знаменитом труде Ипполита Тэна (1828-1893) «История английской литературы»; первые три тома вышли к началу 1864 г.; все издание было завершено в 1872 г.

* ...два тома Мезьера...- Имеется в виду труд Альфреда Мезьера (1826-1915) «Современники и последователи Шекспира», вышедший в начале 1864 г.

[1] Завтра нам предстоит избрать в Академию марсельца Отрана или Жюля Манена.- Мериме пишет о предстоящих выборах в Академию на

освободившееся место Альфреда де Виньи. Кандидатами были известный писатель-романтик Жюль Жанен (1804-1874), Ж. Стран (см. примеч. 4 к п. 250) и третьестепенный литератор и драматург Камилл Дусе (1812-1895). Выборы состоялись 14 апреля и не принесли успеха ни одному из кандидатов.

[1] Мой кандидат...- Мериме голосовал за К. Дусе.

• ...Лукиана в переводе Перро д'Абланкура...- Этот перевод Лукиана, выполнен-*■ ный Никола Перро д'Абланкуром (1606—1664), был очень популярен и часто

переиздавался, несмотря на то, что он считался достаточно вольным. Мериме пишет о двухтомном издании 1854 г.

[?] Я погрузился в историю Петра Великого...- Мериме читал в это время 6-й том «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова; это исследование выходило в 1858-1863 гг. Пространная рецензия Мериме на это издание печа* талась в нескольких номерах «Журналь де Саван», с июня 1867 по февраль 1868 г. Отдельным изданием вышла лишь в 1947 г.

ПН - № CCLXXIV.

[1] ...Вы угадали, где мое пристанище.- Мериме пишет из Лондона, куда приехал, видимо, 1 июля. В Париж он вернулся 5 августа.

[2] ...нежные послания жены Петра своему любовнику...- Мериме имеет в виду письма первой жены Петра Евдокии Федоровны Лопухиной (1669-1731) стольнику Степану Глебову, который сошелся с опальной царицей в то время, когда она была заточена в Покровском монастыре в Суздале под именем инокини Елены. Их переписку приводит Устрялов как раз в 6-м томе своего труда.

[2] ...в понедельник я еду в Чевенингс к лорду Стенхопу...— 25 июля Мериме приехал в имение лорда Стенхопа, Чевенингс, в графстве Кент. Филип-Генри Стен-хоп (1805-1875) - английский политический деятель и историк, член Палаты общин.

[4] ...о замужестве леди Флоренс Пейдже?...- Далее Мериме рассказывает скандальную историю замужества Френсис-Сесили Пейджет (род. в 1842 г.).

[5] Чаплин Генри (1840-1923) - английский государственный деятель, родственник друга Мериме

Э. Эллиса (см. примеч. 2 к п. 167). [в] Гастингс Генри (род. он. 1840 г.) - английский аристократ из очень древнего
рода.

276

ПН - № GCLXXV.

[1] Задержали меня корректурные листы..,- Видимо, речь идет о корректуре рецен» зии Мериме на книгу Устрялова.

[2] ...11-го буду в Мадриде .- Мериме пробыл там до 16 ноября.

[9] <Рулан) Гюстав (1806-1878) - французский государственцый деятель, министр народного образования при Второй империи. Мериме приходилось часто встречаться с Руланом по деловым вопросам, и эти встречи не всегда проходили гладко. Императорским декретом от 28 сентября Г. Рулан был назначен сена» тором и управляющим банком.

277

ПН - № CGLXXVI.

[1] ...леди К(ремптон)...- Речь идет о жене Джона Кремптона (1805-?), английского посла в Мадриде.

В 1860 г. он женился на Виктории Белф (?-1871), дочери композитора Майкла Белфа (?-1870). До замужества она пела в Лондон» сном театре Ковент Гарден (1857-1859). В конце ноября 1863 г. их брак был аннулирован.

[2] ...за герцога де <Фриаса>...- Хосе-Бернардино-Сильверио Фернандес де Веласко, герцог Фриас (1836-1888), испанский политический деятель. После женитьбы он жил с женой во Франции.

[8] ...герцогинею <Усвда>...- донья Бернардина Фернандес де Веласко, графиня де Пеньяранда, испанская аристократка.

[4] ...нипи...- Ткань, вырабатываемая с применением банановых волокон на Мадагаскаре.

278

ПН - № CGLXXVII.

[1] ...по прибытии сюда.. - Мериме прибыл в Канны 23 ноября 1864 г.; в Париж он вернулся 8 марта 1865 г.

[2] Бидассоа — небольшая речка, по которой проходит самая восточная часть гра~ вицы между Францией и Испанией. Железная дорога, соединяющая эти страны и идущая вдоль берега Средиземного моря, пересекает эту речку.

ПН - № CCLXXVIII.

[4] Что думаете Вы об энциклике папы? - Речь идет об энциклике Пия IX «Quanta сига», обнародованной 8 декабря 1864 г. В ней осуждались существующие принципы отношений между государствами. Энциклика была вызвана подписанием 15 сентября конвенции между Францией и Италией, по которой французским оккупационным войскам предписывалось покинуть папскую область. Эту конвенцию заключили за спиной папы, что и вызвало «Quanta сига».

[2] Местный епископ...- Жан-Пьер Сола (1791—?), епископ Ниццы с января 1858 г.

[0] «Казаки былых времен» - см. примеч. 1 к п. 237 и примеч. 4 к п. 249. Книга Мериме вышла из печати в начале февраля 1865 г.

[&] Моккар Жан-Франсуа-Констан (1791-1864) - французский журналист, личный секретарь Наполеона III. Он скончался 9 декабря 1864 г.

[3] ...без конца встречаю свое имя...— Мериме ошибается: перечисляемые им газеты не называли его имени как возможного преемника Моккара. Лишь газета «Ле Нор» в номере от 10 декабря назвала Мериме как самую достойную

кандидат туру на место Моккара.

[в] ..лБеседьп Ламартина.- Мериме имеет ц виду «Общедоступный курс литерату-ры» Альфонса де Ламартина (1790-1869), который печатался ежемесячными выпусками с 1856 по 1869 г. Отдельные выпуски носили название «Беседы».

[7] Ламартин утверждает, что отступление Десяти тысяч произошло после смерти Александра — Отступление греческой армии в 401 г. до н. э. Эта армия входила в состав войск персидского царевича Кира Младшего. В действительности это отступление не могло произойти после смерти Александра Македонского, кото-рый тогда еще не родился. Это описано в книге Ксенофонта «Анабасис» (см. примеч. 8 к п. 28).

280

ПН — № CCLXXIX, где письмо датируется 20 января. Дата предположительно уточнена по содержанию.

* ...господина, который должен был отвезти их в Париж...— Речь идет о Хосе Ксифре (1822-1868), испанском дипломате и политическом деятеле, атташе испанского посольства в Париже, затем члене Кортесов. Ксифре был близким знакомым семейства Монтихо.

[r] Матъе <де ля Дром> Филипп-Антуан (1808-1865) - французский политический деятель. После бонапартистского переворота он покинул Францию; по возвращении на родину отошел от политической деятельности. Мериме имеет в виду его книгу «Предсказание погоды» (1862), а также многочисленные газетные публикации на ту же тему.

[3] Д(юпанлу} — см. примеч. 4 к п. 208.

[4] Я выправил корректуру в «Журналь де Саван»...— Речь идет об очередной части пространной рецензии Мериме на книгу Устрялова о Петре I (см. примеч. 7 к п. 274).

[s] ...и у Мишеля Леви...- Известный парижский издатель Мишель Леви выпускал книгу Мериме «Казаки былых времен».

[9] ...я думаю скоро вернуться в Париж...— Мериме вернулся в Париж только 8 марта.

281

ПН - № CCLXXX.

' Парада ль - Анатоль Прево-Парадоль (1829-1870), второстепенный французский литератор. Он был избран во Французскую академию 6 апреля 1865 г., одержав победу над Жюлем Жаненом (см. примеч. 4 к п. 274).

[%] Бройли, Виктор-Ашиль де (1785-1870) - французский политический деятель, член Французской академии.

[3] Ампер разродился ужасным жизнеописанием Цезаря...- См. примеч. 4 к п. 19 и примеч. 4 к п. 191. Прево-Парадоль баллотировался на место Ж.-Ж. Ампера, скончавшегося 27 марта 1864 г.

[4] Отран - см. примеч. 4 к п. 250. На этих выборах Отран получил лишь два голоса.

[5] Бругхэм Вильям (1795-1886) - английский адвокат и политический деятель, знакомый Мериме.

• Бругхэм Генри (1 # 78-1868) - английский политический деятель. На протяжении многих лет он постоянно жил в Каннах, где имел собственную виллу. Мериме был знаком с ним по меньшей мере с 1843 г.

[1] ...книгу некоего г. Шарля Ламбера...— Мериме имеет в виду книгу «Бессмертие согласно Иисусу Христу» Ш. Ламбера, выпущенную парижским издателем Ми шелем Леви в апреле 1865 г.

• Ренан отправился в Палестину...— Эта поездка Э. Ренана (см. примеч. 3 к п. 267) была связана с его работой над книгой «Апостолы», вышедшей нз печати в мае 1866 г.

[9] Пейра Альфонс (1812-1891) - французский журналист левых взглядов, антибо-напартист.

Мериме говорит о его книге «Элементарная критическая история Иисуса», вышедшей в 1864 г.

282

ПН - № CCLXXXI.

[1] ...не ударило ли Вас молнией как госпожу Арбютнот...- Мериме имеет в виду трагическое происшествие, о котором писали в то время газеты: молодая английская аристократка Алиса-Шарлотта Ривере, дочь лорда Джорджа Питта,-вышедшая в апреле замуж за капитана гусарского полка Вильяма Арбютнота,. поднималась на одну из альпийских вершин и была убита молнией во время заставшей ее в горах грозы (21 июня 1865 г.).

[2] Дворцовые росписи по сказаниям о Нибелунгах..- Эти росписи на темы средневекового немецкого эпоса были выполнены в мюнхенском дворце по поруче-нию короля Баварии Людвига I Юлиусом Шнорром (1794-1872) в 1827-1848 гг.

[3] Кленце - см. примеч. 2 к п. 264. Кленце скончался 27 января 1864 г.

[4] ...картины в Пинакотеке.— Речь идет о так называемой Старой пинакотеке, крупнейшем художественном собрании в Мюнхене.

[6] Корнелиус Петер (1783-1867) - немецкий ху-

дожник. Ему принадлежат росписи мюнхенской Глиптотеки на темы античной мифологии (1820—1830); по его картонам сделаны росписи лоджий Старой пинакотеки (1826-1840).

283

ПН - Nt CCLXXXII, где письмо датируется 23 августа. Дата уточнена по содержанию. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 200-201,

[1] ...почти полтора месяца, как я здесь.— Мериме выехал в Лондон 19 июля и вернулся в Париж 30 августа.

[2] Гладстон Вильям-Юарт (1809-1898) - английский политический деятель, лидер' партии вигов. Мериме был у него в замке Науварден (графство Флинтшир) с 14 по 17 августа.

[3] Роттен-Роу - аллея в Гайд-парке, место верховых прогулок английских аристократов.

[4] ...длиннющую статью об «Истории Цезаря»...- См. примеч. 1- к п. 240. Рецензия Мериме на книгу Наполеона III печаталась в «Журнале де Саван» в сентябре 1865 и июле 1866 г.

[6] Понсар Франсуа (1814-1867) - французский ноет и драматург, один на последних представителей классицизма.

284

Г1Н - № CCLXXXIII.

[1] ...как если бы Никомед...— См. примеч. 5 и п. 256..

[2] Каулла Август - один из управляющих австрийскими железными до; >гамн.

[8] Мюрат Анна (1841—1924) — французская светская дама, внучка наполеоновского маршала Иоахима Мюрата (1771-1815), с 18 декабря 1865 г. жена герцога Антуана де Муши (1841-1909).

[4] Либрейх Фредерик-Рихард (1830-1917) - врач-офтальмолог. Работал в Парижа* с 1862 по 1870 г.

285

ПН - «N1 CGLXXXIV. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 201.

[1] Нас навестили там король и королева Португальские - Речь идет о визите ш Биарриц 10 октября Людовика 1, короля Португалии с ноября 1861 г.

* Она очень похожа на принцессу Клотильду...— Женой Людовика I была Мария» Пия, дочь итальянского короля Виктора-Эммануила и, следовательно, сестра принцессы Клотильды, жены

принца Наполеона (см. примеч. 1 к п. 191).

[3] Мой друг[9] португальский посол...—Речь идет о Мигуэле д'Антасе (1823-1910) [г]португальском дипломате, с 1848 по 1856 г. сотруднике португальского посольства в Париже. Он писал исторические труды (издававшиеся во Франции) я был вхож в ученые и литературные круги Парижа.

[4] Другой персонаж — г. де Бисмарк...— Бисмарк, в то время премьер-министр Пруссии, посетил Биарриц 4 октября.

* Энрико - Энрнко-Мария-Ферднннандо, герцог Севильский (1823-1870), испанский инфант, выступавший против политики, проводимой королевой Изабеллой II.

* ...о герцоге Мекленбургском...- См. примеч. 2 к п. 196.

[7] После смерти генерала Ламорисьера...— Ламорисьер (см. примеч. 5 к п. 132) скончался 10 сентября 1865 г.

286

ПН - № CCLXXXV.

[1] ...ехать в Компьень или не ехать? - Опасения были вызваны эпидемией холеры.

* Матье <де ля Дром> - см. примеч. 2 к п. 280.

* ...на берегах Луары - Т. е. в Невере, где часто жила Женин Дакен.

[4] ...принцессы А нны...— Анна Мюрат (см. примеч. 3 к п. 284).

[s] Гейне - речь идет о Карле Гейне, кузене великого немецкого поэта. Карл Гейне был богатым негоциантом; он умер в июле 1865 г. Его дочь, Паулина-Маргарита (1847-1903), вышла замуж в августе 1866 г. за Мишеля Нея, герцога Эльхнн-генского (1835-1881), племянника наполеоновского маршала.

* «Песни улиц и лесов» - поэтический цикл Виктора Гюго, вышедший из печати в октябре 1865 г.

[7] Понсон дю Террайль Пьер-Алексис (1829-1871) - французский писатель, автор остросюжетных полицейских и псевдоисторических романов. Его произведения печатались обычно в газетах в виде «фельетонов» с продолжением.

* ...книгу о Моисее, Давиде и апостоле Павле,- Что это за книга, установить не удалось.

287

ПН - № CCLXXXVI.

[3] ...проведя неделю в Компъене...- Мериме приехал в Компьень 14 ноября 1865 г., 20 ноября вернулся в Париж, а 25-го выехал в Канны. Он

возвратился в Париж с юга, вместе с В. Кузеном, 7 апреля 1866 г.

[5] ...пьесою г. де Масса...- Речь идет о пьесе Александра-Филиппа Ренье, маркиза де Масса (1831-1911) «Комментарии Цезаря», которую играли на придворном театре Компьеня 26 и 27 ноября 1865 г.

* ...отец Иасинт...- Шарль Луазон (1827-1912), модный парижский проповедник. Мериме имеет в виду его проповедь, произнесенную в Соборе Парижской Богоматери 9 декабря 1865 г.

[4] ...после открытия Палаты...- Ее заседания открылись 22 января.

[5] ...вакон о шарманках, по которому я являюсь докладчиком.— 7 июля 1865 г. Мериме выступил с яркой речью з Сенате против обсуждавшегося закона, запрещающего изготовление и использование шарманок (в основу закона легла мысль о нарушении шарманщиками авторского права композиторов). Благодаря речи Мериме этот закон был отклонен.

• Руэр Эжен (1814-1884) - французский государственный деятель, министр На* оолеона III. Руэр был недоволен речью Мерные в Сенате.

ПН - № CCLXXXVII.

[1] Голосование адреса...- Речь идет об обычном адресе, которым Сенат отвечал на тронную речь императора. Принятие текста адреса состоялось 14 февраля.

[2] Дело еще не кончилось...- Мерные пришлось вновь выступать в Сенате по поводу закона, запрещающего изготовление и использование шарманок, 8 мая 1866 г.

* ...о пьесе Понсара - См. примеч. 5 к п. 283. В данном случае речь идет о пьес® Понсара «Влюбленный лев».

[4] Бабине Жак (1794-1872) - французский астроном. Часто печатал в газетах научио-популярные статьи.

* Лакордер - см. примеч. 3 к п. 209.

* ...книжку об азиатских религиях...— Речь идет о книге Гобнно (см. примеч. 4 к п. 211) «Религия ж философия Центральной Азии», вышедшей в августе 1865 г.

[1] Шампаньи Франсуа-Жозеф-Мария-Терезня (1804-1882) - французский политический деятель и писатель, автор четырехтомного труда «Цезари» (1841-1843). Он был избран во Французскую

академию в апреле 1869 г.

* Дюпен - см. примеч. 2 к п. 213. Дюпен был членом Французской академии; после его кончины 10 ноября 1865 г. в Академии появилось вакантное место.

* Мартен Анри (1810-1883) - французский историк, автор пространной «Истории Франции» (в 15 т.; 1833-1836). Член Французской академии с 1878 г.

** Тьерри de-Снмон-Доминик (1797-1873) - французский историк, брат Огюсте

на Тьерри (1795-1856). Амеде Тьерри выпустил «Историю галлов» (1828), преподавал в провинциальных университетах. В 1841 г. он был избран членом Академии моральных наук; в 1860 г. стал сенатором.

289

ПН - № CCLXXXVIII.

* Дантое bolge...- Речь идет о восьмом круге Ада (Злые Щели), описанном Данте («Ад», п. 18, ст. 1-3) так:

Есть место в преисподней, Злые Щели,
Сплошь каменное, цвета чугуна,
Как кручи, что вокруг отяготели.
(Пер. М. Лозинского)

® Выбирать между господами Анри Мартеном, Кювилье-Флери и де Шампаньи...— Выборы состоялись 19 апреля; выбран был Альфред-Огюст Кювнлье-Флерв (1802-1887), французский публицист и политический деятель консервативного толка. Выдвинуты также были историк Анри Мартен (1810-1883) и историк и публицист Франц де Шампаньи (1804-1882).

® Гизо Франсуа (1787-1874) - французский государственный деятель и историк.

[4] Саси Сильвестр де (1801-1879) - французский журналист и литературный критик, один из редакторов «Журналь де Деба». В период Второй империи занимался в основном литературой, издал письма г-жи де Севннье (1861-1864).

* Сен-Марк - имеется в виду Сен-Марк Жирарден (1801-1873), французский публицист, литературный критик и историк литературы. Активно сотрудничал в «Журналь де Деба».

* Парадоль - см. примеч. 1 к п. 281.

[7] Мюррей Джон (1808-1892) - прославленный английский книготорговец и издатель,

290

ПН - № CCLXXXIX.

[1] Клинксик Фридрих - парижский книгоизда-

тель и владелец книжного магазина. Выпускал .в основном литературу по истории и филологии.

[2] Вьееег - парижская книгоиздательская фирма.

[5] ...«Мемуаров Ф(ридриха) Августа»...- Речь идет, видимо, о мемуарах короля Саксонии Фридриха Августа II (1797-1854), противника «прусского» пути объединения Германии. В описываемое время мемуары короля изданы не были.

[4] ...Борроу; его книга...- Мериме имеет в виду книгу Борроу (см. примеч. 4 к п. 266) «Цыгане», вышедшую в 1841 г. и затем несколько раз переизданную. Мериме пользовался ею, работая над «Кармен», где Борроу упомянут. См.: Собр. соч. Т. 2. С. 384-385.

•• Cali — правильнее са!6 (см. примеч. 4 к п. 117).

291

ПН - № ссхс.

[1] Благодарю га поздравления - Мерные благодарит Женнн Дакен за поздравления в связи с получением им ордена Почетного легиона (14 августа 1866 г.).

[3] ...Не окривеют очи! — Цитата из комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец»

(явл. 17).

[8] ...в Туре дом$_9$ который ошибочно называют «Домом палача»...— Этот дом был прия-нан памятником архитектуры в 1862 г.

[4] Тристан л'Эрмит Луи (ум. после 1475 г.) - французский военачальник и верховный судья (прево) при королях Карле VII и Людовике XI.

[6] В Париже я полагаю быть в самом конце этого месяца...— Мериме пробыл в Сен-Клу при императорском дворе с 6 до 26 августа.

• ...а выехать оттуда в Биарриц...— Мериме выехал в Биарриц вместе с императрицей Евгенией и наследным принцем 1 сентября; 21 сентября он отправился назад в Париж.

[7] ...мне прислали пространнейшую историю царствования Петра Великого...- Речь идет об очередном томе труда Н. Г. Устрялова (см. примеч. 7 к п. 274).

292

ПН - № ССХС1.

[1] На днях я совершил забавную экскурсию в горы...- Эта экскурсия императрицы и ее свиты состоялась 17 сентября.

[2] Королевский мост - один из наиболее длинных мостов через Сену.

[9] ...один прелюбопытный человек...— Горный проводник Мишель Диурсюбеэр.

[4] Сар - небольшое местечко в Пиренеях.

[6] Мы ожидаем прибытия броненосцев...— Отряд французских броненосных кораблей вошел в Бискайский залив и бросил якоря у Биаррица 26 сентября 1866 г.; к этому времени Мериме уже уехал в Париж.

[9] Меня представили великому герцогу Лихтенбергскому...— Речь идет о великом герцоге Лихтенбергском Николае Максимилиановиче Романовском (1843-1890), сыне герцога Лжхтенбергского Максимилиана (1817-1852) и великой княжны Мирт Николаевны (1819-1876), дочери Николая I. Юный герцог Лихтенбергский претендовал на греческий трон, в чем его поддерживали Россия и Франция, so против чего резко возражала Англия. Поэтому королем Греции он не стал.

[1] ...я написал тут одну любопытную безделицу...— Мериме имеет в виду свою новеллу «Голубая комната».

293

ПН - № ССХСП. Впервые на рус. яз.- «Интернац. лит.». С. 161-162.

* ...Кастор и Поллукс...- В данной случае две

звезды из созвездия Близнецов.

[2] ...мой перевод с русского.- Речь идет о переводе рассказа И. С. Тургенева «Собака» (1866). Мериме начал работать над этим рассказом еще в мае 1866 г., но перевод увидел свет только в 1869 г. в сборнике Тургенева «Nouvelles moscovites». Л в ноябре 1866 г. тот же рассказ появился на французском языке в газете «Ле Нор» в переводе Н. М. Щербаня.

[8] ...Родриго между отцом и Хименою...— Имеется в виду основная сюжетная коллизия трагедии Корнеля «Слд».

[4] ...Камилла между братом и Куриацием...— Мериме пишет о конфликте между чувством и долгом, жертвой которого становятся персонажи трагедии Корнеля

«Гораций».

[s] ...я написал десятка полтора страниц...— Речь идет о работе над новеллой Мериме «Голубая комната». Опубликована новелла была лишь после смерти писателя, в 1871 г.

[в] Дюпаилу — см. примеч. 4 к п. 208.

* ...хозяйке дома.- Т. е. императрице Евгении.

[8] ...великая княгиня Мария...— См. примеч. 6 к п. 292.

* Сын ее...— См. там же.

ПН - № ССХСШ.

[1] Канны...— Мериме выехал в Канны из Парижа 7 ноября 1866 г.: он пробыл на юге до 1 апреля 1867 г.

[8] ...историю царствования Петра Великого...— Речь идет о работе Н. Г. Устрялова (см. примеч. 7 к п. 274).

[8] ...историю, о которой я Вам рассказывал...— Имеется в виду «Голубая комната».

[4] ...проект реорганизации армии.— В это время обсуждался проект закона о всеобщей воинской повинности. Об этом Мериме мог просесть в номере «Монитор юниверсель» от 12 декабря 1866 г.

* Я прочел роман моей подруги, госпожи де Буанъ.— Мериме поддерживал дружеские отношения с Луизой де Буанъ (1780-1866) по крайней мере с самого начала 1830-х годов. Сохранилось 102 письма Мериме к г-же де Буань. Приятельница писателя скончалась 10 мая 1866 г. Ее роман «Страсть в высшем свете» вышел из печати в начале ноября 1866 г.; книга была издана Мишелем Леви.

295

ПН - № CCXCIV.

[1] ...восьмой том Гизо...- Речь идет о многотомном труде Ф. Гизо (см. примеч: 3 к п. 289) «Мемуары, освещающие историю моего времени».

296

ПН - № CCXCV, где письмо датируется 30 апреля. Дата уточнена по дню
недели.

[4] ...я был на Выставке...— Речь идет о всемирной выставке в Париже.

[8] ...статью о княжне Софье..— Речь идет о рецензии на 1-й том труда Н. Г. Устрялова (см. примеч. 7 к п. 274). Под названием «Молодость Петра Великого» опубликована в «Журналь де Саван» в июне 1867 г.

297

ПН - № CCXCVI.

* Прочтите речь Сент-БеваМернме имеет в виду речь известного литературного критика, романиста и поэта Шарля-Огюстена Сент-Бева

(1804-1869), произнесенную в Сенате 25 июня 1867 г. В ней Сент-Бев указывал на плачевное состояние провинциальных библиотек.

[2] Лаказ Бернар (1798—1874) — французский политический деятель, сенатор. Речь Сент-Бева (см. прнмеч. 1 к этому письму) он прерывал репликами с места, что привело в конце концов к открытой перепалке, закончившейся тем, что Лакав вызвал Сент-Бева на дуэль. Сент-Бев вызов отклонил, опубликовав в газетах письма, которыми он обменялся с Лаказом, ш заключи^ чвд щгаетвеана ком-нетентным судьей в этом вопросе может быть публика.

* ...билеты на церемонию 1 июля.— Речь идет о церемонии выдачи наград участникам Всемирной выставки.

298

ГШ - № CCXCVII.

[1] ...два билета на завтрашнюю церемониюСм. прнмеч. 3 к п. 297.

299

ГШ - № CCXCVIII.

[1] ...что Вы получили удовольствиеРечь идет о

присутствии на церемонии раздачи наград (см. п. 297 и нримеч. 3 к нему).

[2] ...султаном и принцами...— На церемонии выдачи наград участникам Всемирной выставки присутствовали турецкий султан Абдил Азис (1830-1876), взошедший на турецкий трон в 1861 г., принц Уэльский Эдуард (1840-1910), сын королевы Виктории, будущий английский король Эдуард VII, а также принц Прусский Фридрих (1831-1888).

[8] ...расстрел этот..- Речь идет об эрцгерцоге австрийском Максимилиане (1832-1867), который в 1864 г. стая императором Мексики фактически благодаря вооруженному вмешательству Франции (в это время Мексику раздирала гражданская война). Республиканцы во главе с Бенито Хуаресом (1806-1872) повели борьбу с французским экспедиционным, корпусом. В 1867 г. французские войска покинули Мексику, император был захвачен повстанцами, судим и расстрелян 19 июня 1867 г.

300

ПН - № GCXCIX.

[4] Египетский паша...— Речь идет об йзмаил-паше (1830-1895), хедиве (правителе) Египта с 1863

по 1879 г.

[8] ...мне принесли превосходнейшую вещицу ... брошь... — Ее принес старый знакомый Мериме Оноре Клер, адвокат из Арля и постоянный корреспондент Комитета по охране исторических памятников, членом которого многие годы был Мериме. Писатель познакомился с А. Клером в 1834 г.

[8] ...до ее замужества... -французская королева Мария-Антуанетта (1755—1793) была дочерью австрийского императора Франца I; в 4770 г. она вышла замуж за будущего короля Людовика XVI.

[л] Ламбаль де — Мария-Тереза Луиза де Савуа-Кариньяв, принцесса де Ламбаль (1749-1792), близкий друг Марии-Антуанетты. В период так называемых Сентябрьских убийств была растерзана разъяренной толпой парижских простолюдинов.

[5] {РаттацциУ — Мария-Стюдольмнна Бонапарт (1834-1902), внучка Люсьена Бонапарта (брата Наполеона I). С 1850 по 1853 г. была женой богатого эльзасского

негоцианта Фредерика Сольмса. В 1853-1860 гг. жила в Савойе, переписывалась со многими литераторами, в том числе с Эженом Сю, Понсаром, Беранже и др., и сама пробовала писать,

печаталась в газетах и журналах. В 1863 г. она вышла замуж за итальянского государственного деятеля Урбана Раттацци (1808-1873). Выпустила под разными псевдонимами и под своей фамилией множество романов и путевых очерков. Много шума наделал ее роман «Замужество креолки», вышедший в начале 1865 г.

1 августа появится вторая статья...— Речь идет об очередной статье Мериме о книге Устрялова (см. примеч. 7 к п. 274).

[v] Коллен - псевдоним Либри (см. примеч. к п. 143).

• Д'Оссонвилль Отеньен (1809-1884) - французский политический деятель и дипломат. Он печатал в «Ревю де Дё Монд» серию статей о положении церкви в эпоху Первой империи. В номере журнала от 1 мая 1867 г. в очередной статье д'Оссон-вилля шла речь о размолвке между Наполеоном 1 и папой Пием VII по вопросу о женитьбе Жерома Бонапарта, брата императора. Принц Наполеон (см. примеч. 9 к п. 229) поместил в номере журнала от 1 июля письмо, обвиняя д'Оссон-вкяля в допущенных нм неточностях. Д'Оссонвнлль ответил в номере журнала от 15 июля, указывая на то, что многие документы, относящиеся к исследуемому им вопросу, еще не

опубликованы.

• Саладин — легендарный султан Египта, правивший в XII в.

*• ...«Застольные беседы» Лютера...— Мериме имеет в виду первый французский перевод книги великого немецкого политического и религиозного деятеля XVI в. Мартина Лютера. Этот перевод вышел в 1844 г.

301

ПН - № ССС.

* ...благоразумнее будет не рисковать — Мериме, опасаясь за свое здоровье, решил не ехать в Биарриц. Об этом он написал императрице Евгении 5 сентября.

% Йеддо - Токио. В 1457 г. на этом месте был воздвигнут замок Йеддо («Вход в залив»). В 1869 г. столица Японии была перенесена из Киото («Западная столица») в Йеддо, который был переименован в Токио («Восточная столица»).

9 Сатсума — японский принц из династии Токугава, ярый противник проникновения европейцев в Японию. Он подстрекал к убийствам купцов и политиков, приезжавших из Европы, что вызвало появление у берегов Японии соединенного английского, французского, голландского и аме-

риканского флота (1864—1865 гг.).

[4] Шнайдер Жозеф-Эжен (1805-1875) - французский политический деятель. По его настоянию г-жа Ратацци была лишена пенсии, которую она одно время получала как родственница императора.

® ...об одной презабавной испанской хронике...— Речь идет о хронике, автором которой был Дон Педро Ниньо (1379-1449). Перевод хроники вышел на французском языке в сентябре 1867 г. Мериме напечатал рецензию на это издание в «Монитор юниверсель» 9 сентября.

302

ПН - № CCCI. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ЛН. С. 731-732, затем -@Интернац. лит.». С. 162-163 и Собр. соч. С. 200-201.

[1] Либрейх — см. примеч. 4 к п. 284.

[a] ...Огюстен Голицын...- Голицын Августин Петрович (1824-1875), писатель и переводчик; долго жил в Париже. В конце июня 1867 г. предложил И. С.. Тургеневу свои услуги в связи с переводом на французский язык романа «Дым». Тургенев отвечал ему: «Просьба, с которой вам угодно было обратиться ко мне, очень мне льстит, и я был бы восхищен возможностью печататься в

вашем уважаемом журнале. Однако я прошу у вас два-три дня отсрочки для окончательного ответа. У моего друга г. Мериме была одно время мысль перевести этот роман, и он говорил мне об этом; я думаю, что он отказался от этой мысли; но все же мне не хотелось бы давать согласие прежде, чем я буду точно звать

о его намерениях. Я напишу ему сегодня же и, как только получу ответ, немед-

. ленно сообщу вам о нем» (Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем. Письма. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 421). Через неделю, обменявшись письмами с Мериме, Тургенев сообщал Голицыну: «Только что я получил письмо от г. Мериме. Занятия не позволяют ему приняться за перевод моего романа, но он любезно изъявил готовность просматривать корректуру перевода. Вы, конечно, понимаете, что подобной удачей следует воспользоваться, й если вы не изменили своего намерения, я бы просил вас пересылать г. Мериме исправленную мною здесь в Баден-Бадене корректуру, прежде чем сдавать ее в печать. Само собою разумеется, что я заранее принимаю все его поправки. Г-н Мериме остается в Париже в течение всего июля; его обязательность мне достаточно известь^, и я могу вас заверить, что печатание романа от

этого нисколько не задержится» (Там же). Первые главы «Дыма» в переводе Голицына были напечатаны во французском журнале «Корреспондан» в номере от 25 июля 1867 г. Корректурные листы перевода Голицын посылал Тургеневу в Баден-Баден, а тот пересылал их Мериме. Однако Голицын часто нарушал этот порядок, что не раз вызывало недовольство Тургенева.

[Ш] В романе встречаются положения довольно пикантные, приводящие князя Голицына в отчаяние...- Тургенев был недоволен приглаженностью перевода Голицына, которому он писал: «Я только что просмотрел первые главы «Дыма» в «Корреспондан» — и скажу откровенно, что я не мог освободиться от тягостного чувства при виде своего имени, помещенного под работой, изобилующей — должен это сказать — ошибками и нелепостями. Вы не приняли во внимание исправления, которые я поспешил отправить вам через посредство г-на Мериме; следовательно, было по меньшей мере бесполезно присылать мне эти корректуры. <...) Должен также признаться, что я не понимаю, как вам, при ваших, сообщенных мне в последнем письме, сомнениях относительно того впечатления, которое может произвести на матерей семейств некая

страница, касающаяся отношений Ирины и Потугина,- как вам могла придти мысль переводить мою повесть; отношения между Литвиновым и Ириной гораздо более недвусмысленны -и я не вижу никакого способа смягчить их, разве что внести такие изменения, которые исказили бы все повествование. Мне неприятно говорить, милостивый государь, но если бы я мог предвидеть все это, то думаю, что я просил бы вас отказаться от вашего замысла» (Тургенев И. С. Поли. соб. соч. и писем. Письма. Т. 6. С. 422-423).

303

ПН - № СССН.

[4] ...порицает отправку наших войск в Рим...— Согласно договору от 15 сентября 1864 г., французские войска должны были быть выведены из Рима к 1867 г. В декабре 1866 г. последние подразделения французских войск покинули Рим. В октябре 1867 г. отряды гарибальдийцев вторглись в папские владения. В ответ на это 28-30 октября 1867 г. французский экспедиционный корпус высадился в Чивита-Веккьи. 3 ноября при столкновении с французскими войсками гарибальдийцы потерпели поражение.

[r] Столь внезапная кончина г. Фульда...— Друг

Мериме Ашиль Фульд (см. примеч. 1 к п. 204) скончался 5 октября 1867 г. в своем имении в Тарбе.

[3] ...как г. Эллис...- См. примеч. 2 к п. 167. Друг Мериме Эдвард Эллис внезапно скончался 17 сентября 1863 г.

[4] В путь я намереваюсь тронуться в первых числах ноября.— Мериме выехал в Канны 10 ноября.

[3] ...об одной греческой книжке...— Речь идет о рецензии Мериме на книгу «Осадные средства греков». Книга была издана по специальному императорскому распоряжению в начале октября 1867 г. Статья Мериме появилась в «Монитор юни-версель» 9 ноября.

3(К

пн - № сели.

[1] Нет ничего постыднее дела Гарибальди...— Речь идет об очередном аресте итальянского патриота после поражения гарибальдийцев 3 ноября.

305

ЯН - № CCCIV. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 201-202.

...из-за какого-то марсельского адвокатишки..:— Речь идёт о полемике, вспыхнувшей между А. Тьером и Эмилем Олливье (1825-1913), политическим деятелем и адвокатом, уроженцем Марселя. Спор шел о внешней политике Франции, в том числе в отношении Италии.

* Ру эр Эжен (1814-1884) - французский политический деятель, премьер-министр в 1867 г.

[4] —«а Капреру...- на этот остров (недалеко от Сардинии) ни один раз ссылали Гарибальди. Тем самым здесь образовалась его своеобразная «штаб-квартира».

* Кервеген Мари-Огюст Ле Коат де - депутат от департамента Вар; он выступил в Палате депутатов 10 декабря 1867 г. и обвинил ряд французских газет в том, что они получали деньги от Бисмарка за поддержку его политики.

[ь] ...пространную статью...— Речь идет о 7-й и последней части рецензии Мериме на книгу Устрялова (см. примеч. 7 к п. 274). Она была напечатана в «ЗКуональ де Саван» 8 февраля 1868 г. [4] *

306

ПН - № CCCV. Впервые на рус. яз - Собр. соч. С. 202.

[4] о..послал в «Журналь де Саван» конец первой части ((Петра Великого»...— Мериме посылал в журнал корректуру своей статьи.

[r] ...как в романах Понсон дю Террайля...— См. примеч. 7 к п. 286.

[3] ...большую статью о Пушкине.- Эта статья Мериме печаталась в «Монитор юни-версель» 20 и 27 января 1868 г. (см.: Собр. соч. Т. 5. С. 243-267).

[4] Dixon — Вильям Диксон (1821-1879), английский литератор и публицист; Мериме читал его книгу в двухтомном издании 1867 г.

[§] Республика Маунт-Либенона — одно из крупнейших объединений мормонов в районе Соленого озера (штат Юта). Мериме живо интересовался этой религиозной сектой (см. примеч. 5 к п. 191).

* ...сообщества фениев...- Организации ирландских мелкобуржуазных революционеров середины XIX в., боровшихся против английского колониального гнета. Организации фениев имели центры не только в самой Ирландии, но и в США.

* ...слова Талейрана...— Мериме имеет в виду следующую цриписываемую Талей-рану фразу, сказанную об американцах: «Это надменные свиньи, свиньи, полные гордости».

307

ПН - № CCCVI.

[4] ...о смерти г. Д....- Кого имеет в виду Мериме, не установлено.

[1] Воронина — лицо неустановленное.

[3] Бакли - видимо, Уолтер Френсис Скотт, герцог Бакли (1806-1884), английский политический деятель.

[4] Сын его...- Вильям Генри Уолтер Дуглас Скотт (род. 1831).

[s] ...с одним моим другом...— Речь идет об Эмманюэле Боше (1835-1919), сыне Эдуарда Боше (см. примеч. 1 к el 149), французском офицере генерального штаба»

308

ПН - № CCCVII. Впервые на рус. яз.~ Собр. соч. С. 213-214.

, ...перед приездом сюда...— Мериме приехал в Монпелье 16 или 17 апреля. 17 мая он вернулся из Монпелье в Париж.

* Рамбюто Клод-Филибер де (1781-1869) - французский государственный деятель эпохи Второй империи.

* ...обсуждение диссертаций по медицине...- Их обсуждение началось в Сенате 19 мая и Мериме на них присутствовал.

ь...письмо аббата Дюпаплу? - Видимо, имеются в виду протесты Дюпанлу (см. при-меч. 4 к п. 208) против распространяющегося свободомыслия. Его главное «Письмо» на этот счет несколько раз переиздавалось.

* Торквемада Тома (1430-1498) - глава испанской инквизиции, знаменитый своей крайней жестокостью в преследовании еретиков.

* ...в состоянии ли Сент-Бее говорить...- Речь идет об ответе прогрессивных литераторов, и в частности Сент-Бева, на нападки поднимавшей голову католической реакции.

[7] ...как уже и было в случае с книгою Ренана.— Мериме имеет в виду выступление Сент-Бева в Сенате 29 марта 1867 г., в частности в связи с нападками на книгу Ренана «Апостолы» (см. примеч. 8 к п. 281).

[8] Начал писать статью о Тургеневе...— Эта статья Мериме была напечатана в «Мо= китор юниверсель» 24 мая 1868 г. См.: Собр. соч. Т. 5. С. 268-277.

ПН - № CCCVIII.

[1] ...свойственной климату Л...- Где в это время была Женни Дакен и что имеет в виду Мериме, не установлено.

[2] ...с улицы Бреда.- Ныне это парижская улица Анри-Моннье в 9-м округе; в первой половине и середине XIX в. эта улица была знаменита своими обитательницами, девицами легкого поведения и содержанками, которых в молодости охотно посещал и Мериме с многочисленными друзьями (Делакруа, Мюссе и др.). Улица Бреда получила название не по одноименному городу в Голландии (где в 1625 г. произошло знаменитое сражение), а по фамилии одной из хозяек расположенного там веселого заведения.

[8] ...«Бригадир»,..— Этот рассказ И. С. Тургенева был напечатан в журнале «Вестник Европы» (1868. № 1). Тургенев отказал А. П. Голицыну, претендовавшему на перевод рассказа. Он писал ему 24 апреля: «Я не послал вам «Бригадира» только потому, что перед самым моим отъездом из Парижа меня попросили перевести его, чтобы поместить в фельетоне одной газеты: я согласился...» (Тургенев И. С. Пол. собр. соч. и писем.

Письма. М.; Л., 1964. Т. 7. С. 377). В самом деле Тургенев перевел рассказ на французский язык вместе с Луи Виардо (1800-1883); этот перевод был напечатан в «Журналь де Деба» в номерах от 4, 5 и 6 августа 1868 г. Для издания рассказа в «Nouvelles moscovites» перевод просматривал Мериме.

[4] ...собираюсь отправиться в Лондон...- Мериме приехал в Лондон 27 июня и вернулся в Париж 7 июля.

340

ПН - № CCCIX.

' ...вот уже две недели...- Мерим© приехал в Фонтенбло 22 июля.

[2] ...лишь кузены и кузины императрицы...- Речь идет о членах семьи Склавани, в том числе о Тересе Альварес де Толедо, графине Склавани, двоюродной сестре императрицы Евгении.

* Диана де Пуатье (1499-1566) - возлюбленная французского короля Генриха II.

[4] Приматиччо Франческо (1504-1570) - итальянский художник; работал во Франции, в частности принимал участие в росписях замка Фонтенбло. Та картина, о которой пишет Мериме (находится в Лувре) в настоящее время не припи сывается безоговорочно кисти Приматиччо; скорее всего,

ее автором является кто-то из его учеников.

[й] ...что ото за скала, вздымающаяся в Булони неподалеку от порта. - Мериме имеет в виду здание аквариума в Булонь-сюр Мер.

311

ПН ~№ СССХ, где письмо датируется 2 сентября. Дата уточнена по содержа нию. Впервые на рус. яз.-- «Интернац. лит.». С. 163.

[1] Покуда я жил в Фонтенбло...- Мериме вернулся в Париж 14 августа.

[а] ...написать новеллу...- О какой новелле Мериме идет здесь речь - не очень ясно. «Голубая комната» уже написана и читалась в Биаррице (см. примеч. 7 к п. 292), работа над новеллой «Джуман» была впереди (см. примеч. 4 к п. 326).

[д] ...начал новую...- Здесь и далее Мериме рассказывает о работе над новеллой «Локис».

* Не знаю, где теперь автор...- Тургенев был в это время в Баден-Бадене - писал рассказ «Несчастная».

* ..писал исторический роман.- Возможно, Мериме имеет в виду не осуществлен яый Тургеневым замысел исторического романа о Никите Пустосвяте, Суздаль* ском расколоучителе XVII в.

312

ПН - № CCCXI. Впервые на рус. яз.~ «Интернац. лит.». С. 163.

* ...я уезжаю в Монпелье - Мериме выехал в Монпелье 3 Октября, где пробыл до 31 октября. Оттуда через Арль он поехал в Канны.

313

ПН - № CGCXIL Впервые на рус. яз.~ «Интернац. лит.». С. 163-164, затем-1*обр. соч. С. 221-222.

[1] ...«Собиратель медаъ...- Новелла «Локис».

Я послал новую редакцию г. Тургеневу...- См. письма Мериме к Тургеневу от 29 октября (Согг. gen. Т. 14. Р. 283-285), 22 ноября (Соор. соч. Т. 6. С. 223-224) и 3 декабря 1868 г. (Там же. С. 225-227).

* Умер бедняга Россини. - Композитор скончался 13 ноября.

[4] Ламартин - см. примем. 6 к п. 279. Ламартин действительно в это время болел, он скончался 1 марта 1869 г.

* Беррье Антуан (1790-1868) - французский политический деятель и адвокат; по своим политическим взглядам - легитимист и антибонапартист. Он скончал* ся 29 ноября 1868 г.

314

ПН - № CCCXIII.

[11] Инсбрук...- Мериме уже писал Женни Дакен об этом городе 25 июля 1858 г. (см. п. 180).

[f] Трент - старинный город в Тироле, где собирался знаменитый Тридентский со* бор католической церкви (1545-1563), провозгласивший борьбу с Реформацией.

* Медведь»...- Новелла Мериме «Локис».

* Нъёверкерк Альфред-Эмильеи де (1811-1892) - французский общественный деятель и скульптор, директор национальных музеев, сенатор. Мериме был давно знаком с ним и вел переписку (сохранилось шесть писем к нему писателя). Слухи о его болезни оказались ложными.

[4] Пре-о-Клер - квартал Парижа рядом с монастырем Сен-Жермен-о-Клер. Видимо, там находилось какое-то помещение, приспособленное для проведения публичных дискуссий.

315

ПН - № CCCXIV, без указания года.

[1] «Воспоминания шотландского крестьянина»...== Мериме пишет о книге Хьюга Миллера

(1802-1856) «Моя школа и мои школьные учителя, или История моего воспитания», вышедшей в Эдинбурге в 1854 г.

* Нет больше Испании.— Мериме имеет в виду низложение королевы Изабеллы II (сентябрь 1868 г.), волнения в разных провинциях страны, образование коалиционного временного правительства (октябрь 1868 г.) и т. д.

[3] ...скоро не будет и святого престола.— Речь идет о приближающемся упразднении светской власти папы, присоединении папской области к Италии и провозглашении Рима ее столицей (декабрь 1870 г.).

316

ПН - № CCCXV.

[1] ...мне было очень худо.— В феврале и марте парижские газеты не раз писали о болезни Мериме.

317

ПН - № CCCXVI.

* ...послезавтра я уезжаю...- Мериме выехал из Канн в Париж 25 апреля.

[%] Кузен мой, в чьем доме я живу, умер...- Мери-

ме жил в доме 52 по Лилльской улице (дом ныне не существует). Этот дом принадлежал Леонору Френелю (см. примеч. 1 к п. 29), который скончался 20 марта 1868 г.

318

ПН - № CCCXVII.

319

ПН - № CCCXVIII.

[1] ...проведете меня по выставке...— Речь идет о весеннем «Салоне», открывшемся 1 мая.

320

ПН - № CCCXIX.

* ...слова Гамлета...- Далее Мериме цитирует «Гамлета» (д. И, сц. 2).

[1] ...за расшифровкою переписки герцога Альбы и Филиппа II...— Мериме занимался подготовкой к печати писем Фернанда Альвареса де Толедо, герцога Альбы (1508-1582) к королю Испании Филиппу II (1527-1598). В этих письмах герцог Альба, стяжавший славу кровавого усмирителя нидерландской революции (Нидерланды тогда

принадлежали Испании), не раз призывал короля к милосердию и терпимости. Идея издания этой переписки, как полагают, принадлежала императрице Евгении (чья сестра, как известно, вышла замуж за потомка герцога) и относилась к 1855 г. Тогда это издание не было осуществлено. Постановка исторической драмы Викторьена Сарду (1831-1908) «Родина», премьера которой состоялась 19 марта 1869 г., застави а вновь обратиться к подготовке издания. Мериме в осуществлении этого издания участия не принял; оно появилось много лет спустя в Мадриде (1891 г.).

[4] Эгмонт - вождь нидерландской революции Ламораль, граф Эгмонт (1522—1568)« Он был казнен по приказу герцога Альбы.

[a] ...я получил из Англии прелюбопытнейшую книгу...— Мерные имеет в виду двуж* томный сборник документов, связанных с взаимоотношениями Англии и Ишт~ нии (издан в Лондоне в 1868 г.).

[%] Жанна Безумная (1479-1555) - королева Кастилии с 1504 по 1555 г., жена ав№ рийского эрцгерцога Филиппа Красивого (1478—1506) и мать императора Карда ¥ (1500-1558).

• ...ее маменька, папенька.. - Жанна Безумная была второй дочерью Фердинанда ¥ (1452-1516),

короля Кастилии и Арагона, и Изабеллы (1451-1504), корожевм Кастилии.

321

ПН - № СССХХ.

% Я закончил историю княжны Таракановой...— Мерные имеет в виду свою боль* шую рецензию на изданную в Петербурге в 1867 г. книгу «Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой». Рецензия была напечатана в «Журналь де Саван» в июне-июле 1869 г. Кем была в действитель* ности эта авантюристка — не установлено. Она выдавала себя за дочь импера* рицы Елизаветы, то называлась госпожей де Тремуйль, то появлялась под име» нем девицы Шель или Алины Эмете. Схваченная в Италии русскими агентами, она была доставлена в Петербург. Имени своего так и не открыла. Скончалась в Петропавловской крепости 4 декабря 1775 г.

* ...от писем ее любовника...— Так называемая княжна Тараканова имела множе® ство любовных связей; здесь Мерные имеет в виду, скорее всего, посланника польского короля Михаила Казимира Огинского (1728-1800), чьи письма к самозванке сохранились.

[1] ...еду в Сен-Клу...- Мерные выехал ч Сен-Клу 1

июля; там он пробыл до 1 августа. [1]

[4] ...о бедах, какие обрушились на мой дом...— См. примеч. 2 к п. 317.

* «Апостол Павел» — книга Ренана, вышедшая в июне 1869 г.

[й] ...речь нашего святейшего отца? - Имеется в виду ответ Пия IX на поздравления в связи с 23-летием его понтификата.

[4] Он умер в больнице...- Бодлер скончался 31 августа 1867 г.

* ...уважение Виктора Гюго...- Мерные, видимо, имеет -в виду следующие слова из письма В. Гюго Бодлеру от 30 апреля 1857 г.: «Искусство подобно небесному своду, оно не знает границ,- вы только что доказали это. «Цветы зла» горят на нем подобно звездам - они ослепляют... От всей души приветствую ваш смелый ум» (Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 14. С. 555). Эти слова Гюго стали широко известны.

* Кибела — фригийская богиня плодородия; ее культ был распространен и в Риме.

322

ПН - № CCCXXI, где письмо датируется 5 августа. Дата уточнена по дню не= дели. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 202.

[4] э..мой доктор из Канн...— Речь идет о докторе Жане-Луи Жимбере (1841-1905), лечившем Мерные в Каннах.

[%] Все хорошо, только бы длилось подольше...— Здесь Мерные как бы цитирует самого себя: в «Хронике царствования Карла IX» (гл. 27) умирающий Жорж де Мержи говорит брату: «...лишь бы так было и дальше, как сказал Дзанни, па* дая с колокольни» (Собр. соч. Т. 1. С. 338).

[ш] ...мне захотелось преподнести новеллу «Ревю»...— Речь идет о новелле «Локие»₍ₑкоторая была напечатана в «Ревю де Дё Монд» 15 сентября 1869 г. под названием «Рукоп «гъ профессора Виттембаха».

* ...после несчастья, которое произошло в Кракове? - Краков незадолго перед тем был присоединен к Австро Венгрии. Это вызвало серию беспорядков и кровавых столкновений жителей на национальной и религиозной почве.

г безвинной Изабеллой.- Речь идет об испанской королеве Изабелле (I, кото рая была низложена и бежала во Францию 29 сентября 1868 г.

* Принц 'Уссурийский... - Будущий испанский король Альфонс ХП (1857-1885)» сын королевы Изабеллы II. Он вступил на испанский трон в 1874 г.

[1] ./iunycruiih на заседания публику...- На экстраординарном заседании Сената 2 августа 1869 г. было принято решение допускать публику в зал заседании Сената и период его работы

323

ПН JNI СССХХП. Впервые на рус. из.- Собр. соч. С. 249-250.

' Пюлол Франсуа (1803 1877) - французский литератор, основатель и редактор «Ревю де Де Монд».

[1] Пчера мы завершили наше дельце.- Речь идет о завершении чрезвычайной сее сии Сената, вызванной ростом оппозиции режиму Второй империи и революционными выступлениями народных масс.

[5] Ферри Жюль (1852-1893) - французский политический деятель, умеренный либерал; в мае 1869 г. он был избран депутатом от департамента Сена.

[%] Нолезнь императора несерьезна... - В августе и начале сентября в газетах поив, лились противоречивые сообщения о состоянии здоровья Наполеона Ш. Ви димо, они не имели серьезного основания.

' ..написать «Жизнь Сервантеса» Эта работа Мериме увидела свет лишь

в 1877 г\ при жизни писателя опубликовать ее не удалось (см.: Собр соч У 5 С 29и 253)

324

ПН JV* СССХХП г.

* Канны Мериме выехал из Парижа в Канны 14 октября.

Н(олина') - новая кухарка Мериме.

* ...обели» н Ницце с ?. Тьером...- А. Тьер приехал в Ниццу 24 октября. 10 ноября Мериме с ним обедал, а 14 ноября Тьер уже уехал из города.

* Доч fetiucu теща Тьера: она скончалась 27 августа 1869 г.

* Половы буроюки... * В древнегреческой мифологии считалось, что Эол, повели тель ветров, напускает ветер, выпуская воздух из бурдюков.

[4] гг,.. Ружья с нарезным стволом, принятые на вооружение французской

армии с i860 до 1874 г Названы так по имени своего изобретателя, рабочего Ulaciio

П1о HsapHf.e см. примеч. '» к и. 226.

32Г»

ri&itftfia гь aei го.чу на tat * Г. е в 1848 г.

ПН JV* CCCXXV. Впервые на рус. из. (не полностью) - ВЕ. С. 202-203

. Яуч: по своей {л у поста, достойным того, кто явился его причиною...- Речь

«дет ■> вызове на дуэль, который получил принц Пьер-Наполеон Бонапарт (1815 1881), сын Люсьена Бонапарта (1775-1840), от парижских представителей двух провинциальных газет, Паскаля Груссе (1845-1909) в Анри Рошфора !913). ярых антибонапартистов. Нх секундант журналист Виктор Нуар

(1848-1870), явившийся в парижский пригород Отей в дом принца для необходимых переговоров, был убит хозяином дома выстрелом из револьвера (10 января 1870 г.). Это вызвало сильное волнение в общественных кругах. Похороны В. Нуара 12 января вылились в стотысячную демонстрацию парижан. В город стянули войска. Пьер Бонапарт был арестован, судим, но оправдан специально подобранным составом суда (27

марта 1870 г.).

* Кремье Адольф (1796-1880) — французский адвокат и политический деятель. На заседании Законодательного корпуса 7 февраля он выступил в поддержку Рошфора, преследовавшегося за антибонапартистские выступления в печати.

[3] ...одного рассказа ТургеневаРечь идет о рассказе Тургенева «Странная история», впервые напечатанного в «Вестнике Европы» (1870. № 1). Перевод Мери-ме появился в мартовской книжке «Ревю де Дё Монд».

* ...пишу небольшую историю...- Мериме говорит о своей новелле «Джуман».

327

ПН - № CCCXXVI. Впервые на рус. яз,- Собр. соч. С. 260-261

[1] ...неподалеку от Института — Т. е. все в том же парижском округе, где Мериме жил до этого (на левом берегу Сены, недалеко от реки).

* Олливье - см. примеч. 1 к п. 305. 7 мая 1870 г. Э. Олливье был принят во Французскую академию. Мериме участия в голосовании не принимая.

[3] Что же дет истории...- Речь идет о новелле «Джуман».

[4] До конца апреля я с места не двинусь.- Мери-

ме, из-за состояния здоровья, вернулся в Париж лишь 1 июня.

328

ПН - № CCCXXVII. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 203.

[1] ...лишь очень немногие из избирателей отдавали себе отчет в tom_s что они делают.- Мериме имеет в виду проведенный 8 мая плебисцит по вопросу о режиме Второй империи. Предполагалось путем либерализации парламентской системы, по сути дела, укрепить режим личной власти. При большом нажиме сверху избиратели проголосовали так, как хотели организаторы плебисцита (7 358 786 «да» против 1 571 939 «нет»).

* Екатерина Медичи (1519-1589) - французская королева, жена Генриха II, мать королей Франциска II (правил в 1559-1560 гг.), Карла IX (правил в 1560-1574 гг.) и Генриха III (правил в 1574-1589 гг.).

[9] ...после пиров 1848-го...- Речь идет о республиканских банкетах, устраивавшихся в январе-феврале 1848 г. перед падением монархии. На них с яркими речами выступал, в частности, А. Тьер.

329

ПН -№ СССХХУШ.

[1] ...вот уже месяц„ как я хвораюО болезни Мериме в это время писали парижские газеты.

[й] аПисьма госпожи де Севинье» - см. примеч. 6 к п. 257; см. также п. 330 и 333. Издание, о котором пишет Мериме, было подготовлено известными в свое время специалистами Л.-Ж.-Н. Монмерке и П. Менаром и увидело свет, в 14 томах, в 1862-1866 гг.

330

ПН - № СССХХIX. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВЕ. С. 203, затем -Собр. соч. С. 262.

[1] ...беды не избежать - Мериме пишет о назревавшем военном столкновения Франции ш Пруссии. На следующий день, 19 июля, воцна была объявлена. Мериме узнал эту новость в Париже, где он пробыл до 10 сентября.

[2] Я не стал отсылать Вам книги...- Издание писем г-жи де Севинье и томик Шекспира.

331

ПН - № CCCXXX. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВБ. С. 203-204.

[4] Армия была достойна... но генералов настоящих у нас, по-видимому, нет.— Мерим е имеет в виду двойное поражение французской армии при Фрешвилере и Фарбахе (6 августа). После этого начались поспешные перестановки во французском командовании; так, 9 августа маршал Ашиль Базен (1811-1888) принял командование армией. Произошла также смена кабинета министров.

332

ПН - № CCCXXXI. Впервые на рус. яз. (не полностью) - ВБ. С. 204.

[1] ...намечается новое грандиозное сражение - 30 августа армия маршала Эдма-Мориса Мак-Магона (1808-1893) была разбита под Бомоном. На следующий день немецкие войска перешли реку Мозель и начали окружение Седана.

[1] ...резня под Метцем...— Речь идет об окружении части французской армии под Метцем, отрезанной от Парижа (20-е числа августа).

ПН - № СССХХХН. Впервые на рус. яз.-ВЕ. С. 204, затем*-= Собр. соч. С. 268.

[1] ...даже писать почти не могу — Это последнее письмо Мериме. Через два часа, в девять часов вечера 23 сентября писатель скончался.

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ ПИСЕМ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

1

ШАРЛЮ ДЕВО

[1] Лево Шарль-Пьер (1801-1868) - директор франко-английского банка в Лондоне; его сестра была женой Луи Дакена, брата Женни Дакен.

2

АНРИ БЕЙЛЮ

Печатается не полностью.

* »..к одному из моих друзей...- Речь идет об архитекторе Валльями (см. примеч. 2 кп. 6 основного текста).

•3

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

[1] Лемер — Жозефина Ламбер, вышедшая за-

муж за нотариуса из Кале Антуана Лемера. Она была племянницей аббата Луи-Амабля-Виктора Ламбера (1766= 1831), известного в свое время проповедника, хорошего знакомого Ламартина. * о ..леди М. Альджернон Сеймур...- Под этим вымышленным именем Женни Дакен завязала переписку с Мериме.

4

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

[3] Я взял на себя смелость...- Как видим, Мериме дважды в один день посылает записки г>же Лемер.

5

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

[1] ...два прилагаемых письма - Эти письма до нас не дошли.

6

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

* Костюшко Тадеуш (1746-1817) - деятель польского национально-освободительного движения. Его упоминание в 1832 г. объясняется, видимо, возросшим интересом к Польше в связи с подавлением польского освободительного восстания 1830-1831 гг. Молодой Мериме действительно немного похож на Костюшко, как он изображался на распространенных портретах первой поло-

вины XIX г.

7

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

* Радклиф Анна (1764-1823) - знаменитая английская романистка, автор так называемых готических романов, полных загадочных приключений, тайн и ужасов. Самый популярный ее роман - «Удольфские тайны» (1794).

8

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

[1] ...после прошедших межминистерских перемен...— 31 декабря 1832 г. граф д'Аргу (1782-1858) возглавил министерство внутренних дел; вместе с ним перешел туда и Мериме как заведующий кабинетом министра. До этого д'Аргу был министром торговли.

[2] Бартоло — персонаж «Севильского цирюльника» Бомарше, старик, влюбленный в свою воспитанницу Розину. Кто скрывается в письме Мериме за этим прозвищем - не ясно.

9

АНРИ БЕЙЛЮ

Печатается не полностью.

[1] ...сцену из 1572 года- Т. е. иллюстрацию к роману Мериме «Хроника царствования Карла IX».

[2] Фьоре Доменико (1769-1848) - неаполитанский

революционер, живший в изгнании во Франции; близкий друг Стендаля.

[8] Лагландьер (?—1833) — французский журналист, автор ряда статей по античной истории и археологии; друг Стендаля и Мериме.

* «...бледную, словно прекрасный осенний вечер...» — Источник цитаты не установлен.

10

САТТОНУ ШАРПУ

Печатается не полностью.

[1] Саттон Шарп — см. примеч. 1 к п. 40 основного текста.

[2] Скьяссетти Аделаида - итальянская оперная певица, выступавшая в середине 1820-х годов на парижской сцене; приятельница Шарпа и Стендаля.

[s] Тренч - видимо, возлюбленная Саттона Шарпа.

[к] .лосколком пжсановой бомбы...- Разновидность разрывного снаряда, изобретенного французским генералом Анри-Жозефом Пэксаном (1783-1854) и названным его именем.

11

ГОСПОЖЕ ЛЕМЕР

' ./госпожа Дакен...- Мать Женни Дакен.

ПИСЬМА ЖЕННИ ДАКЕН ПЛЕМЯННИКУ

1

* ...крушении... привязанностейРечь идет о падении Империи. Мериме, как известно, был близок с императорской семьей.

' ...он был окружен любящими, заботливыми людьмиЗдесь вне всякого сомнения имеется в виду Фанни Лагден (1797-1879), ученица матери писателя. Фанни Лагден с 1852 г. вела хозяйство Мериме. Близких отношений между ними, по-видимому, не было. Вскоре к ней присоединилась ее сестра Эмма (1799-?), к тому времени овдовевшая. Обе они постоянно сопровождали его в Канны, и Мериме скончался буквально у них на руках.

2

[1] ...самого автора статьиВидимо, речь идет об авторе статьи, предварявшей публикацию 37 писем Мериме к Женни Дакен в «Ревю де Дё Монд». Этот номер журнала вышел 1 декабря 1873 г. Автором статьи был, скорее всего, Эмиль Монтегю (1825-1896), постоянный сотрудник этого издания и видный литературный критик тех лет.

* ...что написал по поводу этого издания Тэн-Статья Тэна появилась в «Жур-на^ь де Деба» 4 и 6 декабря 1873 г.

* ...что происходит в ВерсалеПосле разгрома Коммуны и установления республики правительство и парламент какое-то время заседали в Версале. Женни Дакен имеет в виду происходившие там парламентские дебаты, а также судебные процессы над революционерами.

* Г. Бл... ~ Видимо, речь идет о Фарамоне Бланшаре (1805—1873), художнике-ори-енталнсте, знакомом Мериме и Женни Дакен. Как известно, Бланшар был посредником между издателем и адресаткой Мериме.

3

[1] ...распускаемые газетами.- Имеются в виду статьи в газетах «Корреспондан» и «Голуа», которые ставили под сомнение подлинность опубликованных писем и гадали, кто был их адресатом.

ЖЕННИ ДАКЕН. СОМНЕНИЕ

[4] Мс~с Гор - английская писательница Кетрин-Грей-Френснс Гор (1799-1861), автор популярных в свое время романов. Источник цитаты не установлен.

[%] Леона - под таким псевдонимом Женни Дакен печаталась в журнале «Романтические анналы».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

1803, 28 сентября - Проспер Мериме родился в Париже в семье художника Леонора Меримо.

181 i, октябрь - Мернме начинает учиться в лицее.

1814, Мернме - ученик «Коллежа Генриха IV».

1819, август - Мериме поступает на юридический факультет Сорбонны.

1820, январь - Мериме вместе со своим другом Ж.-Ж. Ампером переводит «Поэмы Оссиана» Макферсона.

1822, декабрь - Мериме знакомится с Анрн Бейлем (Стендалем); читает в кругу друзей свою драму «Кромвель».

1823, апрель — Мериме заканчивает университет; читает литературный манифест Стендаля «Расин и Шекспир».

1824, апрель - Мериме набрасывает план исторической драмы.

1825, май - выходит «Театр Клары Гасуль»; Мериме читает вторую часть книги Стендаля «Расин и Шекспир».

1826 - усиленные занятия славянским фольклором.

1827, июль - выходит «Гюзла».

Бурный роман Мериме с Эмилией Лакост.

1828, январь - Мериме дерется на дуэли с Феликсом Лакостом.

Июнь - выходит «Жакерия».

1829, март - выходит «Хроника времен Карла IX».

Май-ноябрь - Мериме печатает в «Ревю де Пари» ряд произведений, которые войдут затем в новое издание «Театра Клары Гасуль» и в «Мозаику» («Матео Фальконе», «Взятие редута», «Таманго» и др.).

29 сентября - присутствует у Гюго на чтении «Эрнани».

Вторая половина года - Мериме знакомится с С. А. Соболевским.

1830, февраль - печатается новелла «Этрусская ваза».

25 февраля - Мериме присутствует на премьере «Эрнани».

Июнь — печатается новелла «Партия в трик-трак».

27 июня - Мериме уезжает в Испанию.

Июль — революция в Париже, падение Карла X.

1831, февраль - Мериме становится чиновни-

ком морского министерства.

Март — Мериме назначается заведующим кабинетом министра торговли и общественных работ графа д'Аргу.

Октябрь - Мериме получает первое письмо от Женни Дакен.

Вторая половина года - роман Мериме с Селиной Кайо.

1832, август - выходит «Хроника царствования Карла IX» (новое, переработанное издание).

Декабрь — Мериме совершает поездку в Англию.

29 декабря — Мериме первый раз встречается с Женни Дакен.

31 декабря — Мериме переведен в министерство внутренних дел.

1833, апрель - любовное свидание Мериме и Жорж Саид.

Июнь - выходит на печати «Мозаика».

Сентябрь - печатается новелла «Двойная ошибка».

1834, май - Мериме назначен инспектором Комиссии охраны исторических памятников.

Август - Мериме совершает инспекционную поездку по югу Франции; печатается новелла «Души чистилища».

1835, июль — выходят «Заметки о путешествии по югу Франции».

1836, 16 февраля - Валентина Делессер становится любовницей Мериме.

Май - Мериме совершает поездку по Эльзасу.

27 сентября - смерть отца писателя, художника Леонора Мериме.

Октябрь — выходят «Заметки о путешествии по западу Франции».

1837, май - печатается новелла «Венера Илльская»; Мериме совершает поездку по Оверни.

1838, июнь - Мериме совершает еще одну поездку по западу и юго-западу Франции. Октябрь - выходят «Заметки о путешествии по Оверни».

1839, июнь-начало августа - Мериме совершает поездку по югу Франции и на Корсику.

Октябрь-ноябрь — Мериме в Италии, где встречается со Стендалем.

1840, март — выходят «Заметки о путешествии на Корсику».

Июль - печатается повесть «Коломба».

Июль-август - Мериме путешествует по югу Франции и заезжает в Испанию, где становится свидетелем революционных событий.

1841, июнь - Мериме путешествует по Нормандии и Бретани..

Август-декабрь - Мериме совершает большое путешествие по Греции, Турции и Ближнему Востоку.

1842, 24 марта - Мериме с друзьями хоронят Стендаля на Монмартском кладбище. Июль - Мериме путешествует по югу Франции.

1843» июнь - в Париж приезжает г-жа де Монтихо с двумя дочерьми.

17 ноября - Мериме избран в Академию, надписей и изящной словесности.

1844, 14 марта - Мериме избран членом Французской академии.

Март - печатается новелла «Арсена Гийо».

Август-сентябрь - Мериме совершает поездку по юго-западу Франции.

1845, 6 февраля - церемония принятия Мериме во Французскую академию. Август-сентябрь - Мериме совершает поездку по Лангедоку и Провансу. Октябрь - печатается новелла «Кармен».

1846, февраль - печатается новелла «Аббат Обен».

Апрель - Мериме завершает работу над новеллой «11 Viccolo di Madama Luc-rezia» («Переулок госпожи Лукреции»).

1847, сентябрь-октябрь — Мериме совершает поездку по Нормандии и Пикардии. Декабрь

- начало публикации в журнале работы Мериме «История дона Педро, короля Кастилии».

1848, февраль - восстание в Париже, провозглашение республики.

10 декабря - принц Луи-Наполеон Бонапарт избран президентом.

1849, сентябрь - Мериме совершает поездку по Турени, Пуату и Перигору.

1850, июль - печатается пьеса «Два наследства, или Дон Кихот».

Октябрь - Мериме печает свои воспоминания о Стендале.

1851, аргуст - Мериме знакомится с Л. С. Пушкиным.

Октябрь - Мериме совершает поездку в Голландию.

Ноябрь - печатается статья Мериме «Николай Гоголь».

2 декабря — Лун-Наполеон совершает государственный переворот.

1852, апрель - Мериме печатает статью о суде над Либри.

30 апреля — смерть матери писателя, художницы Анны Моро.

26 мая - Мериме приговорен к двухнедельному тюремному Заключению и штрафу за «оскорб-

ление суда».

2 декабря — провозглашение Империи.

Декабрь - печатается пьеса Мериме «Лжедимитрий»; выходит книга Мериме «Эпизод из русской истории: Лжедимитрий».

1853, июнь - Мерные завершает перевод «Пиковой дамы» Пушкина.

23 сентября - Мериме становится сенатором.

Сентябрь-ноябрь - Мериме совершает поездку в Испанию.

1854, 15-16 марта - Англия и Франция объявляют войну России.

Июль — Мериме совершает поездку в Лондон; печатается статья Мериме «Литература и рабство в России».

Сентябрь-октябрь - Мериме путешествует по Баварии и Австрии.

Декабрь - разрыв Мериме с Валентиной 'Делессер.

1855, март-выходят «Письма» Стендаля с предисловием Мериме.

1856, январь - Мерные печатает свой перевод «Выстрела» Пушкина.

Ноябрь - Мериме впервые уезжает на зиму в Канны.

1857, февраль - Мерные' знакомится с И. С. Тур-

геневым.

Июнь - Мериме совершает поездку в Англию.

1858, июнь-октябрь - Мериме совершает длительную поездку по Швейцарии; немецким землям и Австрии.

Сентябрь - выходит первый том Собрания сочинений Брантома с предисловием Мериме.

1859, 3 мая - объявление войны Австрии.

Сентябрь-ноябрь - Мерные совершает поездку в Испанию.

1860, июль - Мериме посещает Лондон.

1861, июль - поездка Мериме в Англию.

Сентябрь - Мериме гостит в Биаррице.

1862, май - Мериме снова в Лондоне.

1863, январь - печатается статья Мериме о Богдане Хмельницком.

1864, июль - Мериме совершает поездку в Англию.

Октябрь - Мериме совершает поездку в Испанию.

1865, февраль - выходит книга Мериме «Казаки былых времен».

1866, июнь — печатается перевод Мериме рассказа Тургенева «Призраки».

Сентябрь - Мериме работает над новеллой «Голубая комната».

1867, нюнь - начало печатания большой работы Мериме о Петре I.

1868, январь - печатается статья Мёриме «Александр Пушкин».

Март - выходит французский перевод романа Тургенева «Дым», отредактированный Мериме.

Май — печатается статья Мериме «Иван Тургенев».

Начало сентября - Мериме завершает работу над новеллой «Локис».

1869, май - выходит сборник р .ссказов Тургенева в переводе на французский язык (переводы Мериме и автора).

Сентябрь - печатается новелла «Локис».

Ноябрь - Мериме завершает большую, статью о Сервантесе.

1870, февраль - Мериме завершает работу над новеллой «Джуман».

19 июля - объявление Францией войны Пруссии.

1 августа - начало военных действий.

2 сентября - разгром французской армии под Седаном/

4 сентября - восстание в Париже, низложение Наполеона 111 и провозглашение республики.

10 сентября - Мериме уезжает из Парижа в

Канны.

23 сентября - смерть Мериме в Каннах.

СОДЕРЖАНИЕ

Проспер Мериме ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ

(Перевод И. В. Кудрявцевой)
¥екст Прим. Текст Upsm,

Письмо	1	*							5	328
Письмо	2	О	в		»		,		6	329
ПИСЬМО	3	д		.	а	а	а	.	8	329
Письмо	4				, .		в		10 •	329
Письмо	5	в	в				в		12	329
Письмо	@	„	О						18	330
Письмо	7		О			о	в		15	330
Письмо	а	«	о	а			в		16	330
Письмо	9		О			а	в		18	330
Письмо	10	*	о						19	330

Письмо	11		„						20	33!
Письмо	12	в							21	331
-Письмо	13	в	,			«О			22	331
Письмо	14		в						23	331
Письмо	15	.	»						25	332
Письмо	16		в	о					26	332
Письмо	17	»	в						28	333
Письмо	18	»	в			0			29	333
Письмо	19								30	333
Письмо	20	,	.	а	а			в	32	334
Письмо	21	,	*						33	334
Письмо	22	в	в						34	334
Письмо	23	о	в						35	335
Письмо	24	,	в			о			37	335
Письмо	25	.	с						38	335
Письмо	28	„	„						40	336
Письмо	27	в						а	42	336

Письмо	28	«				в			44	336
Письмо	29	в				в			45	337
Письмо	30	.	*					0	48	337
Письмо	31		о		а				48	337
Письмо	32	.	*					0	47	337
Письмо	33	»	«						47	338
Письмо	34		в		а				49	338
Письмо	35		•9		а			в	40	338

Письмо 36 , ... - so зза

						в е78	343	иисьмиПисьмо	111 118						
						78	343	Письмо	119						
						79	344	Письмо	120						
						80	344	Письмо	121						
						81	344	Письмо	122						
						82	344	Письмо	123						
						83	344	Письмо	124						
						83	344	Письмо	125						
						84	344	Письмо	126						
						85	344	Письмо	127					л.	

						85	345	Письмо	128							
						86	345	Письмо	129							
						87	345	Письмо	130							
						87	345	Письмо	131							
						88	345	Письмо	132							
						89	345	Письмо	133							
						89	345	Письмо	134							
						90	346	Письмо	135							
						91	346	Письмо	136							
						92	346	Письмо	137							
						92	346	Письмо	138							
						92	346	Письмо	139							
						93	346	Письмо	140							
						94	346	Письмо	14 J							
						95	347	Письмо	142							
						95	347	Письмо	143							
						96	347	Письмо	144			.о				
						96	347	Письмо	145							
						97	347	Письмо	146			«				
						98	347	Письмо	147			в				
						99	348	Письмо	148			«				
						99	348	Письмо	149			*				
		„				99	348	Письмо	150			ft				
						100	348	Письмо	151			«1				
						101	348	Письмо	152							
						102	349	Письмо	153							
						103	349	Письмо	154							

						103	349	Письмо	155			*				
						104	349	Письмо	156			-				
						105	349	Письмо	157			*>				
						106	349	Письмо	158							
						106	350	Письмо	159							
						107	350	Письмо	160			%				
						108	350	Письмо	161			»				
		„				109	350	Письмо	162		V					

Письмо 163 .							Текст138
Письмо 164 .				.			140
Письмо 165 .				.			140
Письмо 166 .				•			141
Письмо 167 .				в			142
Письмо 168 .				•			143

Письма 169 .				.			144
Письмо 170 .				в			145
Письмо 171 .				в			145
Письмо 172 „				о			146
Письмо 173 .	о	в		в			147
Письмо 174 .				.			147
Письмо 175 .				в		.	148
Письмо 176 .				.			148
Письмо 177 о				о			149

Письмо 178 .			”	.			149
Письмо 179 .				.			150
Письмо 180 .				.			151
Письмо 181 .	ф			.			152
Письмо 182 .				.			153
Письмо 183 *				®			154
Письмо 184 .		в		.		»	154
Письмо 185 .	.	о		в		»	155
Письмо 186 .		•					155

Письмо 187 *		О					156
Письмо 188 .	ф	.					156
Письмо 189 .		*			•		157
Письмо 190 .	о	о		е	О		158
Письмо 191 .		.			э		159
Письмо 192 .		в			ф		161
Письмо 193 .		в	.		ф		161
Письмо 194 .		.		®			161
Письмо 195		в					162

Письмо 196 .		в					164
Письмо 197 .	о	о			в		165
Письмо 198 .		•					166
Письмо 199 .		е					167
Письмо 200 .		.	«			ф	167
Письмо 201 .						о	169
Письмо 202 .	*	•		.		•	169
Письмо 203 .	О	.		•		•	170
Письмо 204 .	е	в		.		в	170

Письмо 205 .	,	•		o		.	171
Письмо 206 .	1 °	e		•		.	172
Письмо 207 .	.	•		Ф		.	173
Письмо 208 .	o	o		.		•	174

Письмо 209 .							Текст Прак. 175 371	
Письмо 210 .	.	в	ф	в		.	176	371
Письмо 211 .	в	в		в		.	177	371
Письмо 212 .	.			ф		в	178	371

Письмо 213 .				в		,	179	371
Письмо 214 .							179	372
Письмо 215 .				ф		в	180	372
Письмо 216 .				.		о	181	372
Письмо 217 .	*	в		г\>		в	182	373
Письмо 218 .	»	ф		о		.	183	373
Письмо 219 .	„	в		в		.	184	373
Письмо 220 .	.			.		®	185	373
Письмо 221				в		ф	185	373

Письмо 222 .						ф	186	373
Письмо 223 ,				•	ф	ф	187	374
Письмо 224 .	*			ф		ф	188	374
Письмо 225				ф		ф	189	374
Письмо 226 .		в	ф	.		ф	190	374
Письмо 227 .		в		в		.	191	374
Письмо 228 .		в		*		»	193	375
Письмо 229 .	в	.		ф		*	194	375
Письмо 230 .	.	ф	о	ф		ф	196	375

Письмо 231 .		в		ф		.	197	376
Письмо 232 .	.	ф		ф		ф	199	376
Письмо 233 .	в			ф		ф	200	377
Письмо 234 .	”			ф		.	201	377
Письмо 235 .	,			ф	ф	»	202	377
Письмо 236 .	.	.		.		ф	203	378
Письмо 237 .				»		Ф	204	378
Письмо 238 ,	®			ф	ф	ф	205	378
Письмо 239 .	в			о		.	205	378

Письмо 240 .	.	в		.		.	206	378
Письмо 241 .	.		ф -	ф		.	207	379
Письмо 242 .				ф		ф.	208	379
Письмо 243 .		в		ф		в-	209	379
Письмо 244 .	.			ф		ф	210	379
Письмо 245 .	в			ф	*.	ф	211	379
Письмо 246 .	в	в	ф	*		а	211	389
Письмо 247 .	”		.	ф		»	212	380
Письмо 248 .	о		в	ф	ф	®	213	380

Письмо 249 .				.		ф	214	380
Письмо 250 .	”		в	®		о	215	381
Письмо 251 ,	»		,	ф		ф	216	381
Письмо 252 *			.	в	а	*	217	381
Письмо 253 .	в	.	в	в	„		218	381
Письмо 254 .	*		.	ф	»	*	219	382

Текст Прим. Текст																
Письмо	255 ,	* Э		6			220	382	Письмо 295 ,	О						260
Письмо	256 .						221	382	Письмо 296 .	а		0	,	в		261
Письмо	257	о	в	.			222	382	Письмо 297 .							261
Письмо	258 .	„ в	,	»			223	382	Письмо 298 ,	о			в	.		261

Письмо	259 .	,	.				223	383	Письмо 299 .							262
Письмо	260 .	0 0					225	383	Письмо 300 .	в			,	„		262
Письмо	261 .	0 г	,	.		в	226	383	Письмо 301 „	0			а	а		263
Письмо	262 .	о в	,	,	®		227	383	Письмо 302 ..	в			в	в	э	264
Письмо	263 ,	0 »	,	з	0		228	384	Письмо 303 .	о			0	®	я	265
Письмо	264	0 *	®	0	*		229	384	Письмо 304 .				в	в		266
Письмо	265 .	, «	в	0	г		230	384	Письмо 305 .	0			в	•		266
Письмо	266 <	а -	s	.		,	231	384	Письмо 306 .	о			»			267
Письмо	267.		.	ф			232	384	Письмо 307 .	,						268
Дисьмо	268 .	-	э	в			233	385	Письмо 308 .							269
Письмо	269 >			в			234	385	Письмо 309 .	.						270
Письмо	270 .	, •	•	»			235	385	Письмо 310 .	э						271
Письмо	271 .	, «		а			235	385	Письмо 311 ,	*						271
Письмо	272 .	.	в	®			236	386	Письмо 312 .	0		а				272
Письмо	273 .	, «	е	.	в		237	386	Письмо 313 .	в						273
Письмо	274 .	0 в		9		в	237	386	Письмо 314 .							274
Письмо	275 ,		в	з		0	239	386	Письмо 315 .	0						275

Письмо	276	0 в	,	а			240	387	Письмо 316 .							275
Письмо	277 .		в	,		а	241	387	Письмо 317 .	.						276
Письмо	278 .	, в		0			242	387	Письмо 318 .	в		в	в	в	в	276
Письмо	279 .	,		о			242	387	Письмо 319 .	в			в			276
Письмо	280 ,	. ,		э	в	.	243	388	Письмо 320 .	в						276
Письмо	281 .		о			.	244	388	Письмо 321 .							277
Письмо	282 .			•		s	245	389	Письмо 322 а							278
Письмо	283 .		в	®		в	246	389	Письмо 323 .							279
Письмо	284 .					,	248	389	Письмо 324 .							280
Письмо	285 .	, ,	в				249	390	Письмо 325 .							281
Письмо	286 .	в -					250	390	Письмо 326 .							282
Письмо	287 .	, *	,	.	,		251	390	Письмо 327 .							282
Письмо	288 .		е		0		253	391	Письмо 328 .	0						283
Письмо	289 ,						254	391	Письмо 329 .							284
Письмо	290 ,	9 ©		,			255	392	Письмо 330 .				®		в	284
Письмо	291 ,	. ,		,			255	392	Письмо 331							285
Письмо	292 .		»	в			257	392	Письмо 332 .				.	.		285

Письмо	293 .			,			258	393	Письмо 333 в	,			,			286
Письмо	294 ,	. «					259	393								

Прим,
393
393
394 394 394
394
395
395
396
397 397 397
397
398 398
398
399 399 399
399
400 400 400 400 400
400
401
401
402 402 402
402
403 403 403
403

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ ПИСЕМ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ (иеревод И. Н. Кудрявцевой)

		Текст Прим.	
Письмо	1. Шарлю Де-во	287	404
Письмо	2. Анри Бей-лю	287	404
Письмо	3. Госпоже Лемер	287	404
Письмо	4. Госпоже Лемер	288	405
Письмо	5. Госпоже Лемер	288	405
Письмо	6. Госпоже Лемер	288	405

		Текст Прим.	
Письмо	7. Госпоже Лемер	289	405
Письмо	8. Госпоже Лемер	290	405
Письмо	9. Анри Бейлю	291	405
Письмо 10. Саттону Шарпу		295	405
Письмо 11. Госпоже Лемер		297	406

ПИСЬМА ЖЕННИ ДАКЕН ПЛЕМЯННИКУ (перевод Н. Н. Кудрявцевой)

Текст Примеч.

ПРОСПЕР МЕРИ МЕ

*

ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ

Утверждено к печати Редакционной коллегией

герии «Литературные памятники»»
АН СССР
Редакторы издательства И. Г. Древлянская, Ь. Л. Никифор»# Художники В. Г. Виноградов, С. А. Литваь Художественный редактор Н„ Н. Михайлова Технический редактор И„ Н. Жмуркина Корректоры Е. Н. Белоусова, Л. И. Левашова
Сдано в набор 28.04.90. Подписано к печати 30.0i.yi Формат 70х iOOVie. Бумага типографская № 1 Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная Уел. печ, л. 35,27. Уел. кр. отт. 36,57. Уч.-изд. л. 33,0 Тираж 140 000 экз. Тип. эак. 650 Цена-8
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул„ 90 2-я типография издательства «Наука»
121099. Москва. Г-99, Шубине кий пер., 6
В издательстве «НАУКА»
готовится к изданию книга:

ПЕТРАРКА ФРАНЧЕСКО

АФРИКА
М.: Наука. I полугодие 1991 (1).- 28 л.~ (Литературные памятники).
Франческо Петрарка (1304—1374) прославился как великий лирик Возрождения. Вершина

его творчества - героическая поэма ^Африка» на латинском языке, над которой он работал всю жизнь. Предмет поэмы-война между Римом и Карфагеном, герои ее - Ганнибал и Сципион Старший, в числе эпизодов — запомнившаяся потомкам любовь нумидийского царя Массанис-сы к царице Софонисбе и трагическая смерть Сафонисбы. На русский язык поэма переводится впервые, сопровождается подробным коммен-тарием.

Для широкого круга читателей.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ «АКАДЕМКНИГА» С УКАЗАНИЕМ МАГАЗИНОВ И ОТДЕЛОВ «КНИГА — ПОЧТОЙ» (по состоянию на 01.01.90)

Магазины «Книга - почтой»:

152208 Киев, пр-т Правды, 80а 197345 Ленин-град, ул. Петрозаводская, 7 117393 Москва, ул. академика Пилюгина, 14, корп. 2

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга —■ почтой»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»)

370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»)

232600 Вильнюс, ул. Университето, 4 690088

Владивосток, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»)

320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 («Книга — почтой»)

734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 («Книга — почтой»)

375002 Ереван, ул. Туманяна, 31 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)

420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга —- почтой»)

252030 Киев, ул. Ленина, 42 252142 Киев, пр-т Вернадского, 79 252025 Киев, ул. Осипенко, 17 277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 («Книга — почтой»)

343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»)

660049 Красноярск, пр-т Мира, 84 443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 («Книга —почтой»)

191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2 194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4 220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 («Книга — почтой»)

103009 Москва, ул. Тверская, 19а 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7 630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51 630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»)

142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8

142292 Пущино Московской обл., МР «В»„ 1 («Книга почтой»)

620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиря-ка, 137 («Книга — почтой»)

700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73 700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»)

634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»)

310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)

ПРОСПЕР

ПРОСПЕР МЕРИМЕ * ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ

МЕРИМЕ

ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ